Евгений Краснов

Принц Персии

Часть вторая: «Схватка с Судьбой»

Принцу удалось исправить свою ошибку и заточить Пески Времени обратно в Часы. Он убивает вероломного визиря, возвращает кинжал принцессе Фаре и вместе с персидским войском возвращается в родной Вавилон – всё оборачивается так, словно событий в Азаде никогда и не происходило. Но линия времени не прощает ошибок и прошлое вот-вот настигнет Принца, приговор для которого лишь один – смерть. Дахака, могущественный страж времени, вынуждает Принца отправиться на Остров, где были созданы Пески Времени, в поисках шанса изменить свою судьбу и избежать смерти.

Не делай зла – не будешь в вечном страхе.
Шумерская пословица

Глава 1. Какколуккия

~~*Мысль превозмогает любую тайну.*~~
~~*Судьба превозмогает любую мысль.*~~

Я умираю… Но, пожалуй, меня это уже не тревожит. Не пугает, как несколько дней назад, когда я ещё не мог смириться, когда ещё желал бороться. Кто-то скажет, что я потерял надежду. Я же думаю, что нашёл её. Как может на что-то надеяться человек, если он боится своей жизни, каждого её мгновения, каждого вздоха, и того, что он может быть последним? А что есть смерть, как не часть жизни? Не конец, а часть, которая родилась вместе с нами и сопровождает нас по жизни? Незримо, беззвучно скользит следом (а может и на шаг впереди!), чтобы прийти в тот момент, который начертан судьбой. И важно лишь то, что останется после тебя…

Я не знаю, какова мера жизни и смерти. Может быть, жизнь – лишь вспышка, лишь мгновение. Капля в бескрайнем море непознанного. Но, не прожив её, мы не готовы ступить на ту тропу, которую дарует нам смерть. Тропу спокойную, неспешную, залитую мудростью. Мудростью, что не под стать обычной, земной, которая лишь способна изредка указать следующий верный поворот в бесконечном лабиринте. Смерть рушит эти стены, открывая бесконечный простор, даёт наконец взглянуть на небо, на звёзды, позволяет ощутить себя крупинкой целого мира, а не чувствовать бессмысленность своих блужданий. Даёт вырваться из оков плоти, от которой мы постоянно зависим. Постоянно мучаемся от боли или думаем, как избежать её. И теряем нашу свободу, свободу нашего сознания и становимся рабами тел. И вновь боимся смерти. Боимся того, что не только наше тело, но и наши душа, разум и сознание перестанут существовать. Глупцы! Это не конец, а настоящее великое начало, рождение! Это великое преображение! Сидя в клетке, мы просто не в состоянии узреть тех далёких горизонтов, что доступны сознанию на самом деле.

А, может, я всё же боюсь? И оттого придумываю все эти отговорки? Пытаюсь отвлечь свой разум от телесных страданий? Вероятно, любой умирающий думает так же. Или очень похоже. О чём ещё думать перед смертью, как не о ней самой? Может о своей жизни? О том, что в ней произошло и о том, что могло бы произойти?

Моя жизнь не так уж и велика, чтобы о ней всерьёз размышлять. Почти сорок лет я и не жил вовсе. Учился мудрости по книгам своих предков, готовился к чему-то. Но вот конец близок, а я так и не понял, чего же я ждал. Я не породил ни крупицы собственной мудрости. Вместо того я был всецело поглощён постижением чужой. Теперь я пишу этот дневник. Он станет книгой моей жизни. Возможно, станет, если я найду в нём хоть каплю своей мудрости.

Я вновь боюсь. Меня не бьёт дрожь, мне не хочется кричать от ужаса, но так, как я думаю и пишу сейчас, может писать лишь тот, кто боится. А страшится лишь тот, кто не готов. Не готов принять врага, полюбить его. Очень трудно всем сердцем полюбить нелюбимое. Особенно тогда, когда оно вселяет ужас. Но страх рождается из непонимания. Многие забывают, что всё строится не на страхе, а на понимании и осознании. А из них рождается любовь. Что такое смерть? Прежде всего, это совершенство! Идеал. Незыблемый абсолют. А жизнь – это хаос. Но это не значит, что стоит от неё избавляться. Всему всегда своё время. И хаос жизни вовсе не бессмысленен. На его фоне намного лучше видно созидание. И главный творец – это сам человек. Он создаёт нечто своей жизнью, своей волей. Своим хаосом. Приводя в порядок что-то одно, создавая что-то, человек разрушает другое. Это неизбежно – люди несовершенны. И, проживая свою жизнь в постоянных поисках, скитаниях и ошибках, человек постепенно осознаёт это, возможно незаметно для себя самого.

Отчего нам не дана вечная жизнь? Может оттого, что мы не сможем ей правильно распорядиться? И в самом деле, что произойдёт? Человек, каким бы сильным он не был, рано или поздно погрязнет в хаосе, породившем его. Поэтому должен быть конец. И одновременно новое начало. Для того же нам даны сны. Они похожи на смерть, но они отбирают не наши жизни, а наши страхи, проблемы и даже радость – все наши чувства и мысли. Ничего не должно быть слишком много и лишнее просто смывается, стирается почти без следа, чтобы освободить место для чего-то другого, хотя полностью освободиться от пережитого и придуманного невозможно: несовершенство – наша кара. Наша судьба. И приходит Великий сон, оставляя нам лишь то, что действительно будет нужно там – всё то хорошее, что происходит с нами и, порой, исходит от нас; то, что не стирается снами и почти неподвластно времени. Человек подобен факелу – он ярко светит. Но, прогорев достаточно времени, он порождает слишком много дыма, пепла и черноты. И потому, рано или поздно, он затухает. Как капля воды в фонтане – как быстро бы она не летела вверх, она обязательно упадёт вниз. Дано ли ей подняться

вновь? Если бы это было так, то, пожалуй, мы боялись бы только первой смерти. Умирать во второй или третий раз было бы совершенно не страшно. Но тогда путь к Совершенству был бы намного длиннее и запутанней, и было бы слишком трудно найти его, различить на фоне происходящего.

Но и в жизни человека есть абсолютные, непреодолимые и неотвратимые вещи. Верней всего одна – наша судьба. Она совершенна. В это трудно поверить, ведь мы считаем её жестокой и глупой за всю ту боль, что она нам доставляет в самые неожиданные моменты. Но совершенство судьбы не в том, что она должна угождать людям, а в том, что она – вырезанная на камне тропа для каждого из нас, с которой невозможно свернуть.

Дневник Намтара, запись 1

***

Острая тишина резала слух. Бесконечные лихие удары сердца, пытавшегося вырваться наружу, делали ему больно. Он уже не хотел жить, хотя успел пройти всего лишь несколько шагов. У него в голове вертелся один вопрос: куда эти шаги? Навстречу чему или прочь от чего? И почему светит это бесполезное солнце? Его лучи не грели, они лишь притворялись, что могут дать ему тепло, которое так напоминало ему о потерянном счастье. Потерянном навсегда. А может он его и не обретал? Может, и не было ничего? Всё это ему просто привиделось, да! Всего лишь глупый сон. Сон, который невозможно забыть. И невозможно придумать.

Тишины не было. Ничего не было. В его душе были лишь бессмысленные пустота и боль, сдавливавшие его снаружи. Монотонный гул звенел в его ушах. Это были звуки природы. Такие прекрасные, ласкающие любой слух и радующие кого угодно. Но только не его. Противный гул, состоящий из шелеста листьев, утренних криков птиц, заставлявший повиноваться немому голосу, которым говорила природа, пробуждавшаяся ото сна и радующаяся новому дню, будто новой жизни, лишал жизни его самого. Он чувствовал себя просто лишним. Не только здесь. Везде. Где угодно, куда бы ни ступала его тяжёлая трясущаяся нога. Удивительно, как быстро жизнь пошла на попятную, уступая место душевным мукам, которые словно бы пытались прикончить Принца. Жизнь, которой всё здесь дышало, ушла из его души вместе со всей радостью. Даже из самых потаённых уголков. Он уничтожил её сам секунду назад. В последний раз он глянул в её чёрные глаза. Он любил их. И ему навсегда запомнится эта секунда. В ней было всё: удивление,

любопытство, может даже желание задержать его. Но зачем? Знала ли она, зачем он пришёл к ней в эту ночь? Чтобы вернуть кинжал? Он мог оставить его у себя или попытаться уничтожить. Он шёл, чтобы увидеть её. Пустая бессмысленная надежда манила его, лишая воли и разума. Повинуясь сердцу, он бежал к ней. К этим желанным глазам, которые он, кажется, знал и любил всю жизнь. И наверно никогда не забудет. Но и никогда не увидит. Никогда! НИКОГДА!

Не в силах совладать с собой он закричал.

«Она услышит…» – подумал Принц, а спустя секунду словно бы ответил самому себе: «Пусть слышит – что с того?»

Его тянуло обратно. Казалось, даже сердце бьётся так бешено, что тянет его вверх. Встать, оторваться от боли, что за мгновение вросла в него, как вековое дерево врастает в землю. Да, именно! Он чувствовал себя безжизненным деревом. Сухим. Мёртвым. А его чувства – это всего лишь капли дождя, до которых ему нет дела. Древо уже никогда не зацветёт вновь.

Принц понимал, что ему надо идти дальше. Прочь отсюда, прочь от боли. Но она была повсюду, как ветер, чьи обжигающие порывы обвивали его шею, превращаясь в удавку, которая не душила, а лишь мучила его. Неужели его ошибка неискупима? Он спас сотни жизней, он избавил тысячи людей от мучений. А что он получил взамен? Он получил всю эту боль в подарок. Весь мир вокруг него померк и, казалось, даже его глаза сделались из голубых серыми.

Потерян… Потерян навсегда! Маленькая песчинка, затерявшаяся в пучине. И нет пути назад. И нет пути вперёд. Можно лишь разве что остаться здесь и дожидаться смерти. Может она будет избавлением? Достаточным наказанием за его ошибку?

А, может, нет искупления? Непростительная ошибка? И вечное наказание. Жизнь в боли. Смерть в муках. И никакого покоя после? Никогда… Это слово вертелось у него в голове против его желания, он ненавидел его. Он ненавидел себя. Обезумевшими глазами он метался по сторонам и, попадись ему кто-нибудь, – он попросту схватился бы за оружие и убил. Неважно кого и зачем. Просто убил.

Прилив гнева заставил его встать и побежать куда-то, не разбирая дороги, не думая ни о чём. Ему хотелось добежать до края света и спрыгнуть с обрыва, лишь бы заглушить этот беспощадный поток мыслей. Может быть, там он обретёт свой покой? А что если эта бездна бесконечна? И он обречён на эти вечные муки, будучи даже не вправе распорядиться своей собственной жизнью. Вечно падать, лететь в пропасть, но так и не разбиться. А может нужно забежать ещё дальше? За край

времени? Проплыть против течения и окунуться в первородную тьму, из которой вышло всё, и в которой нет ничего? И тогда не станет его, не станет мучений. Получится будто бы он и не существовал в этом мире никогда. Способен ли человек на такое?

Принц, вдруг, споткнулся и со всего маху упал на землю. И даже тут всё было против него. Он почувствовал, как нывшее колено получает новую порцию боли. Как рука задевает о непонятно откуда взявшийся остроугольный камень. Как рвётся кожа. Как грязная сырая земля забивается в рану. Рука проскальзывает, и он врезается лицом в острую сухую траву и та режет ему лицо, оставляя множество тонких красных полос на нём. Гнев превратился в бессилие, потом в ещё один крик, но по сравнению с предыдущим, этот был просто шёпотом.

Принцу казалось, что его словно бы разделили надвое. Он чувствовал себя целым только рядом с ней. Шаг назад, секунда безразличия и падение. Это было ещё хуже тех мгновений перед её смертью. Те глаза любили его, но тогда ему пришлось с ними попрощаться. А минуту назад она будто бы умерла во второй раз. Но его вторая часть словно бы до сих пор оставалась где-то там.

Им овладевало оцепенение. Принц не мог двигаться. Всё самое худшее и страшное, что он испытал в своей жизни, соединилось в нём сейчас. Ему хотелось рыть землю, на которой он лежал. Беспощадно бросать комья земли в себя самого. В деревья, что радостно шелестели на ветру вокруг него. В ненавистное солнце. В каждый уголок своей души. Может так ему удастся задохнуться и избавиться от мучений?! Гадкое солнце! Он желал ему смерти… Смерти всему живому. Весь мир был ему ненавистен. Он готов был вскочить сейчас и разрубить всё, что попадётся ему под удар меча. Песок, которого он касался лицом, он был готов крошить зубами в пыль.

Принц закрыл глаза. Перед ним проносились моменты из его жизни – многие из них были счастливыми. Когда-то были. Сейчас он был готов схватить любой из них в руки, не раздумывая разодрать в клочья и развеять по ветру. Не в силах сделать этого, он отчаянно бил кулаком по земле. Ещё одно противное чувство пропитывало его – он чувствовал, что ему хватит сил оставаться в сознании ещё не один час, а может даже не один день. Он не мог просто дождаться ночи и спастись сном. А если бы и мог – это было бы не спасение, а очередная мука. Ещё один безжалостный удар судьбы, которая хлыстом била его по бокам, по спине, по всему телу вместе с ненавистным смеющимся светом.

Конец жестокости. Конец гневу. Принц почувствовал, как со случайным резким выдохом он потерял его весь. В нём осталась любовь, но она не грела – она ранила. Она убивала. Медленно, мучительно, почти бесконечно долго. Так, как не может ни один,

даже самый жестокий убийца. Он сам был своим убийцей. Он построил здание своей жизни, увенчав верхушку собственной смертью. Любой шорох сейчас он воспринимал так, будто над его ухом палят тысячи самых мощных пушек.

Он в точности знал, за что ему достаются все эти муки, но не переставал задавать себе один и тот же вопрос: «За что?»

Неужели никогда? Даже секунды? Даже жалкого мгновения счастья? Огромная стена между ними, через которую ему никогда не перебраться. Не взбежать, не перелезть. И даже не разрушить. Абсолютный монолит, любое прикосновение к которому рвёт на куски и без того погибающее сердце.

«А может?» – подумалось ему.

Принц вскочил с земли, выдернул из ножен свой меч, развернул острие к себе и, глубоко вздохнув, закрыл глаза. Так просто. Один резкий удар в трепещущее сердце и конец мучениям! Но, может, что-нибудь ждёт его дальше? Или же будет ещё хуже, чем сейчас? Хотя как может быть хуже? Такую боль уже ни с чем нельзя было сравнить. Он был на пределе.

Прошло около минуты и Принц, будучи не в силах сделать последнее движение, опустил руки и выронил меч. Он не может убить себя. Глупое чувство – ему казалось, будто ещё не пришло его время. Будто кто-то стоял рядом с ним и говорил что делать. Почему это не может быть она?! Что было бы, если бы она оказалась рядом? Та Фара, которую он полюбил. Милое, прекрасное лицо. Знакомое… Нет! Её здесь не будет. Он потерял её навсегда. Он сам ушёл, бросив на прощание шутливую фразу с этим странным словом. Ему почему-то захотелось во всю силу голоса взреветь «Какколуккия!». Но вместо этого из горла вырвался хрип, смешанный с набором едва различимых звуков. И, конечно же, ничего не произошло. Как бы ему сильно ни хотелось этого, слово оказалось совершенно бесполезным.

Дрожь охватила всё его тело. Хлыст, бивший его каждую секунду, ускорялся и ускорялся. А Принц не мог ответить, не мог прекратить страдания. Он мог только усилить их. И даже если он не хотел этого, всё происходило само собой, будто кто-то давно всё решил за него и просто бросал в него острые камни, которые разрезали его душу, впуская туда холодный ветер отчаяния, превращая сердце в такие же острые осколки, испачканные в крови и боли.

И самое ужасное чувство, с которым Принц смирился почти сразу же, но оно пугало его – он и не хочет ничего забывать. Будто это не кто-то, а он сам кидает в себя эти каменья. Радужная полоса в его душе сейчас превращалась в сплошное чёрное пятно, растекающееся по нему, по его венам вместе с кровью, а может и вместо неё.

Принц тяжело и прерывисто дышал. Безумные зрачки бегали из стороны в сторону, в надежде уцепиться хоть за что-нибудь, отвлечься хоть на секунду. Он ненавидел себя, за то, что несколько минут назад он стоял перед Фарой, смотрел ей в глаза и был на вид совершенно спокоен. Почему так? Почему он не мог показать ей свою боль, свою любовь? Он лишь стоял и улыбался. Впрочем, может быть, он всё сделал правильно? Ведь попросту и не было другого пути. Но он всё равно ненавидел себя. Не мог найти никакой причины своих мук, кроме как в себе самом. И Принц чувствовал, что, какими бы сильными они ни были, эти страдания не убьют его. К своему сожалению он оказался сильнее их. Но, как вода точит камень, так и они будут терзать его всю оставшуюся жизнь.

Он нещадно рвал свои потрёпанные рукава – хоть какой-то выброс энергии, скопившейся в нём. Но кажется, это совершенно не помогало. Принц казалось, будто это лишь повод облегчить страдания и отложить поиск нового пути. Если он остаётся жить – ему от этого никуда не деться: ему придётся искать новую дорогу. Может быть, ему придётся прорубить новую тропу в своей душе, но на месте стоять у него не получится. Однако и старый путь забыть он не сможет. Ни забыть, ни выкинуть – он будет манить его вечно.

Принц подобрал брошенный меч, вложил его в ножны за спиной и тоскливо побрёл, озираясь по сторонам. Наверно это мимолётное спокойствие, спустившееся на него, было лишь небольшим перерывом, будто кто-то сжалился над ним и дал передохнуть перед очередной бурей.

Чувство свободы. Оно растекалось по его телу как яд. Кто-то отравил его, добавляя боль к каждому движению, к каждой мысли. Зачем она, свобода? Он не мог найти ответа. Она просто была, существовала в его жизни. Бесполезная, ненужная. Огромный пустырь под небесным сводом. Он волен как птица. Но он не испытывал ничего, кроме разочарования. Принц никогда не справится с этим чувством в груди. Боль, такая, словно его чего-то лишили, спрятали в недоступном месте и не собираются возвращать. И взамен оставили лишь пустоту.

Его глаза безразлично смотрели на небо. Всё произошедшее на балконе превратилось в его сознании в какую-то вспышку, сжалось в одну точку. И эта яркая вспышка мелькала перед его глазами вновь и вновь. Почти не переставая, настолько часто, что превращалась в поток яркого голубого света. Принц где-то в глубине сознания, которое сейчас почти не работало, понимал, что он бредит. Реальность смешалась с чем-то ещё. Ему казалось, что он сходит с ума. И с каждой секундой ему только хуже. Теперь все эти секунды принадлежали ему. Эта и та, что за ней.

И десятки следующих. Сотни, тысячи, миллионы. Как капли дождя, они бесконечно будут сыпаться на него безжалостным потоком.

«Если бы я мог!»

Жизнь окончательно потеряла свой цвет. Пятно… огромное, чёрное пятно. Теперь его не смыть. С ним придётся жить. Им придётся жить. Как же трудно сражаться с самим собой.

Не в силах остановить поток тёмных мыслей, разрывавших его разум, Принц желал лишь одного – погрузиться в прохладное озеро, так, чтобы они замедлились и застыли хоть на мгновение. Ничего подобного он не испытывал за всю свою жизнь и ни за что бы не поверил, что чувства и мысли могут причинять боль сильнее самой глубокой раны. Принц буквально не находил себе места, не видел никакого выхода. И оттого, как бы в противовес всему этому, он придумал это озеро, что погасило бы его мысли. Он даже не знал, как оно может выглядеть, должно ли оно вообще быть из настоящей воды или же его попросту не может существовать, во всяком случае, в этом мире. Возможно, оно могло бы повстречаться ему в мире чистых идей, где мысли материальны, а тел вообще не существует. Но он с упоением представлял, как погружается в него, время останавливается, мысли уходят прочь и всё вокруг превращается в молчаливую, бескрайнюю безмятежность. Тишина застилает не только всё вокруг, но и воцаряется внутри его головы и он не помнит и не слышит ничего. Его перестаёт волновать что-либо, хотя бы на несколько жалких секунд.

Понимая, что он не видит никакого выхода, Принц остановился и вдруг ещё раз вспомнил слово, о котором ему рассказала Фара:

– Какколуккия, – произнёс он чуть слышно, на этот раз совладав со своим голосом.

И, не успел он договорить, как почувствовал, что его тело обволакивает приятная прохлада воды. Лесное озеро взялось из ниоткуда, и он даже не помнил, как оказался в нём. Он словно бы провалился во времени. Что, если он просто нашёл его и нырнул, но не сразу почувствовал его живительное действие, а какое-то время ещё оставался в плену собственных мрачных мыслей? И никакого чуда не происходило, а он лишь потерял их связность?

В любом случае, погружение с головой в эту прохладу наконец-то дало ему то, чего он так жаждал – свободу. От самого себя, от обстоятельств, от совершённых ошибок. И ненадолго даже от чувства утраты чего-то важного и очень сильного. Пожар его мыслей был погашен, до самого последнего уголька. Он ещё разгорится вновь, с удвоенной силой, что будет вновь сводить Принца с ума, но только не сейчас. Он вдруг получил ответы на

все вопросы и почувствовал гармонию с самим собой. Видимо, его разум просто не мог больше выносить эту пытку и просто сдался. И Принц просто висел в воде, ничего не видя и не слыша.

***

Выйдя на берег, он ощущал себя словно бы другим человеком. Принц сбросил тяжкие оковы и наконец-то осознал одну простую мысль: ничего, по сути, не произошло. Не было реальным, в итоге. Только его воспоминания хранили ту действительность, о которой он безмерно сожалел ещё несколько мгновений назад. Но теперь он осознавал, что его отец жив, а сам он может не совершать роковой ошибки во второй раз. И это даже радовало его.

Он старался больше не думать о Фаре. Ему удалось вернуться в лагерь тогда, когда никто ещё не заметил его отсутствия. Персидское войско уже начинало готовиться к битве, но сигнала всё не поступало. Неужели визирь обманул их? Туаммак распорядился выставить дозор вокруг лагеря и ждать. Без сигнала переходить в атаку не было никакого смысла.

Прошло несколько дней, но ситуация так и не изменилась. Войско Шахрамана никак не выдавало своего присутствия, но продолжало ожидание ещё несколько дней, прежде чем на военном совете было принято решение отступить и возвращаться в Персию. Путь войска по-прежнему пролегал через Азад – Шахраман и его военачальники очень заботились о своих армиях и хотели дать солдатам возможность отдохнуть и залечить раны. Несмотря на скромный успех похода, Шахраман считал, что в состоянии задобрить Рифата и преподнести ему достаточно даров и сокровищ. Принц же с облегчением покинул Индию вместе с войском, зная, что Песков на этот раз нет поблизости, и они не смогут нанести никакого вреда. И он не имел ни малейшего понятия о том, как сложится теперь его судьба. Впереди было огромное поле возможностей, он вернул себе нормальную жизнь, хоть и был уже совсем другим человеком.

Всю обратную дорогу Принц пробыл словно бы в забытье, почти не разговаривал с отцом и вообще с кем бы то ни было – он боялся нарушить приятное чувство пустоты и тишины в голове. Тяжёлые, мрачные мысли ещё вернутся к нему – в этом он даже не сомневался – и потому пользовался моментом, наслаждаясь этой безмятежностью.

Глава 2. Новые вопросы

Прошло всего лишь несколько часов с тех пор, как я написал в этой книге первое слово, а я уже чувствую, что одержим ею! Если бы не сильная головная боль, от которой всё перед глазами стало расплываться, я бы даже не делал перерыва. Мыслей в моей голове за всю жизнь накопилось достаточно. Лучше было бы поделиться ими с заинтересованными людьми, но, боюсь, таковых не найдётся. Мой сын, Нергал, моя единственная надежда, вряд ли будет меня слушать. Особенно после того, что произошло между нами только что. Наши отношения нельзя назвать враждой, но и на дружбу отца и сына они уже не похожи. Я, по-отцовски, был готов простить его и даже притвориться, что признаю свою вину. Но, этим я сделал только хуже. Теперь он злится, понимая, что неправота остаётся за ним, а он не способен открыто это признать. Ещё больше его раздражает то, что я на грани смерти, а он всё так же ругается со мной, не стараясь ничего исправить, хотя, пожалуй, самое время. Молодой и горячий, он не в силах признаться в первую очередь себе в своих ошибках. Конечно же, я не держу на него зла и обиды – это попросту глупо и не по-отцовски. Уверен, он тоже не злится на меня, хоть и пытается всячески показать это. Пройдёт время и всё будет по-другому. Но и меня уже не будет. Жаль, что он не разделяет моей веры в совершенство смерти и неотвратимости судьбы.

Дневник Намтара, запись 2

***

С момента возвращения из Индии Принц постоянно чувствовал, что его что-то гнетёт. Сны его были тревожными, порой он чувствовал неподдельный ужас. Объяснения этому он не находил. Это явно не было связано с потерей Фары – он чувствовал, как к нему подбирается тьма. Он не понимал её природы, не представлял её формы, но чувство было таким, что каждую секунду казалось, что сейчас что-то произойдёт. Кроме страха Принц испытывал ещё кое-что – то самое чувство, в первые мгновения после открытия Песков Времени. То, как они проникали в него, вытаскивая на свет что-то из самой глубины души. Что-то тёмное, холодное… То, что захватывает его изнутри, подчиняет своей воле, словно какое-то чудовище, которое росло внутри него. Он помнил слова Фары, как она говорила, что внутри Песков живёт ужасный зверь. Быть может, это он поедал его изнутри? Лишал привычных чувств, менял характер, подменял

ощущения и вселял постоянную тревогу? Что, если это обычный отпечаток для человека, близко столкнувшегося с Песками? Почему тогда он не превратился в монстра в ту злосчастную ночь? Не превращается ли он в него сейчас? Так много вопросов преследовало Принца. Иногда они как рой ос налетали на него и оставалось только бежать. Во снах этот рой соединялся в тёмное пятно и преследовал Принца повсюду, укрыться было невозможно нигде. Секунда передышки – и снова бегство. И самое главное – Принц не знал, что с этим делать. Он так мало знал про Пески, он совершенно не понимал их природы. Единственный человек, который имел представление о них – умер. Визирь-предатель, Амар, убитый рукой Принца. Ему была доступна даже магия Песков, он что-то знал о кинжале. Может быть, он даже представлял, откуда взялись эти самые Пески и как они оказались в сокровищнице индийского Магараджи. Пожалуй, был ещё один человек – отец Фары, кто мог бы пролить свет на все эти вопросы. Но поговорить с ним было просто невыполнимой задачей. После несостоявшейся битвы за город персы ушли из Индии, но противостояние не закончилось. Два государства были в состоянии постоянной войны, хотя прямых стычек было мало. И Магараджа предпочёл бы умереть, нежели рассказать нечто столь важное и сокровенное врагу.

Перебирая в голове всевозможные варианты, Принц день ото дня не мог нормально уснуть, его мучали головные боли. А самым печальным было то, что он не мог ни с кем поделиться. Его приняли бы за сумасшедшего, ведь история, которую он мог поведать, была настолько невероятна, что в неё никто в здравом уме и не поверил бы. А его отец не видел сына в бою и не знал, на что он способен. Порой Принцу начинало казаться, что всё это действительно было лишь сном и ничего не происходило на самом деле. Но этого не могло быть! Он не хотел верить в такой вариант событий.

Человек – существо, устроенное очень странно. Казалось бы, Принцу удалось буквально выйти сухим из воды, исправив грандиозную ошибку. Ему стоило бы поскорее всё забыть, как дурной сон и радоваться нормальной жизни. Да, ему придётся смириться с одной неизбежной потерей, но, по крайней мере, она хотя бы жива! Взгляд Фары перед смертью запомнится ему навсегда. В нём не было обвинений или обиды. Лишь пронзительная печаль, смирение перед неизбежностью и безмерное сожаление о том, что всё закончилось именно так. Теперь же их нет, его Фара действительно умерла. И от всех этих событий у Принца остались лишь гнетущие воспоминания. Дни, которых никогда не было, превращали реальность в дурной сон. Такой, от которого он мог забыться лишь сном настоящим, в те

редкие ночи, когда ему удавалось уснуть. Но и тут его преследовали воспоминания. События перемешивались в странную массу из противоречивых и словно бы поддельных образов. Лишь одно из них было настоящим, таким, каким Принц его запомнил: странное видение, которое открыло ему песчаное облако на балконе, возле тронного зала Рифата. Но он не помнил его. Каждый раз, когда Принц входил в это облако, он мгновенно просыпался, и это ни на шаг не приближало его к разгадке.

Забытое видение казалось Принцу важным ещё в Азаде, оно давало какую-то странную надежду, он искал в нём ответы, а смутные образы сулили решение всех проблем. Каким-то чудесным образом оно должно было всё объяснить, соединить все нити и события воедино. Сейчас же жажда этого знания усилилась трёхкратно и глодала Принца день ото дня. И сильнее всего его мучила кажущаяся близость разгадки, стоило только протянуть руку, нащупать дорогу в пустоте и вот он, ответ! Но ничего, кроме странных оранжевых пятен и дрожащего воздуха он так и не мог вспомнить. И, на самом деле, он всё больше отдалялся даже от тех жалких обрывков воспоминаний, что были у него об этом видении. Он забыл о том, что видел какой-то фонтан, чьё-то лицо и помнил лишь о том, что каким-то чудесным образом Пески вылечили его раны. Зная их истинную сущность, сейчас он считал это невероятно странным и непонятным. Но, как бы это ни было неприятно осознавать, окажись у него сейчас кинжал, он мог бы хотя бы попытаться вспомнить ещё что-то. И тогда, получилось бы, что Пески принесли бы ему пользу?

Все его мысли сводились лишь к одному – он должен как-то вернуть всё назад ещё раз. Он должен найти способ снова воспользоваться Песками и, уже зная, что его ждёт, попытать удачу вновь! Безумная идея, которая ему совершенно не нравилась. Но, чем сильнее он гнал её прочь, тем крепче она въедалась ему в голову. А меж тем, у него не было вообще никаких зацепок. Лишь странная книжица на неизвестном ему языке. Ни один из учёных мужей во всём Вавилоне не смог подсказать Принцу, что же в ней написано и что за странные символы были изображены на первом и последнем её листах. На первом было три вытянутых треугольника, напоминавших элементы письменности – клинья, подобные выдавленным палочкой на табличке, – которые были обведены широкой круглой линией. Поверх линии было нарисовано два небольших кольца и весь символ был как бы прошит вытянутым знаком, вроде шпиля или гвоздя. Второй же изображал полумесяц, концами повёрнутый вниз, над которым был расположен небольшой круг. И оба совершенно никак не проясняли ничего,

связанное с происхождением самой книжицы и написанным в ней.

Долгими вечерами, а порой и ночами, когда бессонница одолевала его сильнее обычного, Принц рассматривал её страницы, каждый символ, искал хоть какую-нибудь зацепку, маленькую подсказку. Но тщетно – таинственные записи продолжали упорно молчать. По стилю написания они напоминали чей-то дневник или краткую летопись. Или, может, корабельный журнал. Но, пожалуй, в последнем случае, бумага неизбежно была бы в пятнах от солёной воды, однако страницы были чистыми. Они даже толком не истрепались, и лишь пара уголков замялась, видимо от длительного ношения в кармане. Единственное, что знал о ней Принц, это то, что она принадлежала визирю, хотя и не представляла для него большой ценности – он даже не пытался вернуть её себе. Хотя, может быть, лишь оттого, что уже знал её наизусть? Но она не была похожа на книгу заклинаний или ритуалов – записи были слишком пространными, разделёнными на крупные блоки, которых Принц насчитал около сотни. В начале этих записей было две строки, которые были почему-то перечёркнуты. Последней же значимой деталью в книжице было то, что перед изображением второго символа было вырвано две страницы. Сделано это было достаточно аккуратно, но всё же не настолько, чтобы не заметить этого при внимательном изучении. Какую правду хотел скрыть некто, сделавший это? Что если на них был ключ ко всем этим записям? Всё это вновь напоминало Принцу об утраченном, забытом видении – он возлагал на него те же самые надежды. Он ожидал, что оно объяснит все остальные события тех дней, которые для него были такой же загадкой.

А между тем, по прошествии времени и по мере того, как Принц вспоминал и осмысливал всё произошедшее, вопросов у него появлялось всё больше. Его путь от тронного зала был наполнен множеством странных встреч, необъяснимых происшествий и не слишком приятных сюрпризов. Пески сами по себе вызывали меньше всего вопросов – их природа была более-менее понятна Принцу, он прочувствовал её сполна, вкусил сладкий плод запретного знания и горечь от потери всего важного и дорогого. Но то, как они влияли на других людей и какие события они порождали… Многое просто не поддавалось никакому объяснению. Например, откуда визирь знал так много о Песках, почему они слушались его, признавая хозяином? Чего он хотел достичь, повелевая ими, пойдя на такие разрушения и жертвы? Или это Пески управляли им, лишив собственной воли? Принцу была крайне неприятна такая трактовка мотивов Амара. Он был кем угодно, но не жертвой обстоятельств. И всё же,

подобный вариант не был абсолютно исключён. Принц также отмечал, что большой удачей было то обстоятельство, что кинжал так и не попал в руки визирю – очевидно, без него он не мог воспользоваться и половиной могущества Песков Времени. Он определённо не случайно так страстно желал заполучить его. Что бы произошло тогда? Хотя, пожалуй, ответа на этот вопрос он вообще не желал знать.

Но, хоть Пески и умели лишь отбирать жизнь, один раз произошло и нечто совершенно иное – Эссен, который был убит на глазах у Принца, внезапно ожил! Но он перестал походить на самого себя, с ним явно было что-то не так! Их схватка была очень странной, он не говорил, как обычно прямолинейно, а наоборот, сплошными загадками и недомолвками. Что это вообще было такое? У Принца даже не было времени спросить его о чём-нибудь. В тот момент его разум больше занимала Фара и то, что произошло между ними полчаса назад. Его одолевали странные видения, подозрения. Она просто исчезла, вместе с кинжалом, и они даже не успели объясниться. Что из всего случившегося вообще было реальным, а что нет? Он запомнил лишь её весёлую улыбку и нежный поцелуй – неужели они были ненастоящими? И только теперь, обдумывая случай с Эссеном, Принц вспоминал, что тот тоже говорил о Фаре. Несмотря на все сопутствующие странности, это было вполне в духе Эссена – открыто высказывать недоверие к возможному врагу.

Принц тоскливо вглядывался в красную пустыню, окрашенную закатом. Он знал, что впереди у него очередная бессонная ночь, новые блуждания в лабиринтах собственной памяти. Он был пленником собственного разума, прошлое (если можно его было так назвать) довлело над ним. И раз за разом он не находил ответов, а лишь закапывался всё глубже, находя в своих воспоминаниях новые детали. И со временем он даже перестал понимать, были ли они правдивыми? Единственным ответом на всё могло быть лишь… повторение этого кошмара. Теперь эта мысль уже не казалась ему столь отталкивающей и нелепой. Он цеплялся за неё, как за спасительную тростинку, зная, что на утро, после непродолжительного и беспокойного сна, он вновь отринет её. Уже в который раз.

Скорее всего, Пески поглотили Эссена, может не полностью, но превратив его в одно из этих чудовищ. Но почему же в чудовище не превратился он сам? Иногда ему казалось, что Пески так глубоко внутри него, что он ничем не отличается от песчаных монстров. Тьма поселилась внутри него и не ушла обратно даже после запечатывания Песков Времени.

Для чего вообще кто-то создал их? Ведал ли он, что породил? Может быть, он искал вечной жизни? Что ж, в таком случае,

достигнутый им результат оказался несколько отличным от желанного. Вечная, но вот жизнь ли? Какая радость коротать вечность, будучи песчаным чудовищем? Которое, как Принц успел убедиться, может в любой миг рассыпаться в пыль. Вечными были только сами Пески, но стать их частью вряд ли было завидной и желанной участью. И в итоге, пусть и созданные ради благой цели, Пески сеяли вокруг лишь смерть и разрушение. Интересно, что станет с миром, если они поглотят его целиком? Из того, что Принц успел повидать, ему оставалось лишь заключить, что они стремятся уничтожить не только всё живое, но и вообще весь материальный мир. В последние часы этого кошмара один отдельно взятый город начал превращаться не просто в руины, а буквально терять всякие очертания – земля уходила из-под ног или взмывала к небесам.

Ещё визирь говорил Принцу что-то о Дахаке. Это был могучий страж времени, обе встречи с которым не принесли ему какого-либо вреда. В первый раз он напал на самого визиря – значит, тот тоже нарушил что-то? Например, эти его фокусы со временем и солнцем – не это ли привлекло и разозлило зверя? Во второй раз он убил Эссена и тот погиб уже во второй раз, кажется окончательно, на тот момент. Какова была роль Дахаки во всём этом? Какую цель он преследовал на самом деле, если не принимать во внимание лживые угрозы визиря? Возможно, даже это ему удалось бы выяснить, вернись он обратно в Азад, в ту самую ночь. И, возможно, ему удастся оставить эту тьму в его душе где-то там, изгнать её обратно. Иначе во что она превратит его, поселившись в нём надолго? Другие люди были лишены памяти о произошедшем, но только не он. Принц чувствовал, как Пески продолжают сочиться в его душу через воспоминания. И лишь затяжной багряный закат давал ему странную надежду, что он может угнаться за своей туманной целью, несбыточной, почти глупой мечтой.

Такой же глупой, как и попытки избежать её. Например, Принц множество раз представлял себе, как он будет каждую ночь пробираться в покои к Фаре и рассказывать ей истории, одна невероятнее другой. И она будет слушать его с восхищением, не будет прогонять или звать стражу. Она начнёт доверять ему и, может быть, даже откроет ему своё сердце вновь. И даже поверит в ту самую историю, единственную, которую он не выдумал. Это будет хранить мир в его душе, приближая его к мечте. И надежда будет жить, покуда не иссякнут эти истории, а ему не придётся переживать заново весь этот кошмар. Но каждый раз он быстро понимал, насколько это всё глупо и нереально.

Проводив солнце, Принц отправился в свои покои, без особой надежды на мирный сон, даже несмотря на то, что он порядком

устал. Его мысли снова завели его в тупик, он не видел выхода, даже несмотря на своё тайное знание. Оно было бесполезным, сила, что лишь тяготила его и делала только слабее, буквально вытягивая из него все соки. В этот момент Принц желал лишь одного: снова искупаться в том озере, что дало покой его мыслям хотя бы на какое-то время.

***

Наутро Принц почувствовал небольшое облегчение – мрачные мысли рассеялись за ту часть ночи, что он всё-таки спал, и ещё не успели сгуститься над ним вновь, подобно грозовым тучам. Шахраман был занят разговорами с военачальниками – самого Принца он всё ещё не воспринимал всерьёз, хотя тот много раз просил отправить его в дальний поход – и ему не удалось поговорить с отцом, поэтому Принц бесцельно направился в сады. Вид зелени и цветущих деревьев привносил покой в его мысли, упорядочивая их, пусть и ненадолго. Ароматы, что витали в воздухе, напоминали ему о детстве, которое он провёл, вдоль и поперёк изучая эти места. Висячие сады Вавилона – величайшее из чудес и он, даже спустя столько лет, был очень рад жить рядом с ними и не переставал удивляться их красоте.

Полуденная жара постепенно вступала в свои права и Принц, чуть утомившись от длительной ходьбы, присел на мраморную лавку в тени густого дерева. Холодный камень приятно морозил кожу, даже сквозь одежду, и Принц решил провести здесь ближайшие полчаса. Возможно, скоро его отец освободится, и они смогут поговорить – Принц решил расспросить его о своей матери. Потеряв любимого человека, он открыл для себя новые грани чувств и понял, что и его отец, должно быть, когда-то пережил эту страшную боль утраты. Им, наверняка, будет что обсудить, хоть Шахраман и не знает о том, что творилось на душе у Принца. Но он был уверен, что сумеет удержать разговор в нужном русле и не вызовет лишних вопросов.

Принц откинулся назад и провёл ладонью по камню. Удивительно, как долго он держал в себе ночную прохладу! Каждое прикосновение дарило… И тут Принца, как стрела, пронзила странная догадка. Всё это время он водил рукой по барельефу на обратной стороне лавки, не видя, что изображено на нём. Но ему удалось почувствовать его форму руками. Кажется, это был… – Принц вскочил с места и посмотрел на свою находку – тот самый символ, с первой страницы книжицы! Клинописный знак в круге, с двумя кольцами снизу. Сходство

было не отдалённым, а потрясающе близким, буквально один в один! Почему он никогда не видел его прежде? Но, пожалуй, он действительно был хорошо скрыт от посторонних взглядов, даже самых пытливых.

Но откуда он взялся здесь? Символ определённо не появился за одну ночь и даже не месяц назад! Ему срочно нужно поговорить с кем-нибудь. И, не теряя ни минуты, Принц бросился во дворец, расспрашивать старейшин, советников отца, включая главного из них, с титулом «глаз царя». Но всё было вновь безрезультатно – каждый из них разводил руками, глядя на рельефный рисунок. Принц буквально за руку привёл всех, кто мог быть хоть чем-то полезен, в сад, заставляя уделить внимание своей находке. Он давал каждому из них в руки книжицу с тем же символом и подолгу не отпускал, приставая с расспросами. Когда во всём дворце не осталось уже никого, кто мог бы ему помочь, Принц отправился в город и провёл три дня на улицах Вавилона, цепляясь за каждый шанс. Он переговорил со множеством старцев, стражей города, с заезжими купцами, судьями, главами самых старых и почитаемых семей города и даже с совершенно случайными людьми. Но всё тщетно. Многовековые мудрость и опыт не позволяли целому городу ответить, по сути, на один-единственный вопрос. Вавилон был бессилен помочь Принцу, и мысль о том, чтобы вернуться в ту самую ночь вновь перестала казаться ему такой уж неудачной. Если он не мог найти ответа здесь, то обязательно отыщет его в другом месте!

***

Противостояние с Индией усилилось, и Шахраман дни напролёт проводил на совещаниях со своими генералами и военными советниками. У него до самой ночи редко находилась хотя бы минутка для отдыха, и Принцу долгое время не удавалось поговорить с ним. Вряд ли его пустые расспросы могли быть важнее государственных дел – Принц отлично понимал это. Но теперь, после своей неожиданной находки, он искал встречи с отцом постоянно. Он не надеялся узнать ответов, он хотел лишь проститься с ним. Если целый город, ослепительный в своём величии Вавилон, не может дать ему ответов, то ему нет места здесь, и он найдёт ответ где-то ещё. Кроме того, Принц опасался, что скоро он будет так или иначе вовлечён в открытую войну с индийцами, а этого он желал менее всего.

Их встреча состоялась на закате, когда Шахраман, утомлённый многодневными советами и постоянными думами, вышел на широкий балкон, чтобы просто посмотреть на закат. Принц, стоявший позади него, несколько минут молчал и не

решался подойти. Он думал о том, что эту странную привычку вглядываться в вечернюю даль он перенял от своего отца. И о том, что ему придётся лгать.

– Добрый вечер, отец, – сказал, наконец, Принц. Его голос дрожал и Шахраман заметил это. Но неверно истолковал. Он, конечно же, заметил, что нечто гнетёт Принца уже долгие недели и подумал, что тот, наверно, решился поговорить об этом. Шахраман считал, что Принц, вероятно, очень сожалеет, что ему не удалось проявить себя в настоящем сражении и ему тесно в этом городе.

– Приветствую тебя, сын, – со вздохом ответил Шахраман. Он не знал, с чего лучше начать этот разговор.

– Что происходит? Ты днями пропадаешь на военных советах. Всё настолько серьёзно? – начал Принц. Он не стал переходить сразу к той теме, что интересовала его больше всего.

– Я рад, что ты спросил. Наше вторжение имело огромные последствия. Враг сохранил силы и жаждет мести. Бессмысленно нападать на Персидскую Империю – в открытом бою моей армии нет равных. Но индийцы избрали иную тактику: то и дело на окраинах вспыхивают мятежи, в самых непокорных регионах. Их отряды почти неуловимы, но цепочка незначительных, казалось бы, событий, ведёт к краху власти царя во всех окраинных сатрапиях! – рассказал в ответ Шахраман.

Он приготовил для Принца предложение, которое должно было, по его мнению, заинтересовать и приободрить сына.

– И что ты планируешь сделать? – поинтересовался Принц.

– Отправить туда отряд воинов, умеющих вести скрытую защиту. Незаметных, сильных и невероятно выносливых. И, главное, я хочу, чтобы ты был частью этого отряда! – поведал ему Шахраман. Он давно вынашивал эту идею и знал, что у Принца достаточно талантов, чтобы справиться с такой задачей и даже преуспеть в ней.

– Я? Но…, – удивлённо протянул Принц.

– Конечно! Я вижу, как ты томишься здесь, в городе. И первый твой шанс показать себя в битве был упущен. Теперь же ты сможешь с лёгкостью всё наверстать, – пояснил Шахраман.

– Возможно, – неуверенно проговорил Принц, думая о чём-то своём. Он и вправду желал наверстать упущенное, но его отец и не догадывался, что они с сыном имеют в виду совершенно разные вещи.

Шахраман посчитавший такую неоднозначную реакцию Принца за положительный ответ, добавил:

– Вы отправляетесь через пару дней, после заката. Кони уже готовы, мои слуги помогут собрать тебе самые необходимые вещи. Кроме того, можешь выбрать любой меч из моей

коллекции. Или даже два – я не знаю, каков твой стиль в бою – решать лишь тебе.

Принц слушал отца, но часть слов проплывала мимо него. Он не совсем ожидал подобного поворота событий, но видел в этом и определённые плюсы – ему не придётся (практически) лгать и устраивать побег. Но, в конце концов, его цель будет совершенно иной.

Шахраман же, тем временем, вовсю продолжал рассказывать детали предстоящего похода:

– С вами отправится Хараз, один моих вельмож. Он – мастер вести переговоры на местах и хитростью или силой добиваться своей цели. Такой человек вам определённо будет полезен. Он же будет решать, как вам действовать в любой из ситуаций. С остальными членами отряда ты познакомишься на месте, во время путешествия.

Принц, отвлёкшись, наконец, от раздумий, спросил отца:

– Почему ты идёшь на такие необычные меры?

– Враги ждут от меня того, к чему они привыкли – Персия на любую угрозу всегда отвечала силой. Но теперь пришло время военных и дипломатических хитростей. Я хотел бы, во что бы то ни стало, защитить свою империю и народ. Поэтому именно тебе и таким как ты я доверяю такую сложную и необычную миссию, – пояснил Шахраман.

– А что тогда для тебя Вавилон? – спросил Принц.

– Он – сердце моей страны, и покуда оно бьётся – Персия будет жить. Но сердце не будет здоровым, если больны другие части, – ответил Шахраман.

– С такой любовью к нему, ты, должно быть, знаешь каждый его уголок? Ты распорядился разбить висячие сады, ты начал строительство великой Вавилонской башни, ты…, – Принц попытался перевести тему разговора.

– О, ты несколько ошибаешься! Вавилон – гораздо больше, чем я или ты. И заметно старее нас всех. Это очень древний город и отнюдь не я распорядился разбить эти сады. Когда-то они были частично разрушены, и я лишь восстановил их, сделав чуть прекраснее. Но начало всему этому было положено задолго до меня. То же самое, кстати, касается и башни – она строится не первую сотню лет, некоторые старцы всё ещё называют ещё рукотворной горой. Я знаю лишь легенду о том, что когда она будет достроена, то любые напасти и беды будут обходить Вавилон стороной. Никто и ничто не посмеет нанести вред этому поистине великому чуду!

Принц был сильно удивлён услышанному, но, с другой стороны, оно многое проясняло. Теперь ему было понятно, почему никто в целом городе не знал ответа на его вопрос. Те

люди давно умерли и унесли с собой все тайны. Ему лишь оставалось надеяться, что он отыщет место, откуда они пришли; найдёт ещё хоть какие-нибудь следы, оставленные ими.

И тут Шахраман, без лишних вопросов от Принца, вдруг сказал:

– Лишь твою мать я любил сильнее, чем этот город…

Принц повернулся и поглядел на отца. Тот же отстранённо смотрел куда-то вдаль.

– Какой она была, отец? – спросил Принц спустя полминуты. Он не ожидал, что этот разговор вообще состоится, а теперь был удивлён ещё и тому, какой отклик в его душе он произвёл.

По Шахраману же было видно, что предыдущие слова дались ему нелегко, но, тем не менее, он ответил:

– Ради неё я был готов завоевать полмира.

– И ты сделал бы что угодно, чтобы защитить её? – продолжал расспрашивать Принц, чувствуя, как в нём кипят эмоции, заставляя дрожать его голос.

– Что угодно, – уже буквально с надрывом в голосе ответил ему отец.

– А ты бы хотел вернуть её? – не в силах остановиться, задал новый вопрос Принц.

Повисла пауза. Шахраман был не в силах сдерживаться, и скупая слеза пробежала по его щеке. Принц заметил это и услышал единственно возможный ответ:

– Даже если бы мне пришлось повернуть время вспять и перевернуть весь мир вверх дном – да! Нет такого безумия, на которое я бы не решился, чтобы вернуть её… Но я…

Его голос треснул на середине фразы. Но Принц услышал всё, что хотел. Эти слова вытеснили из него последнюю каплю нерешительности. Он не разделял так сильно чувства своего отца, ведь своей матери он даже не видел, но понимал их он прекрасно, потому что испытывал то же самое к Фаре. Как вообще возможно, что тот кошмар, что он пережил, самые худшие моменты его жизни оказались одновременно и самыми лучшими, самыми желанными?

– Прощай, отец! И не нужно больше слов, ты сказал достаточно, – выдавил, наконец, Принц. Ему действительно было вполне достаточно этого последнего признания отца, чтобы наконец-то ясно увидеть свою безумную цель и пойти к ней.

– Прощай, – ответил Шахраман, так и не решившись раскрыть страшную тайну. Он лишь знал, что вряд ли сможет сегодня уснуть. Но и в этом их с Принцем судьбы были похожи – оба были виноваты в смерти любимого человека.

Глава 3. Тень прошлого

Приступы повторяются всё чаще… Невыносимый гул в голове, слабость в руках и ногах, а затем темнеет перед глазами и я подолгу лежу в полузабытьи. Этой ночью я так и не сомкнул глаз. Пульсирующая боль в висках попросту не давала сделать этого.

Дневник Намтара, запись 3

***

Отряд покинул Вавилон в назначенный день, лишь только ночь бросила тени на пески пустыни и прохлада пропитала горячий воздух. Почти никто в городе не знал о настоящих целях отряда и обо всех, кто в него входил – путники покинули Вавилон порознь и лишь после этого встретились в условленном месте. И уж тем более никто не догадывался о настоящих целях самого Принца. Но осуществление своего плана он собирался на некоторое время отложить – он не мог просто покинуть отряд и ослушаться отца. Ему нужно было выбрать момент, удобный случай. А для этого сначала необходимо было присмотреться к ситуации и привыкнуть к новой жизни.

Отряд перемещался по ночам, спасаясь от дневной жары и сохраняя свои передвижения втайне. Днём путники укрывались в пещерах, скалах или брошенных жилищах. Хараз иногда отлучался и порой отсутствовал по нескольку дней. Он действовал по только ему одному известному плану и все предпочитали не задавать лишних вопросов – он был их проводником и командиром, назначенным самим Шахраманом. И несколько раз его вылазки буквально спасали жизнь членам отряда – этим он ещё и заслужил их уважение, сведя на нет все сомнения и подозрения.

Из всех солдат, Принц более всего был дружен с воином по имени Иман. Ему было около тридцати, он был гораздо опытнее Принца, хоть и не обладал такими же ловкостью и техникой боя. Иман прошёл через множество сражений и полагался не только на свои боевые навыки, но и на весь свой опыт в целом – он обладал каким-то чутьём в выборе пути. Он рассказывал Принцу о прошлых битвах, они тренировались в боях, очень близких к настоящим – если только не было опасности, что шум выдаст их.

Иману зачастую не хватало красноречия, чтобы сделать свои рассказы по-настоящему яркими. Причём, Принц порой ощущал, что его мысли куда богаче, ему просто сложно облечь их в словесную форму. Иногда его боевому товарищу удавалось

удачно воспользоваться линией разговора и рассказать чуть больше, чем просто об очередном сражении. Он словно бы пытался подвести итог своей жизни, тому пути, что он прошёл, хотя и получалось у него это всё равно достаточно неуклюже. По его словам, проходя битву за битвой, он словно бы становился ещё на один шаг ближе к некой великой цели, которая преследовала его во снах, но не имела никакой чёткой формы. Стоило ему приблизиться к ней достаточно близко, чтобы, наконец, рассмотреть её, как всё вокруг застилал яркий свет и он просыпался. Эта тайна несколько мучила его, но он был полон решимости продолжать свой путь и не сворачивать с него.

Ещё одной чертой, присущей Иману, было желание как можно реже убивать людей. Он предпочитал победы другого рода, когда врага достаточно было запугать или убедить, обернув ситуацию в свою пользу. Ну, или, в крайнем случае, ранить, но не смертельно. Однако же, когда в убийстве была необходимость, его рука ни разу не дрогнула и он никогда ни в чём не засомневался. «Значит, таков мой путь», – верил он.

Более других из отряда держались стороной Мадид и Найзир, которые часто отлучались вместе с Харазом. Они были кем-то вроде его телохранителей, тенью следовавшие за своим хозяином. По возвращению они предпочитали особенно не распространяться о деталях очередной вылазки, сообщая только самое необходимое. Во время пути, находясь в отряде, они были крайне неразговорчивы и даже между собой общались достаточно редко.

Когда путники добрались до первой точки своего маршрута, отряд разделился на несколько частей, живя в подполье у верных Персии людей, совершая вылазки для убийства бунтовщиков или индийских засланцев, сеявших смуту. Со временем Принцу стали понятны мотивы его отца и почему он тайно отправил такой небольшой отряд вместо крупной армии. Появление персидского войска могло сыграть обратный эффект и усилить народные волнения. Местные предпочитали жить так, чтобы их практически не трогали – мало кто из них признавал Шахрамана своим царём, а Персию – своей страной. Поэтому отряд продолжал перемещаться из города в город, убирая ненужных людей, решая местные конфликты и всё так же не проявляя себя. Чаще всего об их присутствии никто даже и не подозревал.

Хараз с каждым разом пропадал всё на больший срок и со временем вообще практически исчез, появляясь не чаще раза в два-три месяца. Вместо себя он присылал Навида – он, в некотором смысле, присоединился к отряду примерно спустя полгода и был одним из местных. Он не вызывал ни у кого подозрений, притворяясь не то бродягой, не то наёмником, но в

действительности был верен Вавилону. Новости, которые он приносил отряду, всегда были хорошими – он либо рассказывал им об успехе очередной тайной операции, либо о следующей точке в их маршруте. Никто не знал, где он проводит остальную часть времени, но Хараз лично убедил каждого в том, что Навиду можно доверять не меньше, чем ему самому. Однажды Принцу удалось подслушать обрывок их разговора, из которого он понял, что Навид зарабатывает себе имя и Хараз обещал ему замолвить за него слово. Это открывало ему путь в Вавилон, город его мечты. И, вероятно, поэтому он продолжал исполнять свой долг с особым рвением и находил способ донести очередную благую весть даже тогда, когда это было практически невозможно.

***

Со временем даже Навид стал показываться очень редко. Отряд почти не перемещался и в его жизни наметился определённый застой. Дни проходили бесцельно и воины томились от тоски. Со временем они приняли решение разделиться и открыть себя людям. Появляясь группами по два-три человека, они не вызывали особых подозрений и недовольств. Они старались нигде не задерживаться подолгу, прикрываясь рассказами о пустяковых поручениях из Вавилона – повсюду в них сразу же узнавали чужаков. Они договорились об определённом маршруте, так, что всегда хотя бы один человек оставался там, куда может вернуться Навид или Хараз.

Принц быстро понял, что это тот самый шанс, которого он ждал. В нём ещё не угас запал, тяга к разгадке странной тайны, которая нитью опутывала все события уже годовой, к тому моменту, давности. Он продолжал бесконечно изучать дневник, что всюду держал при себе. Принц скрывал его от чужих глаз и рассказывал о нём разве что Иману. Но тот не проявлял какого-то особенного интереса – для него это был лишь поблёкший и пожелтевший отголосок мёртвой, давно ушедшей эпохи, которая никак не влияла на настоящее – и Принц сторонился этой темы в дальнейшем. Однако сам он при любом удобном случае искал людей, – не забывая при этом о безопасности отряда, – что могли бы указать ему путь, дать хоть какую-то подсказку. В первый год ему иногда удавалось попасть в заброшенные храмы и святилища, стены которых были усеяны какими-то неясными письменами. Но никакие из них и отдалённо не походили на таковые из книжицы. Теперь же, когда он практически был предоставлен сам себе, он мог тратить всё своё время на поиски. Подобно Навиду и Харазу, он стал всё чаще пропадать из поля зрения отряда, слепо следуя за призрачной, туманной мечтой.

Но помимо этих странных мотивов, им двигало ещё кое-что. Принц знал, что настанет время и противостояние с Индией перерастёт в настоящую войну, которая унесёт множество жизней. Все действия индийцев были просто ширмой, декорацией для подготовки к настоящей войне, пусть и нескорой. И он совершенно не желал этого, понимая, что путь назад будет навсегда утерян, он не сможет вернуть возлюбленную и его жизнь снова превратится в кошмар. Он верил в то, что их дружба может положить конец этой войне, и они смогут убедить обе стороны заключить союз. Вместе. Но для этого Принцу действительно необходимо будет повернуть время вспять и поставить весь мир вверх ногами, чтобы только лишь получить шанс всё исправить в тот злосчастный день. Этот мостик между прошлым и будущим был его единственной надеждой на благостный исход событий. Получалось так, что пусть он и отменил события тех дней в Азаде, они, на самом деле, не закончились и их последствия всё ещё преследовали его.

***

Принц блуждал от города к городу, от деревни к деревне. Ему попадались постоялища, заброшенные поселения, кладбища, руины. Порой он натыкался на древние пещеры, наполовину засыпанные песком, на стенах которых попадались какие-то рисунки и даже надписи. Но их было невозможно прочесть – это были мёртвые языки сгинувших народов. Не только тьма, что преследовала его по пятам, гнала Принца вперёд. Легенда или даже её тень, маленький обрывок истлевших воспоминаний. Он чувствовал странное притяжение к этой тайне, будто весь смысл его жизни заключался в нахождении ответов на вопросы, которая она ставила перед ним. Тайна была какой-то тонкой ниточкой между пониманием того, что происходит с Принцем, и Песками. Его жизнь зависела от этой загадки, которую он как мозаику пытался собрать уже несколько лет – и всё тщетно. Каждый раз ему не хватало какого-то общего видения, целостной картины. Всё рассыпалось на мелкие бессвязные кусочки. Сказания, легенды, предания, странные символы и причудливые небылицы – всё это витало в воздухе, но сразу же таяло и убегало прочь, стоило только приблизиться.

Тьма преследовала его теперь и во снах. Она по-прежнему была бесформенной, но от неё веяло столь жутким холодом, что даже полуденный жар не был способен мгновенно сбросить дрожь с Принца, когда тот просыпался от очередного тревожного сна. Сна, который он никогда не помнил. Он давно забыл о хорошем настроении, и его лицо было мрачным и холодным. Он

предпочитал прятать его под большой накидкой, которая заодно скрывала его оружие и одеяния воина. Его жизнь больше напоминала путь отшельника, она закаляла его, делала суровым и даже жестоким. Со временем, он перестал колебаться, убивая врагов быстро и хладнокровно. Он никогда не искал забавы в этом, делая это лишь в целях обороны или ради достижения какой-то важной цели. Он сам буквально стал тенью. Смертоносной и опасной.

Долгое время Принц путешествовал вдоль границ с Индией, но со временем стал делать вылазки и вглубь неё. Там ему тоже попадалось множество мест, которые были заброшены – храмы, поселения, пещеры – всё, что могло служить укрытием и обителью для человека, его веры и его знаний. Но раз за разом его ждало разочарование. Ни единой зацепки, ни одного намёка. Все, кто попадались ему на пути и не были к нему враждебны, лишь пожимали плечами, с трудом понимая, о чём вообще Принц спрашивает их, хотя к тому времени, по прошествии трёх лет со дня отбытия из Вавилона, он успел в достаточной мере овладеть индийским языком. Со временем он стал понимать, что движется в неверном направлении, хотя до этого считал, что если Пески находились у индийского Магараджи, то хотя бы на уровне каких-то слухов или легенд до него должны были дойти обрывки важных для него сведений. Но Индия, подобно всем мудрецам Вавилона, была нема и безучастна.

Принцу порой приходила в голову идея вновь пробраться в покои принцессы и расспросить её обо всём. Но на этот раз она незамедлительно позвала бы на помощь, и всё обернулось бы не в пользу Принца. И он ни за что не смог бы убедить Магараджу в реальности своей истории. В лучшем случае он бы попал в темницу, где коротал бы остаток своей жизни. Да, Фара наверняка помнит о том, что визирь оказался предателем, но и кто враг её стране она тоже успела понять. Следовательно, этот путь для него был закрыт.

Со временем Принц начал понимать, что их чувства с Фарой вспыхнули необычайно быстро, пожалуй, даже слишком. Сейчас же, спустя годы, все оттенки поблекли, и огонь в сердце потускнел, превратившись в туманное воспоминание, порой даже мучившее Принца. Что вообще произошло между ними? Сближение перед лицом опасности, просто вопреки обстоятельствам или настоящее чувство? Что, если это Пески пробудили в их сердцах нечто такое, что они неверно истолковали? Могло ли нечто подобное произойти при других обстоятельствах?

Все эти мысли, однако, не тяготили Принца, а протекали, скорее, фоном, сами собой. Жизнь странника слишком сильно

изменила его, и в его душе почти не осталось места чувствам вроде любви. Он мыслил трезво и холодно, в его взгляде появилось что-то хищное. И единственная причина, по которой он всё ещё размышлял о Фаре, заключалась в том, что он видел в ней нечто особенное. Каким-то невероятным образом она не превратилась в одно из песчаных чудовищ. И её жизнь оставалась единственным ключом к окончанию всё нараставшего противостояния между их странами. И, пусть он уже не испытывает к ней ничего из тех чувств, что полнили его сердце в те дни, он должен попытаться ещё раз и спасти её. Но сможет ли он, если его сердце уже истлело и угасло?

***

Все эти годы Принц не был совершенно одинок. Он, конечно же, не догадывался об этом, но за ним повсюду следовал Призрак в компании преданного друга – Джатты. Два незримых существа сопровождали Принца в каждом его путешествии. Призрак о многом хотел рассказать ему, поведать истину и указать путь. И он тратил всё своё время, всю предоставленную ему вечность на попытки докричаться до Принца. Но в том и заключался удел Призрака – всегда оставаться тишиной, абсолютным молчанием. Он мог лишь наблюдать. Однако чтобы смириться с этим, ему потребуется семь лет ходить за Принцем по пятам. Конечно же, он ощущал время совершенно иначе, и для него оно промчалось скорее как один миг. Но даже он оставил свой отпечаток на мыслях Призрака, познакомив его с таким понятием как смирение. Он, кажется, навсегда останется безголосым дуновением ветра, что не способен даже во сне нашептать кому-либо хоть что-нибудь. Он не чувствовал себя таким же одиноким, как Принц, ведь у него был верный друг, но всё же барьер между ним и миром живых людей тяготил его. Ведь возможности, которые перед ним открывала вечность, были поистине удивительны: он существовал как бы вне времени и сам выбирал, как оно течёт. Он ещё не в полной мере понимал, как работает этот механизм, но сейчас его это не слишком-то и занимало. Он лишь продолжал тенью скользить за Принцем, удивляясь неотступности и напористости судьбы, которая толкала того на заранее уготованный для него путь. Призрак никак не мог повлиять на него. Лишь одно он знал точно – поиски Принца увенчаются успехом, если можно так назвать подобный исход. И этот успех будет первым шагом на пути к неизбежной смерти Принца. Он не сможет осуществить задуманное целиком и просто сгинет в пучине Песков Времени.

Трудно сказать, что именно двигало Призраком, заставляя его повсюду следовать за Принцем. Что именно он хотел найти, увидеть или понять? И зачем ему это, если он знал, чем всё закончится? Может быть, он привязался к Принцу, проникся сочувствием к его судьбе? Или всё ещё лелеял надежду найти мостик между мирами, незримый тайный путь, который он, было, нащупал, но тут же упусти во время событий в Азаде?

***

На исходе четвёртого года после того, как Принц покинул Вавилон, он окончательно разочаровался в своих поисках. Во всяком случае – в выбранном им направлении. Как бы он ни оттягивал этот день, ему придётся возвратиться в Вавилон. Разве что, он мог бы продолжить свои поиски в его окрестностях. Междуречье всё ещё могло хранить память о древних народах, включая тот, на чьём языке был написан дневник. Но Принц боялся признаться себе в том, что он не желает возвращаться. Он боялся, что это возвращение обернётся для него новыми душевными муками, которые он успел позабыть. Он научился жить по-другому, он практически стёр прошлое из своей памяти. Его цель потеряла смысл, она была лишь условной причиной не останавливаться на месте. И Принц шёл к ней скорее по инерции, по привычке, растеряв по пути всё, что действительно двигало им.

Но день, когда он повернул своего коня обратно и устремился к Вавилону, всё же настал. Он не был каким-то особенным, полным судьбоносных решений или откровений. Он был простой неизбежностью. Принц, подобно Призраку, научился смирению и свыкался с мыслью, что своей цели он так никогда и не достигнет. Он, конечно же, не собирался сдаваться сразу и потратит ещё немало времени на то, чтобы вдоль и поперёк обыскать родные края, но заранее был готов к поражению. В конце концов, он преследовал цель уже совсем другого человека. Того, кем он сам уже давно не был.

Эти годы действительно закалили Принца и его характер. Он стал воином в полном смысле этого слова. Он был опасен как в открытом сражении, так и в тайном, скрытом нападении. Ни одному из его противников не посчастливилось выжить, если Принц действительно желал его смерти. Со временем даже появились слухи о таинственном и загадочном воине-отшельнике, встречи с которым едва ли кто-то желал. Слухи, конечно же, были правдивы далеко не во всём, но вполне передавали общий смысл. Принца описывали как невероятно ловкого и сильного бойца, в совершенстве владевшего холодным оружием. Немногие

из тех, кто вблизи видел его клинки, могли поведать о нём. Они описывали его мечи как два холодных клыка, что рассекали воздух быстрее стрелы и были украшены головами льва и орла на рукоятях. Движения его были легки и быстры, подобно ветру, но при этом мощны и невероятно точны.

За такой большой срок Принц действительно успел отточить свои боевые навыки практически до совершенства. Он буквально сжился со своим оружием и во время схватки становился словно бы единым целым с этими мечами. Они были как бы продолжением его тела, своего рода клыками или когтями, как у зверя. Кроме того, отчасти сам, а отчасти с помощью встреченных им мастеров, он полностью переделал свой костюм. Одеяния обычного персидского солдата не давали ему нужной свободы и лёгкости. Кроме того, они имели множество слабых и непродуманных деталей, уязвимых мест. Его же костюм состоял из лёгких нагрудных пластин, перетянутых множеством ремней. Подобным образом были защищены его предплечья и тыльная сторона кистей, а плечи при этом оставались обнажёнными, чтобы обеспечить свободу движения рук. То же касалось и ног – просторные лёгкие шаровары и ничего лишнего, кроме лат, защищавших голень и колени. Обувь же была изготовлена так, чтобы песок практически не попадал внутрь, но при этом легко снималась при расслаблении всего пары ремней, стягивавших латы на голени. Кроме того, вырабатывая свой особый стиль боя на мечах, Принц придумал разместить на локтях особую подпорку для клинков. В нужный момент они не давали мечам смещаться и позволяли Принцу исполнять танец смерти, развернув их рукоятью к противнику.

Из тех деталей его костюма, что не носили защитного характера, стоило отметить размашистый кушак – большое полотно ткани, для надёжности стянутое поясом. Чаще всего он использовал ткань именно красного цвета, потому что применял её для перевязки ран, отрывая по лоскуту. Со временем она заканчивалась, и он менял её на новое полотно.

***

Принц провёл в странствиях ещё около трёх лет. Его поиски по-прежнему оставались бесплодными, а двигали им лишь тревожные слухи о том, что Индия копит силы для мощного нападения. Спустя годы действительно могла появиться опасность того, что силы врага станут достаточно многочисленны и будут представлять серьёзную угрозу.

Тем временем, рассказы о таинственном воине пустыни дошли и до Вавилона, до ушей самого Шахрамана и он понял, о

ком, вероятнее всего идёт речь. О его сыне, с которым он попрощался семь лет назад и с тех пор почти ничего не слышал о нём. Он знал, что его отряд добился определённых успехов, но затем нить обрывалась и все последовавшие за этим поиски обернулись неудачей – Принц бесследно исчез. Шахраман отказывался верить в то, что он погиб. Он знал, что его сын жив, но имеет какие-то причины скрываться. Царь был твёрдо уверен, что Принц однажды вернётся и будет достоин гордого звания наследника трона.

Но надвигавшаяся угроза маячила так близко, что Шахраман был вынужден снарядить новый отряд – на поиски Принца. В предстоявшей войне он отводил ему особую роль. И, кроме того, каждый хороший воин был на вес золота, а Принц стоил десяти или даже целой сотни, если хотя бы половина слухов о нём была правдива.

Когда воля отца достигла его ушей, Принц понял, что время пришло, и пора заканчивать гоняться за миражом. Любая надежда окончательно растаяла и превратилась в прах. Он развернулся на полпути к очередной точке своего маршрута и с лёгким сердцем оставил прошлое догорать в ночном костре посреди пустыни.

По дороге Принцу неожиданно встретился Навид. Он с трудом узнал его, но не изменилось самое главное: он нёс в Вавилон благую весть. Армия индийцев ещё недостаточно крепка и война откладывалась ещё минимум на полгода. Принц не мог не обрадоваться этому, но твёрдо решил не сворачивать с намеченного пути и сопроводил Навида до Вавилона. Вместе они явились к Шахраману и Навид поведал свою новость. Царь выслушал его и произнёс:

– Благодарю тебя за столь добрые известия. Хараз рассказывал мне о тебе, и я думаю, что ты заслужил своё место в моей армии, Навид!

На лице того засияла улыбка, он низко поклонился царю и вышел из тронного зала вместе с собравшимися военачальниками. Теперь он находился в их распоряжении, и они найдут ему достойное место в рядах персидского войска. Его мечта исполнилась.

Принц и Шахраман остались наедине и имели длинный разговор до поздней ночи. Отец принял сына обратно и назначил его командиром одной из армий. Отсрочка войны вовсе не означала того, что можно расслабиться и не готовиться к ней. Судьба давала им отличный шанс, и нужно было использовать его с умом.

Наутро Шахраман объявил всем о принятом решении и распорядился начать полномасштабную подготовку. Он

рассчитывал напасть на Индию раньше, чем та будет готова ударить первой. Если всё пройдёт по плану, то одно генеральное сражение должно будет решить ход всей войны. Принц был готов к этому, и прошлое окончательно покинуло его мысли. Возможно, его стоит именно сжигать, а не топить под толщей воды.

Глава 4. Война

Думаю, моё время пришло. Это уже невыносимо. Скоро я даже не смогу ходить. Возможно, уже этой ночью или на следующий день.

Жаль, что я успеваю оставить после себя так мало. Что не могу уже подружиться с сыном. Нергал, если, вдруг, ты читаешь это, то, прошу, – прости меня! Помни, что я всегда любил тебя и не стремился покинуть как можно скорей. Но судьба неизбежна, её нельзя изменить и я чувствую её зов! Прости!

Пожалуй, я оставлю этот дневник на столе, перед тем как отправлюсь к Бездне и завершу свой жизненный путь. Надеюсь, что умерев, я не вспомню о нём. Не буду искать перо и лист бумаги, чтобы излить на него всё, что меня тревожит.

Хотя жаль, что не остаётся никакой связи между двумя мирами. Даже самой маленькой, вроде этого дневника. О, если бы я мог дописывать хоть одну строчку в столетие, то уверен, что он бы стал однажды величайшим источником мудрости. Но, всё, что могу, я уже сделал. И потому надеюсь, что смогу обрести покой.

Я опять боюсь…

Дневник Намтара, запись 4

***

Заслуги Навида были оценены по достоинству, и он получил назначение в армию царя и, притом, не рядовым солдатом, а командиром небольшого отряда, вроде того, с которым Принц семь лет назад отправился на границу с Индией. Этот отряд входил в армию, которой командовал Принц и среди прочих задач должен был заниматься разведкой и тайными операциями. Вступать же в открытый бой предписывалось только в случае особой необходимости или неизбежности.

Войско Шахрамана готовилось к войне. Солдаты усиленно тренировались, командиры и генералы продумывали планы и стратегию. Срок выдвижения сил Персии был намечен ими через три месяца. К этому времени все необходимые подготовки будут завершены, оружие и припасы собраны и наступит сезон умеренной погоды, когда дневная жара не будет столь сильно сказываться на самочувствии армий.

Принц дни напролёт проводил вместе с отцом и остальными военачальниками. Теперь он входил в их число и был вынужден вникать во все тонкости этого ремесла. Отныне он отвечал не только за себя – Принц командовал целой армией. И от того, как он будет руководить людьми, зависели их жизни и успех

сражения. Всё это сильно шло в разрез с его привычкой к одинокой жизни, когда он решал только за себя. Тогда он точно знал, что и как ему делать, он мог выйти победителем из ситуации даже тогда, когда это было практически невозможно. Но теперь от его боевых навыков зависело очень немногое. Разве что то, как Принц сражался, могло поднимать боевой дух солдат его армии. Своим примером он воодушевлял их, придавая сил и храбрости. Но этого было недостаточно. Войны выигрывают отнюдь не храбрецы.

***

Как гром среди ясного неба прогремела весть, которую привёз Хараз, внезапно появившийся прямо посреди военного совета в один из дней, примерно спустя месяц после начала подготовки к войне. Он вошёл в зал, осмотрел окружавших его генералов и обратился к Шахраману:

– Слухи обманчивы, мой царь. Индийцы уже у нас на пороге!

Раздались возгласы удивления и негодования, по залу пополз шёпот. Шахраман же долгое время молчал, ничего не отвечая Харазу. Он всё так же доверял ему, но перемены были слишком внезапными. Не давая воли эмоциям, он сухо спросил:

– Сколько?

– Недели две, не больше, мой царь, – ответил Хараз.

В зале повисла абсолютная тишина.

– Но разве не ты же прислал Навида с новостью о полугодовой отсрочке? – наконец бросил Принц.

– Это ошибка, недоразумение! Я не успел сообщить ему последние сведения, а затем попал в ситуацию, из которой не смог быстро выпутаться.

– Приведите Навида ко мне! – распорядился Шахраман.

– Погоди, отец, – вмешался Принц. – Это солдат моей армии и если ты хочешь чего-то, то разговаривай со мной!

Хараз удивлённо посмотрел на Принца. Он только сейчас осознал, что тот находится на этом совете не просто так. Шахраман значительно повысил его, назначив командующим целой армией. Однако, быстро оценив обстановку, Хараз отбросил удивление и принял новую ситуацию как данность.

Меж тем, все взгляды были сейчас устремлены на Шахрамана. Принц повёл себя достаточно дерзко, смея перечить царю. Но он всё-таки был его сыном и единственным наследником и реакцию царя никто даже не брался предугадать.

– Достойный ответ. Именно за твой холодный ум я и назначил тебя командиром, – наконец проговорил Шахраман, добавив: – Берите пример с него!

– Что ж, в таком случае, пусть он посоветует нам, что делать? – выкрикнул кто-то из генералов, недовольный ответом царя и не разделявший доверия Принца к Навиду. Он подозревал, что весть последнего могла быть намеренно ошибочной.

– Мы выдвигаемся через неделю. Я знаю пустыню и горы как свои пять пальцев и смогу провести вас, – ответил Принц, не дожидаясь слов Шахрамана.

Тот лишь выслушал предложение сына и утвердительно кивнул, лишний раз уверившись в своём решении. На этом совет был окончен – стоило переходить к более важным и насущным делам.

***

После известий от Хараза, подготовка войска закипела с утроенной силой. Отряды стекались к Вавилону со всей Персии. У его стен был разбит огромный лагерь – даже такой город был не в состоянии вместить столь большое число людей. Армия Шахрамана была невероятно велика, но без правильной организации, своевременного подвоза запасов и решения прочих проблем, она может потерпеть полный крах. И потому наибольшее внимание уделялось именно обеспечению войска всем необходимым и планированию перемещений.

После прибытия Хараза положение Навида сильно пошатнулось. Даже несмотря на то, что Принц защищал и оправдывал его, люди стали относиться к нему с недоверием и, порой, даже презрением. Кто-то и вовсе считал его предателем, задумавшим подставить Персию под внезапный удар врага. Но к открытым угрозам и нападкам никто не прибегал, в основном всё ограничивалось разговорами за спиной у Навида. Тот чувствовал общий настрой людей по отношению к нему и ждал начала похода – он должен был отвлечь всех и дал бы ему шанс доказать свою верность Персии. Занимательно, что при этом Хараз не спешил вступиться за него и обелить его имя. Возможно, он слишком боялся за свою собственную репутацию или попросту не считал инцидент достойным внимания. Он днями напролёт был занят подготовкой к походу, принимая в день по несколько десятков гонцов, разведчиков и послов из разных частей Персии. Его осведомлённость была очень ценна, и Шахраман давал Харазу определённую свободу действий, зная, что тот действует в интересах империи.

В отряд Навида попал Иман – Принц разыскал его и лично пригласил в свою армию. Проверенный боевой товарищ вселял в него уверенность, и он жалел, что не может набрать целую армию таких солдат, как он. Других членов отряда он знал либо

недостаточно хорошо, либо потерял из виду. А Найзир и Мадид так и остались телохранителями Хараза. Принц очень высоко оценивал их боевые навыки, но заполучить их в свою армию он не мог.

***

Армии перемещались по отдельности друг от друга, в согласованном порядке, постоянно поддерживая связь через гонцов. В авангарде шла армия Принца – он вёл, как и обещал, войско Шахрамана за собой. Годы, проведённые им в отшельничестве, не прошли даром, и он научился ориентироваться и выживать в пустыне, даже в самых недоброжелательных её районах. В конце пути планировалось, что Принц замедлится, и все армии соберутся воедино для скоординированной атаки.

Но, видимо, для того и существуют планы, чтобы рушиться или не сбываться вовсе. На третью неделю пути дозорные принесли Принцу весть о том, что индийское войско вошло в Персию и движется навстречу. По пути они практически не встречали сопротивления со стороны местных, играя на ненависти последних к власти Вавилона. Принцу пришлось развернуть свою армию, чтобы как можно скорее воссоединиться с основными силами персов. До столкновения оставалось не больше одного дня.

Принц вернулся с вестью к отцу – тот шёл с остальной частью войска и военачальниками других армий. Он рассказал ему всё, что знает о том месте, где, скорее всего, состоится битва – оно было знакомо Принцу и персидские солдаты могли воспользоваться преимуществами своего положения, заняв высоты и подготовившись к бою. В конце жаркого обсуждения дальнейших планов, Шахраман подозвал к себе одного из слуг, что-то шепнул ему на ухо и протянул свёрток. Тот кротко кивнул и поспешил удалиться. Никто из присутствовавших, кроме Хараза, не заметил этого.

Ни один полководец в здравом уме не поведёт свои армии в атаку ночью. Но Шахраман ожидал от индийцев любого коварства и безумства. Ведь вторгнуться на территорию Персии и бросить вызов его могуществу уже само по себе было безумием. Но Магараджа был озлоблен тем нападением семь лет назад и убийством своих братьев. Он вернулся на тропу, с которой давно ушёл. Именно поэтому было выставлено несколько караулов на разном удалении от основного лагеря, готовых в любой момент подать сигнал тревоги.

***

Сражение началось на рассвете – за всю ночь не было ни единой попытки прорвать оцепление или устроить неожиданную атаку, застав персов врасплох. Магараджа и его армии не славились какой-то особенной хитростью и тактикой боя. Он предпочитал грубую силу, действуя жёстко и решительно. Под его знамёнами пришло огромное количество воинов. Казалось, что его войско заслонило весь горизонт и численностью превосходит персидское. Сражение обещало быть эпохальным, и от его исхода зависела дальнейшая судьба обоих государств.

Армии Магараджи, помимо обычных копейщиков, мечников и лучников состояли из специальных отрядов, управлявших баллистами, пушками и другими приспособлениями. Персы же могли противопоставить им конные взводы и высокую подвижность за счёт лёгких доспехов и уверенного знания местности.

Подобно двум стихиям, армии противников сошлись в жестоком поединке насмерть. Металл разрывал плоть, сотни тел падали на песок, а по ним бежали всё новые воины. Земля окрасилась в красный цвет, а воздух буквально пропитался болью и криками смерти. Невыносимый шум и неразбериха царили на поле боя, настолько, что долгое время было непонятно, на чьей стороне перевес. Индийцы бились как звери, подход Магараджи был действительно заметен – методы были жёсткими, никакой пощады. Единственная цель – уничтожение живой силы противника, умерщвление его плоти и подавление любого противодействия. Он буквально был готов закидать противника трупами и приказывал не ослаблять напор ни на мгновение. Два хищника вцепились друг другу в глотку и пытались первым прикончить истекающего кровью соперника.

Сражение проходило практически бесконтрольно. Бесконечная жестокость повсюду, изматывающие бои и никаких шансов продержаться достаточно долго. Даже Принц находился на пределе своих возможностей. Его конь был убит в первые же минуты сражения и ему не оставалось ничего, кроме как с головой увязнуть в битве. В сражение был втянут и отряд Навида – против его воли и несмотря на его настоящее предназначение. Война не щадила никого и ни у кого не спрашивала разрешения. Она была чудовищем с двумя пастями, пожиравшими два войска, добровольно в них бежавшие.

Принц изо всех сил старался защищать своих боевых товарищей и истреблял индийских солдат одного за другим, десятками, а к исходу дня счёт перешёл на сотни. Годы тренировок превратили его в машину для убийства, он один из

немногих был способен удивить противника и противопоставить ему нечто более устрашающее. В какой-то момент Принц спас раненого Навида, а затем бился бок о бок с Иманом, который в пылу битвы чуть не напал на него. И не было числа смертям вокруг них, но потоки индийцев не иссякали. Но вот с холмов раздался сигнал, которого никто не ожидал – к отступлению! Персы послушались приказа и, неся тяжёлые потери, начали отходить на исходные позиции. Никто не понимал, что происходит, но это, на какое-то время, уронило боевой дух персидского войска. Неужели противник побеждает? Но какой тогда смысл в таком тяжёлом отступлении?

Магараджа и его войско же, наоборот, воодушевились этим и стали напирать с удвоенной силой. Индийский правитель был уверен в своей скорой победе. Но тем временем, без лишнего шума и каких-либо предупреждений, волна персидских войск понеслась в обратном направлении. С дальних рядов к переднему фронту прокатилась воодушевляющая весть. При этом солдаты Персии сбились в маленькие группы, оставляя свободные проходы – из тыла навстречу врагу неслась ещё одна армия, полностью состоявшая из конных отрядов. Шахраман до последнего момента держал её не только в резерве, но и в строжайшей тайне. Он доверил командование ей якобы смертельно заболевшему Дарию. Во время подготовки к походу, эти силы были собраны в особом, тайном месте и Шахраман лично выезжал туда ночью, подозревая, что в его окружении могут оказаться предатели. Эта армия была его резервным планом, который мог вообще не пригодиться. Но сила индийских армий оказалась столь велика, что выбора у него не осталось. И теперь это должно было стать его победным ударом, который раскроит череп противнику и бросит его бездыханное тело к ногам истинного хозяина этих земель.

Увидев Дария, Принц, наконец, сообразил, в чём дело, и с азартом вновь бросился в гущу сражения. Основной удар был нанесён конными отрядами Дария, но это не значит, что после них в живых не осталось ни единого противника. И он всё ещё представлял серьёзную угрозу. Уничтожением выживших и занялся Принц, собрав остатки своей армии во время короткой передышки.

Армия же Дария, подобно копью или стреле, несколько раз прошила оставшиеся силы индийцев насквозь, разделив и дезориентировав их. У Магараджи в запасе не было подобного плана, и для него этот ход оказался полной неожиданностью. Он уповал лишь на мощь и подготовленность своей армии. Но сейчас, в ближнем и столь стремительном бою все боевые приспособления и орудия уже не имели смысла и превращались

из преимуществ в обузу. Поэтому было принято решение бросить их и направить все имеющиеся силы в ближний бой. Но исход битвы был уже предрешён и силы индийцев начали таять, хотя о полной победе говорить было ещё рано.

Удача не могла сопутствовать Дарию вечно и индийцы, оправившись от потрясения, дали ему отпор, вновь сомкнув ряды. К моменту, когда часть его армии лишилась коней и была окружена, отряды Принца подоспели к месту сражения, и теперь он сражался бок о бок с Дарием.

– Рад видеть вас в добром здравии, мой Принц! – прокричал Дарий при встрече.

Принц сухо кивнул и указал на следующую высоту, когда все противники поблизости были повержены. Они с Дарием остались вдвоём – прочие немногочисленные союзники, что оставались поблизости, пали. Поле битвы из бескрайнего океана смерти и жестокости превратилось в отдельные островки, на которых всё ещё продолжались сражения. Силы обеих сторон значительно поиссякли и были лишь тенями того, чем они были ещё поутру. Исход этих финальных стычек и определит итог всей войны.

Взбежав на вершину, они обнаружили какие-то развалины – несколько длинных кирпичных стен, чудом сохранившуюся арку и пару колонн. Над холмом поднялся ветер и всюду бросал пыль и песок. Из-за этого Принц и Дарий практически ничего не видели и оказались словно бы где-то вдали от битвы, будто какая-то неведомая сила перенесла их в другое место.

Меж тем, ветер усиливался, песок забивался в глаза, и приходилось выставлять руку перед лицом, чтобы хоть как-то защититься от него. Вместе с ветром, Принц вдруг почувствовал странный холод. Да, день был на исходе, близилась ночь, но даже холод пустыни после заката не мог сравниться с этим ощущением. Неприятный морозец словно бы взбирался по телу, снизу вверх, медленно, но настойчиво заползая под кожу. И при этом он казался Принцу таким… знакомым! Но откуда?

Дарий тоже почувствовал нечто неладное и достал из ножен меч, который убрал несколько минут назад. Они словно бы находились в центре небольшого вихря, который с каждой секундой становился всё сильнее и свирепее. Мрак вокруг них всё сгущался, хотя солнце ещё не должно было закатиться за горизонт. Причина была в этой буре, пыль которой стала похожа на густой чёрный дым, стелящийся по земле. И самым странным было то, что всё это происходило практически в абсолютной тишине. Она давила на уши, щемила сознание и угнетала их обоих.

Внезапно тишину прервали несколько глухих ударов. Лишь спустя несколько секунд Принц сообразил, что они были похожи

на шаги. И стоило ему осознать это, как из пучины вихря, густым облаком крутившимся вокруг них, выскочило чудовище-исполин, с угольно-чёрной кожей и красными глазами, источавшими ярость. Принц почти мгновенно узнал его – это был Дахака. Но откуда он здесь? И что ему нужно? Неужели Магараджа от отчаяния решился использовать Пески Времени и призвал такого могущественного союзника на свою сторону? Но почему лишь сейчас?

– Берегитесь! – крикнул Дарий и, оттолкнув Принца, бросился в схватку с монстром.

Но ей не суждено было состояться. Чудовище выбросило из своего тела длинные щупальца и не просто разорвало несчастного, а буквально превратило его в пыль. Лёгкая золотистая вспышка – всё, что осталось от Дария спустя секунду. И уже в следующее мгновение глаза чудовища были вновь обращены к Принцу. Оно направилось к нему, и он приготовился, было, к битве, но засомневался в её успешном исходе. Дарий был отнюдь не новичком в военном ремесле, но все его умения оказались совершенно бесполезными и даже не дали ему шанса в этой битве.

Принца спас случай – откуда-то внезапно выскочил конь без всадника и он одним прыжком вскочил на него и нырнул в гущу вихря, теряясь из виду. Принц презирал себя за слабость и, – как он сам называл это, – трусость, но впервые в жизни он ощутил неподдельный страх, буквально животный ужас перед этим чудовищем. Он был готов встретиться лицом к лицу с сотней вражеских солдат. Но не был готов ко встрече с Дахакой. На этот раз он не оставил бы Принца в живых.

Правя конём почти вслепую, наугад, Принц лихорадочно пытался привести мысли в порядок и понять: что же всё-таки произошло? Действительно ли Магараджа воспользовался Песками? Выходит, он может повелевать ими и ждал нужного часа, чтобы использовать своё секретное оружие? Но в таком случае, у целого персидского войска, будь оно даже стократ многочисленнее, не было бы и шанса против такого врага. У судьбы, должно быть, отличное чувство юмора, раз она решила столкнуть Дахаку именно с Принцем. Ведь кто угодно, любой из десятков тысяч солдат и командиров армий Шахрамана мог столкнуться с ним. Но случай распорядился иначе.

Принц поспешил с вестью к отцу. Нужно обязательно было что-то придумать с учётом новых обстоятельств. Прошлое, которое Принц оставил много месяцев назад тлеть в углях ночного костра, вновь нашло его и разгорелось ярким пламенем, обжигая его разум и вновь сводя его с ума.

***

Персидское войско одержало победу в том сражении, но рассказ Принца Шахраман воспринял очень скептически. Он не верил в какое-то чудовище, объясняя всё усталостью Принца. Битва измотала его, пошатнула его рассудок – его глаза лихорадочно бегали из стороны в сторону, речь была бессвязной и странной, а жесты – рваными и дёрганными. Ему нужен был хороший отдых и Шахраман строгим голосом прогнал Принца, сказав ему, что такое поведение неподобающе для будущего генерала.

На тот момент Принц не придал значения его словам, но на утро второго дня после сражения он вдруг вспомнил об этих словах и понял, о чём говорил отец. Он пришёл к нему, не упоминая больше случая с Дахакой. Шахраман рассказал ему, что хочет назначить его первым генералом своих армий. Он показал себя в бою и принёс Персии победу, а поскольку Дарий погиб, да и Туаммак уже слишком стар, то лучшего варианта царю просто не найти. До некоторого момента он хотел сохранить всё это в тайне, но на предстоящем празднестве по поводу победы Шахраман обязательно объявит всем о своём решении.

***

Тела убитых солдат обеих армий застилали всё вокруг. Стервятники клевали их, а зловонье, порождённое полуденной жарой, простиралось по всем окрестностям. Сражений, подобных этому, не видела ещё ни одна империя. Персия вышла победителем, но цена, уплаченная за неё, была огромной. Войско Шахрамана превратилось в малую армию, которая теперь могла защищать не страну, а лишь один город. Но если Персия и была обескровлена, то Индия вообще была обезглавлена. Солдаты противника оказались стойкими, и никто из них не бежал с поля боя. Поэтому все погибли, как один. А вместе с ними погибли командиры, военачальники, генералы и сам Магараджа.

Принц не желал этого. И он потратил семь лет своей жизни, чтобы найти способ предотвратить такой финал: бессчётное число напрасных смертей и жертв, уничтожение целой страны и огромные потери своего народа. Начав своё путешествие с отрядом Шахрамана, а затем став отшельником, он быстро ушёл от изначальных целей. Им двигал не собственный эгоизм, а желание спасти множество жизней и свою страну. Но оказалось, что он солдат и по-настоящему хорош и на что-то способен лишь в бою. Теперь же он опасался, что история с Песками может повториться – их попросту некому было охранять. Он лишь

надеялся, что из-за потерь его отец не сразу решится на новый поход. И теперь Фара уже не сможет стать его союзником. Затяжная война воспитала в ней стойкую ненависть к нему.

Вернувшись к месту гибели Дария, Принц, вместе с Шахраманом, отыскал меч бывшего командира армии, обеспечившей успех всего сражения. Но его тела нигде не было. Принц, было, вновь начал свою историю, но Шахраман пресёк все его попытки сразу после того, как он заикнулся о том, что желает вновь вернуться к жизни отшельника. Он пытался обосновать это тем, что сможет отыскать ответ, как защитить Персию от страшного врага, но Шахраман вообще не верил в существование какого-то там чудовища. Он считал, что оказывает Принцу огромную честь и тот должен со всей ответственностью принять на себя эту ношу, отбросив безумные мысли и идеи. По-настоящему защитить свой народ он сможет, лишь вступив в звание первого генерала и доблестно защищая Персию от реальных, а не вымышленных врагов. Ну какой генерал покидает своё войско? И что это за войско без генерала?

Принц примирился с решением отца. Он не стал более перечить его воле и вскоре все выжившие персы повернули в сторону Вавилона. А места битвы отныне считались гиблыми, проклятыми землями и любому было запрещено даже приближаться к этим осквернённым краям на долгие годы.

Глава 5. Отшельник

Изумительно! Великолепно! Меня обуревают эмоции, но теперь среди них нет страха! Это радость, это восторг, это восхищение – что угодно, но не страх! Отныне мне попросту нечего бояться и не в чем сомневаться. Я обязательно помирюсь с сыном. Я не расстанусь с этим дневником. Хотя зачем он мне? Не знаю, но почему-то чувствую, что он нужен. А я привык доверять своей интуиции. Впрочем, теперь у меня есть время изложить всё по порядку.

Закончив предыдущую запись, я опять почувствовал приближающуюся боль. Не дожидаясь приступа, я пошёл в заброшенный сад – свежий воздух благотворно действует на меня. Особенно прекрасен сад в весеннюю пору. Он исполнен ароматом цветущих деревьев, украшен цветами и множеством облетевших лепестков. Среди такого обилия жизни боль тускнеет и пропадает.

Я сел в тени моего любимого дерева. Оно очень большое и ветвистое, сплошь покрыто розовыми цветками; сочетает в себе на первый взгляд невозможное: корявые, сухие ветки и прекрасные яркие огоньки лепестков. Эта гармония уродливого и красивого завораживает. Это действительно прекрасно, хотя природа никогда нарочно не стремится к красоте – она заключена в её абсолютной естественности.

Со мною была Джатта – мой верный друг, что всюду следовал за мной. Пусть это всего лишь собака, но в её присутствии мне всегда становилось чуть легче. Стоило лишь запустить руку в её белую длинную шесть, как она подбиралась поближе и клала голову мне на колени. Её взгляд всегда был исполнен благодарности и доброты.

Дул мягкий тёплый ветер и мои мысли утекали вместе с ним, куда-то прочь. Я уже не вспомню, о чём я думал. Наверно опять о смерти – о чём мне ещё было размышлять?

Глупец! Думал о смерти, когда жизни-то ещё толком не познал! Её истинного, хотя и скрытого смысла. Красота жизни заключена в тайнах и загадках, которые не то что разгадать, а даже увидеть не всем под силу. Выходит, мне повезло? Нет, это не может быть простой случайностью. Это Судьба! Сегодня я видел эти нити, прикоснулся к ним…

Время летело на удивление быстро и незаметно. За весь день я не видел никого, даже вдали, и был весьма рад этому – одиночество устраивало меня более всего, было моим лучшим другом. В одиночестве проще разговаривать с бесконечностью – неиссякаемый источник истины. Эта истина нема и мало кто может увидеть в ней что-то большее, чем великолепные равнины,

изрезанные водами рек и озёр, и перерастающие в скалы, за которыми лежит бескрайнее море, примыкающее к небесным просторам и золотящееся в лучах заката. Но разве этого мало?

Всё это время я сжимал вспотевшей ладонью небольшой медальон. Когда-то мне подарил его отец. Тогда я был ещё ребенком, и он рассказал мне, что медальон изображает наш Остров. Неровности – одна в форме полумесяца с сильно вытянутыми рогами и другая, круглая, – действительно напоминали возвышенности Острова, на котором я и мой народ живём с незапамятных времён. Ещё он рассказал, что медальон передавался из поколения в поколение со словами: «Он никогда не должен покинуть остров». К сожалению, никто уже не помнит, откуда он взялся, и что именно значат эти слова.

В этот вечер я решил отправиться к Бездне и бросить туда медальон вместо ритуального камня. До сих пор восхищаюсь этой традицией – бросать в конце жизни камень в Бездну в ожидании того, что однажды она заполнится до краёв. Хотя, важен скорее не сам результат, а подход – измерять бесконечную глубину свои маленьким вкладом, правитель за правителем, поколение за поколением. Один человек – один камень. Тонкий баланс между вечностью и предречённым концом. Что именно будет в конце, если он всё же наступит, никто не знает. Но древние легенды гласят о новой жизни.

Свой ритуальный камень я собирался извлечь из перстня, что передавался от одного правителя другому. Я понимал, что мне некому передать его и впереди Остров ждёт лишь забвение. Мой сын планировал покинуть эти места, не видя для себя никакого утешения. Все последние месяцы я думал лишь о том, чтобы бросить его в Бездну и завершить жизнь как того требует традиция. Подвести черту и вскоре шагнуть за неё. Но, когда пришло время, я вдруг передумал и решил бросить туда медальон. Ведь там, на дне, он никогда не покинет Остров, и никто не будет способен этому помешать. А перстень остался бы при мне – последнем правителе Острова.

И вот тут-то и началось самое поразительное. Вечером, вновь почувствовав подкрадывающуюся боль, я отправился к ней. К великой Бездне. Постояв с минуту в задумчивости и насладившись её величественным дыханием – откуда-то из глубин раздавался чуть слышный гул, изредка прерываемый тишиной – я бросил медальон в темноту.

«Всё», – подумалось мне. Я был уверен, что это конец. Но он оказался вовсе не таким, каким я ожидал его увидеть. Скорей, это начало. Может быть, начало той самой новой жизни? Но почему так рано? И почему я?

Через секунду послышался странный звук. Верней он не был странным сам по себе; странным было то, что он вообще прозвучал. Металлический звон… Поначалу я даже не обратил внимания на него – слишком абсурдно было услышать что-то подобное. Десятки поколений правителей бросали свои камни и не слышали ничего. Дно было недостижимо. Но как бы мой разум ни протестовал против происходящего, мне пришлось осознать, что всё это реально, потому что вскоре тьму (уже наступила ночь, а небо было затянуто облаками) разорвал яркий золотистый свет. Свод купола над Бездной осветился изнутри, во все стороны разбежались тени и я почувствовал невероятную лёгкость в сознании, моментально забыв о своей болезни. На секунду мне даже подумалось, что я умер. Я был невероятно далёк от своей плоти и одновременно как никогда един с нею. Далёк потому что не только не ощущал боли, но даже не мог её себе представить. И един потому что знал: это всё ещё моё тело. Хоть оно и было словно перерождённым, я знал его, чувствовал каждую мельчайшую часть и радовался жизни вместе с ним. Я чувствовал какую-то свободу, хотя не мог найти ей применения, не мог даже приблизиться к тому, чтобы осознать её. Хотя о чём это я говорю? Я и сейчас чувствую её. Это не просто свобода. Бездна открыла передо мной свои врата, позволила прикоснуться к вечности. Я чувствую в ней огромную силу и то, что постепенно я смогу впитать её целиком. Звучит так, будто я умер… и произошло то, о чём я строил догадки. Но я жив! Жив! В этом нет никаких сомнений! И, значит, я не просто смогу получить эти знания – я смогу передать их своему народу. Теперь наш Остров стоит на пороге новой жизни. Мы уже в ней. Выходит, легенда права…

Медальон словно бы повис в воздухе. «Но если раздался металлический звон, значит, он обо что-то ударился?» – подумал я. Выходило так, что он ударился о воздух, о какую-то невидимую твердь или силу, и прекратил падение. Свечение, меж тем, усиливалось и меня тянуло к нему, а верней к медальону, испускавшему этот свет. В голове крепла лишь одна мысль – подойти к нему, коснуться его. И одновременно меня пугала скорость, с которой я соглашался на всё это. Чтобы достичь цели, мне нужно было пройти по воздуху. Безумие? Пожалуй, да.

Впрочем, это неважно. Я уже смирился со смертью. Тогда что такое безумие? Свобода от всего, что я знал раньше и открытость к новому знанию. И я сделал шаг, возможно, главный во всей своей жизни. Шаг навстречу Судьбе, что сияла таким чудесным светом, поглощавшим всё вокруг. Он словно бы проникал сквозь меня, его блеск исцелял меня, давал сил и уверенности. И вот я уже стою посреди пустоты, над Бездной, вопреки любому здравому смыслу. Возможно, древние люди так

же смотрели на огонь, он казался им настоящим чудом. И этот свет очень походил на него – он открывал дорогу во тьме и согревал меня. С каждым моим шагом он всё усиливался, а моё сознание словно бы растворялось в нём. Хотя, может, так чувствовалось облегчение от покинувшей меня, наконец, боли.

Иногда жизнь может быть невероятно жестокой. Настолько, насколько не бывает даже смерть. Для умирающего смерть – это спасение, избавление от мук и страданий, если он уже смирился с неизбежностью и готов порвать с жизнью. Но она продолжает мучить его, не хочет отпускать. И в тот самый момент, когда человек уже пропитался смертью, узнал её запах, попробовал её на вкус, жизнь резким и грубым рывком дёргает его обратно в свою сторону, будто бы издеваясь и одновременно извиняясь, даря глоток свежего воздуха и новую надежду.

Я наклонился и взял медальон в руки. Безо всякого страха и тени сомнения. Было понятно, что он – центр всего происходящего, источник этого чудодейственного, волшебного света. И в то же мгновение послышался глухой низкий удар из Бездны и она зажглась бледным золотистым блеском. Откуда-то снизу начали медленно вздыматься вихри из мелких искорок или пылинок, которые теперь уже буквально проходили сквозь меня. Отдельные потоки вливались в медальон и тут же испускались им обратно. Трудно было понять – это маленькие частицы из глубин Бездны или же просто искорки света? Я чувствовал тепло, практически жар, охвативший всё моё тело. Но само тело я практически не чувствовал – оно словно бы растворялось вслед за разумом, соединяясь с этими чудесными потоками. Моё тело было подобно пустоте, какой-то полости в этом золотисто-белом облаке и рой искорок стремился заполнить эту пустоту. Я чувствовал единение сознания с этим роем, я словно бы видел себя со стороны, но не испытывал страха – так, будто кто-то подсказывал мне что делать. Провидение вело меня дальше, и вот мой разум уже сам становится этим вихрем, что пытается не просто заполнить полость, но и убрать все её изъяны. Я буквально вдохнул новую жизнь в своё тело и излечил его одним лишь усилием воли! Но не я сам, а с помощью магии этого облака, призванного медальоном из глубин Бездны. Я лишь направил её силу, которая показалась мне кроткой и покорной, но, вместе с тем, необычайно могучей. Теперь я понимаю, почему медальон никогда не должен был покинуть Остров. В нём хранилась необычайная сила и именно мне выпала честь раскрыть её!

Сейчас я вижу, что всё это не случайность. Это череда взаимосвязанных событий, цепочка, что протянулась от древних людей до этого момента и позволила мне выйти за границы привычного. Нить Судьбы, что пронзила пространство и время,

огромная Бездна, что тянет в свою глубину, но при этом не позволяет упасть, если довериться ей. И это бесконечное падение и есть то, что не дало упасть мне и медальону на самом деле. Я вижу в этом особый путь, предначертанный Судьбой. Я верю в её силу, вижу её суть – она оберегает человека от случайностей и ведёт его единственно верной дорогой. Этот свет… он открыл мне истину. Но он не грел, как огонь. Я, кажется, ошибся в своих чувствах. Это был свет разума, свет откровения. Абсолютного и чистого. Он позволял прикоснуться к особому знанию и наполнить жизнь настоящим смыслом и найти своё предназначение.

Я чувствовал себя так, словно бы переродился. В мой разум переливалась мудрость тысяч поколений. В моей голове звенели сотни голосов, говоривших со мной из прошлого. Они, как всполохи молний, сверкали в темноте и звали куда-то в неизвестность. Но она не была опасной – это было движением вперёд по линии Судьбы. И я мог легко вернуться в своё тело, но решил не останавливаться на достигнутом, а ещё сильнее сконцентрировался на заполнении пустоты в том месте, где оно некогда находилось. Потеряв счёт времени, я словно бы создавал себя заново. Дело было не во внешнем виде, я стремился дополнить самого себя так, чтобы получилось нечто более целостное и совершенное. Нечто более завершённое и не подверженное болезням и боли, не знающее усталости и влияния возраста. Мой разум же был уже перерождён в новую форму – я понял, что его, наоборот, невозможно сделать совершенным. Но зато он может быть всегда открыт к новому знанию, способен бесконечно впитывать в себя мудрость и опыт и дополнять собой совершенное тело.

Моё имя – Намтар, я правитель острова Усаггигкар и я безо всяких колебаний и сомнений вступаю в эту новую жизнь. Я торжественно клянусь привести мой народ к процветанию с помощью своего чудесного открытия. Наступило новое время для всего и для всех!

Дневник Намтара, запись 5

***

Чёрный песок плавился и превращался в густую, тягучую и мерзкую жижу, которая застилала всё вокруг, от горизонта до горизонта. Вместо обыкновенной кроваво-красной пустыни повсюду простирался лишь свинцово-чёрный океан, бескрайний и беспощадный настолько, что в нём, казалось, тонули даже звёзды и их свет гас в эту ночь. Воздух был пропитан запахом крови и

дыма, он словно яд пробирался в человека, в его разум, отравлял мысли и превращал его сердце в камень. И вот Принц, ещё недавно шедший по пустыне с персидским войском, верхом на коне, уже идёт на своих ногах, но чёрная губительная стихия затягивает его всё глубже; он уже почти не способен переставить ногу и медленно увязает в ней, погружаясь в темноту. Её притяжение безмерно, оно чудовищно и, казалось, замедляет даже ход времени. Прокол в ткани мироздания, что поглотил самого Принца и всё вокруг него, превратив в ничто. Единственное реальное чувство, которое осталось вместе с ним – обволакивающий холод, сковывающий разум и волю, вселяющий животный ужас и лишающий всякой надежды.

Внезапно Принц проснулся от того, что его тряхнуло на очередной кочке. Вокруг, действительно, была ночь, но он всё ещё ехал верхом на коне, держась подле войска. Пустыня имела свой обычный вид, а всё увиденное и почувствованное им, кажется, было просто сном. Но пугающе реальным, практически настоящим – Принц ещё долго не мог отделаться от того чувства, что сновидение вселило ему. Кроме того, он и до этого пребывал в весьма подавленном настроении. Безысходность – наиболее удачное слово, чтобы описать то, что он чувствовал. И тревожила его вовсе не сама война и смерть, что она сеяла вокруг. Принц давно привык к смертям и к жестокости. Его беспокоило то самое происшествие, то из-за чего погиб Дарий. Индия обратила против персов страшную силу, и Принц не сомневался, что Дахака ещё вернётся и принесёт гибель всему. Найдутся другие безумцы, кому покорятся Пески и тогда будущее его народа будет очень мрачным. Прошлое Принца словно бы восстало из небытия, обретя форму. Тьма, что преследовала его, теперь имела имя и перестала быть чем-то воображаемым, несуществующим. Но она всё так же продолжала мерещиться ему во всём и теперь преследовала даже во снах. Принц понимал, что будет вынужден вернуться к своим поискам и довести дело до конца.

***

Войско продвигалось очень медленно. Множество раненых требовало ухода, а нормально перемещаться можно было только ночью, немного захватив вечер и утро. Дневной зной сильно осложнял путь, и обычно в это время войско отдыхало и занималось лечением раненых.

Отряд Навида, попавший в самую гущу событий, пострадал сильнее остальных, и, кроме Имана, самого Навида и ещё пары солдат, все погибли или пострадали в бою. Навид, положение которого и так было незавидным, теперь окончательно лишился

опоры. Он боялся, что ему грозит суровое наказание за такое неумелое командование отрядом.

Иман же был исполнен разочарования. Путь, которым он следовал, теперь вызывал у него отвращение. Ему пришлось оказаться буквально по горло в крови. Он был вынужден, защищая свою жизнь и свою страну, убивать врагов одного за другим. И теперь картина боя, вездесущей боли и жестокости висела у него перед глазами и никак не выходила из головы. В ночной тишине он слышал крики людей и звон клинков. Настоящая война оказалась для него настолько омерзительной, что он, неожиданно для самого себя, потерял веру во что бы то ни было. Его цели оказались не просто туманными – они оказались ложными. Грязь, кровь и убийства в таких непомерных количествах словно бы выбили землю у него из-под ног, он даже не мог радоваться победе Персии. Он не находил сил ни на что, кроме как неспешно идти вслед за войском, ночь за ночью. Но его частью он себя уже не ощущал. Он как будто бы вообще не принадлежал этому миру. Война любого делает отшельником.

Впервые придя в себя и осознав перемены в своей душе, Иман, в первую очередь, избавился от оружия – оно стало ему ненавистно. Легко было списать потерю меча на простую случайность – война могла объяснить всё, что угодно. Но теперь он понимал самое важное – ничто не может объяснить или оправдать саму войну. Во всяком случае, именно для него. Иман более не видел себя в ней в роли воина или кого бы то ни было. Сильнее его разочаровывало лишь то, что он половину своей жизни шёл неверной тропой. Весь этот путь, в итоге, он проделал лишь для того чтобы разочароваться, увидеть свои ошибки в полный рост. Он споткнулся и упал, да к тому же ещё и не мог подняться с колен. И, может быть, даже не хотел, боясь вновь ошибиться. Он словно бы молил каких-то своих богов о прощении, смиренно склоняясь, буквально падая ниц в ожидании их милости. И он уж точно не желал как-то праздновать победу в войне – слишком большой кровью она далась, пусть и была продиктована необходимостью. Любая радость казалась ему насмешкой над всеми теми, кто отдал свою жизнь ради неё.

***

Однажды утром, когда войско готовилось к очередной стоянке, Принц вёл коня подле отца, Туаммака и Хараза.

– Нам осталось не более двух дней пути, мой царь, – сказал Хараз.

– Отлично! – ответил Шахраман. Долгая дорога уже утомила его, даже несмотря на то, что он был привычен к походам. – Вели

отправить гонцов в Вавилон и распорядиться начать подготовку к празднеству! Мы отметим нашу великую победу пиром, которого ещё не видел мир.

– Хорошо, – почтительно кивнув, ответил Хараз и удалился.

Туаммак, всё это время дремавший и не выказывавший никакого интереса, вдруг оживился и что-то забормотал себе под нос. Очевидно, идея с пиром ему очень понравилась.

В последние годы возраст как-то особенно быстро переменил Туаммака. Из храброго и мудрого военачальника, он превратился в сварливого старика, думавшего лишь о том, как бы отдохнуть да набить брюхо. И свои обязанности он стал выполнять из рук вон плохо, скорее, по привычке. Шахраман не первый год думал о том, чтобы заменить его кем-то. Но лишь недавно ему представился удачный случай – репутация Принца и его, с трудом давшийся, но всё же успех в решающей битве не оставляли сомнений в правильности выбора нового первого генерала – второго лица в Персии после самого царя. Это превратило было бы Принца из номинальной фигуры будущего наследника престола в человека с реальной властью. Поэтому предстоящий пир должен был стать не только праздником в честь победы, но и отправной точкой для новых порядков, перемен и подготовки к передаче власти и трона сыну. И оттого, Шахраман намеренно шёл на этот спорный шаг, закрывая глаза на огромные потери, горе людей и множество раненых. Он даже ответил кому-то, решившему возразить, причём достаточно резко:

– Ничто другое не имеет значения. Мы победили, неважно, как и какой ценой. Победа абсолютна и это не обсуждается, а любые действия моего войска я считаю верными, раз они привели к этой победе. Никаких наказаний и никакой скорби, цена уже уплачена и нужно радоваться тому, что нам досталось в итоге. Ничто не должно омрачать победу!

И взглядом дал понять, что не желает слышать на эту тему более ни слова. Хотя на самом деле это решение далось ему нелегко, и он знал, что потери его войска – незарастающая рана и эхо войны будет звучать ещё долгие десятилетия. Но мог ли он, как царь, избрать какой-то другой путь? И теперь этой же дорогой за ним должен был пройти Принц, которому предстоит править в спокойное время, без нависающей угрозы. Не оглядываясь назад, а, наоборот, мчась во весь опор, навстречу новым возможностям и ветру свободы.

Войско прошло очередную гряду гор и оказалось в пустыне. Насколько помнилось Принцу, она была не особенно протяжённой, не более полудня пути. Было принято решение идти, в том числе, и в течение дня, кроме часов, когда солнце

палило просто невыносимо жарко, превращая дорогу в пытку. Но сейчас рассвет лишь только подбирался к горизонту, и воздух ещё был окутан ночными прохладой и сумраком. Внезапно, по правую руку от себя, Принц увидел, как из-за дюны показались какие-то руины. Он с трудом мог разобрать, был ли это храм, замок или что-то ещё, но был уверен, что он не помнит этого места. За долгие годы своих поисков он ни разу не натыкался на него. Но, уже через мгновение, его внимание привлёк чей-то силуэт. Дело было в том, – он не заметил этого сразу – что руины были обитаемы. К ним примыкали какие-то шатры, неподалёку тлел ночной костёр. Видимо, обитатель этого места, разбуженный шумом войска, вышел проводить его взглядом. И в этот самый момент он и попался на глаза Принцу.

Силуэт внезапно показался ему знакомым и его посетила странная и даже смелая догадка. Принц увидел в нём старого учителя и, немного поколебавшись, стремглав рванул с места в его направлении. Шахраман что-то крикнул ему вслед, заподозрив неладное, но Принц не обратил на это внимания. В конце концов, он ещё не бросился на новые поиски, а всего лишь хотел спросить совета.

Шахраман, поняв, что не может как-то повлиять на ситуацию, приказал Харазу отправиться вслед за Принцем и проследить, чтобы тот вернулся обратно. Он подчинился, жестом остановив Найзира и Мадида, которые собрались следовать за ним.

Принц же уже подъезжал к Зороастру. Сейчас он хорошо видел его, и сомнений уже не оставалось – это он, его старый учитель. Только время взяло своё, и он стал совсем дряхлым стариком. Кожа неестественного коричневого цвета, с тёмными пятнами, ещё более впалые глаза, вокруг которых виднелись чёрные круги – всё это выдавало в нём преклонный возраст. Пожалуй, даже слишком преклонный. Принцу не удавалось вспомнить кого-либо ещё, дожившего до таких лет.

Время… Это слово так крепко засело у Принца в голове, что невольно заставило его вспомнить что-то очень важное. Вернее вспомнить о том, что он знал нечто важное. Но пока всё ещё не мог выразить в словах. Призрачное, туманное видение, за которым он гонялся годами.

Конечно же! Пески Времени! В сознании Принца всплыли смутные детские воспоминания о том, как Зороастр постоянно твердил о них. Он был единственным во всём Вавилоне, кому было что-то известно о Песках! И все эти годы Принц искал не там, совершенно забыв о рассказах старика. Охваченный восторгом, Принц спрыгнул с коня и подошёл к учителю. Ему не терпелось обо всём его расспросить.

– Здравствуйте, мой Принц, – заговорил первым Зороастр, опережая расспросы Принца.

Он видел, как глаза последнего горят огнём, от нетерпения задать важные вопросы, но заметив, как к ним приближается ещё одна фигура, жестом пригласил Принца внутрь своего жилища. Зороастр подумал, что это сам Шахраман направляется сюда, и словно бы испугался этого. Ведь это он когда-то изгнал его в пустыню и вряд ли он изменил своё решение – Зороастр слишком хорошо знал характер царя и его категоричность. Принц же вообще не заметил приближения этой фигуры – слишком сильно его разум был охвачен ожиданием. Наконец-то он сможет получить ответы на свои вопросы. Неужели его поиски, наконец-то, окончены?

Добравшись до места, Хараз подошёл к шатру, но не стал заходить внутрь. Он решил послушать разговор снаружи. Он испытывал удивление и любопытство – чем же простой отшельник в пустыне мог так заинтересовать Принца? Кажется, всё очень непросто и Хараз был даже рад, что Шахраман послал именно его, а он не взял при этом телохранителей. Совершенно случайно ему удалось нащупать нечто крайне интересное.

– Я слышал, война пришла в эти края? – первым задал вопрос Зороастр.

– Да, – сухо ответил Принц. – Против Индии.

– Я говорил ему, что однажды это случится… Неминуемо, неизбежно! – сказал старик.

– Кому? – непонимающе спросил Принц.

– Магарадже Индии, вашему врагу, мой Принц, – пояснил старый учитель.

– Не знаю, только ли он один виноват во всём произошедшем, – возразил Принц. – Всё это – последствия других событий, настоящие причины – глубже. И с ними-то я и пытался бороться.

– Бороться с причинами? Помилуйте, это невозможно, ушедшее не вернуть, – удивился Зороастр, чуть усмехнувшись. Но его глаза не улыбались при этом.

– Я тоже так считал когда-то. Но потом… Нечто плохое произошло, когда мы возвращались с отцом из предыдущего похода в Индию. Мы напали на город Магараджи и…

Принц запнулся, не зная, как лучше изложить произошедшее, всё ещё жившее кошмаров в его памяти, будто всё произошло пару минут назад. Зороастр отвернулся и отошёл в сторону. Глубоко вздохнув, он прервал молчание:

– Вы нашли Пески Времени?

Его голос был полон сожаления и печали.

– Хуже, – сказал Принц. – Я открыл их!

Зороастр повернулся к Принцу. Его взгляд переменился, но Принцу не удавалось понять, что именно он означает.

– Это было около семи лет назад. И я потратил всё это время, чтобы найти ответы. Я смог исправить то, что совершил, но это породило новые ошибки. Эта война – лишь моя вина, – продолжил Принц.

– Сколько бы вы ни странствовали, он найдёт вас, – наконец ответил старый учитель.

– Кто? – спросил Принц.

– Дахака, зверь, которого не остановит никакая сила. Он – сама неизбежность, сама судьба. И он гонится за вами! – пояснил Зороастр.

– За мной? Но почему? Разве индийцы не пытались с его помощью победить в сражении? Впрочем, очень странно, что они пренебрегли силой столь могущественного союзника в начале битвы, – удивился Принц.

– Любой, кто откроет Пески Времени, должен умереть. Дахака – страж времени, следящий за потоком и уничтожающий любого нарушителя, – объяснил Зороастр. – И уж тем более, зверь никому не подчиняется! Он не послан чьей-то рукой, он – живое воплощение судьбы и неизбежной смерти.

Принц опустился на землю, обдумывая услышанное. Выходит, зверь пришёл только за ним? И Дарий погиб, будучи совершенно не причём? А он трусливо сбежал, лишь по счастливой случайности оставшись в живых?

– Что я могу сделать, чтобы изменить это? – спросил Принц. В его голосе слышалось отчаяние.

– Ничего. Вам не остановить зверя, не скрыться и не сбежать от него. Чудо, что вы всё ещё живы. Но стоит вам ненадолго вернуться в Вавилон и он настигнет вас, – вздохнув, ответил старик. – Вам суждено умереть, мой Принц. И вы умрёте.

Впервые в жизни Принц почувствовал настоящий страх. Перед неотвратимостью, холодной и грозной неизбежностью.

– Что ты можешь рассказать о Песках? Что ещё тебе известно? И что это за книжица, как она связана с ними? – наконец-то начал свои расспросы Принц. Но чувство восторга куда-то улетучилось, а глаза лихорадочно бегали из стороны в сторону.

– Откуда это у тебя? – ничего не ответив, спросил Зороастр.

– Я отобрал её у визиря Магараджи, – рассказал Принц. – Вернее, он обронил её.

– Это реликвия Острова Времени, – наконец-то ответил старик. Он раскрыл книгу, пробежался по страницам и вернул её Принцу со словами: – К сожалению, я не понимаю, что в ней

написано. Значит, Амар незаметно утянул её с Острова? Я всегда подозревал за ним что-то неладное.

– Что это за остров? – заинтересовался Принц. Это были первые за семь лет слова, проливавшие свет на тайну, что годами мучила его и затягивала в бесконечные поиски.

– Остров Времени – место, где были созданы Пески. Далёкий остров в двух неделях плавания от берегов Индии, откуда Магараджа украл Песочные Часы и кинжал, – начал свой рассказ Зороастр.

– Место, где были созданы Пески…, – проговорил Принц, что-то осмысливая.

– Там же он нашёл особые двери – порталы, ведущие сквозь время. С их помощью он смог вернуться во времени на сотни, на тысячи лет назад! Практически к самому моменту рождения Песков!

Зороастр говорил обо всех этих вещах столь непринуждённо, будто всё это было само собой разумеющимся. Принца удивляло то, в каких деталях старик описывает приключения Магараджи.

– Откуда тебе известно столько об этом месте? – спросил он. Но стоило ему задаться этим вопросом, как он уже знал ответ. Он всё понял даже без последовавшего объяснения Зороастра.

– Я был там, подле Магараджи. За много лет до того, как поступил на службу к вашему отцу. И я видел могущество и разрушительную силу Песков, – сказал старик.

Немного подумав, Принц спросил:

– Могу ли и я попасть туда? Однажды я уже использовал Пески, чтобы сделать так, будто никогда и не открывал их. Что если я отправлюсь назад во времени и вообще предотвращу их создание?

– Вздор! Даже если вы доберётесь до Острова, вам придётся иметь дело с Императрицей! – пояснил Зороастр.

– Императрицей? – удивлённо переспросил Принц.

– Неважно. На Дахаку подобные трюки всё равно не подействуют. Он всё равно поймает вас, – с грустью сказал старый учитель.

– Лучше попытаться и потерпеть неудачу, чем просто сидеть и ждать смерти! – решительно сказал Принц.

– Что ж, воля ваша. Ступайте, мой Принц, но помните – ваше путешествие не закончится ничем хорошим. Вам не изменить свою судьбу. Ни одному человеку это не под силу! – ответил Зороастр.

– Как добраться до Острова? – спросил Принц, проигнорировав последние слова старика. Но это не значило, что они не подействовали на него. Он думал, что делает это ради благой цели, а не только из собственных эгоистичных

побуждений. Его действия положили начало целой цепочке ужасных событий, которые не прекращаются до сих пор. И теперь у него появился отличный шанс исправить всё разом!

– Вам нужно плыть навстречу убывающей луне, в месяц Кислим, в самом конце осени. При этом финикийская звезда всё время должна смотреть вам в спину. Плывите до тех пор, пока не увидите созвездие в форме креста – это кинжал, который пастырь закинул далеко за край неба, когда отказался от войны и принял мирную жизнь. Острие кинжала укажет вам на Остров. Он окружён неспокойными водами, полными опасных скал и водоворотов. Иного способа добраться до Острова Времени нет.

– Я запомню это. Спасибо, – сказал, поднимаясь, Принц. Он не видел смысла в дальнейшем разговоре и трате драгоценного времени. Если всё сложится удачно, у него ещё будет возможность навестить старого учителя и поговорить с ним без спешки. И, полный решимости, Принц вышел из шатра, встретив, к своему удивлению, Хараза. Тот, внимательно подслушав весь разговор, перехватил инициативу и сказал:

– Вы собираетесь в путешествие? Я могу помочь вам, мой Принц. Я слышал, это может как-то остановить войну или отменить все эти смерти и разрушения?

– Да…, – неопределённо протянул Принц.

– Но ваш отец не одобрит этого! Первому генералу не пристало бросать своё войско, – продолжил Хараз.

– Да, но, пойми, я хочу предотвратить всё это! – выпалил Принц.

– Понимаю. И потому очень хочу помочь вам! – пояснил Хараз. – Я помогу вам организовать тайный побег и набрать команду для плавания. Вы хорошо запомнили маршрут?

– Как своё собственное имя! – ответил Принц.

Хараз и Принц обсудили некоторые детали и вернулись к войску, догнав Шахрамана и свиту генералов спустя полчаса.

***

Ночь застала персидское войско во время стоянки для отдыха, еды и перевязки ран. Принц отправился проведать немногих выживших из своей армии, желая к тому же поговорить с Иманом. В его путешествии ему очень пригодились бы такие надёжные и проверенные люди, как он. Принц мог довериться ему, хотя и не собирался рассказывать об истинных целях своего путешествия. Он объяснил бы это необходимостью, долгом перед Персией, обещаниями невиданных богатств и неслыханного могущества.

Иману это могло бы помочь убежать от самого себя, от войны и её последствий. Даже если их путешествие окажется смертельно опасным, и он не выживет в нём – пускай! Ничто не могло быть хуже, чем то, что он переживал сейчас. Возможно, оно спасёт его душу и вернёт в неё хоть частичку былого покоя. Но Принцу в тот вечер найти Имана так и не удалось, а на следующий день вокруг было слишком много других солдат и этот разговор Принцу пришлось отложить.

Когда Принц отправился на поиски Имана, Хараз отвёл в сторону Шахрамана и шёпотом поведал ему:

– Да, всё верно. Планируется побег, Принц хочет под каким-то надуманным предлогом всё бросить и вновь отправиться в свои странствия.

Шахраман, услышав это, пришёл в ярость. Но он не собирался сразу же идти к Принцу и обрушивать на него свой гнев. Он собирался воспрепятствовать побегу, проучив Принца. Тот должен будет усвоить урок, поняв, что не следует перечить воле отца и царя Великой Персии. И что у него повсюду есть глаза и уши.

Глава 6. Заговор

Последние несколько дней пролетели как один миг. Но теперь я могу позволить себе не считать их, как прежде, а вместо этого просто жить и дышать полной грудью! Тем более, я не потратил их понапрасну, а на следующий же день отправился к Бездне, чтобы убедиться, что всё произошедшее не привиделось мне в предсмертном бреду. Но всё оказалось правдой. Я раз за разом – сначала ночью, а потом уже посреди дня – бросал медальон в пропасть, но он не падал. И я вновь шёл по воздуху и видел этот чудесный свет, видел самого себя со стороны, и раз за разом мне являлось откровение, которое трудно описать словами. Но каждый раз видения не угасали, а разгорались с новой силой – вихри золотых пылинок окутывали меня и я видел дальше и глубже – свой путь в жизни, собственную Судьбу, что была кем-то заботливо прописана в книге жизни.

Постепенно я стал понимать, что чудо сменяется познанием – и я начал заходить всё дальше. Каждый раз я возвращался другим, новым человеком. Более полным, если можно так сказать, ведь я продолжал с помощью увиденного достраивать самого себя. Теперь я уже не был занят излечением тела, – моя болезнь полностью сошла на нет – а занялся наполнением своего сознания. Двери моего разума были открыты для новых знаний. Я словно бы пытался – и, самое главное, был в состоянии! – вычерпать всю бездну знаний и переложить её в собственную голову, крупица за крупицей.

Познавая то, что открывалось моему сознанию, я понемногу начал понимать суть того, что я обнаружил. Эта сила, которую я поначалу просто называл Светом, оказалась более материальной. Всё состояло из тех самых золотистых, искрящихся песчинок, что витали в воздухе над Бездной. Они-то и испускали этот яркий Свет. И они же пронизывали моё тело и моё сознание, существуя как бы в двух мирах – телесном и сознательном. Я долго размышлял над их природой и назвал их Песками Судьбы. И с каждым новым разом я всё сильнее убеждался в своей правоте. Сияние Песков вскоре перестало быть таким ослепительным, но лишь для того, чтобы я мог увидеть больше, проникнуть в самую суть вещей, в том числе и лучше изучить то, с чем я столкнулся. Может, подошло бы и название вроде «Пески Знания», но так или иначе всё было вплетено в Судьбу – мою собственную, моего народа и всего Острова. И эти знания были неразрывно связаны с ней, буквально нанизаны на её нить.

Иногда всё происходящее походило на сон. Мне даже казалось, что я могу утонуть в этом новом чудесном мире, раствориться без остатка и попросту сгинуть. Но Пески давали

мне возможность постоянно творить себя, наполнять всё новым опытом и знаниями. И я чувствовал, что остаюсь центром этого мира, а не растворяюсь в нём. Но лучше всего помогало мне то, что я видел почти каждый день один и тот же сон. Обычно, я едва ли запоминаю детали сновидений, но этот повторялся так настойчиво и явственно, что глубоко отложился в моём сознании. До такой степени, что проснувшись, я мог подолгу обдумывать его и даже откладывать свой очередной поход к Бездне. И это помогало мне чётко разделить реальность (пусть даже такую странную и новую) и сон. Потому что во сне всё было иначе.

Я находился в том же месте, уже привычном. Так же видел себя со стороны, разве что в моей руке отчего-то не было медальона. И вот, раз за разом я стоял в центре вихря песчинок и вглядывался в него. И мне казалось, что я вижу собственное отражение. Очень бледное и почти неподвижное. И я с удвоенной силой поглощал те дары, что давали мне Пески, но отражение лишь угасало. Что это значило? Я приближался к своей цели, творя самого себя заново, вычерпывая из Бездны всё возможное? Или, наоборот, я что-то упускал из виду, и оно уходило всё дальше от меня? И в какой-то момент отражение пропадало вовсе. Но в конце сна случалось так, что я блуждал по заброшенному замку, и не видел никого, кроме этих самых бледных и ускользающих отражений самого себя – иногда их можно было увидеть по несколько сразу.

Мне не удавалось найти ответа в своём сне, а утренние размышления тоже не приводили ни к чему. И поэтому я бежал с новыми вопросами к Пескам, в надежде, что однажды всё узнаю и пойму. Раз за разом медальон срабатывал как некий ключ, что открывал незримую печать и дозволял мне прикоснуться к чуду.

Дневник Намтара, запись 6

***

Ежедневные ссоры с отцом лишь укрепляли в Принце одну мысль – больше это продолжаться не может. Ещё одна неделя и ужас с тьмой сожрут его изнутри. Он чувствовал вечный страх, от которого попросту не мог избавиться. У него без причины перехватывало дыхание каждый раз, когда он поворачивал за угол, во тьму коридора или переулка. Он ждал, что смерть поджидает его повсюду, готовая вцепиться в горло и растерзать его. Все его смутные видения, что преследовали его эти годы, обрели форму, а слова Зороастра лишь усилили его страх. Впервые в жизни Принц по-настоящему боялся и был готов просто бежать. Пусть даже ему не удастся попасть на Остров

Времени – он просто не мог вынести этого мучительного ожидания.

Шахраман же не подавал виду, что ему что-то известно, кроме того, что Принц рассказывал ему. Он не слишком-то распространялся, обрисовывая свои страхи лишь в общих чертах, неустанно рассказывая о случае на войне, когда погиб Дарий. Но любые его слова Шахраман воспринимал в штыки, называя вздором. Ведь он – правитель Великой Империи, которая одержала сокрушительную победу в войне – кто посмеет угрожать его сыну, без пяти минут первому генералу, да ещё и в его собственном городе? Сам себе он объяснял такое поведение Принца страхом перед огромной ответственностью и порой вообще сомневался – не поспешил ли он с назначением? Но он видел сына в бою, слышал рассказы о нём и не сомневался в его доблести, силе и умениях. Нужно лишь немного жёсткой отцовской воли и река потечёт по руслу, что уготовано ей судьбой. Он был уверен в этом и собирался лишь не допустить побега, о котором его предупредил Хараз. И поэтому он распорядился, чтобы за Принцем повсюду следовали наблюдатели, куда бы он ни отправился, кроме тех минут, что он проводил за разговорами с отцом. Со временем Принц стал замечать слежку, но не придавал этому значения – у него был план, о котором его отец даже не подозревал. Хараз предложил ему свою помощь и несколько идей, как ускользнуть прямо из-под носа у Шахрамана.

Время от времени Хараз просил Принца зайти к нему и поведать немного больше об Острове. Он говорил, что благодаря этому сможет лучше подготовиться к путешествию и тем последствиям, что оно повлечёт. Хараз желал больше узнать о той необычной силе, что способна поворачивать время вспять. Он всячески старался выведать у Принца всё, что тому было известно, но последний не хотел упоминать случай в Азаде и потому его рассказы были туманны и немногословны. Он лишь твердил о том, что не верит в неотвратимость судьбы, а эта сила поможет ему изменить её. И эта мысль манила его собеседника, пленила и дурманила его.

В те моменты, когда Принц посещал Хараза, за ним тоже никто не следил – последний попросту был вне подозрений. Ведь именно его Шахраман попросил присмотреть за Принцем и проучить его. Пользуясь своим положением, Хараз мог свободно заниматься подготовкой побега, продолжая играть роль верного слуги.

– Я помогу собрать тебе команду для путешествия. Часть людей выберешь ты сам, если остались те, кому ты ещё доверяешь. Остальным займусь я, – сказал он однажды Принцу.

– Что мне нужно делать? – поинтересовался Принц.

– Только назвать имена тех, кому доверяете. А затем – лишь ждать, – пояснил Хараз. – Скоро будет пир в честь победы и это будет лучший день для побега. Я обо всём сообщу вам заранее.

– Иман и Навид, – солдаты из моей армии, – ответил ему Принц. – Я уверен в них.

– Превосходно, – сказал Хараз. – Теперь, думаю, вам лучше уйти. Скоро прибудет ваш отец.

Принц вышел из покоев Хараза и направился в казармы. В последние дни он находил утешение в тренировках, в дружеских поединках. Кроме того, он готовился к своеобразному выступлению на пиру. Отец, несмотря их постоянные разногласия, по-прежнему собирался в конце вечера огласить своё решение о назначении Принца первым генералом. Чтобы придать вес своим словам и развеять все сомнения в голове сына, он дал указание нанести ему на руку особенную татуировку, которую до наступления торжественного вечера он должен был скрывать ото всех.

Тренировки были Принцу ещё и полезны – он готовился к путешествию, полному опасностей и не сулившему ничего хорошего. Ему определённо предстоит столкнуться с противником, защищая свою жизнь с мечом в руках, поэтому очень важно было оставаться в форме. Кроме того, изнуряющие бои чуть приглушали его мрачные мысли, отвлекали его от постоянного ужаса и дум о неизбежном крахе.

***

После возвращения из похода, Принц обнаружил пропажу Имана. Он был твёрдо уверен, что тот остался в живых и возвращался в Вавилон вместе с войском. Но день за днём, приходя в казармы, он никак не мог разыскать его. И всё же он назвал Харазу его имя, словно бы о чём-то догадываясь или надеясь на что-то. За годы их знакомства он показал себя верным и надёжным товарищем, хотя Принц и не знал о переменах, произошедших в нём.

Тем временем, несмотря на указы Шахрамана о прощении любых ошибок и полном признании величия и непогрешимости победы Персии, реальное положение дело было таким, что Навид стал практически изгоем. Прочие командиры его избегали, его никто не приветствовал при встрече, а на собраниях его просто игнорировали. Вскоре даже солдаты перестали обращать на него внимание. Он растерял всяческое уважение и не знал, что же ему делать дальше. Навид не собирался оставлять службу – ему с таким трудом удалось попасть в Вавилон, и он не мог просто

взять и выбросить свою мечту. Не мог просто сдаться. Но день за днём ситуация лишь становилась всё хуже. Оставалась лишь небольшая горстка людей, всё ещё верных ему, но, казалось, и это было ненадолго.

Всё изменил тот вечер, когда Навида пригласил к себе Хараз. Первый был сильно удивлён этим – ещё бы, столь высокопоставленное лицо вызывает его на личную аудиенцию! Сейчас Хараз был вовсе не тем, каким он его знал. Теперь это был знатный, приближённый к царю человек, недавно титулованный как «глаз царя». Но тогда зачем он вызывает его? Если его хотят разжаловать или вообще изгнать, то хватило бы и кого-нибудь из командования, несколькими чинами ниже. Но Хараз – правая рука царя, его глаза и уши! Что ему могло понадобиться?

Охваченный странными и неоднозначными мыслями, Навид в назначенный час вошёл в приёмные покои Хараза. Тот стоял лицом к окну, сложив руки за спиной. Не поворачиваясь, он сухо и строго сказал:

– Проходи.

Навид подошёл, а Хараз, что наконец-то развернулся, сказал сопровождавшим его стражникам (день или два назад Навид о чём-то общался с Принцем и теперь за ним тоже следили):

– Оставьте нас.

Дождавшись момента, когда закроется дверь и, помолчав ещё с минуту, Хараз, наконец, заговорил:

– Ты, верно, не догадываешься, зачем ты здесь?

– Нет, господин, – чуть робко произнёс Навид.

– Твой генерал замолвил за тебя слово и у меня есть особенное задание для тебя, – пояснил Хараз.

Эти слова сразу же несколько успокоили Навида, и, вместо сомнений, в его глазах появился интерес. Именно на это Хараз и рассчитывал. Он отлично понимал, что путешествие, которое он готовит, требует особенно тщательного выбора людей. Он не может взять случайных солдат и просто приказать им. Они, в конечном счёте, могут просто разбежаться – вдали от дома, перед лицом опасности и без какой-либо ясной цели у них просто не будет никакой причины выполнить свою миссию. Поэтому ему были нужны такие люди, как Навид: близкие к отчаянию, либо ищущие что-то необычное, практически невероятное. Люди, ведомые идеей, сердцем, а не указанием свыше.

– Какое? – спросил Навид. Он был рад, что ему представится возможность вновь проявить себя и вернуть утраченное доверие.

– В твоём отряде служил солдат по имени Иман, – пояснил Хараз. – Разыщи его и расскажи о том, что скоро вы отправляетесь в путешествие. Корабль и экипаж – моя забота.

Навид удивился тому, что услышал, но не стал задавать глупых вопросов. Его не интересовали причины путешествия и мотивы Хараза, поэтому он лишь уточнил:

– Это всё, что требуется от меня?

– На данный момент – да, – ответил ему Хараз. – В назначенный день вы с командой и Принцем отправитесь в плавание, где и узнаете об остальном.

После этих слов в голове Навида всё уложилось и он, поклонившись ушёл, не видя смысла более занимать время Хараза. Тем более, у него, наверняка, мало времени, а поиски Имана окажутся непростым делом – он бесследно исчез.

Вечером того же дня Хараз вызвал к себе Тутака – богатого купца, который прославился тем, что в молодости наживался на различных авантюрах, опасных и даже сомнительных приключениях. Однако с тех пор прошло уже очень много времени и подобными вещами он не занимался. Его торговля переживала не лучшие времена, хотя и нельзя было сказать, что он вот-вот разорится. Хараз был уверен, что сможет заинтересовать старого пройдоху, пообещав ему несметные богатства. И суть дела была даже не в их количестве, а в их уникальности. Слабо представляя, о каких таких Песках Времени шла речь, Хараз использовал своё воображение и обманом зажёг огонь в глаза Тутака. Купец, не раздумывая, согласился помочь Харазу, снарядив корабль для путешествия. Использовать флот царя у Хараза не было возможности. Несмотря на все свои полномочия, он мог попросту вызвать подозрения у Шахрамана. И тогда весь план рухнул бы. Поэтому он решил действовать через того, для кого звон монеты значил куда больше слова царя.

Тутак, помимо своей доли от сокровищ и обещанной Харазом власти, выдвинул ещё одно условие. У него подрастал сын, юноша лет шестнадцати, по имени Фаранг. Его отец был недоволен тем, что сын не проявляет никаких особенных талантов, не идёт по стопам отца, а лишь сладко живёт за его счёт. Он хотел, чтобы тот вкусил настоящей жизни, пусть даже и опасных, но приключений. Конечно же, он просил Хараза присмотреть за ним, но всё же хотел преподать ему урок и сделать его мужчиной.

Хараз уверил Тутака, что приложит все усилия для исполнения воли купца и чуть ли не лично присмотрит за ним. На самом деле он ни разу не говорил, что и сам отправится в путешествие вместе с Принцем – это намерение он хранил в строжайшем секрете. Но он рассказал, что отправит в путешествие самых доверенных и ответственных людей, поэтому Тутак может не беспокоиться о судьбе своего сына. Купец был так рад их сделке, что пообещал Харазу найти лучшего капитана

и старших матросов во всём Вавилоне и безвозмездно подключить их к путешествию.

***

Отыскать Имана оказалось непростой задачей. Навиду пришлось узнать другую сторону жизни города. Грязь его ночных улиц, тайны тёмных переулков и самых нищих районов, полных калек, пьяниц, воров и блудниц. Оказалось, что Имана приютил мужчина по имени Рахим – добродушный, приятный человек, который потерял сына и жену, но не пал духом. Он жил очень бедно и, поэтому, когда Навид обратился с предложением к Иману, тот охотно принял его, однако выдвинул условие – Рахим отправится с ними. Если их путешествие увенчается успехом, то он сможет, наконец-то покинуть трущобы и провести старость в достатке и покое.

Рахима любили и уважали даже в таких местах, как это – пристанище разбойников, подлецов и беглых рабов. Возможно, всё дело было ещё и в том, что у него просто нечего было взять. Всё, чем он был богат – доброе сердце и худые рубашка со штанами. А его угол, который он называл домом, едва ли был завидным жилищем. Он чувствовал себя свободным от всего, и эту свободу невозможно было отобрать. Но Иман желал отблагодарить Рахима и дать ему то, чего он действительно заслуживает.

Навид не возражал против такого предложения, но всё же убедился – будет ли он полезен в бою? Иман поспешил заверить Навида, что Рахим в прошлом служил в дворцовой охране и умеет обращаться с оружием, даже несмотря на свои годы. Кроме того, близкий к уличной жизни, он знает и пообещал привести бойца, победителя десятков турниров, который уже давно ищет достойного противника. Звали его Арсалан и он сражался как лев. Ему просто не было равных, но этот успех сыграл с ним злую шутку – он постоянно надеялся, что найдётся кто-то или что-то, что заставит его действительно попотеть. Достойный, равный ему соперник и их схватка – вот, что интересовало его. Ради этого он готов был отправиться хоть на край света.

***

Меж тем, во дворце полным ходом шла подготовка к празднеству. Шахраман велел украсить самый большой зал во дворце. Повсюду расставили столы, артисты и музыканты днями репетировали свои номера для выступления в назначенный вечер. Но Шахраман хотел большего. Он хотел, чтобы вместе с

ним праздновал весь Вавилон. Повсюду в городе установили сцены для бродячих артистов, а в палатках поблизости в день празднества с самого утра раздавали выпивку и угощения всем желающим. Шахраман был готов на любые траты, чтобы тень недавней войны поблекла и испарилась из памяти людей. В эти дни он был невероятно раздражителен. Настолько, что даже Принц прекратил попытки достучаться до его разума и убедить в реальности опасности. И просто ждал празднества вместе с остальными. Но, конечно же, совершенно по другой причине. В этот день должен был состояться побег, к которому он так давно готовился.

Принц тайно передал на корабль все необходимые вещи, включая одежду и оружие. Хараз во всём помогал ему и, будь у Принца чуть более ясный разум, он обязательно бы задался вопросом – зачем это ему? Но вместо этого он продолжал тонуть в пучине мрачных мыслей, не в силах даже притворно подыгрывать всеобщему настроению приближавшегося праздника. И даже более того – идея этого пира была ему противна. Погибло так много людей! Те, кого он знал лично, например, Дарий. Он отдал жизнь за Принца! И, к сожалению, всё это было последствием его роковой ошибки. Он хотел спасти не только себя, но и свою душу. Слишком много крови было на ней. Настолько, что даже ему, привыкшему смотреть смерти в лицо и биться по локоть в крови, было невыносимо тяжело.

Одновременно с этим Принца тяготило то, что он шёл против воли отца. Он знал, что прав, что иного пути нет, но, по сути, он был предателем, бунтовщиком! Заговор, который вырос за эти дни в тени дворцовых сводов, распространился на улицы и привлёк множество других людей. Он как яд отравлял их сердца, и они с огнём в глазах шли на преступление и готовились к путешествию. Пусть даже и по совершенно разным причинам, более или менее корыстным: одними двигала жажда наживы, другими – тяга к приключениям. Что бы конкретно не вело их, все они были частью заговора против воли царя. И обратного пути не было. Да никто его и не искал. Взоры каждого были устремлены вперёд, к их собственным вожделенным целям.

***

– Сегодня всё случится, – сказал Хараз Принцу, когда тот в ранний час пришёл к нему.

– Что мне нужно делать? – спросил Принц.

– По-прежнему, лишь ждать. И быть готовым, потому что выдастся лишь один момент и действовать нужно будет решительно, без промедлений и колебаний, – рассказал Хараз,

добавив: – Всё в силе: и место и корабль. Будет глубокая ночь и всё должно пройти гладко.

Тутак [*прим.: от персидского имени «Toutak/Tutak», означающего «сундук с деньгами»*], купец, щедро предоставивший корабль для путешествия, должен был присутствовать на празднестве – Хараз позаботился об этом – и подать сигнал, когда всё будет готово к отплытию. Никто ничего не заподозрит, ведь оба будут праздновать вместе с остальными и ни разу не скроются из поля зрения. Хараз восхищался своим же планом – столь изящным и верным он казался ему самому. И последним штрихом в нём было его намерение отправиться в путешествие вместе с Принцем. Ведь у него тоже была своя цель, ради которой он готов был отречься от чего угодно – своего положения, богатства. Ему не удалось низложить власть Шахрамана нападением Индии, значит, в этом ему поможет невиданная и невероятно могущественная магия.

– Только не говорите никому из команды о своей истинной цели. Скорее всего, они не поймут вас, – добавил Хараз вслед уходившему Принцу.

Глава 7. Пир

Я решил совершить первые шаги по превращению Песков из личного чуда во всеобщее благо. В отличие от моих снов, Остров был полон настоящих, живых людей, которые только и ждали того, чтобы вступить в новую прекрасную жизнь, полную открытий. Хотя, возможно, пока они и сами об этом не догадывались. Но Судьба неизбежна, неотвратима и … прекрасна! Моя цель – открыть людям великую тайну. Постепенно, так же, как и я сам когда-то, они познакомятся с этим великим даром, и всё окончательно изменится, обязательно к лучшему. Ведь всё, что я и мой народ знал на протяжении долгих веков – это медленное увядание и упадок, мы жили в тени великих, но давно ушедших эпох, о которых не осталось почти никаких воспоминаний, кроме развалин замка в центре Острова. Кто же знал, что среди этих развалин скрывается такое?

Необходимо было начать с нескольких людей. Возможно даже одного. И им вполне мог быть мой сын. Пришло время показать ему могущество Судьбы, которая ослабила хватку смерти на моей шее и дала мне новую жизнь. Судьбы, которая была пронизана знаниями предков и моих будущих свершений. Зная её наперёд, я был словно бы вне времени. Я жил одновременно и в прошлом и будущем. И я видел то, к чему стремился в настоящем. Процветание Острова – то, что я мог, чуть прищурившись разглядеть в этом всё ещё достаточно ярком свете Песков. Будущее блистало, оно было прекрасным и совершенным, но всё же довольно туманным – я до сих пор ещё очень плохо умею обращаться с этими знаниями. Они передо мной, достаточно лишь вытянуть руку. Но, казалось, что они иногда написаны на неведомом, давно забытом языке и смысл каждого слова мне ещё предстоит найти в долгих и, порой, мучительных поисках.

Я сильно переживал, боясь, что в присутствии другого человека что-то пойдёт не так. Что окажется, что лишь я один вижу всё это. Или Бездна не откроет свои секреты «чужаку». Но всё прошло как обычно, только на сей раз мне даже не пришлось пользоваться медальоном. Достаточно было того, что я сжимал его в руке, не бросая в пустоту. Свет Песков, как и прежде, мгновенно застлал всё вокруг.

Не знаю, удалось ли Нергалу разглядеть то же, что и мне, но он ушёл в глубокой задумчивости. Я не буду торопить его – наверняка всё это нужно обдумать и взвесить. Я буду покорно ждать его возвращения, а пока продолжу свои изыскания в бесконечности, дарованной Песками.

***

Праздничный вечер, ознаменовавший победу, обещал пройти шумно и весело. На торжество были приглашены не только вельможи и военачальники, но и вся городская знать. Известные люди, среди которых были богатые купцы, жрецы и главы уважаемых семей. Недавняя победа Персии была событием неординарным и даже великим. Грандиозность этого вечера была призвана показать это величие и закрепить его в умах людей – празднество распространялось даже за стены дворца.

Шахраман в этот день находился в необычайно хорошем расположении духа, с радостью приветствовал гостей, лично встречая их в центре большого зала. По нему были расставлены ряды столов, но таким образом, что в центре оставалось достаточно свободного места – планировалось праздничное представление. Всюду сновала прислуга, разнося кушанья и разливая напитки.

Сам зал был просто огромным – в нём могла поместиться небольшая армия. Казалось, он был специально создан для такого рода приёмов. Массивные своды поддерживались круглыми белыми колоннами со спирально закрученными узорами. Вдоль стен было расположено множество арок, которые служили входами, а их верхушки были оформлены полосатым узором – чередовались бордовый и белый цвета. Повсюду были развешаны флаги Персии с изображением орла. Близилась ночь, и потому уже были зажжены факелы – зал хорошо освещался. В огромных окнах, усаженных зеленью и цветами, виднелись огни огромного города.

– Прошу Вас, проходите! – говорил Шахраман почти каждому из гостей.

Он хорошо знал многих из пришедших, уважал и высоко ценил их. Благодаря им Вавилон и Персия росли, а вместе с этим и их могущество.

Стол царя находился поодаль, на специальном возвышении, предваряемом мраморными ступенями. Он был обращён лицом к залу, так, чтобы взором можно было охватить почти всю его площадь. Помимо Шахрамана, место за столом занимали Принц, Туаммак, Хараз, несколько высокопоставленных персон и самые преданные из сатрапов великого царя. Одно место пустовало – то, что занимал бы сейчас погибший Дарий.

– Друзья! – торжественно произнёс Шахраман, поднявшись на своё место, когда собрались все гости. – Сегодня – важный день! Великая Персия стала ещё сильнее! Веками будут

прославляться наши победы, о них сложатся песни и легенды. Но нам выпала особенная честь – находиться здесь и сейчас для празднования этого момента!

Шахраман поднял со стола бокал с вином и выпил его почти одним махом, громко опустив его обратно. Все остальные с радостными криками последовали его примеру.

Шахраман сладостно улыбнулся и добавил:

– Да начнётся великий пир во имя нашей победы!

Затем он тут же сел в своё кресло, и принялся за куриную ножку, что уже лежала у него в тарелке. День был тяжёлым, он потратил много сил и оттого с жадностью вгрызался в мясо. Его внимание притупилось, сознание было полностью погружено в атмосферу всеобщего веселья, и он не замечал отдельных мелочей, случавшихся то тут, то там: где-то со звоном на пол упал бокал вина, а кто-то не усидел на стуле и упал с него под всеобщий смех. Для Шахрамана всё это было совершенно не важно. Это были звуки празднества, они не могли быть другими. Всё шло так, как и должно было, думалось Шахраману. Он даже не замечал, что Принц, сидевший рядом с ним, находился в прескверном настроении и едва находил силы для очередной натянутой улыбки.

Его мысли были заняты вовсе не победой и не праздником. Принц думал о том, что произошло с ним и Дарием там, на вершине холма. Дахака, кошмар, преследовавший его все эти годы, наконец, настиг его. Но Принцу удалось сбежать. Поступил ли он трусливо? Дарий беззаветно бросился на защиту Принца, а тот колебался. Он знал, кто перед ним и прекрасно понимал, что ему просто нечего противопоставить чудовищу. Встреча с ним – верная смерть. Но Дарий ни за что бы не отступил и не бросился бы убегать. А Принц сбежал, воспользовавшись шансом. Как долго будет это продолжаться? Неужели он всю жизнь будет вот так бегать от своей смерти, находясь в постоянном страхе и отчаянии? И, если на тот момент у него были какие-то сомнения и надежды по этому поводу, то после встречи с Зороастром он окончательно всё осознал. Дахака никогда не перестанет преследовать его. Когда-то Принц разорвал ткань времени кинжалом и теперь оно, как раненый зверь, гналось за ним по пятам, желая отомстить. Смертный приговор подписан и палач уже занёс свой топор. Его смерть – лишь дело времени. Слова Зороастра крепко засели у Принца в голове:

«Вам не изменить свою судьбу. Ни одному человеку это не под силу», – сказал он тогда Принцу.

Они буквально убивали его. Рушили в нём надежду, хватаясь за которую, Принц всё ещё искал выход. Хоть какой-нибудь способ избежать неотвратимое. Всё это отбирало у Принца силы,

буквально выжимая из него все соки. Его мучали головные боли и постоянные кошмары. Чувство безысходности буквально разъедало его, изнутри и даже снаружи – в последние месяцы он выглядел болезненным и истощённым. Поэтому даже сейчас, когда у него вновь появилась робкая надежда – путешествие на Остров сулило ему шанс предпринять что-то по-настоящему действенное в решении его проблемы – он не находил сил радоваться этому шансу. Смерть, преследовавшая Принца по пятам, казалось, настолько вытянула из него жизнь, что появлялся вопрос – а было ли ему за что бороться? Кроме того, особенно его тяготило то, как его собственный отец относился к нему и его идее. Сейчас он чествовал Принца как героя, как великого победителя, настоящего героя Персии, но Принц отлично запомнил тот их разговор. То, насколько резко Шахраман выступил против путешествия Принца и какие меры он предпринял против этого. И от этого Принцу становилось ещё более тягостно, он чувствовал себя чуть ли не предателем. В эту ночь ему предстоит ослушаться воли отца, царя Персии, и устроить собственный побег. Но у него было выбора – неизвестно, когда представится другой такой шанс и, возможно, у него уже не остаётся времени в запасе. Однажды чудовище настигнет его, прямо здесь, на пороге собственного дома. Там, где он чувствовал себя пленником. Вавилон стал его тюрьмой.

Люди, приглашённые на праздник, тем временем беззаботно веселились, что злило Принца, портя ещё сильнее его и без того ужасное настроение. Он сидел, стиснув зубы, стремясь не показывать своего настроения. Еда не привлекала его – аппетит ушёл от него уже очень давно. Принцу приходилось есть только для того, чтобы поддерживать силы. Он лишь исступлённо водил ложкой по своей тарелке, и изредка через силу клал что-то в рот. Ему оставалось лишь дождаться сигнала от Хараза. Это всё, ради чего Принц находился тут и терпел этот вечер.

Праздник шёл своим чередом, люди веселились. Время от времени кто-то произносил речи, все поднимали бокалы. То тут, то там раздавался смех, громкие разговоры. Большинство из них были праздными и несерьёзными. Некоторые же, напротив, пытались говорить о делах и даже строить новые знакомства. Обстановка была для этого тоже вполне подходящей.

Улучив момент, когда Шахраман, охваченный весельем, вышел из-за стола и пошёл по залу, а Туаммак отвлёкся, чтобы стряхнуть крошки со своей чёрной бороды (несмотря на возраст, у него до сих пор не было ни единого седого волоса!), Тутак кивнул Харазу. Момент был идеальным – Шахраман отвлёк на себя внимание толпы, вокруг было шумно и суетно – никто не обратил бы внимания на этот мимолётный жест. Но Хараз ждал

его, почти не отводя взгляда от Тутака. За минуту до этого к последнему подошёл кто-то из слуг с поручением подать ему незаметный сигнал, который означал, что всё готово. А теперь об этом знал и сам Хараз. Всё шло по плану, шумный праздник был им только на руку. Теперь лишь оставалось выждать ещё один удобный момент, чтобы сообщить Принцу и помочь ему незаметно ускользнуть из дворца.

Все эти дни Принц чувствовал себя так, словно бы он находился в темнице. Как преступник он заточён в тюрьму и без разрешения царя он не сможет её покинуть. А тот ни в какую не желал слушать Принца. И ещё большим наказанием была для него темница его собственного разума. Будто бы его бросили гнить в грязном и зловонном подвале, без солнечного света и других людей – настолько мрачными и отчаянными были его мысли. Каждое утро Принц проводил в мучительном ожидании палача, просыпаясь ещё до восхода солнца. Хотя, может, это было бы даже лучше – несколько мгновений и конец всем мучениям. Но его разум был изощрённо нетороплив. Принц день за днём тонул в омуте своего сознания, он не знал, куда ему деваться, куда убежать от собственных мыслей. Казалось ещё секунда, и он буквально захлебнётся ими. Однажды ему очень помогло прохладное лесное озеро, искупавшись в котором, он почувствовал необычайную лёгкость. Но второй раз это не сработает. Сознание Принца, бывшее почти таким же чистым и незамутнённым, теперь превратилось в болото, которое засасывало его всё глубже. И ничего ему не поможет, он задыхался, его единственное спасение – возможность убежать. Он хотел убежать не от своего отца. Не от своей судьбы или даже самой смерти в лице Дахаки. Он хотел убежать от себя самого.

И всё же Принц ещё хотел жить. Хотел бороться. Человек в нём ещё существовал, жил. Прямо в том месте, где это уже казалось невозможным. Там, где всё было вытерто и выжжено тьмой и отчаянием. И этот человек мог ещё держаться на ногах и даже бежать вперёд. Скорее всего, не благодаря обстоятельствам, а вопреки им.

Желая жить, Принц испытывал страх перед смертью. Это то, что давало ему сил, не давало махнуть на всё рукой, сдаться. Он был буквально вынужден хотя бы бежать, – покуда не придумает чего-то получше – испытывая почти животный страх, бессильный перед своим убийцей. Перед своей судьбой. Её руки уже буквально вцепились ему в горло и готовы задушить Принца, разметать его в клочья – предать полному и абсолютному забвению. Поэтому он решился на абсолютно отчаянный, невозможный поступок – попробовать изменить свою судьбу. Столкнувшись лицом к лицу со смертью, человек едва ли будет

считать невозможность препятствием на своём пути. Скорее это будет некой возможностью, шансом. Может быть даже вызовом.

Конечно же, Принц отлично понимал, что от Дахаки не спрятаться в лесном озере, под толщей воды – как глубоко ни ныряй. Как далеко ни беги, как хорошо ни прячься. Нужно нечто куда более действенное. Именно холодный и расчётливый разум, который душил его мрачными мыслями, был его лучшим другом и единственным спасителем. Особенно сейчас, когда от него, кажется, отвернулись даже близкие люди. Ему в одиночку предстояло нести ответственность за свои ошибки, он мог надеяться только на самого себя. Хотя без хорошего судна и команды ему не добраться до Острова. А значит, придётся идти на некоторые жертвы и уступки. Помощь ему всё-таки понадобится.

Над городом плыла убывающая луна, её тонкий серебристый блеск освещал крыши домов. А тёмная, густая ночь словно бы манила Принца, звала куда-то. Будто бы сама природа помогала ему сейчас осуществить задуманное. Под покровом ночи ему гораздо легче незамеченным выбраться из города и оказаться на корабле. Принцу хотелось прямо сейчас броситься к ближайшему балкону, что был расположен неподалёку от его стола, спрыгнуть вниз и бежать. Но он был вынужден ждать. Принц был глубоко погружён в свои мысли, он совершенно не следил за ходом вечера, он потерял счёт времени и с куда большим интересом смотрел на ночное небо и луну.

В какой-то момент Шахраман отвёл взгляд вбок, несколько раз кивнул и сделал пару жестов. Пришло время оживить вечер и устроить обещанное в начале празднества представление. Он встал и медленно, но громко хлопнул в ладоши несколько раз, привлекая внимание гостей. Кто-то из них уже почти дремал, кто-то был пьян. Разговоры понемногу стихали, люди были сыты и чувствовали усталость. Но Шахраман желал продлить этот вечер, так, чтобы он не был каким-то рядовым событием, а действительно запомнился всем.

Представление началось с танца наложниц. По сигналу Шахрамана они вышли в центр зала и, под ритмичную музыку литавр и сантура, начали своё выступление. Их движения были изящными и плавными, руки танцовщиц словно бы скользили по воздуху. Все элементы исполнялись ими практически одновременно, отчего танец превращался в чарующее зрелище, какое-то магическое действо. Гости оживились и увлечённо наблюдали за выступлением. В какой-то момент стало понятно, что это лишь прелюдия. Литавры и сантур поутихли и зал заполнился звуками лютни, а вместе с ней вышла и ведущая танцовщица. Её наряд был ярче, чем у остальных – ей была

отведена особая роль в танце. Её движения теперь задавали его настрой, остальные лишь вторили ей. Особое внимание в своём танце она уделяла мимике и рукам. Иногда она использовала большой платок из полупрозрачной материи, который волшебным образом то пропадал из её рук, то вновь оказывался у неё. В конце танца девушка, кружась, медленно опустилась на пол, склонила голову и сомкнула глаза. Сверху плавно опустился опять из ниоткуда появившийся платок и накрыл её плечи. Стихли звуки музыки и остальные танцовщицы беззвучно отпрянули. Повисла немая пауза – было слышно даже дыхание девушки, которое она старательно сдерживала. И через несколько секунд – шквал восторженных аплодисментов, одобрительных возгласов и улыбок от гостей вечера. Но девушка лишь скромно потупила взор, лёгким движением встала и поспешила удалиться, оставляя у гостей чувство недосказанности и волшебства.

Шахраман, не меньше гостей зачарованный танцем, дождался, когда толпа утихнет и сделал знак одному из слуг, чтобы тот объявил следующий номер. Он должен был стать сюрпризом и для самого Шахрамана, своеобразным подарком царю. В абсолютной тишине в зал вышел мужчина средних лет. Его одеяния выдавали в нём простолюдина, но внимание гостей вмиг приковал не его внешний вид, а его голос. Перед ними стоял известный городской поэт, который намеренно вёл бродячий образ жизни. Чтобы его стихи всегда были полны силы и правды, он считал просто необходимым терпеть лишения, испытывать муки и видеть жизнь без прикрас. «Настоящий поэт должен быть голодным», – говорил он.

Его голос разительно отличался от образа забитого бедняка. В нём была сила, резвость и одновременно чувственность. Строки, что он читал, казались простыми, но при этом были ёмкими и правдивыми, смелыми. Может быть даже чересчур. Фарнуд – так его звали – горячо любил Персию. Он видел её со всех сторон – ему была знакома жизнь бедняков со всеми её ужасами, но нередко доводилось и выступать в домах знати. И весь свой опыт он вкладывал в свои стихи. Его сегодняшнее стихотворение было всецело посвящено Персии и любви к ней. Он говорил то от лица нищего с улицы, который радовался, что защищён от песков пустыни и врагов стенами огромного города и войском мудрого царя, не видящего, при этом, его страданий из-за голода и нищеты; то от лица знатных вельмож, что были признательны судьбе за беззаботную сытую жизнь. А в какой-то момент Фарнуд заговорил от лица самого Шахрамана, что обращался к божеству света со словами благодарности и в поисках высшей мудрости. Он затронул тему времени – его

величия и мощи. Созидательной и разрушительной. И о том, как люди превозмогают эту стихию, строя огромные города, которые стоят веками. О том, как люди умирают, но успевают при этом дать начало новой жизни, творя, тем самым, вечность. По крупицам, ценой тяжёлого труда, веры и храбрости, создают нечто нерушимое и великое. И людские творения растут не только вширь, но и ввысь, взмывая к небесам. И всё это помещалось в одном стихотворении. Казалось, что поэт вообще не собирается заканчивать своё выступление. Его слова пьянили толпу, словно вино, бередили сердце и ум, а потому ему прощались некоторые вольности. Великой стране – великие поэты! Шахраман слыл милосердным правителем и ни за что не прогневался бы на поэта за несколько неосторожных фраз. Определённый набор свобод, даже для покорённых народов – не говоря уже о персах – это то, что царь считал просто необходимым и само собой разумеющимся для процветания великой страны.

Один лишь Хараз не разделял всеобщего восторга от слов поэта. Он прекрасно понимал, что его либо вынудили, либо подкупили, чтобы он сделал это. Слова казались ему фальшивкой, тем, что все хотели бы услышать и лишь отдалённо похожим на правду. Неужели никто кроме него этого не замечает? Харазу с трудом удавалось сдержать своё негодование, но вряд ли бы кто-то его понял. Трюк сработал, и гости были крайне довольны. Что ж, возможно виноваты поздняя ночь и вино, что делают людей слабее.

И вновь выступление закончилось абсолютной тишиной. В этот раз молчание длилось даже дольше, чем в предыдущий. Слова поэта проникли в сердца и умы людей, пропитали их особыми чувствами и мыслями. Шахраман буквально застыл в немом восторге. Спустя какое-то время он молча встал и подошёл к Фарнуду, пожал ему руку и поклонился – знак особенного, даже исключительного почтения. Тот, кажется, был несколько удивлён, хотя и всячески скрывал это. В этот момент гости наконец-то зааплодировали и под бурные овации поэт вышел из зала, а Шахраман вернулся на своё место.

Принц не обращал никакого внимания на происходящее. Шум сменялся тишиной и наоборот, сливаясь в монотонный, неразборчивый гул. Он даже не обратил внимания на поэта, когда слова того явно были обращены к Принцу:

Не порушит отца начинаний великих,
Но преумножит достойнейший сын!

Его мысли были далеко отсюда. Он был не просто в другом месте или времени, казалось, он находился в другой жизни. Его стеклянный взгляд был устремлён в высокое окно, которое открывало вид на ночной город. Высоко в небе висела луна, холодная и далёкая. Недостижимая, как и другая жизнь, о которой грезил Принц. Он размышлял о том, что было бы с ним, не открой он Пески? Как могла сложиться его жизнь? Стал бы он попусту тратить годы, гоняясь за призрачной тенью прошлого? Стал бы он тем, кем был сейчас или был бы вовсе иным человеком?

Он мог бы остаться всё тем же напыщенным юнцом, что ищет лишь чести и славы. Его отец гордился бы им, не подвергая сомнениям его способности. Между ними не происходило бы частых ссор. Все эти семь лет он бы набирался мудрости и готовился бы стать достойной сменой своему отцу. Его жизнь была бы спокойной хотя бы потому, что он сам бы выбирал себе врагов. Дахака не преследовал бы его, держа его в постоянном страхе.

Он бы не знал Фары… Ну и что? Он бы не знал этих мучений, этого отвратительного чувства, когда казалось, что его сердце гниёт заживо и его любовь превращается из чего-то прекрасного и светлого в груду обломков, руины. Огромный чёрный вихрь, что отравляет мысли, вселяет тревогу и безмерную грусть. Зачем ему всё это? Порой ему казалось, что он ненавидел Фару. За то, что она с ним делала, как мучила его. Нет, конечно же, она лично была ни при чём – это лишь его собственные мысли и чувства. Их бездна затягивала Принца, и с каждым разом он всё с большим трудом мог выбраться из неё. Судьба за эти годы не преподнесла ему ничего хорошего. У него было даже подспудное желание сдаться ей и умереть. Он боялся признаться себе в этом. Но он так устал от вечной погони, от борьбы с собой и своими воспоминаниями. И не меньше устал от всех этих «а что если?». Почему он опять купается в своих грёзах, неужели возможно выдумать другую жизнь настолько ярко и сильно, что она станет реальностью? Тут не помог бы даже кинжал с его удивительными возможностями.

После выступления поэта прошла пара минут, и, когда гости пришли в себя, в зале послышались звуки лютни, игравшей лиричный мотив. Поначалу её звук был робким и одиноким. Затем к нему присоединилась вторая лютня. Её мелодия вторила первой. Потом внезапно обе стихли, стали чуть слышны и полилась пронзительная музыка кеманчи. Но главная партия была у юной девы, что вступила с песней чуть позже. Она исполняла очаровательную балладу о потерянной любви, в которой девушка долгие годы искала своего возлюбленного. Она

до последнего не оставляла надежду, лелеяла её в своём сердце, но боялась кому-либо рассказать об этом, поэтому она тайком уходила под вечер в пустыню и изливала душу своим единственным друзьям – костру и тёмной ночи. Иногда ей хотелось петь или танцевать, а порой – просто бессмысленно бормотать и плакать.

Песню гости приняли не так единодушно – кому-то было откровенно скучно, кто-то продолжал есть. Были и те, кому она пришлась по нраву – они заворожённо слушали, оторвавшись от разговоров. Но более всех она тронула царя – Шахраман едва удерживал слезу, сердце в его груди билось с удвоенной силой. В нём вновь проснулось то приглушённое чувство, что он старательно прятал от самого себя. Каждая строчка песни дарила ему одновременно и боль и наслаждение. Он невольно закрывал глаза, представлял себе что-то, и его сердце наполнялось теплотой. Но стоило открыть их – он чувствовал грусть. Когда песня закончилась, Шахраман был не в силах что-либо сказать. Некоторым показалось, что он вообще уснул. И был совершенно не в восторге от песни. Музыканты спешно удалились, гости же вновь стали оживлённо разговаривать друг с другом, изредка поглядывая на Шахрамана.

Кто-то из музыкантов споткнулся, уходя из зала, что вызвало общий смех. Изрядно захмелевший Туаммак разразился хохотом и в порыве хлопнул Принца по плечу, вырвав его из плена иллюзий. Очутившись снова в этом мире, Принц через силу улыбнулся, не понимая до конца, что происходит, и посмотрел на отца.

Тот сидел неподвижно. Лишь спустя несколько минут он встал и ещё раз поблагодарил всех собравшихся. После чего добавил:

– А теперь пришло время для чего-то особенного. Персия славится силой своих воинов, их умением и ловкостью. Так узрите их во всей красе!

В середину зала высыпала дюжина персидский воинов – не каких-либо актёров, а самых настоящих солдат, в форме и при оружии. Разговоры стихли – все ждали, что же им предстоит увидеть на этот раз.

Хараз понял, что лучше шанса не представится и обратился к Принцу:

– Дорогой Принц, будьте так любезны, передайте мне вон то кушанье!

– Не проще было попросить меня? – спросил Туаммак, сидевший рядом.

– Но разве не Принц принёс нам великую победу? Я хочу принять угощение именно из его рук! – ответил Хараз.

Этот ответ заставил Туаммака замолкнуть, а Принц, всё ещё не до конца очнувшись от грёз, медленно взял блюдо и протянул Харазу. Тот, изобразив неловкость, уронил содержимое блюда прямо на Туаммака. Тот возмущённо вскочил с места и начал стряхивать с себя остатки еды. Хараз поспешил использовать эти несколько секунд замешательства, притянул Принца к себе за руку и шепнул ему:

– Всё готово, корабль ждёт вас. Чтобы незаметно уйти – делайте, что я скажу.

Тем временем Туаммак справился со своими хлопотами и уже радостно усаживался на место.

– О, простите, я так неловок. Я обязательно найду способ загладить свою вину, – сказал Хараз.

Туаммак отмахивался руками, он не был в обиде. Тем более его больше интересовало то, что начинало происходить в зале. Война была его жизнью, теперь она должна была стать ещё и искусством. Не только для него, но и для остальных – они смогут увидеть её его глазами.

Хараз тем временем встал и произнёс:

– Простите, что вмешиваюсь, но мне кажется, что представление будет неполным без ещё одного величайшего воина!

Принц тут же понял, к чему клонит Хараз, мозаика сложилась воедино. Он чувствовал огромное нежелание играть отведённую ему роль, но одновременно понимал, что выбора у него нет. План приводился в действие и Принц был его частью. Слишком многое было поставлено на карту, поэтому ему просто придётся подчиниться.

– Принц, прошу вас, займите достойное место среди отважных и могучих сынов Персии. Это ваша судьба! – закончил свою мысль Хараз.

Шахраман был в восторге от идеи, а Туаммак ударил рукой по столу со словами:

– Почему мне самому это не пришло в голову?

И тут же добавил:

– Ну что же вы, Принц, давайте! Вы этого достойны!

Принц поборол своё нежелание, встал из-за стола и спустился к другим воинам. Он точно не знал, что ему придётся делать, но он уже чувствовал азарт, который охватывал его всякий раз, когда он брался за рукоять меча. При нём не было его собственных мечей – они уже ждали его на корабле. Сейчас на празднике никому не казалось подозрительным то, что он был безоружен. Кто-то протянул ему клинки, и теперь он был готов. Кроме того, Принца подпитывала уверенность в том, что тщательно спланированный обман работал – после энергичного

выступления с мечами у него будет отличный повод, чтобы отлучиться. Ему как раз хватит времени, чтобы прокрасться мимо охраны и сбежать, пока его не хватятся. Закончив размышления на этой мысли, он перешёл к делу.

Битва всегда была для него чем-то особенным. Тем, во что он погружался с головой, перестраивая свой разум на особый лад. Он всецело отдавался этому танцу смерти, превращая всё своё тело в оружие, ведомое зачастую одними рефлексами. И хотя сейчас ему предстояло не настоящее сражение, а лишь его имитация, игра на публику – он был серьёзен. Он перекинулся парой слов с остальными воинами, о чём-то договорился с ними и вышел вперёд, собираясь что-то сказать окружающим. Остановившись, он выждал несколько секунд, видя, как все взгляды прикованы к нему и, вскинув одну руку вверх, взревел:

– За Персию!

И это произвело невероятный эффект, как раз то, на что он рассчитывал: толпа взревела вслед за ним, послышались хлопки и свист. Тем временем, воины, что стояли позади Принца, начали свою основную программу: отточенные, мощные взмахи мечами, ловкие движения и чуть уловимая игра – всё вместе это напоминало некий танец. Но он не выглядел фальшивым – даже на лице Хараза был заметен явный интерес – все эти воины были специально отобраны из армии царя. Их движения были такими же, как в бою, они были продуманы до мелочей. Принц не был лишним среди них, ведь с кем-то ему даже доводилось сражаться бок о бок ещё совсем недавно.

В какой-то момент воины расступились, и внимание зрителей переключилось на Принца – ему предстояло показать себя в одиночку, без поддержки союзников и братьев по оружию. И он тут же перестал быть частью отряда, действуя как все. Его талант воина раскрывался сейчас в полной красе. Он мог даже больше, чем эти отличные солдаты. Он был быстрее и изощрённее, его мечи были еле видны – так быстро они мелькали, подчиняясь движениям его тела. Он то вращался как вихрь – ни один враг не смог бы подойти к нему, то ловко перекатывался или выполнял головокружительные пируэты. И всё это в связке с хищными, смертоносными ударами мечей. Стараясь удивить всех ещё больше, он вдруг решил, неожиданно для себя, попробовать что-то новое: он чуть ускорился, вращаясь вокруг себя, опёрся на одну руку, поднял обе ноги над головой и, используя инерцию и переставляя руки, нанёс несколько смертельных ударов воображаемому врагу. Его движение выглядело для гостей очень эффектно – никто их них не видал ничего подобного прежде. Ни один из собравшихся даже и помыслить не мог, что такое возможно. Кроме того, оно было столь стремительным, что

никому не удалось его достаточно детально рассмотреть, но в целом осталось впечатление, что произошло нечто невероятное. Именно оно заставило толпу зрителей взорваться вновь. Многие повскакивали со своих мест, чтобы подойти поближе и получше всё рассмотреть. Шахраману пришлось встать, чтобы видеть поверх голов. Принц повторил движение ещё пару раз.

«Раз уж им так нравится», – подумал он. Впрочем, оно нравилось и ему самому. Возможно, это было даже главной причиной повторов.

Вскоре, сделав ещё пару прыжков и кувырков, Принц решил, что пора заканчивать. Он жестом попросил толпу расступиться и подозвал к себе одного из солдат, которого успел предупредить заранее. Тот сложил руки, сделав опору для Принца. Последний разбежался, поставил ногу на руки солдата и, подброшенный вверх, закрутился, выставив мечи, одновременно вокруг своей оси и выполняя двойное сальто. Приземлившись, он ещё какое-то время продолжал вращаться, после чего опустился на колено, упёрся остриями мечей в пол и застыл.

Последние мгновения он помнил как в тумане – рёв толпы, объяснение с отцом практически на жестах и ночную прохладу, что коснулась его плеч, когда он вышел на воздух. Его ждали обратно, думая, что он искупается в бассейне и вернётся к торжественному окончанию празднества, когда все окончательно пресытятся едой и зрелищами. А Шахраман готовился сделать важное объявление в конце вечера, сразу же, как Принц вернётся. Но тот уже не собирался возвращаться. В последний момент Хараз успел шепнуть ему:

– За вами следят. Двойник ждёт вас у бассейна, за третьей колонной.

***

Спустя примерно полчаса Хараз обратился к Шахраману:

– Кажется, что-то случилось. Принца нет слишком долго.

Слегка захмелевший и сонный, тот вдруг оживился и сказал:

– Неужели сейчас? Ты думаешь, он всё-таки…

– Я думаю рано бить тревогу, но лучше быть начеку. Я лично отправлюсь на его поиски, – ответил Хараз.

Он встал из-за стола, жестом позвав своих телохранителей, Найзира и Мадида, и поспешил удалиться. У него оставалось совсем немного времени, чтобы успеть попасть на корабль, который подберёт его в условленном месте, недалеко от города.

Шахраман несколько секунд смотрел Харазу вслед, а затем тоже встал из-за стола и ушёл в свои покои, пребывая в прескверном расположении духа. Кто-то из гостей заметил его

уход и принял это за прощание и предложение закончить праздник и вскоре, один за другим, не считая мертвецки пьяных и уснувших прямо на столе, гости начали покидать главный зал.

Глава 8. Путешествие

Нергал вернулся ко мне этим утром, со словами:

– Я рад, что ты больше не болен, отец. Но, к сожалению, теперь ты слеп…

Мне потребовалось некоторое время, чтобы подобрать ответ. Пожалуй, мой выбор оказался неудачен:

– Я видел то, что тебе ещё лишь предстоит познать, сын мой.

На что он ответил:

– Я видел достаточно. Это место погибает, а ты окончательно сошёл с ума. Но если это было простительно больному, умирающему человеку, то сейчас я не нахожу никаких объяснений. Неужели ты не знаешь о том, что люди всё чаще умирают от неизвестных болезней? Дети рождаются слабыми и немощными. Земля всё более скупа на урожай. Мы – одно из последних поколений, возможно, самое последнее. Ты говоришь о судьбе? Это просто попытка найти какое-то оправдание, объяснение этой случайности. Ведь те, кто живут ближе к разрушенному замку, реже остальных доживают до старости! Твои постоянные прогулки по заброшенному саду – вот откуда твоя болезнь. А теперь ты вдруг надеешься на свет из пропасти и тепло, которое он излучает! Не знаю, что за чудо произошло с твоим телом, но теперь болен твой разум! Как ты можешь привести Остров к процветанию, лишившись рассудка и слепо доверяясь случайности?

После чего Нергал развернулся и зашагал прочь.

– Постой! – окликнул я его.

– Я в любом случае собирался сделать это – я хочу покинуть это место! – ответил Нергал, не оборачиваясь.

Дневник Намтара, запись 12

***

Принц бежал, что было сил. Он уходил от погони узкими тёмными улочками, ныряя в подворотни и прячась в тени. Но тьма неумолимо гналась за ним. Дахака нашёл его здесь, в Вавилоне! И теперь гнался за Принцем, сметая всё на своём пути, превращая любое препятствие в гору щепок и осколков. Сила зверя была столь велика, что, казалось, он может превратить в руины весь город. И Принц ничего не мог поделать с этим. Никакое оружие, никакой меч не способны не то, что одолеть чудовище, но и даже причинить ему хоть какой-нибудь вред.

Принц находился на пределе своих сил. Сколько ещё он сможет продержаться? Кажется, зверю эта погоня вообще не

доставляет хлопот. Он не только не отставал, но и бежал с каждой секундой всё быстрее. Во тьме были видны лишь красные огоньки его глаз. Всё вокруг застилал чёрный, густой туман, который вот-вот ухватит Принца за ногу и утащит в небытие, в пучину безвременья и забвения. Разум Принца лихорадочно пытался придумать хоть что-нибудь, какой-то выход, но с каждым его шагом лишь всё больше проникался отчаянием и безысходностью. Реальность дробилась на фрагменты, осколки, не имевшие связи друг с другом. Чувства и мысли проносились мимо хищными птицами, не успевая задержаться даже на мгновение.

Прыжок. Холодно. Бег. Холодно. Ужас преследует по пятам. Разум расплывается. Только не останавливаться! Стиснуть зубы и бежать дальше! Вперёд. Направо. Налево. Наудачу! Стена… Холодно. Я не сдамся! Холодно…

Дахака загнал Принца в тупик, и оставались считанные мгновения до его смерти. И тут вдруг он проснулся. Этот сон преследовал его уже не первую ночь. Но шёл уже четвёртый день плавания, а Принц находился в относительной безопасности. Ему удался побег, в точности по плану Хараза. Обман сработал, Принц смог избежать всех патрулей и засад и, под покровом ночи, добрался до корабля. Видимо, его опасное ночное приключение смешалось с его главным страхом и теперь преследовало его во снах в своей искажённой форме.

Плаванием руководил Тоуфан, опытный капитан, которого вместе с кораблём предоставил Тутак. У него на службе было двое отличных матросов: Хаадин и Хафес. Вместе они побывали во множестве опасных путешествий и были готовы к любому испытанию. Принц объяснил им, как им добраться до конечной цели, повторив в точности слова Зороастра. В общей сложности, путь должен был занять около двух недель.

Принц перестал сожалеть о том, что ослушался воли отца. Чувство вины ему удалось погасить пониманием того, что он либо вообще не вернётся, либо изменит всё, переписав свою судьбу. И тогда окажется совсем в другом мире, о котором он пока не хотел думать. Ему не хотелось решать не существующих пока проблем.

Наутро после побега, Принц обнаружил на борту Хараза и его телохранителей. Он был чрезвычайно удивлён этому, ведь тот ни разу не обмолвился и словом о том, что собирается в это путешествие. Принц, конечно же, спросил его, зачем он отправился вместе с ним.

– Мы прошли бок-о-бок множество дорог, мы были так далеко от дома и сделали вместе так многое, что я не мог отпустить вас в одиночку, мой Принц. Кто знает, что произойдёт

там, на Острове? Вам может понадобиться моя помощь, – ответил Хараз.

Принц не придал этому значения и принял как должное. У него ни разу в жизни не было повода в чём-то заподозрить Хараза, его репутация была безупречна. Он никогда не подводил его, а сейчас – буквально спас его от неминуемой смерти.

Плавание проходило спокойно и даже слишком размеренно. У Принца было достаточно времени, чтобы познакомиться с остальной командой. Помимо тех, о ком Хараз успел рассказать ему, на корабле было ещё несколько человек: смуглый мужчина по имени Мерташ, родом из Аравии; Мисаф, которого на корабль привёл долг в игре, невыполненное обещание и желание разбогатеть.

Ближе к концу второй недели плавания погода начала портиться. Море постоянно штормило, небо было затянуто свинцовыми тучами, дул холодный ветер. Кажется, путешественники были невероятно близки к своей цели, оставался один или два дня пути. И с каждым часом буря лишь усиливалась. И, словно бы вторя ей, мысли Принца становились всё более мрачными, он редко выходил из своей каюты, ни с кем не разговаривал и на его душе лежал несмываемый отпечаток близкой смерти, чёрным пятном расползаясь по его венам и забираясь прямо в сердце.

***

В эту ночь казалось, что ветер и дождь разрывали корабль, стараясь остановить его любым путём, бросая с волны на волну, и безжалостно захлёстывая палубу нескончаемыми потоками воды.

Нечто подобное происходило и в сознании Принца. Его мысли, как водная стихия, не желали успокаиваться. Он думал о том, что уже произошло, о том, что может, или, как ему казалось, должно произойти.

Взяв себя в руки, он попробовал рассуждать здраво. Во-первых, они знают только примерный курс, значит, корабль может с лёгкостью пройти мимо, вдалеке от Острова, от его единственной цели. Во-вторых, он и его команда ровным счётом ничего не знали о том месте, куда им предстояло попасть, разве что бессвязные отрывочные слова Зороастра. Но он знал, что Остров был местом рождения Песков. А место, где есть Пески, не может быть хорошим. Воображение Принца рисовало самых ужасных чудовищ, охраняющих Остров. Он видел его невзрачным, мерзким, лишённым жизни и погружённым в холодную пустоту вечности.

Пожалуй, ничего более ясного в своих мыслях он разглядеть не смог, а потому накинул на себя, сшитое на скорую руку, некое подобие плаща из толстой, но гибкой ткани, и, надвинув на голову капюшон, ступил на порог ночной бури.

Она встретила его отнюдь не приветливо. В один миг обдала холодом и окатила дождём. Однако Принц ждал этого и ничуть не удивился. Ему казалось, что весь мир против него, и он к этому уже привык.

Вокруг стояла непроглядная тьма, изредка освещаемая вспышками молний, которые буквально вырывали из темноты силуэты членов команды, снующих туда-сюда по палубе. Поговорить Принцу было не с кем – все были или заняты делами важнее, или не были теми, кому он мог поведать что-то сокровенное или хотя бы важное. Да и невозможно было говорить при таком грохоте. Хотя о шуме он, почему-то, не подумал. Скорее – а на то были причины – он разучился говорить с людьми. Стал закрытым, отрешённым, привык доверять лишь себе и своим верным мечам.

Для человека непосвящённого его мечи казались чем-то крайне необычным. Это было не просто оружие, созданное причинять боль и отбирать жизнь, а произведение искусства. Изогнутые, они походили на лунный месяц, и были чуть длиннее руки Принца. При вспышках молнии они словно вторили им, зажигаясь холодным серебристым блеском, напоминавшим блеск хищных глаз, жаждущих крови. Они были словно созданы для него, идеально держались в его руках, даже при самых неожиданных и сложных ударах. И каждый – будто с характером. Души у этих убийц быть не могло, был только характер, который подтверждался формой лезвия. Один – с широким, исписанным витиеватыми узорами, необычайно острым лезвием с необычной полукруглой выемкой – отдаленно напоминал коготь какого-то мифического существа – гигантского орла или грифона. Больше бросаясь в глаза, он смотрелся мощнее и опаснее. Второй же был более незаметным. Он был тоньше, но часть лезвия, ближе к рукояти была изрезана будто бы зубьями, какими обладает самый жестокий хищник.

Принц всегда держал их при себе, с тех пор, как отыскал их в оружейной Шахрамана и отправился в свой долгий поход. И даже сейчас он рукой держался за один из мечей. Некоторые даже нашли бы это странным, но никто не знал его настолько хорошо, чтобы сказать ему об этом. Он был холоден ко всему миру, и мир отвечал ему тем же.

Ветер усиливался. Это было заметно, несмотря на то, что он и так дул с ужасной силой. Корабль кренился то на одну, то на другую сторону, вздымался над волнами, а затем с грохотом

тысяч пушек падал на воду и подлетал опять и опять. Ничто и никто не могло остановить гнев стихии.

Теперь волны нещадно рушились на палубу, одна за другой, сбивая людей с ног и чуть ли не унося их с собой навсегда в пучину. Если бы хоть кто-нибудь знал заранее, на что они идут и куда именно плывут, то ни один из них, будучи в здравом уме, не согласился бы на это. Не было таких людей, которые бы не боялись смерти. Во всяком случае, на этом корабле. Но все боялись её по-разному. Большинство – прямо сейчас, в этот момент. Принц же гордо и невозмутимо смотрел в лицо опасности, ибо знал, что если он не доберётся до Острова, его покарает ещё более чудовищная смерть. Увидев однажды её лицо, он не хотел заглядывать в него ещё раз. Впервые в жизни он по-настоящему боялся. Хотя и боялся себе в этом признаться, но себя он обмануть не мог.

Следующая странная мысль, в такт вспышке и сильнейшему раскату грома: а зачем он держит мечи в руках? Ведь кроме бури поблизости опасности не было, а бороться с нею с помощью такого оружия – просто бессмыслица. Может, они словно бы почувствовали опасность раньше него?

В следующее мгновение лицо Принца озарилось яркой вспышкой, но она не пропала через мгновение, как это обычно случалось с вспышкой молнии. Она становилась ярче и приближалась, летела на него, вернее где-то рядом. Это была зажженная стрела. Вонзившись в одну из мачт, она продолжала гореть и даже дождь не мог потушить пламя…

Принц был ошеломлён. Он привык к разного рода неожиданностям, но тогда, когда он сталкивался с ними лицом к лицу, и хотя бы знал, с кем или с чем он имеет дело. В следующий миг молния озарила небо, и взгляд Принца выцепил из чудовищной темноты ещё более тёмный силуэт. Другой корабль. И стрела оттуда же – больше ей взяться было просто неоткуда.

И вот ещё одна стрела. Её он уже ждал. Принц сбросил свой плащ и пронзительно крикнул, призвав всех к оружию, к битве с почти невидимым врагом, подняв руку высоко в воздух. Казалось, что ему удалось заглушить все звуки негодующей стихии, потому что каждый, кто был на корабле, услышал его и схватился за оружие.

Часть команды бросилась к пушкам – сражение предстояло нешуточное, неизвестно откуда, но каждый понимал это и был готов к этому. Или думал, что готов.

Поначалу враг не был виден, он скрывался в пелене тьмы, а они были словно на ладони: ещё несколько стрел, рассекая пламенем сырой воздух, врезались в древесину корабля. Всё это

происходило под несмолкаемый гром и свист ветра. Казалось ветер не просто дул, он бил, хотел убить или свалить с ног, выбросить за борт, уничтожить, разорвать в клочья, не жалея собственных сил.

Чуть поодаль от Принца выстроилось несколько человек с зажжёнными стрелами – они ждали ещё одной очередной вспышки, чтобы ясно различить, куда их пускать. Молния не заставила себя долго ждать. В следующий миг всё стало ясно. Цель была чётко определена, несколько луков, как по команде, уже нацелившись в небо, выпустили огнедышащие снаряды. Глупо было надеяться, что это хоть как-то смутит врага, но это было средство заявить о себе. Показать оскаленные зубы и хищные глаза. Никакой жалости. Ни к буре, ни к невидимому и неизвестному противнику.

Но Принц чувствовал, что команда боится, решимости в ней много, но что-то гнетёт её. Будучи самым спокойный из всех, он начал отдавать приказания:

– Стреляйте по ним так, чтобы лишить их возможности быстро плыть и ещё лучше – возможности стрелять. Потопить нам их, возможно, не удастся, но, лишив их возможности двигаться, мы сможем скрыться во тьме и оторваться!

Далее он подал рукой знак лучникам остановиться. Их смутил этот жест, но они послушались. Незачем было стрелять в пустоту, тратя стрелы. Они уже обозначили своё воинственное настроение – сейчас этого хватит.

Время замерло, все окунулись в ожидание. Та сторона молчала и этим внушала ещё больший страх команде, и, кажется, молчала она не оттого, что не видела корабля Принца. Это было выжидание момента для броска. Ещё не увидев врага в лицо, Принц почувствовал его необыкновенную, чуждую даже ему, жестокость.

Отблески молний ещё пару раз, приоткрыв тайну ночи, показали тёмный силуэт. Он приближался. Это был корабль, несколько крупнее и, наверно, более быстроходный – шансов скрыться не было.

Враждебный корабль подплывал всё ближе и ближе. Раздались первые выстрелы пушек. К вспышкам молний добавились новые – от орудий, от горящих стрел. Тьма словно рассеивалась, из неё показывался большой корабль, пугавший своим видом любого. Он вздымался над водой выше, чем корабль Принца, резал волны так, как меч вспарывает живот своей жертве. По бокам виднелись странные узоры и два огромных глаза. Казалось, именно ими он видел сквозь темноту, разрывал её и рассеивал прочь.

И вот время ожидания кончилось. Утекло мимо, как вода за борт корабля. Вражеский корабль теперь находился по-настоящему близко и был отчётливо виден. Каждая пушка. Каждая мачта и каждая доска. Мерцание каких-то огоньков, сновавших тут и там. И странный силуэт на верхней палубе. Принц принял бы его за капитана, но силуэт кажется, принадлежал женщине.

Внезапный звук ломающегося дерева – доски в агонии разбиваются под сокрушительной силой выстрела. Корабль ощутимо тряхнуло, не так как это делали волны, а намного сильнее. Ответный выстрел не заставил себя ждать. С той стороны послышался всё тот же треск. Или даже какой-то визг – все звуки смешивались с бурей и либо тонули в ней, либо изменялись до неузнаваемости.

Затем выстрелы посыпались как град. Как капли дождя. Были слышны всплески воды, редкие крики, удары грома перемежались со звуками выстрелов или вообще сливались друг с другом. А между тем корабли тоже подходили ближе друг к другу. Огоньки на палубе начали меняться. Казалось – они всегда были парами и бегали за тёмными силуэтами, которые то и дело мелькали при вспышках молний.

Однако, как ни странно, нападавшему кораблю так и не был нанесён хоть сколько-нибудь серьёзный урон. Несколько зияющих темнотой дыр в корпусе и не более того.

На корабле Принца дела обстояли куда хуже. Была серьёзно повреждена одна из мачт. Кроме того, несколько ядер попали в корпус корабля у самой воды, так, что она теперь по чуть-чуть, но непрерывно заливалась внутрь, благодаря хлеставшим о бок судна волнам.

Корабли сближались и выстрелы пушек смолкали. Принц сдавил рукояти мечей. Он жаждал битвы. Желал покарать врага за такую неслыханную дерзость, кем бы он ни был. Он знал, что битва неизбежна, и поэтому желал её ещё больше.

Опять послышался треск дерева. Вернее скрип или скрежет. Будто его резали или скручивали. Из-за грома было не разобрать на слух. Но можно было рассмотреть – три крюка, смотанные воедино и расходившиеся прочь друг от друга, цеплялись за всё, что бы им ни попадалось. Борт. Самый край, но хватило и этого. К крюку естественно была привязана верёвка. Послышались звоны ещё нескольких ударов – то же самое. Корабль брали на абордаж.

Команда выстроилась, сжимая в руках оружие. Огоньки превратились в глаза. Это напугало всех. Это не могло быть глазами… Но было. Будто подсвеченные изнутри, они бросали во тьму оранжевый свет. Но самой странной деталью на вражеских солдатах были маски из черепов каких-то животных.

Сердце отчаянно стучало. Но действовал Принц, в первую очередь, слушая свой разум. Его холодный, расчётливый и безжалостный друг. Сердце же было во власти Принца. Он его не слушал, даже когда оно призывало его изо всех сил, отчаянно стуча. Но бесполезно. Разум, как пелена на глазах, опустошал его и двигал им.

К этому моменту корабль Принца уже занялся огнём – зажжённые стрелы сделали своё дело. От этого вокруг стало светлее, но отнюдь не радостнее.

Прозвучал ещё один выстрел. Удача озарила всё вокруг ещё ярче молнии – снаряд угодил в мачту вражеского корабля. Она покосилась, медленно и грациозно, не способная упасть сразу. Слышался громкий треск. Затем мгновения тишины, если это можно было назвать тишиной. Потом она ударилась о воду, задев другим, обломанным концом о сам корабль, изрядно пошатнув его, и соскользнула в воду полностью, потерявшись из виду. Эта дрожь передалась по верёвкам и на другой корабль, как по струнам.

Корабль врага стал лишённым прежней подвижности и скорости. Самое время скрыться. Сбежать прочь от этих огоньков. Нырнуть в неистовую, но словно родную стихию бури. И ветер, будто почувствовав эту перемену настроения, подул по-иному, дёргая корабль вперёд, обрывая струны, которые, лопаясь, издавали отчаянный вопль, пугавший ветер. Он бежал в страхе прочь и подгонял корабль, надувая паруса всей своей силой.

В глазах каждого члена команды читался смертельный ужас. Под всполохами огня этот ужас становился ещё страшнее для них самих и казалось огонь питался не деревом корабля, а именно этим страхом и горел всё сильнее, несмотря ни на дождь ни на тщетные попытки команды затушить огонь. Он тух и разгорался вновь, ещё сильнее прежнего, будто мифическое чудовище, которому отрубали одну голову, а на её месте вырастало ещё с десяток новых.

Дождь хлестал всё сильнее и сильнее, а корабль уже гибнул. Вода будто бы желала смерти всему – и кораблю, и огню и людям. Бурля и пенясь, волны, стучавшие о борт, вздымались угрожающе над маленьким судёнышком, а затем обрушивалась вниз, бросая на него лишь пару капель. Вражеский корабль остался позади, он уже терялся из виду. Но неожиданно выяснилось, что ветер загнал судно в самое сердце водоворота. Теперь его кидало, из стороны в сторону, волны нещадно бились об него, разламывая на куски, откалывая доски, бросая за борт бедолаг, не успевших схватиться хоть за что-нибудь. Вот теперь судно гибло по-настоящему, а помощи прийти было неоткуда. Команда корабля осталась наедине со своей смертью, неминуемой и страшной.

Последних мгновений, Принц не помнил. А произошло вот что: из-под воды обнажился прибрежный риф, острый, как мечи Принца, и с невероятным наслаждением впился в дерево. Эта брешь и стала последней каплей для корабля. Сквозь неё потекло миллион других. Всё смешалось в едином потоке, разобрать что-либо было попросту невозможно, да и некому. Вода вдоволь насытилась и теперь, радостно кружась поверх поглощённого ею корабля, начинала успокаиваться.

А сверху, над всем этим сгущалась тьма, сковывавшая две раззадоренные стихии. Разум Принца уплывал прочь, но какое-то время он ещё держался в сознании, пока не ударился головой о бревно.

Глава 9. Остров

Сейчас я пребываю в глубокой задумчивости. Я пропустил свой обычный утренний поход к Бездне. И вот, уже скоро вечер, но я не спешу туда. Дело в том, что я не видел в Песках этой минуты, не видел этого разговора. Всё должно было пойти не так!

Конечно, сидя здесь, я не найду ответов. Но я не могу подобрать подходящих слов, хотя я пытался заговорить с Нергалом ещё несколько раз. Всё тщетно… Кажется, он начинает скрываться от меня – я не видел сына уже два дня. А это значит, что мне остаётся лишь вновь идти к Бездне за ответами. Кажется, мне многое ещё предстоит познать. Ведь Судьба – это не набор туманных видений, не чей-то сон или вымысел. Это то, что происходит с человеком, прямо здесь и сейчас. Все радости и невзгоды, что он терпит, жертвы, что ему намеренно или вынужденно приходится принести – это всё её часть. Но до сих пор я видел нечто вовсе неясное, лишь редкими урывками заглядывая за пелену тайны. Видимо, жертвы – это первое, с чем мне придётся смириться. Судьба жестока и это один из её уроков. Я должен гораздо пристальнее вглядываться в эти замысловатые песчаные завихрения. Думаю, медальон может помочь мне в этом. Если он сработал, подобно ключу однажды, значит, я смогу открыть им и все последующие двери. Но другие мне придётся захлопнуть позади себя.

Дневник Намтара, запись 13

***

В эти бесконечно длинные не то минуты, не то часы, а может и дни, что Принц провёл в забытьи, он видел лишь тревожные сны, беспокойные, в которых мысли борются друг с другом и лишают всякого покоя. Однажды ему виделось, что он идёт по узкому уступу, но один случайный камень, проваливаясь под ногой, уносит его из этой жизни и бросает в другую. И эти жизни словно бы борются друг с другом и он проживает их одновременно. Принц, выступая главным героем, будто бы, одновременно с этим, был сторонним наблюдателем. Он, находясь вне всего этого, держал в руке стеклянный шар и наблюдал за тем, что происходит там внутри. Шар был в его руках, в его власти, но, тряхнув его, он сотрясал и себя. Власть и одновременно зависимость от самого себя. А что если, спасая свою жизнь, он бросит шар? Тогда он её разрушит, уничтожит, вырвав из своих же рук. А если не бросит, то шар может

оказаться помехой равновесию, которое было сейчас для него всем. Самой жизнью. То есть жизнь мешала… жизни.

***

Первое реальное, что почувствовал Принц – холодный песок. Он лежал на спине, поэтому сначала он увидел небо. Реальность поймала его в тот самый миг, когда казалась неясным, диким зверем, стремившимся своей огромной пастью поглотить любого. В голове гудели какие-то голоса, руки ломило от усталости. Казалось, что они всё ещё борются со стихией, с огромными волнами, что старались затянуть его в пучину. Во рту стоял привкус солёной крови. Когда он его почувствовал, его вырвало. Он громко откашлялся и, наконец, привстав, осмотрелся вокруг. Не видя ничего, Принц встал на нетвёрдые ноги и подошёл к морю, найдя его, скорее, по звукам, нежели глазами. Он смыл грязь с лица и волос и лишь тогда смог открыть глаза. Шатаясь, он побрёл обратно. Он обратил внимание на свою одежду. Она успела изрядно обсохнуть, только ноги были сырыми – он зашёл в воду по колено, сам того не заметив. Его приключение изо всех сил обещало быть не из приятных.

Следующее, что почувствовал Принц – чувства возвращались к нему неохотно, будто утерянная память, – чувство жалящей пустоты. Чего-то не хватало. Он был собой и одновременно другим. Лишённым чего-то, какой-то части себя.

Пропали его мечи. Оба! Поглощены бездной. Не самая приятная новость, да ещё в таком месте. Он до сих пор не забыл, что такое противостоять Пескам. Сейчас у него не было не то, что кинжала, а даже его обычного оружия. Он был практически беззащитен. Осознание всего этого свалилось на него так, как падает огромная волна на палубу несчастного судёнышка. Как поток ледяной воды, нескончаемый и пробирающий до костей. От неожиданности у Принца подкосились ноги. И без того слабые, они вообще отказались слушаться. Опершись руками о песок, он остановил своё падение. В следующую секунду он почувствовал очередной приступ тошноты. Не сумев и не желая его подавить, Принц раскрыл рот и… ничего не произошло. Его стошнило пустотой. Несколько капель воды с его волос упали на песок и ему на руки. В ушах загудел ветер – теперь к Принцу вернулся слух. Он услышал какое-то потрескивание. Потом впереди замаячили силуэты и свет. Оранжевый! Он отшатнулся, вернее, перекинул руки за спину и попятился, отчаянно отбрасывая ногами песок.

Затем он всё понял и остановился. Это был всего лишь костёр и люди вокруг него. К Принцу вернулось самое главное

чувство – разум. А вместе с ним – отсутствие страха. Несколько опрометчивое и самонадеянное, но оно помогало ему не опускать руки в любой ситуации.

Люди у костра – часть счастливчиков из его команды, выжившая, как и он сумевшая вырваться из лап стихии, – остановились, прервали разговор и посмотрели на него. Их насторожила его первая реакция – то, как он отползал, испугавшись их. Может быть, они подумали, что он обезумел. Но, затем, увидев первые проблески разума в его глазах, они успокоились и вернулись к своим делам. Хотя нельзя было сказать, что кто-то из них был слишком рад возвращению Принца. Их путешествие ещё только началось и уже произошло столько ужасного. А раз он жив – значит, они пойдут дальше, навстречу новым опасностям.

У Принца не сразу восстановилась способность запоминать и мгновенно реагировать на происходящее. Поэтому, он не помнил, как один из стоявших у костра – кажется, это был Рахим – подошёл к нему, протянул ему руку и помог встать. Поднявшись, Принц всё той же неуверенной походкой побрёл навстречу тому, что так напугало его минуту назад.

Принц узнал ещё несколько выживших: Тоуфан, капитан корабля, его верные и очень умелые матросы – Хаадин и Хафес, Иман, Навид и Фаранг – сын купца, всю дорогу докучавший Принцу глупыми вопросами. Чуть поодаль сидели Найзир и Мадид, но Хараза с ними не было. Спустя минуту к костру подошёл Мерташ, который принёс ещё дров.

– Вас вынесло на берег совсем недавно. Сначала все думали, что вы мертвы. Но потом вы встали, подошли к нам, причём молча, погрели руки над костром и вернулись на своё место, не сказав ни слова. Это выглядело довольно странно, – тут Рахим громко закашлялся, подставив кулак ко рту. Его кашель разнёсся эхом повсюду. Ударился о высоченные стены и откатился обратно, сливаясь с уже новыми звуками кашля.

Принц что-то хотел пробормотать в ответ. Но челюсти и язык не слушались его. Поэтому ничего, кроме удивления в его глазах и пары бессвязных звуков, никто не услышал и не увидел. Он грузно сел на песок и почувствовал жар костра, обдавший его с ног до головы. Это немного успокоило Принца, и он позволил себе немного расслабиться.

Небо было по-прежнему хмурым. Неизвестно, сколько времени назад отступила буря. Сейчас море было спокойным – ни ветра, разве что лёгкий бриз, ни волн. Ну и прилив, медленно, но верно вытачивающий что-то, одному ему известное, из прибрежных скал. Однако, складывалось впечатление, что солнце никогда не проникало сюда, так, как и нога человека не ступала

на некоторые земли. Ни разу его луч не скользил по этим серым скалам, серому песку, серой воде, серым стенам. Принц впервые обратил на них внимание. Нечто большое возвышалось в какой-то сотне шагов от него. Это была высокая каменная стена, которая, казалась очень древней – она поросла мхом и местами развалилась или обрушилась. Время не пощадило её.

Единственным, что вносило хоть какую-то жизнь в эту серость – были отблески огня, едва уловимо мерцавшие в воде, освещавшие лица людей, поддавшиеся всеобщей серости этого места, песок и, казалось, сам воздух, наполняя его к тому же жаром и приятным ароматом горящего дерева. Да, теперь он грел и поэтому был приятен. Однако в языках пламени догорали остатки корабля, их недавнего спасительного островка посреди коварного океана. Теперь же, хотели они того или нет, таким островком для них стала эта земля, поглотив остатки предыдущего.

Посидев ещё немного у костра, Принц, согревшись, почувствовал, что, не считая чувства голода, он пришёл в нормальное состояние, может связно мыслить, ровно ходить и, наверно, даже говорить.

– Как бы то ни было – мы добрались до места, – слова дались ему достаточно легко. – Пути назад нет, и нам стоит осмотреться, чтобы понять, куда двигаться дальше. Если тут кто-то есть – нас могли заметить, по дыму от костра или может по разговорам. – Он приостановил свои слова, сглотнул подступивший к горлу комок, несколько раз быстро моргнул, разгоняя остатки усталости, поводил головой из стороны в сторону, разминая шею и одновременно проверяя координацию. – И нужно найти хоть какое-то пропитание, хотя это вы и сами знаете.

Лишь последние слова слетели с его губ, он отошёл от костра, всё ещё устраивая проверку своим силам. Принц подошёл к морю достаточно близко, но в этот раз так, чтобы не замочить ноги. Свежий ветер подул ему в лицо – после тех бушующих ударов такой бриз был просто наслаждением. Он смотрел вдаль. Повсюду, куда доставал его взгляд, была ровная морская гладь, серая, но пребывающая в безупречной гармонии со всем остальным – серая как небо, тихая, как ветер и холодная, как разум Принца. И как его сердце. Оно, казалось, было таким же серым, угасшим давно и навечно. Как сырая древесина – плохо, а вернее вообще не горит. С огромным шрамом, который, ещё будучи раной, перед тем как затянуться, дал вытечь всей крови, и потерять цвет. И свет в его душе. Теперь он чувствовал, что свет солнца ему сейчас попросту не нужен. Может быть, что он даже стал бы ему противен. Противен до тошноты, а потому и не нужен.

За своей спиной Принц слышал какую-то возню, разговоры, шаги по песку. Его спутники готовились выдвинуться в путь, собирая то, что уцелело в последнюю ночь.

А что если всё это – кошмарный сон? Не было никакой битвы. Нет никакого Острова. Не было этих семи лет. Может он просто уснул там, около неё, даже не довершив свою историю? Сейчас он очнётся, вырвется из плена и скажет ей всё, чего ещё не успел сказать, а она обязательно выслушает его и…

Нет, всё это – пустые грёзы.

Не в силах совладать с собой, Принц всё равно изредка вспоминал то время – или во снах, или в пути – повсюду. Это было единственное, что могло хоть на секунду заполнить его сердце настоящей кровью – красной и горячей, может даже чуть обжигающей. Но ненадолго. На какие-то мгновения, пока холодный разум убийцы не взгромождался на эти хрупкие связи с прошлым и не рушил их в один миг, не спросив разрешения и даже не предупредив. Проклятые Пески… Вся его жизнь была переломлена в один миг, и он до сих пор не может оправиться. Нет даже времени остановиться и толком отдышаться. Бесконечный бег в борьбе за свою почти разрушенную жизнь. А ведь всё могло быть совершенно иначе. И он приложит все усилия, чтобы так и было.

В следующую секунду он мгновенно вернулся к реальности – звук скользящего по ножнам меча отдался в нём как нечто родное, глаза сверкнули и он, развернувшись, зашагал прочь от моря.

– Я думаю, мечи пригодятся всем. Поэтому, – он довольно настойчиво вытянул руку вперёд, – я тоже возьму один.

И вот оно это чувство – когда пустота уходит. Она наполняется хоть чем-то. Его рука крепко сжала орудие. Неизвестно, сколько жизней отобрали они порознь, неизвестно, сколько они отберут вместе. Этот меч не вселял в него того же чувства, что его старые, но, в конце концов, и этот был способен хоть на что-то. Довольно грубая, шершавая рукоять, лезвие, чуть короче старых (он невольно их сравнивал), достаточно острое, но прямое. И, конечно же – никакого характера – послушное орудие, игрушка, которая была по-настоящему в его власти, слепо подчинялась ему, даже не думая о чём-то своём. Сейчас, с трудом справляясь со своим характером, Принц был даже доволен таким оружием – послушным и кротким.

Разделив ношу с остальными членами отряда, Принц поспешил двинуться в путь, призывая всех за собой. Впереди ждала неизвестность, скаля свою чёрную пасть.

***

Шум прибоя, гулким эхом отдававшийся от стен, казалось, был единственным звуком в этом богом забытом месте. И иногда был слышен лёгкий, едва уловимый хруст песка под ногами.

Тишину снова нарушил Принц, привнеся в общую сумятицу хоть какое- то оживление:

– Надо найти пресную воду. Кажется, я слышу где-то шум ручья или небольшого водопада, – он произнёс это не смотря на своих спутников – врал – но, по крайней мере, он явно определил хоть какой-то план действий и разогнал тишину.

– Мне кажется, я тоже что-то слышу, – отозвался Рахим. Для друзей он всегда был добродушным и простым, хотя в то же время и понимающим, никакой жестокости или стремления показать силу. И сейчас он, видимо, подыгрывал Принцу, просто чтобы поддержать разговор – иначе тишина наводила на всех невообразимое уныние, тонувшее в шуме волн.

Затем они ещё довольно долго шли молча, но камень уже был брошен в воду, и водная гладь не желала успокаиваться – уныние отступило. Позади них плелась вереница следов, оставленных на мокром песке.

– Вон там, впереди, кажется, я что-то вижу! – прокричал Навид.

И действительно, подходя ближе, они всё лучше и лучше видели огромную прореху в стене. Видимо, эта рана прожила со стеной не один десяток или даже сотню лет – камни поросли мхом настолько, что иногда не видно было их самих. Повсюду были мелкие осколки, которых не хватило бы и на десятую часть этой дыры.

Принц, осторожно переступив острые камни, прошёл за стену первым. Он почувствовал жуткий холод, исходивший от стены, хотя ещё секунду назад, стоя рядом с этой стеной он не чувствовал ничего подобного. Часть команды следила за ним, не сводя глаз. Остальные же перешёптывались о том, что всё их путешествие уже провалилось – ни корабля, ни шансов на победу. Пусть Принц и храбрится, но он, очевидно, не знает, что делать. И самым разумным будет вообще покинуть это место при первой же возможности.

Принц не замечал ничего из этого. Молчаливым жестом, даже не поворачиваясь, он поманил остальных к себе, причём настолько энергично, будто желал что-то показать. Он действительно обнаружил кое-что интересное. Сразу за стеной высилась стена джунглей, поверх которых, вдали, виднелась верхушка крепости: огромный замок, сильно непохожий на все те, которые доводилось видеть Принцу раньше, пугающий чем-то, возможно, своей суровостью и однообразным серым цветом,

напоминавшим о смерти. Он состоял из множества соединённых между собой башен квадратной формы, обрамлённых ровными, такими же квадратными зубьями, уходившими в небо. Однако, немалая часть крепости была определённо скрыта от взора. Да и какие-либо детали с такого расстояния различить было тоже сложно.

Принц с лёгкостью взобрался на стену по краю пролома, хотя и очень аккуратно – каждый камень грозил выскользнуть из-под ноги. Наверху стена оказалась достаточно гладкой и широкой – на ней свободно смогли бы разойтись два человека. И вновь он окинул взором крепость, увидев её высокие отвесные стены, примыкавшие к самому берегу: оказывается, она стояла на отдельном острове, что располагался внутри разомкнутого кольца, на берег которого их выбросило. За джунглями простиралась огромная пустошь, а вдали высились холмы и скалы. Очевидно, им потребуется найти способ переправиться на другой берег.

Надо было двигаться дальше. Позади оставалось холодное и неприветливое море, впереди простиралась неизвестность. Такая же неприветливая и мрачная. От самой стены начиналась узкая, едва заметная тропинка, которая вела в густую чащу.

Пока Принц слезал со стены, несколько его спутников уже двинулись вперёд, в заросли с беспорядочно раскиданными деревьями всех мастей, высокой травой, свисающими отовсюду лианами и ещё какими-то непонятными растениями, обвивавшими корявые ветки и развевавшимися под лёгкими дуновениями ветерка, что доносился с моря. Мечи, которыми запасся каждый из членов отряда, оказались весьма кстати – ими удобно было прорубать дорогу. Трава была сырой, с листьев деревьев то и дело падали крупные капли, поэтому, каждый, кто шёл сейчас, беспрестанно размахивая мечом, был насквозь промокшим, а лица путников были забрызганы водой и грязью.

Однако по мере продвижения вглубь, каждый в отряде отмечал про себя, что вокруг царит подозрительная тишина, которую ни разу не нарушил ни далёкий треск ветки, ни одинокий крик птицы. Ни даже случайный шорох. Казалось, что лес был пуст. Или затаился, готовя путникам какую-либо неожиданность.

– Что было видно со стены? Насколько велика эта крепость? – обратился к Принцу Фаранг.

Принц остановился, будто бы взвешивая каждое слово, а затем, резко махнув мечом и ударив по ветке, ответил:

– Она огромна и находится на другом, внутреннем острове, а мы сейчас – как бы на внешнем кольце.

– Остров внутри острова? – удивлённо спросил Фаранг.

– Да, – ответил Принц, добавив: – И нам нужно найти способ переправиться на тот берег.

– Как ты думаешь, это тот самый…? – не унимался Фаранг.

– Видимо, тот самый. Скоро всё станет ясно, – как-то неопределенно, будто бы в пустоту произнёс Принц. Хотя, он, конечно же, был уверен, что это именно то самое место.

В этот момент к разговору подключился Тоуфан, шедший неподалёку:

– А, может быть, мы попали не на остров? Может, это окраина какой-нибудь неизвестной земли?

– Сомневаюсь, – ответил Принц.

– Почему? – недоверчиво спросил Тоуфан.

Вопрос был неловким, и Принцу не хотелось на него отвечать. А быстро придумать нужную ложь ему не удавалось. И тут, вдруг, впереди послышался громкий треск, что отвлёк всех от разговора. Путники замерли от неожиданности, напряжённо вслушиваясь в безмолвие леса и испуганно озираясь по сторонам.

Послышалось ещё несколько странных звуков, зачем чьи-то шаги. Затем снова несколько мгновений тишины, после которых послышались быстрые шаги, сопровождаемые треском веток и громким шелестом травы. Все члены отряда пребывали в напряжении и, с мечами, готовыми к бою, устремили всё своё внимание в сторону загадочных звуков. В следующий миг на небольшую поляну перед путниками вылетел запыхавшийся человек.

– Арсалан! Ты жив! – вскрикнул Рахим.

– Они рядом, их слишком много для меня одного! – ответил тот.

– О ком ты говоришь? – удивлённо спросил Рахим.

– Те чудовища, на вражеском корабле – ты о них? Они где-то рядом? – вмешался с вопросом Принц.

– Что? Нет, это какие-то дикие звери. Я справился бы с одним, может с двумя. Но их не меньше трёх! – пояснил Арсалан.

Принц обратил внимание на то, как Арсалан прихрамывал на левую ногу. Он подошёл к большому бревну, лежавшему неподалёку, и сел. Он держался достаточно спокойно и не выглядел напуганным. Остальные члены отряда устроились рядом: кто-то сел на то же самое или на соседнее бревно, кто-то прислонился спиной к дереву или просто встал поблизости.

– Я очнулся где-то на берегу. Поблизости никого не было и я, собравшись с силами, пошёл вглубь острова. Это было несколько часов назад, – начал рассказывать Арсалан. – Потом мне показалось, что за мной кто-то следит. Могучие силуэты мелькали то тут, то там. Я попытался дать отпор одному из них,

но затем подоспели остальные. Я решил как можно скорее покинуть чащу, но в итоге встретил вас.

– А как же ты преодолел стену? – вмешался Фаранг.

Не сразу поняв, что его перебили, Арсалан осёкся, помолчал несколько секунд, и только успел раскрыть рот, чтобы продолжить свой рассказ, как где-то в стороне послышались тихие, но массивные шаги и глухое рычание, которое кроме Арсалана до тех пор никто не слышал.

В следующее мгновение из высокой травы на поляну выскочило три ужасных существа, напоминавших огромных волков или псов, но вместо шерсти они были покрыты чем-то вроде чешуи. Она местами ороговела и наросла слоями, отчего на их спинах появились необычные образования, на вид твёрдые как кость, с острыми окончаниями, шевелящиеся при ходьбе. Огромные пасти, усеянные двойным рядом белых клыков, с которых медленно стекала тягучая слюна, смешанная с кровью, вселяли неподдельный ужас и одновременно отвращение. С каждым их шагом в землю вонзались острые чёрные когти, вокруг которых росла редкая серая шерсть. У существ не было ушей: вместо них – небольшие наросты с едва заметными отверстиями. Не было хвоста – вся спина была покрыта своеобразным панцирем серого цвета. Всё это бросалось в глаза мгновенно, каким-то огромным бесформенным пятном; не приходилось приглядываться и выделять деталей – просто поблизости был враг, уже, казалось, знакомый до мелочей.

У того пса, что стоял впереди, вместо одного глаза было кровавое пятно, что придавало ему ещё больше озлобленности и свирепости, которая чувствовалась в каждом движении массивных лап.

Едва заметив появление необычных зверей, каждый схватился за меч, чтобы хотя бы постараться дать отпор. Меча не было только у Арсалана – видимо он потерял его ещё в море или во время скитаний по лесу. Но он был решителен и, чувствуя поддержку остальных членов команды, был готов к любой схватке, даже голыми руками. Одна из его ладоней была испачкана в крови, но, кажется, не его собственной.

В следующую секунду звери и люди яростно бросились друг на друга. Первыми прыгнули те два каменных пса, что стояли чуть позади. Одноглазый будто бы выжидал чего-то, жалея силы для лишних движений, однако это не умаляло дикой звериной ярости, сочившейся из его взгляда. Псы были крупнее и намного сильнее людей. Первым же ударом когтистой лапы на лице одного из путников было взрезано пять глубоких кровавых борозд, каждая шириной в палец, пересекающие глаза. Раненый – это был Мерташ – дико взвыл. Его крик пугал больше, чем сами

псы. Он мгновенно забился в конвульсиях и, схватившись за лицо обеими руками, повалился на землю. Потеряв оба глаза, он жутко кричал, захлёбываясь собственной кровью. Кричал одновременно от ужаса, боли и своеобразной обиды за свою угасавшую жизнь. Лёжа на спине и отчаянно нащупывая рукой землю, он почувствовал, как смерть медленно, но уверенно подбирается к нему, подкатывая к горлу очередным сгустком крови, впиваясь в него своими длинными холодными пальцами. И это ощущение было более чем реально – к нему приблизился тот самый первый пёс, медленно, будто бы специально растягивая и без того затянувшуюся смертельную агонию. Через пару секунд он почувствовал, как существо подошло слишком близко и одной лапой уже встало ему на ногу. Та мгновенно отозвалась жуткой болью от медленно, но глубоко впивающихся когтей, выдавив из горла бедняги ещё более жуткий крик. Он придавал псу ещё больше сил, он раззадоривал его.

Следующий шаг пса мягкой и нежной поступью надавил на грудь, заставляя ломаться рёбра. Когти уходили куда-то в мягкую ткань, впиваясь прямиком в сердце. Но они словно бы не желали отбирать жизнь мгновенно. Это было слишком просто. В каждом движении зверя чувствовалось желание медленно впиться одним когтем в сердце, провести по нему острым кончиком, вспарывая трепещущую плоть и выпуская наружу кровавый поток. После этого оставалось лишь резко выдернуть его наружу вместе с кусочками мяса и облизнуть коготь, почувствовав на вкус человеческую боль, заточенную в кровавой капле. Несчастный терял последние нити жизни, отплёвываясь кровью и слыша, как трещат его кости. Сполна насладившись болью, чудовище совершило последнее движение, которое успело поймать угасающее сознание умирающего мужчины – оно вонзило клыки в его шею и вырвало клок плоти вместе с кадыком и, небрежно мотнув головой, выбросило его в траву. Это последнее действие было избавлением для несчастного, он ждал и желал смерти как какого-то высшего счастья. Почерк настоящего безжалостного убийцы – заставлять свою жертву самостоятельно бежать навстречу смерти сквозь жуткую раздирающую муку и желать избавления. Едва челюсти сомкнулись вокруг шеи бедняги, он умер, покинув этот мир, оставив в нём от себя лишь обезображенное тело и обагрённую кровью траву.

Жестокая бездушная псина двинулась дальше, оставив последний след на несчастном теле, наступив задней лапой на лицо, раздирая и без того изрытую ужасными кровавыми полосами кожу, и проламывая череп своей жертве, а затем вырывая лапу из того, что когда-то было лицом, окропляя землю каплями крови, слетающими с массивных лап.

Борясь за свои жизни, члены отряда старались не уступать в жестокости. Рахим схватил большую сучковатую дубину, по счастливой случайности оказавшуюся около его ноги, и со всей силы ударил ближайшего к нему пса по хищной морде. Удар получился достаточно сильным даже для такого крупного и сильного зверя, голова которого была намного уязвимее, чем, например, спина или лапы. Человеку таким ударом можно было бы легко выбить нижнюю челюсть и несколько верхних зубов. Но псина всего лишь мотнула по инерции головой вправо, брызнув слюной и кровью в ту же сторону, ещё более глухо и грозно зарычала, делая несколько шагов назад. Но зверь не отступал. Это была лишь подготовка к броску. Животное и без того переполненное дикой яростью, затаило обиду и желало отомстить. Слегка пригнувшись и смотря как-то исподлобья, зверь будто бы пытался скрыть свои истинные намерения. И вот прошло мгновение, и цепкие лапы оторвались от земли, взрывая её острыми когтями и отбрасывая назад комья лесной почвы. Однако Рахим был готов к этому, и, отбросив дубинку, уже собрался вспороть мечом живот псу, который был покрыт уже не чешуёй, а нежной кожей с коротенькой шерстью – наиболее уязвимое место. Эта затея была крайне опасной – когти зверя с лёгкостью могли разорвать воина в клочья, так, как это произошло только что с Мерташем. Поэтому Рахим начал пригибаться, стараясь отвести голову назад. Перебросить такую тушу через себя самостоятельно он не смог бы, поэтому он рассчитывал на силу прыжка и собственную ловкость. Но тут то и произошло самое неожиданное: в азарте Рахим и пёс не заметили, как подбежал Принц. В тот самый момент, когда зверь изготовился прыгнуть, Принц решил с разбегу пнуть того ногой в бок, чтобы лишить его точки опоры. А дальше – действовать по обстоятельствам. Принц привык зачастую ничего не планировать дольше, чем на пару секунд, его действия и движения всегда были довольно спонтанны, но никогда не теряли грациозности и уверенности, отчего они становились по-настоящему смертоносными. Удар его ноги сдавил рёбра пса в тот самый момент, когда тот прыгнул. Находясь уже в воздухе, пёс не мог сопротивляться и отлетел в сторону, перекатился через спину, случайно задев когтистой лапой ногу Навида, стоявшего рядом, спиной ко всему происходящему. Громко вскрикнув, скорее от неожиданности, чем от боли – рана была неглубокой – и, даже не успев подумать, вонзил свой клинок в живот зверю, причём как-то особенно неаккуратно, уводя лезвие вбок и разрывая внутренности псу. Тот, вместо привычного рыка, громко и жалобно заскулил. Этот вопль был исполнен одновременно и гневом и болью, что придавало ему какой-то жалобный оттенок.

Но всё же, пёс не собирался сдаваться так быстро. Отчаянно размахивая грязными когтистыми лапами, зверь пытался встать. Навид, который хотел нанести ещё один удар, чуть не поплатился жизнью – один раз когти прошли безумно близко от его лица. Испугавшись, он мгновенно отпрянул назад. В это же время каменный пёс вскочил на лапы. Его рана, теперь обращённая к земле, начала кровоточить с утроенной силой. Тёмно-красная, почти чёрная кровь, пачкая шерсть, ручьём лилась на землю. При любом исходе битвы, животное было обречено и ему оставалось жить не дольше часа. И в его глазах, сквозь неистовый гнев, читалось какое-то понимание этого, и поэтому он вновь бросился в бой, словно бы решив продать последние мгновения своей жизни подороже. В этот момент, Рахим, опомнившийся от произошедшего, подлетел к зверю сзади, и с невероятной силой ударил его дубиной в бедро. Рахим отличался недюжинной силой, поэтому этим ударом он наверняка проломил псу кость. И действительно, сразу после этого зверь чуть не рухнул, его задняя левая лапа подкосилась и задрожала. Но ему кое-как удалось удержать равновесие, и зверь, как-то жалобно взвизгнув и стараясь не шевелить лапой, повернул голову к своему обидчику, глядя Рахиму прямо в глаза. Навид, успевший подойти к псу спереди, не видел этого взгляда. В тот момент, когда зверь совершил наверно последнее осознанное движение в своей жизни, повернув голову, Навид выхватил топор и не раздумывая нанёс холодный яростный удар по морде пса, который пришёлся куда-то в область лба. Силы удара хватило на то, чтобы рассечь вытянутую морду глубокой кровавой бороздой и размозжить череп между глаз, причём так, что уголок топора впился вглубь головы. Решающий смертельный удар, который через пару мгновений окончательно лишит животное жизни. Пёс отчаянно взвизгнул и начал извиваться в агонии подобно змее, выбрасывая вместе с жутким воем последние обрывки этой самой жизни. Движения пса были смертоносны как никогда, но они перестали быть контролируемыми, и уже не были специально направлены на причинение боли, поэтому Рахим, Навид и Принц просто отошли от умирающего пса.

Второй каменный пёс оказался более удачливым. Грозно размахивая лапами во все стороны, он не дал ни одному из пяти обступивших его мужчин даже коснуться себя. В каждом его движении чувствовалась какая-то особенная, будто бы удвоенная сила, которую он впитал от погибшего собрата. Между животными действительно чувствовалась какая-то незримая и едва уловимая связь, не такая, как между группой людей, поставленных перед лицом опасности, а совершенно другая,

непонятная человеку, которая будто бы превращала их в части чего-то целого и нерушимого.

Несколько раз псу удалось выбить из рук нападавших их мечи. И тут вновь произошла неожиданность. Началось всё с того, что тот самый пёс, который неспешно прохаживался рядом и не спешил бросаться в бой, вдруг сорвался с места и кинулся на Имана, стоявшего к нему спиной. Инстинктивно отреагировав на этот бросок, Принц ещё быстрее пса рванулся к ничего не подозревающему и поглощённому битвой со вторым зверем Иману, и повалил его на землю. Лапы пса пролетели почти вплотную к голове Принца, но всё же не задели её. Он спас жизнь друга от глупой и даже нелепой смерти.

В тот момент, когда второй пёс продолжал сражаться, третий зверь, не в силах остановиться в воздухе, налетел на второго и случайно впился когтями ему в бок. После такого столкновения они кубарем покатились по земле, чуть не зацепив ещё одного из членов команды. Но, в конце концов, одноглазый пёс отлетел от другого, неудачно дёрнув лапой и вырвав кусок мяса из бока поваленного им зверя. Воспользовавшись подобной удачей, Найзир тут же бросился к раненной псине и прикончил её, вонзив свой меч в шею животному, причём с такой силой, что, пройдя мягкую плоть, он наполовину вошёл в землю, пригвоздив тем самым пса к земле. И вместо смертельного крика из горла животного брызнула вверх струя горячей крови, забрызгав руки своего убийцы, после чего жизнь почти молниеносно покинула некогда могучее тело. Третий пёс к тому времени уже успел вскочить на лапы, но сейчас был повёрнут спиной к умирающему собрату. Однако он будто бы почувствовал эту смерть и напитавшись силой, вырвавшейся из уже мёртвого тела, с утроенной свирепостью бросился на Арсалана, громко лая и звонко лязгая при этом зубами.

Тот стоял в стороне, будто бы выжидая момента, а увидев направляющегося к нему зверя, сразу же рванул ему навстречу, с голыми руками, желая схватиться с тем. Эта битва была предназначена специально для них двоих, один на один; все другие остановились и не вмешивались. Проявив невероятную ловкость и увернувшись от пары свирепых ударов, положил обе руки на голову пса и резким броском прыгнул ему на спину и встал на неё обеими ногами, уцепившись рукой за нарост около шеи, чтобы не упасть. Не ожидав подобной дерзости, зверь рванулся вбок, пытаясь сбросить наглеца. Но это было не так просто, Арсалан вцепился в противника мёртвой хваткой. В этой схватке он будто бы сам превратился в зверя.

В следующее мгновение Арсалан выдавил пальцем второй глаз на окровавленной морде обезумевшего от ярости пса.

Громко взвизгнув, тот начал ещё резче кидаться из стороны в сторону, не видя ничего вокруг. Пришло время нанести решающий удар, но голыми руками это было сделать невозможно. Только в этом сейчас чувствовалась разница между человеком и зверем: первому необходимо было сжимать в руке холодное оружие, чтобы чувствовать силу, а оружием зверя было только его собственное тело, и он привык всецело полагаться на него.

– Держи меч! – крикнул Рахим, вмешавшись в схватку, и бросил меч Арсалану.

Тот повернулся на зов и выставил свободную руку, чтобы схватить в воздухе клинок. И ему это удалось, однако этого мгновения, на которое Арсалан будто бы покинул схватку, хватило псу, чтобы сбросить новоявленного обладателя меча со своей спины. От неожиданного рывка, Арсалан выронил меч и тот отлетел в сторону, а он сам упал на спину в двух шагах от каменного пса. Зверь, скинув врага, остановился на секунду, звучно втягивая воздух крупными ноздрями. Почти мгновенно уловив запах человека, он бросился на него, чтобы прикончить.

Потеряв меч, Арсалан [*прим.: от персидского имени «Arsalan», означающего «лев»*] потерял остатки человеческих черт. И вот уже два зверя сцепились в последней жесточайшей схватке, которая через считанные секунды должна была закончиться смертью одного из них.

Огромные когти взрывали жилистую грудь, стремясь к дико стучащему внутри сердцу, а зверь, что послабее, упёрся ногами в живот псу, стараясь отбросить или хотя бы оттолкнуть его от себя. Но это не помогало. И тогда, собрав силу по всему телу, он влил её в правую руку, в самые кончики пальцев, буквально превратив их в камень, и впился ими псу в горло, закапываясь в живую ткань и выпуская ручьи чёрной крови на свою изрезанную грудь. И в этот момент пёс достиг своей цели и нанёс смертельный удар в сердце. Но со вспоротой шеей ему оставалось жить лишь несколько секунд, после которых он рухнул на своего уже мёртвого противника, придавив его к земле. Два жестоких зверя умерли в одну секунду, закончив, наконец, свою смертельную схватку, начатую несколько часов назад.

Эта последняя короткая битва невероятно поразила всех. Даже Принц, привыкший к жестокости и всякого рода зрелищам, был действительно удивлён. Он лишь сказал:

– Это гиблое место. Тела наших товарищей уже не осквернят эту землю. Она давно проклята.

Немного постояв на месте, путники побрели дальше, продолжая разрубать мечами постоянно мешающиеся ветки деревьев. И тишина была их единственным другом. Все

понимали, что они могут повстречать других псов или каких-либо ещё диковинных чудовищ. Но после произошедшего никому не хотелось ничего говорить и все молчали, будучи погружёнными в собственные мрачные мысли.

Глава 10. Переправа

Медальон оказался не совсем тем, чем я его себе представлял. Сегодня, после долгих раздумий, я, наконец, отправился к Бездне, глубокой ночью. Оказавшись рядом с ней, я повторил уже привычный ритуал, разве что случайно поскользнулся, упал назад и выронил медальон. Но всё прошло как обычно, я встал и отправился навстречу новым знаниям. В этот раз я желал большего. Мне нужны были ответы. И, что ещё более важно, способ, который позволит их получить – тут я всецело рассчитывал на медальон.

Я предпринимал попытку за попыткой – то, закрывая глаза, пытался полностью растворить своё сознание в Песках; то концентрировался на самом медальоне, стараясь направить потоки Песков в него, напитать его их силой – но это едва ли давало результат. Пески, казалось, проходили сквозь медальон, отчего он временами лишь немного ярче светился. Тогда, не прекращая изо всех сил сжимать медальон в руке, я попытался сосредоточиться на своём недавнем разговоре с Нергалом. Кажется, я увидел часть своего сна, где было моё собственное отражение, но теперь оно выглядел несколько иначе. Вместо своего отражения я видел Нергала, слышал его слова. И, боясь упустить мгновение, я шагнул прямо в это воздушное, почти незримое зеркало и на секунду мне показалось, что я оказался там по-настоящему! Внутри этого видения у меня закружилась голова, я пошатнулся назад, упал и нечаянно выкинул медальон в противоположную сторону. И тут же обнаружил себя около балюстрады, выстроенной вокруг Бездны, лежащим на холодном камне. Медальон привычно висел в воздухе, закручивая вокруг себя вихри и потоки Песков Судьбы.

Что это было? Я видел прошлое? Я был там? Неужели ключ сработал? Но, главным было то, что произошло дальше! Спустя секунду, видение, ещё едва различимое в воздухе, растаяло. Я поднялся, на ноги и с удивлением обнаружил, что медальон находился у меня в руке. Что это было? Мне сложно ответить, но я почувствовал, что медальон был словно бы устремлён обратно, он стремился вновь напитаться Песками. Однако я оставался на месте и мысленно призывал их к себе. Затем я даже сделал несколько шагов назад, и произошло нечто! Песчаные вихри колыхнулись и потекли в мою сторону, покидая пространство над Бездной. Медальон притягивал их, он стремился слиться с ними. Значит, я могу управлять потоками Песков! Может быть, мне даже удастся разобраться с тем, что произошло, превратив видения в реальность.

Почему моё видение было таким ярким? Я буквально пережил этот момент заново, каждая его часть горела в моём сознании так, будто всё происходило прямо сейчас! Но меня уже одолевали новые вопросы. Я быстро осознал, что это лишь прошлое, а я пришёл сюда за знанием будущего. Нужно было найти способ читать его в этом густом золотистом тумане.

Тем временем, Пески продолжали лениво сочиться из Бездны, делая это словно бы осторожно, с недоверием. Я взглянул на медальон – он загорался всё ярче, вновь набираясь сил. И тут мне пришла в голову идея, возможно лучшая за всё это время: если Пески способны проникать в предметы, а с помощью медальона и своего сознания я мог ими управлять – почему бы мне самому не создать нечто, что поможет мне в их изучении? И мой взгляд тут же упал на перстень, что я чуть не выбросил в Бездну несколько дней назад. Он был украшен большим красным камнем, слегка прозрачным на просвет. Перстень Правителей, он передавался от одного другому и был символом власти. Я решил, что будет символично использовать именно его для чтения судеб, ведь он сам нёс в себе летопись прошлых лет, видел множество эпох, но не поддался влиянию времени.

Выставив ладонь тыльной стороной в сторону Бездны, я приложил с внутренней стороны медальон и сконцентрировался на потоках Песка, которые невольно протекали теперь через перстень. И каждая песчинка оставляла свой след, слабозаметный и незначительный, но в итоге камень был весь покрыт мельчайшими бороздками. Каждая отдельная крупица Песка – это одна из мириад судеб, что составляют необъятную вечность. И все вместе они – единая стихия, которую я если и не укротил, то хотя бы познал как никто другой. Она была очень податливой и, казалось, всецело зависела от воображения того, с кем взаимодействует. Поэтому мне так легко удалось сейчас воплотить свою задумку – сознание определяло суть этой стихии. Она становилась тем, чего я от неё хотел. Возможно, это просто иллюзия, но, так или иначе, я получал желаемое. Следующим шагом мне было необходимо увидеть то, что было теперь начертано на Перстне. И я вновь взошёл над Бездной, но на этот раз не выпуская медальон из рук. Не было никакого особенного ритуала, была лишь моя воля и бездонная, могущественная, но кроткая стихия. И, сжав медальон покрепче, я постарался призвать ещё больше Песка из глубин Бездны, который, проходя через камень Судьбы, зажигал его ярким бело-золотистым светом, что заливал всю внутреннюю поверхность купола надо мной. Но теперь это был не просто свет: бороздки на камне давали бесчисленное множество отсветов в виде символов – я буквально мог читать их, как книгу. Все судьбы мира были там!

Это и есть величайшая книга, которую невозможно превзойти – в ней уже есть всё. То, что было и всё то, что когда-либо будет. Осталось лишь научиться ориентироваться в её бесчисленных страницах!

Покидал Бездну я не только с воодушевлением, подобным моей первой встрече с Песками, но и с ещё одним, новым чувством: я был уверен, что теперь Пески не исчезнут просто так, что это не случайное видение и не игра моего больного воображения. Теперь они – часть моей жизни и часть жизни этого острова. Они существуют, и дело не в каких-либо ритуалах или времени суток. Они – часть этого мира, вернее – его отражение, стянутое практически в одну точку. Зеркало, в которое я теперь мог заглянуть в любой момент и достроить свою реальность до той, что видел в отражении. В этом и заключена моя судьба.

Пожалуй, впервые за долгое время на моём лице сияла настоящая улыбка.

Дневник Намтара, запись 15

***

Болотистая пустошь лежала позади и взору путников открывалась новая часть Острова – вернее, внешнего кольца с проливом, на которое Принца и его команду выбросило кораблекрушением. Крепость же, которую сейчас было довольно хорошо видно, действительно располагалась на отдельном клочке суши. Сквозь пелену тумана проглядывались зубчатые башни, всем своим видом олицетворяя угрозу.

Впереди показались высокие скалистые холмы и ущелье между ними. По дну ущелья петляла мелководная река – Принц и остальные поспешили наполнить фляги и напиться. Вода приятно освежала, разгоняя мрачные мысли после недавней схватки. Пополнив запасы, все двинулись дальше в путь. Кажется, был уже вечер – в этих местах ход времени ускользал от человека и, из-за неизменно густых туч в небе, постоянно казалось, что наступают сумерки и близится ночь. К этому моменту все, включая Принца, уже отказались от идеи найти способ переправы на центральную часть острова сегодня. Туда, где стояла крепость, которая, несмотря ни на что, манила к себе. Впрочем, по-настоящему она притягивала только Принца, ведь у него была вполне определённая цель. Единственная, неизбежная и невероятно важная для него, неразрывно связанная с его жизнью. Для остальных это был лишь мираж на горизонте. Каждый строил свои планы, желал богатства или романтики приключений. Но теперь все их надежды таяли вместе со светом

солнца, который уже почти не проникал в ущелье, в котором начинал клубиться вечерний туман. Люди, шедшие по ущелью, старались держаться всё ближе друг к другу – таким всепоглощающим казался этот туман. Таким, что казалось – сделай шаг и пропадёшь в нём навсегда. Он словно бы грозился поглотить Принца и его команду, сожрать как дикий зверь. Рахим, устало бредя рядом с остальными, задавался вопросом: сколько же было таких, как они, в этих местах? И всех ли постигла неудача?

– Что случилось с Харазом? – поинтересовался Принц, поравнявшись с Мадидом и Найзиром. Эти двое продолжались держаться вместе, несмотря на исчезновение своего хозяина.

– Мы не нашли его, хоть и исходили весь берег, – ответил Мадид.

– Скорее всего, он погиб в море, – добавил Найзир.

Принц сожалел о потере – Хараз был мудр, добр к нему, он так помог ему с путешествием и не раз выручал его и прежде.

Всё вокруг не просто казалось, а было враждебным. Некоторым из команды даже начинало казаться, что вода в ручье была отравленной – их мутило и у некоторых буквально подкашивались ноги. Хотя виной тому, скорее, была усталость после схватки в джунглях, а также общая напряжённость и события предыдущего дня.

– Нужно найти место для ночлега, – сказал Рахим.

Сразу же послышались слова одобрения. Это чувство было практическим общим. Только Принц был готов идти дальше. Он устал не меньше остальных, но что-то его тянуло вперёд. Ему казалось, что время и его собственная жизнь ускользает от него, и он может догнать их, только постоянно двигаясь вперёд. Но, спустя несколько шагов, Принц понял, что ему некуда деваться и был вынужден согласиться:

– Хорошо. Я буду нести первый дозор, – вызвался Принц. – Кто-нибудь сменит меня в течение ночи.

Группа нашла островок растительности неподалёку и решила устроиться на ночлег в этом месте – спать на траве, пусть и мокрой от росы, будет гораздо теплее и приятнее, нежели на голых камнях. Костёр было решено не разводить – слишком опасно вот так выдавать себя. Ещё до наступления темноты все видели, что местами в скалах вырублены пещеры и какие-то ходы, но никто не решился в них отправиться, тем более ночевать. Возможно, им ещё предстоит столкнуться с их обитателями – кем они могли быть?

***

Призрак сидел напротив Принца и с интересом смотрел на него. Тот размышлял, время от времени озираясь по сторонам. Вокруг стояла тишина, сюда не доносилось пение птиц и даже журчание ручья терялось в густой ночи. Мысли Принца занимали произошедшие события. Он скорбел о погибших товарищах, но несколько отрешённо. Отправившись с ним на этот остров, они сами выбрали свою судьбу. То же самое сделал и Принц, не желая отдавать свою жизнь на растерзание свирепому монстру. Его подбадривала мысль о том, что он всё ещё жив и может двигаться дальше. Но у него не было ни единой мысли о том, что за ним давно и пристально наблюдают.

Призрак уже давно оставил попытки докричаться до Принца – бесполезно. Между ним и людьми была непреодолимая пропасть. Широкая, как океан. Все мосты сожжены и никакой надежды что-либо изменить. Было время, когда он буквально размахивал руками перед лицом Принца. Пытался проникнуть в его мысли не как наблюдатель, а как соучастник. Всё тщетно. Только тогда, в Азаде, когда Принц выпустил Пески Времени, был какой-то туманный шанс. Встреча с Эссеном – его большая удача, уникальный шанс. Такие люди, как он, что способны видеть или слышать призраков, что открыты к общению с ними (может и не самым очевидным образом), встречаются не чаще, чем один на миллион. И, пытаясь исправить неудачу Принца и вселившись в тело Эссена [*прим.: от турецкого имени «Esen», означающего «ветер, воздух»*], Призрак потерпел новую. После этого всё, что ему оставалось – наблюдать. Искать причины того, что Принц, в итоге, погибнет от рук Дахаки. Всё его путешествие закончится провалом. Но, возможно в этом месте, окутанном магией Песков, Призраку вновь удастся войти во взаимодействие с Принцем? Может, в этот раз ему удастся предотвратить ужасные события? Неизвестно. И неизвестность его пугала – он так и не лишился этой характерной человеческой черты.

***

Утро выдалось не из приятных. Каждый из членов отряда, включая и самого Принца, чувствовали сильный голод. А усталость при этом практически не отступила. Фаранг, последний из дозорных, уснул на своём посту. На этот раз все опасности миновали отряд, но на него всё равно посыпались проклятия и неодобрительное ворчание остальных.

Разделив скромные запасы еды между собой, члены отряда позавтракали и вновь двинулись в путь. Еда придала им сил, но теперь все резервы были полностью исчерпаны. Понимая своё положение, путники решили, что им необходимо покинуть это

безжизненное, богом забытое место и всё-таки найти способ переправиться к крепости. Там у них были шансы найти что-нибудь съестное и, в зависимости от ситуации, выстроить новый план действий.

После очередного извилистого поворота, ущелье, уже начинавшее казаться бесконечным, вдруг закончилось. Впереди виднелись невысокие холмы и какие-то полуразрушенные постройки. Похоже, люди давно покинули эти места. Постройки были невысокими и имели бедный вид. По холмам ярусами располагались ровные участки – кажется, когда-то это было полями под засев. Само поселение было огромным, оно забиралось на холмы и перетекало за них. Здесь жили простые крестьяне или рабочие. Вся же знать, наверняка жила на центральном острове.

Река в этом месте становилась заметно шире и глубже – вряд ли её можно было перейти вброд. В одном месте путникам попался мост – вернее то, что от него осталось. Время и вода съели камень и он обрушился. Здесь никто не жил уже несколько сотен лет. Это место было мёртвым. Лишь буйная растительность расползлась по холмам и поглотила всё.

Впереди высились две башни, подножиями уходя в воду. На вид они отличались от остальных построек. Они имели треугольную форму, странные выступы, закрывали немалую часть неба и были видны отовсюду. Так, словно бы это было важно, чтобы находившиеся рядом люди никогда не забывали об их присутствии. Или о тех, кто обитал внутри этих башен.

– Вы по-прежнему уверены, что это тот самый остров? – обратился к Принцу с вопросом Рахим. – Это место кажется заброшенным. Здесь нет никого, кроме диких зверей.

– Нет. Всё не так просто. Это именно то место! – отвечал Принц. – Кто эти люди, что напали на нас на море? Это место охраняется и не случайно. Они, просто, кажется, ещё не знают, что нам удалось выжить и мы здесь.

Помимо всего того, что Принц знал об этом месте, и ведшей его интуиции, его уверенность подкреплялась ещё одним знакомым чувством. Холод, буквально забиравшийся под кожу, сжимающий сердце и наводящий ужас. В точности так же, как в те мгновения, когда он открыл Пески Времени в Азаде. Сейчас у него не было кинжала и вокруг не было Песков. Но чувства были практически теми же. И Принц чувствовал незримое присутствие Песков Времени, так, словно бы земля дышала ими в этом месте. Это определённо был тот самый Остров.

– Что, если это просто морские разбойники? Которые перепутали наше судно с торговым и желали лёгкой наживы? – возразил Фаранг.

– Да, именно так! – вновь подключился к разговору Рахим, с удивлением отметив про себя, что Фаранг выдал довольно здравую мысль, впервые за всё путешествие. Хотя, возможно, это простая случайность.

– Но почему именно тут, вблизи острова? – возражал Принц.

– Возможно, это место – их тайное пристанище. Нашли заброшенный остров и поселились здесь, вдали от людей. Ведь не всё же время им плавать в море и грабить суда? – продолжал выдавать идеи Фаранг. Ему явно очень нравилась его собственная версия, по-юношески романтичная.

– Мальчишка прав. Это многое объясняет, – рассудил Рахим.

– И мы всё ещё можем найти сокровища! – восторженно воскликнул Фаранг. – Только представьте себе, сколько они могли награбить за годы!

– Вы…, – Принц замялся, не желая раскрывать всего, что знал. – Вы не понимаете, с чем столкнулись. Это не морские разбойники, не обычные грабители! Вы видели их оранжевые глаза? Это не люди! Нет, это поистине особенное место!

Говоря последние слова, Принц развернулся ко всем и остановился. Группа последовала его примеру и остановилась. На Принца смотрели вопросительные взгляды, глаза некоторых были широко раскрыты от удивления.

– Кажется, вы всё-таки знаете что-то здешних местах и их обитателях? И знаете явно больше нашего, – выразил общие мысли Рахим. – Не потрудитесь ли рассказать нам?

Принц чувствовал себя так, словно попал в ловушку. Он недоговаривал этим людям очень многое, и теперь они начали это понимать. У них стали зарождаться какие-то смутные подозрения. Их было ещё недостаточно для недоверия Принцу, но они, находясь в том месте, куда стремились, чувствовали себя вправе требовать от него больше сведений. И это выразилось в неуверенном поддакивании то от одного, то от другого.

– Да, мы хотим знать! – выдал обычно молчаливый Тоуфан.

Принц обвёл взглядом окружившую его команду, помолчал с полминуты, собираясь с мыслями и заговорил, медленно, стараясь не выдать себя и свою истинную цель:

– Это место исполнено магией. Возможно, вы не видите её, не чувствуете так, как чувствую её я. У меня было достаточно времени и причин, чтобы хорошо изучить и запомнить её признаки. Возможно, всё, что вы чувствуете, – это сильный холод. Но это не обычная утренняя прохлада из-за близкой воды. Это лишь значит, что то, за чем я охотился эти долгие годы – в нескольких шагах от меня. От нас. Люди, напавшие на нас, – они и не люди вовсе. Они – порождения этой магии, она питает их и даёт им сил. Если не верите мне – просто взгляните им в глаза.

Уверен, мы их ещё встретим. Не думаю, что та могущественная сила, которой обладают обитатели Острова, будет отдана нам с лёгкостью, просто так.

Принц замолчал. Глаза некоторых из членов команды раскрылись ещё шире. Всем нужно было несколько минут, чтобы обдумать услышанное, поверить в него и выстроить в голове новую картину происходящего. И новые вопросы.

– Ну и что это за сила? – спросил Тоуфан. В его голосе слышался какой-то вызов. Он не привык отступать перед лицом стихии.

– С её помощью можно управлять временем, – ответил Принц. – Хотя это лишь часть того, на что способны Пески Времени.

– Как же ей обладать? – с блеском в глазах спросил Фаранг.

– Я приплыл сюда, чтобы выяснить это, – сказал Принц. Ему приходилось отступать, шаг за шагом; каждый новый вопрос всё сильнее загонял его в тупик.

Словно бы чувствуя это, Рахим заговорил нетипичным для него тоном, перебив очередной глупый вопрос Фаранга:

– Вы – возможно. Но зачем здесь мы? С чего вы решили, что нам нужны такие… сокровища?

– Я знаю человека, который уже бывал здесь. Остров богат не только этим. Его жители с древнейших времён обладали ценными знаниями, далеко за пределами управления потоком времени. Эти знания – истинное богатство этих мест, – Принц отвечал, уже начиная импровизировать. Он не лгал, он по-прежнему лишь недоговаривал.

Воспользовавшись молчанием, Принц продолжил:

– Многие пытались достигнуть Острова. Но его след настолько затерян в веках, что это оказалось почти невозможным. Любой правитель бросил бы все силы на поиски, ради того могущества, которое возможно заполучить здесь!

– Почему тогда вы и ваш отец отправили сюда не целую армию, а одно жалкое судёнышко? – спросил Тоуфан. – Нам даже не удалось нормально добраться до Острова, без потерь!

– В этом и состоял замысел путешествия. Маленький отряд, который тайно проникнет на Остров и сможет действовать скрытно и аккуратно. Точно так же удалось побывать здесь и человеку, что я знаю, – ответил ему Принц. Теперь он действительно лгал, хотя знал, что Навид, Иман и телохранители Хараза поддержат саму идею о небольшом, скрытно действующем отряде.

Хотя, впрочем, и недоговаривал он тоже. Все члены команды думали теперь, что у них особая миссия – выкрасть секреты Острова, овладеть таинственной силой и передать её правителю

Персии, чтобы та обрела поистине небывалое могущество. Принца, на данный момент, это вполне устраивало, и он не спешил разочаровывать их.

– Нам нужно двигаться дальше! – с нетерпением сказал Фаранг. Кажется, слова Принца захватили его с головой.

Рахим, молчавший всё это время, внимательно слушал его и размышлял. И в тот самый момент, когда разговор затих и путники начали двигаться дальше, он заговорил. Его слова были мудры – кажется, он видел самую суть:

– Вы говорите об управлении временем, мой Принц? Но посмотрите вокруг, на всё это запустение! Здесь не осталось ничего живого, всё ушло в небытие. Вас не пугает мысль о том, что та же судьба может ждать и Вавилон? Величайший город падёт, эти ваши Пески сожрут его, как и этот остров. Вы уверены в своих желаниях?

Принц остановился. На его лице читалось невероятное удивление. И такой же силы решительность. Он, не поворачиваясь, вложил её в свои слова:

– Ты прав. Я здесь, чтобы уничтожить Пески Времени.

***

Утренний туман, висевший над водой и окутывавший путников, выглядел для Призрака иначе. Он видел намного больше, чем люди. Над рекой в траурном молчании проплывали белые пятна, имевшие отдалённое сходство с фигурами людей. Они и были людьми когда-то, в этом у него не было никаких сомнений. Души, словно бы вырванные из тела.

Призрак с каждым шагом видел молчаливое движение всё отчётливее. И при этом не слышал ни звука. И не мог докричаться до этих душ. Он смотрел на них и всё глубже погружался в атмосферу происходящего. Туман исчезал, воды реки текли вспять, деревья втягивались обратно в землю. Время текло назад, дома и постройки чудесным образом восстанавливались. Казалось, что в видении Призрака в эти места возвращается жизнь. Но это было лишь иллюзией. Стоило чуть отвлечься и время снова прыгало в исходную точку. И при любом его ходе – прямом или обратном, быстром или медленном – он видел эти брошенные души.

Призрак вспоминал Ашу. Молодого индийского воина из Азада, который, несмотря на свой юный возраст и горячность, научил Призрака многому. Он буквально открыл ему дорогу, позволил двигаться хоть куда-нибудь. Мысли Аши хоть и были беспорядочны и во многом неточны, имели верное направление. Он, столкнувшись с неизведанным, попытался понять его,

осознать и даже овладеть. Он был первопроходцем. Сейчас Призрак жалел, что ему не удалось сохранить жизнь Аше. Хотя, впрочем, Принц же повернул время вспять с помощью Песков, и все погибшие ожили вновь! Но, кто знает, чему ещё ему удалось бы научиться от Аши? Возможно, ему бы даже посчастливилось нащупать эту тонкую, недостижимую тропу, которая соединяла людей и призраков. Таких, как он сам. И таких, как он видел сейчас. Между ними, казалось, почти не было разницы. Но она была велика. Они были жертвами, они не собирались вот так навечно остаться на руинах своих поселений. Он же задержался в этом мире по своей воле. Поначалу Призрак желал продолжать бороться. Схватка не была окончена. Сейчас он чувствовал в себе новое желание, хотя и не мог до конца объяснить его себе. Он желал познать свою природу.

Те призраки, что сейчас плыли над рекой, направились в одну сторону. Но в их движениях, в обрывках лиц не читалось никакого настоящего стремления. Это было блуждание, скитание. Они – вечные пленники этих мест. И Призрак изо всех сил пытался взглянуть сквозь эту вечность. Увидеть её целиком. Но ему удавалось лишь вновь погрузиться в пучину времени и увидеть вокруг поселение в его лучшие годы. Впереди потока призраков высился какой-то храм пирамидальной формы (во времени Принца и его команды на этом месте были лишь бесформенные руины, груда каменных глыб и не более того). Они достигали его и пропадали внутри. А через какое-то время всё так же, молча и величественно выплывали наружу, после чего их путь лежал вверх по склону. Там, наверху они ненадолго останавливались, словно вглядываясь куда-то вдаль или о чём-то думая, а затем спускались обратно и отправлялись куда-либо ещё. И так бесконечно.

За всё время, что Призрак наблюдал за ними, он не заметил ни намёка на какое-либо общение между ними. Лишь какое-то подобие печали, навсегда застывшее на их бесформенных лицах. Измученные, они были совершенно потеряны. Вырваны из потока времени. Призрак, ощущая свою способность смотреть сквозь время, желал развить её. В его голове уже давно зрела идея познания мира через возможность находиться в одном месте во всех временах сразу. Теперь она окончательно выросла и превратилась в стремление, в цель.

Возможно, он недостаточно отбросил все человеческие предрассудки и привычки. Он всё ещё не ощущал себя существом иного рода. Он словно бы был человеком, который закрыл глаза и слишком глубоко погрузился в свою фантазию. Провалившись в сон, он выходил из собственного тела, но сохранял свою истинную природу.

Когда Призрак дошёл в своих размышлениях до этой мысли, ему захотелось хлопнуть себя по лбу. Он вдруг постиг простую мысль – он до сих пор ассоциирует себя с Ашой! Он пытается думать как Аша, он видит как Аша и даже стремится, в общем-то, к тому же самому!

Эта мысль удручала Призрака, он чувствовал, что зашёл в тупик. Что, если перед смертью ему случайно удалось вобрать из Песков нечто такое, что он даже не был призраком в полной мере? Возможно это он сам – потерянная душа, которая не слышит печальной песни настоящих призраков, скитающихся вокруг. Он даже выглядит не так, как они. Обычно Пески не влияют на призраков. Эти две стихии не соприкасаются, не имеют силы друг над другом. Какой же силы была тьма, пропитавшая его тело, раз оказалась способна повлиять даже на призрака?

Он подошёл к водной глади и взглянул на собственное отражение. Он уже давно привык к нему. Призрак выглядел одновременно как какое-то чудовище и как путник, который облеплен грязью дорог, чьи волосы растрепал ветер. Но он был настолько уродлив, что едва ли походил на человека. Скорее на иссушенный временем труп, который неведомым образом всё ещё мог передвигаться. Оживший мертвец, чьё коричнево-серое и даже местами чёрное тело состояло из переплетения каких-то странных прутьев и верёвок, которые не имели постоянной формы. Они вились внутри него и вокруг, торча из спины и, подобно волосам, свисали с головы. Более всего на человеческие походили его ладони, с вытянутыми сухими пальцами и длинными ногтями. Поверх его тела была наброшена грязная бесформенная мантия. Он не помнил, как именно она оказалась на нём, но было чувство, что она буквально вросла в него. Впрочем, избавляться от неё он и не собирался – в ней он казался себе менее уродливым.

Случались времена, когда он отчаивался. Он переставал верить в силу своего выбора, своей собственной воли и расценивал всё происходящее с ним как проклятие, как некую кару. И это лишь ещё добавляло ему сходства с человеком. Кто же он? Этот вопрос мучал его бесконечно долго. Призраки не знают усталости, не спят ночами. Скитание было бы их единственным уделом, если бы не подспудная тяга к истоку всей жизни. Отправная точка, в которую всё возвращается. Но он ослушался заведённого вечностью порядка и пошёл наперекор всему. И чем же его похождения отличаются от бесцельного полёта туда-сюда других призраков из этого места?

Погружаясь в пучину мрачных мыслей, Призрак вдруг бросил свой взгляд на Джатту. И от этого ему вдруг стало легче.

Он почувствовал какое-то тепло. Их странная связь, дружба призрака и собаки (которая тоже была призраком) – это то, что возвращало его к жизни. Хотя вряд ли это можно было назвать жизнью. Но, по крайней мере, тягостные мысли отступали прочь и ему хотелось продолжать свой путь. Не стоять бесцельно на одном месте, не падать в пропасть. Что если эти призраки вокруг – это просто отчаявшиеся? Потерявшие, из-за глубины своей печали, рассудок, а вслед за ним и всякую цель?

Джатта не умела разговаривать. Но она была рядом, слышала его, реагировала и словно бы понимала. Она помогала ему в его странном пути, была его частью. Он чувствовал, как их судьбы переплетены каким-то таинственным образом. Порой ему казалось, что это она вела его вперёд, к какой-то загадочной цели. Она не раз подталкивала его к каким-то действиям, которые он бы не стал совершать сам. Но это было не принуждение, не подчинение воли. Это был зов, невысказанная словами идея, которая просто не пришла бы Призраку в голову. Если бы не она – он вряд ли бы спас Аджита от нападения Дахаки. Возможно, он бы не заметил и Ашу, который погиб бы намного раньше, не добравшись до башни Рассвета. Длинная череда событий, замкнутых в кольцо. И достаточно было выпасть любому звену, чтобы вся цепь рассыпалась.

Призрак испытал душевный подъём. Он понял, что надежда всё ещё есть (опираться лишь на одну надежду он тоже научился у Аши!) и решил пронаблюдать за Принцем и его командой. Те остановились, окружили Принца и о чём-то разговаривали. Призраку отлично было известно, о чём именно. Он знал, с чего всё началось и чем всё закончится. При желании он мог перенестись в любой момент этой беседы и увидеть все эмоции и мысли людей в их промежуточном состоянии. Но его не интересовали детали. Он пытался смотреть глубже, пытался увидеть нечто более общее. И он непроизвольно закрыл глаза. Если он и был ещё хоть немного человеком, то теперь словно бы дважды вышел из своего тела. Вырвался из оков своих сомнений, стараясь не видеть мир вокруг, а ощущать его. Он не чувствовал ветра, не знал холода или жары. Мир теперь представлялся ему иначе. И не только зрительными образами – это ловушка, которая пленила его разум и долгое время не давала ему прозреть. Через него текли мысли людей, которые по привычке вторились звуками и речью в его голове. Он мог словно бы вжиться в любого, почувствовать направление, в котором ведёт его судьба.

Обескураженный своим открытием, Призрак оторвался от своего видения. Он мог читать этот мир как открытую книгу! Мог перелистывать страницы вперёд и назад, перечитывать раз за разом понравившиеся отрывки или целые главы, особенно если

вдруг забыл что-то важное. И при этом чувствовал себя частью чего-то несравненно большего. Ощущал дыхание чего-то великого. В хитросплетениях этого странного потока он видел не отдельные фрагменты, а явления и события целиком. Он ощущал, как мир перед ним тает, он не видит ничего, но при этом не чувствует себя потерянным. Он не заблудшая душа, он – воздух, колеблемый событиями этого мира. Воздух, не способный ни на что влиять, но являющийся громадным существом, которое движется от речи людей, от их поступков и даже мыслей. Постепенно его ощущения стали дополняться образами, но теперь это было не обычное зрение, а отображение его чувств. Он видел, как Принц скользит в яму, которую сам себе выкопал. Не имело значения, в какой точке он находится – вверху, едва оступившись, или почти на самом дне – всё это было чем-то единым, законченным, завершённым образом. Это немного удручало Призрака, но всё же позволяло по-иному взглянуть на вещи. По-новому. Чувство новизны – то, чего ему так не хватало. Он стал иным или хотя бы приблизился к этому. Приблизился к пониманию себя самого и своей сути. Поток вопросов, которые ежесекундно появлялись в его голове, теперь утроился. Но на этот раз у него появился робкий шанс найти хотя бы часть ответов на них.

Безмолвные призраки, что скитались на руинах древнего поселения, теперь тоже виделись ему иначе. Они были подобны тем, что он и Аша [*прим.: от индийского имени «Asha», означающего «надежда»*] видели в Азаде. Видели каждый по-своему, но в одном их видение сходилось – это были души людей, насильственно вырванные Песками из их тел. Выпущенная из Песочных Часов стихия буквально пожирала всё вокруг и люди – практически первое, что попадалось на её пути. Как оказалось, они были более всего подвержены влиянию этой стихии. Отличие тех призраков и этих было лишь в том, что в этих краях никто не открывал Песочные Часы до запустения этих мест. Но та магия, что жила в недрах Острова, а затем была вытащена наружу, годами безжалостно точила людей, буквально высасывая из них все соки. Это была не быстрая и грубая, а мучительная и долгая смерть. Как болезнь, которой сначала не придаёшь значения, а потом оказывается, что с ней уже слишком поздно бороться.

Вне времени и вне мира. Они и он. Такие разные и такие похожие. В чём же его предназначение теперь? Он всё ещё гнался за своей старой целью, но она всё больше теряла смысл и казалась решительно безнадёжной…

Призрак вновь посмотрел на мир вокруг обычным взглядом. Он был уверен, что сможет вернуться к своему новому умению, это была не случайность, а его новая реальность. Он вдруг

обнаружил, что стоит по другую сторону реки. Так, словно его действительно отнесло ветром в сторону. Он смотрел с другого берега на Принца и его команду – те двинулись дальше, петляя между руинами – и не шевелился. Теперь он мог просто стоять на месте, а мир сам будет двигаться вокруг него. Он, конечно, не стал центром Вселенной, но умение быть сразу во всех временах заметно снижало необходимость двигаться. Нужно было лишь выбрать нужное место, которые было центром ситуации.

В этот раз ему пришлось двинуться вслед за путниками – он знал, что те сюда больше не вернутся. Уходя, он бросил взгляд назад, на скалы. Там, в пещерах, люди, некогда жившие в этих местах, строили специальные ловушки для душ – их наивные представления о мире заставляли их верить в то, что хотя бы после смерти они обретут покой. Умирающих клали в каменные углубления, выдолбленные в скале и плотно закрывали большой плитой, обмазывая глиной все щели. Они думали, что это защитит их хотя бы после смерти от невидимой чумы. Но Пески, медленно убивая этих людей, ещё при жизни превращали их в пустышки. Само собой, каменные глыбы не могли быть препятствием для призраков. И после смерти ничего не менялось. Они были и не призраками вовсе, а чем-то вроде напоминания о том, что они когда-то были людьми. Без обратного пути. И без дороги вперёд. Лишь нечто вроде инстинкта тянуло их в знакомые места, заставляя мерить вечность количеством кругов. Не то же ли самое случилось и с ним? Что, если всё это происходит уже не впервые, только круг, который он повторяет несравненно более крупный?

На подобный вопрос ему было слишком трудно найти ответ. В этом случае всё зависело вовсе не от выбора места. Не от пристального взгляда или глубокого погружения в суть происходящего. Но он привык к возникновению таких сложных вопросов и просто отбросил его, как и многие до этого. Сейчас он концентрировался на более обычных вещах, на которые он научился так необычно смотреть. Увидеть ситуацию. Рассмотреть суть, саму форму. Задать вопрос. Получить ответ. Не это ли чудесный дар, желанный мудрецами всего мира в течение всей человеческой истории?

***

Принц и команда подошли к подножию одной из башен. Они не видели того же, что видел Призрак, никто из них не осознавал и половины происходящего. В некотором роде они были слепы, даже Принц. Впрочем, это свойственно людям.

Их внимание привлёк пролом в основании башни, из которого, кажется, исходило свечение. В этом месте опора твердыни практически уходила в воду – до неё оставалось буквально каких-то десять шагов – и свечение частично отражалось в воде.

Пролом был довольно широким и почти в два человеческих роста высотой. Возможно, когда-то он был меньше, но камни, висевшие наверху, со временем обвалились, увеличив проход и образовав груду камней на подступе. Подойдя вплотную, путники смогли хорошо разглядеть, что за провалом расположен небольшой зал, который был хорошо освещён факелами, закреплёнными на стенах. Но что-то было не так.

Сам зал казался очень странным, и если башни явно были для охраны и наблюдения, то он имел скорее торжественный вид, нежели мрачный и угрожающий. А свет, который исходил от огня, … совершенно не двигался! По стенам не прыгали тени – пламя застыло на месте, его языки не шевелились. И при этом зал казался таким свежим, новым – время его не тронуло, в отличие от остальной части башни и поселения вокруг.

– Что это? – спросил Принца Иман, с интересом глядя в пролом.

Тот замялся, не в силах оторваться от чудесного зрелища – зал пленил и его внимание. Он удивлял и пугал его одновременно. Рахим пристально смотрел на Принца в этот момент и еле заметно качал головой из стороны в сторону.

– Я не знаю точно, – проговорил, наконец, Принц, не поворачивая головы. – Но я обязательно это выясню. Ждите меня здесь! – сказал Принц, и, прыгнув на камень, нырнул в провал.

Стоило ему перешагнуть черту, как зал вмиг будто бы ожил – весело забегали языки пламени в факелах, по стенам запрыгали тени. В воздухе роились песчинки. Принц обернулся назад – весь мир там, за стеной словно бы остановился – всё стало ровно наоборот. Люди виделись ему бесформенными пятнами, которые при этом совершенно не двигались. Разве иногда делались ещё менее отчётливыми, так, что порой было даже трудно понять – есть ли они там вообще.

Куда он попал? Что это за место? Принц удивлённо озирался по сторонам и искал что-либо необычное. Хотя сам этот зал уже был крайне необычен. Помимо того, что время текло в нём по каким-то иным законам, у него не было другого входа! И даже ни единого окна! Получается, что до тех пор, пока не образовался этот пролом в стене, в него вообще нельзя было попасть ни через какой вход? Ведь таковых просто не было. Зал-тайна, зал-загадка. Он был особенным, специальным местом. Не может быть, чтобы всё это было сделано случайно или по ошибке!

Каким-то невероятным образом время пощадило это место. Оно не казалось таким безжизненным, как всё снаружи. В стенах не было трещин, камни, их слагавшие, были не серыми, а золотисто-жёлтого оттенка. Такими, как во времена строительства. Принц не чувствовал запаха сырости, который исходил от реки. Он не слышал ни единого звука, который доносился бы снаружи – в зале стояла абсолютная тишина. Его специально оставили таким, будто бы он ждал чьего-то прибытия, и был готов встретить неведомого гостя во всей красе.

Принц терялся в догадках – он не мог и предположить, как и для чего возникло это место. Вокруг практически ничего не давало подсказок. Не было ни единого намёка. К центру зала (он имел круглую форму) вела красная дорожка. Там, где она обрывалась, высился небольшой пьедестал. Принц поднялся по нему, ожидая, что вот-вот что-то произойдёт. Тайна раскроется или хотя бы приоткроется щёлочка, в которую можно будет одним глазом взглянуть на разгадку. Но тщетно. Ничего не происходило.

Постояв с минуту, Принц вдруг решил, что он делает что-то неправильно. Вряд ли долгожданным гостем был именно он, и глупо было надеяться на что-то подобное. Это место вообще могло быть враждебным, оказаться очередной ловушкой. Но, пожалуй, это тоже едва ли было правдой. И в этот момент в нём начала стремительно расти одна мысль. Простая по своей сути, она разочаровывала его, но с другой стороны от неё была польза. Он вдруг понял, что это место вовсе не особенное. И тут ему ничего не найти и не добиться. Конечно, оно было крайне необычным, но ведь и остров, на который он прибыл, был не из простых. Здесь это могло быть нормой. Ведь недаром его называют Островом Времени? Скорее всего, замок, который находится на центральной его части, – это и есть одно большое особенное место, стены которого снаружи развалились и сдались времени. Но внутри, за этими стенами, жило прошлое. Оно было подобно тёплому воздуху, который удерживают стены жилища. Словно вода, налитая в сосуд. Вот, в чём магия этого места!

Эта идея, поначалу разочаровав Принца, теперь воодушевила его. Ему казалось, что он начинает что-то понимать. Наконец он подобрался к ответам на вопросы, которые терзали его годами! Теперь ему нужно лишь найти способ попасть в крепость. Принц ухмыльнулся и зашагал к выходу. Его удивляла кажущаяся простота идеи, которую осуществили жители Острова, – спрятаться за сводами, которые снаружи казались совершенно безжизненными и заброшенными.

***

Призрак вновь видел всё иначе. Или просто больше, его взор позволял смотреть ему сквозь время. Шире и глубже. Он видел, как примерно двадцать пять лет назад в этом месте проходила другая экспедиция. Её возглавлял тот самый индийский Магараджа, отец Фары. Он шёл с большим отрядом, хорошо подготовленным к битве. Он насчитывал около двух сотен человек. Подле Магараджи шёл визирь. Кажется, он был ещё здоров и полон сил – вовсе не тот слабый старик, каким видел его Принц во времена похода с отцом в Индию. Был тут и Зороастр – задолго до того, как превратиться в пустынного скитальца, а затем очутиться при дворе персидского царя.

Взгляд Магараджи горел, он стремился покорить это место, подчинить его себе. Все те легенды, что он слышал, вдруг стали реальностью! Невероятное могущество, ценнейшие знания и несметные сокровища – всё это двигало его вперёд, к заветной цели.

Войско Магараджи было хорошо вооружено. Следовавшие в центре несли большие запасы провизии и пару десятков многоместных лодок. Разрыв во внешнем кольце был слишком мелководным и попасть туда на большом корабле – Магараджа и его команды прибыли на трёх таких – было невозможно, не сев на мель. Поэтому единственным способом попасть в крепость было прихватить с собой те же лодки, на которых они добрались до берега.

Призрак отвлёкся от Принца и команды и продолжил смотреть на путь Магараджи. Он наблюдал за ним уже некоторое время, начав в другом месте. Призрак мог заглядывать в историю лишь того места, в котором находился.

Впервые он увидел прибытие Магараджи, когда стоял около Принца, который без сознания лежал на песчаном берегу. Там, он лишь видел, как со стены корабли были атакованы лучниками с горящими стрелами. И их нападение было грубо подавлено выстрелами из корабельных орудий. Так и образовались провалы во внешней стене Острова, одну из которых повстречал Принц на своём пути. После этого Магараджа и его небольшая армия беспрепятственно добрались до берега и направились вглубь Острова.

Но у подножия башен события разворачивались стремительнее и опаснее. Из крепости подоспел отряд песчаных воинов, причём довольно многочисленный. Исход битвы, что должна была состояться у подножия одной из башен, был неоднозначен. Основную часть войска противника составляли те же солдаты, которых Принц повстречал во время морского сражения. Они когда-то получили прозвище – Безликие. Кроме

них, против Магараджи должны были сражаться Смотрители и Палачи, оторвавшись от своих обычных обязанностей. Однако, за считанные мгновения до начала сражения, ряды армии Магараджи расступились, вперёд вышли несколько солдат с пушками в руках. Ещё несколько человек спешно катили сзади основания для них. Магараджа хорошо подготовился к своему походу. И он воспользовался тем же приёмом, что и на воде – грубое уничтожение сил противника.

Несколько ядер угодили прямо в середину войска песчаных солдат, а одно – прямиком в основание башни, образовав в ней дыру. Силы врага стали разрозненными и заметно уменьшились в числе. Теперь исход битвы был очевиден, и требовалось лишь время. Солдаты Магараджи группами окружали уцелевших и не оставляли им ни единого шанса. В итоге, потери индийцев были совсем невелики, тогда как отряд противника был полностью уничтожен.

После сражения, Магараджа, вместе с Амаром, Зороастром и ещё несколькими высокопоставленными людьми обследовали зал, вход в который образовался после попадания в стену снаряда. Но как и Принц, они ничего не нашли, хотя их удивлению не было предела. Магараджа, выйдя из зала, призвал всех как можно быстрее спускать лодки на воду и переправляться на другой берег:

– Скорее, братья! Враг падёт и его могущество перейдёт в наши руки!

Берег был совсем неподалеку.

***

Принц вышел из пролома и окинул взглядом свою команду. Здесь были не все – как сказал Фаранг, некоторые ушли осмотреть окрестности и поискать способы переправы. Те же, кто остался, явно успели заскучать и сидели на камнях, разбросанных вокруг.

– Что там было? – спросил Иман. Принц впервые видел его таким взволнованным, хотя это не было похоже на испуг.

– Доказательство того, что мы попали на тот самый Остров, – загадочно ответил Принц.

Имана этот ответ устроил. Но, когда Принц отошёл в сторону, тот продолжил вглядываться в густую дымку в проломе. Иман не решался войти внутрь, но его что-то определённо интересовало, даже будто бы притягивало к себе. Принц, обнаружив, что Иман не идёт за ним, остановился и, не оборачиваясь, добавил:

– Это место сохранилось случайно. Внутри было пусто, но время текло как-то иначе. Уверен, в крепости нас ждёт то же самое. Она лишь кажется разрушенной и заброшенной.

Последние слова Принц говорил глядя куда-то вдаль, и словно бы не Иману, а самому себе. То ли в попытке убедить себя, то ли развить свою мысль и ещё ближе подобраться к разгадке тайны. Но тщетно. Его разум был пуст, как и сам зал. Зал-пустышка, простая случайность. Важно лишь то, что он приблизил Принца к пониманию происходящего.

Прошло ещё с десять минут, и члены отряда начали возвращаться к подножию башни.

– Я отыскал пару лодок на побережье. Думаю на них ещё можно переправиться, – сказал Навид [*прим.: от персидского имени «Navid», означающего «хорошие известия»*], придя одним из последних.

– Отлично! – воскликнул Тоуфан. Его тон был безрадостным, но решительным. Он догадывался, что их вряд ли ожидает что-то хорошее на той стороне. Однако у него не было выбора, хотя его энтузиазм, кажется, разделяли не все.

После небольшого совета было решено дождаться вечера, когда туман и вечерний мрак сгустятся над водой и их лодки будут незаметны. Если они отправятся туда сейчас, то их легко могут обнаружить и разбить отряд окончательно. Принц давал надежду остальным членам команды, говоря что-то об особой силе противника, которую можно обернуть против него же – иначе их миссия была почти обречена на провал, ведь охрана Острова могла многократно превосходить их и по численности и по силе. Поэтому их главным союзником была скрытность. Тайно проникнув на Остров и понаблюдав за происходящим, они могли лучше понять, с чем же они столкнулись.

Некоторые из членов команды питали тайную надежду на то, что крепость давно заброшена. Слишком уж невзрачно она выглядела – повсюду развалины и запустение. Возможно лучшие годы для этих мест позади, всё пришло в упадок и Остров уже практически некому охранять.

***

В ожидании наступления темноты каждый из команды коротал время как мог. Большинство из людей разбрелись маленькими группками по побережью и разговаривали о чём-то. Навид и Рахим дремали около башни, найдя для этого пару достаточно больших камней. Фаранг сгорал от нетерпения и порой приставал к Принцу со всякими глупыми идеями и вопросами. Ожидание рождало в сердцах страх и нежелание

приближаться к опасности. Принца оно ещё и злило, заставляя ощущать своё бессилие и сомневаться в успехе всей миссии.

Он бесцельно бродил у подножия башни, стараясь не обращать внимания на Фаранга. Он использовал какие-то отговорки, а иногда вообще одни лишь жесты. Ему важно было остаться наедине со своими мыслями, которые, при этом, пытались съесть его заживо. Ощущение беспомощности и злобы буквально пожирало его изнутри. Сомнения крепли в нём с каждым шагом, как бы сильно он ни гнал их прочь. Что если он не справится? Всё зря? Все эти годы он лишь оттягивал неизбежное?

Казалось, его собственный разум был настроен против него самого. Ещё мгновение и он заговорит с ним изнутри странным и чужим голосом, окончательно лишая его веры в себя. Каждую секунду рождались новые мысли о бессмысленности его попыток, поисков и стараний. Сами собой выдумывались причины и объяснения его будущих неудач. Вернее, одной-единственной и самой главной неудачи. Неизвестно, что именно это будет. Может быть, Дахака настигнет его даже здесь, на Острове. Может быть, он не выстоит в схватке с ордами врагов. Или его поглотят Пески – в этот раз окончательно. Всё что угодно! Но итог один – смерть.

Принц решил, что ещё пара минут, и он точно сойдёт с ума. Ему необходимо как-то отвлечься. Поговорить сейчас было почти не с кем – Рахим и Навид спали, а Фаранг явно не подходил на роль приятного собеседника. Остальные же либо убрели далеко отсюда, либо были мало знакомы Принцу. Пожалуй, он вообще плохо знал свою команду. Зачем здесь все эти люди? Не очередное ли это проявление трусости? Неужели ему не хватит храбрости встретиться с врагом одному? Или дело лишь в кораблекрушении и в том, что им некуда податься и они вынуждены идти с ним бок о бок, независимо, желают ли они того или нет?

Фаранг тем временем бросил свои попытки разговорить Принца и ушёл к другим членам команды. Он не был настолько глупцом, чтобы не понять, что его обществу Принц был не рад. И, возможно, в нём взыграло самолюбие, заставив его уйти.

Бесцельно бродя вдоль реки, Принц в какой-то момент остановился и взглянул на воду. Он вдруг заметил, что река в этом месте была широкой, но совсем неглубокой и её можно было перейти вброд, по колено в воде. Он вдруг решил отправиться ко второй башне, которая казалась ещё более разрушенной, чем первая. Возможно, он найдёт там ещё один такой зал – это подтвердит его прошлые догадки. И, в любом случае, он отвлечётся, изучая новое место.

Принц снял сапоги, закатал штаны и вошёл в воду. Она была холодной, и это едва ли можно было назвать приятным. Но Принц находил что-то в том, как холод кусал его за ноги. Он терпел и шёл дальше, это придавало ему сил и уверенности. Он шел не против, но хотя бы поперёк течения и не собирался сдаваться. Не хотел превратиться в одну из таких же развалин, как эти башни.

Погружённый в свои мысли, он вдруг задел что-то на дне реки. Это был не камень или бревно. Что-то иное. Ещё не оторвавшись от своих размышлений окончательно, Принц несколько безучастно поглядел под ноги и увидел нечто, сильно похожее на меч. Толща воды скрывала от него предмет, но его форма имела явное с ним сходство. Необычным было, однако, вовсе не это. Принц удивлённо обнаружил, что чем ниже он наклоняется к воде, тем отчётливее он видит, как этот меч светится голубовато-синим светом. Он невольно вспомнил кинжал, который он обнаружил в сокровищнице Магараджи. И, полный надежды на подобную находку, Принц наклонился и достал загадочный меч из реки. А дальше произошло самое необычное – стоило только предмету оказаться вне воды – он перестал светиться. В руках Принца был ржавый кусок железа, лишь когда-то бывший оружием.

Он не верил своим глазам. Он только что видел, как клинок выглядел новым и испускал таинственное свечение. Но лишь только он был вынут из воды – меч оказался бесполезным и давно разъеденным водой. Повертев его в руках и уверившись, что ему ничего не привиделось, он разочарованно бросил меч обратно в воду и тяжело вздохнул. Либо время безжалостно пожрало здесь всё, либо всё вокруг – какой-то хитрый обман, который очень сложно распознать. Доказывал ли что-нибудь тот пустой зал с особым ходом временем? Пожалуй, с этим ответом ему могло бы помочь только одно – наличие такого же тайного зала во второй башне. И Принц уже было двинулся к ней, как вдруг меч, что он бросил на дно, вновь стал испускать свечение.

Принц во второй раз остановился и достал меч из воды. Но снова увидел лишь бесполезную ржавую железку. На этот раз, долго не раздумывая, он опять бросил меч и стал наблюдать. Прошло несколько секунд и свечение возобновилось. Но сколько бы раз Принц не доставал меч из воды, его постоянно ждал один и тот же результат.

Бросив в очередной раз меч, Принц решил оставить свои бессмысленные попытки и закончить переход реки. Он почувствовал, что его ноги уже изрядно замёрзли. И снова он чувствовал злобу – это место словно бы шутило с ним, издевалось. Повсюду странные обманы, тайны, которые увлекают, но ни к чему не приводят. И со всех сторон его окружает разрушение.

Буквально кричит ему в лицо. Сколько бы Принц ни бегал от судьбы, втайне надеясь обмануть её, его, видимо, ждала та же участь, что и этот меч. Он захлебнётся в потоке времени, погибнет и уйдёт в небытие. Разве что, ему не грозит заржаветь.

Дойдя до подножия второй башни, он обнаружил, что никакого входа нет, но несколько камней выкрошилось из стены и можно было заглянуть внутрь. Он увидел плохо освещённое помещение, безо всякого намёка на особый ход времени, отличную сохранность и что-нибудь в этом роде. Камень потускнел и раскрошился.

В зале было пусто, однако Принц увидел, что вода подмыла основание с одной из сторон и со временем всё, что могло находиться внутри, было вымыто наружу и увязло глубоко в песке. Единственной причиной того, что этот меч оказался тут, могло быть то, что его кто-то обронил. Некто, шедший тем же путём, что и Принц.

Что ж, во всяком случае, теперь ему было понятно, откуда здесь взялся этот клинок. А его странные свойства он списал на то, что ничего в этих местах не является тем, чем оно кажется, особенно спустя какое-то время. Даже вода здесь была какой-то необычной. Может быть, опусти Принц голову под воду и он увидел бы, что никакого свечения и нет вовсе. И это лишний раз доказывало бы, что это лишь обман. Просто иллюзия. И хорошо, если только визуальная. Принц даже не удивился бы, если бы оказалось, что и меча-то вовсе никакого нет.

На сей раз его уже не интересовало, почему и в этом зале не было ни одного входа. Он понуро брёл обратно по холодной реке. Дойдя до берега, Принц поспешил раскатать штаны и надеть сапоги. Это немного помогло ему согреться. Остаток вечера Принц провёл в плену туманных, но не слишком обременительных размышлений.

***

К исходу дня ожидание становилось похожим если не на пытку, то на испытание. Голод, неизвестность и опасность – всё это сильно давило на членов команды и Принца. В какой-то момент Найзир не выдержал и высказался:

– Долго, чёрт возьми, нам тут ещё оставаться? Чего мы ждём? Туман густой, нам бы друг друга в нём не потерять!

Вышло так, что он озвучил общие мысли вслух. И все согласились, что пора отплывать. Не обязательно было дожидаться полной темноты. Безделье сводило людей с ума, и они уже сами были рады добровольно отправиться навстречу опасности.

Принц и команда разделили скромные запасы еды, которые им удалось разыскать неподалёку, и направились к лодкам, которые обнаружил Навид. Они, как и всё здесь, попали под влияние времени, но выглядели не такими уж старыми и дряхлыми. Кто-то оставил их здесь не так уж давно.

Принц никак не мог вырваться из своих дум. Ему не хотелось ни с кем разговаривать, и он выбрал маленькую двухместную лодку. Он собирался плыть один. Возможно, ему вообще стоило подумать об этом изначально.

Рахим и Навид же, наоборот, оживлённо разговаривали – им помог отдых. Остальные члены команды как-то невольно тянулись за ними. И даже Найзир уже обмяк и не ругался, как несколько минут назад.

Лодок было две, вторая – к ней направлялась команда, была многоместной и несколько лучше сохранилась. Люди набились в неё, но вдруг выяснилось, что не хватило места Фарангу. Ему пришлось плыть вместе с Принцем. Когда юноша подошёл к мелкой лодке, Принц тяжело вздохнул. Впрочем, дело было даже не именно в Фаранге, а в том, что он не сможет побыть в одиночестве.

Лодки почти одновременно оттолкнулись от берега, раздались первые всплески вёсел, и густой туман практически мгновенно обволок оба судёнышка.

***

Вокруг стояла тишина, которую нарушали лишь скрип дерева и брызги воды. Фаранг первым почувствовал волнение. Он не слышал второй лодки – ни разговоров людей, ни плеска вёсел – ничего. Небо стремительно темнело и становилось холодно.

Вскоре волнение передалось и Принцу. Он не чувствовал страха, но ему начинало казаться, что он потерял ориентир в пространстве и они плывут не в ту сторону. Он прекратил грести и жестом приказал Фарангу не издавать ни звука. Впрочем, тот и так был тих как никогда. Кажется, он был действительно напуган.

У обоих создавалось впечатление, что они оказались в каком-то другом мире. В царстве пустоты, будто бы ослеплённые и глухие.

– Может быть, стоит позвать их? – наконец нарушил молчание Фаранг.

– Не знаю… Нет. Не надо. Нас могут услышать, вдруг мы уже близко к крепости? – ответил Принц. Хотя желание окрикнуть товарищей у него тоже возникало, и он с ним боролся.

А Фаранг всё отчаяннее боролся со своим страхом. У него всё расплывалось перед глазами, от холода его начинало трясти. Ему

казалось, что в этом месте остановилось даже время. И их лодка на самом деле никуда не двигается. Весь мир застыл и только туман продолжал клубиться. Он таил в себе какую-то угрозу. Но ещё сильнее его пугала вероятность навсегда остаться в этом месте. Навечно затерянным в пустоте, погрязнув в небытие. Фаранг не умел плавать, иначе бы он уже давно в панике спрыгнул с лодки и попытался бы спастись таким образом.

Его волнение каким-то образом передавалось и Принцу. Вместо того чтобы успокоить юнца, он отрешался от реальности, словно бы падая в пропасть. Ему начинало казаться, что его окружают враги, которые вот-вот выскочат из тумана и набросятся на него. Он не боялся схватки, его лишь тревожила эта чудовищная неизвестность. Возможно, за всем этим скрывается какая-то сила, которую ему ни за что не одолеть. Подобно дикому зверю, она просто проглотит его своей огромной чёрной пастью. Или наоборот, не произойдёт ничего, и они так и останутся поглощены этим местом. Навечно затеряются здесь, словно бы в лабиринте без выхода.

И они оба не видели никакой возможности вырваться из этого плена, кроме как надеяться, что пройдёт ещё каких-то несколько минут и туман рассеется и покажется берег у подножия крепости.

У Принца созрела ещё одна мысль – они, наверняка могут вернуться обратно. Туман расступится, и они вернутся на берег, с которого отплывали. Это место должно быть устроено именно так. Но вот только Принцу этого никак не хотелось. Поэтому он не стал делиться своими соображениями с Фарангом. Вместо этого он сказал:

– Нам нужно подумать, как вырваться из этого плена.

– М-м, – невнятно промычал Фаранг. Кажется, сейчас чувства и эмоции одержали над них верх и он не был способен рассуждать трезво.

Принцу придётся действовать самому – теперь он это окончательно понял. Его спутник сидел с бледным лицом, дрожащим подбородком и отчего-то крепко держался за свой меч.

И тут Принца вдруг посетила сумасшедшая идея. Безумная – в самый раз для того, чтобы оказаться правдой! Им не просто не следует возвращаться назад, им нужно сделать всё, чтобы они просто не могли вернуться! Он должен показать своё бесстрашие перед лицом смерти, готовность отказаться от всего ради своей цели – лишь тогда Остров подпустит его к себе. На мгновение ему даже показалось, что он видит лицо своей смерти. И он бесстрашно поглядел в него, но уже через мгновение оно растаяло в тумане. Назад пути нет!

Принц встал и, размахнувшись, швырнул вёсла по очереди в разные стороны, как можно дальше. Фаранга это поразило настолько, что он немного пришёл в себя и заговорил:

– Что… Что ты делаешь?

В его голосе отчётливо слышалась враждебность. Ему вдруг подумалось, что Принц – это мираж, просто форма, с помощью которой это место давит на него. Принц понял, что пришло время действовать решительно.

– Отдай мне свой меч! – буквально рявкнул он на Фаранга. Тот опешил и несколько секунд молча смотрел на Принца, прежде чем вымолвил:

– За-зачем?

– Отдай свой меч! Немедленно! – уже практически взревел Принц.

Тон Принца ненадолго возымел силу над юношей и тот потянулся за мечом. Не дожидаясь, когда он закончит или передумает, Принц выхватил меч у него из рук и бросил в воду. Ещё несколько секунд промедления и Фаранг сообразил бы, что происходит и напал бы на Принца, считая его предателем или вообще чужаком. Теперь же он обмяк и сел обратно на перекладину.

Принц же не собирался останавливаться. Он достал из-за спины свой меч и несколькими грубыми ударами пробил в дне лодки дыру. Судно начало медленно заполняться водой, а Принц поспешил выкинуть в воду и своё оружие. На лице Фаранга не было ничего, кроме ужаса – теперь он боялся ещё и Принца. Но тот не колебался. Его разум был чист, он был полон решимости. Только отрезав путь к отступлению, он мог продвинуться вперёд. Скорее всего, кто-то до него поступил так же. Тот, кто смог добраться до крепости прежде. Может быть, именно он выбросил тот меч? И не случится ли так, что они встретятся в лабиринтах времени?

Принц уже давно сообразил, что этим же путём много лет назад прошёл Магараджа, когда ему в итоге удалось похитить с Острова Пески Времени с кинжалом. Видимо тот ржавый меч, что он нашёл в воде около башен это жертва, подобная его собственной. Значит, он сделал всё правильно и…

Лодка, несмотря на фонтан воды, бивший из дна, плыла какое-то время по инерции, а затем ударилась о берег. Туман в одно мгновение рассеялся. Перед ними высилась отвесная стена крепости, но было слишком темно, чтобы толком рассмотреть что-нибудь.

Они словно бы пересекли границу одного мира, и попали в другой. Туда, где всё было иначе. По крайней мере должно быть, не для того он проделал весь этот путь, чтобы ничего не найти!

Точка невозврата пройдена, пути назад теперь нет. Во всяком случае, так думал Принц. Хотя он и не знал точно, что именно из предпринятых им действий помогло.

– Вылезай. Мы справились! – ободряюще сказал Принц своему спутнику. – Теперь давай найдём остальных.

Фаранг что-то нечленораздельно ответил и, покачиваясь, вышел из лодки. Вид берега его успокоил, но он вряд ли понимал, что же произошло. Они оказались на другой стороне, словно бы добровольно свалившись в какую-то яму – так он строил свои мысли.

– Давай попробуем найти остальных, – продолжал Принц приводить Фаранга в чувство, повторяя свои последние слова.

Тот, переминаясь от холода с ноги на ногу, наконец, проговорил:

– Что произошло?

– Иногда, нужно рискнуть всем, чтобы спасти свою жизнь, – ответил ему Принц. – И поэтому я здесь.

Вдруг откуда-то сбоку показались все остальные члены команды. Им удалось добраться сюда раньше Принца. И самое главное – они слышали все его последние слова. Ясно и отчётливо.

– Мы прождали вас около часа. Где вас носило? – с ходу вспылил Найзир.

– Мы … – начал было Фаранг.

– Довольно. Ругань нам ни к чему, – вмешался в разговор Рахим. – Куда нам идти дальше? – обратился он к Принцу.

– Внутрь, – сухо отрезал тот.

Он ждал новых неудобных вопросов, и буквально чувствовал напряжённость, висевшую в воздухе. Но все лишь молча шли рядом с ним, и никто даже не проронил ни слова. Спустя некоторое время Принц даже чуть расслабился – его вновь интересовали секреты Острова. Те, которые могут помочь ему. Он вспомнил о своей идее – о том, что прошлое всё ещё живо за этими стенами и стоит ему шагнуть внутрь, как он перенесётся в нужное время. Точно так же, как он уже делал, пройдя в пролом в основании одной из башен. Так он сможет стать ещё ближе к своей цели, не только в пространстве, но и во времени. Пески были рождены в этом месте, но не в эту эпоху.

Тем временем, всё вокруг окончательно поглотила ночная тьма. А из-за густого тумана не было видно даже луны и звёзд – приходилось идти почти вслепую, наощупь, вдоль высокой, древней стены, которая всё ещё надёжно охраняла крепость от захватчиков-иноземцев. За то время, что они шли, Принц и команда обогнули несколько скал, выступавших из крепостной стены. И никакой возможности пробраться внутрь. Тот, кто

строил этот замок, очень хорошо позаботился о безопасности, на многие сотни лет вперёд. Пару раз они случайно натыкались на каменные двери, но те были затворены и ни в какую не поддавались.

Спустя ещё примерно полчаса они обнаружили в одной из скал небольшую пещеру. Она располагалась немного выше уровня прибоя, что бился о прибрежные камни. Первым её увидел Навид, после чего он вспрыгнул на камень, предварявший вход.

– Эй, идите все сюда! – крикнул он, пытаясь перекричать шум волн.

Рахим первым понял, зачем их зовёт Навид и сказал Принцу:

– Думаю, нам нужно переночевать в той пещере. Мы измотаны и буквально слепы. Выдвинемся рано утром, чуть только небо начнёт светлеть. Туман позволит нам остаться незаметными.

– Только если за нами уже не следят, – ответил Принц и свернул в сторону Навида.

Он чувствовал, что усталость валит его с ног и, несмотря на страх смерти, постоянно преследующий его, ему просто необходим отдых. Рахим вызвался первым стоять в карауле – он успел отдохнуть на том берегу. Следующими должны были быть Найзир и Мадид. И бессменным часовым был Призрак, что по-прежнему сопровождал команду. Он незримо находился рядом с ними и молчаливо наблюдал. Призрак размышлял о том, что же двигало Принцем? И что же побуждало его команду следовать за ним, идя практически на верную смерть? Не похоже, что они были в восторге от этого места и от событий, которые уже успели произойти. Может, просто, отсутствие иного выбора?

Во сне Принц не мог отделаться от чувства, что прямо над ним кто-то стоит. И его воображение превращало этот неясный образ в ужас, который он встретил в пустыне, в день смерти Дария. В какой-то момент он проснулся и вскочил на ноги. Тяжело и отрывисто дыша, он осмотрелся по сторонам, но не увидел никакой опасности. Над Островом всё ещё висела ночь. Он вгляделся в темноту и увидел спину Рахима – значит прошло ещё совсем не много времени. В шуме ветра и волн ему отчего-то слышался не то собачий лай, не то чей-то крик. Первая мысль, которая пришла к нему после этого – ему нужно оружие. Это первое, чем он озаботится наутро, но сейчас, пожалуй, стоит ещё поспать. Может, видение больше не посетит его и не прервёт сон. Принц развернулся и не заметил, как вскоре из тьмы появилось ещё несколько фигур.

– Мы нашли корабль! – еле сдерживаясь, прошептал кто-то.

– Отлично, – ответила другая тень. – Надеюсь, туман поможет нам.

Призрак же продолжал размышлять. Люди были интересны ему – как далеко они могут зайти, когда нечто тянет их вперёд, к заветной цели, неважно, будь то желание убежать от смерти или простое, но жгучее, неуёмное любопытство? Плыть на край света, рисковать всем – это самое простое, самое малое, на что они способны. Совершить невозможное – даже это не самое сложное, по сравнению с желанием достигнуть цели. И не теряется ли человек в этом процессе? Что, если долгожданная цель внезапно будет достигнута? Без особых предупреждений и церемоний. В один момент, который делит жизнь на «до» и «после». Найдёт ли человек самого себя в этом «после»? Что с ним станет, если у него не будет больше цели?

Глава 11. Пути расходятся

Я хорошо обдумал то, что произошло прошлой ночью, и понял: Судьба абсолютна. На секунду мне показалось, что я могу перенестись прямиком в прошлое, но истинное значение пережитого мной было в том, что это невозможно. Во всяком случае, если Судьба сама не распорядится иначе. ***И уж точно я не мог заставить медальон сделать это.***

Кроме того, я обрёл какие-то особенные спокойствие и уверенность. Мой сон прошлой ночью, по возвращению обратно, был необычайно крепким, впервые за длительное время. Мне было спокойно ещё и оттого, что некоторые вещи я просто не могу изменить. Но могу их познать и быть в них уверенными. Всё началось с медальона – мне неведомо, как он появился и кто его создал, но я уже не мог на него повлиять. Я могу лишь применить его для создания чего-то нового, для погружения в глубочайшие тайны мироздания. Неудивительно, что я сначала потерпел неудачу – он просто предназначен для других целей. Возможно, я ещё не всё знаю о нём, но пока я предпочту сосредоточиться на своих собственных открытиях.

*Во-первых, этот дневник теперь будет чем-то б**о**льшим. Теперь он станет летописью моих открытий. Моих ошибок и успехов. Нет больше смысла рассуждать о смысле жизни и смерти, нет времени горевать над коварством Судьбы – я вступаю на тропу знаний. Мне удалось превратить бесформенные видения в ясную картину, которую я могу свободно читать, подобно открытой книге. И это лишь одно из применений Песков, которые мне удалось придумать на данный момент. Я просто сотворил вещь, вернее наделил её силой, что способна так отчётливо рисовать линию Судьбы. Я затрудняюсь описать эти символы и знаки, но когда я их видел, я чувствовал, что легко понимаю их. Могу смотреть сквозь один их слой и видеть другие. Бесконечно, я был скован лишь временем, отпущенным мне. Даже сейчас я ясно вижу их перед собой, когда закрываю глаза. Если всматриваться в них достаточно долго, то я вижу лица, вижу целые события, весь Остров – всё! В самом общем виде или в мельчайших деталях – как я того захочу.*

Во-вторых, в те несколько часов, что я провёл там, я видел многое из того, что должно свершиться. Не всегда было понятно, как именно это произойдёт, но все образы очень чёткие. Древний замок, что уже почти был поглощён землёй и лесом, вновь воспрянет, и его стены вознесутся над Пустошью, а Остров преобразится до неузнаваемости. Я до сих пор помню каждую деталь! Кажется, медальон помогает мне помнить всё в мельчайших подробностях; каждый раз, как я концентрируюсь на

своём воспоминании, оно поначалу кажется далёким и туманным, но тут же начинает тянуться ко мне, как Пески к медальону. Словно бы это и не мои собственные воспоминания, а то, что я вижу в Песках. Я буквально переношусь в то время, всё кажется таким настоящим! И в то же время я осознаю, что сижу за своим столом и пишу слово за словом в этот дневник. Словно бы я нахожусь на границе двух реальностей и способен безнаказанно подглядывать в одну из них, оставаясь в другой. Разве что, каждый раз у меня слегка кружится голова, и мне кажется, что я переживаю некоторые моменты по несколько раз – у меня обманчивое чувство, что я написал эти слова уже трижды. Видимо, предвидение Судьбы даёт это странное чувство, когда не понимаешь точно, прожил ли ты момент по-настоящему или ещё только увидел его в линии времени?

Мне предстоит воплотить видение в жизнь. Пора остановить бесконечное увядание Острова. Мне удалось приручить величайшую стихию, а, значит, я смогу справиться и с этой задачей. Мы не гости на этом острове, мы рождаемся и умираем здесь, и нам предначертано свыше подчинить природу и все стихии. Человеческий разум должен встать во главе всего. Знания, что даруют Пески, способны вывести его на новый уровень, на небывалую высоту. Звери и птицы склонят голову перед нами, а там, где были руины, будет восстановлен замок древних. И не просто восстановлен, а выстроен заново, лучше и крепче предыдущего! Из таких же руин я выстрою и своё новое сознание. День за днём я буду растворяться разумом в Песках, и копать всё глубже. И дело не только в пристальном рассматривании своей и чужих судеб, но и в более простых вопросах: из чего построить новую крепость? Как обучить этому людей? Как победить неурожай и болезни? И с чего вообще начать?

В одном я уверен точно – мы на пороге нового времени.

Дневник Намтара, запись 16

***

Наутро оказалось, что свободного оружия вообще не осталось, и Принцу, как и некоторым другим членам команды, пришлось вооружиться подручными материалами: дубинами из обломков, что они нашли на берегу, камнями или металлическими прутьями. Отнимать оружие у тех, у кого оно ещё было, Принц считал недостойным, а кроме того, он не сомневался в своих способностях. Схватка с врагом почти никогда не была для него настоящей проблемой. Во всяком

случае, если это была схватка с человеком или тем, кого можно убить.

Всё вокруг по-прежнему было застлано туманом, но солнце уже подбиралось к горизонту, поэтому видимость была гораздо лучше, чем ночью. А ближе к полудню день вообще обещал быть ясным, поэтому им следовало поскорее попасть внутрь, по возможности незамеченными. Принц, идя впереди остальных, вдруг отметил для себя, что не слышит привычного для моря утреннего крика птиц. Место было гиблым – это он понял ещё когда они пробирались через джунгли. И Принц буквально кожей чувствовал близость Песков – чувство, которое ему не удалось забыть. Ощущал так явственно, словно ими было пропитано всё вокруг.

Обогнув ещё одну скалу, Принц и команда вдруг обнаружили брешь в стене и лестницу, ведущую на второй уровень. Рядом с провалом располагались большие решётчатые ворота, которые были опущены. Не преминув воспользоваться такой удачей, группа свернула в проём и вскоре очутилась на площадке поверх стены. Здесь туман уже не помогал им укрыться, но вокруг никого не было и было достаточно тихо. Подозрительно тихо.

В следующий уровень крепости – кажется, это было лишь её внешняя, защитная стена – вёл небольшой мост, за которым располагалась арка. Но ворота были подняты, и ничто не мешало войти внутрь. Принц позволил себе робкую надежду на то, что никто не знает об их присутствии и поэтому допущена такая оплошность. Либо, что куда вероятнее, всё это было ловушкой – эта мысль быстро вытеснила предыдущую из сознания Принца. Но, несмотря ни на что, он сделал несколько шагов внутрь, однако ещё прежде, чем повернуться и позвать жестом команду за собой, он услышал звон меча о камень и тяжёлый звук опускающихся ворот. Он встревоженно обернулся.

Призрак смотрел прямо на Принца, стоя по другую сторону решётчатых ворот, вместе с остальной командой. Рахим отделился от группы, подошёл поближе к Принцу и произнёс:

– Я не знаю, что за безумие тянет вас внутрь, мой Принц. Но с нас довольно – мы потеряли корабль, на нас нападали эти монстры и всё ради чего? Все ваши обещания – ложь. Я вижу вас насквозь, таких как вы – одержимых безумной идеей. Не знаю, что именно вы задумали – искать вечной жизни, обмануть собственную судьбу или ещё что-то, но дальше нам с вами не по пути. Если вы так бежите навстречу смерти, то пожалуйста! Мы же спустимся обратно вниз и захватим вражеский корабль в соседней бухте. Если нас не будут атаковать, то мы подождём вас два дня и уплывём отсюда. Корабль будет курсировать за внешним кольцом Острова.

Судя по интонации его голоса, он выпустил всё недовольство, что накопилось в нём. Каждый раз, когда он пытался разрядить обстановку в группе, он на самом деле лишь оттягивал решающий момент. Тот, что наступил только что – и его рука и голос не дрогнули. Никто никогда не видел Рахима таким.

При этих словах Призрак подумал: «Да, пожалуй, я поступил бы так же. Хотел бы я сделать это сам!». После этого, он, подобно дуновению ветра, просочился сквозь ворота и оказался с Принцем по одну сторону. Призрак давно наблюдал за тем, как зреет недовольство команды. Они то и дело перешёптывались у него за спиной, задавались вопросами – зачем же они здесь на самом деле? Но основной план действий зрел в голове у Рахима – им он ни с кем не делился в подробностях. Поэтому даже Призраку было известно далеко не всё и, порой, что-то его удивляло. Только в последнюю ночь Рахим подговорил нескольких человек, включая Мадида и Найзира. Те отправились, вместо караула, дополнительно осмотреться – где-то должен был обнаружиться корабль, что напал на них в море. Остальные были в курсе происходящего, кроме Фаранга и Имана, но не принимали явного участия. Достаточно было их согласия и одобрения. Принц же думал совсем о другом, и почти не обращал внимания на мелкие недомолвки и странности.

Тем временем, Рахим убрал меч за пояс, а Принц всё ещё не мог выговорить ни слова. Его охватывали негодование, обида и одновременное осознание, что Рахим поступает справедливо. Один удар меча и они разделены – их судьбы расходятся, он остаётся один. Наедине со своей смертью, которая таращилась на него из каждого угла. Коридор впереди казался огромной всепожирающей пастью, которая захлопнулась позади него.

– Что ж, – наконец проговорил Принц. – Давно вы всё поняли?

– Были сомнения, но когда вы с Фарангом вышли из лодки и мы услышали ваши слова – отпали все вопросы, – отвечал Рахим, вернув самообладание.

– Теперь понятно, почему ваш отец не хотел, чтобы вы покидали Вавилон, – добавил Навид. – Он хотел предостеречь вас от такой безрассудной затеи!

– Много вы понимаете! – вдруг разозлился Принц. – Это мой последний шанс!

– Тогда воспользуйтесь им с умом, – ответил Рахим.

После этого он развернулся и зашагал прочь. Его примеру последовала вся команда. Вдруг он остановился, повернулся и добавил:

– И возвращайтесь обратно, если сможете. Два дня.

Кто-то из команды недовольно заворчал, но Рахим [*прим.: от персидского имени «Rahim», означающего «милосердный»*] не обращал внимания. Он по-своему сочувствовал Принцу, но не мог ничем помочь ему, кроме этого. Сейчас жизнь остатков команды была для него важнее. И ещё больше его занимали мысли о том, что же они будут делать, вернувшись в Вавилон. Возможно ли их возвращение в принципе? Что если их бросят в темницу или казнят? Оснований для этого найдётся предостаточно. Ложь Принца навела тьму на всю их дальнейшую жизнь.

– Там кто-то есть. На корабле! – вполголоса сказал Фаранг. Во время разговора Рахима с Принцем он стоял чуть поодаль и Тоуфан объяснял ему, что происходит, указывая пальцем на корабль, который уже можно было разглядеть с этой высоты.

– Подберёмся поближе и застанем их врасплох! Кажется, они не знают, что мы здесь, – сказал Мадид.

Послышались одобрительные возгласы, и вся команда заторопилась спуститься вниз. Все сразу же забыли про Принца; избавиться от него и его сумасшедших идей было для всех облегчением. А тот, недолго думая, развернулся и зашагал в противоположном направлении. Иман был единственным, кто обернулся вслед Принцу и проводил его взглядом, после чего бросился догонять остальных.

Призрак шагнул за решётку и пошёл вслед за Иманом.

***

Первое, о чём подумал Принц, было то, как же вокруг стало тихо. Он остался вдруг совершенно один, но почувствовал какое-то облегчение. Исчезла гнетущая атмосфера недовольства и недоверия. Однако, вскоре, спокойствие сменилось чувством тревоги. И даже не оттого, что он остался один на один с этим явно враждебным местом, а потому что впереди лежала неизвестность. Принц не знал, что именно ему предстоит сделать или найти среди этих руин. Вокруг он не находил ничего полезного – время от времени ему попадались прогнившие стойки с оружием, которое поела ржавчина. Тревога подпитывалась ещё и тем, что у Принца не было нормальных мечей, а враг уже рыскал где-то поблизости. Ему казалось, что кто-то следит за ним. Продвигаясь вперёд, он опасливо осматривался по сторонам, но не видел ничего подозрительного. Вокруг стояла тишина, и Принц лишь слышал глухие удары своего сердца.

На самом деле, он всё ещё не попал внутрь замка – он лишь прошёл по коридору одной из внешних стен, что были выстроены прямо на скалах. Грубые каменные ступени уходили вверх и

терялись в гряде. Преодолев подъём, в одном месте вскарабкавшись на уступ, – ступени здесь обвалились, Принц прошёл мимо ряда колонн, большинство которых было повалено временем. Оно, как ржавчина, долгие столетия разъедало всё вокруг, превращая в серые дряхлые руины, от которых тянуло сыростью.

Скалы грузно нависали над Принцем, а их серые камни у подножия торчали во все стороны. Груды каменных блоков валялись тут и там, выпав из стен и обрушив их. Двери сгнили и свалились с петель. Очертания сторожевых башен едва угадывались в утёсах причудливой формы. Повсюду пробивались деревья – иногда такие же дряхлые на вид, как и сам замок. Всё поросло травой и кустарниками. Природа взяла своё. Казалось, что люди давно покинули эти места. Но впечатление было обманчивым. Была одна деталь, странная и даже пугающая – повсюду были зажжены факелы или специальные горелки, устроенные в прямоугольных мраморных столбах около метра высотой. Это место не умерло, тут всё ещё кто-то был. И, скорее всего, скоро, очень скоро, Принцу предстоит встретиться с врагом лицом к лицу. Он плохо представлял, как всё это возможно, но уже отлично понимал, что это место полно загадок и тайн.

Пока же он шёл в полной тишине. Вдали шумел прибой, но очень мягко и его было почти не слышно. Изредка Принц всё-таки слышал обрывистые крики птиц, но знал, что даже это не сулит ничего хорошего. Однажды он уже встречался с песчаными птицами, и ему не хотелось бы этого снова. Серые камни вокруг него сквозили холодом и враждебностью, но следовало отметить, что даже сквозь века и разрушения замок сохранил свою величественность. Вытянутые арки с узкими окнами, зубчатые башни и высокие стены были изящно вписаны в скалистую гряду. Возможно, часть замка даже была целиком вырезана из скалы. И, пожалуй, это не просто замок, а именно крепость. Некогда совершенно неприступная и грозная.

Преодолевая очередной ярус защитных стен, Принц вдруг увидел в узком окне над ним, как кто-то пристально смотрит на него. Это был человек! Принц не мог толком рассмотреть его или её, но эти глаза не светились оранжевым или жёлтым светом. Поняв, что его обнаружили, он поспешил скрыться. Принц постоял с секунду и продолжил подниматься, петляя туда-сюда по внешней стене. Иногда пробираться было очень тяжело – в полу чернели огромные провалы и приходилось карабкаться по стенам или идти по узким уступам. Пожалуй, неприступной крепость была не только в далёком прошлом, а, в каком-то смысле, оставалась такой и до сих пор.

Но, в целом, сейчас Принц мог попасть внутрь беспрепятственно. Часовые покинули свой пост очень давно, а ловушка, которую ему приготовил затаившийся враг, будет много коварней, чем нападение из-за угла. Принц уже осознавал, что его заманивают внутрь, вглубь крепости – именно поэтому его до сих пор никто не остановил. Но у него не было никакого выбора, вернее он уже сделал его, когда отправился на Остров. Он наклонился и пролез в пролом под чудом сохранившейся дверью, служившей входом в одну из частей крепости. Пробравшись внутрь, Принц обнаружил, что здесь коридор идёт по естественному ущелью. По сторонам были вырезаны ниши, в которых стояли огромные каменные статуи. Почти ни одна из них не сохранилась целиком, но они всем своим видом говорили о былом могуществе Острова.

В том месте, где коридор выходил из ущелья, он закручивался спиралью и уводил Принца куда-то вверх по скале. Повсюду всё так же зловеще потрескивали зажжённые факелы. Солнце, вопреки ожиданиям, висело за мрачными тучами, затянувшими всё небо, отчего было трудно определить утро или вечер сейчас. Моросил холодный дождь, и от стен, поросших плесенью и мхом, пахло сыростью. С частично обвалившихся потолков дугами свисали какие-то растения и местами торчали кривые корни кое-как проросших деревьев. Принц понял, что, скорее всего, он ошибался – нигде внутри крепости время не застыло так же, как в основании башни, что они обнаружили до переправы. Его догадка неверна – за дряхлыми серыми стенами пряталась всё та же суровая и неприветливая реальность. Эта находка удручала его – всё вокруг было невыносимо однообразным, но при этом совершенно непредсказуемым. И решительно неподвластным ему.

Статуи воинов сменялись фигурами каких-то диковинных зверей, но было сложно что-либо рассмотреть или определить в их очертаниях – время взяло своё. В некоторых местах становилось темно и единственным источником света были дыры, зиявшие в потолке. И нигде не было даже намёка на иное время.

После очередного поворота, Принц вышел к тому месту, которое оказалось настоящим входом в крепость. Широкая и довольно длинная лестница когда-то вела к ней, но сейчас она обвалилась и Принц, осмотревшись, понял, что ему надо искать другой путь. Теперь он видел, буквально ощущал, что крепость оказалась ещё более огромной. Вдали, от скалы к скале (между ними была пропасть, поэтому получалось так, что одна скала была обращена наружу, к проливу, а вторая была внутренней, заключённой в кольце) были возведены переходы. Несколько утёсов высились отдельно от остальной гряды – к ним тоже шли

переходы. Сами скалы были высокими и на них стояли смотровые башни. На стенах кое-где ещё сохранились огромные, оборванные и почти выцветшие знамёна. Кажется, когда-то они были красными и определённо несли в себе какое-то значение или смысл.

Всё это время, Принца не покидало чувство, что за ним пристально следят. Тревога росла с каждым шагом, время от времени он слышал подозрительные шорохи, которых не было ранее. В какой-то момент он буквально кожей почувствовал, что опасность близко и крепко сжал дубину, что нёс с собой.

– Ну же, покажись! Я знаю, что ты рядом. В наших краях принято встречать противника лицом к лицу! А если тот безоружен, то предложить ему … – негромко процедил Принц.

После этих слов он резко развернулся и нанёс удар врагу, заканчивая фразу почти криком:

– Меч!

Его противником оказалась черноволосая девушка, с хищными глазами и в тёмных, почти чёрных доспехах. Её волосы были короткими и чуть засаленными, на лице был виден едва различимый узор. Падая, она испустила громкий вздох – от неожиданности и боли. Принц услышал, как она крадётся у него за спиной и его удар отбросил её назад. Она вскочила обратно на ноги, а в это время на Принца бросилось два существа, похожих на людей, но вместо лиц были видны лишь маски, напоминавшие черепа животных. В глубине их глазниц горело два ярких оранжевых огня. Этих же песчаных созданий Принц видел и во время встречи с кораблём в море, но только не так близко. Но теперь он твёрдо стоял на своих двух ногах и был готов к битве, даже несмотря на то, что вместо меча у него была деревянная дубина. Выставив её над головой, Принц сдержал первый удар, метивший ему в голову. Не ожидая, пока последуют другие, он одновременным толчком двух рук и ударом ноги повалил врага, причём так, что задел и второго – тот тоже неуклюже рухнул. Первый, падая, выронил из рук меч и тот полетел вверх. Принц воспользовался шансом и стремительно прыгнул за мечом, поймав его в воздухе. Меч имел странное лезвие искривлённой формы, с большим отгибом на конце. Ещё мгновение – и Принц вонзил его в грудь второго поваленного врага, оставив широкую рану. В этот момент у него промелькнула мысль о том, что его враг, как и раньше, может оказаться не так уж прост, и обычного оружия будет недостаточно для убийства. Но выбора у него не было, равно как и времени, и он решительно нанёс удар первому монстру, который едва успел встать на ноги. Удар был такой силы, что срубил голову противнику, и та отлетела в сторону, перекатившись по полу – чудовище лишь успело издать

пронзительный крик. И оба тела, с разницей в пару секунд будто бы растаяли в воздухе. Всё произошло очень быстро – сначала кожа чудовищ из серой превратилась в бронзовую, покрылась трещинами, из которых сочился оранжевый свет, затем всё тело покрылось мелкими пятнами, размером с песчинки и, после легкой, едва заметной вспышки, в воздухе растворилось золотисто-оранжевое облако. Это несколько обнадёжило Принца – справиться с этими чудовищами, кажется, несколько легче, чем с теми, что он повстречал в Азаде. Но теперь его больше занимал другой враг – девица, что пыталась напасть на него. Она уже успела встать на ноги и, с нахальной ухмылкой, крутила в руках два необычных меча с широкими лезвиями. Её доспехи были лёгкими и способствовали быстрым перемещениям, делая ловкость её основным преимуществом. Принц, не раздумывая, бросился к ней, но, в отличие от песчаных тварей, встретил серьёзное сопротивление. Девушка легко блокировала удары его меча, лишь понемногу отступая назад. В какой-то момент Принц понял, что его старания не просто тщетны, они даже идут во вред – его враг копил силы для ответного рывка и, предвидя плохой исход битвы, обманул её и вместо очередного удара, отпрыгнул назад. И не прогадал – девица в чёрном остервенело бросилась на него, обрушивая на Принца град ударов.

– Кажется, Императрица сильно переоценила твои способности! – вдруг сказала незнакомка. Принц с некоторым удивлением обнаружил, что ему понятен её язык, хотя и совершенно неизвестен.

– Императрица? – воскликнул он.

И этот момент, когда его внимание чуть ослабло, был использован против него: девица извернулась и резким ударом снизу рассекла Принцу скулу и бровь. Тот рефлекторно отпрыгнул назад, избежав второго, более опасного удара, что мог вспороть ему грудь и злобно выкрикнул:

– Мразь!

В это время за спиной его врага показалось ещё четыре пары оранжевых глаз – подоспела стража. Принц не растерялся и толкнул одного из врагов прямо на неё, отчего незнакомка упала, выронив свои мечи.

– Убейте его! – грозно крикнула она и поспешила удалиться в ту же дверь, откуда выбежала стража, не дав Принцу сорвать на себе весь свой гнев. Забрать оружие обратно возможности у неё не было.

Рассвирепевший Принц – рана была не столь глубокой, но очень жгучей – бросился на отряд стражников и разделался с ними, один за другим, буквально за считанные секунды. Он перепрыгнул через первого, бросил его через себя и тут же

сильным ударом плеча столкнул в пропасть. Схватив дубину с земли, он с размаху ударил в голову второму, с такой силой, что даже выронил её из рук. По инерции провернувшись ещё оборот, Принц в прыжке нанёс по очереди удар ногой и мечом третьему, и, присев сделал резкий выпад вверх, вспарывая грудь последнему. После этого он добил ударом в живот второго врага, который всё ещё лежал оглушённым дубиной. И не теряя ни секунды, Принц бросился вдогонку за этой гадкой девицей, разрываясь от жажды мести. Он узнал её, с первого мгновения. Тот неясный силуэт, что мелькнул в ночи, когда их корабль охватило огнём – это была она! И теперь она продолжает преследовать его! Возможно, на какое-то время она решила, что Принц утонул, но теперь враг снова хочет убить его. О, как он ненавидел её! Но, кроме мести, Принц желал узнать от неё больше об Императрице и этом месте, и готов был применить для этого силу.

Пробежав по изогнутому коридору, он очутился перед входом в полуразрушенную башню. Она высилась по другую сторону пропасти, через которую был переброшен каменный мост. Он выглядел достаточно надежным, и Принц быстро перебрался на ту сторону. Теперь путь ему преграждала дверь – некогда прочная и непробиваемая. Но сейчас она была покрыта густой сетью трещин, покрошилась и покосилась от времени. Ощупав её руками и немного простучав, Принц отошёл назад и с силой толкнул её плечом. Удар отозвался болью, но дверь поддалась – несколько кусков отломились и упали внутрь. Ударив ещё пару раз ногой, Принц смог проделать проём подходящего размера и пролез внутрь. В зале, в котором он очутился, зияла чернота вместо пола – он обвалился давным-давно и вместе с ним – колонны, державшие верхние ярусы.

Принц встал на маленьком уступе у самого входа. На противоположной стороне был виден коридор, в который ему скорее всего и требуется попасть, но сначала нужно было найти способ это сделать. Он осмотрелся по сторонам и обнаружил, что разрушения, поевшие стены башни изнутри, сыграли ему на руку: несколько рядов кирпичей обвалилось в пропасть и образовали уступы. Узкие и опасные, но не таким ли был весь его путь и вся его жизнь в течение последних семи лет? Он постоянно балансировал над бездной на провисшем тонком канате, непрерывно раскачиваемый ветром обстоятельств из стороны в сторону. Поэтому Принц видел в этом скорее не опасность, а возможность. Он ступил на один из таких уступов и медленно начал пробираться вдоль стены, аккуратно, но довольно торопливо ощупывая каждый следующий кирпич, время от времени перебирая руками. Почти дойдя до угла, он был

вынужден остановиться – здесь стена становилась сплошной, и дальше продвинуться не получалось. Но, на примыкавшей к ней, виднелся другой уступ. Принц внимательно рассмотрел его, оценил каждый из ближайших кирпичей и прыгнул по диагонали, разворачиваясь в воздухе. Не доверяя только одному уступу, он постарался одновременно зацепиться руками за выемку в стене над ним. И не зря – стоило ему коснуться кирпичей, как те поползли под ногами и упали куда-то вниз. Принц повис на вытянутых руках, но не растерялся и не испугался – он слегка подтянул ноги и продолжил, перебирая руками, перемещаться вправо, периодически ощупывая опору под ступнями.

Преодолев примерно половину длинной стены зала, Принц перелез на массивную каменную перегородку и дал отдохнуть рукам. Затем ему предстояло выбрать – продолжить путь по очередному узкому уступу до самого входа в коридор или, посильнее оттолкнувшись, допрыгнуть до утёса у противоположной стены, вокруг которого сохранился небольшой участок пола – по нему он мог обогнуть выступ и добраться до заветного коридора. Принц решил, что он и так потерял слишком много времени, поэтому выбрал быстрый способ – прыгнуть.

Оказавшись около уступа, Принц поспешил обойти его и, совершив ещё один лёгкий прыжок, проследовал по коридору, пол в котором был цел. Вскоре перед ним предстал вход в какой-то зал, отделённый стеной воды, льющейся из свода арки. Неподалёку лежал большой деревянный щит, о который Принц чуть не споткнулся. Он понятия не имел, куда идёт, но полагал, что его враг может убегать лишь в одном направлении, хотя ей явно был известен более лёгкий и быстрый путь.

«Куда ещё ей деваться?» – промелькнуло в голове у Принца, после чего он бросился сквозь воду и увидел стоявшую к нему спиной девицу, которая лишь бросила на него короткий взгляд, вовсе не собираясь продолжать сражение. В считанные секунды вокруг неё закружились странные золотистые вихри и её почти целиком поглотило облако, которое было знакомо Принцу или казалось очень похожим на виденное им в Азаде. Не останавливаясь, он занёс меч над головой и, добежав до облака, ударил врага, что было сил. Но он лишь рассёк воздух – девица словно бы испарилась. Облако поглотило её и она исчезла.

– «Что это за фокусы?» – подумал Принц и сделал шаг вперёд. Этот последний шаг вряд ли был до конца осознанным. Его что-то тянуло вперёд – не то любопытство, не то старая привычка. Облако вокруг него вспыхнуло с удвоенной силой, и вихри закружились по спирали, поднимая Принца в воздух против его воли.

***

Рахим, невольно ставший лидером отряда, предпочитал не рисковать и поэтому доверил руководить вылазкой Мадиду и Найзиру. Два опытных телохранителя, они умели быть скрытными, а в случае чего – постоять за себя и остальных. Хараз погиб, и они больше не были связаны с ним никакими обязательствами – повсюду оберегать его, ставя жизнь Хараза выше остальных.

Вместе с ними к кораблю отправились Хаадин и Хафес. Когда команда спряталась за грядой, Тоуфан дал им важные наставления – они должны были, как только представится шанс, раскрыть паруса и увести корабль на безопасное удаление от берега. После этого, вся остальная команда, сидя в засаде, дождётся отряд охраны и, застав его врасплох, перебьёт неприятеля. Затем они смогут беспрепятственно попасть на корабль и покинуть это место. Никто, кроме Рахима и, может быть, Имана, вообще не желал ждать Принца – это было слишком опасно, а миссия Принца – слишком безнадёжна. Но сейчас это было не столь важно, поэтому никто не начинал споры раньше времени.

Утренний туман всё ещё клубился над водой, и это было на руку отряду – у лазутчиков были шансы пробраться на корабль незамеченными. Все четверо тихо нырнули в воду и постарались подплыть к судну как можно ближе, чтобы никто их случайно не увидел. Добравшись до борта корабля, они, один за другим, начали взбираться по якорному тросу.

Но почти с самого начала всё пошло не по плану. Неизвестно откуда, на берегу появилось около двух десятков вражеских солдат – они явно направлялись к лодкам и это могло окончательно всё испортить. Не дожидаясь сигнала от группы Мадида, Рахим решил атаковать отряд неприятеля, пока тот ещё был на берегу. У него самого, а также у Имана и Навида было оружие, у остальных – лишь дубины и камни. Рахим хотел подобраться к ним как можно ближе, и лишь тогда открыто атаковать. Но тут вновь вмешался случай – Фаранг, бежавший по каменистому берегу оступился, упал и распорол ногу об острый булыжник, издав громкий крик, который привлёк внимание солдат. Окончательно портило дело то, что они не знали, с кем именно им предстоит столкнуться. Там, в море, во время бури, враг почти не показал своего лица и никто и предположить не мог, что вместо обычных людей перед ними предстанут настоящие чудовища – с горящими оранжевыми глазами, со звериными черепами вместо лиц. Даже несмотря на то, что Принц довольно правдиво описал им противника. Такой внешний

вид врага смутил отряд Рахима, кто-то от ужаса даже попятился назад. Эти чудовищные маски внушали какой-то природный страх. Но схватка неумолимо приближалась, и избежать её вряд ли удастся.

Тем временем, отряду Мадида удалось пробраться на корабль. На палубе почти никого не оказалось, и, несмотря на похожую реакцию от встречи с врагом лицом к лицу, им удалось быстро разделаться с неприятелем. Один из солдат, что шёл вдоль борта, был выкинут Найзиром в воду. Ещё один пал в битве с Хаадином и Хафесом. Затем, вчетвером, они окружили и быстро прикончили ещё двоих. Их мечи тонули в телах этих солдат как в масле. Причём мелкие раны совершенно никак не мешали тем продолжать битву. Помогало лишь отрубание конечностей или пронзание мечом насквозь. После смерти эти солдаты не падали оземь, а растворялись в воздухе, превращаясь в золотистое облако, уносимое ветром.

Их цель была близка, но тут с берега послышались какие-то крики и Мадид побежал к носу корабля, чтобы разглядеть происходящее на берегу. И, поняв в чем же дело, он решил отступить от плана:

– Быстрее, мы должны им помочь!

– У нас нет никаких шансов! – встревоженно сказал Хафес. Ему хотелось любой ценой удержать корабль – их единственный шанс на спасение.

– Нужно попытаться! – рявкнул на него Найзир. Он тоже был не в восторге от этой идеи, но понимал, что у них нет выбора.

А тем временем, на берегу вражеский отряд оттеснял Рахима и его людей к стенам крепости. Силы были неравны, особенно с учётом того, что Тоуфан помогал Фарангу подняться и скрыться из виду, найдя новое укрытие.

Медлить было нельзя, и все четверо покинули корабль, спеша на помощь отряду Рахима, прихватив оружие врага. На счастье, около другого борта оказалась лодка, сев в которую, отряд Мадида смог добраться до берега гораздо быстрее. Не дожидаясь, когда лодка ударится о камни, они выскочили из неё и побежали ко врагу по колено в воде. Дело было не в каком-то героизме или чести – все они понимали, что вчетвером им не управиться с кораблём и выбором курса. Тем более, на корабле могло не оказаться запасов еды и воды – это было судно скорее для быстрых нападений и штурмов, нежели для дальних плаваний. И поэтому без Тоуфана им не обойтись. И, пусть неуклюжего, но зоркого Фаранга тоже. Море пожрёт их ещё быстрее, чем этот остров.

– Эй, вы! – закричал Найзир, первым выбежав на берег.

Их появление ненадолго внесло смуту в ряды врага. Солдаты стали оборачиваться по сторонам, ожидая появления ещё кого-нибудь. Этих секунд хватило, чтобы несколько тяжёлых камней достигли своей цели, оглушая врагов по голове и валя их на землю без сознания. Но двум отрядам не суждено было объединиться. Вражеские солдаты вовремя прозрели и перешли в наступление, разделившись на две группы, по восемь бойцов в каждой. Понимая, что их шансы на победу почти равны нулю, каждая из групп персов побежала в противоположных направлениях.

Во время всеобщей суматохи все забыли про Фаранга, который спрятался между скалами и тихо стонал от боли. На его счастье, о нём забыл и враг – юноша был в относительной безопасности в своём убежище. Теперь их большой отряд превратился в три осколка, каждый из которых почти ничего не значил по отдельности – ни один из них не представлял опасности для стражей крепости. К тому же, они только что избавились от Принца – лучшего воина среди них. Такой, как он, стоит пятерых, и, возможно, они пожалеют, что так поспешно решили покинуть его.

Назвать всё увиденное, иначе как провалом, Призрак просто не мог. Он считал Принца полностью виновным в произошедшем, но это никак не умаляло ошибок остальных членов команды. Они взялись за такое сложное дело, полагаясь только на удачу! Глупцы, не иначе. И эти события, судя по всему, – лишь начало их злоключений. Найдёт ли он способ помочь им? Или их судьба подобна таковой у Принца – бесследно сгинуть на этом острове, угодив в одну из многочисленных ловушек?

Совершенно иначе выглядела атака Магараджи на Остров, за которой Призрак наблюдал параллельно. Он уже довольно легко мог видеть два времени одновременно; при этом они не смешивались в его сознании, а текли отдельными потоками, каждый в своём направлении.

Магараджа словно бы изначально знал, куда он отправлялся. Своей крепкой рукой и сильной волей он направлял свою небольшую армию в битву и уверенно продвигался вперёд. После поражения на берегу, стража крепости уже не могла встретить его во всеоружии и дать достойный отпор. Он пробил брешь не только в какой-то стене на внешнем острове – он прорвал оборону всего Острова, одним решительным ударом изменив баланс сил. И чем дальше он продвигался внутрь крепости, тем меньшее сопротивление он встречал. Конечно же, у Императрицы было ещё несколько козырей в рукаве, но шансов расправиться с непрошеными гостями стало значительно меньше.

Солдаты Магараджи без проблем захватили судно, а затем обстреляли крепость из корабельных орудий. Пробитые бреши в стенах позволили наземному отряду устремиться внутрь крепости, навстречу таинственным и опасным Пескам Времени, о которых столь красочно и поэтично рассказывала древняя легенда, которую поведал Магарадже один бродяга.

***

Невообразимое и непередаваемое чувство. То, которое нельзя почувствовать. Принц погружался в Песок, словно в туман – он мягко и аккуратно обволакивал его, вбирая в себя и чуть приподнимая над полом. Он не причинял боли или неудобств – не забивался в глаза, сквозь него можно было свободно видеть, и это ещё больше поражало Принца – он видел и чувствовал одновременно две реальности. Он вспомнил то чувство, которое вгонял в него кинжал и то, на что он способен, и понял, насколько скромны его представления об истинной силе Песков. Затем одна реальность начала плавно перетекать в другую, никакой жестокости или борьбы, разве что некая твёрдая настойчивость, и та, пожалуй, почти незаметна. Первая реальность утекала как сон, как песок сквозь пальцы, рассыпалась и рушилась на глазах, но рушилась грациозно и плавно. Это не было гибелью, в этом не чувствовалось боли. Значит, она никуда и не пропадает, кроме как из сознания Принца. Но так ли много дано человеку, чтобы его сознание вмещало две или более реальности? И поэтому Принц, теряя ту невесомую нить, что связывала его со старой, где были лишь одни развалины, и сам будто бы перетекал в новую. А прошлая реальность просто отпустила его.

Нить оборвалась окончательно, остались лишь обрывки воспоминаний и он шагнул навстречу неизвестности. Пески всё так же мягко отпустили его, будто призывая ещё не раз вернуться, а, может, однажды даже слиться с ними в нечто неразделимое. Как с кинжалом, но так, чтобы нельзя было просто выпустить из руки, а как-то по-другому. Полюбить Пески. Вжиться в них, потеряться в них, жить для них, слышать ими, думать ими, стать ими… Если бы Принц не знал их истинной природы, он, скорее всего, поддался бы их очарованию.

Ему удалось найти то, что он искал – временной портал, который, похоже, перенёс его в прошлое. Постепенное осознание этого воодушевляло его, а кроме того он испытывал своеобразный восторг, такой, какой испытывают дети, сталкиваясь с чем-то абсолютно новым.

Глава 12. Новое время

Я провёл множество дней и ночей в постоянных размышлениях и разговорах с Песками. Да, пожалуй, это можно назвать разговором. Я перешёл от простого созерцания к диалогу, в котором я сначала задаю вопрос, а затем получаю ответ. Только вместо обычного – язык разума, чистого сознания. Иногда ответы были быстрыми и простыми, но иногда мне долго приходилось подбираться к ним: я перебирал варианты и наблюдал за реакцией Песков, я читал прошлое и будущее в поисках нужных решений или закономерностей. Иногда складывалось впечатление, что с помощью Песков ответы зреют быстрее, словно бы те ускоряли время. Иногда мне буквально хотелось протянуть руку и схватить идею, висевшую в воздухе. Но потом я понимал, что она находится в моём разуме и важнее понять саму её суть, уловить заложенный принцип. Изучение закономерностей – это то, что поможет мне и моему народу в преодолении многих трудностей, ведь многие беды и страхи рождены простым незнанием.

Со временем идеи стали приходить ко мне даже во сне, когда я находился далеко от Бездны. Но мне уже казалось, что Пески начали распространяться по Острову. Сначала их манил за собой медальон, но теперь они почувствовали некоторую свободу. Они не испускали того блеска – их вообще нельзя было заметить. Но я чувствовал их лёгкое, дрожащее присутствие. И теперь случалось так, что мне вообще незачем было идти к Бездне – я мог предаваться неглубоким размышлением прямо сидя за письменным столом.

Я постарался определить для себя самый общий круг задач. С чем я боролся и чего добивался? Пожалуй, всё это было схваткой человека и природы. Ведь это она решает, что дать, а что забрать. Шторм, холода, неурожай, набеги диких зверей – всё это в её власти. Но теперь пришла пора строить более крепкие и тёплые жилища, лучше выбирать время для посевов. И для каждой задачи я должен найти свой рецепт, должен объяснить и передать его людям. Все эти идеи... Люди получат их от меня, уже готовыми и почти совершенными. А я сам получаю их от Песков. Можно ли считать идею в таком случае своей собственной? Да и в любом другом случае, мы ведь не знаем, откуда они приходят. Вернее, теперь я знаю, но, пожалуй, по-прежнему не понимаю. Любая мысль – вспышка во тьме разума, но сам ли человек зажигает её? Есть ли его заслуга в этом или всё даровано ему природой? Но что есть Пески и Судьба, как не часть природы, или часть этого мира, если смотреть более

широко? Мир, который я изо всех сил стараюсь теперь познать как можно глубже.

Чтобы получить что-то новое, лучше прежнего, необходимо было перестать брать только то, что природа давала в дар, но и учиться добывать то, что лучше помогает в решении проблемы. В скалах за разрушенным замком было полно камня, из которого можно строить дома и даже целые крепости, ведь цельные камни куда лучше обожжённой глины. Кроме того – иногда случалось, что я видел Остров словно бы насквозь – оказалось, что скалы богаты залежами металлов. Они позволят делать более совершенные инструменты и оружие – осталось лишь изложить процесс выплавки на бумаге для будущих поколений и на словах передать его людям. Я обнаружил некоторые закономерности в движении луны и переменах погоды. Я мог видеть дни, которые наиболее благоприятны для посева или сбора урожая и мог, отчасти, объяснить их остальным. Я должен изменить и самих людей, их сознание, их взаимоотношения. Придать их жизням больше смысла, указать им цель или путь. Им нужно было чудо, в которое они поверят, и такое у меня как раз было. Я смогу излечить всех больных сам или обучу этому нескольких человек из своего круга. И вовсе не обязательно для этого каждого проводить через ритуал, который исцелил меня – зачастую достаточно знать лечебные травы и рецепты их приготовления – перечислять всё это здесь нет смысла, для этого я заведу множество других книг, где будет подробно расписано каждое направление.

В конце концов, пришло время изменить образ Правителя. Не только мой, но и последующих. Уже начиная с себя, я хочу стереть то, что было прежде и стать просто одним из моего народа. Моя задача – указать путь, а Перстень Правителей, как символ какой-то власти, должен остаться в прошлом. Теперь у него совсем другое предназначение. Зачем нужен будет в будущем Правитель, если люди будут в бережных руках Судьбы?

Конечно, всё это произойдёт не сразу – ни я, ни они к этому ещё не готовы. Но придёт время и довольно скоро! Кажется, каждую ночь я вижу во сне огромный замок, величественно возвышающийся над равнинами, где живут люди, который виден далеко с моря. И мой разум – это то окно, через которое сон перетечёт в реальность, в которой я проснусь однажды. Он будет символом нового времени, силы и величия Острова – до тех пор, пока людям это будет нужно. До тех пор, пока они не осознают, что даже это будет не так уж и важно. Но к тому времени меня уже не будет – я всё-таки не планирую жить вечно, а Остров и люди будут уже совсем другими. Кто знает, какие умения они обретут к той поре?

Судьбы, что я продолжал жадно читать с помощью Перстня, – за этим мне всё же неизменно приходилось ходить к Бездне – на первый взгляд казались абсолютным хаосом. Они шли параллельно и наперерез друг другу. Сходились и расходились. Порой терялись или очень неожиданно обрывались – и оттого не всегда была понятна общая картина. Порой они были невероятно сложными – с возвратом назад во времени – чтобы что-то произошло, нужно было сначала прожить один вариант, чтобы подготовить основу для правильной версии. Я пока не понимаю всех тайн, не понимаю, как можно переместиться во времени, кроме как мысленно, но с удивлением обнаруживаю, что Судьба бывает гибкой. Любое событие, запланированное ею, так или иначе свершится, в нужный момент и в нужном месте. Но оставались небольшие возможности влиять на то, как именно это произойдёт. Мельчайшие, тонкие как волосок, бесконечно малые – настолько, что человеку даже не удастся увидеть их. Но это никак не рушило мою теорию, а только укрепляло её. Дело в том, что сознание человека состоит из мыслей и чувств, а они, хоть и находятся в руках Судьбы, но иногда бывают немного спонтанны и непредсказуемы. Вот только повлиять на ход жизни это не может – меняется лишь отношение к ней. Ведь, что бы ни произошло, важно то, какое у тебя и других к этому отношение.

Не знаю, понадобится ли людям всё то, чем я обладаю – те глубокие познания, к которым я стремлюсь. Мой медальон – что если бы у каждого был такой? И тот же вопрос относится к Перстню и ко всему, что мне ещё удастся создать. Удастся ли мне заполнить Песками весь Остров, влить его в сознание каждого человека? Найдутся ли те, кто не примет их? Хотя… такие, пожалуй, уже нашлись, как минимум один. И мне не следует повторять свои ошибки, я должен начать с дела, а не слов. Их я оставлю для этого дневника.

Дневник Намтара, запись 23

***

Остров необычайно преобразился с тех пор, как Намтар открыл Пески и познал их могущество. Прошла всего пара лет и упадок сменился процветанием. Были восстановлены руины древнего замка, хотя, скорее, его практически возвели заново – огромная крепость высилась теперь в центре Острова, в окружении скал и Пустоши (название сохранилось с давних времён, сейчас эти места были покрыты густыми лесами, перемежавшимися с зелёными полями), издалека заявляя о своём величии. Теперь это было не место памяти о прошлом, со

всеми его полуразрушенными статуями и мрачными залами, а настоящее сердце Острова. И его разум. Намтар был так вдохновлён и буквально очарован возможностями Песков, что неустанно, практически днями и ночами напролёт трудился, изучая их. Всё новые и новые знания буквально пропитывали его. Это были не только знания об устройстве мира – они, конечно, тоже были интересны, но в некоторой мере бесполезны. Пески были способны наделять человеческий разум новыми идеями, знаниями, догадками, причём буквально обо всём. Они, словно маленькие искорки, вспыхивали в темноте человеческого сознания. И этот свет позволял разглядеть нечто ещё большее. Ежедневно погружаясь в омут этих знаний, Намтар черпал всё новые и новые идеи для благоустройства Острова. И его невероятно воодушевляло то, какими бескрайними были эти возможности. Поистине колоссальными, бесконечными!

Он начал с постройки нового замка и его расширения. Раньше, в глубокой древности, его предки считали это место чем-то вроде храма, для поклонения и проведения таинственных обрядов и жертвоприношений. Теперь это место станет новым домом для него, его семьи и откроет новую страницу в истории Острова. Просторные светлые залы, покои, места для прогулок и занятий – и это только начало! Вскоре после этого, замок был расширен ещё больше – она была домом не для одной семьи, а для всей знати Острова. Появились огромные столовые, библиотека, мастерские и даже тюрьма. С каждым месяцем задумка Намтара становилась видна всё отчётливее: он создавал не просто замок, это был настоящий город. Город, который становился центром всей жизни Острова. Такого до него на Острове не делал никто. Раньше люди жили в одноэтажных поселениях у подножия гор. Кто-то в жилищах победнее, кто-то – побогаче, но в этом не было никакой особенной системы. Люди просто жили, взращивали посевы, охотились и решали другие насущные проблемы. Теперь же Намтар хотел придать всему этому смысл. Перстень открыл ему будущее, полное возможностей, среди которых постройка крепости-города была лишь отправной точкой. Ему и его народу предстояло многому научиться, познать множество тайн бытия и премудростей различных наук на пути ко всеобщему процветанию.

При этом Намтар вовсе не пытался построить идеальный мир, в котором все были бы счастливы и довольны. Он понимал, что судьба всё равно возьмёт своё. Именно она вела и его – он видел в тумане предсказаний место, полное возможностей и людей, исполненных знаниями. Им самим предстояло решить, как ими воспользоваться. Но он вовсе не собирался вот так сразу давать эту свободу каждому. Он хотел разделить этот путь на

множество шагов, часть из которых, наверно, придётся пройти уже не ему, а его последователям.

Поэтому сейчас большая часть жителей Острова так и оставалась простыми крестьянами и ремесленниками. Но, желая усилить своё положение и укрепить власть, Намтар старался заработать всеобщее доверие. Заслужить свою власть, доказав на деле, что он мудрый, справедливый и милосердный правитель. Такой, который сейчас нужен его народу, как ориентир во тьме. В какой-то момент он решил выпустить собственные деньги. Ему, с помощью Песков, удалось обнаружить огромное месторождение золота, которое и пошло на чеканку монет. Они ценились куда выше старых железных, довольно быстро приходивших в негодность. Этими монетами он щедро платил тем, кто нанимался строить замок. Он лично руководил процессом строительства, начиная с создания образа у себя в голове и заканчивая обучением рабочих. Каждый день он находил способы сделать работу легче и быстрее. Но и этого ему было недостаточно. Он хотел использовать магию Песков не только для получения знаний, но и непосредственно задействовать её при строительстве – буквально поднимая с её помощью тяжести и отёсывая камни. Если бы он совладал с этой задачей, то его власть стала бы абсолютной, непоколебимой и он смог бы реализовать всё задуманное. А его народ пошёл бы за ним в будущее из его видений.

Щедро платил он и тем, кто добывал еду. Намтар ценил каждого человека на Острове и желал, чтобы никто не чувствовал себя незаслуженно обделённым или попросту рабом. Он понимал, что ему не пройти задуманный путь в одиночку. Поэтому, знания, которые он приобретал во время своих погружений в Пески, он стремился передать и другим. С тех пор, как замок вновь стал пригодным для жизни, он основал школу для избранных, которые вместе с ним постигали таинства Песков. Он, конечно, сохранял за собой право исключительного владения ими, не подпуская никого из своих учеников непосредственно к Бездне, но рассказывал им практически обо всём, что ему удалось познать.

Благодаря неустанной работе Намтара и его учеников, были возрождены забытые и почти утерянные ремёсла. При замке была открыта кузнечная мастерская, где производилась выплавка металлов. Этот процесс постоянно совершенствовался и со временем позволил в короткие сроки получать нужные инструменты и изделия.

Намтар всегда стремился подчеркнуть единство жителей Острова, желая не отделяться от простолюдинов, а наоборот, стать ближе к ним. Одним из символов этого сближения стала

постройка дороги, соединявшей поселение и замок. Раньше это была ухабистая и петляющая тропинка, плохо пригодная не то что для перевозки грузов, но даже для передвижения людей. Кроме того, стремясь зайти дальше простых символов, Намтар стремился расширять свою школу – он наделил некоторых из своих учеников особыми полномочиями и те время от времени уходили из замка в поселение для передачи знаний и умений обычным людям. Это, в конечном итоге, даже давало им некоторую самостоятельность. Некоторые из них, увлечённые учениями и идеями Наставников – так нарёк их сам Намтар – уходили вслед за ними в замок. Там им было дозволено утолить свою жажду знаний в обмен на труд. Кто-то из них так и оставался в замке навсегда, овладевая тем или иным ремеслом или даже попадая в ряды учеников Намтара, а кто-то возвращался обратно, но уже совсем другим человеком. Пески преображали людей, делали их более целеустремлёнными и расширяли кругозор.

Следующим ремеслом, которое Намтар считал невероятно важным, и которое тоже высоко ценилось, была медицина. Она почиталась как особое таинство, владели которым лишь избранные, и была очень востребована. Лекари знали рецепты особых отваров и травяных настоек – эти знания они тоже черпали из Песков. В особых случаях больным помогал сам Намтар, применяя целительную магию. Он навсегда запомнил то, как Пески излечили его самого, и стремился поделиться этим благом с людьми. Но только с теми, кто действительно в этом нуждался. Для остальных же его способности были ещё одним подтверждением его исключительности и важности для людей.

Общество, выстраиваемое Намтаром, могло в определённой степени развиваться самостоятельно, но при этом им нужен был такой лидер, как он, который помогал двигаться вперёд, иногда в самых неожиданных направлениях. Порой ему приходилось ломать устоявшиеся обычаи и порядки. Одним из примеров таких событий было изобретение Намтаром нового календаря и способа исчисления времени. Поначалу никто не понимал, зачем понадобилось делить год не на сезоны, как раньше, а на более мелкие месяцы, а их – на недели. Но со временем люди смекнули, что время посадки и сбора урожая так определять гораздо легче. Месяцы и недели были привязаны к звёздам и луне, а само время приобрело б*о*льшую ценность и понятную форму – теперь его можно было измерить, а значит и легче распланировать. То же самое и с отдельно взятыми днями – Намтар повелел делить их на часы, а те в свою очередь на минуты и секунды. И если последние служили лишь для относительной оценки времени и с трудом поддавались измерению (хотя со временем люди приобрели

некую интуицию в оценке небольших временных промежутков), то часы с лёгкостью можно было определить по солнцу. Сама по себе идея была не нова, но Намтар более резко очертил её границы, позволил измерить время числом и ввёл некий новый уклад жизни. Впоследствии, один из его учеников придумал способ с неплохой точностью измерять и гораздо меньшие промежутки времени, даже не привязываясь к солнцу. Идея была довольно очевидной, она очень понравилась Намтару, и он даже жалел, что не дошёл до неё своим умом. Она заключалась в следующем: стеклодувы (ещё одно ремесло, рождённое на Острове) могли изготовить такой сосуд, который состоял из двух полостей, связанных узеньким горлышком и с обеих сторон закрывался пробками. При необходимости отмерить определённое количество времени, одна из пробок открывалась, в верхний сосуд насыпали некоторое количество песка и снова закрывали. Песок через горлышко медленно пересыпался из верхнего сосуда в нижний. Как только последняя песчинка перекатывалась вниз, так и наступал конец измерения. А если перевернуть эти Песочные Часы вверх ногами, то нижний сосуд оказывался наверху и измерение повторялось. С тех пор этот прибор получил повсеместное распространение и стал чем-то привычным и незаменимым. И не счесть было ему применений.

***

Намтар был глубоко убеждён в верности своего пути. Он познал силу судьбы и того могущества, что она позволяет достичь. Его нисколько не удручало то, что многое он знал наперёд. Тем более Перстень показывал ему, что он будет творить лишь великие дела и это его только воодушевляло. О, как он был неправ раньше, думая, что его жизнь подходит к концу! Он практически смирился со своей смертью, пропитался ей и принял её. Может быть правы те, кто говорят, что смерть – это начало новой жизни?

И он желал, чтобы его путь был доступен не только ему, но и остальным. Он старался всячески делиться знаниями и умениями, хотя и сохранял за собой главенство во всех вопросах. Он убеждал остальных в неотвратимости судьбы и её могуществе, раз за разом не упуская случая продемонстрировать его – ночами, в тиши, он уходил в одиночку к Бездне и с помощью Перстня смотрел в поток времени, читая судьбы людей, а наутро пересказывал им увиденное. Проходило несколько дней и эти люди возвращались к Намтару, но уже совершенно иначе воспринимая его учение. Его слова находили подтверждение в их жизни; всё, описанное им, случалось наяву. В глазах людей

Намтар всё больше обретал образ если не божества, то посланника богов. И он сам чувствовал себя так же. Ведь не кому-то другому, а именно ему явились Пески, раскрыли свои тайны и поделились мудростью. На него была возложена важнейшая задача – быть проводником других людей в этой новой стихии, быть их учителем и лидером. Мир менялся, становился другим – и он был его мессией.

При этом он не стремился насаждать свою волю силой. Он был слишком уверен в силе судьбы, которая своей рукой всё равно направит всех в нужное русло. Никому не избежать её и никому из людей не под силу её изменить. Новые законы, которые он провозгласил, были направлены на сохранение накопленных знаний, их священность и неприкосновенность. Любой, кто вредил Острову и его жителям должен был понести наказание. Кроме того, некоторые места на Острове стали запретными, такие как, например, Бездна. Был создан специальный охранный отряд, который наблюдал за тем, чтобы никто не пробрался в святая святых. Ослушавшихся бросали в темницу. Конечно, Намтар мог бы сам уследить за всеми нарушителями в потоке судеб, но зачем? Тратить время и силы на такое он не считал необходимым. Проще держать людей в определённых рамках, приучая их к порядку и соблюдению законов, чем запугивать их и пытаться всё держать под личным контролем.

Со временем, охрана замка становилась всё больше. Это была уже не маленькая группа людей, которые кое-как умели держать оружие, а весомая сила, с определённой иерархией и даже знаками отличия. Этот класс имел определённые привилегии, им разрешалось жить в предместьях замка и иметь больше дней для отдыха, чем у остальных. Если случалось так, что преступник был членом отряда охраны, то наказание для него было более суровым, чем для обычных людей – в отдельных случаях даже смерть.

Немалую роль в жизни дворцовой охраны сыграло бурно развивавшееся на Острове кузнечное дело. Ещё вчера мастера были способны изготавливать грубые и неудобные топоры, а уже через год – изящные клинки, лёгкие и острые. Смертоносные, как укус змеи. А кроме них – пики и алебарды, метательные топоры и чакры. Луки и арбалеты, кастеты и кинжалы – всего не перечислить. Охрану Острова побаивались и уважали. Но без весомой причины её члены ни на кого не нападали и никому не угрожали.

Со временем охрана стала довольной закрытой группой, со своими порядками и обычаями. Попасть в неё, а уж тем более стать своим было невообразимо сложно. Чаще всего место в

рядах отряда передавалось по наследству. Каждый из служивших готовил себе смену, растя сыновей в постоянных тренировках, с малых лет приучая к оружию и той мысли, что в этом их предназначение.

Командиром охраны был назначен Зулу – мужчина крепкого телосложения, обладавший огромной силой. Кроме того, он был крепок духом, жёсткий, при этом весьма умён и даже хитёр. Никто из подчинённых и помыслить не мог о том, что бы занять его место. Его воля и расчётливость помогли укрепить отряд и превратить его в серьёзную силу. Намтар давно знал его и достаточно доверял ему, чтобы назначить на такую должность.

Решением Намтара был преобразован суд для преступников и разрешения споров. Раньше он существовал лишь в виде народного схода, в ходе которого, люди, сквозь крики, брань, а порой и драки принимали решения по тем или иным происшествиям. Иногда были затронуты сразу несколько семей – это десятки людей и от такого количества интересов сход превращался в хаос. Редко случалось так, что все оставались довольными. Теперь же решения по спорам и преступлениям принимались советом старейшин – людей, умудрённых опытом и прошедших специальное обучение. Их рассуждения опирались на внимательное изучение деталей происшествия, а так же логику и здравый смысл. Не было места эмоциям, а для устрашения тех, кто мешал криками или иным способом, было решено, что поддержанием порядка будет заниматься охрана замка. Решения суда были окончательными, и ослушание его воли считалось преступлением. Поначалу люди не очень тепло приняли такую реформу, но они были вынуждены смириться. Со временем у неё появились сторонники – в основном те, кого суд сумел защитить, а люди становились аккуратнее и уважительнее во взаимоотношениях.

Благодаря новым знаниям, умениям и орудиям труда жители стали расселяться по всему Острову – кто-то в районе более благоприятном для земледелия или охоты. Кому-то было удобнее жить на побережье – там они ловили рыбу, добывали жемчуг. Поселения разрастались, росло и их количество. Сеть дорог между ними расширялась, а там, где протекали реки, были возведены мосты. На пересечениях дорог высились камни-указатели. Остров было просто не узнать, если сравнить его с тем, каким он был лет пять назад.

Бурное развитие ремёсел, грамотности и новый уклад жизни отлично поспособствовали становлению ещё одного направления жизни Острова – торговле. Между поселениями существовала конкуренция, всегда можно было выбрать товар по душе. Помимо местечковых базаров, у стен замка была открыта огромная

рыночная площадь. Место на ней особенно ценилось, даже несмотря на то, что приходилось платить налог за право на торговлю. Кроме того, предметом продажи стали и различные услуги – кто-то даже умудрялся зарабатывать на перевозке товаров и грузов.

Практически всё это сформировалось самой собой – Намтар лишь создал нужные условия и выпустил единую денежную единицу. И ещё – это ему принадлежала идея открытия большого рынка у стен замка. Люди не должны были отделяться друг от друга. Обмен опытом, торговля и конкуренция – всё это помогало развивать Остров и формировать новое сознание. Намтар буквально сотворил чудо своими руками, и теперь оно могло жить практически самостоятельно.

***

Не забывал Намтар и про свой дневник – теперь он вёл его почти ежедневно, но чаще всего был краток – он описывал не всё подряд, а делал лишь выжимку из своих мыслей и чувств, а также – своих открытий и новых идей. Его разуму было бы попросту тесно в одной маленькой книжице. Но теперь у дневника была ещё одна важная задача – он помогал ему оставаться самим собой. Эдакий краткий пересказ его души, по которому он мог враз пробежаться глазами, позволял ему всегда твёрдо помнить, кто он такой. Иногда он боялся, что его разум заблудится в мире Песков, растворится в них, и он перестанет быть собой. Он, конечно же, не считал их каким-то злом. Опасность была в безграничности возможностей. «*Они как океан, объятый бурей, могущественная и неукротимая стихия – стоит чуть зазеваться и тебя смоет волной и затянет в пучину*» – именно так он и записал в дневнике.

Однако, пожалуй, он и при всём желании не смог бы быть многословным, как раньше. Погружаясь в изучение Песков – для него это была не то религия, не то наука – он становился всё более сдержанным и целеустремлённым. Угасли всегда присущие ему чувственность и эмоциональность, которые особенно проявлялись, когда дело доходило до бумаги. Вместо этого он стал всё больше опираться на силу своего разума, постепенно склоняясь к идее, что рано или поздно он будет способен постичь всё, что угодно. При этом чувства – это не то проявления несовершенства человека, не то праздная трата времени. В любом случае, он считал, что любое чувство можно, при желании, заменить силой мысли, чётко и изящно выстроенной. И у него определённо были причины так считать – вместо того, чтобы разливаться мыслью по бумаге, не зная точно, что и зачем

он делает, теперь он мыслил, работал и преображал мир и людей вокруг себя. И неизбежно менялся сам, хотя на фоне его успехов и достижений это едва ли казалось важным.

Кто знает, сколь сильно Пески повлияли на него, однако очевидно была ещё одна причина, по которой он стал таким – замкнутым и немного отрешённым. Его глаза не горели прежним огнём из-за их затянувшейся ссоры с сыном. Её едва ли можно было назвать враждой, скорее это было взаимное равнодушие. Нергал не видел смысла в общении – столь сильными ему казались их противоречия. Все эти годы он не терял время попусту. Он готовился к отплытию – он собирался, выбрав удачное время, раз и навсегда покинуть Остров, считая, что его отец ведёт свой народ в тупик. И после определённых успехов его ждёт обязательный крах. В своё время он, как ему казалось, испробовал все способы убеждения и влияния, но тщетно. Хотя, по мнению Нергала, было очевидным то, что его отец заблуждался, а история с его болезнью и чудесным выздоровлением лишь подтверждает это. Глупо верить в судьбу, после того как Намтару удалось победить смерть, уже буквально стоявшую на пороге! Ведь получилось так, что всё скорей зависело от стараний человека и его стремлений. И, вероятно, небольшой случайности, которая всегда имеет место быть в жизни. Намтар же наоборот считал это идеальным доказательством своих идей. Особенно с тех пор, как он смог увидеть линию времени и с помощью Перстня прочесть тысячи чужих судеб. Смог практически потрогать собственными руками эту тонкую материю, изучить и измерить её. Ему даже удалось, после нескольких попыток, оценить, насколько Судьба (в своём дневнике он писал это слово с заглавной буквы), предсказанная Песками близка к правде, к реальности. Случались некоторые непринципиальные отклонения, которые, возможно, объяснялись неточностью его знаний, какими-то пробелами в них. Конечно, его самого, порой, пугала такая всепоглощающая предопределённость и неизбежность. Устроенный таким образом, мир отводил ему роль маленькой детали гигантского механизма, но взамен это придавало жизни какой-то смысл.

Нергал считал, что однажды он может вернуться на Остров, спустя много лет, когда уже не станет его отца, а ему самому удастся найти в дальних краях такой рецепт, что поможет ему восстановить Остров и заложить действительно прочный фундамент на будущее. У него были сторонники, готовые отправиться в путешествие вместе с ним, навстречу новой жизни. Он был по-настоящему зол на своего отца за его слепоту, но их конфликт был скорее холодным, нежели открыто враждебным. И, кроме того, Нергал не гнушался пользоваться плодами текущих

достижений Намтара и его школы. С помощью возрождённых ремёсел, он смог начать постройку двух кораблей. Иногда он даже тайно использовал рабочих Намтара, занятых на постройке замка. Кроме того, благодаря свободной торговле, он мог получить столько металла, сколько пожелает. Строительство судов шло медленно – Нергал не хотел допустить ошибок. Иногда он экспериментировал и строил небольшие корабли, проверяя свои решения – заодно он отлично изучил все окрестные воды. В случае успеха испытаний, эти решения переносились на основные суда. Череда проб и ошибок, которая иногда замедлялась сложностями с получением того или иного ресурса, растянулась на несколько лет. За это время Нергал повзрослел и не только утвердился в своих соображениях, но и продумал подробный план своего путешествия, всех возможных проблем и неудач. Он запас достаточно оружия – ведь совсем не факт, что встречи, что предстоят им в море или на новой земле, будут мирными. Он придумал способ ориентироваться по звёздам. Сам себе он объяснял свои успехи своей целеустремлённостью и отказывался придавать особое значение силе Песков.

В день, когда Нергал отплыл вместе с командой с Острова, в дневнике Намтара появилось лишь краткое и сухое:

Наши пути разошлись окончательно. Наверно, Пескам было известно и это. Судьба неотвратима.

С тех пор, Намтар стал ещё более замкнутым и отрешённым. Он уже не пытался постоянно сдерживать и контролировать себя, вместо этого он полностью отдался работе. Но её направление осталось прежним – превращение Острова в особое место. Поэтому он не стал окончательно прятаться ото всех, запираясь в дальних комнатах замка, а лишь назначил себе больше помощников, которые выполняли всяческие поручения, в том числе и по работе с книгами. Но при этом дела, требовавшие его личного присутствия и контроля, он никому не доверял. Поэтому его с трудом можно было бы назвать отшельником. Он просто реформировал свои отношения с людьми, отодвинув на второй план задачи по поддержанию своего авторитета – считая, что он и так достаточно велик – и занявшись более важными делами.

За Намтаром повсюду следовала Джатта. Она была ему лучшим и единственным настоящим другом. В её компании он находил утешение и покой. Как хорошо, что он однажды нашёл её! Верный друг, который, казалось, понимал его с полуслова, но только не мог ответить. Он смотрел в её глаза и видел почти человеческий взгляд. В такие моменты его вдруг охватывало желание стать настоящим отшельником-бродягой, скитающимся

по свету. Он всё так же мог бы искать новые знания, а Джатта последовала бы за ним хоть на край света! Но, к сожалению, он не мог взять Пески с собой. И он был в ответе за весь Остров, своё детище, за всех людей и их судьбы. Он не мог никуда уйти, конечно, это лишь минутная слабость, усталость – не более того. Он на своём месте, в нужном времени и состоянии духа. И он постоянно находился в компании прекрасного друга.

Иногда, в часы особо усердной работы случалось так, что Намтар забывал вообще обо всём на свете, погружаясь очередной раз в пучину познания. И тогда Джатта, которой, видимо, становилось скучно, подойдя к хозяину, клала ему свою голову на колени. Если это не помогало, то она робко лизала его руку, и тогда Намтар вздрагивал, приходил в себя и понимал, что пришло время передохнуть. Может быть и хорошо, что он не мог взять Пески с собой? Прогулки с Джаттой по заброшенному саду помогали ему отдохнуть, причём именно разумом. В такие мгновения из него выветривались все мысли, и он просто гулял. А потом, на смену тяжёлым и неповоротливым, приходили свежие мысли, быстрые и проворные. Он снова чувствовал в себе силы творить дальше и отправлялся обратно – в библиотеку, к Бездне или в свои покои.

***

Школа, основанная Намтаром, жила по своим, особым правилам. Это было общество внутри общества. Оно практически не участвовали в жизни Острова напрямую – кроме тех, кто стал Наставником – и его члены имели больше свобод, чем остальные. Они были приближены к Намтару, как никто другой и помогали ему в развитии его учения. Им дозволялось контактировать с Песками, но на некотором расстоянии. Каждый из них был известен дворцовой охране в лицо, всех Намтар отбирал лично сам, поэтому доверял практически как самому себе. Хотя вряд ли он мог бы ошибиться – благодаря Перстню он буквально видел людей насквозь, наперёд знал, что они собираются сделать или сказать. Вместе с этой группой посвящённых он пытался проникнуть как можно глубже в тайны Песков, поэтому среди них действовало негласное правило – делиться друг с другом всеми открытиями (иногда они работали порознь и открывали что-то удивительное в одиночку). Намтар решил, что должен своим примером приучить остальных членов Школы к этому правилу, и постоянно рассказывал о том, как ему удалось продвинуться. Каждому было известно о Перстне и его способностях. При этом никто из них не претендовал на особое право владения и пользования им. Их лидер установил чёткие и

понятные правила взаимоотношений, которые не подразумевали продвижения по службе, званий и прочего. Он учитель с особым даром, а они – вечные ученики. И это проявлялось не только на словах, но и на деле – все замечали, насколько тоньше и глубже Намтар понимает Пески, буквально чувствует их, мыслит ими. Они словно бы сливались воедино. Где он, там и они. Он их вестник, глашатай и проводник в этом мире.

Благодаря совместным усилиям всех её членов, Школе удалось многого добиться. Песок научил их концентрироваться на решении проблем, не просто перебирая известные варианты, а придумывая новые. Они учились смотреть в самую суть вещей, постигать их устройство. Доподлинно зная, как работает какое-либо явление, они могли отыскать способ управлять им. Годы, проведённые в тесном контакте с Песками, открыли им тайны движения луны, солнца и звёзд по небосводу. Они познали течение времени и некоторые тайны устройства мира. Они изучили то, как живут растения и звери – это помогло им изменить подход жителей Острова к земледелию и охоте. Теперь, соблюдая все правила и предписания (к которым они сначала относились с недоверием), люди могли собирать больше урожая, причём более здорового и даже более вкусного, чем раньше. Намтар и его ученики помогли людям научиться строить дома из новых материалов, придумали уйму способов для обработки камня и металлов. Все эти знания очень пригодились потом, при постройке замка.

Изо дня в день ученики вместе со своим лидером продолжали искать ответы и задавать вопросы. Иногда их находки не имели никакой пользы для простых людей – такие открытия не выходили за пределы этого узкого круга. Но их интересы были устремлены куда дальше вопросов правильного посева пшеницы и выплавки металлов. Они были своего рода отшельниками, но видели в этом особый смысл и высшее предназначение. Все члены Школы ходили в длинных робах, с капюшонами, что скрывали их лица. Их глаза привыкли к тусклому мерцанию свечей – они могли часами сидеть, склонившись над бумагой. Им приходилось прерываться на еду и сон, но эти вещи считались чем-то вроде злых духов, которые отвлекают их, словно бы защищая тайны мироздания. Поэтому питались они скромно, а спали мало. Вечер и большая часть ночи почти каждый день были посвящены походам к Бездне – со временем Намтар стал доверять своим ученикам настолько, что позволял им наблюдать за своим погружением в Пески, оставаясь на расстоянии. Каждый раз он на их глазах проводил обряды с помощью медальона и Перстня, призывая Пески из недр земли. Члены Школы считали, что это словно бы помогает ей дышать, а

в благодарность она делится с ними своей мудростью. И они часами стояли рядом с Бездной и дышали вместе с ней, впитывая новые знания. Каждый раз – действия такого обряда хватало почти на день – каждый из членов Школы словно бы забирал частичку Песков с собой и мог изучать её и подпитываться ей, покуда не иссякнет её сила.

Но были в крепости-городе и другие люди – те, кто был мало связан со Школой. Зажиточные горожане жили в паре минут ходьбы от северных врат замка. Дома в этом квартале были хорошо защищены от ветров грядой скал. Спустя какое-то время, этой чести удостоилась и охрана замка – были решено, что они должны жить ближе к месту несения службы – это было и удобством и привилегией одновременно.

В самом замке жили, помимо учеников Намтара и старейшины. Кроме них были ещё те, кто не попал в ученики (или не стремился им стать), но познавшие определённые части Учения. Они были обучены грамоте и письму и выполняли разную работу – были связующим звеном между Школой и остальными жителями, выполняли управляющие функции, отвечая за разные направления развития Острова. Тут же можно было встретить и казначеев, и писарей и лекарей. Днём в замке находилось много обслуги (ночевали они в своих домах, в предместьях замка).

Весь этот организм отлично функционировал. Каждая его часть – любой из этих людей – ощущала перемены. Не только внешние, но и внутренние. Они могли бы сказать, что их сознание стало яснее, работа вызывает меньше усталости, чем раньше, а чувство тревоги стало посещать их очень редко – жизнь стала достаточно спокойной и размеренной, хоть и была сопряжена с постоянными переменами. Но они были благостными, имели цель и смысл. А Намтар, словно сердце, постоянно гнал свежую кровь в каждый уголок этого организма.

***

Работа Намтара была во многом связана с книгами. Старые книги долго служили для него источником знаний. По ним можно было проследить историю этого места с древнейших времён – старые законы, иногда обычаи и верования, имена правителей и их деяния. В некоторых из них встречалось описание замка в его прошлом виде, когда он был чем-то вроде храма. Он был куда меньше, чем сейчас, не имел того размаха и почти не использовался для проживания. Он служил местом для проведения различных обрядов, описание которых тоже порой встречалось на страницах древних книг. Но они были изложены

достаточно скудно и оттого не были особенно понятны. Только местами встречалось что-то о «силе земли» и о «благодетели луны». Трудно было понять, что это значит, но по косвенным признакам было ясно, что в целом речь идёт о поклонении природным стихиям и небесным светилам, среди которых луна занимала особое место. Чаще всего её изображали в форме полумесяца, повёрнутого рогами вниз. Его догадки однозначно подтверждались воспоминаниями из детства – мать рассказывала ему сказки о добрых и злых божествах. Но в его времени это воспринималось скорее как мифы, полузабытые и искажённые бесконечными пересказами и домыслами. Древние устои были забыты, становились легендами, а сам Остров медленно приходил в упадок.

Однако иные знания передавались из поколения в поколения и не теряли своей силы. Например, людям на Острове издревле, с незапамятных времён был известен секрет изготовления бумаги. Это знание считалось священным, поскольку оно позволяло создавать книги и сохранять мудрость для следующих поколений. Со временем уже не все понимали важность этой традиции, но ей удалось выжить вместе с сотнями пыльных и обветшалых томов. Некоторые из книг сильно пострадали от времени, а другие сохранились практически нетронутыми. В разные времена они хранились в разных местах, но в основном им было отведено место в комнатах и залах древнего замка.

Немалую часть всех книг занимали тома с детальным описанием трав и животных. Всё, что удавалось найти древним людям, тщательно зарисовывалось ими и, по возможности, описывалось в подробностях. Люди изучали окружавший их мир, хотя и не слишком глубоко, а скорее вширь. Некоторые тома уделяли особое внимание целительным свойствам растений. В других просто приводились длинные перечни металлов, камней, минералов и прочего. Намтару удалось впоследствии почерпнуть полезный материал даже из этих списков, но, пожалуй, они не стоили затраченных древними людьми усилий.

Встречались и интересные писания – буквально фрагменты в самых дряхлых и нечитаемых книгах – например, один, о сотворении мира. Эти вопросы особенно сильно волновали Намтара тогда, когда он только обнаружил Пески. Одна из записей гласила следующее:

Бесконечный океан застилал всё вокруг. Его величественные воды простирались от горизонта до горизонта, и сравниться с ним могло лишь небо. И тогда разверзлись воды, и появился остров, что скалами устремлялся ввысь, к небесам. [неразборчиво] Спящие дети вод очнулись от забвения и вышли на берег. И зажгли огонь. Покуда они жили на суше – с ними жило время,

рука об руку. И небеса с тех пор были поставлены им во служение, сменяя день ночью, а ночь днём. Но океан...

После этого запись обрывалась. Возможно, её утерянная часть говорила ещё о чём-то важном, но узнать это уже не представлялось возможным. Намтар провёл многие часы, по крупицам собирая информацию подобную этой, но в какой-то момент он осознал, что топчется на месте. Тогда-то на него и снизошло озарение – он достиг границ знаний древних, но у него в руках находится куда более богатый источник познания. Если он сможет научиться правильно управляться с этой силой и формулировать нужные вопросы, то он сможет превзойти древние знания. И это ему во многом удалось.

С тех пор было написано множество новых книг, и, конечно же, не им одним. Намтару невероятно много помогали его ученики. Появились новые лекарственные справочники, знания о минералах и металлах были углублены. Появились по-настоящему ценные тома – их даже изготавливали в двух экземплярах – о ремёслах и технологиях. Теперь, даже века спустя, сохранится возможность воспользоваться достижениями эпохи Намтара, просто воспроизводя шаг за шагом описанные действия. Был изложен на бумаге новый порядок исчисления времени, упорядочена система счёта и письма – записям не было числа! И даже магические приёмы и обряды, проводимые с Песками – всё это тоже находило место в работах Школы и пополняло библиотеку замка.

Старые книги хранились в отдельном помещении, но Намтар считал, что теперь почти не представляли ценности. Он смог превзойти древних во всём и не думал останавливаться. Его следующей задачей было поставить стихию на службу человеку, как это произошло когда-то с небом, если верить древнему мифу.

***

После отплытия сына Намтар так сконцентрировался на работе, что дела пошли даже лучше прежнего. Нельзя сказать, что он не любил его и ни о чём не сожалел. Но он был убеждён, что всё это уготовано ему судьбой. Он заранее смирился со всеми её ударами, пытаясь сосредоточиться на том, что было ему подвластно и оставить в покое то, что не было. И нашёл возможность подавить свои переживания, погрузившись в работу. Лишь изредка он выходил на свежий воздух, чтобы просто поглядеть вдаль, на море. А Джатта всегда была рядом.

Гора, расположенная в центре Острова, была богата реками с пресной водой. Устремляясь к подножию, они ветвились на сотни мелких ручьев и разбегались по всему Острову. Намтар

нашёл вдохновение в этом, видя, как густая сеть питает весь Остров. Он считал разумным черпать идеи у природы – она всегда мудрее и изобретательнее человека.

Он придумал, как обратить водную стихию в полезный для замка инструмент. Он отвёл русла нескольких самых крупных рек в сторону, заставив вращать огромные колёса. Потоки воды, обладая неиссякаемой и колоссальной силой, день и ночь неустанно вращали их, с помощью шестерней и валов делая то, что человеку было почти не под силу. С помощью системы каналов и акведуков, пронизывающих буквально насквозь весь замок, Намтар был способен делать что угодно: поднимать грузы – это очень ускоряло возведение новых частей замка и помогало рабочим в кузнице; поднимать мосты и открывать огромные врата. С помощью рычагов нужная шестерня занимала необходимое положение, и происходило практически чудо. Ему не удалось добиться от Песков того же самого, чистой магии у Намтара не получилось. Но они подсказали ему идеи, как управлять силой воды. И это было ничем не хуже и даже добавило ему пищи для размышлений.

Система водяных колёс, шестерней и валов быстро разрасталась, но было в замке одно особенное место, откуда всё брало своё начало. В том месте, где сходились в одну точку потоки, высилась огромная башня (она была даже выше центральной части замка), в которой была спрятана главная распределительная система. Впоследствии, она получила название – Механическая Башня. От неё разбегались большие и малые каналы, а с помощью шестерней, валов и тросов функционировала она сама и её окрестности. Намтар видел в ней огромный потенциал, зная, что найдётся ещё уйма других применений. Нужны лишь время и постоянный, усердный труд.

***

И хотя судьба Намтара не была счастливой – когда-то он потерял жену и дочь, а теперь расстался и с единственным сыном – он не роптал на свою жизнь. Он нашёл своё истинное предназначение, принеся в жертву личное счастье. Его главным детищем был сам Остров – он останется таким и долгое время после его смерти. Он создал настоящий дом для своего народа, его имя будет прославлено в веках, песнями и легендами. Хотя за славой Намтар вовсе и не гнался. Один лишь вопрос не давал ему покоя – куда ему стремиться, когда он достигнет своей цели? Сможет ли он сдвинуться ещё хотя бы на шаг или он останется один на один со своей печалью, будучи не нужным даже Острову?

В те вечера, что он выходил с Джаттой посмотреть на морскую даль, он думал не только о сыне. Он думал и об океане, что забрал его жену. Её поразила, как и его когда-то, неизвестная болезнь и она зачахла под её ударами. Традиции его народа велели вернуть тело океану, который порождал жизнь, а потом забирал её обратно. Вечный цикл, по которому жила природа и люди. Её смерть стала одной из косвенных причин разлада Намтара с Нергалом – тот винил отца в том, что его безволие и бездействие сгубили его мать, когда ему было всего десять лет. И пропасть между ними стала ещё шире и глубже тогда, когда заболел сам Намтар. Он боялся потерять отца, а когда случилось его чудесное исцеление, он понял, что его не переубедить. И, слепо доверяясь судьбе, тот загубит Остров и его народ, несмотря на все свои старания. Раздор между ними зрел годами и однажды достиг такой силы, что Нергал просто решил покинуть дом.

Благодаря стараниям Намтара и вопреки всем опасениям его сына, Остров и замок продолжали преображаться. Почти не найти было уголка, в который бы он не заглянул и не изменил, не улучшил его. Сбылась давняя мечта Намтара – возвращение Острову его былого могущества и величия. С помощью Песков он смог победить не только свою болезнь, но и недуг, который веками поедал Остров, превращая его в обитель отчаяния и запустения. Теперь люди не знали голода и болезней, они чувствовали себя в безопасности. Жизнь повсюду набирала обороты; как река, что вращала огромная колесо, она тянула людей за собой. Остров обладал запасами золота и металлов, различных изделий и регулярным, хорошим урожаем. Его земли были обширны и плодородны. Но кроме того было и ещё одно сокровище – знания. В библиотеке хранились книги с накопленными мудростью и опытом. Будущим поколениям будет жить намного легче, чем сейчас.

***

Конечно же, Остров, изобилующий такими богатствами, со временем стал привлекать к себе большое число желающих поживиться ими. В древности люди думали, что Остров – единственное место на Земле и они – единственные люди, а вокруг – лишь океан. Но с тех пор прошло много времени и все неоднократно убедились, что это вовсе не так. Чаще всего гости Острова не были настроены дружелюбно по отношению к его обитателям.

После начала набегов Намтар стал уделять больше внимания обороне. Дворцовая охрана была разделена на две части –

внутренняя, малочисленная, так как к этому времени на Острове почти не оставалось преступников и недоброжелателей, и внешняя. На побережье, по всему периметру Острова, была возведена огромная стена, на которой несли круглосуточный дозор члены отряда внешней охраны Острова. Зулу был назначен командиром именно этого отряда, более многочисленного и подготовленного. Перед ним стояла гораздо более важная задача, чем просто охрана пары залов в замке. Отряд должен был вовремя обнаружить корабли врага и постараться предотвратить высадку, либо дать достойный отпор.

Помогало в борьбе с неприятелем и то, как был расположен Остров – он был окружён несколькими грядами скал, едва выступавших из воды. Чтобы добраться, не повредив корабли, нужно было или знать правильный маршрут, или плыть вокруг, к южной части Острова. Не воспользоваться таким прекрасным преимуществом было бы просто глупо. Поэтому, используя достижения своего сына, Намтар построил несколько лёгких суден и добрался на них до подводной гряды скал. Там, по его указанию, были возведены ложные маяки, единственная цель которых – запутать противника, заставив его суда налететь на скалы. Он не мог подвергать риску своё детище, то, что он так долго и тщательно создавал. Поэтому вопросы защиты Острова он решал с особым усердием, изобретательностью и даже жестокостью.

Система ложных маяков прекрасно показала себя – в бухте северной части Острова повсюду плавали обломки кораблей. Некоторые из них прибивало к отмели и в том месте из воды торчали огромные мачты и развевались оборванные паруса. Со временем, это место получило название – Бухта погибших кораблей.

Последним рубежом обороны Острова был сам замок. Он был обнесён дополнительной стеной там, где это требовалось. Вновь возводимые его части теперь начинались с высоких отвесных стен, нависавших над ущельями. Крепость была неприступна, но если кому-нибудь удастся проникнуть в неё хитростью, его ждал ещё один сюрприз – особая охранная система, позволявшая блокировать любые двери и атаковать врагов из укрытий. В неё так же входили специальные смертоносные устройства, приводимые в работу Механической башней. Их единственным назначением было пронзить или разрубить врага. Обитатели замка же знали, в случае чего, как избегать этих ловушек.

Простые жители Острова боялись неприятелей с моря, но благодаря стараниям Намтара и отряда внешней охраны, чувствовали себя в относительной безопасности. Сейчас им было что терять, и поэтому это был не обычный животный страх – они

опасались за своё будущее. Будущее – именно то, что подарил им Намтар. Пусть и строго предопределённое, до последнего мгновения.

Глава 13. Незнакомка

Проведя достаточно времени за изучением Песков, я, кажется, начинаю понимать их природу. Не только их способность видеть наперёд все судьбы мира, но и нечто большее. Во-первых, кажется, само Время подвластно им. Знания, что они дают мне и моим людям, пришлось бы получать веками, если не тысячелетиями! Но нам они доступны, как на ладони – только потянись к ним сознанием – и они твои. Сотни лет, сжатые в мгновения, вместе с песчинками зажигают искры во тьме разума. И ни один язык не сможет вместить в себя такой объём знаний (все мои книги – это лишь жалкая тень того, что я видел на самом деле), кроме чистого сознания. Своеобразного языка смыслов, что доступен любому, чей разум открыт к новому знанию. Языка, общего для всех людей – мои ученики подтвердят каждое моё слово, они все видели и чувствовали то же самое, что и я. Чистое сознание – вот что такое Пески по своей сути, во-вторых. И любой человеческий разум способен погрузиться в него, проникнуться им и даже раствориться в нём, постигая все его тайны. Мне удалось приоткрыть занавес между обычным миром и первородной истиной.

Поняв это, я научился читать мысли других людей – тех, чьё сознание тоже растворено в Песках. Это было не пристальное изучение чьей-то судьбы в мельчайших деталях, а именно живой процесс наблюдения за чужим разумом. Это было возможно, когда человек либо не подозревал об этом, либо когда он добровольно открывал своё сознание. И такое чтение мыслей было возможно одновременно в обоих направлениях, что превращало этот процесс в некое подобие диалога на этом странном языке. Мне и моим ученикам удалось достичь определённых успехов в этом деле, настолько, что дальнейшее изучение Песков превратилось в совместное погружение в это единое сознание, отчего новые знания приходили к нам, порой, ещё быстрее. Кроме того, мне удалось научиться скрывать часть своих собственных мыслей, намеренно затуманивая или подменяя их. Это требовало особой концентрации, было поистине утомительным, но вместе с тем и чрезвычайно полезным: я не был готов поделиться абсолютно всеми своими идеями и находками. Ещё не время, я пока нужен им – их вера ещё недостаточно крепка, они запросто могут сбиться с пути – я видел это в их мыслях.

Вероятно, близость Песков когда-то помогла людям выстроить своё сознание, они подарили им разум. Ведь эта стихия – своеобразная материализация мыслей, мостик между чистым сознанием и обычным миром. У них двойственная

природа – они вполне реальны, их можно ощутить, но при этом они открывают дорогу в иной мир. Теперь миф о сотворении мира, что я частично видел в одной из книг, мне кажется завершённым. Вода – первоисточник всего сущего, всё порождено ею. Но без разума жизнь не смогла бы приспособиться к этому миру. В этом и состоит главная заслуга Песков. Их голос призвал жизнь из глубин. Кроме того, несмотря на всю свою мощь и кажущуюся хаотичность, они придают всему довольно строгую и упорядоченную форму, изменения которой прописаны в линии Судьбы. Всё становится однозначным и определённым, но чтобы увидеть это – потребуется целая жизнь. Даже я сейчас всё ещё не вижу всех тайн и превратностей своей судьбы – мне ещё многое предстоит познать, приводя свои мысли в порядок и формируя собственный разум, словно инструмент.

Что ж, этот мир должен пережить второе рождение. И не я один, а все люди на Острове! Возможно, есть какой-то способ наладить диалог сознания между каждым из них, без похода к Бездне, безо всяких ритуалов. Ведь моя главная задача – это даже не процветание и достаток, а нечто ещё большее – знания. Новое сознание, мышление другого уровня. Люди должны открыться истине, слышать друг друга и природу, слышать Истину, тропу к которой я лишь приоткрыл. Нужно найти способ это сделать, выудив Пески из Бездны. И мне кажется, что наделение вещей силой Песков – это самое верное и многообещающее направление. Что если и вправду дать каждому по медальону? А затем появится возможность наладить диалог с людьми и указать им путь. Но я до сих пор не могу понять – как медальон устроен и как он действует? Возможно, стоит начать с чего-то попроще, у меня есть пара идей, которые вот-вот дозреют во мне.

Почему же это перерождение не произошло раньше? Что помешало Пескам в далёком прошлом продолжать совершенствовать людей? Что если сотворение мира произошло не из-за взаимодействия стихий, а благодаря их противоборству друг с другом? И в какой-то момент это противостояние вдруг снова набрало силу. А ведь кроме воды и земли (которая становится песком, когда вода полностью высыхает), есть ещё огонь и воздух. Как всё это взаимосвязано? Выходит, что каждая из стихий обладает волей, подобно человеку. И эти первородные сущности создали нас, а не какие-то там Боги, как считали древние! Они передали эту волю людям – это мы похожи на них, а не они на нас! Пески стали человеческим разумом, вода – это само тело человека, по которому бежит кровь. Люди – это поле битвы для стихий? Теперь понятно, почему человеку недоступно чистое, абсолютное сознание – силы его разума просто недостаточно, а большая часть сил уходят на внутреннюю борьбу.

Дневник Намтара, запись 29

***

Прошлое встретило Принца не очень-то приветливо – ударом ноги в лицо. Эта чёртова девица! Она поджидала его тут! Удар был сильный и внезапный, Принц отшатнулся и повалился на бок, яростно сыпля ругательствами в сторону убегающего мутного силуэта. Перед глазами всё плыло, и немного кружилась голова. Принц нащупал ближайшую стену и прислонился к ней. Ему нужна была минута-другая, чтобы прийти в себя.

Первыми прояснились его мысли. Он подумал о том, что удачно лишил врага оружия – он мог быть повержен её мечом – отличная и предельно простая ловушка! Хотя простая ли? Для неё – возможно. Но Принц начинал осознавать, что же на самом деле произошло – он только что переместился во времени! Зал, в котором он очутился, преобразился почти до неузнаваемости. До перемены это было полуразрушенное место, с частично обвалившимся потолком, залитое дождевой водой, поросшее мхом и какими-то растениями. И никакого намёка на убранство – время пожрало всё. Теперь же это был чуть ли не торжественный зал, хотя и по-прежнему довольно небольшой, залитый золотисто-жёлтым огнём свечей, сливавшимся с отсветом Песков. Со стен дугами свисали полотна из красной кисеи. Обвалившийся потолок превратился в изящный свод купола, который подпирали колонны, обрамлявшие балкон, полукругом возвышавшийся над порталом. Он был прикрыт занавесками из того же полупрозрачного материала, чуть покачивающимися от лёгкого ветерка. От самого входа почти до того места, где всё ещё сидел Принц, тянулся красный ковёр. Камень, из которого были сложены стены замка, приобрёл иной цвет – трудно было сказать, только ли из-за отступившего времени или освещение тоже делало своё дело. Глаз приятно радовали мягкие тёплые тона. Рассеивающийся повсюду Песок добавлял этому месту загадочности и торжественной красоты. Он не подвластен времени, но оно подвластно ему! Замок было не узнать – он преобразился, лишь едва знакомые очертания проглядывались в этих красивых залах и аккуратных стенах. Сейчас здесь стало явно теплее, ветер не задувал через дыры в крыше, и в зале было тихо. Разве что по своду арки, служившей входом в зал, по-прежнему чуть слышно бежала вода, образуя сплошную прозрачную стену.

В следующий момент, когда чувство восторга отпустило Принца, он немного по-иному взглянул на это место. Так, как он

смотрит всегда, трезво оценивая обстановку. Да, он не ошибся, он действительно здесь был. Но когда? Язык не поворачивался сказать «раньше». Хотя так для него и было – раньше. Но он оказался в прошлом, а значит всё-таки позже. Принц остановился – с ходу это просто не укладывалось в голове. Поэтому она закружилась, и он подошёл к стене, опёрся об неё, и постоял ещё с минуту, переводя дух.

Принц осмотрелся по сторонам. Из зала не было другого выхода, кроме того, через который он попал сюда несколько минут назад. Да и эта мерзавка убежала туда! Наверняка его ждут новые ловушки, но скорее всего сейчас она – его единственный шанс что-то найти или что-либо выяснить. Он уже нашёл портал и переместился во времени, а, значит, его шансы на успех заметно выросли.

Между двух толстых квадратных колонн, что выступали из стен, с обеих сторон вытянутого зала было по одной арке, за которой лежала тьма узкого коридора. Принц заглянул в одну из них и, пройдя несколько шагов, обнаружил, что коридор ведёт на балкон, пройдя по которому можно выйти с другой стороны. Теперь было абсолютно ясно – других путей нет. И Принц, более не медля, побежал прочь из зала – вода обдала его прохладой и вернула свежесть мыслям.

Теперь он бежал по узкому коридору, кажется уже знакомому, но преобразившемуся, как и зал с порталом. Теперь сомнений не было – это был не обман, не какой-то трюк или фокус – это магия Песков во всей своей силе. Знакомая и даже отчасти привычная, но не переставшая удивлять Принца своим могуществом. Сила, способная перебороть любую другую стихию, повернуть вспять течение рек, рост деревьев и движение солнца. Сила, способная отбирать и спасать жизни. Его собственная жизнь – что с ней будет? После всех этих лет он был как никогда близок к заветной цели, в его голове почти не было сомнений. Сможет ли он спасти свою жизнь, изменив свою судьбу? Принц с нежеланием вспомнил, сколько жизней было загублено из-за его ошибок. Многие из них он сумел в итоге спасти, но все те события неизбежно оставили отпечаток на его душе. Ему казалось, что он ведёт своеобразный торг с судьбой – десятки, сотни чужих жизней в обмен на спасение своей. Хотя, с другой стороны, ничего этого словно бы и не было. Обо всём знал лишь он сам и неумолимый страж времени.

Принц очутился в следующем зале, том, через который он с таким трудом пробирался по пути к порталу. Выход из Сторожевой Башни был заблокирован дверью, и теперь, кажется, её не удастся просто так выломить плечом. Очевидно, неприятель всячески старается задержать его, выигрывая время. Но для

чего? Очередная ловушка? Как вообще вышло, что ему позволили забраться так далеко? Видимо, ему всё-таки удалось застать врага врасплох. Эта девица думала, что потопив корабль, сумела избавиться и от всей его команды, включая Принца. Но он нарушил все её планы. И планы Императрицы, которая подослала боевой корабль, чтобы перехватить и уничтожить незваных гостей. Знала ли она что-нибудь о его истинной цели?

Принц, не видя выхода, вынужденно остановился. В центре зала стояло некоторое подобие огромной чаши, над которой клубился Песок. Вид её был Принцу очень знаком, и он не решился даже подойти к ней, помня, чем это обернулось в прошлый раз, в Азаде. Если это и есть ловушка, то враг сильно недооценивает его!

Он осмотрелся. Над ним, в несколько ярусов, нависали балконы. С одной стороны зала была глухая стена, а другая представляла собой кованую решётку, посаженную слишком часто, чтобы протиснуться сквозь неё. Вокруг не было видно ни одного механизма, который бы помог ему поднять массивную дверь. Единственный возможный путь – наверх. Убедившись в отсутствии явной опасности, Принц подошёл к одной из колонн, подпиравшей второй ярус, обхватил её руками и ногами, и начал карабкаться вверх. Делать это было вовсе непросто – его потные ладони скользили по гладкому камню. После нескольких неудачных попыток Принц решил найти другой способ. Он сожалел о том, что у него под рукой не было никакой верёвки – с её помощью забраться куда-нибудь было бы значительно проще.

Вокруг двери высились две квадратные колонны, но их отличительной особенностью было то, что они были наклонными и достаточно высоко врезались в стену, сливаясь с ней. Перила второго яруса были очень близко к этому месту.

Оценив высоту и расстояние до балкона, Принц отошёл назад, вытер руки об одежду – было бы очень неприятно упасть с такой высоты из-за скользких рук – и, разбежавшись, буквально взлетел по колонне. Сделав пять или шесть шагов, чувствуя, как его уже начинает тянуть обратно к земле, он из последних сил сделал рывок, оттолкнувшись обеими ногами от колонны, и прыгнул в бок.

На сей раз всё прошло гладко – Принц ухватился руками за узкие перила, подтянулся, перекинул ноги и оказался на втором ярусе. Осмотревшись, он увидел ещё пару закрытых дверей. Забраться же ещё на ярус выше было невозможно, хотя там, кажется, одна из дверей была открыта. Но взгляд Принца упал на пару больших оконных проёмов, расположенных по бокам от основного входа. Туда он мог бы добраться с помощью ещё одного сильного прыжка. Ещё более рискованного, чем предыдущий. И,

хотя времени сомневаться у него не было, он медлил с ним. Перила были слишком узкими. Он несколько раз разбегался вполсилы, ставил одну ногу на край, но не совершал прыжка. Каждая из попыток ещё сильнее гасила в нём уверенность.

Нет, не то! Нужно сделать иначе! Принц оставил свои жалкие попытки и вдруг увидел длинное узкое полотно, закреплённое на гардине сбоку от входа, через который он попал в зал. Гардина лежала на двух крюках, торчавших из стены, и её можно было легко достать с балкона, на котором он сейчас находился. В его голове созрел новый, куда более надёжный план.

Он подошёл к другому краю и потянул гардину на себя. Она казалась достаточно тяжёлой, но всё же её можно было удержать одной рукой. Принц, как только смог, схватил её второй рукой, подтянул свисавшее полотно и отнёс всё это к окну. Он собирался забросить металлическую гардину в окно таким образом, чтобы она пролетела насквозь, развернулась и, благодаря тому, что была шире самого окна, закрепилась с другой стороны. А Принц повиснет на полотне красной ткани и вскарабкается в проём.

Так он и поступил. Со второй попытки ему удалось пробросить гардину через окно, подобно копью, после чего он перелез через перила и аккуратно повис на ткани. Он старался лезть как можно аккуратнее – ненадёжная опора могла случайно соскользнуть, и ему пришлось бы падать с большой высоты, что явно не входило в его планы. Но всё обошлось и вот он уже стоит наверху.

На секунду Принц отвлёкся на вид, открывшийся перед ним. Переменился не только замок – кажется, было другое время года. В разгаре был жаркий солнечный день, который своим светом превращал крепость из зловещего и мрачного в красивое и даже обманчиво приятное место.

Посмотрев вниз, Принц понял – ему повезло, и внизу под ним располагался наружный балкон, на который он поспешил спуститься. Он ещё раз осмотрелся – на скалах вдалеке высились сторожевые башни, теперь уже целые, не разрушенные. Внизу всё так же бурлила быстрая горная река, а мост над нею не выглядел так, будто был готов обрушиться в любую секунду. За грядой скал по правую руку от него высилась крепость. Чтобы попасть в неё, ему нужно было спуститься прямо на мост. Высота была совсем не подходящей для прыжка, и Принц решил повторить свой трюк. Он продел металлический прут так, чтобы он держался за наружную сторону балюстрады, обрамлявшей балкон, перекинул полотно через перила, свесился с другой стороны и спустился, словно по верёвке. Повиснув на конце, он убедился, что высота была не опасной, и разжал руки.

Приземлившись, он сразу отпрыгнул в сторону, чтобы гардина не упала ему на голову. Спустя секунду послышался лязг металла, но Принц это уже не интересовало – он бежал через распахнутые двери туда, где должен был находиться вход в крепость.

Полный решимости, Принц пробежал через уже знакомый поворот и выбежал из других, всё так же распахнутых настежь дверей. Он прошёл несколько шагов и вход в крепость предстал перед ним во всей своей красе и величии. Огромные ступени теперь перекрывали весь путь над бездной и оканчивались лишь у величественных массивных арочных дверей. Крепость буквально нависала над ним, она казалась огромной. Величественной и устрашающей. Не каждый сможет решиться просто зайти в неё. Стены горели яркими кроваво-красными знамёнами, на которых был виден символ, тот самый, что долгие годы сводил Принца с ума, гоня прочь от родных краёв в поисках ответов. И вот сейчас он практически мог прикоснуться к тайне, но вопросов у него с каждым шагом становилось только больше.

Если бы не шум реки внизу и мерное потрескивание огня факелов неподалёку, вокруг стояла бы абсолютная тишина. В какой-то момент ему на секунду показалось, что сверху скользнула какая-то тень. Но вокруг не было ни души – его враг прятался. От всего этого молчания становилось даже жутко. Всем своим видом крепость заставляла цепенеть от ужаса, и даже Принц на несколько мгновений поддался этому влиянию.

Поборов нерешительность, он, медленно и осторожно, начал подниматься по ступеням. У него не было выбора, а, значит, ему только и оставалось, что сломя голову нестись навстречу своей смерти, чтобы попытаться в самый последний момент как-то обмануть её, увернуться и спастись. Поднявшись, Принц обнаружил себя в узком коридоре, который, наверно, проходил по самому краю скалы – из длинных узких окон не было видно ничего, кроме острых вершин вдалеке и воды внизу.

Спустя несколько поворотов коридора (по пути он видел несколько закрытых дверей, которые никак не поддавались), взору Принца предстал большой вытянутый зал и он поспешил туда. Вдоль всего зала тянулись два ряда колонн, поддерживающих массивные своды. Далеко впереди Принц увидел две огромные двери, которые, кажется, были плотно закрыты, но даже отсюда было видно, что они отделаны по-особенному и ведут в какое-то важное место.

Вдруг впереди он увидел её. Мерзкую ненавистную девицу, которой он желал скорейшей смерти. Он рванул вперёд, к ней, услышав вдруг от неё:

– Давай!

Где-то наверху (кажется, над входом в зал был расположен балкон) раздался скрип и Принц, продолжая бежать, почувствовал, что происходит что-то неладное. И он не ошибся. На него сверху летело широкое бревно! Кто-то наверху держал его на двух тросах, отчего оно летело по дуге, и должно было в нижней точке попасть в грудь бегущему Принцу, одним ударом лишив его жизни или сознания, что в итоге было бы равносильно. Кроме того, бревно было в нескольких местах усеяно острыми шипами, что ещё сильнее снижало шансы на выживание.

Следующие секунды Принц помнил, словно в тумане. Ему, пусть и несколько неуклюже, удалось припасть земле, перекатиться боком и, тем самым, избежать столкновения с бревном. После того, как оно достигло крайней точки полёта, бревно понеслось обратно и пролетело над головой Принца ещё раз. Одержимый нахлынувшей на него яростью, он вскочил с пола, вцепился обеими руками в бревно и, что было сил, рванул вперёд, утягивая за собой тросы и тех, кто их держал. Сверху послышались крики – его враги не ожидали такого поворота дел и две или три фигуры полетели вниз, отчаянно размахивая руками.

Отбросив бревно, Принц рванул к тому месту, куда упали фигуры. Те же самые воины, в странных масках-черепах, которых он и его команда встретили в море. Двое из упавших приземлились столь неудачно, что, кажется, погибли. Третий же, наоборот успешно перекатился и, даже не потеряв свой меч, бросился на Принца. Но было слишком поздно для него – тот не раздумывая ударил наотмашь и снёс голову с плеч противника.

Тем временем, четвёртый, которому удалось вообще избежать падения, сбегал вниз по лестнице от балкона. Его оранжевые глаза впивались в Принца, клинок злобно блеснул на солнце, пробивавшемся сквозь длинные высокие окна вверху зала. Принц встал прямо напротив бегущего врага и всем своим видом выказывал решительность встретить удар. Но в последний момент он отклонился в сторону и ударил мечом противнику между рёбер. Того потянуло вбок и, воспользовавшись этим, Принц ударил его ногой и столкнул в пропасть.

Зал имел очень странное строение. Центральная часть была вымощена серой плиткой, а вдоль стен ничего не было – две пропасти по краям зала! И так по всей длине. Однако, рассматривать зал подробно у Принца не было ни времени, ни желания – он побежал за своей главной целью. И тут произошло нечто необъяснимое и даже пугающее. Девица в чёрном, отвернувшись от Принца, вдруг побежала… прямо по воздуху! В том месте, где была пропасть, появилась едва различимая тропинка золотистого цвета, которая уводила немного вверх, в проём в стене. Принц был ошеломлён и даже остановился,

отказываясь верить собственным глазам. Тем временем, незнакомка добежала до проёма и воздушная дорожка за ней начала таять. Принц никак не успел бы за ней, даже если бы не замедлился на несколько мгновений. Кажется, теперь ему не удастся догнать её просто так. Допрыгнуть до проёма тоже вряд ли удастся – даже если удачно разбежаться (что было трудно сделать в таком узком месте), то шансов ухватиться даже за самый край почти не было. И, кроме того, проём располагался выше уровня того места, где стоял Принц. Оглядевшись, он увидел, что таких ходов было несколько, вдоль обеих стен и расположены они были на разных уровнях, но преимущественно выше него.

Девица посмотрела на него, ухмыльнулась и исчезла за занавеской. Но Принц не собирался сдаваться и решил попробовать отчаянный прыжок. Он выбрал самый близкий из проёмов и, оценив расстояние и высоту, Принц решил, что прыжок, всё-таки, вполне возможен. Он отошёл назад, к краю другой пропасти и, испытывая недостаток места для обычного разбега, постарался набрать дополнительную скорость, подпрыгнув на месте. И побежал. Ещё секунда и он проверит свою удачу…

Неизвестно, какой величины отчаяние владело Принцем в тот момент, но он был преисполнен решимости совершить этот почти невозможный прыжок. На его счастье этому не суждено было сбыться, потому что откуда-то сзади послышался вдруг знакомый голос:

– Нет, стойте!

Услышь Принц это секундой позже, он уже не смог бы остановиться и летел бы навстречу своей смерти – в последнюю секунду, отчаянно падая на пол и пытаясь остановиться, он увидел едва заметный блеск в заветном проёме – он был запечатан! И, даже если бы ему удалось долететь, он не смог бы ухватиться и попросту сорвался бы! Коварная, какая же она коварная! Нельзя позволять использовать свою ярость и отчаяние против него самого. Она поплатится! Она поплатится за всё!

Остановившись на самом краю и, бросив взгляд в бездну, Принц отбросил мысли о девице – сейчас ему вряд ли удастся догнать её, – и обернулся. Напротив него, в таком же проёме, но по другую сторону зала, стоял Хараз.

– Что ты здесь… как ты тут оказался? – удивлённо спросил Принц, подходя ближе. Он тут же добавил: – Мы думали, что ты погиб!

– Меня выбросило на берег, прямо у крепости. Вокруг никого не было. Я долго ждал, искал остальных, но в итоге решил, что выжил только я один, и решил пройти внутрь. Долго бродил туда-

сюда, пока не нашёл странную комнату. Там в центре светилось какое-то облако пыли. Потом я услышал голоса и спрятался. Отряд солдат и эта девица прошагали от входа и исчезли в этом облаке. Я выждал какое-то время и шагнул вслед за ними. И очутился здесь! Всё так переменилось… – кратко рассказал Хараз. – Это именно то, о чём вы говорили?

Его глаза горели, он не выглядел испуганным. Хараз всегда очень хорошо умел владеть ситуацией или приспосабливаться к ней. Умел воспользоваться любым обстоятельством как неким преимуществом.

– Это же настоящее сокровище! – выпалил он следом, не дожидаясь ответа. Восторг владел им настолько, что он даже не мог себя привычно сдерживать. Таким Принц его ещё не видел и это его несколько насторожило.

– Добро пожаловать на Остров Времени! – сказал Принц, слегка ухмыльнувшись. – Не удивляйся. Это особенное место, но, похоже, я ошибался, затащив вас всех на этот остров.

– Я не могу перебраться к вам – проём закрыт, как и тот, напротив, – ответил Хараз, как бы не обращая внимания на последние слова Принца.

– Спасибо, что вовремя остановил меня. И хорошо, что ты жив. Я думал, что остальные погибли, – ответил Принц.

– Помогите мне найти дорогу к вам, мы должны вместе достичь нашей цели, – сказал Хараз.

– Боюсь, что тебе не место здесь… и сейчас, – сказал Принц.

– О чём вы говорите? – удивлённо спросил Хараз.

– Я говорю о том, что тебе нужно уплывать отсюда и поскорее. Те, кто выжил после кораблекрушения, остались на берегу и скоро отправятся в обратный путь. Нам удалось найти другой корабль. Наш уговор был таков – они ждут пару дней и уплывают обратно в Вавилон. Тебе лучше поспешить вернуться, найти их и отправиться с ними в обратный путь, – пояснил Принц.

– Но разве вам не нужна моя помощь? Мы хотели предотвратить войну, все эти смерти, – сказал было Хараз, уже без особенного восторга.

– Нет. Я должен идти один. И мне нужно спешить! – прервал его Принц.

– Но ведь вы сами притащили нас сюда! И теперь, когда мы так близко к цели… – возразил Хараз, говоря уже вслед уходящему Принцу.

Принц остановился, захотел вздохнуть и успокоиться, но вместо этого не выдержал и сорвался:

– Да, чёрт возьми, я солгал! Нет никакой цели, понимаешь? Здесь нет ничего, кроме смерти. Скорее всего, и я погибну здесь.

Но, это лишь мой путь, никого из вас. Не нужно в этот раз помогать мне!

Хараз хотел что-то сказать, но Принц развернулся и побежал прочь, оставляя его вновь наедине с самим собой. Принц был уверен в Харазе – тот справится, он предприимчивый и сообразительный. А Хараз постоял ещё немного в проёме, проводив Принца сердитым взглядом, и, развернувшись, зашагал в поисках пути к своей цели. Принц не знал, что Хараз слышал весь их разговор с Зороастром и имел гораздо больше планов, чем показывал. Что ж, если Принц не хочет помогать ему, он справится и один – не впервой!

Сейчас Принц был очень зол. И на себя и на обстоятельства. Рана над глазом вновь занялась болью, снова потекла кровь. На бегу он вытер её рукавом и начал подниматься на лестницу, которая вела на балкон – другого пути не было. Парадные двери в другом конце зала были закрыты. А с балкона можно было попасть в какой-то коридор, который уводил в другую часть крепости. Возможно, он даже нагонит незнакомку. И она ответит за всё! В честной битве ей не устоять перед ним, он уничтожит её!

Злоба, бурлившая в нём сейчас, даже шла ему на пользу. Не будь её, место в его душе заняли бы отчаяние или растерянность. Он оказался один во враждебном месте наедине со своим главным врагом – неизвестностью. Кто знает, что случилось бы тогда? Но гнев гнал его вперёд. По мрачным коридорам и пустым комнатам. Принцу казалось немного странным то, что вокруг никого не было, но он почти не придавал этому значения. Что его ждёт? Очередная засада? Ещё одно подлое нападение из-за угла?

Последние мысли немного отрезвили Принца, вернув ему осторожности. Осмысленность действий отогнала отчаяние ещё дальше, уступила место надежде. Что он будет делать, когда догонит её? Просто убьёт и всё? Месть? А может быть удастся заставить её говорить? Может, тогда она расскажет ему что-нибудь о Песках и об Императрице?

Тем временем, Принц понимал, что коридоры ведут его куда-то под землю. Повсюду Принц упирался в закрытые двери и молчание. Ему неизбежно придётся спускаться вниз, туда, откуда веяло прохладой и сыростью. Крепость не отдавала свои секреты просто так. И всё это время Принца не покидало ощущение, что за ним наблюдают.

В нишах коридоров, в которые уже не проникал солнечный свет, стояли свечи, в больших залах были растянуты длинные красивые ковры. По полу расстилался чуть заметный туман. Вернее клубы Песка, который светился чуть заметным золотистым светом. И повсюду висели красные флаги и знамёна с

тем самым проклятым символом. Сколь же огромна эта крепость? И что ещё кроется в её глубинах?

Принцу казалось, что он уже близко к чему-то важному, что-то вот-вот произойдёт. И вдруг, после очередного поворота он оказался в большом, хорошо освещённом зале. Зал выглядел очень торжественно, он был устроен так, что в нём, на разных ярусах, могло разместиться огромное число людей. Все они могли наблюдать за какой-либо процессией, торжественно шествующей по залу. Возможно, это был зал для каких-то особенных церемоний. На его противоположной стороне виднелась огромная дверь, нависавшая над открытым выходом. По бокам зала, в несколько ярусов располагались балконы, а своды поддерживали ряды круглых колонн, рисунок на которых был закручен спиралью. Принц уже начал привыкать к необычной архитектуре замка – ко всем этим многоярусным балконам, странным провалам в полу и огромным пустым залам. Кажется, крепость когда-то предназначалась для гораздо большего числа людей. Но сейчас она пустовала.

Вокруг стояла нестерпимая тишина, которую нарушало только одно – Принц, спускаясь под землю, замечал, что повсюду, всё чаще и чаще прямо из стен сыплются струи Песка и падают в бездну, либо туманом стелятся по полу. Где-то в глубине его сознания зрела мысль, в которую он никак не хотел верить: как ему победить Пески, предотвратить их создание, когда они уже повсюду? Может быть, он попал не в то время? Что если Пески были созданы ещё раньше? И теперь они не только в Песочных Часах, а вообще по всей крепости! Мысли Принца погружались во мрак, как вдруг он услышал сверху какое-то движение.

«Это она! Теперь ей не скрыться!», – подумал Принц.

Принц взглянул наверх, отойдя на несколько шагов, пытаясь рассмотреть того, кто произвёл шум. И, одновременно с мыслью о том, что было бы глупо с её стороны показаться ему вот так просто, сейчас, когда ей с таким изяществом удалось скрыться, он увидел, как на секунду из мрака показалась какая-то тень. Какое-то странное существо, сложением немного походившее на человека, поглядело на него парой белых глаз и тут же скрылось. Кто это был? «Определённо враг», – подумал Принц. – «Ещё одно ужасное порождение Песков, обитатель этого острова».

Но разбираться во всех этих вопросах ему сейчас не хотелось. Он никогда не достигнет своей цели, если попытается постичь всё происходящее здесь. Возможно, придёт время, и он узнает обо всём, все тайны и загадки сами раскроются перед ним. Но сейчас ему нужно, как будто он всё ещё в джунглях, просто прорубать дорогу вперёд.

Принц вышел из зала, и, очутившись в следующем, вдруг услышал сверху какие-то крики и звуки борьбы. Не медля ни секунды, он взбежал по лестнице наверх и увидел как его враг, девица в чёрном, нападает на другую девушку. Причём вторая была без оружия. Она пыталась защищаться, но ей приходилось отходить назад, к пропасти – все трое сейчас стояли на круглой площадке, которая, казалось, парила над бездной.

– Помоги мне, скорее! – прокричала беззащитная девушка. Она была в красных одеяниях, которые явно не подходили для сражения.

«Враг моего врага – мой союзник» – пришло в голову Принцу. Однажды он уже убедился в том, что это совершенно не обязательно так. Но он не мог позволить убить беззащитного человека. И он был однозначно уверен кто из них двоих точно его враг.

– Оставь её в покое! – прокричал Принц, видя, как девушка в красном, оступившись, повисает на краю площадки. – Мы с тобой ещё не закончили!

Принц оказался здесь вовремя. И его слова возымели силу – девушка в красном не была убита, во всяком случае, пока. Её враг уже был готов с ней расправиться – один толчок ногой и она упадёт в бездну. Но Принц уже вытащил меч и стремглав летел на противника.

Девушка в красном оказалась в неоднозначном положении – ей удалось ногой нащупать выступ, поэтому она не просто висела на краю, а практически стояла, придерживаясь руками за край. Её жизни ничто не угрожало, но выбраться сама она не смогла бы. Вот только помочь ей в эту секунду было некому – Принц может и был бы рад подать ей руку, но был занят иной проблемой.

Его первая атака была с лёгкостью отбита. Дополнительную опасность создавало то, что у девицы в чёрном опять было два меча, с которыми она отлично управлялась. Видимо это оружие было изготовлено специально для неё. В любой момент она могла извернуться и ударить его другой рукой.

Принц наносил удары один за другим, но все они по-прежнему с лёгкостью отбивались ею. Ему нужно было найти какое-то преимущество над врагом. Возможно, оно крылось в явном превосходстве в физической силе. Или неожиданном ударе, но это было слишком рискованно. По крайней мере, сейчас, пока он недостаточно хорошо изучил своего противника.

Она не спешила нападать сама. Когда Принц перестал атаковать, они начали ходить по кругу, впиваясь друг в друга презрительными взглядами. Девица продолжала вести себя вызывающе, то и дело маня Принца рукой. В какой-то момент он

не выдержал и, так и ничего не придумав, бросился в атаку. Она ждала этого, и её мечи, всё её тело закружились в вихре смертельного танца. Теперь Принц оборонялся, один за другим отбивая её удары. Но среди мелькания клинков Принц не заметил, как, набрав скорости, она, после очередного оборота ударила его ногой. Да ещё и столь сильно, что Принц отшатнулся, быстро перебирая ногами, чтобы не упасть. Ему повезло – он упёрся плечом в стену и устоял. Но она уже бежала к нему, стремясь воспользоваться его неудачным положением. В этот момент Принца вдруг осенила идея – он развернулся и, взбежав на стену, резко оттолкнулся назад и перелетел противника, сделав сальто назад. Однако и это не сбило её с толку – сразу после приземления Принц пригнулся, а над ним просвистели два клинка, которыми девушка-воин резко ударила с разворота.

– И это всё, на что ты способен? – ехидно сказала она вдруг. Она явно пыталась вывести Принца из себя, сделать так, чтобы его гнев стал его собственным врагом.

И это сработало. Принц снова бросился на неё, а она играючи отбивала удар за ударом. Он перестал искать способы превзойти врага – он неистово бился, теряя самоконтроль. А её вид и слова лишь ещё больше раззадоривали его. Они как яд проникали в его душу, разум, отравляли их и превращали Принца в зверя.

Но вот он выбрал удачный момент – когда она сама, кажется, заигралась, и её внимание чуть притупилось, схватил её за запястья (ему пришлось бросить свой меч), развёл их в стороны и прижал её к стене. Его сил хватало, чтобы удержать её в таком положении – безопасном для неё, но патовом для них обоих. Принц сверлил её взглядом, сжимал руки как можно сильнее и тяжело дышал. Но даже это не могло смутить её. Она видела его лицо, очень близко, чувствовала его жар… И вдруг рассмеялась! Эта мерзавка ещё и смеётся! Кажется, она знает себе цену!

Принц ничего не мог поделать. Он невыносимо хотел вцепиться ей в горло и задушить прямо на месте. Но он не мог – это было слишком опасно. Принцу в голову даже закрался вопрос – почему же она не убила его, раз он для неё такой лёгкий противник? Но этот опасный вопрос породил в нём нужный ответ – это лишь притворство. Один раз он уже обратил её в бегство. И она до сих пор не смогла противопоставить ему ничего действительно серьёзного, кроме своего гонора. Она лишь играла на его чувствах! Поняв это, он изо всех сил сдавил её запястья, буквально впиваясь в них пальцами.

По её лицу пробежала гримаса боли. Её улыбка сменилась на гнев. И вновь повисло молчание в попытках пересилить друг друга. Вдруг, в какой-то момент она перестала сопротивляться и

ослабила руки. Принц чуть удивлённо взглянул на неё, а она приподняла вверх правую бровь и плюнула ему в лицо. Этого Принц никак не ожидал, это заставилось его отпрыгнуть назад, стремительно хватаясь за меч, лежавший рядом. А она снова засмеялась. О, как он ненавидел её!

Принц вытер плевок с лица, но на сей раз он не дал воли своим чувствам. Он спокойно двинулся в направлении противника и, кажется, даже смутил её этим. Принц подошёл достаточно близко, но не нападал. Он увернулся от одного удара мечом, затем от другого, прыгнул ей за спину, скрывшись из её поля зрения. После этого он совершил вместе с ней один или два оборота в её тщетных попытках нанести два быстрых последовательных удара с размаха. Запутав её, он толкнул противника в спину, от чего она упала.

«Пусть теперь посмеётся», – торжествующе подумал Принц.

От падения девица в чёрном выронила один меч, и тот отлетел в ту сторону, где другая девушка всё ещё находилась в безвыходном положении. Девушка-воин протянула руку, стараясь схватить свой меч, но вдруг девушка в красном протянула руку, взяла меч и отшвырнула его далеко в сторону. В этот момент по лицу девушки в чёрном пробежал ужас. Её взгляд был полон испуга и непонимания. Но лишь на секунду. Теперь пришла её очередь почувствовать бессильный, всепоглощающий гнев. У неё не было времени предпринять что-то ещё – ей стоило промедлить буквально мгновение и Принц убьёт её!

Она вскочила с пола и, сделав перекат, встала на ноги, оказавшись почти в центре платформы, на которой шло их сражение. На её лице читалось сомнение, между собой боролись две эмоции. И на этот раз она сама бросилась на Принца. Но теперь она была не так опасна. Они скрестили мечи, изо всех сил напирая друг друга. Теперь у неё не было преимущества – Принц был сильнее и выносливее её.

Он снова смотрел ей в глаза. Казалось, ничто не могло сбросить эту ухмылку с её лица. Она злила его, порождала в нём гнев, который придавал ему сил. Он давил на меч, он видел, что она, несмотря на отчаянное сопротивление, отходит назад. И она решила резко отпрыгнуть в сторону, чтобы Принц по инерции пролетел вперёд. Однако Принц ждал этого. Он очень точно поймал момент и остался твёрдо стоять на ногах. Последовал очередной удар её меча. Он немного наклонился, пропуская удар над головой, схватил девицу за руку, потянул за неё и перебросил через себя. Она смогла удержать меч и, упав на спину, выставила его перед собой, ожидая удара Принца сверху. Но, вовремя оценив ситуацию, тот поступил иначе. Сильным ударом ноги он вышиб оружие из её рук и, воспользовавшись замешательством,

вонзил меч ей в живот. Она испустила короткий крик боли – последний в своей жизни, – бессильно подняла руку и умерла. Из огромной раны потекла кровь. Человек! Она не одна из этих песчаных чудовищ. Хотя вряд ли была чем-то лучше их.

Принц отдышался несколько секунд и вспомнил про девушку в беде. Он поспешил к ней, подал ей руку и вытащил наверх. Не сказав ни слова, та отряхнулась и зашагала прочь.

– Постой, куда же ты? – спросил Принц.

– Мне нужно идти, – ответила ему незнакомка в красных одеяниях.

Принц вновь ощутил это странное чувство – он понимал, что говорит ему незнакомка, но при этом слышал, как с её уст слетают слова на совершенно непонятном языке.

– Но я только что спас тебе жизнь! Потрудись хоть немного помочь мне! – не то рассерженно, не то удивлённо воскликнул Принц.

Девушка бросила на него короткий, едва заметный оценивающий взгляд, чуть ухмыльнулась и повернулась к нему спиной. Принц с недоумением глядел ей вслед. Незнакомка неторопливо шагала к лестнице. Принц сначала было подумал, что это такое своеобразное приглашение следовать за ней, но тут же отбросил эту мысль как несостоятельную.

Внезапно она остановилась. На несколько секунд повисло молчание, Принц слышал лишь своё тяжёлое, сбивчивое дыхание – он ещё не отошёл от сражения. Он и так вымотался за последние пару дней, а тут ещё и битва с недюжинным противником. И эта незнакомка… Кто она? Она не враг ему, но и на друга пока мало похожа.

Тем временем девушка глубоко вздохнула, словно бы решаясь на что-то и спросила:

– Что тебе нужно в этом месте? Чего ты хочешь?

– Я хочу встретиться с Императрицей! – незамедлительно ответил Принц. В нём вновь зашевелилась надежда на удачный исход этого диалога.

– Вздор! Встретиться с Императрицей? Это невозможно! Кем ты себя возомнил? – с усмешкой отвечала ему незнакомка.

– Я – Принц Персии, я прибыл из будущего… – резко отвечал ей Принц, но был сразу же прерван её словами:

– Оо-о, понятно. Но Императрица не принимает никого! Слышишь? Никого! Мне жаль, но я ничем не могу тебе помочь. Её воля – закон, и перечить ей – самоубийство.

– Это очень важно, ты не пони… – попытался возразить ей Принц, но вновь был оборван на полуслове:

– Это ты не понимаешь! Сегодня – особенный день для неё. И ничто не может быть важнее этого! Я…

И тут произошло нечто, что изрядно озадачило Принца. Недавний враг Принца, девушка в чёрном, вдруг приподнялась – в последний раз Принц видал такое только в Азаде, когда песчаные монстры не погибали от обычного оружия – и, занеся меч над головой, побежала на Принца. Её лицо перекосило от ярости, а глаза отчего-то горели чуть заметными оранжево-красными огнями. За секунду до удара она вдруг прокричала:

– Тебе не изменить свою судьбу!

И тут же встретила свою смерть, повторно. Принц, оттолкнув незнакомку в красных одеяниях и не успевая вытащить свой меч, схватил с земли второй меч противника и, чуть присев, выпрыгнул, одновременно вонзая меч в живот врагу. Девушка испустила кряхтящий звук и, будучи подброшенной в воздух, отлетела в противоположную сторону и упала оземь. Её тело начало поедать нечто похожее на Песок, но выглядело это как-то иначе. И сама девушка была совершенно не похожа на песчаного монстра. Но на этот раз крови не было. Казалось, что её тело стало слегка прозрачным, по нему забегали маленькие искорки. Кожа начала переливаться золотистыми оттенками и испускать какой-то туман. Потом, вдруг, всё её тело резко охватило жёлтое свечение и произошло что-то вроде взрыва. Ослепительная вспышка и густое облако Песка, которое застлало всё вокруг, вырвались наружу. Принц услышал, как струйки Песка, сочившиеся из стен, зашуршали с утроенной силой, словно бы подпитываясь этим облаком. Песок пожирал жертву, впитывал её силу. Или просто забирал её назад, ведь она однозначно была порождением Песков, вопреки недавнему заблуждению Принца. Они были подобны чудовищу с сотней голов, готовому напасть на тебя в любой момент. А если и удастся отсечь одну из голов, то на её месте вырастут другие. Песок просто вберёт силу падших обратно в себя, чтобы на их место пришли новые.

Но Принца занимали другие мысли – откуда его враг знает о его цели? О его истинных намерениях до последнего не знал никто из его команды. Поиски, что он вёл годами? Вряд ли кто-то придавал этому особое значение. Люди думали, что он сошёл с ума, что он покинул город и стал отшельником. Но никогда народная молва не доносила до него слухов, хоть отдалённо похожих на его истинные мотивы. И старик Зороастр вряд ли бы стал делиться с кем-то. К нему ли она обращалась? Но к кому же, как не к нему? Выходит, что его враг был не только могущественен и коварен, но ещё и всезнающ, практически вездесущ! Принц смутно припоминал, как визирь читал его мысли тогда, в Азаде. Но тогда он мог практически почувствовать это. А в этот раз – ничего. Возможно, визирь был слаб, а здесь, на

Острове, он столкнулся с теми, кто по-настоящему знал, как управляться с Песками.

Внезапно стены зала затряслись, раздался гул и послышался лязг металлических цепей, что держали под потолком огромные люстры. Раздался испуганный возглас спасённой девушки, после чего она схватила Принца за руку. Принц, погружённый в размышления о происшествии, успел на секунду позабыть о своей новой загадочной знакомой, но шум вокруг и её прикосновение вернули его к реальности. И прикосновение он инстинктивно воспринял даже как враждебное, но вовремя понял, что это не угроза. Принц привык доверять только самому себе за эти годы. Он и правда был отшельником, скитальцем, ищущим правду и бегущим от смерти, преследовавшей его по пятам. И поэтому он не мог никак иначе отреагировать на произошедшее. Принц отстранил девушку, пристально посмотрел ей в глаза, но не увидел там ничего особенного. Тем временем гул утих – видимо Пески насытились. Казалось, вся крепость – некий живой организм, насквозь пропитанный ими.

– Я благодарна тебе, Принц. Но тебе нельзя здесь оставаться! Императрица убьёт тебя, если узнает о твоём присутствии. Поэтому я помогу тебе советом – покинь Остров и никогда сюда не возвращайся! – вновь заговорила девушка.

– Куда бы я ни пошёл – меня и так всюду ждёт смерть. Только Императрица сможет помочь мне! Во всяком случае, стоит хотя бы попробовать, – отвечал Принц. Он не решался озвучивать свой план незнакомке целиком. Он ждал, что она сама ему что-нибудь скажет. Умышленно или случайно выдаст ему что-то важное о Песках, Императрице или тайнах Острова. Главное сейчас – постараться не отпускать её как можно дольше.

– Императрица не расположена к общению с внешним миром и его чужаками. Веками люди из-за моря пытались захватить Остров Времени, покорить его своей воле или просто разграбить. И все они пали. Что ты ищешь здесь? Что отличает тебя от всех остальных?

– Я пришёл не за богатством или славой. Единственное, чего я хочу – это сбросить груз прошлого. Ошибки, которые я совершил в прошлом, не дают мне возможности нормально жить дальше. Кажется, мне судьбой начертано умереть за свои деяния. Я ищу лишь искупления. Возможно, я первый из тех, кто пришёл сюда не с оружием в руках. Возможно, это убедит Императрицу. Но если придётся – я готов драться и убивать.

Девушка ничего не ответила. Отойдя на шаг, она молча смотрела на Принца и о чём-то размышляла. Она несколько раз с опаской посмотрела по сторонам и, казалось, даже

прислушивалась к чему-то. Вокруг по-прежнему было тихо и, несмотря на мрачность зала, весьма спокойно.

– Боюсь, вряд ли ей есть дело до чужих проблем. Я, сама того не желая, встала у неё на пути – и видишь, что произошло? Шади, её послушная ищейка, её личный головорез, была отправлена убить меня. Прямо тут, во время магического обряда.

– Шади? Значит, так её зовут? Она откуда-то знала, что я направляюсь к Острову, и пыталась меня остановить. И тоже отнюдь не словами, а силой. Она тоже хотела убить меня, – задумчиво проговорил Принц в ответ, а чуть позже добавил: – Императрице больше некого послать на подобное задание? Шади делает за неё всю грязную работу?

– Шади много раз справлялась с почти невозможными заданиями. Она заслужила доверие Императрицы как никто другой. Для неё должно было быть сущим пустяком отобрать твою и мою жизни. Но в этот раз всё обернулось иначе. И когда она пришла сюда, я заметила, что на её лице не видно привычной высокомерной ухмылки. Она была сильно взволнована, чуть ли не напугана. Вид у неё был потрёпанный и усталый. Будь она в полной силе – мне не миновать мгновенной гибели. Но так вышло, что я смогла сдержать её на какое-то время, а затем, по счастливому стечению обстоятельств, подоспел ты. И, после того, что ты сделал и сказал, я, пожалуй, должна помочь тебе, – произнесла в ответ длинную и откровенную речь незнакомка.

– Да, и, пожалуй, чем-нибудь получше совета убираться прочь! – воодушевлённо, но при этом с некоторой обидой в голосе проговорил Принц.

– Ты прав. Но тебе действительно нельзя оставаться здесь и тем более следовать за мной. В замке повсюду тысячи глаз и ушей, здесь буквально каждый камень на службе у Императрицы. Мне ничего не грозит – задание убить меня она отдала лично Шади и никто про это не знает. В течение какого-то времени моё присутствие будет обычным делом, а Императрица, должно быть, слишком занята сейчас, чтобы наблюдать за мной лично. Она уверена, что Шади справится, – начала говорить девушка.

– Так что же ты предлагаешь мне тогда делать?

– Тебе нужно отправиться в тронный зал. Я тоже буду там, но мы пойдём разными путями. Ты должен действовать скрытно, поэтому лучше всего тебе вернуться в своё время, настоящее для тебя и перемещаться по Острову в нём. Это поможет мне убедить Императрицу, что я убила тебя и вернуть её расположение. Возможно, тогда я смогу помочь и тебе. Раз она послала Шади убить тебя, значит, она была в курсе твоего вероятного прибытия и, судя по всему, не очень этому рада, – закончила излагать свой

план незнакомка. После этого она подошла к центру круга, в котором они стояли, наклонилась и что-то подняла с пола.

– Возьми этот медальон. Он работает как ключ, без него тебе далеко не уйти, – проговорила девушка, протягивая Принцу что-то маленькое и круглое. – Ей он больше не пригодится.

Только сейчас Принц, глядя на медальон, заметил перстень с большим красным камнем на руке незнакомки. Но его внимание надолго привлечь он не смог. Сразу после этого Принц хотел что-то возразить или добавить, но незнакомка опередила его, сказав:

– Прости, Принц, но мне нужно идти. Медлить больше нельзя. Ступай и ты.

Она развернулась и быстро зашагала вниз по лестнице. Принц стоял и смотрел ей вслед в лёгком недоумении. Он видел, как она прошла в арку, служившую входом в зал, после чего массивная дверь опустилась за ней, заблокировав выход.

В его голове вертелись её слова «медлить больше нельзя», но всё его существо, будто бы противясь им, заставляло его не двигаться с места и обдумывать произошедшее. Меж тем, в зале, насквозь пронизанном зловещей таинственностью, воцарилась абсолютная тишина.

Принцу было о чём поразмыслить. Он, спустя годы поисков, наконец-то попал на Остров и, кажется, очутился в самой гуще событий. Императрица объявила на него охоту – почему она исполнена к нему такой ненавистью? Принимает ли она его за очередного разбойника, покушающегося на богатства Острова, или причина кроется глубже? Может ли она знать что-то о его целях? Наверняка. Шади была послана убить его, в его голове всё ещё звучали её слова. Точь-в-точь те, что сказал ему старик перед путешествием. Что, если и Дахака действует по приказу Императрицы? Или, может быть, у них общие цели?

Голова Принца полнилась всё новыми и новыми вопросами. Их в одну минуту стало больше, чем за все эти годы. Он решил присесть на ступени, потому как всё равно не собирался никуда уходить в ближайшие несколько минут. Его взгляд вдруг зацепился за огромный символ на стене над входом. Он немного отличался от того, что был в книжице, его элементы были более вытянутыми и острыми, но не более того. Принц оказался невероятно близко к нему, а он так и не даёт ему ответов. Сам символ Принц уже хорошо изучил, перелистывая вдоль и поперёк странную книжицу, которую визирь обронил в Азаде. Величайшие мудрецы Вавилона не смогли сказать Принцу, что значит этот символ. В богатейшей библиотеке Азада не нашлось ни строчки о нём. И вот, он перед ним. Символ Острова Времени, будораживший воображение Принца долгие годы, теперь повсюду – на длинных красных полотнах, то тут, то там

украшавших стены. На барельефах стен, на пьедестале позади него, на закрытых дверях и даже в самых неожиданных местах. Но, по крайней мере, теперь он мог быть уверен в одном – книжица действительно из этих мест, она написана рукой того, кто жил или может быть живёт здесь сейчас. Что, если она написана самой Императрицей? Возможно ли это? Сейчас ему было бы очень кстати понять, о чём же в ней говорится.

Принц заметил, каким странным стало слово «сейчас». Его путешествие во времени перевернуло всё с ног на голову. Теперь прошлое – сколько лет отсчитал маховик времени в обратном направлении? – стало настоящим. А настоящее будущим. И он собирался изменить его, он должен, он вынужден! Но пока все его действия, в том числе и победа над Шади – это лишь отсрочка, оттягивание неизбежного. До тех пор, покуда он не доберётся до Императрицы и не помешает ей создать Пески Времени. Сможет ли ему в этом помочь его новая знакомая? Можно ли вообще ей доверять? Кажется, она многого недоговаривает.

Принц продолжал вглядываться в символ на стене. Два его круга были совмещены с отверстиями в стене, из которых, чуть поблескивая, мерно сочился песок, падая в бездну. Его потоки казались бесконечными. Необъятная стихия, которую невозможно победить. И огромная крепость, чтобы уместить её, вобрать в себя целиком.

Принц продолжал задавать себе вопросы – теперь он определился с центральным предметом своих размышлений. Его мысли более всего занимала незнакомка. Что именно произошло между ней и Императрицей? Связана ли её скрытность с тем, что она не доверяет Принцу? Даже после того, как он спас ей жизнь, у неё была сотня причин на это. А если она всё же попытается помочь ему, то как именно? И что ему надо сделать, чтобы завоевать её доверие? Или лучше доверять только самому себе, как и всегда?

Один. Снова один, посреди пустоты этого зала и его давящей, почти угрожающей тишины. Лицом к лицу с судьбой, в затяжной схватке длиной в половину его сознательной жизни. Принцу представлялось, как он стоит лицом к лицу с незримым противником. Существует ли он на самом деле и правда ли, что он не способен изменить свою судьбу, как ему твердят все вокруг? Сдастся ли он однажды, испытав глубокое разочарование и полное безразличие? Все эти мысли не в первый раз посещали Принца. Он бесконечно устал от них, потому что они были подобны замкнутому кругу. Кольцо, которое невозможно разорвать и которое сдавливало его разум подобно удавке. С

годами отчаяние вросло в Принца так же глубоко, как и стены этой крепости в скалу.

Откуда-то снизу, из чёрной пропасти веяло холодом. Тем самым, который он отлично запомнил и больше всего ненавидел – близость Песков, которая обжигала снаружи и изнутри. Чувствуя, что им овладевает безмерная тревога, Принц попытался вновь переключиться на мысли о словах незнакомки. Внутренне он соглашался и признавал, что в её плане есть определённый смысл: передвигаться по Острову в настоящем – времени, из которого он прибыл – действительно безопаснее. Кроме того, если он правильно понимал то, как устроено время и работа порталов, то, как только он оказывался в настоящем, прошлое словно бы останавливалось и в нём ничего не происходило до тех пор, пока он туда не вернётся. Если у него и вправду так мало времени, как говорит незнакомка, то таким образом он сможет выиграть немного и у него будет шанс успеть сделать какое-либо ценное открытие. Но что именно может помочь ему?

Принц начинал чувствовать необходимость продвигаться дальше – в крепости или во времени – уже неважно. Оба пути были доступны ему. Если незнакомка сказала ему отправляться в настоящее, значит, где-то поблизости есть ещё один временной портал. Скорее всего, в замке их множество, вопрос заключается только в том, насколько хорошо он спрятан? В первый раз ему повезло – Шади сама привела его в нужное место. Теперь он остался один, а путь обратно был отрезан.

– Нужно осмотреться, – отчего-то вслух произнёс Принц.

Зал, в котором он находился, был достаточно необычен – в нём не было пола. Только каменная лестница, нависающая над бездной, что вела к площадке, на которой он стоял. Она была круглой формы, шагов двадцать в поперечнике. Из её краёв торчали, подобно лепесткам, каменные зубья, а от них к центру сбегались желобки. В центре они сливались в единое углубление. На противоположной от лестницы стороне было ещё несколько ступенек, уводивших на небольшой балкон. На нём, в паре шагов от верхней ступеньки стоял пьедестал странной формы, от которого, разрезая ступени поперёк, шёл самый широкий жёлоб и точно так же сливался с остальными в центре. Всё это Принц уже видал ранее, в том или ином виде – это было место для каких-то религиозных ритуалов. Возможно некий алтарь, может быть даже для священного жертвоприношения. Видимо, на этом острове существовал какой-то культ, основанный на взаимодействии с Песками. Принц понимал это и раньше, но сейчас к нему пришло осознание того, что он связался не с шайкой разбойников, а с религиозным орденом, последователи которого вряд ли склонны отступаться от своей веры. Пожалуй,

шансы переубедить Императрицу в чём-либо ничтожно малы. Принцу потребуются аргументы убедительнее слов о его добрых намерениях.

По обеим длинным сторонам зала, выше того уровня, где он стоял, тянулись балконы, вдавленные в стены. Вдоль края каждого из них тянулся ряд опорных колонн, перемежавшихся с балюстрадой, а сами балконы оканчивались закрытыми дверьми, за одной из которых скрылась та странная тёмная фигура, которую Принц даже не успел рассмотреть.

Принц начал осознавать, что пришло время искать выход из этого места. Его новая знакомая могла бы быть и поуслужливее, например, потрудившись объяснить, как работает этот медальон-ключ. И, что было ещё важнее, ключ от чего? Где та дверь, для которой он предназначен? Он повертел его в руках – на нём был какой-то символ, вроде полумесяца, хотя, судя по шнурку, на котором его носили медальон, он был повёрнут рогами вниз. В центре полумесяца располагался рельефный кружок – точно такой же символ он видел в книжице, на одной из последних страниц. Сам медальон был золотисто-бронзового цвета, и больше решительно ничего интересного в нём увидеть было нельзя.

Принц заново завязал порванный шнурок и одел медальон-ключ на шею. После этого он побрёл в единственном возможном направлении – в сторону пьедестала, за которым рядами горели свечи и на стенах виднелись какие-то письмена. Не понимая ни слова, он узнал бы их где угодно, не спутав ни с чем – такие же были и в книжице. Но что-то ещё светилось впереди, не совсем похожее на свечу. Принц сделал ещё шаг и оторопел. Он буквально не мог сдвинуться с места несколько секунд. Кинжал! Тот самый кинжал, его невероятно знакомое голубовато-белое свечение – прямо здесь, перед ним! У Принца из головы вылетели все вопросы, он забыл про медальон и все странные события последних минут. Он почти ликовал – такая находка! Конечно, он знал, что кинжал должен быть где-то на Острове, но чтобы вот так найти его! Он лежал прямо перед ним, безо всякой охраны, на специальной подставке в виде двух рогатин. Принц протянул руку, чтобы взять его, но… не смог. Его рука словно бы прошла сквозь кинжал. Он попробовал ещё и ещё раз, после чего его ликование сменилось на бессильную злобу. Обман, иллюзия!

«Ну да, конечно! А я-то обрадовался, болван!» – думал Принц, остановившись на первой ступеньке. Похоже, его единственный шанс – цепляться за помощь его новой знакомой, кем бы она ни была. Неизвестно, сколько вокруг ещё таких обманов. Возможно, в другой раз он вообще столкнётся со смертельной ловушкой или что ещё похуже!

Но просто уйти он не мог. Слишком много воспоминаний (отнюдь, не самых хороших) было связано с этим кинжалом. Интересно, как Магарадже удалось… удастся… – Принц совсем запутался во времени – заполучить кинжал? Как ему удалось одолеть или хотя бы обмануть Императрицу?

Сейчас, увидев кинжал в таком месте, Принц понял ещё одно – кажется, он представляет собой нечто большее, чем оружие (пусть и особенное). Нечто большее, чем ключ к Песочным Часам. Кинжал – часть этих таинственных религиозных или магических обрядов, что проводились в этом зале. Ритуальный кинжал для жертвоприношений. Всё, что он раньше знал о Песках – лишь верхушка, просто обрывок. Тайны, окружавшие их, корнями уходили в землю этого острова, произрастая из тьмы веков. Теперь он мог к ним прикоснуться, но не мог познать и постичь их. Древняя магия, столетиями практикуемая и развиваемая тайным, обособленным от внешнего мира, орденом. И Принцу казалось, что он тонет в этой тьме. Как перед ним высится огромный бесформенный враг, который способен просто раздавить его. И…

Знакомый холодок пробежал по его руке. Такой же, как от кинжала! Принц открыл глаза и увидел золотистое свечение медальона, который он зачем-то сжимал свободной рукой. Что если медальон обладает силой, подобной магии кинжала? Тогда понятно, каким образом он может выступать в роли ключа! Принцу начало казаться, что он стал что-то понимать. Он снова обхватил медальон и, по-ребячески воодушевлённый, попытался провернуть старый трюк – он стал вспоминать последние несколько секунд, то, как он брёл по жертвенному алтарю, озирался по сторонам. Но ничего не происходило.

Принц не унимался и всё сильнее концентрировался на своих воспоминаниях. Но, как он ни пытался, время не поворачивало вспять. И он вновь чувствовал, как вокруг него сгущается тёмное облако, которые сковывало его мысли, подталкивая их в какую-то сторону. Принц сопротивлялся изо всех сил, так, что даже пошатнулся и чуть не упал. Но ему не удавалось одолеть эту силу. И тут он решил попробовать кое-что ещё, неожиданно для самого себя и этой странной сковывающей сознание силы. Он вдруг остановил поток мыслей, свои попытки, перестал мысленно тянуться к прошлому. И тьма тут же расступилась. Сила, что сдерживала его, как бы подтолкнула его вперед, и он увидел самого себя, состоящего из миллионов песчинок, с медальоном в руке в центре алтаря. Этот вымышленный Принц наклонился и положил медальон в центр, в небольшое углубление. Всё вокруг враз исчезло, и он лишь видел, как перед ним в темноте вспыхнули письмена, и отворилась

дверь. Он прошёл вперёд и очутился в уже знакомом ему месте – прямо перед временным порталом, в котором уже начинали клубиться песчаные облака, а по желобкам на полу текли песчаные ручейки, питавшие портал. Но как он мог очутиться здесь, так далеко от Сторожевой Башни?

Принц открыл глаза и вдруг понял, что его видение было реальностью. Он наяву стоял перед небольшим песчаным вихрем, в другом зале. Он обернулся назад и увидел пьедестал с другой стороны, а также часть алтаря. Единственное, чего не было в его видении – вход в этот зал был отделён стеной воды, стекавшей откуда-то из арки, предварявшей вход.

Весь зал выглядел точно так же, как и тот, первый, где Шади скрылась от него в потоке времени. Но Принц явно видел, что позади него алтарь, а значит – это не то же самое место. Значит, тот портал – действительно не единственный? И все они выглядят практически одинаково. Некое особенное место, возможно священное, подобное храму.

Принц несколько секунд постоял перед временны*ы*м порталом, собираясь с мыслями. Медальон помог ему, хотя он точно и не смог понять, как именно это произошло. С кинжалом ему повезло куда больше, сила же медальона пока не поддавалась объяснению. Впрочем, возвращаться назад в поисках ответов Принцу не хотелось. Кроме того, находиться в зале с алтарём было неприятно – это место для странных обрядов было выстроено так, что из любой его точки было хорошо видно то, что происходит в центре. Принцу представлялось, как по балконам стоят ряды жрецов и наблюдают за происходящим. И, хоть на самом деле там никого сейчас не было, ему инстинктивно (а может и по совету незнакомки) хотелось оставаться незаметным, прятаться в тени. И, больше не колеблясь, Принц вошёл в песчаное облако, которое тотчас подхватило и понесло его сквозь время.

Глава 14. Страж

Меня, вдруг, посетила одна смелая идея: что если это сознание едино вообще для всех живых существ? Я отправился к Пескам один, без учеников, но взял собой Джатту, которая обычно покорно ждала меня у лестницы на подходе к Бездне. Не медля, я призвал Пески, погрузился в них своим сознанием и приступил к поискам. Это потребовало некоторого времени – разум собаки это не то же самое, что разум человека. Но я был уверен, что где-то в глубине оно построено на тех же принципах, хотя бы примерно. Чтобы обнаружить её в этом ином слое реальности, я совершил нечто привычное для обыденного мира: позвал Джатту. Вероятно, она не осознаёт своего места в этой жизни и уж тем более в тонком мире чистого сознания. Но ей, безусловно, присущи какие-то чувства, вроде привязанности – они-то и ведут её, определяя поведение, цели и мысли (или их подобие). И это сработало! Причудливый, но уже привычный мир Песков на мгновение переменился: где-то рядом вспыхнуло яркое белое пятно, которое тут же разгорелось, затмив всё. Оно обязательно ослепило бы меня, если бы я увидел его своими глазами. Но я продолжал видеть скорее своим разумом. И этим пятном, которое затем несколько уменьшилось, была вспышка сознания Джатты, которая, кажется, была чуть удивлена. Оно состояло из смеси чувств и мыслей, пусть и примитивных, пронизанных безмерным добром и радостью. Её привязанность ко мне была для неё неким ориентиром, в любом пространстве. Она подошла ко мне и лизнула мою руку, не обращая внимания на пропасть под своими лапами. Теперь, несмотря на своё удивление, она тоже видела меня своим разумом. Едва ли это можно назвать диалогом, но Джатта внимательно слушала меня, ожидая, что я сделаю или скажу дальше. Я попросил её пробежаться по кругу. И её радость в ответ была чем-то вроде «Да, хозяин!».

Затем я попробовал взглянуть на мир её глазами. Упростить своё сознание до разума собаки было сложно, но я понял, что она может составлять какое-то своё мнение о месте, в котором находится, дорожит своей привязанностью, а её чутье гораздо сильнее обычного человеческого – она видит, слышит и ощущает намного больше. А самое главное – её сознание открыто к новому знанию, к обучению. Возможно, мне удастся изменить и улучшить даже его!

Кажется, я пребывал в ещё большем восторге, чем Джатта. Случайная дерзкая мысль подарила нашей дружбе нечто особенное, оказавшись правдой. Это открытие, несомненно, будет очень полезным, особенно потому что оно даёт новые, далеко

идущие возможности, и я только начал их познавать. Кажется, я перестаю чувствовать себя обычным человеком, в привычном понимании этого слова. Я ещё не сделал этот шаг, но уже занёс ногу над следующей ступенью.

Дневник Намтара, запись 32

***

Чувство, охватившее Принца, когда он впервые перенёсся во времени, было самым ярким и неповторимым. Сейчас же он испытывал скорее любопытство, а трепетное восхищение отступило на второй план. Как работает этот портал? Можно ли как-то управлять им? Сама ли Шади открыла это окно в своё время или ей помогла Императрица? Если Шади мертва, а Императрица будет думать, что Принц мёртв, – наверно, у него есть шансы вернуться обратно, в прошлое.

Принц сделал шаг вперёд, прочь от портала, и оглянулся по сторонам – всё вокруг вновь стало разрушенным и давно заброшенным. Точно таким же, как пару часов назад, когда он впервые вступил в крепость. Кто знал, что в его сводах скрывается такое? Принц всё же оказался прав в своих догадках, но прошлое оказалось спрятано надёжнее. Секреты не спешили раскрываться сами, нужно было изрядно постараться, чтобы крепость хотя бы начала приоткрывать свои тайны. Тайны, похожие скорее на сон, после которого Принц проснулся. Сейчас он стоял в серой, глухой пустоте, тишину которой изредка нарушали свист ветра над головой и отдалённые звуки льющейся воды. Но сон был таким… настоящим, таким живым! Единственный раз нечто подобное произошло с ним в Азаде, когда он шагнул в облако Песка, и его посетило видение. Он совершенно не помнил его, почти ни единой детали – и это мучало его все эти годы. Ему казалось, что в нём было что-то невероятно важное, то, что могло бы сильно помочь ему в поисках. Но тщетно – ни один обрывок из видения так и не посетил его больше никогда. Однако сейчас, несмотря на то, что это облако было очень похоже на то самое, из дворца Азада, Принц запомнил всё в деталях. Он ещё чувствовал жар после битвы с Шади, помнил её дыхание. Принц потрогал бровь – рана от удара её меча осталась на месте. Нет, это не могло быть сном, всё это было явью!

Вдруг он вспомнил, что сжимает в руке медальон. Взглянув на него, Принц вдруг почувствовал, что тот выглядит до боли знакомо. Очень глубокое воспоминание шевельнулось в нём – точно такой же он видел у Фары. Теперь ему было очевидно,

откуда она взяла его. Принц поспешил отогнать воспоминания прочь, сейчас было важно совершенно иное. Он не понимал, как именно он может им воспользоваться и на что ещё способен медальон, хотя он точно был из далёкого прошлого. Он не мог появиться у него в руке сам по себе. Теперь Принц держал эту частичку прошлого в своей руке и мысли в его голове переплетались также странно, как и потоки времени в этом месте. Его сознание открывалось чему-то невероятному, необъятному и великому. Какую силу он таит в себе? Принц чувствовал открывавшиеся перед ним возможности, но никак не мог ухватить суть. Он не знал, что ему делать с этими дарами, для того чтобы достичь своей цели. Он отлично понимал, что могло привлечь индийского Магараджу в этом месте. И что, если Хараз вместо поисков корабля будет ослеплён Песками и попробует завладеть ими? Сам Принц вовсе не питал иллюзий – Пески Времени есть зло, ужасное порождение этого места, которое не могло сулить ничего хорошего. Кто же создал их, и что двигало им?

Однако же, Принц был вынужден воспользоваться их силой, чтобы постараться изменить свою судьбу. Он был готов вообще на что угодно: бежать до остановки сердца, биться до последнего вздоха и буквально вывернуть это место наизнанку, лишь бы найти свой путь. Тот, что прекратит его бесконечный бег, скитания и страх. Его цель была желанной и определённой, как ничто другое – человек всегда цепляется за свою жизнь до самого последнего мгновения. Это не было вопросом героизма или чести, как в тех случаях, когда приходится спасать чужие жизни или восславлять великими деяниями свою страну. Все остальные его цели отошли на второй план. Это была безжалостная схватка с животным по имени Смерть.

Осознание этого делало для Принца тишину вокруг ещё более невыносимой. Даже если прямо сейчас ему ничего не угрожало, он чувствовал потребность бежать вперёд. Хотя, если он правильно понимал происходящее здесь, прошлое не продвинется ни на секунду, пока он здесь, в настоящем. И, стоит ему найти ещё один такой портал (теперь он не сомневался, что их достаточно в этой крепости), он перенесётся в прошлое ровно в тот момент, в который покинул его. Однако, вряд ли, Императрица будет ждать его с распростёртыми объятиями и просто так поможет ему.

Принц одел медальон на шею и вышел из портального зала к жертвенному алтарю. Вернее к тому, что он представлял собой в настоящем: лестница и платформа обвалились, часть пьедестала откололась и также сгинула в бездне. Кинжала здесь уже не было. Время пожрало всё, но при этом и дало простор для новой

жизни – буквально из стен росли витиеватые деревья, чьи стволы и ветви покрывали стены зала густой паутиной. Принц осмотрелся и нашёл точку, из которой он мог допрыгнуть до одного из деревьев. И, если древние кирпичи не выглядели надёжными, будучи готовыми в любую секунду осыпаться прямо под ногами, то эти стволы явно были достаточно крепкими.

«Однажды», – подумал Принц, – «это место вновь станет нормальным, таким как прежде. Всё обветшает и будет погребено под густыми зарослями. Никто и не вспомнит об этих местах и том, что здесь было».

Его единственным шансом сейчас были слова спасённой им незнакомки. Забавно – ведь он даже не знал, как её зовут. Можно ли ей доверять? Этот вопрос мучал его беспрестанно. Что за история приключилась между ней и Императрицей? Не может ли быть так, что она использует Принца в каких-то своих целях? Впрочем, она помогла ему и успела немало поведать. Сейчас у него был хоть какой-то, но план действий, и все его мысли были бесполезны, покуда он не достигнет тронного зала. Важно помнить лишь один из самых главных её советов – оставаться в тени, быть тихим, как ветер. И, если всё же придётся вступить в схватку, то никто, кроме него, не должен остаться в живых. Ему необходимо лишь до поры никак не выдавать своё присутствие.

Разбежавшись и ухватившись в прыжке за достаточно толстую ветку, Принц подтянулся, влез на изогнутый ствол дерева и прислушался. Ему пришлось наделать довольно много шуму, но далее он продвигался очень осторожно. Тишина вокруг оставалась по-прежнему такой же густой, и не было признаков присутствия кого-либо. Убедившись в этом, Принц осмотрелся и увидел в стенах зала несколько провалов, большая часть из которых была недостижима. Но на его счастье, один из них вёл обратно в церемониальный зал и был расположен правее входа, чуть выше того места, где висел Принц. Ловко перебираясь с ветки на ветку, он быстро очутился в нужном месте. Ему пришлось совершить ещё один, даже более рискованный прыжок – с дерева на край уступа. Но тот, на счастье, оказался достаточно крепким и Принц без проблем взобрался на него. Он сделал несколько шагов и взглянул вниз – именно там он встретил то странное существо. Принц плохо успел разглядеть его, но формой тела оно напоминало человека. Туловище, две руки, две ноги и среднего роста, вроде него самого. На тёмном теле виднелись какие-то белые отметины, даже на лице. Поступь его была тихой и поспешной. Но больше всего запомнились неестественно белые, светящиеся глаза и чёрный цвет кожи, овеянный какой-то дымкой. Возможно, что-то ещё было не так, но большего он не смог запомнить – слишком неожиданным и

кратковременным было появление этого существа. В любом случае, встречаться с ним ещё раз он не желал.

Этот зал, как и предыдущий, был полностью разрушен временем: балкон, на котором стоял Принц, почти целиком осыпался; пять из восьми колонн в центре зала обрушились и лежали на полу бесформенными глыбами, ещё одна упала на балкон на противоположной стороне и также обрушила его почти целиком. Тот выход, что вёл обратно в зал, который Принц мысленно называл Центральным, был завален. Ему придётся искать другой, более сложный путь. В этом месте нет ничего постоянного, всё меняется и трансформируется – значит нужно приспособиться и Принцу.

Где-то в глубине он осознавал, что сражаться с Императрицей – плохая идея. Даже если ей несколько сот лет, как говорили легенды, и она уже в глубокой старости, ей должно всё быть известно наперёд – каждый его вздох, каждое слово, жест или шаг. Возможно, ему удастся просто поговорить с ней, но обмануть её наверняка просто невозможно, во всяком случае, для него. А вот его новой знакомой, похоже, что-то известно. Что ещё могло так разозлить Императрицу, раз она послала Шади убить её? Ей известен какой-то трюк, какой-то способ обмануть Императрицу, скрыть от неё истинную линию времени или слегка исказить её. В таком случае ему действительно стоило разыскать её поскорее и добиться её расположения!

Его размышления вдруг прервали звуки чьих-то тяжёлых шагов. Сначала Принц, было, подумал, что вновь столкнулся с тем самым существом. Но спустя мгновение в его глазах промелькнул испуг и он вдруг осознал, кому они принадлежат на самом деле. Принц поспешил спрятаться за ближайшей глыбой, аккуратно выглядывая в щель. Шаги становились всё отчётливее, и у него уже не оставалось сомнений – Дахака нашёл его даже тут, на Острове! Вернее, пока не нашёл, но это лишь дело времени.

Меж тем, на противоположной стороне зала, там, где выход с уцелевшей части балкона был наглухо заделан решеткой, показался он. Страж времени, что пришёл за Принцем, который наивно пытается сбежать от своей судьбы. По сравнению с человеком он казался настоящим великаном, исполином, что был в два раза выше Принца. Его фигура чем-то напоминала человеческую – он передвигался на двух ногах, у него было две руки, но голова скорее походила на звериную, с двумя большими рогами, закрученными в противоположные стороны. Также, у чудовища практически отсутствовала шея, а на спине и руках виднелись какие-то наросты. Мощь чудовища производила впечатление – крепкое мускулистое тело и плечи огромной

ширины говорили о его невероятной силе. Кулаки были размером с человеческую голову, и, казалось, что он может этой рукой запросто раскрошить голову любому, кто встанет у него на пути. Воздух вокруг чудовища как-то странно дрожал, чуть ли не меняя цвет. Даже с большого расстояния Принц почувствовал обжигающий холод, который источал монстр. Сам он был практически полностью чёрным, с несколькими белыми отметинами на груди и руках.

Подойдя к решётке, Дахака издал грозный рык и одним мощным ударом выбил её из стены, роняя вниз. Кроме решётки, от стены отлетел ещё с десяток кирпичей, которые со страшным грохотом посыпались вниз. После этого он внимательно осмотрел зал. Принц знал, зачем он здесь и кого он ищет. И с ужасом ожидал исхода этой встречи, опасаясь того, что чудовище обладает особым чутьём и вот-вот обнаружит его. Но в зале было невероятно темно – это место было расположено где-то под землёй, возможно очень глубоко. Постояв ещё с десять секунд, Дахака повернулся и зашагал прочь. Ничто не выдало Принца.

Принц ещё долго не решался покидать своё укрытие – ему казалось, что монстр может вернуться в любой момент. Ему навсегда запомнился этот бездонный взгляд, в котором застыла вечность. И он отлично помнил, как стремительно его глаза становятся кроваво-красными от ярости, как устремляются к жертве его смертоносные щупальца и стремительно тают все надежды на спасение. Время породило действительно достойного стража, которому нипочём человеческое оружие – неважно, будь то мечи или стрелы. А самому монстру оно не нужно, потому что он сам – оружие. Смерть во плоти, для которой не помеха почти любые препятствия. Если что-то стояло на его пути – он разрушал это и продвигался вперёд. И не важно, что это было – простая решётка или ещё один человек, решивший поиграть с судьбой. Ничто и никто не устоит перед такой мощью.

Вся скверность ситуации заключалась ещё и в том, что единственный возможный путь Принца пролегал именно через то место, где только что прошло чудовище. Один неосторожный звук и он выдаст себя. И тогда вся ярость судьбы обрушится на него. Кто он, чтобы ей противостоять? Дарий погиб от руки чудовища прямо на глазах у Принца. Теперь, несмотря на то, что монстр куда-то ушёл, воздух обжигал Принца не только снаружи, но и изнутри. Холодный ужас забирался к нему в горло и сдавливал его дыхание. Его разум цепенел и отказывался мыслить рационально, уступая место каким-то животным инстинктам. Казалось, что тьма, источаемая монстром, могла гасить даже солнечный свет. И без того обветшалый зал на глазах превращался в прах жёлто-серого цвета, а в том месте, где

прошёлся монстр, даже спустя десять минут всё ещё клубился чёрный дым. Удивительно, как Принцу вообще удалось забраться так далеко!

Он старался сохранять самообладание, несмотря ни на что. Да, его руки немного тряслись и он инстинктивно тянулся к оружию, но его разум заставлял его двигаться вперёд. Смерть – это не та угроза, которую можно переждать.

Принц аккуратно прошёл по длинному уступу, что остался от балкона, ухватился за длинную ветку и аккуратно опустился на груду камней, что завалила вход в зал. Да уж, у него уйдёт целая вечность, чтобы разобрать этот завал! Спустившись по камням вниз, он дошёл до поваленной на стену колонны и взобрался, цепляясь руками за глубокие трещины и выемки, выкрошенные временем. Ему приходилось постоянно, изо всех сил вглядываться в темноту – свет сюда практически не пробивался. Добравшись до вершины колонны, Принц понял, что ему всё же придётся рискнуть и пройти пару десятков шагов над пропастью, полагаясь лишь на ветхую кирпичную кладку. Успешно преодолев этот участок, Принц остановился у края пролома, сделанного чудовищем, и прислушался. Где-то вдали снова завывал ветер. И больше ничего.

«Может быть, на этот раз он действительно ушёл?», – подумал Принц, понимая, что обманывает самого себя.

Но выбора у него не было. Он высунул голову в коридор, что был расположен за разъёмом. Там никого не оказалось, лишь чуть слышно гудела пустота вдали. Полумрак объял всё вокруг, так, словно наступал вечер. Принц сделал несколько шагов по коридору, в сторону противоположную той, в которую ушёл монстр. Он постоянно оглядывался назад, но ничего не происходило – вокруг было пусто. Впереди маячила лестница, на которую падал дневной свет – значит, зал был расположен не так уж глубоко под землёй. Принц дошёл до лестницы, всё это время почти прижимаясь к стене, будто пытался слиться с нею. В нишах около лестницы стояли какие-то статуи старцев в длинных робах с капюшонами и сложенными ладонями. Когда-то в прошлом через них пересыпался Песок. Каналы, по которым он тёк, пронизывали стены крепости, словно вены тело человека. Но это было в прошлом, а сейчас – лишь тишина и запустение.

Принц поднялся по лестнице и оказался в другом длинном коридоре, что тянулся по одной из внешних стен крепости. Это было понятно по высоко расположенным окнам, через которые на Принца глядел серый и холодный вечер. Он, всё так же стараясь быть максимально тихим, поспешил дальше. И вдруг, он начал осознавать, что поворот впереди не приближается ни на шаг, как бы быстро он ни шёл. Время словно бы замирало, вечер

превращался в холодную вечность, пустоту, полную отчаяния. Глаза Принца вдруг наполнились пониманием происходящего. Воздух вокруг него вновь стал тягучим, задрожал и всё рядом с ним – стены, статуи – словно бы начали терять свой цвет. Понимание сменилось страхом, сердце сжалось от предчувствия свирепой ярости, что была где-то совсем рядом. Ещё секунда и стена рядом с ним разлетелась на куски, и из пролома вырвался монстр. Дахака!

Принц отскочил в сторону, перебирая руками по полу и пытаясь бежать. Он потерял один из мечей, тот самый, что забрал у убитой им Шади. Но теперь жертвой был он. Самой настоящей добычей – хищник выследил его. Бежать! Бежать изо всех сил!

Дахака бросился вдогонку за Принцем. Он перемещался не так быстро, скорее его походка напоминала торопливый шаг. Но он отнюдь не был так прост – это не какой-нибудь неповоротливый великан. Само время подчинялось его силе, он дышал Песками и, идя по коридору, он перемещался отрывочно, продвигаясь вперёд сразу на несколько десятков шагов. Принцу же, наоборот, было очень тяжело бежать. Коридор так и не думал заканчиваться, но теперь Принц буквально своими глазами видел, как он вытягивается до бесконечности, стягивая ближайший поворот в маленькую точку вдали. Он начинал понимать, что это бесполезно – Дахака догонит его, разорвёт своими жуткими щупальцами и поглотит без остатка. Словно его никогда и не существовало.

На счастье, Принцу вдруг попалась маленькая арка в стене по левую руку, и он устремился в неё. Он попал на узкую винтовую лестницу, ведущую вверх и начал взбегать по ней. Это место было слишком узким для Дахаки – у Принца появился шанс оторваться от него! Но одно из щупалец чуть не достигло Принца, ему пришлось прыгнуть вперёд и упасть на ступеньки, отчего он сильно ударился руками и грудью. Часть удара поглотила нагрудная броня Принца, но от боли он всё же издал крик. Это отрезвило его, он поднялся с колен и бросился вверх по лестнице с удвоенной силой. Вскоре он выбежал через такую же арку, в тот же коридор, но ярусом выше. Их с Дахакой разделял один поворот коридора и лестница – вряд ли погоня на этом закончится и монстр так просто сдастся. Если уж само время не могло остановить его, то и лестница вряд ли. Семь долгих лет он выслеживал Принца, время от времени подбираясь к нему невероятно близко. Это он был тьмой в его снах. А теперь Дахака настиг его на этом острове, который и так был очевидно враждебным по отношению к Принцу.

Все эти мысли пролетели у него в голове подобно вспышке – он не мог позволить себе подобную роскошь – тратить время на размышления. Он стремглав бросился к выходу на балкон, который представлял собой ещё одну арку, но б*о*льших размеров. Позади себя Принц слышал всё те же тяжёлые шаги и грозное рычание. На одно мгновение ему даже показалось, что он разбирает что-то похожее на слова, но значение их ему было бы в любом случае непонятно. Низкий утробный голос сотрясал стены замка и эхом прокатывался вслед за Принцем, опережая своего хозяина.

Отбросив все размышления, Принц просто бежал вперёд, прочь, не особо разбирая дорогу. Ему было не над чем думать, правила этой игры были очень просты: беги или умри. Он мог надеяться только на свои собственные силы, выносливость и ловкость. Буквально через несколько мгновений зверь позади него вырвался из коридора. Кажется, он рассвирепел ещё сильнее. Но вместо того, чтобы броситься вдогонку за Принцем, он ненадолго остановился, схватил одну из упавших глыб и, с помощью рук и щупалец, швырнул её вслед Принцу. Тот бежал, не оглядываясь и не думая ни о чём, кроме того, что лежало впереди. Но зря, потому что этот гигантский камень предназначался не совсем для него. Он со свистом пролетел у него над головой и рухнул на пол балкона в двадцати шагах перед Принцем. Удар камня о камень получился столь сильным, что древняя конструкция просто не выдержала и осыпалась вниз, лишая Принца пути вперёд. Это заставило его вмиг переосмыслить ситуацию. Он понял, что он сильно недооценивал Дахаку. Это не просто дикий зверь невероятной силы, не глупое животное, от которого можно просто убежать, при должной сноровке. Этот враг был куда опаснее. Он атаковал всеми возможными способами – силой, хитростью и бесконечным упорством. Он был живым воплощением Песков, самой их сутью. Он не мог передумать или отступиться. Не знал сострадания, не был способен на пощаду. Он лишь мог становиться всё свирепее и коварнее, изматывая жертву до полного истощения.

Принц теперь понимал, что нельзя рассчитывать лишь на свои силу и ловкость. Но и забывать про них тоже не стоило – перед ним пропасть, а бежать ему осталось ещё шагов пять – и что тогда? Он немного поправил свою траекторию и изо всех сил побежал по стене слева от него. Он сделал несколько шагов и, в тот момент, когда сила тяжести уже почти начала тянуть его вниз, в объятия смерти, Принц ухватился одной рукой за решётку на окне. Повиснув буквально на секунду, он раскачался, и, нащупав ногой какой-то выступ (у него не было времени проверять его надёжность), оттолкнулся и прыгнул вперёд и

немного вбок. К высокой стене, что соединяла две соседние башни замка. Силы его прыжка было недостаточно, но он в полёте ухватил меч второй рукой и зацепился крюком на его конце за металлический штырь, торчавший из стены. Провернувшись на нём, Принц упал на спину и на доли секунды потерял концентрацию. Во время падения он выпустил меч из рук, и он прямо сейчас падал на Принца, опасно вращаясь в воздухе. В последний момент он увернулся от лезвия, неуклюже перекатившись вбок, поднял меч и побежал в единственно возможном направлении. Дахака выжидающе наблюдал за ним с той самой точки, откуда швырнул глыбу.

Добравшись до конца стены, Принц не обнаружил никакого входа или двери и, всё что ему оставалось, это спрыгнуть вниз, на другой балкон. Теперь между ним и Дахакой была пропасть, но вряд ли и это остановит преследователя. Принц на секунду остановился и осмотрелся: бежать вперёд было опасно, Дахака может достичь его ещё одним камнем и окончательно отрезать путь к бегству. А попасть внутрь замка не представлялось возможным – во всей стене было лишь одно небольшое отверстие, заделанное металлической решёткой из очень толстых прутьев. Кажется, он обречён. Он уже хотел было рискнуть продолжить бег, но вдруг произошло нечто неожиданное: всё вокруг задрожало и расплылось. На доли секунды Принц увидел вокруг себя прошлое: крепость вновь приобрёла свежий, величественный вид, повсюду были развешаны знамёна и горели факелы. И не было решётки! Но видение тут же пропало. Всё вновь стало старым и ветхим. Но решётки по-прежнему не было! Совершенно не понимая, что происходит, Принц решил, что разберётся с этим позже, и нырнул в свободный теперь проём. Стена в этом месте была очень толстой и могла сдержать даже Дахаку. Хотя бы на какое-то время. Тот же мгновенно сообразил, что именно делает Принц, и, высоко прыгнув в воздух, с лёгкостью перемахнул через бездну и приземлился позади него. К счастью последнего, он уже успел пробраться внутрь и отбежать на безопасное расстояние, чтобы не быть вытянутым обратно щупальцами монстра.

От тяжёлого приземления чудовища часть балкона в этом месте тоже обвалилась вниз, и зверь повис у проёма с помощью мощных рук и щупалец. Принц в последний раз бросил взгляд в полные ярости глаза и поспешил удалиться, пока Дахака не нашёл способ проследовать за ним. Ему нужно постараться убежать как можно дальше от этого места.

Теперь Принц понимал, что находиться в настоящем – совершенно не безопасно для него. Дахака нашёл его даже здесь, на Острове. Сейчас, пока он пребывает в этом времени, всё по-

прежнему – Пески были созданы Императрицей, украдены Магараджей и открыты Принцем во дворце Азада. Но в прошлом ничего из этого ещё не произошло, и Дахака не будет гнаться за Принцем, если он вернётся туда. Хотя едва ли и это время будет безопасным. Оно неумолимо течёт вперёд, меняет всё и с каждой песчинкой близится роковая минута, что за многие тысячи лет до рождения Принца определит всю его судьбу. У него начало складываться впечатление, что ему придётся сравнять это место с землёй, чтобы добиться своей цели. Или хотя бы получить шанс на это – непреодолимая глыба, твердыня, что преграждала ему путь к нормальной, спокойной жизни. Той, вкус которой Принц уже давно позабыл, теряя себя в бесчисленных битвах и бесконечной дороге. Он всё время убегал от этой жизни. Он всегда был своим самым главным врагом.

Пробравшись по заваленному какими-то бочками и обломками древнему, полуразрушенному коридору, стены которого поросли мхом и какими-то деревьями, а в стенах и полу, то тут, то там зияли огромные дыры, Принц вдруг увидел вокруг знакомые очертания. Кажется, он уже был в этом месте! Это та самая башня, в которую он проследовал, когда гнался за Шади и там, где он нашёл первый из порталов.

– Отлично! – приободрившись, сказал Принц себе под нос.

Он свернул в первый же дверной проём и обнаружил себя на третьем ярусе знакомого ему зала. Не теряя времени, Принц свесился с уступа в том месте, где перила раскрошились и упали вниз, и, спрыгнув, очутился на втором ярусе – тот был несколько шире, чем третий. Дальнейший путь вниз тоже не представлял особой сложности – одна из колонн, что поддерживала ярус, с годами упала на стену – Принц воспользовался этим и соскользнул вниз, собираясь обогнуть уже знакомый утёс. Теперь от цели его отделяло совсем немного – он твёрдо решил спрятаться в прошлом и направился к порталу.

Вокруг царила мёртвая тишина, а мрак вечера сгущался всё сильнее. Спустя несколько шагов Принцу услышал журчание воды. Удивительно, как что-либо могло сохраниться в этих руинах? Сколько сотен или тысяч лет назад была построена эта крепость? Неужели она устойчива даже к старению? Даже время не может поглотить это место, во всяком случае, вот так просто. Когда он путешествовал по Персии, он находил заброшенные городища, с начала запустения которых не прошло и сотни лет, а от них уже почти ничего не оставалось. Но эта крепость могла выстоять куда дольше. И найдись сейчас поселенцы для этого места – они смогли бы сравнительно легко всё восстановить и сделать эту крепость вновь пригодной для жизни. Но вот звуки воды стали намного более явственными – он уже близко! Принц

почувствовал прилив сил, и хотел, было, уже броситься туда, но вдруг услышал треск и грохот падающих камней, обернулся назад и увидел Дахаку, что нашёл путь сюда через крышу башни. Один прыжок и массивный зверь уже позади Принца, на первом ярусе. И вот в него уже летит очередная глыба. Не в силах убежать от неё, Принц отпрыгнул вбок, а затем побежал к глыбе, на ходу перепрыгнул её и рванул к спасительному порталу. Только бы он был открыт, только бы успеть!

Дахака преследовал его по пятам. Дойдя до брошенной им глыбы, он одним мощным ударом разметал мелкие осколки по сторонам. Один из камней угодил в плечо Принцу. Тот на мгновение подумал, что это удар чудовища или одно из его щупалец и повторил свой трюк – отпрыгнул в сторону, перевернулся через голову и изо всех сил побежал дальше. Но он не рассчитал, и, вдруг, перед ним выросла стена. Время поело её, она треснула, и часть кладки выпирала наружу. Принц воспользовался этим, почти бессознательно, интуитивно, пробежал по кирпичам по диагонали и, поймав равновесие, отпрыгнул вправо, в арку с льющейся водой. В это мимолётное мгновение полёта сознание Принца помутнело и расплылось. До арки оставалось всего несколько шагов, но они вытянулись в бесконечно длинный коридор, без дверей и иных ходов. Только он, пустая бесконечность впереди и холодная беспощадная вечность позади. Он словно бы сжат между ними, он тоньше волоса, он – никто. Он уже давно мертвец, герой грустных легенд о неотвратимости судьбы. Он легче воздуха и прозрачнее тени. Он сам – лишь тень самого себя в прошлом. В исступлении, Принц на секунду сомкнул глаза, и коридор сжался обратно, до своих нормальных размеров, напугав его неожиданностью. Почему это происходит? Только ли Дахака виноват в этом, или всё вокруг противится ему, сама крепость готова растягиваться и сжиматься, лишь бы довести его до безумия и столкнуть в пучину смерти?

Приземлившись, Принц снова не совладал с инерцией и пару секунд бежал на четвереньках. Он обязательно упал бы, но, вовремя сделав перекат через голову, всё-таки сохранил равновесие. Холодная вода обдала его тело приятной прохладой и немного взбодрила.

Портал закрыт! Он обречён, ведь это место – тупик! Дахака уже был в пяти-шести шагах позади него… И вот, чудовище, замедлившись буквально на мгновение, выпускает в Принца своим щупальца. Он уже никак не успеет отпрыгнуть. Его тело не слушается его. Он не чувствует вообще ничего, лишь замедленное дыхание времени. Мгновение, которое отделяло Принца от объятий смерти, застыло и растянулось в минуты,

часы, годы. Оно ничем не отличалось от предыдущих семи лет постоянных поисков и бегов. Дахака всё так же дышит ему в спину, он постоянно находится под прицелом его грозного удара, хотя он бежит так, что душа готова вырваться из него и остаться позади. Пожалуй, она уже покинула его и давно сгинула в этой слепой ярости, что была столь сильной, что охватывала и его самого. Вместе с холодом, она забиралась под кожу и чёрными иглами впивалась в сердце. Она сотрясала стены и отравляла воздух, местами словно бы сжимая его в точку или, наоборот, растягивая в бездонную пропасть. И, так или иначе, Принц падал в неё, всё глубже и глубже, иногда медленно и тягуче, а порой быстро и неумолимо. Одно только присутствие зверя рядом способно было уничтожить его, стереть в порошок, превратить в груду камней рассыпанных по полу. Человек в нём был разобран до косточки, в нём вообще почти не осталось ничего человеческого. Принцу уже начинало казаться, что он видит мир глазами своего палача, он смеялся над самим собой и своими тщетными попытками. Он уже желал своей скорой смерти, петля времени, которую он породил, теперь затягивалась на его шее всё сильнее. Он сам создал этого монстра, он…

Неизвестно, сколь ещё более тёмными могли сделаться мысли Принца, если бы вдруг зверь не взвыл и не отступил назад. Его щупальца, едва только они коснулись воды, что стекала плотной стеной по своду арки, отдёрнулись назад и Дахака издал душераздирающий вопль. Он мог обозначать только одно – это чудовище всё же чувствует боль, и оно не может преодолеть водную преграду. Но страх был ему неведом, и последовало несколько яростных ударов в стену вокруг арки. Однако стена была в этом месте невероятно толстой и не поддавалась даже такому могуществу. Несколько камней, спустя мгновение, полетело в Принца, но он уже успел прийти в себя и спрятался за ближайшей колонной. Эти броски были лишь отчаянной попыткой зверя что-то сделать в такой проигрышной ситуации. Но теперь тщетны были попытки чудовища. И, судя по цвету глаз, который вмиг сменился с красного на холодный белый, зверь всё осознал и лишь напоследок смерил Принца злобным, пронизывающим взглядом. И он был ещё страшнее его гнева – он буквально просвечивал его насквозь, обещая ему жестокую расправу при следующей встрече. И ещё через мгновение зверь исчез, воздух вновь приобрёл нормальный оттенок, а сознание Принца начало возвращаться к нему. Его бешеные мысли начали медленно занимать своё место в его голове, дыхание выравнивалось и вернулось чувство боли – удар камнем в левое плечо не прошёл совсем незамеченным.

Но, кажется, Принц так и не стал вновь собой до конца. Сколько раз он терял частицу своей души, падая в эту бездну? Сейчас, приложив медальон в центр углубления в портале, в который по спирально закрученным желобкам начал медленно стекаться неизвестно откуда взявшийся Песок, Принц переносился во времени, обратно в прошлое. Он ещё не верил, что Дахака ушёл и торопился – он просто оборвал верёвку, на которой висел медальон, перед тем, как воспользоваться им. Он чувствовал, что, летя по потоку времени, вновь теряет частичку себя. Его жизнь так мудрёно вплетена в эту паутину, что он не может вырваться, не навредив себе. Часть его души всё ещё жила где-то в том времени и месте, где юный глупец мечтал лишь о чести и славе, желая скорее напасть на дворец Магараджи и показать себя в битве. Другая – где-то там, в неизвестной точке пространства, в которой было важно лишь одно – Фара находится рядом с ним. Она любит его и доверяет ему несмотря ни на что. Но Принц забыл её, смирился с этой горькой потерей, так, словно бы она на самом деле умерла. И ещё одна его часть – вечно скитается в поисках избавления от тяжёлого груза. Но ещё одна часть, истерзанная и несколько безразличная ко всему, жестокая и с сознанием, напоминающим безлунную ночь, затянутую облаками. Такую, в которой с тёмными пятнами соседствуют лишь ещё более тёмные. Осколки его души разметало по всем этим местам и сотням других, что он посетил. Как их все найти и собрать? И вернуть на место так, чтобы они вновь были частью чего-то целого. Чего-то целостного, настоящего и живого. Тропа его жизни была так витиевата, что постоянно заплеталась в узлы и петли и напоминала скорее какой-то сон. Сон длиной в вечность и ценою в его жизнь.

Принц прошёл вперёд несколько шагов и оказался перед стеной воды. Он протянул вперёд руки и почувствовал живительную прохладу. Он умылся и утолил жажду, и только после этого осознал вдруг, что реальность вокруг переменилась. Замок вокруг него вновь расцвёл, как весенний сад, всячески демонстрируя своё строгое великолепие. Кажется, эти путешествия не проходят для него даром и его сознание отстаёт от тела. Оно не сразу принимает произошедшие изменения и какое-то время даже противится им. Но теперь, когда оно начало приходить в норму, Принц постарался сосредоточиться на более рациональных мыслях. Во-первых, он сумел улизнуть от Дахаки и заодно узнал хотя бы одну его уязвимость. Это может оказаться очень полезным в дальнейшем. Во-вторых, он вернулся в прошлое и пока не намеревался отправляться обратно. Однако если всё же придётся, у него, помимо важного знания, есть и важное умение – он может самостоятельно управлять порталом и раздвигать

границы времени. Теперь ему было понятно, что незнакомка имела в виду, сказав, что медальон представляет собой что-то вроде ключа. Он ещё раз внимательно изучил его, но не найдя ничего примечательного или нового, завязал оборванные концы верёвки узлом и одел медальон обратно на шею, спрятав его, на всякий случай, под одежду. Ценная вещь, она ему ещё явно пригодится, хотя он возможно и не догадывается обо всех её возможностях. Путь впереди был ему знаком и он уверенно двинулся вперёд, к залу со множеством ярусов, первый из которых, судя по всему, был тренировочной комнатой для солдат Императрицы. Сторожевая Башня, очевидно, примыкала к солдатским казармам. Теперь ему остаётся лишь добраться до входа в крепость и каким-то образом попасть в тронный зал.

Принц вбежал в уже знакомый ему зал и увидел вдалеке открытую дверь. Он обрадовался такому сокращению пути – ему не придётся карабкаться наверх и проделывать все эти трюки с полотном ткани. Тем более оно было там, где он его и оставил – снаружи. Принц тут же поспешил воспользоваться такой удачей и бросился к выходу.

Его отчаяние отступило. Возможно, близкое присутствие Дахаки так влияло на него, пожирая изнутри. Но его душа, его надежда были подобны крепости – ветхие развалины, которые вдруг превращались во что-то прекрасное. Промозглый вечер сменялся тёплым солнечным днём, и Принц вновь находил в себе силы бежать к своей цели, даже не видя её. И совершенно не представляя, как же она вообще может выглядеть. В такие момент он твёрдо решал для себя, что должен идти до конца. Любые перепады настроения, приступы отчаяния однажды отступят, нужно лишь продолжать идти. Или даже бежать. Если достанет сил, он пройдёт хоть всеми коридорами этого места, заглянет в каждый уголок, проломит любую стену и преодолеет любую пропасть. В нём билось сердце воина и ему не пристало опускать руки и сдаваться.

Когда Принц почти добрался до выхода, он вдруг услышал тихие быстрые шаги – их звук даже показался ему знакомым. Он посмотрел налево – вместо сплошной стены вдоль зала тянулась решётка, с высокой дверью в центре, которая, судя по всему, была заперта. Эта решётка отделяла зал от продольного коридора с узкими высокими окнами, по которому, перейдя с бега на шаг, шло то самое существо, что он видел незадолго до встречи с незнакомкой.

«Что же это за создание?» – подумал Принц, вглядываясь в абсолютно белые, чуть светящиеся в тени коридора, глаза. И тут же ему подумалось, что более подходящим словом, которым ему следует его называть, будет «Существо». Оно выглядело словно

ходячий мертвец, белые отметины на его лице походили на череп – словно бы его кожа была настолько тонкой, что можно было разглядеть кость. Возможно, так выглядит песчаный монстр перед своей кончиной. Тот, что прожил длинную жизнь, но не пал в битвах. Вот только едва ли можно назвать это настоящей жизнью – разум, пленённый Песками, растворился в яростной стихии, что напоследок стирала с него всякие следы того, кем он когда-то был. Существо не выглядело измученным, скорее лишь обеспокоенным. Оно так же внимательно смотрело на Принца, который для себя решил, что если ему доведётся столкнуться с ним лицом к лицу, то он убьёт его. Во-первых, из чувства жалости, а во-вторых из соображений безопасности. Что если он, подобно раненому зверю, цепляется за свои последние мгновения ещё яростнее, чем обычно?

Немая сцена продолжалась всего несколько секунд, но образ Существа крепко впечатался Принцу в память. Его чёрная кожа выглядела так, будто была сожжена, а вокруг него клубился какой-то дым или пепел. Казалось, что это шевелятся частички его кожи, то колеблясь, словно на ветру, то отделяясь от него, пролетая по воздуху и вновь врастая в него. А когда оно продолжило свой бег, за ним ещё пару мгновений был виден тонкий, едва различимый шлейф, который словно бы повторял его движения.

Принц остался стоять на месте. Он думал о том, насколько же враждебно это место. И даже не к нему, а вообще к любой жизни. Оазис смерти, что издали приманивает путников, а затем перемалывает их в бесконечный Песок, который пронизывает здесь всё насквозь. Это место полно сюрпризов. Неприятных, болезненных сюрпризов.

Эта встреча ещё раз напомнила Принцу о разумной осторожности. Ему начинало казаться, что опасность может появиться вообще откуда угодно – буквально стены могут ожить и напасть на него! Он бы, пожалуй, не удивился уже ничему. Выйдя на мост, соединявший Сторожевую Башню со входом в крепость, Принц обнаружил, что на земле лежало оставленное им ранее кроваво-красное знамя, а в воздухе кружили птицы. Принц сразу обратил внимание на их жёлтые глаза, отравленные Песками, и злобные выкрики. Сами по себе они были малы и не представляли никакой опасности – они были не под стать тем чудовищным птицам из Азада, но дело было в другом. Сама природа здесь уступила место Пескам, поддалась их тлетворному влиянию и вела себя крайне недружелюбно. И вдруг, словно бы вторя всем ожиданиям и опаскам Принца, птицы закружились вихрем где-то у него над головой. По мере их ускорения и всё возраставшей численности, вокруг этого живого вихря

образовывалась золотистая пелена, которая медленно, вместе со стаей, опускалась на землю. Принц сделал пару шагов назад и приготовился к схватке. Он чувствовал себя несколько растерянным – он не ожидал, что сопротивление будет таким повсеместным, а преображения – такими причудливыми. Перед ним появилось ещё одно порождение Песков, буквально родилось из вихря птиц. Оно было одето в сизо-чёрный широкополый плащ. Его лицо было практически полностью скрыто маской, были видны только острый нос и яркие глаза жёлтого цвета. Подол плаща словно бы развевался на ветру – он был изрезан на отдельные полосы, напоминавшие птичьи перья, и создавал иллюзию того, что его обладатель парит в воздухе. В руке, пальцы которой скорее напоминали когти, этот странный человек-птица сжимал изящный длинный меч, но сам он не двигался. Казалось, что он ждал, когда Принц подойдёт к нему сам, словно бы любезно приглашая его на поединок.

Оценив ситуацию, Принц решил действовать. Место, в котором парил монстр, имело круглую форму – мост расширялся и походил на маленькую арену. Возможно, Принцу удастся сбросить его в пропасть, так как, судя по всему, в действительности летать монстр не умел. Принц начал с короткой серии мощных и быстрых ударов по корпусу, но каждый из них был легко блокирован или попросту парирован странным существом. Тогда он сделал быстрый перекат в сторону и тут же нанёс сильный удар по ногам чудовища. Но его меч лишь рассёк воздух! Принц понял, что с таким противником он ещё не сталкивался – раньше ему было проще понять происходящее. Теперь же здешние реалии заставляли выходить на новый уровень. Всё здесь походило на закрытые двери, к которым нужно подобрать ключ. Каждый раз новый.

Занеся меч над головой, Принц бросился на монстра, пытаясь его обмануть. Стоило тому блокировать удар Принца, как тот резким движением откинул меч врага вниз, схватил его за левое плечо и, оттолкнувшись ногой от руки чудовища, одним лёгким прыжком перемахнул через него, собираясь нанести мощный удар в спину. Но ещё прежде, чем его меч коснулся монстра, последний вдруг поменял свой цвет на золотисто-песчаный. Его окутала такая же золотистая дымка, и он буквально растворился в воздухе, отчего удар Принца пришёлся уже по камню, из которого был сделан мост. Чудовище исчезло! Что это? Пустышка, обманка? Иллюзия? Кажется, это место начинает сводить его с ума, уничтожает его рассудок. Это объясняло, пожалуй, и его постоянные смены настроения, приступы страха и внезапные воодушевления. Этот замок выжимает из него все соки, эмоционально и физически истощает

его всеми возможными средствами. Что если вообще всё это место – мираж? Сон, который он видит, лежа на песчаном берегу? Или вообще видения после смерти, которая так и не подарила ему покоя?

Смотря куда-то вдаль, Принц вдруг вновь увидел Существо. Оно стояло напротив него, на таком же мосту, но между ними была бездонная пропасть, хотя и не слишком широкая в этом месте. В руке у него был топор, который он вдруг поднял и резким движением запустил прямо в Принца. Он увернулся, но лишь чудом – сработали его рефлексы, а сам он ещё оставался в плену своих мыслей. Однако это происшествие тут же привело его в чувство. Вспомнив о своём решении относительно Существа и, возмущённый такой дерзостью, Принц только и нашёлся, что злобно крикнуть:

– Эй, ты!

Но убегавшее Существо даже и не подумало обернуться или как-то ответить. Принц очень желал последовать за ним, но попасть на соседний мост не представлялось возможным. Не было ни единого хода, кроме запертых дверей. И тут же ему подумалось, что это к лучшему – эта погоня не сулила ничего хорошего и только отвлекала его от основной цели. Ещё одна иллюзия!

Теперь Принц почувствовал, что он нашёл, в некотором роде, ответ на свой вопрос, который подспудно зрел в нём уже давно – почему могущественная Императрица не обрушит на него всю свою мощь, не нашлёт на него сотни солдат, чтобы покончить с ним? Ей было это просто ни к чему! Она устроила ему небольшое испытание, которое раззадорило его и втянуло в гущу событий. И теперь он в плену этого места и, кажется, собственного разума. Границы этого времени надёжно охраняет грозный страж – у него нет никаких шансов выбраться. Чего же она хочет? Похоже, незнакомке не удалось убедить Императрицу в том, что Принц мёртв. Жива ли она сама? И не была ли она тоже лишь иллюзией?

Принц поспешил к величественной лестнице, ведущей в крепость. Теперь он уже не озадачивался вопросами скрытности и соблюдения тишины. Через пару минут он снова очутился в Центральном Зале, в дальнем конце которого высились огромные двери, которые, скорее всего, вели в тронный зал. Но на этот раз они были открыты. Императрица словно бы звала его в гости. Что ж, это по-прежнему был его единственный шанс.

Когда Принц уже преодолел больше половины зала, он вдруг услышал оклик. Знакомый голос!

– Мой Принц, вы живы! Погодите! – прокричал Хараз. Он стоял в том же самом проёме, что и во время прошлой их встречи.

– Почему ты всё ещё здесь? Тебе удалось найти кого-либо из команды? – озадаченно спросил Принц, остановившись. Он почувствовал неладное.

– Я здесь один! Меня вынесло на берег, и я пробрался сюда. Тайком, мимо взвода солдат, которые появились из ниоткуда. А потом было это место и я попал… в прошлое? – растерянно пробормотал Хараз. Он говорил так, словно бы их первой встречи с Принцем не было.

– Я же сказал тебе найти остальных и отправляться вместе с ними на корабле прочь отсюда! – ответил Принц, но скорее лишь для того, чтобы убедиться окончательно, что с Харазом было что-то не так.

– Мы… Ты… – ещё более растерянно залепетал тот.

Это был не тот Хараз, которого знал Принц. Не тот статный человек, с хитрым и проницательным взглядом, которого он много раз видел во дворце. И даже не тот, кого он встречал в этом месте в прошлый раз. Сейчас он лишь безмолвно ощупывал невидимую стену перед собой и умоляюще глядел на Принца.

Что с ним случилось? Потерянная, заблудшая душа, которая, кажется, вот-вот окончательно лишится рассудка. Он не помнил их первой встречи и этой тоже не запомнит. Сколько времени он провёл здесь? Его вид выдавал бесконечную, безмерную усталость, сотни лет без сна и отдыха – лишь постоянный, безостановочный бег по замкнутому кругу. Ещё одна из бесчисленных ловушек – и очередная жертва коварной Императрицы попадается в неё. Стоявший перед ним Хараз был словно зеркальным отражением самого Принца во времени – ещё немного и он сам начнёт сходить с ума, путаться и теряться в паутине времени и пространстве, забывать себя и всё произошедшее. И тут Принц вдруг подумал об остальной команде корабля – что если и с ними произошло нечто подобное? Это место, подобно водовороту, затягивает их всех в пучину безумия…

– Берегитесь! – вдруг воскликнул Хараз своим почти обычным голосом, указывая рукой за спину Принца. Тот схватился за меч и развернулся, ожидая увидеть Её. Однако же, его поджидал очередной неприятный сюрприз. Перед ним, буквально в десяти шагах, всё так же ухмыляясь, стояла Шади. Одной рукой она держала свой меч (тот самый, что остался лежать возле её тела), положив его на плечо, вторая лежала на холке огромного каменного пса, вроде тех, что Принц и команда встретили в джунглях. Второй послушно сидел по правую руку от неё.

«Только этого ещё не хватало!» – лишь успел подумать Принц.

– Вперёд! – рявкнула Шади своим верным псам. Она явно обладала какой-то властью над этими зверями.

Принц оказался в достаточно невыгодном положении – ему некуда было бежать и никаким образом не удастся избежать схватки. И его противники были невероятно сильны и свирепы – скорее всего, ему придётся туго. Но он всё ещё держался за мысль «ни за что не сдаваться и не отчаиваться» и усмехнулся в ответ:

– Одного раза тебе было мало? О, может быть, ты хочешь ещё и это заполучить обратно? – сказал Принц, касаясь медальона, принадлежавшего когда-то Шади.

– Верни мне его! А впрочем… я вернусь за ним попозже! – ехидно произнесла та и поспешила удалиться за двери тронного зала, на прощание демонстративно и презрительно махнув левой рукой, уже будучи спиной к Принцу.

У Принца не было времени удивляться происходящему – тому, что каким-то образом она осталась жива. Или Императрица воскресила её? Какой смысл тогда бороться с бессмертным врагом? Может быть, ему помог бы кинжал? – Обо всех этих вопросах он сможет себе позволить задуматься, только если останется в живых.

Столкновение с таким грозным, как эти псы, противником в лоб не оставляло Принцу вообще никаких шансов. В его памяти была ещё свежа прошлая встреча с ними, и он не решился атаковать. Вместо этого он, разбежавшись, перемахнул через них боковым сальто. Но ввести зверя в заблуждение таким трюком вряд ли получится – их реакция куда быстрее, чем у людей. Кроша каменный пол острыми когтями, псы развернулись и снова бросились на Принца.

И тут он вдруг почувствовал, что не может пошевелиться. А его смерть с огромной скоростью бежит прямо на него. Ещё мгновение и… Но на этом странности не закончились. Принц увидел самого себя, словно бы выходящего из своего тела и сражающегося с разъярёнными животными. Видел, как он погибает и ему на смену приходит второй, третий и так далее. Всё происходящее словно бы отдалялось от него, переставало казаться реальным, будто бы он видит какие-то другие слои реальности, в которых нет его самого, а есть лишь его бесконечные тщетные попытки. А в той реальности, где находится он сам, всё ещё в оцепенении, вообще не было никаких псов. И он каким-то образом одновременно видел все слои, разом, со всех точек, от лица каждого из Принцев, и не знал точно, какой из них он. Кто из них настоящий. Стоило сделать неверный выбор, и он мог навсегда остаться в плену этих иллюзий, со временем превратившись в кого-то вроде Хараза, который

беспомощно сел у края пропасти и стеклянными глазами смотрел куда-то вдаль, забыв самого себя. Пески победили его. Очаровали и уничтожили.

Принц ощутил, что перед ним снова закрытая дверь. Хотя путь в тронный зал был при этом совершенно свободен. Выходило так, что ключ нужен даже для открытых дверей. Или, может, наоборот, ему стоит что-то запереть, запечатать?

Принц попятился назад, схватившись за медальон. Если это ключ – значит, он должен работать и в обратную сторону? Он, тот самый, настоящий и единственный, хотел закрыться от кишащих вокруг него иллюзий. Все другие его копии были слишком заняты битвой с псами, чтобы держаться за медальон, а он мог. Он был как ориентир в этом хаосе, как талисман, что оберегал Принца. Ведь не случайно Шади хотела заполучить его обратно, даже если она тоже лишь мираж – сейчас Принц понимал это. Должно быть этот медальон – очень ценная вещь. И чем сильнее Принц сжимал его в руке, тем сильнее меркли все остальные его копии.

Пройдя за огромные двери, ведущие к тронному залу, он решил окончательно отгородиться от безумия, происходившего несколько минут назад и разрубил мечом канат, удерживавший противовес двери. Теперь остались только двое: он и Императрица с её трюками. Жаль, что незнакомки, помогавшей ему, скорее всего, уже нет в живых. Теперь его единственная надежда – медальон, который он поспешил спрятать, как только видения стихли. Императрица не должна знать, что он у Принца.

Проходя арку за аркой, череда которых вела к широкой лестнице вдали, Принц бегло оглядывался по сторонам – да, он был в том самом месте. Это – покои Императрицы, украшенные величественными статуями диковинных зверей, которых он никогда в жизни не видел. По полу тянулся бесконечный красный ковёр с золотистыми вкраплениями, над головой колыхались полупрозрачные полотна, резные колонны подпирали массивные своды, а воздух был исполнен золотистым блеском. Зал дышал свежестью и его великолепное убранство говорило об особенности этого места. Принц же мысленно готовился к сражению – у него не оставалось выбора. И вдруг он различил вдали знакомый силуэт – Песочные Часы!

Ему стало сложно сдерживать себя, поток мыслей и чувств, неизвестно откуда взявшихся, буквально переполнял его. Принц бросился бежать, отчасти позабыв об осмотрительности и осторожности. Трудно сказать, что именно так тянуло его вперёд, ведь прошлая его встреча с этими Часами не закончилась ничем хорошим. Что он сможет сделать сейчас, если у него даже нет…

«Кинжал!» – мысленно воскликнул Принц, увидев на нависавшем над Часами выступе знакомые очертания.

И тут же его пыл охладел – к нему вернулся разум. Кинжал, который он видел на алтаре, был обманкой, пустышкой. Отчего бы и этому быть настоящим, лежащим вот так просто, безо всякой охраны? Вокруг Принца не было ни души. Никто не стремился напасть на него или заговорить с ним. Песочные же Часы оказались пусты – они выглядели точно так же, какими Принц запомнил их, но без содержимого. Но они были вполне реальны – Принц коснулся стекла и в памяти всплыли неприятные воспоминания. Однако их пустота вселила в него надежду:

«Ещё не поздно!», – подумал Принц. «Это те самые Часы, но без Песка внутри. У меня ещё есть время остановить Императрицу!»

Принц поднялся по раздвоенной лестнице, в основании которой стояли Часы, и подошёл к кинжалу. Тот лежал на подставке очень похожей на ту, что Принц видел у алтаря. Он знал, чем закончится его попытка, но он всё же должен был попробовать. Принц протянул руку и приготовился к тому, что она пройдёт насквозь. Но она не прошла, он почувствовал предмет. Он с удивлением поднял кинжал в руке и осмотрел его. И с ещё большим удивлением Принц обнаружил, что кинжал, несмотря на то, что он его только что взял, как ни в чём не бывало, лежит на подставке. И стоило кинжалу, который был у него в руке исчезнуть из поля зрения – Принц всего на секунду отвёл взгляд – он исчез и из его руки! Принц повторил свои действия ещё несколько раз, в каждый из которых иллюзорный кинжал оказывался у него в руке и тут же исчезал – достаточно было хотя бы моргнуть. Он просто ничего не мог с этим поделать.

Озадаченный, Принц осмотрелся вокруг. Вдали, на возвышении, стоял трон Императрицы, а над ним нависали головы каких-то птиц. Но вокруг никого не было. Что всё это значит? Где же Шади, где сама Императрица?

– Помоги мне! – раздался голос незнакомки.

Принц повернулся на голос, туда, где ещё мгновение назад никого не было, и увидел девушку в красном платье, которую под руки насильно тащили двое – очень странного вида существа – вроде того, что Принц повстречал на мосту у Сторожевой Башни. Но вокруг не было птиц, они возникли из ниоткуда, а их одеяния были красного цвета и немного отличались – на них была броня, закрывавшая грудь и плечи. Лицо было так же скрыто под маской, а из-за спины торчали острые металлические шипы. В руке каждого из них был крепко сжат длинный изящный меч – кажется, они всегда были готовы к бою.

На троне сидела она. Императрица собственной персоной. Принц только хотел что-то сказать, но она сделал жест,

приказывая замолчать. И тут же заговорила сама, причём говорила она по-персидски, чем немало удивила Принца. Её голос оказался столь мощным, что стены вокруг задрожали. Принц не видел её лица – она сидела в отдалении, в тени навеса и была одета в длинную просторную мантию с капюшоном. И лишь её глаза горели в полутьме красными огоньками, внушая если не страх, то хотя бы трепет.

– Меня нет здесь. Я нигде и везде одновременно. А ты лишь видишь то, что я позволю тебе! – проговорила она, после чего взмахнула рукой так, словно подзывала к себе кого-то или что-то. И охрана, ведшая пленную незнакомку, сначала замедлила свой шаг, а затем пошла назад – Императрица повернула время вспять одним движением руки!

– Моё дитя, не такой судьбы я желала для тебя! Ты должна была помочь мне закончить дело, а не пытаться обмануть меня с помощью этой безделушки! – продолжала говорить Императрица, но уже не с Принцем, а с незнакомкой. Так, словно бы его тут и не было или, верней, они находятся в каком-то другом времени, слое реальности, а ему позволено лишь наблюдать за тем, что уже произошло. Поняв это, он осознал и могущество Императрицы – она была словно бы вне времени и любых ограничений и могла говорить с Принцем, которого не было в том момент рядом. А незнакомка звала на помощь вовсе не Принца – из-за спины вдруг показалась Шади, которая, злобно и торжествующе ухмыляясь, смотрела на пленницу.

– Помочь тебе? Той, что обрекла меня на верную смерть? Ха! – с отвращением произнесла Шади, плюнув под ноги. – Уведите её! Прощай, сестра!

Принц же просто продолжал наблюдать. Он понимал, что всё это не происходит на самом деле, а произошло раньше и ему лишь позволено взглянуть. Сестра? Дитя Императрицы? Пожалуй, его это удивило, он расценивал их обеих, скорее, как её слуг.

– Я знаю, зачем ты здесь, – вновь обратилась Императрица к Принцу. – И ты, в самом деле, думал, что я последую твоей просьбе? Оставлю то, к чему я и мои предки шли веками и тысячелетиями? Я ни за что не откажусь от создания Песков Времени! Их рождение выткано на полотне бытия с самого начала этого мира. Ты глупец, если решил, что можешь помешать мне! Две тысячи лет до твоего прибытия я с лёгкостью справлялась с любым, кто пришёл на мою землю. Неужели ты думаешь, что я не одолею ещё одного? Отчаянный одиночка, вроде тебя, – самый безнадёжный тип. Мне даже незачем сражаться с тобой – этот остров поглотит тебя и без моей

помощи. Я уже практически вне времени и лишь считанные часы отделяют меня от абсолютного могущества!

– Ты не…, – заговорил было Принц.

– Довольно! – прокричала Императрица в ответ. – Думаешь, ты первый? Полагаешь, ты один хотел остановить меня? В отличие от тебя, были люди и посмышлёнее! Даже в твоей команде. Удивлён? Да! Незадолго до тебя приходил самоуверенный и наглый выскочка по имени Хараз, который, тем не менее, не пытался меня остановить. Но он явно желал использовать меня и думал, что я с какой-то стати поделюсь с ним своим могуществом! Он хотел получить власть и подчинить себе Вавилон! И предлагал мне разделить этот триумф. Я рассмеялась и свела его с ума!

– Этого не может быть! Ты лжёшь! – яростно отвечал ей Принц.

– Зачем мне это? Подумай, зачем ещё человек, который зовётся правой рукой царя, отправился бы в такое путешествие? Что? Он твой верный товарищ? Он собирался защитить своего Принца? Не смеши меня! Ему просто надоело быть вторым! – говорила Императрица. Как ни странно, сейчас в её голосе не слышалось никакой издёвки. Что, если она говорит правду? И перемены в Харазе действительно соответствовали её словам.

После непродолжительной паузы Императрица продолжила:

– Ты можешь повидаться со своей подружкой – я даю тебе этот шанс. Всё равно она не представляет никакой серьёзной угрозы. Думала обмануть меня, надеялась, что я не замечу подмены в линии времени. Она абсолютна и неизменна! А бедняжка вздумала поиграть со своей судьбой. О, не за тем же ли самым и ты здесь? Конечно, конечно, понимаю! Вот только всё зря. Что касаемо неё – я не могу убить своё собственное дитя. А убивать тебя не хочу просто потому что ты забавный и мне любопытно, как долго ты сможешь продержаться. Ступай, найди её, она теперь моя вечная пленница, за непростительное ослушание и предательство!

Повисло молчание. Принц не решался заговорить, но не из страха, а осознавая тщетность. Императрицы, по большому счёту, вообще не было здесь, она лишь уделила ему пару минут, чтобы усмехнуться над ним.

– О, прости, где же мои манеры? Видишь тот кинжал? Тебе он, конечно же, знаком. Но как можно взять в руки вещь, которая находится в двух местах одновременно? Это под силу лишь мне. То же самое и с ней – одна её часть заточена в Механической Башне, среди гигантских машин, а другая – в довольно милом месте, в Саду, что расположен в противоположной части крепости. Её душа словно бы разорвана надвое, каждая её

половина – словно привидение. Даже если ты сумеешь добраться до неё, ты вряд ли сможешь спасти её. Разве что обмолвиться парой слов, пока она окончательно не потеряла рассудок. Ещё бы, находиться в двух местах одновременно, таких разных – должно быть, это тяжело! Не думаю, что она продержится долго. Можешь расспросить её о Перстне – всё равно этот трюк не действует на меня.

Императрица вдруг встала со своего места, и, за секунду до того, как свет упал на её лицо, она подняла руку, щёлкнула пальцами и растворилась в воздухе. А вместе с ней и весь зал. У Принца чуть-чуть кружилась голова и было чувство, словно в ней кто-то побывал. Он сам же каким-то образом перенёсся обратно в Центральный Зал, но на сей раз он не стоял внизу перед огромными дверьми, а оказался в проёме, на противоположной стороне от того, в котором видел Хараза. Он повернул голову назад и почувствовал, как оттуда веет свежестью и какими-то травами. Принц понял, что у него нет выбора – ему довольно-таки однозначно указали направление. Но у него была надежда и вполне обоснованная. Если Магараджа сумел выкрасть кинжал, это значит, что этот секрет доступен и простому человеку. И поэтому у него вполне есть шанс спасти незнакомку. Ему только осталось разобраться в том, что было иллюзией, а что нет. И неужели их разделяют целых две тысячи лет? Тогда, выходит, Магараджа одолел Императрицу в настоящем? А все эти двадцать столетий она безраздельно правила Островом и повелевала потоком времени?

Принц не помнил и не представлял того, как очутился в этом месте – значит, встречи с Императрицей попросту не было. Это лишь обман, внушение. Скорее всего, Шади в действительности мертва, ведь и её псы оказались ненастоящими, грозными пустышками. Но ими Императрица пыталась запугать его и в чём-то убедить, а, значит, либо Принц ей зачем-то нужен живым, либо она всё же опасается его. Ещё бы! Если всё, что она умеет, это хаос из обмана и иллюзий, а собственное дитя способно обмануть её, то, стало быть, она не настолько всемогуща. И Принц поспешил на поиски незнакомки в место, которое Императрица назвала Садом. Даже если и это обман, то вариантов у него всё равно было не много – двери в тронный зал были снова закрыты, а больше идти ему было некуда. Возможно, если даже Принцу не удастся спасти её из заточения, то она хотя бы успеет рассказать ему что-то важное, нечто действенное в борьбе против Императрицы.

Глава 15. Сад

Может, это и есть лучшая награда в жизни человека – убежать от шумной жизни и превратиться в молчание, которое оживает каждой ночью и продолжает свой таинственный путь, полный непонятных обычному человеку чудес? Чудо – помочь кому-то так, чтобы он сам не заметил этого влияния, нашептать что-то во сне и уйти прочь, не ожидая благодарности за то, чего как бы и не делал. Тихо бродить по миру в поисках сильных душ, нуждающихся в помощи. Пройти миллион дорог без сна и отдыха, подарив от себя всё, даже то, что есть только у такого незримого и бестелесного духа, живущего совсем по другим законам вместе с людьми, но не заметно для них…

Я видел сегодня чудесный сон – это он подтолкнул написать меня эти престранные строки. Сон, который почти повторял реальность, но многократно превосходил её. Общение с Джаттой подарило мне нечто такое, что поселилось глубоко во мне. Я не могу описать это словами, и мой сон с каждой секундой убегает от меня всё дальше. В нём я словно бы вышел из своего тела и превратился в чистое сознание. И был уже не собой, а кем-то другим. Или вообще никем – во мне смешались чужие мысли, чувства. Сознание Джатты тянулось ко мне, и я ощущал себя ею, в виде ослепительно-белого пятна плывущей над землёй в полной тишине. Я не вижу никакого объяснения всему этому, но теперь я странным образом вижу наперёд, как много может мне дать погружение в Пески и общение на языке сознания. Что нас ждёт – единое сознание или перевоплощение человека в новую форму? Или и то и другое одновременно? ***Жаль, что это был лишь сон. Ещё один в веренице моих странных, необъяснимых видений.***

Дневник Намтара, запись 35

***

Принц чувствовал себя как рыба, пойманная в сети, а затем выброшенная на берег. Он словно бы и был свободен от пут, но его новое положение скорее добавило ему проблем. Помимо того, что ему нужно найти обратную дорогу (он понятия не имел, как ему спуститься обратно в Центральный Зал), Императрица проникла в его сознание и внушила ему свои мысли. Показала ему целое видение, пробросив нити, опутавшие его, не только сквозь массивную дверь, но и сквозь время! Принцу ещё предстояло разобраться, что из всего этого было правдой, а что нет. И ему было почти нечего противопоставить ей – она насквозь

пропитана Песками; она может проникать в самые потаённые уголки его разума, сбивая его с верного пути. Кажется, он столкнулся с противником, который ему не по зубам. Даже против Дахаки у него было хоть что-то – он мог убежать. Принц не знал слабостей Императрицы – довольно трудно знать что-то о враге, даже ни разу не видев его в лицо. Но он знал того, кому, кажется, под силу хотя бы на мгновение ввести её в заблуждение. Как бы она ни храбрилась, кажется, незнакомка в красном успела изрядно насолить ей, ускользнув от её всевидящего и бдительного взгляда. И если хоть крупица из сказанного Императрицей – правда, то он, во что бы то ни стало, отыщет незнакомку. Если он спасёт её жизнь, значит, сможет спасти и свою.

Развернувшись и зашагав прочь от Центрального Зала, туда, откуда раздавались ароматы свежести и каких-то трав, Принц перешёл к размышлениям о том, где он оказался. Вернее, его больше интересовало то, как он здесь оказался – он не помнил этого. Словно бы кто-то вырвал часть его сознания и сдвинул время вперёд. Казалось, ещё несколько мгновений назад он стоял перед входом в тронный зал, готовясь к схватке с каменными псами, которые вдруг оказались миражом, обманкой. И вот, он уже в дверном проёме, что высился над Центральным Залом, отделённый от прежнего места бездонной пропастью, что мерно дышала Песками.

Проём был расположен высоко над уровнем пола в зале и отделён от него пропастью. Принц мог бы разбежаться столь сильно, чтобы допрыгнуть до него, но у него не было даже попытки. Проём был словно бы запечатан: Принц ощупал его руками, но повсюду натыкался на невидимую, чуть мягкую преграду, которая поблескивала золотом Песка. Он понял, что его ведут, им неявно управляют. Но если требовалось такое вмешательство, значит, оставалась надежда, что ему удастся найти то, мимо чего его хотят провести.

Чувство пустоты сдавливало Принца изнутри, он чувствовал потребность заполнить её, вернуть свои воспоминания. Словно бы он потерял часть самого себя, как будто теперь это был вообще не он, а кто-то другой. И он очнулся в этом странном непонятном мире на его месте, и понятия не имел, что ему делать. От этого голова у Принца чуть закружилась – ему на секунду привиделась какая-то другая жизнь. И дело было даже не в том, что в ней он был свободен от преследующих его Песков и Дахаки, а в том, что он был кем-то совершенно иным. Словно бы всё вокруг – сон, из которого он стремится вырваться. Он остановился и перевёл дух – насколько же глубоко можно погрузиться в иллюзию? Не является ли сейчас всё вокруг него выдумкой – неважно,

выстроенной Императрицей или его собственным воспалённым разумом? Он обязательно должен выяснить это. Кажется, теперь спасение его жизни заключается не только в предотвращении создания Песков Времени и бегстве от Дахаки. Теперь ему предстояло отделить правду от вымысла, увидеть себя словно бы изнутри и познать свою суть.

В этот момент Принцу казалось, что он смотрит на себя самого со стороны. Видел свои закалённое в боях тело, хмурый взгляд с рассечённой бровью и настороженную поступь. В его глазах по-прежнему горело стремление жить и, казалось, что этот бег может продолжаться вечно. Его пытка растягивалась в бесконечность, подобно тому, как вытягивались перед ним коридоры, когда он убегал от Дахаки. Вопрос был лишь в том, как скоро он сдастся, пытаясь преодолеть эту вечность? А что же Императрица? Да, за ней не гонится зверь, который хочет убить её, но ведь, скорее всего, она стремится к вечной жизни. В этом они были похожи с визирем. Видимо, перед тем, как Магараджа похитил Пески и расправился с Императрицей, тот успел поговорить с ней. Но каково это – быть бессмертным? Можно познать все истины мира, обрести невероятную мудрость, увидеть расцвет и увядание целых эпох, но не состариться ни на каплю. Не пытка ли это? Быть безмолвным наблюдателем – потому что твой голос растворится в веках – и бесконечно плыть по течению. Или даже против него – это не важно. Ничто не важно! Ты не отражаешься в вечности, но она отражается в тебе. Мир вокруг может рассыпаться в пыль, превратиться в воспоминания и даже забыться, но ты всё ещё здесь, пронизанный потоком времени и ошеломлённый абсолютным предвидением. Жизнь бесконечной Вселенной уже расписана судьбой до самого мельчайшего мгновения, и всё это – прямо перед твоими глазами. Как бы далеко ты ни заглянул – ты не увидишь чего-либо нового. При таком существовании всё теряет смысл – не имеет значения форма, в которой ты существуешь – человек ты или бесплотный дух.

Может Императрица добивается того, чтобы Принц понял её? Увидел то, что видит и знает она и просто потерял рассудок? И остатками сознания добровольно возжелал своей смерти, безропотно приняв её? Из-за неё Принц становился своим главнейшим врагом, утопая в пучине собственного сознания, затуманенного бесконечными иллюзиями. Императрица проникала в сознание Принца играючи – и теперь он принудительно вовлечён в эту игру, по её правилам.

Провал во времени и в воспоминаниях отчётливо подтверждался ещё и тем, что когда Принц добрался до тронного зала, был день – солнце висело почти в зените. Сейчас же оно

уверенно клонилось к закату, спадала дневная жара и откуда-то издали подбиралась ночь – ещё несколько часов и на небе зажгутся звёзды. Принц отвлёкся от своих дум, обратив внимание на солнце, и вспомнил случай в Азаде: тот самый, когда они с Фарой и Эссеном встретили визиря. Тогда, прямо перед их изумлённым взглядом, визирь заставил светило в несколько секунд преодолеть половину небосвода, превратив прохладное утро в жаркий полдень. Значит, что-то подобное произошло и в этот раз. Но погоня за утерянными воспоминаниями была бессмысленна – даже если в них было что-то такое, что может помочь ему, он скорее только потеряет драгоценное время. Раз его попытки не увенчались успехом, то ему лучше было сосредоточиться на поисках незнакомки и продумывании вариантов того, как может сложиться ближайшее будущее.

Меж тем, Принц продвигался в неизвестную ему часть замка. Дорога уводила его вверх, через множество лестниц и подъёмов. Виды здесь были куда живописнее строгих залов и мрачных коридоров – казалось, что её строил совсем другой человек. Если бы Принц не знал, где сейчас находится, то это место даже понравилось бы ему. Он переходил от террасы к террасе, пересекал лужайки и большие открытые дворы. Иногда откуда-то сверху лились водопады, переливаясь на солнце. И повсюду он был один, словно бы его отпустили свободно погулять по Острову. Никто не нападал, вокруг не было видно дворцовой охраны – во всяком случае, враг никак себя не выдавал. Свобода ли это или он действительно был рыбой, выброшенной на песок? Не было нужды убивать его – скоро судьба покончит с ним сама.

Пески, и так поглотившие крепость, пропитав её насквозь и превратив в нечто большее, способные сдвигать время и поворачивать его вспять, будучи преобразованными в новую форму, вероятно, будут способны на что-то абсолютно невероятное. И к обладанию этой силой и стремится Императрица – возможно бессмертие будет лишь приятным, но незначительным дополнением. Принцу сложно было представить это невероятное могущество, хотя бы, потому что он даже сейчас решительно не понимал того, что с ним происходит. В этих размышлениях он словно бы ходит по кругу, будто бы запертый в клетке зверь – его это невероятно злит, но он совершенно бессилен. Но, всё же, Принц пока ещё мог двигаться вперёд, и это приносило куда больше пользы. Даже если каждый шаг всё больше погружает его в пустоту небытия – пускай! Вся его жизнь превратилась в бег, до тех пор, пока он не будет пойман или не сгорит…

Принц решил отвлечься от сиюминутных поисков ответов и задумался о том, что он увидел в тронном зале. Даже если это в

действительности случилось несколько часов назад, для него это были события последних минут – они всё ещё буквально стояли у него перед глазами. Во-первых, он узнал, что Шади и незнакомка – сёстры, дочери самой Императрицы. И, видимо, она возлагала большие надежды на ту, что теперь уже была пленницей. А Шади она доверяла лишь охрану Острова, но не отводила ей какой-то особенной роли. Дитя, что пошло против воли родителей – ему это знакомо не понаслышке. В этом они с ней невероятно похожи и он чувствовал, что должен попробовать помочь ей, причём не только ради собственного спасения. Принц вспомнил свои ссоры с отцом – он даже грозился упрятать его в темницу, если он ослушается его воли и попытается покинуть Вавилон в такой важный момент. И кто бы пришёл тогда ему на помощь? Человеку нужна надежда – лишь ей жил он сам, а пока жил он – оставалась надежда и для неё.

Однако Принц был уверен, что Шади мертва и всё, увиденное им, – манипуляции с его сознанием. Попытки Императрицы запугать и запутать его. События, что он видел, наверняка происходили, но в другом виде. А может и вовсе в другом времени, до его прибытия на Остров. Возможно он видел часть того момента, когда дочь, подававшая большие надежды, – она собиралась сделать её своей преемницей? – впервые попалась на лжи. Но до него дошла какая-то переделанная, исправленная версия событий, сплавленная воедино с теми, что произошли уже после появления Принца и смерти Шади. События и образы перемешивались, словно клубы дыма, и было сложно разглядеть, что было реальностью, а что нет. Тем более, если реальностей было несколько. И, скорее всего, что-то подобное происходило сейчас и с ним – дым продолжал клубиться в его сознании и он не представлял, где именно он находится и куда направляется. Возможно, его конечная цель выглядит совсем иначе, и ему нужно приложить все усилия, чтобы разглядеть истину в этой густой дымке.

Одновременно с этими мыслями Принца одолевали сомнения и вопросы – к чему Императрице были все эти сложности? Ведь она могла просто запереться в тронном зале, скрыться в другом времени и не подпускать его к себе, спокойно завершая создание Песков. И он вряд ли смог бы что-нибудь сделать. Да, возможно, она действительно опасается его, несмотря на всю свою надменность и властность, но преимущество однозначно на её стороне. Она знает то, чего не знает он; она обладает особой силой, даже если вся её суть это пускание пыли в глаза, обман и запутывание. Тянет время, как и визирь когда-то, ведь Пески, в их конечной форме, всё ещё не в её распоряжении. Но как же так получилось, что он попал именно в этот момент в прошлом,

буквально за день до создания Песков? Все эти вопросы и противоречия сплетались в невообразимо сложный и запутанный клубок из временных линий и людских судеб. И не нашлось бы такого меча, что смог бы его разрубить. Принц всегда был готов к любой, даже самой отчаянной и жестокой схватке, но вот только теперь получалось так, что она сейчас ничего не решила бы. Ему не с кем было сражаться.

Возможно всё вокруг – одна сплошная иллюзия. Где же он тогда вообще? В вечном плену? Потерян? Как найти выход? Жив ли он вообще до сих пор? Все эти мысли приходили ему в голову, пока он продолжал идти в неизвестном направлении. Красота и необычность этих мест невольно рождали в нём подозрения о том, что ничего из материального вокруг него на самом деле не реально. А правда заключалась в том, что он пребывал внутри какой-то большой выдумки, чудесного миража, который должен был отвлечь его или сбить с толку. Что тогда с его телом, если движется лишь его сознание? Или иллюзия была поверхностной, и её задачей было лишь отвлечь Принца? Тогда за любой стеной мог скрываться тайный ход или истинный вид крепости. Он силился найти хотя бы маленькую трещинку, сквозь которую мог увидеть хоть что-то. Найти небольшой изъян в безупречной фантазии, – это помогло бы ему враз обрушить своды этой темницы разума. Но этого у Принца решительно не получалось – иллюзия была всепоглощающей, до мельчайших деталей походившей на реальность. Может быть, он всё же не прав? Одновременно со всеми подозрениями, его не покидало ощущение, что такие знакомые чувства и запахи не могут быть просто подделкой. Хотелось верить, что всё это настоящее. Неужели Императрица так глубоко проникла в его разум, что могла управлять его чувствами? Что его ждёт в конце пути? Неужели, в соответствии с её обещаниями, он отыщет несчастную пленницу? И он, как доблестный муж в сияющих доспехах, спасёт её от неминуемой гибели?

Не в силах понять окончательно, что же перед ним, Принц непостижимым для себя образом принял обе версии как истинные. Одновременно, несмотря на их полную противоположность. Только сложно было сказать – они сосуществуют, но не пересекаются, создавая полную картину происходящего, либо они перемешаны друг в друге и представляют собой некую третью сущность, которую едва ли можно описать словами любого из человеческих языков. Такая странная мысленная конструкция, которую Принц вдруг выстроил, буквально рассыпалась при любой попытке описать её словами. Но казалась достаточно реальной, если просто созерцать её, пусть даже и невольно.

Скорее всего, дело было в том, что вся крепость – это не просто место. Это и переплетение разных времён – каждая отдельно взятая комната могла оказаться наполненной другим временем – Принц уже успел в этом убедиться. В таком случае обычные двери и арки переставали быть обычными – это были окна в другое время. Правда до сих пор ему удалось столкнуться с таким всего лишь единожды, но вряд ли все секреты замка кто-то выложит перед ним на ладони. Он увидел лишь самое простое для осознания – порталы времени. Однако крепость была устроена сложнее. Принц даже не удивился бы, если бы, проходя через одно и то же место, он со временем не обнаружил бы какой-либо двери или коридора. Весь замок был одной большой выдумкой, опирающейся на скелет из камня и металла. Вся крепость – это чертоги разума Императрицы. Мостик между Песками и человеком, нейтральная территория. Логическая конструкция, фантазия, воплощённая в камне и позволявшая претворять в жизнь самые невероятные вещи. Она была бесконечной, по крайней мере, настолько, насколько на это хватало способностей самой Императрицы. Соединяя свой разум с Песками, она превращала всю крепость в нечто доселе невиданное. Неизвестно, что являлось продолжением чего. Порождал ли Песок её разум или наоборот? Или их слияние и было тем самым, что не поддавалось описанию словами, но всё же существовало? И создание Песков Времени окончательно завершило бы это слияние. Выходит, тогда и он станет частью всего этого? Но чем же это отличается от смерти в лапах Дахаки?

Принц вдруг представил, как Песок забирается ему прямо под кожу, пропитывая и наполняя его. От этого он становился всё больше и больше. Вот он уже не помещался в коридор, в котором он стоял и он бежит к выходу, но застревает, не в силах больше двигаться. Однако вместо боли он ощущает нечто иное – его так называемое тело, продолжая увеличиваться, принимает форму коридоров и залов, что встречаются ему на пути. Он – словно вода, заполняющая сосуд. И вот, он уже достиг всех, даже самых дальних уголков крепости – её пленник и единственный хозяин одновременно. А затем тело, вдруг, начинает таять, оставляя лишь разум. И этот разум не принадлежит ему. Он пронизан насквозь Песком, он и есть Песок. И это вовсе не его разум, а разум Императрицы, частью которого он невольно становился. Всё здесь было её волей, её сознанием. Стиралась граница между телом и сознанием, всё превращалось в Песок. И не было больше ничего.

Стеклянный взгляд Принца выдавал в нём не просто глубокую задумчивость, а полную отрешённость от какой-либо реальности. Он немного замедлился, но всё ещё продолжал идти

– этому по-прежнему ничто не препятствовало. В своём воображении он вдруг ясно представил бесконечность всех вариантов крепости и всевозможных мысленных конструкций – и это глубоко поразило его. Каждый его шаг ощущался как бессмысленное топтание на месте – он ничего не менял в общем хаосе. И эта бесконечность, несмотря на ожидаемое разнообразие возможных исходов, была одной большой ловушкой – любая тропа вела его к смерти. Судьба, встречая любое сопротивление, превращалась то в дикого зверя, то в лабиринт без выхода, несмотря на бесчисленность всевозможных ходов. Казалось, ещё секунда, и Принц застынет на месте как вкопанный и никогда не сделает более ни шагу. Превратится в каменную статую посреди этого невероятного лабиринта, до основания поражённый такой всепоглощающей ясностью и безысходностью.

И, может быть, так оно бы и произошло, если бы в следующую секунду он не споткнулся, вдруг, о неровно лежавший камень и чуть не упал. Это лишь на мгновение выдернуло его из плена собственных мыслей, но этого оказалось достаточно. Он вдруг осознал, что ещё секунда – и он сорвался бы в бездонную пропасть, которая готова была пожрать его без остатка. Этакая эмоциональная яма, которая сбивала поначалу его с толку, но теперь скорее воодушевляла его. Он осознавал, что Императрица не просто играет с ним, а бьёт, по-настоящему, ищет его уязвимое место – это хотя бы отдалённо походило на битву, к которым он привык. Он понимал, что может продолжать бороться за свою жизнь, пусть и ценой невероятных усилий. За следующие несколько минут он испытал эти чувства, своеобразные «взлёты» и «падения» ещё несколько раз. Его мысли прыгали от странных, но невероятно заманчивых «А не задержаться ли ему здесь?» и «Нужно ли торопиться?» до желания «Не оставить здесь и камня на камне, но лишь бы разрушить эту проклятую иллюзию!».

Ему обязательно нужно было успеть вовремя добраться до Императрицы, не только потому что после создания ею Песков Дахака уже никогда не отступится от своей погони за Принцем. Помимо этого его пугала мысль о том, сколь могущественна будет Императрица, создав Пески, если уже сейчас ей под силу такое? Как вообще Магарадже удалось победить её и забрать Пески в Индию, ведь он прибыл на Остров в момент, когда Пески уже были созданы? Успеть вовремя – его последний и единственный шанс.

Какое-то время Принц ещё размышлял о том, важны ли в таком случае его перемещения или всё дело в его отношении, состоянии его разума? Что если только сила мысли помогает ему

продвигаться вперёд? Перед ним словно бы открывалось два возможных варианта: продолжать двигаться и достигнуть цели (хоть и неизвестно, сколько времени на это уйдёт) или разом вырваться из плена иллюзий, одним решительным ударом прекратив все свои блуждания. Впрочем, второй способ был не более чем идеей, рождённой рассуждениями от обратного. Кроме самой идеи Принц ничего не мог предложить – он понятия не имел, как сбросить оковы в один миг и возможно ли это в принципе.

Его размышления вдруг прервал открывшийся перед ним вид, после так он вышел из очередного коридора. Он поистине поражал воображение, хотя и был при этом удивительно знакомым.

– Похоже, не только в Вавилоне можно открыть для себя всё великолепие висячих садов, – пробормотал Принц себе под нос, удивлённо осматриваясь по сторонам.

Он стоял у входа в огромный зал, который был расположен под отрытым небом и не имел четвёртой стены, а две боковые где-то вдали сходили на нет. При этом все они были покрыты густой растительностью, свисавшей то тут, то там. Растения вились вокруг колонн, были переброшены нитями от одного края до другого. Повсюду в клумбах росли цветы и душистые травы – этот запах был особенно знаком Принцу и навевал на него какую-то тоску по дому. Прямо из стен лились потоки воды, орошая часть растений, а затем устремляясь по наземным каналам к остальным. Прямиком от входа вдаль уходило два ряда деревьев, которые предварялись двумя статуями, окружёнными колоннами с едиными зубчатыми венцами. Изваяния изображали совсем юную девушку и женщину постарше, со строгими чертами лица, каждая из которых держала в руках большой кувшин, из которого также лилась вода. Устремляясь через небольшой слив в оросительные каналы, вода образовывала искусственный прудик вокруг статуи, делая всю конструкцию похожей на фонтан.

Вместо привычного каменного пола, всё вокруг было похоже на сплошной зелёный ковёр. На стенах было устроено несколько ярусов балконов, которые столько же густо были покрыты растительностью, а основания стен были не сплошными, а со вставками из красивых кованых решёток, обвитых зеленью. Откуда-то сверху дул ветерок, кружа в воздухе сорванные листья и лепестки – деревья позади фонтанов стояли в цвету.

Наряду с кажущейся нереальностью этого места – Принц привык к холодной строгости коридоров и залов, и вдруг такое! – он отмечал его схожесть с садами Вавилона. Он мог когда-то часами бродить по ним, пребывая в состоянии удивительного покоя и отрешённости от суеты. И в одну из таких прогулок,

стараясь заглушить рой своих мыслей по возвращении из Азада, он наткнулся на этот злосчастный символ, который был развешан тут повсюду – и даже в этом царстве природы нашлось несколько стен, на которые были нацеплены красные знамёна. Соединив эти мысли воедино, Принц удивился – его вдруг озадачивало такое сильно сходство между садами в Вавилоне и на Острове. А этот символ был связующим звеном – как такое возможно? Неужели потомки жителей Острова когда-то приложили руку к созданию висячих садов Вавилона? Впрочем, Принц знал от отца их настоящую историю и не удивлялся тому, что такое возможно. Но какова была связь между этими совершенно разными народами?

Принц вновь двинулся вперёд – в единственном доступном направлении. Он отмечал, как с каждым шагом в нём всё сильнее просыпаются воспоминания – они накладывались поверх того, что он видел, и сливались воедино. Порой ему начинало казаться, что он идёт не по Острову Времени, а по родному Вавилону и сейчас, за очередным поворотом он вдруг увидит гигантскую башню, пронзающую небо. Тем более, это место тоже было устроено подобно башне – Принц всё время поднимался вверх, от яруса к ярусу, от лестницы к лестнице. И тогда вдруг все его проблемы и мучения превратятся в пыль, растворятся в бездне воспоминаний, растаяв позади, как утренний туман. Словно бы он перемещался из сна в реальность, медленно покидая его и наблюдая, как мир превращается из причудливого и чуть диковинного в совершенно обычный и знакомый.

«Отличная попытка», – подумал Принц. Несмотря на силу и убедительность иллюзий, он ещё был способен распознать обман Императрицы. Опасность и ловушки поджидали его на каждом шагу, и теперь было понятно, почему вокруг не было никого из охраны, чтобы помешать ему – потому что настоящая битва происходила не на мечах и Императрица была достаточно могущественна, чтобы попытаться победить его в одиночку, своими методами.

Меж тем, Принц отметил, что за всё это время солнце так и не сдвинулось с места. Либо прошло так мало времени, либо это был ещё один трюк – вместо ускорения времени, Императрица пробует на нём замедление. Неважно! Он продолжит двигаться вперёд, несмотря ни на что. Ведь тот факт, что его противник продолжает закидывать его подобными обманками, говорит лишь о том, что он на верном пути!

Пройдя аллею из цветущих деревьев, Принц спустился по мраморной лестнице на открытый участок Сада, имевший форму вытянутой окружности. Он был усажен аккуратными кустами, кругами расположенными вокруг странной ротонды. Прямиком из её крыши била вода, а затем растекалась по куполу так, что

равномерно падала на землю по всему её периметру и уносилась прочь по каналам. В поперечнике ротонда была больше обычного, и у Принца возник закономерный вопрос – в чём смысл данной постройки? Но следующей догадкой он сам на него и ответил, вспомнив, где ещё он видел вход, отгороженный стеной воды. Портал! Но Принц меньше всего желал отправиться обратно в то время, где за каждым углом его поджидал Дахака. Вариант с порталом времени он решил оставить, как запасной план, если не останется другого выбора. Но, если Императрица действительно не знает о том, что медальон у него – портал не был активен – то этот шаг может быть для неё внезапным и он на время сможет пропасть из поля её зрения.

Обогнув ротонду, Принц оглянулся на портал в последний раз, какое-то время шагая вперёд, не глядя под ноги. Его мысли продолжали цепляться за идею путешествия обратно во времени, но он преодолел сомнения и зашагал прочь – эти сомнения тоже не были его собственными. Но, стоило ему повернуться, перед ним вдруг возник уже знакомый образ – монстр, который появился из песчаного вихря и стаи ворон, вновь парил перед ним в воздухе. Он, как и в прошлый раз, держал в руке длинный изящный меч и учтиво ждал Принца к поединку. Но тот, окончательно уверившись в том, что он способен отличать правду ото лжи, сделал несколько уверенных шагов вперёд и, не доставая меча, выставил перед собой руки и развёл ими в противоположные стороны, словно бы разгоняя видение. И монстр действительно исчез, оставив в воздухе лишь призрачную дымку, которая быстро рассеялась. Принц подумал о том, что ему осталось ещё повстречать Существо, чтобы закончить список чудовищ-иллюзий. И даже ожидал, что одновременно с возникшей у него мыслью последует реакция от Императрицы в форме очередного видения. Но этого не произошло.

Обернувшись, Принц ухмыльнулся и двинулся к краю огромного уступа, которым заканчивался этот участок Сада. Следующий же начинался по другую сторону ущелья, на откосах которого и была построена вся эта часть замка. Внизу чуть слышно плескалось море, а скалы в конце ущелья были увенчаны какими-то башнями, соединёнными с остальной крепостью и между друг другом длинными мостами-переходами. Между этими башнями и тем местом, где стоял Принц, на высоких вытянутых опорах были выстроены длинные акведуки с несколькими ответвлениями – они-то и были основным источником воды, принося её откуда-то с гор.

Вдруг, внимание Принца привлекли какие-то силуэты на мосту около одной из башен. Сквозь многократное эхо потоков воды, гулко отдававшегося от стен ущелья, Принц едва

различимо слышал крик… людей. Это казалось чем-то действительно необычным после длительной тишины, которую нарушал изредка лишь его же голос. Принц вгляделся и увидел несколько человек, которые машут ему руками и что-то кричат. Он узнал в них кого-то из членов команды, но что они делают здесь, да ещё и в этом времени? Они должны были уплыть на корабле подальше от Острова, оставаясь в настоящем и, возможно, дожидаясь Принца. Нет, это не может быть правдой! Очередной обман! Ведь Императрица говорила только о Харазе…

Принц на секунду закрыл глаза и встряхнул головой из стороны в сторону. Когда он открыл их, вдали никого не было. Что ж, отлично, он сумел справиться и с этим видением, но стоит отдать должное Императрице – с каждой новой попыткой она становилась всё изобретательнее. Пожалуй, самое реальное, что было сейчас перед Принцем – это широкая пропасть. Перемахнуть через неё не представлялось возможным – для этого ему понадобились бы крылья, а посему следовало найти какой-нибудь более реальный путь. Побродив вокруг, он наткнулся на лестницу за кустами, что уводила прямо под землю. Не видя иных вариантов, Принц спустился по ней и, один раз круто повернув, вышел к широкому каменному мосту, соединявшему края ущелья и стоявшему на гигантских каменных опорах, уходивших в воду. Почему он не увидел его сверху? Неужели она способна даже на это? Ему нужно найти какой-то способ прятать свои мысли от Императрицы. Может быть, медальон способен на это и он – нечто большее, чем просто ключ? Ведь, по сути, он управляет им с помощью своего разума, хоть и решительно не понимает, как же именно.

Пройдя по мосту, Принц поднялся по похожей лестнице и решил оглядеться. Здесь всё выглядело несколько иначе – вместо огромного зелёного ковра, покрывавшего даже стены, в этой части Сада было устроено несколько ярусов, на которых росли деревья и какие-то непонятные растения. Деревья уже успели принести плоды, что яркими оранжевыми и красными каплями свисали с веток. Скорее всего, здесь выращивают пищу для … кого? Императрицы и её двух дочерей? Вряд ли песчаным чудовищам нужно пропитание.

И вдруг Принц увидел то, что поразило его больше остального – он увидел людей. Прямо перед собой, шагах в сорока. Они ходили от куста к кусту, от дерева к дереву. Кто-то – с корзинами для сбора фруктов и овощей, кто-то с инструментами или огромными мешками – все были явно заняты работой. Принц, было, подумал, что перед ним очередная иллюзия, но вдруг его сзади кто-то толкнул в плечо – один из людей прошёл мимо, задев его большим мешком. Поняв, что это не мираж, Принц вгляделся

в их лица. Они были понурые и безучастные. Никто не разговаривал друг с другом – все просто работали, как части какого-то механизма. Их взгляды ничего не выражали, может только лёгкий оттенок безмерно глубокой печали, которая, однако, померкла со временем. Принц вспомнил Хараза и его растерянные слова во время их второй встречи. Что, если он окончательно лишился рассудка и сейчас ходит где-то среди этих бедняг? Некогда знатный вельможа великого Вавилона, он превратился в обычного садовника, без памяти и воли. И теперь он прислуживает Императрице, что уничтожила его сознание, но оставила человеком – Принц обратил внимание на то, что глаза этих рабов всё же совершенно человеческие, в них не было ни искорки оранжевого или жёлтого цвета.

Принц догнал того из них, что задел его по плечу и схватил за руку, со словами:

– Эй, скажи…

Но тот бесцеремонно отдёрнул руку обратно, отмахнулся, как бы отталкивая Принца, и зашагал дальше по своим делам. Принц повторил попытку ещё несколько раз, с другими рабочими, но каждый раз был похож на предыдущий – эти люди не принадлежали себе и не видели никакой другой цели, кроме исполнения воли Императрицы. Их рассудок помутился, и у них уже не было никакого шанса на спасение. Так вот, значит, какая судьба ждёт и его? Сначала Хараз, а теперь он? Теперь ему было понятно, откуда возникали эти странные мысли вроде «А что если остаться тут, в безопасности?» или «Нужно ли мне спешить?» – Императрица желала сломить его волю и превратить в послушного безвольного раба. Бесконечно удлиняя его путь и дожидаясь момента, когда он выдохнется, и физически и морально.

Выходит, люди по-прежнему жили в этих местах, но они давно покинули свои жилища на внешнем острове и живут прямо здесь, возможно, ночуя под открытым небом, влача рабское существование. Узники собственного разума – они даже не совершали ошибок вроде той, что допустил Принц. Им просто не повезло родиться на этом проклятом острове! На мгновение у Принца даже мелькнула идея освободить их от мук, прервав им жизнь. Но он колебался – убивать безоружных не входило в его привычки. Он чувствовал к ним жалость, но был бессилен. Единственное, что он мог – постараться не повторить их тяжёлую судьбу.

Но эту самую судьбу ему, очевидно, всячески пыталась устроить Императрица, лишив его воли и превратив в жалкое подобие, тень прошлого человека. Наверно, она поступала так со многими врагами, если угроза была не слишком явной. Откуда

ещё тут взяться этим рабам и песчаным воинам? Ведь нужно было кого-то постоянно находить на замену павшим. Поэтому, Императрица и не стремилась убивать своих врагов – захоти, она бы смогла разделаться с Принцем в мгновение ока, натравив на него всю свою армию. И, если ему удавалось вырваться из лап Дахаки в настоящем, то, возвращаясь в прошлое, он непременно попадал в её мир и становился своеобразным узником этого места, хотя он и мог продолжать свободно перемещаться.

Смотря на рабочих, Принц вновь задумался о Существе, с которым ему довелось встретиться несколько раз. Что, если он ошибается в своих предположениях? Что, если он – не измученный Императрицей раб, как эти люди вокруг него и он вовсе не бежит навстречу своей смерти? Его враждебность к Принцу может быть объяснима тем, что он враждебен вообще всему, кроме каких-то своих собственных целей. Что если это тот, кто бросил вызов самой Императрице даже несмотря на то, во что она превратила его? Или он один из тех, кто прозрел? Но если он так и не встретил его в этой иллюзии, значит, Императрица и не догадывается, что они встречались? Или, скорее, вообще не знает о его существовании?! Что ж, очередную встречу с ним можно будет считать знаком того, что Принц вернулся в реальность.

Вдруг, он осознал ещё одну проблему: его внимание бесконечно распыляется на посторонние вещи. Какое ему, в конце концов, было дело до судьбы всех этих рабов и этого Существа, если он со своей-то никак не мог совладать? Да ещё и Императрица постоянно подливает масла в огонь, поминутно сбивая его с толку и пытаясь задержать или вовсе остановить. Нет, довольно!

Принц достал из под доспехов медальон и вгляделся в него: всё тот же полумесяц с жирной точкой в центре. Он внимательно вглядывался в эту точку и думал о том, что может попробовать переместить свои мысли как бы внутрь медальона. И тогда его верные догадки о том, где пройти или что сделать не будут увидены Императрицей, но превратят медальон в ключ ещё более могущественный, чем прежде. Концентрированная мысль, которая не подвержена искажению и позволит ему нащупать тайную дверь в этой странной искусственной реальности. При этом он может думать о чём-нибудь таком, что отвлечёт Императрицу и обманет её относительно его реальных целей.

Прижав медальон ко лбу и закрыв глаза, Принц подумал о том, как доберётся до места, где держится в заточении незнакомка, которую он спас от Шади. Используя медальон, он дойдёт туда как бы незамеченным, потому что сейчас он уберёт его ото лба, откроет глаза и будет думать о чём угодно –

вспомнит, например, о Фаре – и её мираж тут же всплывёт перед ним, он уверен. А затем он представит, что впереди его ждёт тупик, и он в отчаянии будет колотить по стене, не видя иных путей. И убедит себя в том, что забыл даже о запасном плане – путешествии через портал в настоящее. А ещё убедит Императрицу в том, что он отчаялся и вот-вот лишится рассудка, как Хараз. Но медальон будет помнить правду, и будет вести Принца, за пеленой обмана перед глазами Императрицы. Бить врага его же оружием – просто превосходный план!

– Ты что, забыл меня? – раздался голос Фары откуда-то сзади.

Принц с неудовольствием отметил, что видение очень убедительно и действительно глубоко задевает его чувства. Но он сделал вид, что дал волю своим чувствам, представил, как бросается в объятия этого миража. Как верит в него настолько, что способен убедить себя в его материальности – настолько, что чувствует тепло её рук, слышит её дыхание… А в это время медальон ведёт его, движимый истинной его целью, которую он передал ему с помощью своего разума. Медальон был подобен факелу, что помогает проделывать путь в абсолютной темноте. И пока сам Принц пребывает в плену иллюзий и видений, его мысли живут в медальоне и он на самом деле движется вперёд, а не топчется на месте. Так, словно бы он находится сразу в двух местах одновременно, но одно из них настоящее, а другое – нет.

Чувствуя, как его сознание буквально рвётся надвое, Принц продолжал подниматься наверх, к тому месту, которое было похоже на выход. Превозмогая безумие, охватившее его сознание и полное непонимание происходящего, смешанное с не вовремя обострившимися чувствами, Принц, наконец, добрался до огромной двери. Снизу он видел, что никакой двери нет, теперь же она была – ещё один мираж! Для того Принца, которого видит Императрица, ненастоящего, фальшивого. А настоящий, хоть и не подавал виду, был уверен, что пройдёт прямо насквозь.

С размаху ударившись лбом о большую деревянную двойную дверь, Принц в один момент переоценил обстановку и с нежеланием осознал, что дверь всё же вполне реальна. На какие-то секунды, ещё не придя в себя до конца, он в отчаянии бросился ощупывать стену рядом, надеясь, что ему удастся обнаружить провал или тайный проход. Что хотя бы маленькая её часть окажется видением, пустышкой. Но этого не происходило и, медленно, но верно, к нему приходило осознание того, что его план провалился – он не сработал либо вообще, либо практически. Да, ему довелось по-иному взглянуть на видения, подкидываемые Императрицей, но обмануть её всё же не удалось. Может, только если слегка и совсем ненадолго. Он нехотя

обернулся и взглянул на портал, что виднелся в центре круга на предыдущем участке Сада. Теперь это его единственный шанс, но на этот раз у него будет одним врагом больше. Хотя, возможно, чары Императрицы не настолько сильны и не действуют сквозь столь огромные временные промежутки. По крайней мере, путь обратно был ему известен и скорее всего ему не составит труда опять использовать медальон для путешествия во времени. Весь обратный путь он проделал с чувством горечи от неудавшегося плана обмана. А ведь поначалу он даже ощущал лёгкий восторг – столь изящным казался ему этот трюк. Но, увы, его раскусили почти сразу же. Что ж, время – его враг и союзник одновременно. Это отлично согласуется с идеей двойственности этого места, которое одновременно было и не было иллюзией. Нужно только вовремя уметь отличить одно от другого. А нормальное течение времени вообще не имело особого смысла в этом месте.

Принц ещё несколько секунд постоял у двери, опершись на неё рукой и закрыв глаза. Открыв их, он повернулся и опешил: он очутился в другом месте! Но ладонью он всё ещё чувствовал деревянную дверь. Кажется, он очутился по другую её сторону! Но как? Он отлично представлял себе тот путь, который привёл бы его за эту дверь – возвращение в настоящее, где дверь сгнила и упала с петель, очередная встреча с Дахакой и возвращение в прошлое. Управляет ли Императрица волей этого чудовища? И реальна ли всё-таки дверь перед ним? Или он опять провалился во времени?

Принц обнаружил себя под сводами какого-то зала, вырезанного в скале, но в его глубине он видел лишь туманную тьму – путь впереди страшил абсолютной неизвестностью. От камня веяло прохладой и сыростью, а вокруг стояла нестерпимая тишина. Принц попытался сделать несколько шагов навстречу неизвестности, но в то же мгновение на него буквально обрушилось отчаяние, исполненное порывами убежать. Нестерпимое желание оказаться по другую сторону этой двери, покинуть то место, куда он так стремился! От этого его разум буквально разрывался на две части, Императрица словно бы сталкивала его с самим собой – такая невероятная борьба происходила внутри его головы. Ему казалось, что он действительно находится в двух местах одновременно.

Открыть запертую дверь, находясь с нужной стороны, вовсе не сложно, и Принц ощущал, что не в силах противиться этому стремлению. Он буквально держался на волоске. Вытерев пот со лба, Принц открыл глаза и увидел, что вновь находится снаружи, у этой проклятой двери. Что это было? Видение будущего? Но единственная цель, с которой оно ему было показано, – запугать его. Императрица, кажется, поняла, что сломить его волю не так-

то просто и начала искажать не только реальность и время вокруг него, но и будущее, его ближайшие планы. Они представлялись ему туманными и опасными, но он их не помнил. Слишком мало он пробыл тем Принцем, по другую сторону двери. И, пожалуй, он не мог помнить того, что ещё не случилось. Или забывал словно сон. Кошмарный сон, от которого он вдруг резко очнулся в холодном поту, не помня почти ничего – мимолётное видение тут же уплывало прочь. Ускользало, как песок сквозь пальцы. Чтобы постичь это будущее, понять его – его надо было прожить. Вот только было ли оно вообще будущим, тем, что действительно случится?

Этот единственный, но верно заданный вопрос, вдруг окатил Принца волной осознания. Глубинного озарения, от которого он застыл на месте, его взгляд упёрся в одну точку на двери, а по спине пробежал холодок. Не то ужаса, не то восхищения коварностью Императрицы и изворотливостью её ума и фантазии. В этом месте время текло по-особенному – будущее было прошлым, а прошлое – будущим. И весь свой путь от Центрального Зала до этой двери он словно бы проделывал в обратном направлении, видя реальность подобно отражению в зеркале! И начальная точка была конечной, а конечная – начальной. Где-то там, во тьме, лежит настоящее начало. Но он раз за разом убегал от него к Центральному Залу – точке, в которой переставал помнить что-либо, чувствовал себя совершенно потерянным, забывая истинную цель – то, что и нужно было Императрице! Уже в десятый или сотый раз, до тех пор, пока окончательно не сойдёт с ума. Он должен, во что бы то ни стало, добраться до истока, что лежит где-то за этой дверью – зеркалом реальности, несмотря ни на какие угрозы и трюки противника. Это настоящий вызов!

По эту сторону двери Принц ощущал себя в ловушке. Ему было известно будущее – полное забвение, с которого он начал свой путь, было на самом деле концом этого пути – стоило ему повернуть назад и его точно будет ждать этот безрадостный финал. Начало же лежало где-то за дверью, в истинном прошлом. Его разум отчаянно противился такому представлению о времени и пространстве – в нём все привычные нормы ломались, выворачиваясь наизнанку. Он не чувствовал мир вокруг себя в привычном смысле, не мог нащупать ту нить, держась за которую он смог бы попасть в нужное ему место и время. Но эта точка, возле двери, несмотря на всю противоречивость мыслей и ощущений, была спасительной для него – тут его рассудок был как никогда трезв и холоден. Ему предстояло обыграть самого себя – ведь он был просто отражением того, кем он успел ощутить себя на секунду. Его сознание сейчас в той иллюзии, которой он

являлся, а его настоящим телом владел вообще неизвестно кто – кажется, теперь Принц понял, о чём говорила Императрица, сказав «Только мне под силу находиться в двух местах одновременно!».

Единственный образ, который приходил ему в голову сейчас, – это бег спиной вперёд. И это позволит перемещаться ему из будущего в прошлое, в малом масштабе. Передвигаясь в пространстве, таким образом, он перемещался во времени – даже там, где оно вообще остановилось. И только достигнув истока, он смог бы снова полноценно стать самим собой, объединив свои тело и разум! С каждым шагом, что он делал прочь от Центрального Зала, он не начинал больше понимать – он лишь вспоминал то, что уже знал.

Что же позволило ему не упасть в бездну, остановиться у черты и сохранить сознание? Неужели медальон, что сохранил частицу его разума? Кажется, он до сих пор сильно недооценивал его ценность и истинные возможности! Тем лучше, что Императрица не знает о том, что Принц им обладает. С его помощью он сможет попасть за эту дверь, вырвавшись из ловушки, в которой он оказался – пленник собственного сознания на полпути между тупиком и абсолютным забвением. Если бы Императрица хотела заманить его во временной портал, она оставила бы его действующим. Но вместо этого она желала запереть его в тупике, не зная, что у Принца был медальон! Оставалось лишь надеяться, что всё это происходило с ним впервые и он не бегал туда-сюда множество раз, а лишь сумел удержаться на краю, не впав в беспамятство. Просто он не сразу верно представил себе ту петлю, в которую он попал.

Не теряя больше ни минуты, Принц бросился вниз по террасам, мимо всё так же понуро и монотонно что-то делавших рабов Императрицы. Он пересёк мост, поднялся по лестнице и нырнул под купол ротонды, где был портал времени. По пути обратно он лишь замечал, как по кусочкам тает его сознание и тускнеет память – нужно быстрее продолжить двигаться в выбранном направлении! Всё это походило на начало сна, когда изо всех сил силишься удержать в сознании все детали и мысли о происходящем, но это выходит с огромным трудом.

И тут Принц вдруг заметил, что портал уже был задействован! Ему не понадобилось даже пользоваться медальоном, чтобы повторить путешествие во времени. Он шагнул в песчаное облако и почувствовал, как вихрь подхватывает его и утягивает за собой в настоящее. Выходит, Императрица передумала? Но только лишь затем, чтобы устроить очередную ловушку!

Выйдя наружу, Принц сразу же приготовился к неприятной встрече. Но вокруг было по-прежнему тихо и пусто. Только всевозможной растительности стало намного больше – зелень буквально покрыла это место целиком, даже саму ротонду. Деревья, что были раньше всего в два раза выше Принца, сейчас значительно разрослись. И располагались они в других местах, значит, сменилось уже не одно их поколение – Принц перенёсся на много веков вперёд во времени, возможно, даже на пару тысячелетий, как и говорила Императрица. Крепость превратилась в руины, в которых, однако, на удивление легко проглядывались знакомые очертания. Пропитанная Песками, она старилась невероятно медленно и крайне неохотно.

Подойдя к краю обрыва, Принц обнаружил, что мост обвалился, но кроны деревьев так разрослись, что он может перебраться на ту сторону по длинным толстым веткам, растущим примерно в середине деревьев. Принц взобрался на одно из них и, аккуратно перебирая ногами и руками, прошёл по одной из самых толстых и надёжных веток и прыгнул на соседнее дерево. Спустившись с него, он оказался на другой стороне и поспешил к двери.

По обеим сторонам от входа располагались почти развалившиеся статуи старцев с какими-то чашами в руках, в которые откуда-то сверху стекала вода и, переливаясь через край, убегала вниз. Принц почему-то не видел их в прошлом или не обратил на них никакого внимания. А может быть, дело в том, что в этом времени иллюзии Императрицы были слабее и он был способен разглядеть хоть что-то? Всё вокруг существовало в каком-то пограничном состоянии, когда иллюзия боролась с реальностью. Это противостояние заставляло солнце не двигаться с места – потому что во времени правда и вымысел шли в разные стороны. С этими мыслями Принц приблизился к заветной точке и обнаружил, что несмотря на сопротивление старению, дверь всё же прогнила и внизу образовался проём, в который он, пригнувшись, и пролез.

По ту сторону был расположен обычный коридор, коих Принц уже повидал достаточно. Пройдя по нему, он вышел на балкон, с одной стороны которого возвышалась отвесная стена крепости, а с другой зиял обрыв. Горизонт и половину неба в этом месте закрывали скалы, с которых сбегали потоки воды. Вот только двигались они как бы снизу вверх! Но это лишь подтверждало догадки Принца.

Он пробежал по балкону, практически не отвлекаясь на рассматривание других деталей. Крепость была непостижимым образом устроена так, что принудительно вела Принца в одном направлении, подобно судьбе.

Преодолев ещё несколько коротких коридоров и небольших комнат, Принц вновь вышел на открытое пространство: огромный двор, покрытый густой растительностью, который вновь внезапно заканчивался обрывом и красивым видом на широкую бухту. Помимо деревьев и трав, это место было усеяно огромными обломками стен, отколовшимися со временем. Кажется, в здесь было построено что-то ещё, но сейчас осталась лишь груда развалин. Вода, поднимаясь снизу вверх, беспорядочно вливалась в стены, из огромных рытвин в земле, – когда-то это были каналы для полива растений. Теперь это была сила, на пару со временем, медленно доедавшая крепость.

Найдя несколько удобных уступов, Принц соскользнул вниз и подошёл к тому месту, что заинтересовало его при взгляде с высоты. Искорёженные ржавые прутья сохранили очертания клетки – довольно большой, но всё же тюрьмы. И не было никаких сомнений в том, кто был её пленником.

Принц обошёл вокруг клетки и обнаружил скелет.

«Кажется, я нашёл нужное место, но не в том времени», – подумал Принц.

Он чувствовал, что ему становится всё легче дышать. Его разум был почти свободен от влияния Императрицы. Кроме того, Принц ощущал, что уже близко к истоку. По сути, это место им и было, но ему надо было найти ещё один портал и вернуться в прошлое, чтобы поговорить, наконец, с незнакомкой. Только на этот раз он выберет иной путь – он найдёт его, во что бы то ни стало! Или она поможет ему, если он расскажет ей всё, что ему удалось выяснить. Именно отсюда ушёл настоящий он, не зная, что ждёт его впереди. Но теперь он всё знал и больше не позволит ввергнуть себя в эту пучину.

Принц нагнулся и попытался снять с пальца скелета перстень с большим красным камнем, но его ждало очередное разочарование – как и кинжал, он оказался как бы ненастоящим. Что ж, Императрица его предупреждала и, похоже, она не солгала – пленница оказалась раздвоена, обречённая сходить с ума, пытаясь заполнить пустоту на месте второй половины. А вместе с ней в двух местах наполовину существовал и перстень, но нигде полностью. Как ему удастся объединить эти половины, даже когда он вернёт себе себя и нормальный ход времени? Что ж, по крайней мере, это возможно – осталось только применить этот способ в аналогичной ситуации. Но сначала надо будет добраться до второй половины. Кажется, Императрица что-то говорила о ней – Принц почувствовал, что память понемногу возвращается к нему и тьма в его сознании расступается.

Море, что шуршало о скалы где-то в отдалении, вдруг затихло, и вокруг воцарилась абсолютная тишина. Едва ли это

можно было назвать добрым знаком, хотя место казалось зловещим даже и без него. Грубо, словно парой небрежных мазков нарисованная реальность, которой вообще не должно было быть – он был сейчас вне поля зрения, за границами иллюзорного мира Императрицы. Но это, отнюдь, не значило, что он был в безопасности…

Ещё прежде, чем Принц почувствовал холод, идущий от земли, и заметил, как воздух густеет, а всё вокруг заволакивает странная серо-жёлтая дымка, он вдруг услышал в полной тишине странный голос. Он едва ли мог сказать, что знает эти слова, но, как и в случае с незнакомкой, он непостижимым образом понимал их смысл:

– Многие приходили до тебя. И все, как один, пали в схватке с судьбой! – произнёс Дахака.

Одновременно с последним словом, Принц осознал, кому принадлежат эти слова и, повернувшись, отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от щупалец чудовища. Они ударили в прутья клетки, сильно вогнув их внутрь.

«Оно разговаривает?» – пронеслось в голове у Принца. Хотя он не исключал, что ему показалось или магия Императрицы не утратила всей своей силы даже в этом времени. Но, в любом случае, у него сейчас не было времени на размышления. Что было сил, Принц бросился в тёмный коридор, на противоположной стороне двора – в надежде, что он не окажется тупиком. Даже после столь странного происшествия, у Принца не было ни малейшего желания проверять – настоящий ли это Дахака или очередной мираж?

Страх Принца сменился яростью. Слепой бессильной яростью, которую он не мог направить на своего врага. Он мог лишь бежать, отчаянно хватаясь за жизнь, пробираемый насквозь холодом и безумием. Петляя по коридору, он то и дело перепрыгивал провалы в полу – ему казалось, что он бежит быстро как никогда – ведь он так близок к цели! Но зверь преследовал его буквально по пятам – он мог перемещаться, как ему вздумается, одним махом преодолевая огромные расстояния или совершая скачки, просто исчезая и возникая из воздуха. От его тяжёлых шагов и прыжков сотрясались стены – они напоминали лязг металла о камень, словно тот был в доспехах.

Не разбирая дороги, Принц вылетел из коридора на широкий балкон и побежал вдоль стены. В какой-то момент он заметил, что впереди тот обвалился и перед ним – лишь пропасть и недостижимо далёкий противоположный край. Всё, на что он мог рассчитывать – высокая узкая колонна, одна из тех, что подпирала балкон. Не замедляясь и даже не раздумывая, Принц оттолкнулся от края и полетел в сторону колонны – даже такой

безумный прыжок давал ему больше шансов сохранить жизнь, чем несколько секунд промедлений или размышлений.

Обхватив колонну руками и ногами, Принц по инерции развернулся (он специально прыгнул чуть сбоку, чтобы не врезаться грудью и лицом), а затем мгновенно соскользнул вниз – на балкон ярусом ниже. Пожалуй, это всё оказалось даже удачей – верхний ярус заканчивался очередной глухой дверью, а сейчас Принц видел впереди, по левую руку, открытый проход, в который он и поспешил свернуть.

«Где-то рядом должен быть ещё портал! Ну же, давай!» – думал Принц.

Несколько минут назад, он ещё надеялся, что ему удастся преодолеть этот отрезок пути в настоящем без встречи с Дахакой. Но, видимо, этому вообще не суждено сбыться – тот преследовал его, где бы Принц ни оказался. Даже тогда, когда и вправду не знал, где он находится. Ему удавалось годами скрываться от чудовища, пока он не очутился на этом проклятом острове! Здесь могущество Дахаки невероятным образом возрастало и почти не оставляло Принцу шансов. Впрочем, едва ли это было удивительным.

Принц услышал впереди звук воды – она и несколько ступенек предваряли вход в зал с порталом. Спасительная черта, за которой он на мгновение сможет выдохнуть спокойно. Но вдруг Принц отметил, что не видит Дахаки. Вряд ли зверь просто так прекратит преследование. Уже успев ранее отметить сообразительность чудовища, Принц решил, что ни за что нельзя останавливаться. Предугадать его действия у него вряд ли получится, учитывая то, что это сам демон судьбы. Ведь это именно он, если не пишет её, то воплощает в жизнь. И, в этот раз, Дахака снова выбрал кратчайший путь, с грохотом и рыком разрушив стену слева от Принца в тот самый момент, когда он пробегал мимо. Один из камней угодил ему в ногу, отчего Принц упал, не добежав до спасительной стены из воды. Свирепея от боли и собственной беспомощности, Принц не придумал ничего лучше, чем схватить с земли камень и швырнуть им в зверя. Тому такой фокус пришёлся не по вкусу, его глаза налились красным. Тем временем Принц выхватил меч, готовясь к последней схватке в своей жизни и опираясь локтём на одну из ступенек. Дахака махнул рукой и от стены отлетел ещё кусок, полетевший в сторону Принца.

– Никому не спастись от Дахаки! – вновь проговорило чудовище.

После этого зверь сделал несколько шагов в сторону своей жертвы, но тут произошло нечто, что спасло Принца, дав ему время отползти в безопасное место: вместе со стеной рухнул и

потолок. Коридор оказался завален обломками, которые разделили Принца и Дахаку. Раздался глухой яростный рык и в следующее мгновение всё прекратилось – чудовище исчезло.

«Отлично» – подумал Принц, борясь с болью в ноге, – «Осталось только вернуться в прошлое». Впрочем, в этом времени обратный путь в любом случае для него был закрыт – у него уйдёт вечность на то, чтобы разобрать эту груду камней и обломков.

Шагнув в золотистое облако, Принц, ощутил привычную лёгкость в теле. Ах, если бы у него было время разобраться во всём, что происходило вокруг. Но его жизнь превратилась в набор непонятных отрывков, стремительно перетекающих друг в друга, безо всякой системы и цели. Почему Пески не убивают его? Ведь он хочет их уничтожить, используя их же собственную силу. А вместо этого они даруют ему возможность бежать дальше! Возможно, это ещё одна ловушка, целью которой является завоевание доверия и последующее предательство, в самый неожиданный и неподходящий момент. Или опять всё дело в медальоне? Наверно, ему следует задать эти вопросы тому, кто действительно сможет ответить на них. Поэтому Принц поспешил покинуть зал и отправиться на встречу с незнакомкой, что томилась в очень странной, надо сказать, тюрьме, прямо посреди цветущего сада. И снова ощутил, как кто-то пытается проникнуть в его разум, подменяя действительность иллюзиями.

Но, вдруг, Принц столкнулся с новым препятствием, стоило ему только выйти в коридор: впереди неожиданно показалось Существо. У Принца впервые появился шанс рассмотреть его как следует вблизи: фигурой он действительно напоминал человека, но в остальном – едва ли. Вместо кожи он был покрыт какими-то чёрными лохмотьями, которые странным образом извивались вокруг него как змеи. Это точно была не шерсть и не одежда, скорее какая-то непонятная дымка, обволакивающая всё его тело. Почти всё лицо Существа было покрыто белым пятном – от лба до рта; и только нижняя челюсть была чёрной. Подобные бесформенные пятна виднелись и на его предплечьях. Два глаза без зрачков испускали белый свет, но его лицо не выражало ничего – ни эмоций, ни намерений.

В следующую секунду Существо выхватило из-за спины меч и перерубило трос у стены. И в одно мгновение Принц оказался отрезан от выхода массивной дверью. Принц успел среагировать и даже побежал вперёд, но боль в ноге сильно мешала ему и вскоре стало уже слишком поздно. Он упёрся в плотно закрытую дверь и остановился. И даже не потому что не мог идти дальше, а от рухнувшего на него осознания происходящего. Принц хотел что-то крикнуть, но это не имело значения. Он понял лишь одно –

его обманули, на этот раз особо коварно. То видение и правда должно было стать спасительным, но он принял его как вызов и поплатился за это. Теперь было понятно, почему тот Принц из видения так стремился вырваться из заточения, открыв эту злосчастную дверь. А Императрица сумела обмануть его так, что он сам изо всех сил пытался оказаться внутри своей темницы – из этого места теперь не было выхода, ни в одном из времён. И теперь он окончательно запутался во всех хитросплетениях происходящего.

Почти любое из предположений, что делал Принц, оказывалось неправдой. Императрице было известно всё – Существо, судя по всему, тоже не ускользнуло из её поля зрения. Видимо оно подчиняется ей. Так же, как и Дахака, который появлялся каждый раз, словно по расписанию, стоило лишь Принцу оказаться в настоящем. Странным было лишь то, что Принц почти не встречал открытого сопротивления. Ему почти не попадалась охрана Острова, а Существо, вооружённое мечом, не пыталось вступить с ним в схватку, если не считать того случая на мосту около Сторожевой Башни. Может быть, дело в том, что Императрице сейчас нужны были силы – ведь она была занята созданием Песков Времени, а противостояние с Принцем только замедляло бы её, заставляя бросать в бой всё новых и новых солдат? Куда проще было создать эту иллюзию, чтобы затуманить Принцу разум и заставить его бороться с собственным воображением. А после всего этого – запереть его в ловушке, своеобразной временной петле, которая и станет его последним прибежищем. Изумительно простой и коварный план!

Что же теперь ему остаётся? Ещё не вполне смирившись со своим положением, Принц обшарил каждый уголок коридора зала с порталом, побывав, в том числе, и в настоящем. Он искал хоть что-нибудь, в том числе и механизм управления дверью. Но всё было без толку – его худшие опасения полностью подтвердились – дверь вновь была заперта с обратной стороны. Может, ему следовало остаться по ту сторону и тогда ему удалось бы найти иной выход? Выходит, не было никакого бега спиной вперёд? Что ж, теперь у него будет достаточно времени, чтобы всё обдумать.

Но он уже понимал, что и по ту сторону двери он был как в темнице – только в более просторной и светлой, но такой же безвыходной. И, в общем-то, не было даже никакой разницы – он был отрезан запертой дверью от своей цели и его разум мог теперь сколь угодно долго совершать мысленные кульбиты, решая, где начало этого места, а где его конец, но так и не достичь никаких значительных успехов. Теперь Принц понимал, почему солнце не двигалось с места – даже не потому что два

потока времени словно бы боролись друг с другом. А оттого, что Принц сам не знал, в каком направлении он движется, и метался между двумя вариантами. Всё это время он словно бы стоял на месте.

Вернувшись в прошлое и выйдя из портала, Принц понуро подошёл к стене, повернулся к ней спиной и опустился на пол. Из небольшого отверстия над головой Принца вниз мерно сыпался Песок, увлекаемый по бороздкам на полу в песчаный вихрь. Ещё одно такое же отверстие было расположено и на противоположной стене.

Принц постепенно начинал осознавать, что в принципе даже не важно, было ли это место хоть отчасти реальным или нет. И совершенно бесполезно пытаться постичь законы этой запутанной иллюзии, этого странного зацикленного пространства, которое буквально вывернуто наизнанку, а время в нём – водоворот, утягивающий на дно, которое вдруг оказывается спасительной поверхностью – и так до бесконечности. Важным могло быть только то, что лежало вне пределов этого места – это может быть его последним шансом на спасение.

Смотря на текущий Песок, Принц вспомнил ещё раз о тронном зале – именно туда он стремился всё это время. И именно туда ему всячески не позволяли попасть. Ещё одна закрытая дверь! Но, с другой стороны, пленником этого места он и был все эти годы – из него он и пытается, в итоге, сбежать! Он заперт в этом зале один на один с Песочными Часами, но не в силах остановить создание Песков Времени. Он даже не уверен, может ли он коснуться их. Он лишь ходит кругами, наблюдая, как песчинка за песчинкой они отсчитывают время до своего рождения. И его гибели. Он ощущал себя одной из этих песчинок внутри Часов; единственной, что не желала падать вниз, до последнего уступая дорогу остальным. Кажется, теперь он начал понимать, о чём говорила Императрица: каково это находиться в двух местах одновременно. В его случае это было особенно мучительно, потому что он одновременно был пленником и не был им. Словно живой мертвец, за секунду до удара палача. Странно, что ему вообще удаётся сохранить рассудок – человеческий разум просто не предназначен для такого знания, оно выходит за все мыслимые границы обычного сознания. Слияние его с Песками не проходит бесследно: часть разума растворяется в них, а они становятся частью этого сознания. Был ли он до сих пор самим собой? Происходило ли вообще что-нибудь с той злосчастной ночи? Что если он попросту обречён видеть бесконечно один и тот же кошмар, а сам он – не больше чем обрывок этого воспоминания? Часть сознания того, настоящего Принца, что затерялась в Песках. Изнутри, сквозь

стекло, он видел самого себя, с кинжалом в руках, полного решимости совершить величайшую ошибку в своей жизни. Видел странный блеск в этих глазах – чуть заметные жёлтые искорки. Видел, как его кожа покрывается золотисто-серым оттенком, превращая его в одно из чудовищ. Он кричал, но бесполезно – другой Он был слеп и глух. Так, словно бы им вообще владел кто-то иной. Чёрный сердцем, он был воплощением алчности и безумия. И сколько бы раз Принц не видел этот сон – всё заканчивалось одинаково: он получал свободу, которой он не желал и воссоединялся с этим телом. Против своей воли, через жгучую боль и отчаяние, оказываясь запертым в очередной темнице.

В этом миге сконцентрировалась вся его жизнь, поэтому неудивительно, что он видел его постоянно в своих снах и даже наяву: в нём застыло освобождение Песков, гибель близких людей и всего мира, его собственное разрушение, отчаянный крик Фары, который он не слышал тогда, но слышит постоянно все эти годы. Он всячески глушил это воспоминание, но недавняя иллюзия с её голосом вновь пробудила в нём давно забытые чувства. Те, что стали ему ненавистны, что тянули его на дно.

Что, если и сейчас он чего-то не слышит? Самого себя по другую сторону двери, что разделила его сознание. Принц стоял и смотрел на самого себя спящего и продолжал размышлять. Что если сон – это единственное место, где он ещё хоть немного свободен? Хотя бы какая-то его часть, что блуждает за чертой сознания. Ему не под силу оказаться в двух местах одновременно, но он может выбрать, в каком из двух ему следует находиться именно сейчас! И пусть он – это лишь бледная копия самого себя, этого может хватить, чтобы связать себя со второй половиной. Пространство разделяло их, но время было тем мостом, по которому сознание могло перейти на другую сторону!

Принц резко и жадно втянул воздух и открыл глаза, непонимающе оглядываясь по сторонам. Ему удалось! Позади себя он опять увидел запечатанный Песками дверной проём, но на этот раз он оказался на другой стороне Центрального Зала. Разорванный пополам – видимо, Императрица направила его сразу в двух направлениях (получается, что это он, в первую очередь, был подвергнут этому суровому испытанию!) – он сохранил способность выбирать, где ему находиться в конкретный момент времени. Его сознание, устремившись по потокам Песка, тёкшего внутри стен крепости, переместилось в другую половину Принца, превращая всё, что произошло до этого в туманный сон, детали которого ускользали как песок сквозь пальцы. Так, словно бы ничего и не было, даже этого странного сна и самого перехода из одного тела в другое. Он всегда был

здесь, с самого начала, а его полное странностей путешествие по цветущему саду – лишь видение, подобное закрытой двери, из-за которой он стремился вырваться. И только прикосновение к медальону, который Принц обнаружил сжатым в своём кулаке, позволяло сохранить какие-то обрывки воспоминаний.

Принц сделал несколько шагов, но почувствовал, что ещё не вполне владеет своим телом – движения его были неуверенными и смазанными. Так, словно он представлял их себе одним образом, а тело совершало несколько иначе. Видимо, это были последствия перехода сознания из одного тела в другое и того, что он по-прежнему был разделён. Может быть, эту половину ждёт большая удача? Больше надеяться было не на что.

Принц вспомнил теперь, что говорила Императрица о незнакомке: вторая её половина заключена в Механической башне. Туда он и направится, вооружённый, на этот раз, всем своим прошлым опытом – он уже знает, на что способна Императрица, изучил её приёмы и глубину коварства. А вот знает ли она об этом? Ему лишь оставалось надеяться, что нет.

Глава 16. Возвращение

Однажды, находясь где-то между своим и её (Джатты) сознанием, я вдруг почувствовал, как что-то меняется. Ещё одна вспышка, но видел я её скорее сознанием Джатты: кто-то стремительно приближался к нам – хотя это и было строжайше запрещено. Джатта залилась лаем, а образ приближающегося человека приобрёл в её разуме негативный оттенок – то ли она поняла это по моим мыслям, то ли узнала его. Она хорошо отличала врагов от друзей.

Нарушителем оказался Зулу, начальник охраны – они с Джаттой всегда недолюбливали друг друга. Она постоянно рычала в его присутствии, а он лишь надменно посматривал и почти не замечал её. Видимо, она не любила его чёрствость и жёсткость, но это были самые подходящие черты для человека, чья задача, – охранять целый остров. И я знал, что ответственный за недопущение к Бездне кого бы то ни было, не зашёл бы сюда просто от скуки, без важного дела. Запрет не действовал для него, но без необходимости он бы не пришёл. Вырвавшись из чудесного плена новых ощущений, я услышал его слова:

– На горизонте корабль, господин. Он приближается к Острову.

– Так в чём проблема, неужели вы не отобьёте атаку ещё на подступе к берегу? – ответил я ему. – Такое случалось уже много раз!

– Он не нападает и нам незачем сражаться с ним. Это корабль вашего сына, – сказал Зулу. – Мы отправляемся ему навстречу, чтобы провести его безопасным путём среди скал. Вы с нами?

Не знаю, что ждёт меня впереди – Судьба преподнесла мне большой сюрприз.

Дневник Намтара, запись 39

***

Корабль Нергала сносило волнами в сторону скал, одной из гряд на дальних подступах к Острову. Казалось, что им вообще никто не управляет – он был предоставлен сам себе. Часть парусов просто свисала с мачт – тросы не были должным образом закреплены. Корабль был бы обречён, если бы не вовремя подоспевшая команда во главе с Зулу и Намтаром. Их судно было лёгким и быстрым; меньше, чем через полчаса они смогли безопасно приблизиться к терпящим бедствие. Море было

неспокойным, ветер вздымал волны и вот-вот должен был пойти дождь.

Намтар спрятал дневник во внутренний карман своей мантии и через несколько минут вдруг почувствовал нарастающее в нём волнение. В его душе всколыхнулось давно забытое чувство – прошло уже несколько лет с тех пор, как Нергал покинул эти места – отцовской любви. Что если он погиб или на корабле вообще никого нет, а его просто принесло в эти воды? Почему корабль только один? Ведь в путь отправлялось два. Горечь расставания была так невыносима, что Намтар даже не интересовался судьбой сына, подавив в себе любые чувства. Он не думал, что когда-либо сможет увидеть его вновь.

Подтянувшись тросами к борту корабля, несколько более опытных матросов из отряда Зулу взобрались наверх. Один из них поскорее бросился к штурвалу, чтобы спаси судно от крушения. Другие же занялись парусами, а кто-то отыскал и сбросил для остальных верёвочную лестницу, по которой Намтар, Зулу и ещё несколько солдат взобрались наверх.

Они были готовы столкнуться с неизвестной угрозой – на корабле мог пребывать кто угодно, всё это вообще могло оказаться ловушкой. Но Намтар чувствовал какую-то странную уверенность, что это не так. Что Нергал жив и находится на этом корабле. Впервые за долгое время Намтар испытывал одно ещё более странное чувство, которое, при данных обстоятельств, приносило ему радость: он не знал своей дальнейшей судьбы, он не видел её в Песках. Чувство неизвестности давало надежду, а не пугало, как это было раньше.

На палубе команда обнаружила несколько тел, а также несколько выживших, но находившихся без сознания людей. Лишь один из тех, кого обнаружила команда, подавал явные признаки жизни, пытаясь доползти до штурвала. Увидев подоспевших, он остановился и лёг на спину. Кажется, он испытал облегчение.

Большинство из людей были так или иначе знакомы команде, а, значит, надежды Намтара не беспочвенны! Он бросился в трюм и обнаружил сына в одной из кают. Тот лежал почти без сознания, лишь издавая тихие стоны и дрожа. Его тело было объято жаром. Он, как и все остальные, был истощён и близок к смерти. Но он всё ещё жив!

***

Три года назад, когда Нергал покидал родной остров, он был полон решимости, чувствовал тягу к приключениям и был уверен в счастливом исходе своего путешествия. Он испытал

необычайное облегчение, покинув это погибающее, по его мнению, место. Его гордость не позволяла ему признаться самому себе в том, что у него остались тёплые чувства к отцу. Бывали, конечно, и минуты сомнения, но они быстро разбегались прочь, как утренний туман.

За всё время его путешествия не случилось никаких происшествий – даже погода ни разу не преподнесла сюрпризов. Два корабля шли борт о борт, через бесконечную скатерть океана, куда-то за горизонт, навстречу самым смелым и несбыточным мечтам. Люди на них верили, что они найдут другую землю, где не правят смерть и упадок. Где вода, год за годом, не стачивает камни, медленно поедая Остров. И там обязательно будут другие люди.

Нергал и его команда достигли новых берегов через две недели плавания. Всё это время они следовали одному, выбранному почти наугад, направлению – придерживаться его им помогали звёзды. Сначала они увидели несколько рыбацких лодок, затем густые заросли вдоль берега, а потом – маленькую деревушку. Встретившие их местные жители испытывали страх, но скорее трепетный и даже благоговейный. Они видели в них чуть ли не богов, с их чудесными кораблями и в необычных одеяниях. И всюду, куда бы они ни последовали, – пройдя вдоль берега, корабли вошли в устье величественной реки – их встречали так же. Люди в этих краях жили разрозненно, в маленьких поселениях, промышляя рыбалкой, охотой и собирательством, каждые полгода кочуя в новое место.

Отыскав наиболее населённый район, Нергал и его команда сошли на берег и основали своё поселение, которому через год суждено было стать настоящим городом. Он и его команда были безоговорочно признаны владыками города – ведь они дали столько знаний и даров этим людям. Они научили их земледелию, разведению овец, строительству новых, крепких жилищ. Их принимали не иначе как за посланников небес. Нергал и остальные и думать забыли про Остров – их слишком увлекла и радовала новая жизнь.

Но эта идиллия длилась недолго. Через год с небольшим поползли слухи о дикарях, идущих с севера и уничтожающих всё на своём пути. Вняв им, Нергал собрал и подготовил армию, но был разбит – слишком свирепым и безжалостным был его враг. Бледные люди, в грубых бараньих шкурах, с вечно грязными лицами и волосами, они не отличались какими-то особыми талантами в ведении войны. Кроме одного – безудержной жестокости. Лишь единицы выживали после их набегов, и вряд ли это можно было назвать удачей – их жизнь в плену была полна лишений, боли и страха. Сыновья гибли на глазах у матерей,

кого-то скармливали диким зверям – и всё это на потеху дикарям. Нергал и некоторые люди из его команды выжили и тоже оказались в плену. Они были разделены и сломлены. Кто-то буквально молил о смерти, кто-то сходил с ума. Остальных поедала бессильная ярость, жажда мести – жестокость порождала жестокость. Нергал изо дня в день вынашивал планы мести, желая лично перерезать глотку вожаку. Но дрался он лишь с другими пленниками, за объедки. Он и остальные теряли человеческий облик, однако желание покарать врага в нём не уменьшалось, сохраняя какую-то часть рассудка. Но вместе с ненавистью в нём рос и страх – его былая решимость угасла, он почти сдался.

И вот, однажды, во время очередного перехода от лагеря к лагерю, спустя полтора года после пленения, у него и ещё нескольких человек появился шанс сбежать. Понимая, что ему нужно больше людей, чтобы вести хотя бы один из двух кораблей (другого способа сбежать от неприятеля не было), Нергал выследил ещё несколько лагерей, где держат членов его прошлой команды, и обманом вызволил их. Но обманул он не дикарей, а тех людей, кто сбежал вместе с ним, но был не из его круга. Он предал их, обменяв на нужных ему людей, один к двум. Спустя день он обнаружил, что за ним ведут погоню. И ещё неделю он жил в постоянном страхе и ярости, пытаясь отыскать свои корабли. Сейчас Нергал был совсем другим человеком, назад пути не было. Долгий плен сломил его волю, его тягу к жизни, его решительность и оптимизм. Его душа стала чёрной, как пепелище костра, его глодало нестерпимое чувство стыда и обречённости.

Его решение вернуться на Остров не было сознательным, оно было принято им словно бы втайне от самого себя. И оно не вызывало у него ничего, кроме злости – единственного чувства, на которое он остался способен. Всю обратную дорогу океан был неспокоен, и погода менялась от ненастной до штормовой, словно бы вторя его настроению. Корабль то и дело кидало с волны на волну, а люди мучились от жажды и голода. Как выяснилось чуть позже, некоторые из них были неизлечимо больны, заразившись чем-то неизвестным от дикарей. Они плыли навстречу верной смерти и были обречены. Лишь чудо и провидение помогло им добраться до окрестностей Острова.

***

Подойдя к берегу как можно ближе, несколько солдат из отряда Зулу подтащили трап и спустили его на берег. Медлить было нельзя и, уже по пути соорудив из досок

импровизированные носилки, ещё живых членов команды начали переправлять на берег. Один из самых быстрых членов отряда помчался за подмогой.

Спустя полчаса, когда подоспела помощь, а все, кто выжил, покинули корабль, отряд, вместе с Зулу и Намтаром, отправились прямиком к Бездне. Не было другого способа помочь им – они уже стояли на пороге смерти и обычные средства не подошли бы. Намтар понимал, что любые запреты сейчас бессмысленны и без колебаний дозволил всем, кто помогал доставить больных и раненых (как выяснилось, были и такие) к Бездне.

Нергала переносили Зулу и Намтар лично – он не доверил бы жизнь сына никому другому в такой момент. По его приказу, носилки были разложены вокруг балюстрады, окружавшей Бездну. Сразу же после этого он попросил всех удалиться – их помощь более не требовалась, а таинство Песков должно было пока таковым и оставаться. Лишь Джатта, примкнувшая к ним в середине пути, осталась неподалёку.

Нергал чувствовал, как теряет рассудок, его разум меркнет, и он сам тонет в пучине бесконечной боли и отчаяния. Так, словно бы он уже умер и перешёл в иной мир. Всё это время его одновременно изнутри жгла ярость, он был буквально пропитан ненавистью к дикарям, пленившим и убившим половину его людей. До самого последнего момента, что он был в сознании, Нергал был полон решимости отомстить. Скованный болью и гневом, он вскоре окончательно потерялся бы во тьме. Она разрывала его как голодный зверь, но вдруг всё вокруг залилось светом из которого выступил знакомый силуэт. Нергал был не способен мыслить здраво и осознать, что же происходило, но он инстинктивно потянулся к этой фигуре. Он, вдруг, испытал невероятное облегчение. Теперь его жизнь была в полной безопасности и ей ничего не угрожало.

– Ты дома, сын мой, – чуть слышно прошептал Намтар, склонившись над ним. Его лицо сбросило гримасу боли – Нергал впервые за несколько недель погрузился в спокойный, здоровый сон.

Закончив, Намтар мысленно обратился к Джатте: она должна была привести командира Зулу и отряд его солдат для переноса больных в замок. Всех членов команды корабля расположили в казармах, что примыкали к Сторожевой Башне, а Нергала доставили в одну из спален в покоях Намтара, где он проводил большую часть времени, работая над книгами, дневником и изучением Песков вместе со своими учениками. Всем им нужен был длительный покой, чтобы восстановить силы и прийти в сознание. В тот решающий момент, когда Намтар отбил их у смерти, он видел, что болезни некоторых, включая

Нергала, неведомы ему и даже Пески не способны враз принести исцеление. Это болезнь из земель за морем, жестокая и смертельно опасная, однако при этом она мучительно медленно забирала жизни. И достаточно было, чтобы ей заболел кто-то один, как заражались и остальные. Кроме того, путешественники были истощены жаждой, голодом и морской болезнью. Их вёл перст судьбы – никак иначе объяснить их чудесное возвращение было просто невозможно!

***

Постоянно думая о здоровье сына, Намтар не просто не забывал об изучении Песков, а занимался им с удвоенной силой. Он почувствовал в себе необычайный прилив сил и трудился день и ночь, желая облегчить самочувствие сына, помочь ему поскорей прийти в себя и установить с ним диалог. При этом, каждый день переправлять его к Бездне и обратно по нескольку раз было бы не разумно – никакого покоя для больного. Но чтобы ускорить его выздоровление, Намтар должен был как-то поддерживать его контакт с Песками – именно та проблема, о которой он размышлял несколькими днями ранее, до внезапного прибытия корабля.

Решение созрело у него на третий день. Первые два он пытался каким-то образом достучаться до медальона, наполнив его Песком, но это не давало желаемого результата. Медальон вбирал в себя их силу, словно бы делая вздох, отчего все ощущения и видения, что он давал, становились ярче. Но их видел и ощущал только сам Намтар, потому что он был готов к этому и знал, чего ожидать. Но в какой-то момент, он понял, что настал момент выпустить Пески из Бездны – ведь он раньше обнаружил, что они, хоть и нехотя, но следуют за медальоном. Недостаточно было просто вытянуть из недр небольшое облако и перенести его в покои Нергала. Пески должны быть сконцентрированы в одном месте, а не рассеиваться в воздухе, поэтому по указанию Намтара была изготовлена специальная небольшая чаша, которую он поставил в изголовье его кровати. А чтобы облако Песка, что он притянул с собой, не рассеялось, он положил медальон на дно чаши: так они притянутся к нему и осядут на дне. Концентрируясь в одном месте, Пески будут обладать большей силой. Намтар назвал своё изобретение «Зеркалом разума». По его замыслу любое сознание, находящееся поблизости, независимо от воли человека, обратит свой взор в это зеркало и сможет погрузиться в Пески. Увидеть своё отражение в нём – это и значило оказаться там, в другом слое реальности, словно бы переселяясь в это отражение. Хотя,

конечно, ничего общего с настоящими зеркалами у этой песчаной чаши не было. Но теперь Намтар мог попробовать достучаться до Нергала и вывести его из тьмы, навстречу жизни. И, кроме того, Намтар нащупал ещё одно свойство Песков, о котором раньше он лишь догадывался: они могли вполне реально влиять на время. Без них, даже будучи спасённым, Нергал излечивался бы месяцами, но теперь это был вопрос нескольких дней.

И уже на следующий день Намтар добился успеха – его идея сработала. Он видел, пока ещё слабо различимое, пятно сознания Нергала, что блуждало в мире Песков. С каждым часом оно крепло и спустя какое-то время Намтару впервые за долгое время удалось пообщаться с сыном. В последний раз, как ему помнилось, их разговор окончился разрывом отношений и отплытием Нергала. Теперь же, сын сделал несколько шагов навстречу отцу, который первым начал диалог:

– Ты жив и находишься под моей защитой. Под защитой всего Усаггигкара. Добро пожаловать домой! – сказал Намтар.

– Я так слаб… Это точно не врата смерти? – удивлённо ответил ему Нергал. – Как в древних легендах.

– Легенды врут. Их придумывают люди. Обычные люди, чей разум слеп и пуглив. Ты можешь не верить мне, но прислушайся к самому себе! Твоё сердце всё ещё бьётся и ты явно идёшь на поправку. Ты будешь жить, ты в надёжных руках судьбы, – разъяснил Намтар. – Я потерял Инанну и Ниннинамаш, эта рана никогда не заживёт. Но я ни за что не потеряю тебя, я знаю это. Я видел нить судьбы, и она благосклонна ко мне. И у меня достанет сил воплотить в жизнь все её предсказания.

– Они придут, отец! Однажды они придут за нами! Одной твоей уверенности мало! Они убивают людей, как болезнь и даже быстрее. Они поглотят Остров, сожрут его, как кусок мяса. Я видел их, смотрел им в глаза. Они…, – пролепетал Нергал.

– Кто они? – спросил Намтар.

– Они – это страх. Это жгучая жажда мести. Они – это те, кто обратил мою кровь в ярость, однако бессильную, заставив меня разрушать себя изнутри. Я – это не я, а лишь моя тень. Помоги мне, отец! – взмолился Нергал.

– Спи, сын. Тебе нужно отдыхать, прежде чем ты придёшь в себя и мы сможем нормально поговорить об этом, пройдёт ещё несколько дней. Пусть внешний покой подарит тебе покой внутренний, – заключил Намтар и удалился.

Раз за разом, возобновляя диалог, Намтар видел, как Нергала разрывают противоречия, но, кажется, был преодолён главный рубеж – разрушена стена непонимания между ними. Старые обиды и разногласия остались в прошлом. Кем бы ни был

этот враг, о котором говорил Нергал, вместе они смогут одолеть его, если он вообще существует. Но Намтар и не видел той слепой, но подавленной ярости, что всё ещё владела его сыном – во время их разговоров она словно бы куда-то отступала, теряясь в нежелательных воспоминаниях, что были подобны отражению в зеркале.

***

Нергал очнулся через несколько дней и его самочувствие быстро улучшалось. Вскоре он смог самостоятельно ходить, речь перестала доставлять боль в горле и однажды вечером он сам пришёл к Намтару, застав того за работой над какой-то небольшой книжицей. У его ног лежала Джатта. Нергал заговорил первым:

– Тебе действительно многого удалось добиться. Моё исцеление, этот замок… я хочу знать всё!

– Что ж, наверно, нам стоит продолжить разговор с того места, где мы остановились несколько лет назад, – ответил Намтар.

– Ты ждёшь от меня извинений? Я думаю не это сейчас важно. А важно то, на чьей ты стороне. Вернее – примешь ли ты меня на свою? – отвечал Нергал. – Или я не достоин этого?

Намтар, всё это время сидевший спиной к нему, повернулся и сказал:

– Глупо обижаться на судьбу и тех, кто поступает точь-в-точь, как она предсказывает.

– Ты видел всё это заранее? Знал, что я начну не с благодарностей и извинений, а с требований? Что ж, тогда прости мне, отец, мои глупость и недоверие. Я вижу всю силу твоего знания и силу самих Песков, – с ухмылкой, но искренне произнёс Нергал.

– Не важно, веришь ли ты в судьбу или нет – она от этого не перестанет быть реальной, независимо от того, как ты к ней относишься. Она может обмануть тебя, но ты её – нет. Но, пожалуй, ты прав насчёт самого главного – мы теперь по одну сторону, – разъяснил Намтар. – Вопрос лишь в том – кто наш враг, о котором ты говоришь?

– Они – монстры из глубин океана. Они – это сам океан! Они притворяются людьми, похожи на них во всём. Мы пробудили их, наши корабли потревожили их сон и они преследовали нас всё это время. Мы питались сырой рыбой, и пили дождевую воду. Один из кораблей им удалось затопить – почти никто не спасся. Океан хочет поглотить всё, вернуть всё к первозданному виду,

понимаешь? Этот остров, он тоже похож на огромный корабль, который ждёт подобная участь! – рассказал Нергал.

– И тебе не удалось обнаружить ни одного клочка суши во всём океане? – удивлённо спросил Намтар. Очевидно, если уж иметь врагов, то пусть лучше это будут люди с другого острова, чем первородные стихии.

– Ни единого. Мы единственные? Или, ещё хуже, мы самые последние? – отвечал Нергал. – Мы видели лишь, как вдали небо и водная гладь смыкаются в одну линии, куда ни погляди. Мы чудом сумели вернуться сюда, на Остров… Хотя постой, ты сейчас скажешь, что это тоже судьба?

– Наша судьба – защищать Остров от любой угрозы, несмотря ни на что. А твоя, как ты её назвал, случайность – лишь малый шаг в общем плане мироздания, – вновь постарался смягчить свой ответ Намтар. Он понимал, что творится в душе у Нергала и как тяжело ему признавать свои ошибки.

Нергал кивнул, после чего повисло молчание.

– С чего мы начнём? – спросил он, не вытерпев затянувшейся тишины.

– Мне нужно ещё раз показать тебе Бездну. Сейчас твой разум готов познать и принять её могущество. Но нам нужно забрать медальон – он остался в твоих покоях, – отвел Намтар.

– Почему он там? Это он помогал мне услышать твой голос даже в глубоком сне? – удивился Нергал.

– Да. Пойдём, я покажу, что мне удалось придумать, чтобы ускорить твоё выздоровление и, заодно, решить ещё несколько проблем, – с воодушевлением ответил ему Намтар. Он чувствовал прилив сил, зная, что теперь ему есть с кем всецело разделить свои знания, своё наследие. И своё время.

По пути в покои Нергала, Намтар стал объяснять сыну, что за это время произошло с замком и Островом в целом. Но почти сразу же он остановил его, сказав:

– У меня странное чувство, но я словно бы уж знаю то, о чём ты рассказываешь. Пока я был без сознания, я видел сны, в которых мимо меня проносились годы и всё очень быстро менялось.

– Значит ты и сам готов к переменам, – вместе с этими словами Намтар опустил руку в чашу и достал оттуда медальон.

– Что это такое? – спросил Нергал, указывая на чашу.

– Я называю эти чаши «зеркалами разума» или просто «зеркалами». Хотя пока существует всего одно и оно перед тобой. Я изобрёл его, чтобы достучаться до твоего сознания пока ты был в беспамятстве. Между Бездной и Песком в этой чаше есть какая-то связь, что позволяет общаться на языке сознания, находясь далеко друг от друга. Я несколько недель бился над способом

вести такой диалог, но само провидение указало мне путь, – отвечал Намтар. В его голосе слышалась гордость своими достижениями, хотя он старался её скрывать, чтобы не раздражать сына.

– Как это работает? Вообще, в целом. Пески… они как-то проникают в твоё сознание? – спросил Нергал.

– Не совсем так. Ты словно бы приоткрываешь дверь в свой разум, чтобы он смог объединиться с Песками в нечто единое. Словно бы какая-то особая форма зрения, – пояснил Намтар, добавив: – А зеркала – это лишь маленькая копия Бездны, которая, по сути, – тоже зеркало, в котором отражается твоё сознание. И это самое отражение и способно перейти в особый слой реальности, порождаемый Песками.

– И чего ты хочешь добиться с их помощью? – продолжал расспрашивать Нергал.

– Все эти годы я провёл в поисках. Новых знаний и лучшего их применения. Где-то вдали, в тумане судьбы, я вижу новых людей, живущих в мире, пропитанном Песком. Живущих иначе, чем мы. И эти чаши – лишь первый робкий шаг навстречу этому будущему, – терпеливо объяснял Намтар. Его очень радовала любознательность сына.

– А… – начал было Нергал задавать очередной вопрос.

– Забыл сказать – эти зеркала очень сильно помогли мне в излечении тебя от недуга. Пески открывают путь к какой-то особенной форме взаимодействия с людьми. Теперь, когда ты почти здоров, я собираюсь использовать чашу для исцеления остальных. Её перенесут в казармы около Сторожевой Башни – люди будут приходить к ней ежедневно и их исцеление пройдёт легче и быстрее, – перебил его Намтар.

– Ясно, – ответил Нергал. Кажется, Намтар ответил на его неозвученный вопрос.

Нергал подошёл к чаше и склонился над ней, пристально вглядываясь куда-то в глубину. Ему казалось, что он даже видит своё отражение, бледное, едва различимое, но всё же вполне зримое. Он поводил ладонью над гладью зеркала, а затем опустил в него руку. И мир вокруг него остановился. Казалось, что время замерло на месте – угасли все звуки, Намтар стоял, чуть приоткрыв рот и собираясь что-то сказать. Лишь его собственные чувства превратились в бурлящий океан, объятый штормом, освещаемый тысячами молний и кричащий сотнями голосов. По руке пополз приятный холодок, а его разум вдруг в полной мере ощутил слияние с Песком – то, о чём говорил Намтар.

– Отец, кажется, я что-то понял, – растерянно сказал Нергал.

– Тогда тебе непременно нужно посетить Бездну и почувствовать на себе, на что она способна. А это было лишь

подготовкой к настоящему чуду. И для этого тебе даже не придётся погружаться в неё целиком или руками. Я научу тебя! – с воодушевлением ответил Намтар.

И отец с сыном отправились к Бездне. По пути Намтар отыскал Зулу и распорядился перенести чашу из покоев Нергала в Сторожевую Башню. Он собирался отправиться туда после посещения Бездны, один или вместе с сыном. И уже сейчас Намтар стал задумываться, что одной чаши будет мало – ему нужно расставить их по всему замку!

Всю дорогу Нергал молчал, находясь под впечатлением. Его удивила та невероятная сила, которую он почувствовал. Такая, что позволила бы ему справиться даже с десятикратно б*о*льшим числом дикарей.

Подойдя к Бездне, Намтар заговорил:

– Вот место, с которого всё началось. Стоило бросить медальон в пропасть, и мне открылась доселе невиданная тропа. Я призвал стихию на служение своему разуму. А медальон – словно ключ, но он не открывает двери, а манит Пески к себе. Бездна молчала целыми поколениями потому что древние забыли об истинном могуществе медальона.

– Позволь мне? – не отрывая взгляда от Бездны, произнёс Нергал.

– Конечно! Держи, – сказал Намтар, протягивая медальон сыну.

Взяв его в руки, Нергал не ощутил ничего особенного. У него даже возникло небольшое сомнение – а действительно ли он пропитан какой-то особой силой? Прикосновение к Пескам в чаше было куда более убедительным. Но он решил довериться словам Намтара и воспроизвёл уже привычный для того ритуал. Песчаный вихрь всё так же поднялся из бездны и охватил Нергала, постепенно погружая его в тот самый, обещанный Намтаром, особый слой реальности.

– Я вижу время, отец, – удивлённо проговорил Нергал. – Оно течёт сквозь меня, оно меняет меня, оно говорит со мной. Могу ли я управлять им?

– Нам многое предстоит узнать вместе. Мне самому известно так много и одновременно так мало. Но ты определённо видишь нить судьбы, о которой я твержу с самого начала. Я научу тебя читать её с помощью Перстня, что я создал. Пески словно бы могут проникать в предметы, наделяя их особыми свойствами. Познав их лучше, мы наверняка сможем придумать ещё множество отличных применений для них.

Нергал был очарован Песками, как когда-то и сам Намтар. Он увидел много невероятных вещей, но с трудом понимал их. Ему без сомнений потребуется помощь, чтобы во всём

разобраться. Когда он закончил, они с отцом разделились: Намтар отправился в Сторожевую Башню, заниматься больными, а Нергал – в свои покои, со словами:

– Мне нужно несколько дней, чтобы всё обдумать. Я сам найду тебя.

– Хорошо, – ответил ему Намтар, радуясь в душе, что дело наконец-то сдвинулось с места.

Уже на следующий день Нергал отыскал отца, когда тот занимался лечением других выживших в Сторожевой Башне. Его глаза горели энтузиазмом, а на лице сияла улыбка – он был полон решимости. Подойдя к Намтару, он сказал:

– Я готов. Позволь начать мне прямо сейчас и понаблюдать за твоей работой. Я жажду прикоснуться к Пескам и постигнуть глубины этого знания!

Намтару даже не пришлось отвечать – он так ждал этого момента! – он лишь медленно кивнул и продолжил своё дело.

***

Вечером, когда наступила пора отдыха, интерес Нергала всё ещё не угасал, и он спросил у Намтара:

– Что за книгу ты пишешь каждый день?

– Это мой дневник, в котором я кратко записываю свои мысли и открытия касательно Песков, – ответил ему Намтар.

– Позволь мне прочесть его? Может быть, это поможет мне лучше вникнуть во всё. Я могу делать это даже ночами, когда он тебе не нужен! – попросил Нергал.

– Я и сам научу тебя всему, это, пожалуй, будет даже быстрее. Этот дневник – для будущих поколений, для хранения всех утраченных секретов и помощи в избегании моих ошибок, – ответил ему Намтар, который на самом деле не желал, чтобы сын увидел что-нибудь из написанного о нём. Ведь всё это уже было в прошлом. – Мы приступим завтра, ступай и отдохни, как следует.

Поколебавшись, Нергал вышел из комнаты Намтара и отправился к себе.

***

Прошло около полугода, с тех пор как Нергал всецело посвятил себя изучению Песков вместе с Намтаром. Он понял, что был неправ на их счёт. Упрямый Нергал вряд ли бы сознался в этом вслух, но все его действия прямо-таки кричали об этом. Он быстро потерял интерес к дневнику отца – в конце концов, это были всего лишь сухие буквы.

Он оказался весьма способным учеником. Кроме того, Намтар очень доверял ему и, видя его успехи, позволил ему заниматься лечением своей команды. Нергал овладел этим навыком всего за неделю! Единственное, чему он по-прежнему противился – это вере в судьбу. Но если когда-то это было камнем преткновения, то теперь Нергал относился к взглядам Намтара как к какой-то причуде или простому заблуждению. И эта разница во взглядах никак не мешала их совместной работе, несмотря даже на случавшиеся порой жаркие дискуссии. И всё же Нергал внимательно изучил возможности Перстня Судеб созданного Намтаром. Он много раз заглядывал в вихрь светящихся символов, разбросанных по потолку ротонды над Бездной и изучал прошлое и будущее. Раз за разом он находил лишь подтверждение своим убеждениям, но считал, что это всё же позволяет ему расширить свой кругозор и научиться лучше чувствовать Пески.

Нергал видел, как слабы предметы, наделённые силой Песков на фоне их самих. Вещи, созданные или найденные Намтаром – лишь бледная тень их могущества. Его не покидала мысль о том, что нужно с этим что-то сделать, необходимо найти какое-то решение. Особенно много времени Нергал уделял зеркалам – со временем их стало больше, они были расставлены по всему замку. Иногда их изучением он занимался вместе с Намтаром, но вскоре он даже превзошёл отца в понимании их природы. Поняв это, Намтар дал сыну полную свободу, сконцентрировавшись на других задачах. Вскоре Нергал обнаружил пару удивительных свойств зеркальных чаш. Во-первых, люди, прикасавшиеся к ним, какое-то время сохраняли ментальную связь с Песками, способны были оставаться в этом слое реальности. А во-вторых – они были способны как бы переносить человека между двумя разнесёнными зеркалами – некоторым казалось, что они продолжают находиться в реальном теле, но уже в другом месте. Однако, оба этих явления были очень краткосрочны и сам собою напрашивался вывод о том, что этим чашам требовалось усиление. Продление времени их действия могло бы открыть много новых возможностей.

***

Возвращение сына особенно благоприятно отразилось на самом Намтаре. Несмотря на долгое и глубокое непонимание, они смогли найти то, что давало им обоим сил, воодушевляло и увлекало их. Это был лучший из возможных сценариев и теперь Намтар понимал, почему он не смог разглядеть его заранее – такие поистине великие события в жизни требуют такого же

широкого, всеобъемлющего взгляда. Он перестал быть таким сухим и строгим в суждениях. Теперь его разум не был сконцентрирован на одном лишь познании, и его сердце расцветало вместе с цветами в заброшенном саду. А в дневнике он написал лишь краткое:

Вместо необъятных морей и пропасти непонимания, что разделяла нас, теперь между нами крепнет дружба. Бездна теперь не разделяет, а сближает нас.

Жизнь Намтара теперь по-настоящему наполнилась смыслом, он был благодарен судьбе, несмотря на всё её коварство. Он продолжил строительство новых частей замка, возвёл судостроительную верфь и проложил канал для транспортировки кораблей к морю. Но он понимал, что помимо важных и практичных вещей нужно ещё что-то. В его душе зрела идея чего-то прекрасного и однажды все детали мозаики сложились воедино. Намтар понял, что должен возродить и облагородить древний заброшенный сад. Он станет душой замка и тогда увядание окончательно сменится цветением. И стоило ему только понять это, он отдал распоряжение начать работы, лично руководя каждой мелочью и не чураясь грязной работы.

Он решил разбить сад во много раз более крупный и прекрасный, чем прежде, в честь возвращения Нергала. Он установил фонтаны, организовал многоярусные насаждения, устроил места для выращивания фруктов и овощей. Каналы и акведуки тянулись к самому далёкому его уголку, неся воду к каждому цветку, к каждой травинке. Вход в Сад украшали две статуи – в честь погибших от болезни жены и дочери Намтара – Инанны и Ниннинамаш [*прим.: от шумерского «ninninnamaš» – «птичка»*], которые держали на плече кувшины с лившейся из них водой. Это не вернёт их к жизни, но продлит память о них. И вернёт покой в сердце Намтара.

Сад был заполнен необычайными ароматами и вызывал трепетный восторг у любого, кто приходил сюда. Намтар был особенно горд этой работой, словно бы он впервые в жизни сделал что-то реальное, и часто приводил сюда сына, в надежде, что он разделит его радость и восторг. Но тот отнёсся к Саду несколько прохладно. Он отметил красоту и чувственность статуй, выразив благодарность отцу за светлую память матери и сестры. Но он всё же предпочитал больше времени проводить с Песками.

Однажды Намтар обнаружил Нергала, Зулу и несколько добровольцев (у Нергала были свои ученики) около одной из чаш и отвёл сына в сторону. Между ними состоялся небольшой, но

важный разговор, который развеял все сомнения и опасения Намтара:

– Не растёт ли между нами новая стена непонимания? – спросил Намтар, добавив: – Ты словно бы отдаляешься от меня. Вновь.

– Мы различны с тобой, это правда. Но подумай, так ли это плохо? Мы занимаемся тем, что нам лучше всего удаётся, по крайней мере, на данный момент. Ты – замком и прекрасным Садом, а я – Песками, которым нужен был свежий взгляд. Но наша цель едина – мы хотим преобразить Остров. Мы – дополнение друг друга до единого целого. И наши деяния – тоже, – обстоятельно ответил Нергал.

Обдумав с минуту его слова, Намтар ответил:

– Кажется, я понимаю, о чём ты. Я видел это в своих снах и теперь мне понятно их значение. Я видел в Песках не своё отражение, а тебя! Тогда видение было едва различимым, ускользающе тонким, но оно позволило сохранить связь между нами.

На его лице появилась чуть заметная улыбка.

– Ты научил меня всему, что знал. Я безмерно благодарен тебе и позволь мне отплатить тебе тем же, – сказал Нергал.

– Ты и так спас меня и мою душу. Ты помнишь тот день, когда ты вернулся на Остров? Да, это я спас тебя, вырвав из лап бури. Но этот день оказался чем-то б*о*льшим, – откровенно сказал Намтар.

– Я почти не помню ничего из тех дней. Не помню своего путешествия – оно осталось в прошлом и там ему самое место, – ответил Нергал, пожав плечами. – Только грозный океан и его бескрайняя жестокость иногда снятся мне ночью.

– Жаль, что нельзя повернуть время вспять и исправить ошибки прошлого, – с печалью в голосе сказал Намтар.

– А вот тут ты ошибаешься, отец. Я обнаружил удивительно свойство Песков – они позволяют перенести сознание назад во времени, наделив прошлого себя новыми мыслями и знаниями, – с торжеством в голосе возразил Нергал.

– Но как же судьба? Она неоспорима, а ты предлагаешь изменить её? Это невозможно! – удивлённо ответил Намтар.

– Время и судьба – это часть единого целого. Противоречивого, но неразделимого потока. Осталось лишь стать его частью, – продолжал Нергал. – Ещё немного и мы совершим прорыв, границы времени будут раздвинуты! Но этим зеркалам пока не хватает силы на что-то большее.

Намтар отказывался верить в услышанное, но где-то глубоко внутри он начинал осознавать, что Нергал прав. Всё это время он не видел общей картины, но свежий взгляд его сына и правда

позволил копнуть глубже и перевернуть в одну секунду все представления о Песках.

– Я знаю, что нужно делать, – всего-то и ответил Намтар.

***

Поняв, что он действительно мелко мыслил, Намтар решил кардинально решить вопрос сближения Песков и жителей замка, а затем и всего Острова. Он повторил сеть внутристенных каналов, используемых для воды, и создал подобную для Песков, пронизав ими весь замок. Тысячи потоков Песков струились сквозь его стены, наполняя своей силой. Миллионы песчинок бежали по ним, словно кровь по венам, превращая замок в живой организм. Как же глупо было наделять силой Песков только один маленький предмет, если можно наполнить ими целый замок! В таком случае становились ненужными все эти зеркала и прочая ерунда. Только Бездна, как вечный источник этой силы и огромный замок, пропитанный ею. А следующим шагом станет весь Остров! И тогда все смогут приобщиться к таинству Песков, объединив с ними своё сознание. И процветание сменится… Намтару не удалось подобрать слово, которое бы достаточно ёмко описало следующий этап преображения Острова. Для этого это ему потребуется особый манифест, который изобразит образ светлого, счастливого будущего. Людям, которые ещё не умеют читать судьбу и не познали её силу, этот манифест будет намного понятнее. Он должен быть кратким и доступным, а будущее описанное в нём, ярким и желанным. Поймав эту идею, Намтар решил, что ему стоит хорошо всё продумать и проработать – не стоит спешить с таким ответственным делом. Манифест, или как он назвал его «Дильмун» (слово, которое он нашёл в одной из древних книг и обозначавшее дословно «важное заявление») должен стать важнейшим элементом будущего Острова, его краеугольным камнем.

***

В отличие от воды, что сбегала реками с гор, Пески текли по каналам замка иначе. Все потоки представляли собой замкнутые круги, порождённые Бездной. Они устремлялись из неё и тянули за собой своеобразный «хвост», и, пройдя круг, возвращались к истоку. И всё повторялось вновь. Замкнутая, самоподдерживающая и самодостаточная система с неисчерпаемой энергией. Невозможное чудо, которое стало реальностью.

Иначе теперь Намтар смотрел и на судьбу. Если раньше он считал её строгой и прямолинейной, то теперь она напоминала ему такие же кольца, переплетённые между собой в единую, неразрывную цепь. Но при этом он был волен перемещаться по ним подобно Песку, словно бы постоянно утягивая себя вперёд и догоняя при этом сзади. Изменение судьбы было её частью, более глубоким слоем, который менял ещё и самого человека, ведь его сознание – это тоже её часть. И не пройдя этот странный путь, не изменившись разумом, невозможно было прочесть судьбу до конца верно, правильно истолковав все знаки. Любое взаимодействие с ней меняло её, приводя к истинному виду. И меняло самого человека, он уже не был тем, кем был прежде. И он должен доверять ей до конца, даже если она буквально ведёт его в пропасть – он уже успел в этом убедиться.

Пройдёт время, решил Намтар, и Нергал познает всю глубину и сложность силы судьбы. Она – это то, что невозможно познать, не погрузившись с головой, как он сам. Но кое в чём Нергал оказался прав, взглянув на Пески шире и рассмотрев их реальную движущую силу – время. То, что он рассказал Намтару, полностью подтвердилось и невероятно впечатлило его. Однако силы малых зеркал было действительно недостаточно. И даже если рассматривать Бездну как большую зеркальную чашу – её могущества не хватало, чтобы пройти сквозь время. Но у Намтара назрела одна грандиозная идея, наполнение замка Песками для которой было лишь первым шагом.

***

Шло время и магия Песков пропитала и преобразила замок. В любой его точке воздух имел чуть золотистый оттенок – Песок был повсюду. Он висел в воздухе, мерно шуршал в стенах и, кроме того, менял самих людей. Всех, даже тех, кто был далеко от учения Намтара и Нергала и от Песков вообще. Менялось и перестраивалось их сознание, они становились более целеустремлёнными и вдумчивыми. Они пропитывались теми же идеями, что и Намтар когда-то и уносили их с собой, в свои поселения. Но Намтар желал большего – чтобы Песком был пропитан весь Остров, каждый камень и даже воздух. Бездна становилась с каждым днём только могущественнее, словно огромный пожар, что разгорался всё сильнее и сильнее.

И в какой-то из дней Намтар наконец-то понял, что должен сделать. Он чуть не повторил старую ошибку, топчась на месте, но судьба сама указала ему путь. Его манифестом, его самым важным и сильным заявлением был сам замок! Не жалкий клочок бумаги с записанными на нём словами, какими бы они не были, а

реальное чудо, которое было видно из любой обитаемой точки Острова. Он был символом перемен, стремления к лучшему. И при этом оставался живым, настоящим – всем было очевидно, каким образом он меняет всё вокруг. И даже не важно, кто был его главой – сам Намтар, или Нергал, что займёт его место после смерти отца. И потому он нарёк замок именем Дильмун, представив его жителям Острова под новым углом.

– Этот день знаменует собой начало новой эры! – сказал он толпе.

И Пески стократ усилили его слова и их смысл на языке сознания, который теперь был доступен всем, хотя бы на уровне каких-то неявных глубинных ощущений. Которым ещё предстоит стать чем-то б*о*льшим, возможно даже через несколько поколений. Но стены Дильмуна уже возвышались над Островом, и с каждым днём он становился всё прекраснее и сильнее вдохновлял людей. Они могли свободно прийти в него, прогуляться по Саду и даже заглянуть в Бездну – Намтар пошёл даже на этот рискованный шаг, опережая время и подгоняя судьбу. Хотя, конечно же, многое всё ещё не было понято жителями Острова в полной мере, превращая их отношение скорее в религиозный трепет. А перед Бездной не робел лишь редкий гость – слишком долго она была окутана тайной.

Не желая превращать Дильмун в бессмысленный идол, вроде тех, которым люди поклонялись в древности, Намтар желал постоянно менять и развивать его. Дильмун не заканчивался там, где возвышались его стены. И возле крупнейшего поселения Острова было начато возведение двух высоких Дозорных Башен, что возвышались над Островом и глядели вдаль – идею подал ему Нергал, напомнив о таинственном враге, нашествия которого он по-прежнему опасался. Сами же башни, поначалу тайно, а затем и вполне открыто были выходами каналов для Песка, что тёк в эту часть Острова. Этот шаг превращал Остров и замок в нечто неделимое, в единое целое. Намтар прямо в процессе преображения понимал суть своего творения. Его манифест, Дильмун – это теперь весь Остров, а не груда камней, сложенных в красивый замок. Новое название было делом времени, ближайшей перспективой. И, чтобы сохранить преемственность, Намтар решил создать символ Острова Дильмун, который вобрал бы в себя прежнее название, Усаггигкар, обозначавшее не то «чёрная гора», не то «чёрная голова», происходя от какого-то ещё более древнего названия. Взяв чернила и самый первый лист своего дневника, Намтар крупно написал слово «гора», которое выглядело как три треугольника – один наверху и два в основании, все повёрнутые одиночной вершиной к низу. Затем он начертил вокруг них круг, сделав линию очень широкой, а внизу

– два круга поменьше. Они обозначали сам Остров, внешнюю стену и две Дозорных Башни, охранявших Остров с самой уязвимой, южной стороны. И венцом символа был ещё один перевёрнутый треугольник, покрупнее, – он символизировал Бездну, даровавшую Острову Песок и надежду на будущее, навсегда изменив его жизнь. Немного подумав, он добавил последний штрих, проведя вниз от верхнего треугольника широкую полосу, заострённую к низу – так выглядели Пески, что струились по стенам замка и растекались по всему Острову.

К тому времени, как символ перебрался на вытянутые по вертикали знамёна жёлто-золотистого цвета, он приобрёл более вытянутые очертания – треугольники слова «гора» перестали быть равносторонними, а полоса в центре выходила за пределы круга. В некотором смысле Намтар вернулся к изначальной идее, создав-таки своего рода манифест. Но этот символ был бы ничем, абсолютной пустышкой, не будь самого замка в его текущем виде.

Со временем, этот символ был воспроизведён над выходом из зала, где теперь была расположена Бездна. Из двух колец, символизировавших башни, струился Песок, падая обратно в породившую его Бездну – круг замыкался. Сам зал лишился древней ротонды и теперь поверхностью для символов, по которым Намтар читал судьбу, стал огромный куполообразный потолок нового зала. Очертания прошлого стирались повсюду, всё становилось иным.

***

Лишь одно тревожило Намтара – его сны. Кажется, ему передалась тревога Нергала относительно грозного океана и неведомого врага, которого он так и не смог толком описать, ссылаясь на то, в каком состоянии он был. Они вместе много раз предпринимали попытки найти хоть какие-то обрывки воспоминаний или намёки в глубинах разума Нергала, но им ничего так и не удалось. Сплошной туман и непонятные, мрачные образы, которые теперь проникли в сны Намтара. Но они бы так и остались снами, если бы он не начал видеть плохие знаки в нити судьбы. Намтар не мог найти им объяснения, они были такими же размытыми и туманными. Что это может быть? Им всегда удавалось отражать любые нападения на Остров – почему в этот раз что-то должно пойти не так? Намтар распорядился удвоить охранный гарнизон, дал Зулу особые полномочия, а также попросил Нергала пристально следить за выполнением своих поручений. Сам же он сконцентрировался на скорейшем распространении Песков по окрестным землям.

И вот, когда его проект был почти завершен, и Намтар даже почувствовал небольшое облегчение – его тревога отступила, вместе с беспокойными снами – произошло нечто ужасное. Океан проснулся, задрожала земля и часть Острова ушла под землю, разделив его на две половины. Сама стихия была против Намтара и его творения, пробудившись от вечного сна и показав свою истинную природу. Сначала затопило все низины и пустоши между замком и Дозорными Башнями, а затем вода подобралась вплотную к стенам замка с одной стороны и поселениям людей с другой. Со временем вода прибывала, и затопленные участки уходили всё глубже, пока однажды окончательно не скрылись из виду, под толщей океанской воды.

Теперь Остров состоял из двух частей – внешнего кольца, которое не было до конца замкнуто и по форме напоминало полумесяц, и центральной части – горы, растущей прямо из воды, на которой был расположена замок. Теперь она была особенно уязвима – используя пролив во внешнем кольце, становилось возможным подвести корабли прямо к её стенам. По совету Нергала, он был срочно превращён в крепость – неприступную, с высокими отвесными стенами. Множество выходов было завалено, а стены замка были переделаны таким образом, чтобы можно было вести оборонительный бой с неприятелем. На время Намтару пришлось смириться с тем, что его детище потеряло свой облик. Название, придуманное им, хоть и прижилось, но потеряло свою силу и смысл. Замок пострадал и изнутри, местами обвалившись и даже порушившись. Нелегко пришлось и остальным жителям Острова, вне замка. Погибли посевы и животные, поселения были разрушены или затоплены. Чувство страха и незащищённости вновь поселилось в их сердцах. А кроме него – недоверие к Намтару, боязнь его идей и экспериментов.

Намтар проводил дни напролёт в размышлениях. Он понимал, что теперь люди теряют связь с Песками и на их мысли пала тень сомнения. И даже он сам пытался пересмотреть свои взгляды и идеи – так глубоко он был потрясён. Он искал хоть какое-то объяснение произошедшему и способ решить проблему. Намтар оказался всего лишь маленьким бессильным человеком на поле битвы двух могущественных стихий. Океан стремился пожрать всё то, что однажды сам и породил. А Намтару сейчас остаётся лишь приспосабливаться к новой реальности. Это она скрывалась за туманом неясных видений и знаков судьбы, которые он так и не успел вовремя расшифровать.

В какой-то момент Намтар вдруг понял, что он не там искал решение. Достаточно было лишь взглянуть на медальон чуть внимательнее – рельеф на нём в точности повторял новую форму Острова! Самый ясный знак, что он когда-либо видел, но слишком

поздно понял его значение. Но, как ни странно это дало ему надежду – у Намтара оставалась ещё одна нереализованная идея, успех которой мог стать спасением для Острова. Но затем он посовещался с Нергалом и они пришли к выводу, что нельзя полагаться лишь на одну идею, и им обязательно нужен запасной план. Битва за умы людей ещё не проиграна, считал Нергал.

– Что если отбросить все промежуточные шаги и пропитать тела людей Песками напрямую? – предложил он. – Я видел это в линии судьбы. Кажется, я прозрел!

Глава 17. Механическая Башня

Мои худшие опасения по поводу воды подтвердились… Это сонная, но опасная стихия. Теперь я понял, о чём предупреждал меня Нергал. И, боюсь, это лишь начало – дальше может стать только хуже. Что, если весь Дильмун уйдёт под воду? Я должен задействовать всю мощь Песков, любую возможность, что они дают, чтобы предотвратить это!

Во-первых, отныне я веду все записи только специальными несмываемыми чернилами. И это относится не только к этому дневнику, но и ко всем книгам моей школы. Я не хочу быть стёртым из истории и не допущу разрушения всего того, что я с таким трудом достиг!

Во-вторых – я удваиваю свои усилия по распространению Песка по всему Острову – их мощь теперь будет противостоять коварной стихии, а не просто служить источником знаний, средством общения или предсказания Судьбы.

И, наконец, я собираюсь отогнать воду назад. Я и Нергал долго изучали природу Песков, и нам удалось обнаружить их поистине чудесную способность! Та сила, перед которой отступит любая стихия. Если поначалу Пески позволяли лишь видеть обрывки в тумане грядущего, то теперь мы знаем – они способны заставить расступиться само Время. Нужно лишь собрать огромное количество Песка в одном месте, сконцентрировать практически в одну точку и тогда их сила умножится настолько, что реки потекут вспять!

Я распорядился устроить особый зал, куда стекалось просто неимоверное количество Песка. В его центре, на полу, эти потоки сходились в одной точке, концентрируясь в ней и обретая особую силу. Что-то подобное я уже делал, создав зеркальные чаши, но тогда я не понимал всей скрытой мощи своего творения. И чтобы призвать Пески в эту точку, достаточно было использовать медальон, к которому они всегда стремятся. После этого Пески закручиваются в вихрь, который уносит тебя в прошлое или будущее.

Пришло время изменить ещё кое-что. Название «Пески Судьбы» было неточным и слишком однобоким. Отныне, я нарекаю их Песками Времени! Они как стрела, что пронзает прошлое, настоящее и будущее. Позволяют видеть всё наперёд, в тысячи раз ускоряют поиск ответов на любые вопросы и позволяют управлять ходом времени. Их мощь настолько велика, что можно перемещаться во времени как угодно – на месяцы и даже годы. Достаточно лишь передать свою волю, касаясь медальона, и преграды исчезнут. Я вернусь в прошлое и

исправлю свои ошибки! ***Ни за что не стоит сдаваться, покуда есть возможность их исправить!***

Дневник Намтара, запись 47

***

Спустя несколько минут движения Принца стали более уверенными и точными. Он почувствовал в себе силы вновь двигаться вперёд, отчаянно ища спасения в лабиринтах времени. Он отчётливо ощущал, что его разум сейчас практически чист – он не чувствовал влияния Императрицы. Она покинула Принца, перестала путать его мысли и всячески сбивать с толку. Отступилась ли она на самом деле? Вряд ли. Видимо, она приготовила для него что-то ещё, возможно даже более суровое испытание. Видение, безусловно, было делом её рук – оно не могло быть таким реальным и живым, будь оно обычным сном.

Принц с радостью обнаружил, что его нога теперь не болит и он может уверенно идти, а при необходимости даже бежать. Это, вкупе с тишиной в его голове, успокаивало и воодушевляло его. Но это продлилось недолго – мысли вновь заволокли его разум, как облака небо в хмурый день. Да, ему было проще считать всё произошедшее в Саду видением, иллюзией. Дверью, за которой он был заперт и чудом нашёл выход. Но, кроме того, что боль в ноге утихла, у него не было веских доказательств этому. Скорее всего, верна его другая догадка: Императрица подвергла его разделению. И он, кажется, ещё не сошёл с ума лишь потому, что у него был медальон, о котором она не знала! Ему следует беречь его, сохраняя втайне обладание им, ведь только благодаря его таинственному могуществу он всё ещё остаётся целостной личностью. Медальон даёт ему возможность находиться в каком-то одном из двух неполноценных тел в каждый определённый момент времени. Таким образом, он нарушает коварный замысел Императрицы, которая хочет разорвать его разум надвое, заставляя обе его половины сходить с ума. И, возможно, запереть его в каком-то одном времени – он перестанет чувствовать его ход, как это уже было с ним в Саду. Но, если медальон даёт ему такие преимущества, то где же он на самом деле? Вернее, когда? В каком из времён? Куда он отправился в первую очередь – в Сад или Механическую Башню? Или всё-таки это происходит одновременно?

Его размышления резко прервал разговор двух стражей впереди, что стояли впереди, на выходе из очередного коридора. Вернее, это больше походило не на разговор, а на редкий обмен односложными фразами (их смысла Принц почти не понимал, но

они были короткими и безэмоциональными). Тем не менее, Принц отметил, что солдаты Императрицы сильно отличаются от чудовищ, встреченных им в Азаде. Но, скорее, не внешне, а поведением. Они были куда смышлёнее, действовали организованно и даже общались друг с другом. Они не были порождены той неистовой бурей Песков, что сметала всю жизнь на своём пути, когда Принц открыл Часы. Очевидно, Императрица управляла этим процессом и создавала воинов, которые могли быть действительно полезны, в чём-то даже отдалённо напоминая людей.

Принц выхватил меч и, всё ещё оставаясь незамеченным, бросился на своих врагов. Атака со спины давала ему преимущество первого удара. Сейчас ему было вовсе не до чести, тем более он знал, что ни одно из чудовищ не озаботится игрой по правилам. Разбежавшись как можно сильнее, Принц запрыгнул на спину одному из солдат и, оттолкнувшись, перемахнул через него, одновременно разворачиваясь в воздухе и нанося смертоносный удар. Кровь брызнула на стену, а тело чудовища почти мгновенно оказалось охвачено золотистым облаком Песка, которое постепенно поглотило его. В эти несколько секунд Принц лишился своего преимущества и всё, на что ему оставалось надеяться, так это на собственные реакцию и ловкость. Он пригнулся, пропуская над головой меч второго охранника – тот успел отреагировать и уже атаковал Принца. Не дав отвести солдату руку обратно, Принц встал, ухватился за неё и, повернувшись спиной к противнику, перебросил его через себя. Тот перекатился и прежде, чем он успел поднять выпавшее оружие, увидел Принца, хищным броском летевшего к нему с мечом, занесённым над головой. Удар пришёлся точно в грудь, несмотря на попытку чудовища защититься и откинуть Принца в сторону. В этот раз смерть охватывала тело противника чуть медленнее – сначала потекла кровь, затем кожа приобрела золотисто-серый оттенок, и лишь после этого Песок поглотил тело. Всё это время монстр уже не был способен сопротивляться. Его движения говорили о медленной агонии.

Вскоре на шум подоспело ещё трое охранников. Они выглядели очень похоже на двух уже убитых Принцем и на тех, с которыми он столкнулся в море и у входа в крепость – безликие чудовища в костяных масках, сделанных из черепов животных. Принц, распалённый битвой, – он словно бы скучал по настоящей схватке на мечах, вместо блужданий в коридорах времени и собственного разума – бросился на них. Язык битвы был тем самым наречием, на котором он мог изъясняться по-настоящему изящно и красноречиво. Он был понятен любому, и не

существовало никаких преград для такого разговора – сейчас он был уместен как никогда.

Перед очередным броском, Принц схватил с пола кинжал, оставленный одним из чудовищ и, увернувшись от удара топором, нырнул противнику за спину и вонзил кинжал ему в шею, чуть сбоку. Ранение было неглубоким, поэтому Принц выдернул кинжал, вновь окропив стену кровью, другой рукой обхватив врага за шею и лишив его возможности двигаться, и вонзил кинжал в грудь противника. Всё это время он находился спиной ко второму стражнику, который собирался вот-вот пронзить Принца. Но, на самом деле, он не потерял бдительность – это был лишь обман. Принц резко развернулся в нужный момент, выставив перед собой солдата, которого удерживал левой рукой и клинок вошёл ему в живот. На сей раз, рана была смертельной.

Где-то поодаль раздался низкий глухой удар, словно валун ударил о землю, скатившись со скалы. Удар был таким сильным, что стены ненадолго задрожали.

Второй стражник выкрикнул третьему:

– Предупреди остальных!

Мгновения спустя, Принц перебросил меч из левой руки в правую и с лицом, полным гнева, отсёк голову второму стражнику. Принцу доводилось делать это и раньше, но в этот раз он обратил внимание, что кровь не бьёт из шеи солдата, а лишь неспешно вытекает, до тех пор, пока Песок не поглотит тело целиком. Но, несмотря на увлечённость битвой, Принц сумел разобрать слова только что убитого им стражника и, опасаясь наделать шуму и привлечь новые отряды врагов, поспешил схватить топор, выроненный одним из врагов. Уже через секунду он бросил его, раскроив череп убегавшему солдату, и его тело покатилось вниз по лестнице, огибавшей скалу на выходе из коридора.

Путешествие к Механической Башне сулило оказаться куда интереснее и насыщеннее безобидной прогулки по Саду. И, судя по всему, это было лишь началом, прелюдией к настоящему сражению. Императрица, по-видимому, решила сменить тактику, потерпев неудачу в затуманивании сознания Принца. В Саду ему не повстречался ни один враг, кроме Дахаки и Существа, а сейчас она, похоже, обрушит на него всю свою мощь.

Принц, инстинктивно сжав в руке меч, медленно подошёл к выходу и выглянул из-за угла. Поблизости никого не было, но лестница упиралась в огромную закрытую каменную дверь, открывавшуюся изнутри. Она была высокой и выглядела невероятно массивной – какая сила могла поднять её? Осмотрев её, Принц понял, что он не сможет перебраться на другую сторону. Ему даже не за что было зацепиться. Справа от него

высилась отвесная скала, а по левую руку зияла пропасть, на дне которой волны бились о камни. Обернувшись, он вдруг увидел сбоку от выхода малоприметный проход. Лучи солнца так причудливо падали на него, что он практически сливался со скалой. При этом Принц обратил внимание, что солнце расположено не там, где оно было и во время его скитаний по Саду, – время только близилось к полудню.

Он усмехнулся, подумав: «И это всё? Чтобы сбить меня с пути, нужно что-то посерьёзнее».

Ход, очевидно, вёл на балкон, вырезанный прямо из скалы и недостижимо нависавший над Принцем. Оттуда, скорее всего, и прибежала подмога, с который Принц только что расправился. И, стоило ему подумать об этом, как он услышал торопливые звуки шагов откуда-то сверху.

«Снова?» – подумал Принц. Он понимал, что может часами сражаться с солдатами Императрицы и всегда выходить победителем их схватки. Чего же она хочет? Измотать его? Или…

У Принца на секунду закружилась голова, он на мгновение почувствовал себя кем-то другим. Очень похожим на самого себя, но с иными воспоминаниями. Скользкими и туманными – ему не удалось ухватиться за них, они утекали, как песок сквозь пальцы, оставляя какое-то странное чувство тревоги. Ощущение, что он делает что-то неправильно – не впустую, а именно неверно. Но что именно и как же тогда правильно?

Главной своей ошибкой он видел то, что до сих пор он, в некотором смысле, играет по правилам Императрицы и, несмотря на бегство от одного видения, он постепенно увязал в другом. Она намеренно тянула время и запутывала его, а теперь отвлекала постоянными битвами. Ему следует, несмотря ни на что, поспешить найти незнакомку. Она, по-прежнему, единственная, кто может пролить свет на происходящее.

Не раздумывая более, Принц расправился ещё с парой стражников, одного из которых он просто сбросил со скалы. Независимо от того, какая судьба ждала его после падения, он уже не представлял помехи для Принца, который устремился вверх, на балкон. С него он рассчитывал перебраться на другую сторону закрытой двери.

Балкон представлял собой дозорный пункт, с которого открывался отличный вид на всю местность вокруг. Кроме того, он мог служить укреплением для того, чтобы держать оборону при осаде. Стало быть, Башня была чем-то очень важным для Императрицы и всей крепости.

Отсюда, с высоты, Принц, наконец, мог хорошо рассмотреть саму Башню – до этого он видел лишь её верхушку, терявшуюся в тумане, сползавшем с горы. Теперь он увидел, что за дверью

расположен двор, с одной стороны ограниченной пропастью, а с другой – каменной стеной, с установленными на ней механизмами, приводимыми в движение потоками воды. Часть этих потоков устремлялась по специальным каналам прямо в пропасть. В дальнем конце двора виднелась ещё одна массивная дверь, преграждавшая вход в Башню. Отсюда Принц не мог определить, удастся ли ему преодолеть её, но выбора у него не было: в этот момент Императрица трудится над созданием Песков Времени и она очень близка к завершению. Вся его судьба стягивается в одну точку, настолько маленькую, что в ней невозможно ничего рассмотреть. Всё решат секунды, крошечные мгновения.

Со стороны Башни доносился скрип дерева, лязг цепей и всё это смешивалось с гулом потоков воды. Принц догадывался о том, как вода разрушительно влияет на Пески и потому удивлялся, как чудесным образом они сосуществуют в этой крепости, служа единой цели. Энергия воды приводит в движение все механизмы, управляет дверьми и неизвестно чем ещё. Но эти действия монотонны и предсказуемы, повторяются изо дня в день. Пески же наполняют это место какой-то особой жизнью, создавая иную, отличную от привычной, реальность. И эти могущественные стихии словно бы кружатся в танце вокруг друг друга, но без прикосновений.

Принц аккуратно перелез через перила балкона и после одного точного прыжка оказался на стене, что подпирала могучую дверь, после чего поспешил спрыгнуть вниз. Стена была высокой, но всё же это разные вещи – забираться наверх и прыгать вниз. Перекатившись, Принц чуть подпрыгнул и, встав на ноги, сразу же схватился за оружие. Он был уверен, что когда оглядывал двор с балкона, то не видел никого, он был пуст. И оставался таковым, когда он перебрался на стену. Но стоило ему прыгнуть вниз и на секунду выпустить его из виду, как, неизвестно откуда, появился ещё один отряд стражей – те же самые, в уродливых каменных масках. Принц до этого считал, что расправиться с ними сравнительно не сложно, ему даже не требовался кинжал, как тогда, в Азаде. Эти монстры были чуть иными, в них было что-то человеческое. Но, скорее, лишь в их телах, а не сознании. Правда, теперь Принцу думалось, что они не так уж просты, как казалось на первый взгляд. Словно бы на место одного падшего приходит двое новых.

На этот раз их было шестеро. Принц не решался сразу бросаться в бой – не потому что он боялся схватки. Он перестал понимать, к чему это может привести. Раньше победа в битве была для него всегда однозначной, теперь же он опасался, что

может сделать лишь хуже. Но и выбора у него не было – песчаные солдаты окружили его и наступали одновременно со всех сторон.

На этот раз они приближались медленно, словно с опаской. Хотя раньше Принц не замечал, что им может быть знаком страх. Этот оранжевый свет, что горел в их глазах, заглушал боль и чувство опасности. В таком случае, что же это было? Ожидание? Но чего? Того, что он совершит ошибку? Или что-то вроде любопытства? Что, если они – глаза и уши Императрицы и это она сейчас наблюдает за ним?

И вдруг Принц услышал знакомый омерзительный смех Шади, которая, успокоившись, сказала:

– Что, так и будешь ждать, когда они убьют тебя? Или мне стоит сделать это самой?

Принц повернул голову и увидел её, вновь целую и невредимую. При прошлой их встрече он так и не успел понять, действительно ли она всё ещё жива или это лишь иллюзия? И если раньше он склонялся ко второй версии, то теперь уже начинал сомневаться, после всего того, с чем он столкнулся. Но он не собирался тратить время на размышления, он желал как можно скорее на деле узнать, чего стоят её слова. Если потребуется, он убьёт её ещё раз. А затем ещё и ещё. Что угодно, лишь бы убрать её со своего пути, хотя бы на время. Может быть, всё-таки дело в том, что у него нет кинжала?

Принц почувствовал прилив ярости, дикой и неуёмной. Животного гнева, который утяжелял его дыхание и пульсировал веной на скуле и виске. «Убить! Уничтожить!» – думалось ему. И вдруг он почувствовал, что помимо его собственной ярости в нём просыпается что-то ещё, наполняет энергией и доселе неведомой ему силой. Его тело перестало в полной мере случаться его, а гнев буквально затуманивал взор, подвергая его жизнь опасности. Его лицо было перекошено гримасой злобы, которую он собирался выплеснуть на своих врагов и особенно на неё. В какой-то момент его тело задрожало, а затем словно бы сжалось в комок. Он почувствовал холодное жжение на груди и буквально через секунду во все стороны от Принца устремился песчаный вихрь, что как взрыв разбросал врагов в разные стороны с огромной силой. Через мгновение их не стало – лишь лежавшее рядом оружие напоминало об их недавнем присутствии. Сам Принц почувствовал при этом, что медальон словно бы напитывается Песком, которым были пропитаны тела солдат. Ему же самому понравилось это чувство бесконтрольной силы, что одним безумным броском вырвалась из него и мгновенно расправилась с окружившими его неприятелями. На его лице зажглась хищная улыбка и он, поддавшись этому новому чувству, бросился к Шади, намереваясь уничтожить и её.

Принц не знал, понимает ли она, что именно сейчас произошло и знает ли она о медальоне, – о, как он ценен! – но он увидел, как она переменилась в лице, когда он одним махом сразил шестерых. Именно то, как он это сделал!

– Теперь тебе не уйти! – крикнул ей Принц за секунду до удара.

Удара, что лишь рассёк воздух – его меч не почувствовал плоти. Иллюзия! Это всё-таки обман! Неужели у Императрицы нет средств помощнее, чтобы оставить его? Неуклюже упав, поскользнувшись в луже, Принц поспешил встать и повернулся к тому месту, где она всё ещё стояла и, вновь усмехаясь, смотрела на него. Принц на секунду остановился, тяжело дыша и не зная, что именно ему следует делать дальше. Вдруг он почувствовал, как у него на мгновение закружилась голова – он словно бы увидел следующие несколько секунд, прежде чем они наступили. Услышал, как Шади вновь говорит ему что-то и его тело неожиданно что-то поднимает в воздух и сдавливает, словно гигантская рука. Не зная точно, почему, Принц пригнулся и отпрыгнул в сторону, уворачиваясь от того, что должно было его схватить. И вновь лицо Шади на мгновение озарилось удивлением.

Принц услышал сбоку от себя тяжёлые массивные шаги, потом секунду тишины, во время которой на него легла огромная тень – гигантское чудовище, которого он не мог рассмотреть из яркого солнца, прыгнуло на него со стены. Приземлившись, оно попыталось схватить Принца огромной рукой, но он был достаточно далеко. Неужели медальон помогал видеть ему будущее? Но Принц не понимал, как и в какие моменты он может пользоваться его силой. Так, словно бы он сам решал, когда Принцу это нужно, а когда нет.

Перед Принцем стоял настоящий исполин, с коренастым телом, мало похожий на человека. Он был, как и все остальные монстры, покрыт серо-золотистой кожей, большая часть которой была защищена толстой бронёй, что казалось, врастала в его тело. Оно было, при этом, очень, даже чрезмерно, мускулистым. Принцу доводилось слышать легенды о големах, гигантских существах из камня, глины и металла, но встречаться лицом к лицу – никогда. Шади стояла чуть поодаль и продолжала, издеваясь, заливаться злобным смехом. Но если она явно была ненастоящей, то великан производил вполне недвусмысленное впечатление весьма близкой и осязаемой опасности. Всё это время она (а на самом деле – Императрица!) лишь отвлекала его, скрывая настоящую угрозу. Чтобы сразить его, когда он будет меньше всего готов.

– Убей его! – сказала Шади великану и, развернувшись, зашагала прочь, растаяв в воздухе. Тот, ничего не ответив, грузно зашагал в сторону Принца. Своей походкой и утробным рычанием он напоминал скорее зверя, чем человека или существо ему подобное. Императрица призвала его к жизни, наделив его разум лишь умением повиноваться командам и по максимуму использовать свою силу.

Принц отбежал назад, к тому месту, где он расправился с песчаными солдатами и схватил один из мечей, который показался ему удобнее того, что уже был у него. Вместе с тем, у Принца появилось несколько секунд, чтобы оценить обстановку. Он понимал, что атаковать такого противника в лоб не просто бессмысленно. Это верная смерть – он может уничтожить его одним ударом. Но его сила была одновременно и его слабостью – мощное тело делало великана неповоротливым, медлительным. Принц решил воспользоваться этим и притворился, будто бы собирается напасть на него спереди, но в последний момент пригнулся, уклоняясь от огромного кулака чудовища, и нырнул под ним, оказавшись у врага за спиной. Она тоже была закована в броню – несколько массивных пластин, стянутых кожаными ремнями. На них виднелся тот же символ, что и на флагах, развешанных по всему Острову.

Принц нанёс чудовищу несколько колющих ударов, но, казалось, они вообще не причиняли ему ни вреда, ни боли. В какой-то момент оно, разгневанное действиями Принца, издало грозный рык и вопреки своей неповоротливости и медлительности, резко подпрыгнуло на месте, разворачиваясь в воздухе. Принц не ожидал от него такой проворности, и чуть было не угодил под его гигантскую ступню, что вмиг раздавила бы его, вовремя успев отпрыгнуть в сторону. И тут внезапно Принцу в голову пришла идея – он обнаружил себя рядом с потоком воды, лившимся со стену и по стоку убегавшим к обрыву. Он подставил меч под него и снова, путём хитрости и обмана, оказался за спиной у великана. Принц ударил его по ноге и тот взвыл, присев на одно колено, что позволило ему забраться на спину чудовищу и нанести ещё одно ранение, в туловище. Второй удар был для него столь же болезненным, но подействовал иначе и заставил его резко встать и попытаться сбросить Принца со спины, ухватив его гигантской рукой или просто стряхнув с себя. Тот был вынужден всячески уворачиваться, держась, при этом, как можно крепче, за что угодно – ремни, металлические пластины или клёпаный горжет, защищавший шею. Кроме того, он переживал, что может ненароком потерять медальон. Если Принц вдруг лишится его, то исход битвы с чудовищем может оказаться весьма непредсказуемым. Он до сих пор просто

болтался у него на шее, не в силах причинить ему серьёзного вреда, лишь оттягивая его в сторону неприятностей и, время от времени водя его за нос, обманывая и хитря. Ну и ранение в ногу должно было помешать ему нормально передвигаться. Если только он не поймёт весь его замысел и не сбросит его.

Такое неудобное положение дел не останавливало Принца. Он был готов сражаться даже с гигантской одушевлённой каменной глыбой. Принц успел рассмотреть металлический горжет – такой не разбить мечом. Потребуется более мощное оружие, вроде молота или топора, чтобы добраться до уязвимой части тела чудовища. Поэтому он ещё раз нанёс удар в туловище – не такой глубокий, как в первый раз, но всё же болезненный для великана. После этого Принц, подпрыгнув, ухватился за горжет и изо всех сил потянул его на себя, заставляя чудовище пятиться назад, в сторону льющейся воды.

Принц почувствовал, как вокруг его тела смыкается огромный кулак чудовища – он оказался в зоне достижимости. И одновременно, этой же рукой великан коснулся воды и взревел от боли – вода буквально пожирала её и она исчезала на глазах. Последним отчаянным движением великан швырнул Принца в сторону, не в силах причинить ему иного вреда.

Падение потрепало Принца, но он был в гораздо лучшей форме, чем его враг – тот лишился одной руки, а его походка стала неуверенной и ещё более медленной. Но, несмотря на это, враг по-прежнему направлялся в сторону Принца, готовый продолжать схватку до тех пор, пока в живых не останется лишь один из них. Принц осмотрелся по сторонам и схватил увесистый топор, лежавший на земле – раньше его держал в руках один из стражников. После этого он бросился навстречу чудовищу. За несколько шагов до него, Принц круто повернул в сторону, уклоняясь от очередного удара оставшейся руки и, резко отпрыгнув от стены, вспрыгнул на эту руку, пробежал по плечу и подпрыгнул. Падая вниз, он нанёс мощнейший удар топором по горжету и тот отчасти поддался – несколько клёпок, скреплявших его воедино, вылетело, и он уже не казался таким прочным. Принц продолжил изо всех сил бить по нему, выбивая клёпку за клёпкой. Теперь уворачиваться от гигантской руки стало проще – Принц вовремя перебирался на остаток правого плеча, и, сколько бы чудовище ни пыталось, оно не могло ухватить Принца и сбросить его со спины. Однако его активное размахивание оставшейся рукой очень помогало Принцу – горжет всё быстрее приходил в негодность.

И вот, после очередного удара, он слетел с шеи чудовища и Принц мгновенно воспользовался шансом и вонзил меч, на котором ещё оставалось несколько капель воды, в голову

монстра, пройдя через его шею. Движения того почти мгновенно потеряли всякую осмысленность и оно уже не пыталось сбросить Принца. В отчаянии оно лишь, пошатываясь, зашагало в сторону Башни. Принц повторил удар и насел на голову великана так, что того потянуло вперёд. Это совпало с тем, что в последнем моменте своей агонии он перешёл на бег и со всего маху влетел в закрытую дверь, преграждавшую вход в Башню. И практически мгновенно его тело превратилось в огромное облако Песчаной пыли. Принц спрыгнул на землю за секунду до столкновения.

Обломки врат раздавили несколько стражников, стоявших за ними, и Принц вновь обнаружил себя в полном одиночестве, во внутреннем дворе Механической Башни. Теперь ему предстояло отыскать путь наверх, но его преграждала ещё одна закрытая дверь… Было в этом что-то знакомое, но он не мог точно вспомнить, что же именно. Словно забытый сон, в котором он никак не мог пройти за закрытую дверь, а потом никак не мог выбраться обратно. Но само ощущение было ускользающе тонким и невесомым. Лишь отдельные обрывки и фрагменты всё ещё держались в сознании Принца, наталкивая его на мысль о том, что Императрица опять пытается затуманить ему разум и стереть память о прошлом. О, как это удобно – каждый раз он будет помнить лишь короткий отрывок из своей жизни, и следовать за иллюзорными, выдуманными целями, заново пытаясь понять, где он находится и кто он вообще такой.

Принц уже не желал Императрице ничего, кроме смерти – ему было не важно, сколько ещё голов ему придётся отсечь. Он был готов искупаться в крови своих врагов, уничтожив любого, кто встанет у него на пути. Потому что лишь так он мог спастись от Дахаки – бегство рано или поздно окажется не самым действенным методом.

Вокруг воцарилась относительная тишина – кроме чуть приглушенного гула потоков воды где-то позади и всё ещё бешено колотящегося сердца, Принц ничего не слышал. Её нарушал разве что скрип водяного колеса неподалёку. Оно было расположено на боковой стене одной из пристроек Башни. Когда Принц приблизился к ней, он услышал удары молотов о наковальни и понял, что внутри расположена кузница, а колесо, наверняка, приводит в движение огромные меха, раздувая жар в печах. Из трубы в дальнем от Принца конце здания валил чёрный дым – работа была в самом разгаре.

Принц подошёл к массивному водяному колесу и, набрав воды в руки, несколько раз умылся, избавляясь от грязи и пота, а затем с наслаждением попил. Воистину, вода – источник всякой жизни. Живительная влага спасает людей и животных от смерти в пустыне, когда вокруг лишь один песок. Но, оказалось, что она

способна на большее. Принц не мог не отметить её силу в борьбе с песчаными монстрами – для них она была фатальна. Интересно, она действенна так же, как и кинжал или это лишь временный эффект? Но, пожалуй, кинжал был надёжнее – стоило Принцу заполучить его, и он всегда оставался бы при нём. А воды рядом могло и не оказаться.

Сейчас из всех реликвий у Принца был лишь медальон, но и он успел удивить его. Помимо того, что в нём скрыта огромная сила, которой он пока не может управлять и даже опасается её, – откуда ему знать, на что медальон способен по-настоящему? – Принц обнаружил другую его интересную способность: предвидеть будущее на несколько секунд вперёд. В каком-то смысле, этим он был похож на кинжал, но только он давал возможность не исправить уже совершённую ошибку, а предотвратить её. Но действительно ли он видит будущее? Что, если он лишь меняет сознание, делая его более восприимчивым? Что, если время всегда на несколько секунд впереди, но мы осознаём его чуть медленнее, с небольшим опозданием? А медальон просто позволяет устранить это несовершенство?

Принц ухватился за одну из спиц водяного колеса и поднялся наверх, соскочив на карниз. Пройдя по нему, он украдкой заглянул в одно из окон кузницы – там действительно вовсю шла работа. Принц вновь заметил обычных людей, вроде тех, что он встречал в Саду, но всё таких безвольных и ко всему безразличных. Скорее всего, им доставалась самая тяжёлая часть работы.

Несмотря на всё ещё горевшую в нём ярость, Принц решил не привлекать лишнего внимания – Императрица наверняка приготовила для него ещё немало испытаний – и, балансируя на узком карнизе, двинулся дальше. Вскоре он достиг места, откуда мог спрыгнуть на один из переходов, соединявших кузницу с Башней.

Мост упирался в скалу, обогнув которую, Принц мог попасть в Башню – эта дверь была открыта. Но он заметил у входа стражу и решил действовать иначе – не тратить время на сражения, а, обогнув скалу с другой стороны, ухватился за одну из больших цепей, тянувшихся к середине башни. В этом месте из стены выступало ещё одно колесо, неподвижное. Очевидно, оно приводило эти цепи в движение, являясь частью какого-то большего механизма. Но сейчас это не слишком-то занимало Принца – он поспешил как можно скорее вскарабкаться по цепи наверх и проникнуть в Башню. Добравшись до деревянного колеса, Принц перебрался на него и оказался в тесном проходе, не предназначенном для человека. Ему пришлось идти вприсядку, чтобы протиснуться к жёлобу, по которому лился

поток воды, отводимый в сторону – скорее всего он каким-то образом управлялся, позволяя приводить колесо в движение. Пока этого не произошло, и поток был достаточно слаб, Принц забрался в него и, по колено в воде, проследовал наверх, на всякий случай, придерживаясь за выступы на стене.

Ему повезло – ход вёл внутрь Башни, но был расположен так, что позволял по-прежнему оставаться незамеченным. И самому выбирать, когда раскрыть себя – оставаться в тени долгое время у него не получилось бы всё равно: он видел, как всюду ходит стража, озираясь по сторонам и ожидая его появления. Пройти мимо них всех было невозможно. Но у Принца хотя бы была возможность осмотреться и всё спланировать.

Башня изнутри была полой, практически без перекрытий и перегородок. Основу всех внутренних конструкций составляли подвесные деревянные платформы, лестницы и мосты, устроенные множеством ярусов. Все они выглядели так, будто их регулярно перестраивают, под текущие нужды. Немногочисленные каменные конструкции служили опорой для более крупных механизмов, среди которых, помимо водяных колёс попадались системы из шестерней, каналы для воды, которая устремлялась вверх по желобам благодаря винтовому валу, приводимому в движение другим потоком. Неподалёку от того места, где находился Принц было одно горизонтальное водяное колесо – оно вращало массивный вертикальный вал, который уходил в одну из стен Башни. Принц вспомнил водяную завесу, за который каждый раз были скрыты временные порталы и решил, что вода в них наверняка накачивается благодаря одному из этих механизмов. И таким же образом она поступает в фонтаны, что бьют в Саду.

Сад! Глаза Принца расширились от удивления и он заводил головой озираясь по сторонам, не до конца понимая, где он находится. Его дыхание стало прерывистым и тяжёлым. Он вспомнил! Совсем недавно он был совсем в другой части крепости и, хотя всё это показалось ему сном, видением, скорее всего, было правдой. Той, что Императрица заставила его забыть! Она хотела принудить его вечно бегать туда и обратно, забывая то, что было час назад и изматывая его битвами. И оттого Принц ещё сильнее удивлялся, как ему повезло выхватить это случайное воспоминание из омута памяти, разглядеть его в густом тумане собственных мыслей. Императрица определённо делала это намеренно, ей было что скрывать, она преследовала цель не дать Принцу что-то обнаружить или чего-то достичь. Но чего? Может быть, она боится не его, а её, свою дочь, что посмела пойти против её воли? Задавая себе эти вопросы, Принц почувствовал новый прилив воспоминаний – он уже думал над ними прежде и

пришёл к тому же выводу – ему нужно попробовать спасти незнакомку и обо всём её расспросить. Теперь, когда её жизнь зависела только от него, она наверняка будет помогать ему более охотно. Ведь все её собственные планы провалились.

На руку Принцу было то, что изнутри Башня была плохо освещена и повсюду шумела вода – если (вернее, когда) его заметят, то хотя бы не все сразу. Он сможет избавляться от врагов на своём пути небольшими группами. И, подгоняемый нахлынувшими воспоминаниями, Принц выпрыгнул из тени и устремился к верху Башни, раскидывая врагов в стороны и даже отрубая канаты целыми секциями, заставляя их падать вниз. До тех пор, пока этого же самого не сделало Существо, внезапно появившееся перед ним. По его лицу пробежало удивление, но лишь на мгновение. Принц вспомнил, как оно заключило его за массивной дверью, и гневно крикнул ему:

– Да что тебе нужно от меня?

Но между ними уже был непреодолимый провал – целый пролёт подвесного мостка рухнул вниз, и Принцу предстояло найти новый путь. Существо же опять поспешило скрыться, не вступая в прямое противостояние. Принц лишь успел отметить в его взгляде осмысленное выражение – он не был похож на таковой у обычного песчаного чудовища. Может быть, он обладает особым положением, вроде Шади? Или он – вообще иллюзия, как и она теперь? Но способна ли иллюзия обрушить мост?

Принц повернулся и набросился на трёх подоспевших стражников. Внутри Башни они были одеты иначе: их лица были замотаны красной тканью, оставлявшей только глаза (всё такие же оранжевые) и покрывавшей плечи и грудь. Ей же были обмотаны наручи и пояс солдат, поверх тёмных рубахи и штанов. Вместо топоров и грубых мечей, у каждого из них в руках Принц видел искусные сабли с широкими лезвиями. Видимо, стража крепости делилась на какие-то группы или кланы, отличаясь в одежде и оружии.

Одного из них Принц грубо толкнул под поток воды, что лился неподалёку. Схватив его оружие, Принц метнул другой меч в сторону второго солдата, что находился чуть поодаль. Попадание не прикончило его, но совершенно дезориентировало. Тем временем, Принц отразил атаку третьего врага – тот оказался более удачлив, и Принцу пришлось сойтись с ним в прямом столкновении. Как оказалось, эти солдаты гораздо лучше владели мечом и расправиться с ними было уже не так легко. Императрица явно училась на своих ошибках.

Когда меч Принца пронзил тело врага, тот успел прохрипеть:

– Я пал, но на моё место придут другие!

Эта фраза породила у Принца новые вопросы. Неужели его догадки были верны? Он надеялся, что это лишь простое совпадение, беспорядочность и необдуманность в действиях Императрицы. Но, кажется, она ещё только собиралась показать свою полную силу, если Принц будет достаточно ловок и везуч, чтобы не погибнуть почти сразу же. Её ловушки будут всё более коварными – уже сейчас она заставляет его создавать проблемы самому себе, без её участия.

Но что же, всё-таки, это за Существо? И почему медальон продолжал помогать Принцу, показывая будущее в битве с врагами, но был слеп перед его появлением?

***

Башня оказалась устроена несколько иначе, чем думал Принц. Добравшись до верха, он обнаружил проход к другой её части, гораздо более крупной. Та внутри была сложнее первой: механизмы были расположены плотнее, непостижимо связанные друг с другом. Поражало и их разнообразие. Например, в Башне было множество приспособлений для регулирования силы потоков воды: с помощью разделителей – специальных продольных перегородок, деливших силу канала на несколько частей, которые отводились затем по разным направлениям; замедлителей – поперечных лопаток с регулируемым вылетом, расположенных зигзагообразно по краям каналов, мешавших воде разгоняться. Но если по отдельности каждый из них казался относительно простым и понятным, то разобрать все хитросплетения и связи, образовывавшие этот единый сложнейший механизм, было попросту невозможно. Тем более, очевидно, его частью являлась и первая часть Башни, которая выполняла, скорее, служебные функции.

У Принца не было времени уделить всему этому достаточно внимания, но даже он заметил огромный механизм, который, благодаря маятнику и системе шестерней с противовесами совершал движения через равные отрезки времени. Невозможно было отрицать гениальность того, кто изобрёл это устройство, для чего бы оно ни применялось. С его помощью можно было подавать воду по каналам порциями, подстраивать работу механизмов друг под друга и просто отмерять время. И наверняка что-то ещё, но Принц не мог даже вообразить, что именно. Он лишь видел в них отличную иллюстрацию принципа «каждое действие имеет последствия» и понимал, что у всего есть свои причины, тот самый первый толчок, который запускает, как механизм, сложную цепочку событий. Его постоянное бегство от Дахаки было как раз одним из таких последствий, бороться с

которым было, к тому же, бесполезно. Принц не мог остановить бушующий поток воды, просто преградив ему путь. Но он мог управлять потоком, направляя его по собственному желанию в нужное русло – стоило лишь добраться до истока. И таким истоком в его судьбе было создание Песков Времени. Единственная первопричина всех его страданий и лишений.

Внутри второй части Башни не было так много открытого пространства, оно делилось на отдельные залы и переходы каменными стенами, колоннами и массивными перекрытиями. Преодолев несколько ярусов, Принц вдруг столкнулся ещё с одним гигантом, вроде того, что он одолел совсем недавно. Но ему повезло – тот не заметил его. И поблизости не было Шади, вернее её иллюзии. Скорее всего, Императрица использует этих големов для самой тяжёлой работы, там, где не справится ни послушный раб, ни песчаный солдат. Конкретно этот великан, как подумал Принц, управляет работой грузов часового механизма, вовремя передвигая их в нужное положение.

Принц незаметно прокрался мимо великана, стараясь не приближаться к нему и начал карабкаться наверх. Тот преграждал Принцу путь в следующий зал, и он собирался расправиться с ним, но, на этот раз, не рискуя своей жизнью. В какой-то момент великан всё-таки заметил Принца, но тот был уже недостижим и находился в относительной безопасности, поэтому великан стал просто наблюдать за ним. Принц же, пробравшись между гигантских шестерней, взобрался на смежную стену и стал продвигаться в сторону каменных противовесов. Поравнявшись с одним из них, Принц, воспользовавшись тем, что находился чуть выше, отпрыгнул от стены и оказался на его верхушке. Держась за трос, он начал раскачивать противовес из стороны в сторону. В одной из крайних точек Принц ударил по тросу мечом и груз полетел вниз. Через несколько секунд он бухнул о пол и раскололся на несколько частей. Но великан остался невредим и, хотя его лицо не выражало никаких эмоций, казалось, что он поднял взгляд, наполненный усмешкой и немым вопросом: «И это всё?».

Но замысел Принца с самого начала был несколько иным. Он уже успел изучить своего врага и знал, что он не слишком-то сообразителен. Достаточно было отвлечь его внимание таким простым трюком, снизив его бдительность. А тем временем второй противовес, который теперь ни что не удерживало, устремился, с небольшим опозданием к той точке, где стоял великан. И одним массивным ударом груз буквально уничтожил его, разметав вокруг остатки его брони и клубы песчаной пыли. Принц же всё это время держался за трос, а когда тот достиг

верхней точки, ухватился за перекладину и поспешил проделать обратный путь.

На шум сбежалась охрана, но Принц разделался с ней в мгновение ока. Удар за ударом, смерть за смертью (хотя они и так были давно мертвы) и стражники падали, превращаясь в горстки песчаной пыли. С кем-то Принц церемонился ещё меньше, просто толкая под льющуюся воду. Все его действия были решительными и жестокими – он не желал раздумывать, не пытался удивить врага или придать важности сражению. Это больше походило на расчистку пути от зарослей в непроходимых джунглях. Принц буквально уничтожал своих врагов, ненавидя их и опасаясь, что они могут вернуться к жизни. И так он продвигался вверх, ярус за ярусом, туда, где, как он был уверен, была заточена незнакомка.

Он желал помочь ей, если представится такая возможность. Но, в первую очередь, он хотел узнать у неё что-нибудь, что поможет ему в сражении с Императрицей – оно казалось ему неизбежным и единственно возможным выходом. Или то, что вообще поможет этой схватке произойти. Например, он собирался расспросить её о кинжале и о том, как его заполучить. Он пригодился бы ему в сражениях, потому что Принц до сих пор не был уверен, что смерти его врагов настоящие. Но кинжал бы определённо поставил точку в этом вопросе. Кроме того, это, наверняка, единственное оружие, способное убить Императрицу – вряд ли она уязвима для обычного меча.

На самый верх Башни вела длинная лестница, несколько раз опоясывавшая её. Пролёты лестницы соединялись узкими открытыми балконами. Выйдя на один из них, Принц окинул взглядом открывавшийся вид – весь внешний остров был как на ладони (столь высокой была Башня). Странным непостижимым образом, по форме этот двойной остров напоминал изображение на медальоне! Та же форма полумесяца, а крепость – жирная точка в центре. Почему же во времена Принца внешний остров пришёл в абсолютное запустение? Из-за посещения Острова Магараджей? Судя по всему, он посетил прошлое уже тогда, когда Песок был создан и, даже не смотря на это, смог одолеть Императрицу. Насколько же мощна была его армия! Но победив одно зло, он породил другое, привезя Пески Времени на большую землю. И, волею случая, вышло так, что его собственная судьба теперь тесно переплетена с этими событиями. Может быть, ему стоило бы попробовать повлиять в первую очередь на них?

Затем Принц взглянул вниз – порча часового механизма нанесла вред кузнице, затопив её. Снизу доносились крики, солдаты забегали вокруг – это давало ему небольшую отсрочку и передышку – все силы противника были сейчас стянуты туда.

Верхний ярус выглядел полупустым – здесь не было механизмов, а шум воды был заметно тише. Нарушал тишину лишь гул ветра, врывавшийся сквозь окна и крышу то с одной, то с другой стороны. По центру зала высился каменный постамент, к которому вёл один единственный мост, и на котором была установлена клетка. В ней томилась пленница, от беспомощности севшая на землю, упершись спиной в прутья. Сама клетка показалась Принцу знакомой, но не потому что он видел её в Саду. Она действительно очень походила на неё, но Принц чувствовал, что дело в чём-то другом.

Услышав шаги, незнакомка обернулась и, увидев Принца, привстала и заговорила первой:

– Тебе не следовало возвращаться. Эти места очень опасны! – сказала она.

– Так вот как ты встречаешь того, кто пришёл спасти тебя? – недоумённо спросил Принц. Слова незнакомки действительно немного задели его.

– Ты пришёл сюда не за этим. Я знаю, что ты заинтересован лишь в своём собственном спасении и хочешь через меня добраться до Императрицы. Прошу, хотя бы не нужно притворяться, что я для тебя важна чем-то ещё, – ответила она.

– Может быть, ты в чём-то и права. Но перестаёт ли дело быть благим, если оно сделано не по собственной доброй воле, а по необходимости? – возразил ей Принц.

– Дело не в этом, Принц. Я благодарна тебе за спасение моей жизни. Но я не знаю, будет ли благим делом помочь тебе в ответ, – пояснила незнакомка.

– Что ты имеешь в виду? Всё, чего я прошу – это немного информации! – снова непонимающе спросил Принц. И, не дожидаясь ответа, добавил: – Я могу освободить тебя, если пожелаешь, прямо сейчас, вместо того, чтобы пытать расспросами. Может быть это тебя убедит?

– Я не торгуюсь с тобой, пойми. Начав своё дело, я не рассчитывала на чью-либо помощь. Я знала, на что иду, осознавая все возможные последствия. Но я знала также, чего я хочу добиться от Императрицы. А знаешь ли ты, чего хочешь от неё? – попыталась объяснить незнакомка.

Принц, кажется, начинал понимать, к чему она клонит, но решил, что нет никакого смысла врать и изворачиваться. Его намерения проглядывались буквально насквозь, а любое неосторожное слово выдало бы его с головой. Он вздохнул и поведал незнакомке:

– Поначалу я желал просто встретиться и поговорить с ней. Но теперь я жажду схватки, после всего того, что она сделала со мной… и с тобой!

– О чём ты собирался поговорить с ней? Она занята созданием Песков Времени! – возразила незнакомка.

– Я знаю. Мне известно многое. И именно о создании Песков и была бы наша беседа, – ответил Принц. – Я хотел бы убедить её не создавать их.

– Что? Ты это всерьёз? Даже если ты действительно найдёшь способ сразиться с ней и одолеть её, то тебе ни за что не остановить создание Песков Времени! Их появление предписано в линии времени. Невозможно изменить свою судьбу! – усмехнувшись, отвечала незнакомка.

Принц замялся. Она повторила слова Зороастра, точь-в-точь. Два совершенно разных и никак не связанных человека. А совсем недавно то же самое говорила и Шади. Это возымело над ним силу и породило в его разуме новые сомнения. Меж тем, незнакомка продолжала:

– Ты говоришь, что тебя волнует не только своя собственная судьба, и что ты хочешь отомстить Императрице ещё и за меня. Но ты даже не знаешь моего имени! – упрекнула Принца незнакомка.

– Она, не дрогнув, осудила на смерть собственную дочь! – вдруг воскликнул Принц. Часть его сомнений была как раз о том, действительно ли он хочет помочь незнакомке или он не способен думать ни о ком, кроме себя? Он бросил отца, покинул Вавилон и… Принц буквально ощущал, как чувство вины тянет его куда-то вниз, в тёмную пучину, на самое дно, где во мгле мрачных мыслей не было ни единого проблеска надежды.

– Так, значит, ты в курсе и этого? – прервала незнакомка его размышления. – Да, это правда. Но я до сих пор не знаю, готова ли пойти против неё.

Принц молчал, не до конца собравшись с мыслями. Незнакомка вопросительно смотрела на него, приподняв правую бровь. В какой-то момент, когда молчание уже стало неловким, Принц вдруг опомнился и не нашёл ничего лучше, как сказать:

– О, прости! Я был таким… Как твоё имя?

– Кайлина, – ответила девушка.

Это имя… оно казалось ему знакомым. Словно бы он знал его всё это время, с самого начала, будто кто-то сказал ему его заранее. Но как это возможно? Вариантов, кажется, было всего два – или он действительно разделён надвое, как и Кайлина, и может хотя бы поверхностно ощущать свою вторую половину, пусть даже подобно ускользающему сну; или нормальный ход времени никуда не исчезал, а ему лишь казалось, что время застыло. А, значит, есть «до» и «после». Если только всё это не видение, сон, который он видит, уснув в заточении. Как он желал, чтобы всё это не было видением!

– А как зовут Императрицу? – вдруг спросил Принц, желая отбросить туманные мысли и узнать что-либо полезное.

– Её имени не знаю даже я. Что уж говорить о чужаках, вроде тебя? С самых ранних лет я звала её Императрицей, покорно склоняя голову. Иногда мне дозволялось звать её матерью, но не более того, – с печалью в голосе отвечала Кайлина, добавив через секунду: – Её имя я, возможно, узнаю лишь за мгновения до её смерти. И только если окажусь рядом.

– Стало быть, Императрица смертна? – спросил Принц, выхватив из всех слов собеседницы только то, что действительно интересовало его.

Кайлина тяжело вздохнула и ответила:

– Да, это так. Но мне тяжело говорить об этом. Я… она…

Девушка остановилась на полуслове, так и не найдя нужного. Она отвела взгляд в сторону и отошла на пару шагов. Принц почувствовал, что торопит события и постарался успокоить её:

– Знаешь, я тоже безмерно благодарен тебе. Тот медальон, что ты дала мне, оказал мне неоценимую помощь, – пробормотал он.

– Он всё ещё при тебе? – поинтересовалась Кайлина, не оборачиваясь к Принцу.

– Да, – ответил тот.

– Хорошо, храни его. Он очень ценен и поможет выживать тебе как можно дольше. Я знаю нрав Императрицы – она не остановится, пока не уничтожит тебя, – пояснила Кайлина. – Во всяком случае, пока она не одумается.

– О, поверь, я сполна испытал это на себе! Я даже до сих пор не уверен, что всё это не иллюзия, – ответил Принц.

– Что, если бы всё это и вправду оказалось обманом, видением? – поинтересовалась девушка.

– Боюсь, это ударило бы по мне очень сильно. Тяжело ощущать себя потерянным не только во времени, но и в пространстве. Словно бы подвешенным в пустоте, без опоры и ориентира, – рассказал ей Принц о своих страхах.

– Звучит безрадостно, – подытожила Кайлина.

– И, в конце концов, ты единственный человек, с кем я могу поговорить в этом месте, – добавил Принц. На этот раз он говорил искренне.

– Ты прибыл один? – спросила девушка, словно бы не обращая внимания на попытки Принца завоевать её расположение.

– Со мной на корабле приплыла команда из тринадцати человек. Некоторые погибли в море, при крушении, а некоторые – по пути к крепости, в джунглях на внешнем острове. Но мы

разделились у самого входа в крепость. Они не пожелали идти со мной дальше. Ещё бы, ведь я обманул их! – с сожалением рассказал Принц.

– Я сочувствую тебе, но никого из твоей команды уже нет в живых, – холодно ответила ему Кайлина.

Принц хотел что-то ответить, но не нашёл сил солгать самому себе. Где-то, в глубине души, он был согласен с ней и знал правду. И это подспудное ощущение вины уже давно тяготило его. Никто из них не выжил бы в этом месте, во всяком случае, без чьей-либо помощи.

– Прости, я вижу, это удручает тебя. Но Императрица беспощадна, а её солдаты – безжалостные убийцы, исполнители её воли, – с сочувствием в голосе сказала Кайлина.

– Нет, ты права, – с горечью ответил ей Принц. – Чудо, что я сам до сих пор жив.

– Почему бы тебе не покинуть это место? – спросила собеседница. – Пойми, я хочу, безо всяких колебаний, помочь тебе выжить. Но…

– Я не могу позволить себе такую роскошь. Спасибо за совет, но свобода – это не то, чем я владею. Свобода для меня – это тюрьма, потому что стоит мне остановиться, как меня настигнет зверь по имени Дахака и убьёт меня, – разъяснил, наконец, Принц.

– Значит, я была права? – спросила Кайлина.

– В догадке о том, что я хочу изменить свою судьбу? – ответил Принц встречным вопросом. Хотя, по её тону казалось, что она и не ждала никакого ответа, а лишь высказала свою мысль вслух.

– Нет. В том, что сомневалась, помогать ли тебе. Я говорю не о спасении жизни, а о твоей настоящей цели – смерти Императрицы. Я вижу, что ты ни перед чем не остановишься – у тебя просто нет выбора. Во всяком случае, ты считаешь, что у тебя его нет. Но у меня он точно есть и я не готова пойти против неё. Вся моя история вообще, в некотором роде, случайность. Я не хотела доставить ей проблем. Я хотела избавить её от них, – рассказала Кайлина.

– Я не совсем понимаю тебя. Ты говоришь загадками, – сухо ответил Принц.

– В общем-то, это и не важно. Настоящее значение имеет то, что если я помогу тебе, то пойду против себя, – пояснила собеседница.

– Значит ли это, что ты готова пойти против меня, встать у меня на пути? – чуть испуганно спросил Принц. Он опасался потерять столь ценного союзника, но, в принципе, был готов ко всему.

– Нет. Этого я тоже не желаю, – ответила Кайлина.

– Ещё бы, ведь я спас твою жизнь и готов сделать это ещё раз! – съязвил Принц.

– Не надо…, – начала, было, пленница.

– Да, прости. Я слишком привык к шаткости своего положения, что порой забываюсь. Пески отобрали у меня уверенность в чём-либо вообще, – извинился Принц и спросил: – Но я действительно не понимаю, чего же ты тогда хочешь. Как ты собираешься поступить?

– Я хочу помочь тебе, но лишь наполовину, – ответила Кайлина.

– Почему? Вернее, как это – помочь наполовину? – смутившись, спросил Принц.

– Нет, я имела в виду, что моё желание помочь сильно лишь наполовину, – пояснила пленница и, взяв небольшую паузу, продолжила: – Ты напоминаешь мне Императрицу. Она, как и ты, знает свою судьбу – она прочла её в линии времени. И точно так же, как и ты, она хочет побороть её, вместо того, чтобы принять. Чем ближе подходит время её смерти, тем отчётливей она видит её и тем сильнее её боль. Она сводит Императрицу с ума, заставляя вершить безумства и тешиться ложной надеждой! И поэтому она ни за что не откажется от создания Песков Времени! С их помощью она и собирается изменить свою судьбу.

– Кажется, я понял. Ты считаешь, что и я могу обезуметь? – спросил Принц, обдумывая сказанное Кайлиной.

– Боюсь, что да. Некоторые говорят, что знание – это сила. Но я считаю, что чрезмерное знание, например то, как и когда ты умрёшь, – это яд! Именно поэтому я украла у неё Перстень – с его помощью она читает линию времени и знает свою судьбу наперёд, – продолжила пояснять Кайлина. – Я понадеялась, что это уймёт её боль и охладит разум. Но, кажется, уже слишком поздно. И ты словно бы идёшь этой же дорогой – всё выглядит именно так. А кроме того, ты – ещё один чужак. Знаешь, сколько сюда приходило таких как ты? И сколько ещё придёт, следуя своим алчным безумным целям? Императрица много раз показывала мне будущее, туманное и далёкое, но в нём всегда находился безумец, ещё более страшный, чем она сейчас. Так почему бы тебе вдруг не оказаться им?

– А во что веришь лично ты? – уклончиво спросил Принц.

– Всю свою жизнь я считала, что судьбу изменить невозможно. Однако что-то во мне желает, чтобы ты добился успеха. Но только не её методами! И именно поэтому я колеблюсь между желанием и нежеланием помогать тебе. Словно бы нахожусь, где-то посередине, – задумчиво протянула Кайлина. – И

по этим причинам я дала тебе этот медальон – этого бы не произошло, будь я настроена против тебя.

– Как хорошо, что она не знает, что он у меня! Но, выходит, я должен пообещать тебе не убивать её? – растерянно спросил Принц. И тут же, уже решительно, добавил: – Но я не могу поступить иначе – она вынуждает меня!

– Незачем давать обещание, которое ты, скорее всего, не сможешь выполнить, – ответила пленница.

– Но что тогда мне делать? Ты ставишь передо мной неразрешимую проблему! – чуть рассерженно сказал Принц. – Мне придётся бросить тебя и самому искать способ обмануть судьбу.

– Я уже говорила – я знала, на что шла. Я готова к своей участи, я уже почти примирилась с нею. Этот Перстень… его знания отравляют и меня, – отстранённо проговорила Кайлина.

– Ты говоришь так, будто и вовсе не желаешь спасения! – ещё сильнее рассердился Принц.

– Мои мысли опутаны паутиной, а мой разум разорван пополам! Ты знаешь, каких усилий мне стоит наш разговор? Если ты всё-таки хочешь помочь мне, то спаси мой разум, помоги моему сознанию вновь обрести целостность. Тогда я смогу мыслить более ясно, и мы ещё раз обсудим возможное решение твоей проблемы, – строго ответила Кайлина, урезонивая Принца.

Тот осёкся и выдавил из себя через несколько секунд:

– Она говорила что-то про Сад, в котором будет заключена твоя вторая половина.

Каждое собственное слово казалось Принцу каким-то невероятно знакомым, он словно бы знал их наперёд, но ничего не мог изменить. Он лишь мог как-то по-другому относиться к ним, словно бы видел и слышал самого себя со стороны, издали. Лишь в этих странных, тонких и невесомых сомнениях он чувствовал (но не осознавал!), что же происходит на самом деле. Ему даже казалось, что он же мёртв и просто, раз за разом, наблюдает за событиями своей жизни, каждый раз вживаясь в роль, но не в силах свернуть с протоптанной тропы. Но эти ощущения были ещё более лёгкими, чем ускользающий сон, что вот-вот забудется. И Кайлина тоже была частью этого сновидения – все её слова он слышал на секунду раньше, чем они слетали с её губ.

– Я едва чувствую её. С каждой минутой я слабее и слабее. Не уверена, что моё спасение вообще возможно, вот почему я так веду себя, – объяснила пленница.

– Человеку, который стоит перед лицом смерти, нет дела до того, что его цель невозможна. Я вижу во всём этом лишь препятствие, притом не самое большое, – ответил ей Принц.

– Ты храбришься лишь потому, что не испытал на себе всей её силы, – с грустью проговорила Кайлина. – Скоро она вновь обратит на тебя свой взор и будет действовать наверняка. Но, как я уже говорила, что-то во мне хочет твоего успеха. Я просто вижу это иначе. Ты должен стать… примером для неё! В этом я вижу разрешение проблемы. Возможно, это даст ей причины жить, а не существовать, как сейчас. В постоянном страхе, под гнётом собственных тёмных мыслей. Дело в том, что линия времени говорит нам обо всём, что произойдёт. Но не говорит, как именно. Не определяет то, как мы к этому относимся. В этом может крыться ключ к разгадке. Ведь если наши мысли определяют форму вещей, то может быть, и Пески возможно создать как-то иначе?

Слова Кайлины подействовали на Принца и погрузили его в раздумья. Пленница наблюдала за ним, но не мешала размышлять. Его отстранённый взгляд как бы говорил: «Мне нужно время, чтобы осознать, что ты сказала».

Спустя минуту или две Принц ответил ей:

– Я согласен.

Он не сделал никаких пояснений к своему решению, но по взгляду Кайлины он понял, что она их и не просит. Попытка – это всё, на что он способен в таком положении. Поэтому он решил перейти к делу и продолжил словами:

– Выходит, нам, в итоге, всё равно нужно проникнуть в тронный зал. Но как это сделать?

– Отыщи в Саду мою вторую половину и …, – сказала Кайлина, протянув руку ладонью вниз, – дай мне медальон.

Принц снял его с шеи и вложил ей в руку. Кайлина взяла медальон, тут же прижав руку Принца сверху и прошептав:

– Не отпускай его.

Кайлина закрыла глаза и продолжила прижимать медальон к своей руке и руке Принца. В этот момент она что-то неразборчиво бормотала, медальон при этом светился, и часть этого свечения словно бы втекало в её руку. Или наоборот вытекало из неё – сложно было разобрать, потому что в сознании Принца начали вспыхивать какие-то неясные образы, ему слышались голоса. Но всё, вдруг, закончилось, так же резко, как и началось.

– … и отдай медальон ей, – закончила свою фразу Кайлина. – Часть моей памяти теперь запечатана в нём – это единственный способ сделать моё сознание вновь единым целым. Словно по мостику оно перейдёт из одной точки в другую. А вслед за ним и тело.

В этот момент Принц почувствовал, как перестал ощущать её руку, и его кисть прошла сквозь неё, так же, как это было с кинжалом.

– Но как я смогу попасть в Сад? Я даже не помню, как оказался здесь – в самом начале моего пути сюда я видел позади себя запечатанный Песками проём, который, если я вернусь к нему, не позволит мне пройти дальше, – усомнился Принц.

– Пройти сквозь печать может лишь тот, кто умеет ждать, – ответила Кайлина.

Принц вопросительно и непонимающе поглядел на неё. Пленница поспешила добавить:

– Многие бросают попытки, упираясь во что-то, и ищут другой путь. Они слишком спешат, готовые во всеоружии встретить то, что их ждёт впереди. Они злятся и сыплют проклятиями. Но нужно лишь уметь ждать. Ведь ты уже заметил, что время течёт здесь как-то по-особенному, иначе, не так, как ты привык? И дело не в одной лишь Императрице. Эти печати были придуманы за многие годы до неё, чтобы остановить самые горячие головы. Сложи оружие и покорно жди – только тогда ты сможешь пройти.

– Но я не могу ждать! – воскликнул Принц.

– Сожалею, но иного пути нет, – ответила пленница. – Возможно, медальон поможет скоротать тебе эти несколько часов – он может менять восприятие времени. Оно будет течь своим обычным, размеренным ходом, но тебе покажется, что оно идёт быстрее, если твой разум достаточно глубоко проникнет в его таинства.

Принц отвернулся и задумчиво отошёл в сторону, смотря на клочок неба, что виднелся в одном из окон. Спустя минуту он повернулся к пленнице и спросил:

– Ты говорила, что я ещё не испытал на себе всю её силу. Что меня ждёт? К чему я должен быть готов?

– Сложно сказать наверняка, но она будет пытаться убедить в чём-то. Может быть, это будет похоже на внутренний голос. Её речи будут сладки, но лживы, – начала рассказ Кайлина.

– Я отлично знаю, чего хочу, ей не переубедить меня своими сказками! – прервал её Принц.

– А, может быть, ты не услышишь никакого голоса. Но почувствуешь сильное давление – твоя воля будет под постоянным напором, и ты потеряешь самообладание. Трудно будет понять, делаешь ли ты что-то по её желанию или сам захотел этого. Она проникнет в твоё сознание, будет знать каждую твою мысль. О, ты выбрал очень могущественного врага и даже ничего не знаешь о нём! – поспешила расстроить его пленница.

– Сначала печати, затем это… Я боюсь не успеть, – сказал Принц.

– Почему ты так торопишься? Что гонит тебя? – поинтересовалась Кайлина. – Ты так и не объяснил, толком, почему ты хочешь помешать ей создать Пески Времени? Как это связано с тобой?

– В моём времени я обнаружил их в сокровищнице неприятеля – индийского Магараджи. Там же был и кинжал. Оба украдены с этого острова, не знаю, каким именно образом. И я, с помощью кинжала, выпустил Пески наружу…, – рассказал Принц.

– И поэтому за тобой гонится Дахака? Я должна была сразу догадаться, – прервала Принца Кайлина.

– Что ты знаешь об этом? – оживлённо спросил Принц.

– Достаточно, чтобы сказать, что ты обречён. Честно сказать, я удивлена, что ты сумел зайти так далеко. Большинство своих жертв Дахака выслеживает почти моментально, вырывая их из линии времени и принося им ту судьбу, которая им уготована, – неутешительно ответила Кайлина.

– И я зашёл так далеко вовсе не затем, чтобы пасть, – сухо ответил Принц. – Лучше помоги мне и расскажи о том, как я могу сопротивляться твоей госпоже?

– Разве ты не видишь? Я уже помогаю тебе! – с ноткой обиды в голосе ответила Кайлина.

– Что ж, ты права. Но, поверь, мне тоже тяжело. Жить, когда надо мной постоянно висит такая угроза. Я живу в постоянном страхе, мне приходится всё время убегать и прятаться. Я словно бы теряю себя, часть за частью, мне всё сложнее думать о других, а не только о себе. Я бываю неучтив и неблагодарен, это правда. Но у меня ещё будет время принести извинения тем, кого я незаслуженно обидел, – объяснил Принц.

Кайлина пристально посмотрела на него, сменив взгляд с осуждающего на сочувствующий – кому как не ей было понять его?

– Помни, что, проникая в твоё сознание, она не может быть всесильной. Оно через Пески смешивается с твоим и тоже уязвимо, отчасти. Во-первых, это проявляется в том, что она не сможет лгать тебе во всём – обязательно можно рассмотреть мелкие неточности и изъяны в её словах. Ей не удастся утаить от тебя всей правды – ты увидишь это в каких-то мелочах, незначительных деталях, стоит лишь присмотреться. И, конечно же, она будет убеждать тебя в недостижимости твоей цели, любой из них, – разъяснила пленница.

– Мне знакомо это, – ответил ей Принц. – Она не первая, кто использует силу Песков против меня для убеждения. Я знаю, как противостоять этому.

– Ты можешь использовать, однако, это как возможность лучше узнать её. Это можно назвать своего рода диалогом. Да, очень странным, но всё же разговором. И, возможно, тебе удастся заглянуть в её сознание! – закончила свой рассказ Кайлина, но увидев вопрос в глазах Принца, добавила: – Или она увидит в тебе что-то такое, что поможет ей изменить своё мнение. То обещание, что ты дал мне – я об этом. Постарайся найти в себе силы сдержать его!

– Я постараюсь, – сухо ответил Принц. Несмотря на данное обещание, он сильно сомневался, что способен проникнуться сочувствием к своему врагу. Хотя приходилось допускать любую возможность – кажется, ничто бы уже не удивило его по-настоящему.

– Тогда ступай! Ты в безопасности, пока находишься в моём времени – здесь Дахака не станет искать тебя, – подытожила Кайлина.

– Я знаю, ведь Пески ещё не созданы! – сказал Принц и поспешил удалиться.

Спустившись, он понял, что даже не поблагодарил пленницу за всю помощь, но решил не возвращаться. Его собственное оправдание вполне устраивало его сейчас: для этого у него будет достаточно времени потом.

А помогла она ему во многом, объяснив, что движет Императрицей, как она мыслит и действует. Она тоже желает изменить свою судьбу! Вот только его и её успех в этом начинании находились по разную сторону момента создания Песков Времени. Их интересы совпадают, но вот способы достижения самой цели решительно противоречили друг другу. Пески были камнем преткновения, эдаким яблоком раздора и не оставляли шансов на мирное решение проблемы. Конфликт был попросту неизбежен.

Кайлина поведала Принцу о медальоне и Перстне, а кроме того, натолкнула на одну интересную мысль: встречу с Дахакой в этом времени, прошлом для Принца, он сможет считать знаком того, что Пески созданы и он обречён. Но до тех пор, пока он не встретит его – надежда для Принца всё ещё жива.

Но его терзала мысль о том, что ему придётся ждать, прежде чем будет снята печать. Терять время, когда и так дорога каждая секунда! Нет, этому не бывать! Императрица только того и хочет – чтобы он шёл длинной и обманчиво безопасной тропой, а она могла беспрепятственно вершить свои дела и дальше.

– Всегда есть другой путь! – процедил Принц, проходя мимо портального зала, расположенного в переходе между двумя частями Башни. Он заметил его ещё на пути к вершине, но посчитал, что нет никакой нужды использовать его. Это было бы,

скорее, безумием. А теперь же эта идея показалась Принцу оправданной. Наверняка, Дахака вновь выследит его, но Принц был полон решимости вновь убежать от него, добравшись до портала в Саду – не важно, первого или второго. Императрица будет слепа и не увидит Принца, не сможет прочесть его мыслей и затуманить ему разум. И, главное, ни на секунду не продвинется в создании Песков Времени. Не раздумывая более, Принц отправился обратно в настоящее. Он намеренно шёл на риск, который совсем недавно считал неоправданным. Но лучшего пути он не знал.

Время сильно изменило Башню: часть стены и крыша осыпались, отчего путь вниз, к выходу их Башни представлял собой значительную проблему даже для Принца. Большая часть деревянных мостков сгнила, и они рухнули вниз или висели, поддерживаемые всего одним или двумя тросами. Принц продвигался медленно, перебираясь с уступа на уступ, изредка пользуясь чудом сохранившимися каменными переходами. Он спускался по тросам, осторожно переступал по торчащим откуда-то бревенчатым опорам и просто прыгал вниз, когда позволяла высота.

Принц надеялся, что Дахака не придёт за ним как можно дольше. Но с каждым разом он находил его всё быстрее. И вот Принц вновь почувствовал холод и услышал грузные шаги зверя. Словно бы его ледяное дыхание в один миг заполнило весь зал. Чудовище спрыгнуло откуда-то сверху, а разум Принца тут же опять почувствовал какую-то странную усталость и безысходность. Ему начинало казаться, что он никогда не выберется из Башни и Дахака схватит его через мгновение. Хотя он был уверен, что ещё с вершины видел, как от времени одна из входных дверей слетела с петель и упала рядом, освободив выход. Это помогло Принцу, потому что выбраться, вновь используя цепь, он бы не смог – зверь настиг бы его ещё на полпути вниз.

Собрав свою волю в кулак, Принц ухватился за висевший поблизости канат и с разбегу, используя вогнутость стен Башни, бросился бежать по ней, используя силу, что оттягивала его прочь с каната. Оказавшись на другой стороне, он поспешил скрыться в узком проёме с лестницей, ведущей вниз и, перепрыгивая провалы, бросился по ней. Лестница сильно пострадала от времени, и Принцу приходилось часто прыгать с валуна на валун. Но путь вниз, по-прежнему, ничто не преграждало. За стеной он слышал глухой рык разъярённого зверя. Тот знал, где находится Принц и бил о стену, пытаясь пробить её, продолжая при этом перемещаться вниз, преследуя свою жертву. Единственное, чего боялся Принц, так это того, что Дахака отрежет ему путь. И он, наверняка так бы и поступил,

если бы Принц не заметил, как на втором ярусе лестница расходится в две разные стороны. Он выбрал направление наугад и уже через несколько секунд беспрепятственно пробежал через врата Башни, а затем – через провал в двери, который он проделал с помощью великана, вызванного Шади. Теперь оставалось лишь добраться до Центрального Зала, перебраться на его противоположную сторону и добежать до портала в Саду. Спрятаться там ему будет негде, всё пространство вокруг него будет открытым, поэтому Принц берёг силы.

Но ведь он уже бывал там!

Принца вновь посетило прозрение, возможно ввиду того, что в настоящем чары Императрицы быстро угасали. А раз поход в Сад был для него своего рода будущим, значит, в Механическую Башню он ходил до Сада! А сейчас он попал сюда уже во второй раз! Вот почему ему казалось знакомым и заранее известным каждое из слов, произнесённых им и Кайлиной. И само имя было ему уже знакомо не случайно! Но, в свою первую попытку он действовал иначе и попался на уловку Императрицы – он всё забыл, включая разговор с пленницей. И опомнился лишь очутившись в Саду, не помня решительно ничего из произошедшего. Сейчас же он нащупал новую нить, несмотря на козни Императрицы и упрямство судьбы, которая старательно вела его всё той же тропой. И теперь было понятно, почему попав в Башню во второй раз, он почти забыл путешествие по Саду и свой плен – всё это было для него будущим, которое ещё не наступило. Оно становилось туманным и неопределённым, и Принц словно бы терял его – как можно помнить то, что ещё не произошло? Время шло, словно человек, шагавший вперёд спиной. И, смотря назад, он видел своё будущее, но стоило ему повернуть голову в нормальное положение, как он переставал помнить его, начиная спотыкаться и сбиваться с пути.

Императрица пыталась разделить Принца, как и Кайлину, и запутать его, но, благодаря медальону, он смог сохранить истинное ощущение времени. И сейчас он принял единственно верное решение, позволившее ему изменить этот маленький эпизод в прошлом, который изменит и будущее.

Выходило так, что сейчас само понятие времени в привычном значении вообще не имело смысла. Оно походило на клубок неразрешимых противоречий. Если сейчас он как бы находится в своём прошлом, относительно его собственной системы отсчёта, то для него оно одновременно было и будущим – ведь он переживал всё это повторно, хоть и большую часть времени не осознавал этого. Будущее, которое влияет на прошлое, которое окажется будущим. И так до бесконечности: время закручивалось спиралью, а вместе с ним и сознание

Принца. Они смешивались и становились чем-то единым. При таком положении дел, последовательность событий вообще была не важна. Пески – это не то же самое, что вода, которая льётся сверху вниз и приводит механизмы в движение. Поэтому обычные причинно-следственные связи могут настолько запутанными, что сознание отказывается воспринимать их. И получается так, что действительность – это здесь и сейчас; то, какими сознание видит и принимает их. Но это сознание не принадлежит какому-то конкретному человеку. Оно существует само по себе, взаимодействуя с людьми, причудливо вплетаясь в материальный мир, создавая его в каждый конкретный момент сообразно своей воле и лишь изредка уступая человеку.

Но тут на Принца вдруг рухнуло ещё одно осознание. И оно было безрадостным – он вспомнил, что вход в Сад в настоящем времени был завален. Просчёт, который может стоить ему жизни. Принцу не попасть туда и ему прямо сейчас придётся срочно импровизировать, ища новый путь или хотя бы просто убежище. Может быть, он сможет попасть в тронный зал и отыскать там временной портал, чтобы спастись? И что ещё из будущего похода по Саду он должен «вспомнить», чтобы не быть пойманным Дахакой?

Но все его размышления вдруг прервала ещё одна дверь. Та самая, что преграждала вход во двор перед Башней со стороны Центрального Зала. Как он мог забыть? Или он просто надеялся, что время не пощадило и её? Принц задавал себе эти вопросы, отчаянно пытаясь найти путь наверх, но тщетно – скала и дверь были неприступны. Сбывался его страшный сон, который он видел на корабле, во время путешествия к Острову. Он повторялся практически один в один, только не на улицах Вавилона, а здесь, на Острове Времени.

Принц услышал позади приближающиеся шаги и, повернувшись, достал мечи. Он уже знал, что обречён. И знал, что Дахака сокрушит его одним ударом – ему не страшно было оружие Принца. Но бежать ему было некуда, и он лишь шёл навстречу судьбе. Мрачной и безрадостной, что через секунду поглотит его, превратив в пыль, в угасающее воспоминание, затерянное в лабиринте времени.

Но разум Принца всё ещё отчаянно сражался за его жизнь, ища хоть какой-нибудь выход. Самый безумный, самый нереальный, самый…

Принц почувствовал лёгкий холодок на груди. Медальон! Принц схватил его в руку, сорвав с шеи, и лихорадочно пытался придумать, как он может использовать его в схватке. Достаточно ли он силён для этого? Он пытался вспомнить, как в прошлый раз ему удалось призвать силу медальона и разбросать врагов. Может

ли такой удар разрушить ветхую каменную дверь? Но в последнее мгновение он вдруг ухватил случайную мысль, которая оказалась по-настоящему безумной. И, самое главное, единственной, что сулила успех. Он понял, что если прошлое влияет на будущее, то и будущее влияет на прошлое. Это неразрывно связанный клубок событий, у которого нет какого-то одного направления. Вместо этого – сотни ниточек, потянув за любую из которых можно затронуть и множество других. И он отшвырнул медальон в сторону. Терять ему было больше нечего – даже самая ценная сейчас на свете вещь была ничем, пустышкой, она ничего не стоила.

В одно мгновение реальность вокруг Принца померкла, а он словно бы провалился в бездну. Падая в нее, он видел странные туманные образы, видел множество путей, которые всё равно вели его в одну точку, что бы он ни делал. Но стоило ему открыть глаза, как он обнаружил себя в зале с временным порталом, где был заточён сначала Дахакой, а затем Существом. Он перенёсся обратно в Сад, он вернулся обратно!

Принц вскочил на ноги и подбежал к водной арке. Выход из коридора за залом был открыт! Не веря глазам, Принц подошёл к нему и медленно вышел наружу. В этот раз ничто не преграждало ему путь. Существа не было поблизости, Дахака остался в прошлом, то есть в настоящем. Принц не верил своим глазам, он всё ещё чувствовал холодное дыхание зверя и свой смиренный страх перед лицом смерти.

Принц сделал ещё шаг и почувствовал, как он отдался резкой болью в ноге. Он определённо вернулся в исходную точку. Но он не чувствовал радости. Он был ошеломлён. Всё произошло вопреки его ожиданиям, и он не понимал, как оказался здесь, хотя в этот раз он всё помнил, включая своё странное двойное путешествие в Механическую Башню.

Он считал, что его не должно было быть в этом месте и в этом времени. Что-то пошло совершенно не так…

Глава 18. Проводник

Что ж, кажется, я поторопился в своих суждениях. Выяснилось, что я не могу переместиться во времени раньше момента, когда был создан портал. Этому противится сама Судьба. Пути назад нет – Дильмун уже никогда не будет прежним. Таким же прекрасным и светлым местом, каким он был ещё недавно. У меня в руках был чудесный дар, но я не умел им правильно распоряжаться. А теперь слишком поздно – придётся жить в этом новом мире. Я не оставляю надежд, но борьба будет долгой и непростой. Завершать её придётся уже моим потомкам. И у них будет право на ошибку, вернее возможность её исправить. ***То, чего навсегда лишён я – ничто, кроме Песков не поможет, и я упустил шанс.***

Я заметил, что перемещение во времени подобно перемещению в пространстве – нельзя быть одновременно в двух местах. Если отправиться в прошлое или будущее, то исчезнешь из времени, из которого ты прибыл. Но следы твоего присутствия всё равно вереницей тянутся к новой точке – цепь Судьбы неразрывна, её невозможно обмануть какими-либо трюками или уловками. Как земля прилипает к ногам, так и частичка времени остаётся жить в тебе при перемещении – ты не забываешь произошедшего. И ты как бы живёшь в своём особом времени, в котором-то и действует Судьба. И в нём можно лишь бесконечно бегать по своим собственным следам, не имея возможности их стереть – время и пространство сплетены в единую, неразрывную нить. Кажется, это многое объясняет. Но не делает более понятным.

В последнее время Нергал очень изменился – у него больной и исхудалый вид, бегающий неспокойный взгляд. Порой я даже не узнаю его. Но он говорит, что всё в порядке, просто он немного болен. И при этом постоянно куда-то убегает. Кажется, он слишком одержим идеей внедрения Песков в человеческое тело, и она на него плохо влияет. Возможно, Нергал слишком торопится и мне следует отговорить его. Я придумал решение лучше – заключить большую часть мощи Бездны в одном сравнительно небольшом сосуде. Мои прежние решения по наделению предметов силами Песков неплохо показали себя, и большие Песочные Часы станут венцом моих творений. Они будут способны не только отмерять время, но и повелевать им! Такая концентрированная сила сможет отогнать прочь даже воды океана, не дав ему затопить Бездну и весь Остров. Человек же, владеющий ими, будет обладать безграничной силой, но при этом будет находиться на безопасном расстоянии – его тело слишком слабо, чтобы быть таким сосудом. Их мощь будет способна

решить любую проблему, остановить любого врага и может быть даже вернуть Острову его былое величие. Пески Времени, сжатые практически в одну точку, станут центром притяжения всего мира и тогда даже океан расступится перед Человеком! Потребуется всего лишь опустошить Бездну.

Но на это уйдут годы, это дело придётся завершать уже кому-то после меня. Сейчас же я должен позаботиться о тех, кто окружает меня. И особенно о своём сыне – я не должен допустить, чтобы он погиб из-за своей поспешности. Тело человека может быть не готово к такому быстрому преобразованию – оно слишком чувствительно ко времени, разрушаясь и погибая. Я вижу в его глазах какой-то странный блеск. Нергал горяч и ослеплён видениями Судьбы, чудесный мир которой он открыл для себя, а я должен направить его на верный путь. Надеюсь, мне не придётся воспользоваться магией временных порталов для путешествия в прошлое, когда он ещё был жив. Ведь в любом случае, пережить его смерть было бы для меня невероятно мучительно. Несмотря на то, что можно повернуть время вспять, мне не удастся с такой же лёгкостью очистить свой разум – он словно бы живёт в другой временной линии, где понятия прошлого и будущего меняют свой смысл и никак не связаны с реальностью. Должен признать, чем глубже я познаю таинства Судьбы, тем хуже я понимаю её. Что же есть Судьба?

Дневник Намтара, запись 51

***

Спасаясь от врага, первая группа, во главе с Рахимом, нашла брешь в стене крепости и все четверо – Рахим, Тоуфан, Иман и Навид устремились внутрь, в надежде спрятаться. Однако, пробежав по короткому коридору без ответвлений, они вскоре оказались в большом вытянутом зале, а единственная открытая дверь выводила их по другую сторону стены крепости. Впереди высилась мрачная Сторожевая Башня. Рахим, бежавший последним, скомандовал:

– Бежим вперёд!

Он чувствовал ответственность за членов команды, ведь это он принял все эти роковые решения в течение нескольких последних часов. И поэтому он рисковал больше остальных, будучи готовым броситься на врага, защищая остальных.

Вскоре отряд пересёк мост над ущельем (по левую руку от них остался ещё один такой же) и вошли в башню. Она пребывала в ужасном состоянии, время почти превратило её в развалины.

Навид надеялся, что они смогут найти выход с другой стороны и бежал впереди остальных, стремясь найти желаемое как можно скорее. Иман же, следовавший за ним, выглядел как-то отрешённо. На его лице читался не испуг, а бескрайнее удивление, неизвестно чем вызванное. Может быть, это были отголоски недавней битвы, может, что-то ещё. Нечто такое, что никто кроме него и не видел. Остальным было некогда даже осмотреться: Тоуфан то и дело оглядывался на Рахима, опасаясь, что тот погибнет. Спокойный и уверенный на море, здесь он чувствовал себя крайне неуютно и боялся, что если Рахим падёт, то он станет следующей жертвой.

– Я вижу впереди какой-то свет! – крикнул Навид.

Он посчитал, что достиг цели и нашёл выход из башни. Однако вскоре вся команда очутилась в зале с временным порталом. Конечно же, никто из них и близко не представлял, что это такое.

– Это тупик! – взволнованно прокричал Тоуфан.

Вскоре послышался грохот – в зал, с большим деревянным щитом над головами, вбежал отряд противника, около десятка песчаных солдат, с хищными оранжевыми глазами и мечами странной формы. Все, кроме Имана приготовились к сражению, повернувшись спиной к порталу и достав оружие. Рахим пытался одёрнуть его, но тот лишь подошёл ближе к облаку Песка и стал вглядываться в него, словно бы хотел что-то увидеть в нём. Или уже видел, но не мог достаточно хорошо рассмотреть. Иман подходил всё ближе и ближе, практически вплотную, так, что песчаные клубы касались и медленно обволакивали его самого.

Спохватившись в последний момент, Рахим постарался было оттащить товарища от портала, но было уже слишком поздно: тот, не колеблясь, сделал решительный шаг вперёд и словно бы растаял в воздухе, успев лишь чуть слышно произнести:

– Я вижу…

Тем временем, остальные члены отряда тоже приближались к порталу, но это происходило скорее вынужденно: враг оттеснял их назад. В какой-то момент Рахим решился и скомандовал:

– За ним!

Он надеялся, что Иман обнаружил что-то спасительное для них и, понимая, что выбора всё равно нет, решил рискнуть, хоть это и было то, чего он не любил более всего. Опрометчивые, необдуманные поступки редко заканчиваются чем-то хорошим, но, во что выльется их попытка сразиться с превосходящими силами противника, он знал наверняка. И поэтому он уже не колебался и тянул за собой сопротивлявшегося Тоуфана. Тот считал, что их загоняют в смертельную ловушку и готов был сражаться до последнего вздоха. Навид же послушался приказа и

спустя мгновение они обнаружили себя в том же зале, но в ином времени. Удивление, которое охватило их, помешало сразу понять, что именно произошло. Кроме того, их больше волновала битва – противник наверняка не остановится и вскоре прибудет за ними.

– Я вижу…, – начал было Иман. Вид у него был ещё более отрешённый и странный, а говорил он, вздымая руки к песчаному облаку.

– Давайте уберёмся отсюда поскорее, – перебил его Рахим, обращаясь к остальным.

– … океан времени. Волна за волной он вздымается из бездны и застилает всё вокруг. Нет ничего, кроме океана и его воли. Мы – лишь блики на его поверхности, искорки в сиянии вечности! – продолжил Иман, говоря чуть потише. Его глаза были устремлены куда-то вдаль, смотрели как бы сквозь портал и клубящийся Песок, а красноречие было как никогда сильным.

Видя, какое неизгладимое впечатление произвело на Имана их странное, непонятное перемещение, Рахим схватил того за руку и потащил прочь. Тоуфан и Навид уже отбегали в сторону выхода, не дожидаясь повторной команды. Иман почти не сопротивлялся тому, что его уводили за руку прочь, но продолжал при этом оборачиваться назад и бормотать:

– Мы прошли сквозь врата времени… Мы оказались в прошлом! Я чувствую его дыхание, я слышу музыку вечности!

Вскоре, один за другим из портала начали появляться песчаные солдаты, которые тут же бросались в погоню за отрядом Рахима, уже отбежавшим на безопасное расстояние. Однако последнему было тяжело тянуть за собой Имана, который продолжал бормотать что-то бессвязное и он крикнул на него:

– Соберись! Сейчас не время нести всякую чушь! Нам нужно оторваться от них!

На Имана это подействовало лишь частично – он замолчал и перестал постоянно смотреть назад. В то же мгновение Навид подбежал на помощь Рахиму.

– О чём он? – спросил Навид, когда им удалось оторваться от преследователей.

– Не знаю, всё несёт какой-то бред про время и вечность. Говорит, что мы оказались в прошлом! – ответил ему Рахим.

– Он явно не в себе, но вообще что-то из этого имеет смысл, – вдруг ответил Навид.

– Что? – удивился Рахим.

– Подумай сам! Разве тебе не кажутся знакомыми эти стены? Но они выглядят так, будто их только отстроили, – объяснил Навид.

Времени найти ответ у Рахима не было – отряд неприятеля неожиданно выбежал откуда-то сбоку. Значит, они не оторвались, а враг просто перехитрил их. Все четверо бросились в сторону свободного выхода, но тут Иман споткнулся и растянулся на полу. Рахим и Навид успели отбежать слишком далеко, и уже были отрезаны от товарища. Они что-то кричали ему, но тот не спешил бежать за ними или бросаться в драку. Он лишь медленно встал и осмотрелся по сторонам, подчиняясь тому странному чувству, что охватило его. Иман словно бы не в силах был враз впитать то, что открылось ему. Нечто сродни религиозному откровению затмевало ему взор, и куда бы он ни посмотрел, реальность вокруг него была застлана ослепительным светом, который виделся ему всемогущей силой, без лица и очертаний. Она была вездесуща и всеобъемлюща. Она была в каждой из миллионов светящихся песчинок, что гигантским вихрем кружились возле него. Враги, при этом, словно бы не обращали на него внимания.

Призрак остановился и вгляделся в глаза Иману. Он увидел в них нечто знакомое. Что-то такое, что давало ему ответ, который он так давно искал. Неужели и правда, удача, после стольких лет бесплодных поисков?

***

Песчаные солдаты гнались за остальными членами отряда. Теперь их было ещё меньше, их шансы выжить буквально таяли на глазах. Рахим винил себя в том, что Иман пал. Он должен был защитить его, привести в чувство, избавив от навязчивых идей и этой странной одержимости.

Внезапно, пробежав очередную секцию длинного зала, члены отряда услышали за собой громкий металлический лязг и обернулись. По неизвестным причинам, гигантская решётчатая дверь, отделявшая эту часть зала, рухнула вниз и придавила собой одного из врагов, мгновенно лишив его жизни. Остальные же остались по ту сторону решётки. Их хищные оранжевые глаза злобно горели, буквально прожигая путников насквозь.

Ещё через мгновение оземь ударилась вторая дверь, оставив отряд противника в заточении. Что за неведомая сила помогает им? На лице у Тоуфана появилась улыбка – удача наконец-то была на их стороне! Но Рахим не так легко поддавался этому восторгу и искал какое-то объяснение. Дело в том, что, вбегая в зал, он видел какую-то странную тень, что скользнула по второму ярусу и тут же исчезла. Тогда он не придал этому значения, но сейчас решил, что, возможно, всё дело как раз-таки в ней. А что, если это Принц? Да! Он жив и помогает им, а значит им нужно отыскать его, несмотря на все их разногласия. У них был общий

враг и, действуя сообща, они могли бы выбраться с этого проклятого острова!

– Я знаю, что нам нужно делать! За мной! – воспрянув духом, скомандовал остальным Рахим.

Отряд последовал за ним, и все поспешили удалиться прочь. Признаков погони больше не наблюдалось и вскоре они перешли на шаг. Рахим поспешил поделиться своими соображениями с товарищами:

– У меня только одно объяснение произошедшему. Принц всё ещё жив и помогает нам.

– Ты уверен? – спросил Тоуфан.

– Абсолютно. Во всяком случае, это единственное разумное объяснение, – поспешил уверить его Рахим.

– Я видел то же что и ты, я согласен с твоими словами, – после небольшой паузы сказал Навид. – Но, кажется, эта тень, вернее Принц, побежала в другую сторону.

Впервые, за время с момента высадки на Остров, Навид сказал нечто если не плохое, то как минимум неприятное. Рахим осёкся, но по существу ему было нечего возразить Навиду – тот был прав: они выбрали неверное направление. И изменить его они уже не могли – путь назад был отрезан.

– Что ж, тогда нам придётся пройти в крепость другим путём. Мы встретимся там! – после некоторых раздумий сказал Рахим.

Его план вновь был поспешным и крайне ненадёжным. Но так обычно и происходит в условиях полного отсутствия выбора. И у Рахима не было права сомневаться и сокрушаться по этому поводу. Отчаянные времена – отчаянные меры. Просто нужно быть всё время начеку.

***

Отряд не заметил того, что враг и пальцем не притронулся к Иману. Тот казался им лишённым воли и рассудка безумцем и не представлял ни интереса, ни опасности. Но на самом деле, он был кем угодно, но только не безумцем. Он лишь оказался не в состоянии осознать всё то, что свалилось на него практически в одно мгновение. Весь прежний мир рассыпался в прах и возродился уже совершенно в ином виде. Куда бы он ни взглянул, он видел могучую, бескрайнюю стихию, превосходившую в своём величии даже океан. Она словно бы тянула его к себе, звала, испуская мягкое свечение, будто бы пытаясь что-то сказать.

Призрак почувствовал, что это самый подходящий момент и шагнул из тьмы навстречу Иману. В самом худшем случае ничего не произойдёт, но он был непоколебимо уверен в том, что на этот

раз всё будет иначе. На этот раз Призрак хотел распорядиться своей удачной находкой по-другому. Вместо того чтобы играть судьбами, он должен был спасать их.

В ослепительном свете, застилавшем всё вокруг, Иману вдруг померещился силуэт, похожий на человеческий. Тот медленно шагал в его сторону, становясь всё отчётливее. Через несколько секунд сомнений у него уже не оставалось – голос стихии вышел поговорить с ним. Или, может быть, это и есть сама стихия? Её олицетворение, воплощённое в божество? На расстоянии трёх шагов силуэт остановился и взмахнул рукой, после чего свечение вокруг несколько поугасло. Иман, трепетно смотревший на Призрака, спустя ещё несколько мгновений пал ниц перед ним, что-то бормоча себе под нос.

– Я проведу тебя путём, который нельзя увидеть и который невозможно найти самому, – промолвил Призрак. Для Имана его голос звучал подобно грому, звоном отдаваясь в ушах. Он внимал ему, робко поглядывая на Призрака снизу вверх.

– Встань же! И ответь, готов ли ты? – продолжил Призрак.

Иман подчинился и выпрямился в полный рост, но оказался не в силах сказать что-либо. Волнение охватило его ещё сильнее прежнего. Он чувствовал, что оказался на пороге чего-то нового и совершенно невероятного, доселе невиданного и непознанного. Он слышал голос бесконечности, чувствовал дыхание Вселенной и твёрдо знал лишь одно: несмотря ни на что, он готов. Кажется, он шёл к этому моменту всю свою жизнь.

– Я…, – лишь сухо выдавил он.

Призрак жестом дал ему понять, что больше не нужно ничего говорить. И даже ответа на предыдущий вопрос он от него, в общем-то, не ждал. Этот ответ нужен был самому Иману, чтобы понять, наконец, к чему он шёл всё это время. Пройдя и отвергнув путь воина, простого солдата, он нашёл себя в этом откровении, что явилось ему буквально несколько минут назад.

– Кто ты? – не выдержал и нарушил молчание Иман.

– Я есть знание, – ответил ему Призрак. – Я есть указующий перст. Отринь своё прошлое и ты станешь равным мне. Я лишь укажу тебе путь.

Иман молча повиновался и последовал за Призраком, который изначально собирался лишь отвести его к команде и помочь им вместе выбраться с Острова. Но сейчас он уже начал понимать, что всё будет происходить несколько иначе. Он даже не ожидал, что сможет так явственно говорить с Иманом, и тот будет слышать его и внимать ему. Сколь же велика была сила этого странного, похожего на религиозное, просветления в душе Имана? Кажется, его дар отличался от такового у Аши, превосходя его по силе и возможностям. Ему ещё лишь предстоит

понять, на что он способен. И Призраку действительно останется лишь указать ему путь.

***

Отряд Рахима, пройдя вдоль скал, очутился у развилки. Одна дорога уходила под гору, теряясь на круче, а вторая – в ущелье с узкими сводами. В его глубине проглядывалось какое-то строение. После недолгих раздумий, было принято решение продолжать идти прямо – слишком высока была вероятность вновь повстречать охрану, свернув направо. Призрак же, ненадолго покинувший Имана, выведя его из заточения и направив нужной дорогой, заинтересовался строением в глубине ущелья. Оно оказалось тюрьмой, охраняемой суровыми надсмотрщиками – песчаными воинами с булавой наперевес. Казалось, они были не только надсмотрщиками, но и палачами, готовыми в любой момент привести приговор в исполнение. Но почему тюрьма охранялась лучше самой крепости?

Ответ на свой вопрос Призрак нашёл уже внутри. Помимо прочих узников, пленённых Императрицей и её армией в частых сражениях за Остров с охотниками за сокровищами, был некто, содержавшийся под усиленной охраной в отдельной камере, в специальном зале. Призрак был невероятно удивлён своей находкой. Несмотря на то, сколь велико было его знание линии времени и сколь широк его взор, он никак не ожидал ничего подобного. Призрак был настолько поражён, что ему понадобилось несколько минут на обдумывание. Но решение вскоре пришло к нему: ответы на свои вопросы он получит позже, а сейчас он должен чуть изменить и усложнить путь Имана. Его руками он намеревался исправить ещё одну ошибку и спасти ещё одну судьбу.

Вместо того чтобы направить Имана вдогонку за отрядом, он убедил его отправиться прямиком в крепость, обходным путём через Сторожевую Башню. Оставаться в прошлом было для него слишком опасно, и Призрак подал Иману мысль повторно пройти через портал, чтобы вернуться в настоящее. Затем он провёл его безопасным, хотя и не самым коротким путём до самой библиотеки Императрицы. Знания, которыми Призрак делился с Иманом, рисовали в голове того картину двух времён, накладывающихся друг на друга. Он видел вокруг себя своды крепости, ещё не познавшие бремени старения и одновременно его взору представали руины и развалины. Ему казалось, что он движется по границе миров, не принадлежа ни одному из них. И лишь его таинственный проводник был чем-то реальным и значимым.

В библиотеке Иман и Призрак случайно наткнулись на Дахаку. Тот не испытывал совершенно никакого интереса к ним и просто прошагал мимо. Призрак подумал о том, что близкое присутствие зверя может вселить страх в сердце Имана и поспешил укрыть его, отыскав зал с временным порталом. Он перенёс его обратно в прошлое – неподалёку Призрак видел стойку с дневником Намтара, который Иман мог забрать, лишь находясь в этом времени. Но Призрак не спешил возвращать Имана обратно сразу же после того, как тот завладел книжицей. Он указал ему на погасший факел, откуда тот вытащил ещё тёплый уголёк и начертал послание для отряда Рахима. Он призывал их вернуться в настоящее, пройдя через портал и отправиться к северной части Острова, подальше от крепости, на побережье. В подтверждение своих слов он изобразил печать царя Персии – знак едва ли известный в этих краях.

Для самого Имана этот опыт был невероятно странным – он был простым солдатом и не был обучен письму. Но с помощью каких-то невероятных манипуляций Призрак указывал ему правильные движения, и символы получались сами собой, легко и непринуждённо. И, с такой же лёгкостью, он мог их прочесть, хотя раньше это давалось ему с огромным трудом.

– Он погиб и уже сможет оставить это послание сам, – сказал Призрак Иману.

Тот задумался – неужели Принц действительно погиб? Он был самым опытным воином из них всех и Иман почти отказывался в это верить. Впрочем, даже части того, что он успел повидать на Острове, хватало, чтобы понять, насколько опасно и непредсказуемо это место. И, к тому же, он всё-таки безмерно (и даже слепо) доверял своему проводнику и вряд ли мог всерьёз спорить с ним. Скорее, дело было в том, что не каждая истина легко принимается человеком, открывшим её. В первые мгновения она может быть оглушающей, пугающей и невероятной. Но от того едва ли менее правдивой, в конечном счёте.

Затем Иман и Призрак покинули прошлое, прихватив один из факелов и, по указанию второго, отправились на самый верх Механической Башни. Там Иман разжёг несколько костров, строго определённым образом – так, чтобы они были видны из любой точки Острова одинаково. Этим искусством не мог обладать обычный солдат вроде него. Но и чужаку известно быть оно не могло – именно на это Призрак и рассчитывал, подавая сигнал. Иман отыскал несколько сухих брёвен и соорудил необходимую конструкцию по его чётким указаниям. Сигнальный огонь строился в несколько ярусов, чтобы послание не искажалось даже на больших расстояниях, под любым углом

зрения. В создании послания играл роль не только огонь и свет, но и дым: комбинация пламени и дыма имела строго определённое значение и помогала кораблям проложить нужный курс, в том числе и во время битвы, для того, чтобы обойти противника и ударить в его самое уязвимое место.

***

Призраку было заранее известно, каким путём пойдёт отряд Рахима – дорога, петляя вдоль Острова, мимо Сада (где они вновь увидали Принца, на сей раз весьма отчётливо) и высоких стен крепости, в конце концов выводила их ко входу в библиотеку. И он уже заранее знал, чем бы закончилось их путешествие, не оставь он нужного послания с помощью Имана. Всё решали считанные секунды – им достаточно было чуть поторопиться и они столкнулись бы с Императрицей, которая разделалась бы с ними за пару мгновений. Но послание, оставленное Иманом, задержало их, удивив и озадачив. Оно было написано от имени Принца, тот указывал им конкретный путь и обещал спасение от бед. У них, естественно, могли возникнуть всякого рода сомнения в подлинности послания, если бы не знак Персидской царской печати – Тоуфан много раз видел её на указах и различных портовых документах и не спутал бы её ни с чем.

И отряд покинул это место, пройдя через старую часть крепости, витиеватыми горными тропами выйдя к северному берегу внутренней части Острова. В точности так, как говорил Принц в своём послании. Заканчивалось оно просьбой дождаться его в течение нескольких часов. Что именно значила эта просьба, никто из отряда не понимал. Но, вероятно, у Принца был какой-то план, и им оставалось лишь следовать ему, считал Рахим.

Сев на прибрежный камень, он задумался обо всём произошедшем. Его душу терзало то, что он не уберёг жизни Имана и Фаранга. Он знал отца последнего и теперь не сможет смотреть ему в глаза. Пусть тот и был несмышлёным, даже глупым юнцом, он всё же оставался верным товарищем и имел достаточно храбрости, чтобы не повернуть назад и не сбежать. И, несмотря на то, что Принц обманул их относительно настоящей цели их путешествия, во многом произошедшем была и вина членов команды. Во-первых – безрассудство, с которым они отправились за какими-то мифическими сокровищами. Жажда наживы едва ли доводила кого-нибудь до добра. И этот раз – не исключение. Во-вторых – ссоры и склоки перед лицом опасности говорят лишь о легкомысленности, внутренней незрелости. Даже если никто из них и не был таковым по отдельности, то к их отряду в целом это определённо относилось. Но делиться этими

соображениями с остальными Рахим не спешил: сейчас в их сердцах затеплилась надежда, и он попросту не хотел лишать их этой маленькой радости. Он и один справится с грузом ответственности.

***

Вторая часть отряда, в которой остались Найзир, Мадид, Хафес и Хаадин, тоже поначалу пыталась спасти бегством. Они бежали по верху крепостной стены. Но, казалось, их преследователи были неутомимыми и вопрос схватки оказался лишь делом времени.

Помог им случай – они добежали до небольшой башни, которые были в большом количестве расставлены по периметру стены. Скрывшись в ней, они увидели лестницу на второй ярус. Стремительно взобравшись по ней, они втащили её наверх и обкидали камнями своих неприятелей, застав тех врасплох. Песчаные солдаты готовились к расправе, а получили отпор. Их ряды заметно поредели, и лишь после этого отряд решил дать бой врагу. Мадид и Найзир были опытными воинами, телохранителями, до недавнего времени служившими Харазу и умели управляться с оружием. Хаадин и Хафес, матросы, решили действовать неожиданно, используя подручные предметы – брошенный канат, когда-то державший дверь, брёвна и всё те же камни. Они сбивали врагов с ног, лишая их уже небольшого численного перевеса, давая возможность Найзиру и Мадиду покончить с ними.

Спустя несколько минут всё было позади – остатки вражеского отряда были уничтожены и все четверо персов остались живы, отделавшись мелкими ранениями. Но, несмотря на это, второго подобного столкновения они определённо не желали. Всё случившееся было скорее большой удачей, случайной победой, порождённой отчаянными мерами, безвыходностью. Так сражается загнанный в угол зверь, который неожиданно открывает в себе доселе неведомые ему самому силу и ловкость.

У отряда напрочь отсутствовал какой-либо план. Они размышляли о том, чтобы вернуться обратно и помочь Рахиму и сотоварищам, но сомневались, что смогут отыскать их. Они могли погибнуть, они могли затеряться и заблудиться. Этот риск совершенно не имел смысла и команда продолжила путь вперёд, прочь от места сражения. Вскоре, когда они вывернули из-за очередной скалы, врезавшейся в крепостную стену, они увидели бухту и ещё один корабль. Его прибило к скалам, торчащим из воды, но он не сидел на мели. Судно определённо было

брошенным, но казалось вполне пригодным к плаванию. Когда отряд подошёл ближе, то они обнаружили руины порта или верфи – определить было сложно ещё и потому, что они были сильно повреждены не временем, а огнём. Видимо, когда-то давно здесь произошёл пожар и место было заброшено.

Хаадин и Хафес соорудили из подручных материалов плот и все четверо направились к кораблю. Он был их единственным шансом на спасение, если только история не повторится вновь. По крайней мере, они очень надеялись на это и всё равно не имели иного выбора.

Море утихло, и стоял полный штиль. В тишине был слышен плеск самодельных вёсел и тяжёлое дыхание гребцов. Их суровые лица говорили о мрачных мыслях, которые родились из-за тяжёлых испытаний последних дней. Даже если бы у них была возможность, то они не стали бы сейчас разговаривать о чём-то. Слишком тяжело им дались эти испытания, слишком мал был шанс на спасение, на избавление от этого кошмара. Никому из них даже не хотелось удивляться или думать о необычной природе встреченных ими существ. Каждый желал лишь поставить крест на своей памяти и никогда даже не думать о произошедшем.

Столь же мрачным было и небо, свинцовыми тучами нависавшее над их головами. Не было ни одного просвета, тьма лишь сгущалась с каждой минутой всё сильнее. Кажется, близился шторм. Штиль был тем самым затишьем перед бурей.

И тут, внезапно, тишину нарушил крик Хаадина:

– Смотрите! Сигнальные огни Вавилона!

Первым отреагировал Хафес, сидевший напротив него, спиной к удаляющемуся Острову и оттого не заметивший несколько ярких точек на одной из вершин крепости.

– Но как это возможно? – ответил он.

– О чём вы? – спросили в один голос Найзир и Мадид, после чего Найзир добавил один: – Вы о тех огнях в небе над Островом?

После этих слов Мадид развернулся и тоже увидел далёкие сигналы.

– Это может быть только Тоуфан! Он – опытный матрос и хорошо знает этот тайный язык, – пояснил Хаадин.

– Выходит, они живы? Ты уверен в этом? О чём говорит его послание? – спросил Найзир.

– Оно очень короткое и гласит лишь: север, – пояснил Хаадин. Хафес при этом согласно кивнул и начал грести с удвоенной силой, а Хаадин добавил: – Гораздо важнее то, что это послание вообще существует. Значит, надежда на то, что они ещё живы, не так уж призрачна.

После этого Хаадин тоже налёг на вёсла, а Найзир и Мадид последовали его примеру. Напряжённое молчание сменилось обнадёживающими пояснениями от Хаадина:

– Мы поплывём на север Острова и там встретимся с Рахимом, Тоуфаном и остальными. Эти огни часто применяются в сражениях и указывают судам путь, сторону, с которой нужно зайти в атаку.

Корабль, к которому они подплывали, был пуст, и оказался вполне пригоден для путешествия. Напряжение окончательно спало и сменилось надеждой. Четверых человек было определённо недостаточно для полноценного плавания, но на волне всеобщего воодушевления им удалось справиться с судном и направить его в нужном направлении.

***

Покинув прошлое вместе с Иманом, Призрак направил его к тюрьме. Его находка буквально обязывала довести дело до конца. Призрак увидел новую нить, новую возможность перестроить цепочку событий и извлечь наибольшую пользу из сложившейся ситуации. Иман продолжал слепо слушать его, внимать каждому его слову или указанию, хотя со временем Призрак стал замечать, что даётся ему это всё сложнее – сила откровения, которое снизошло на Имана, начала терять своё влияние на него. Нет, он не разочаровывался в увиденном, скорее наоборот – он настолько фанатично принял его, всецело пропитался им и уверовал, что ему более не требовалась подпитка. Он не желал постигать истину, искать ответы на множество вопросов и становиться равным Призраку. Иман обрёл веру и теперь просто следовал за ней. И когда угаснет голос Призрака, он всё равно продолжит свой путь по намеченной тропе. В том виде, какой он сам её представлял – она определённо отличалась от той, что пытался донести до него Призрак. И поэтому последний спешил изо всех сил завершить свой план, связав нужные нити в единый узел.

В настоящем тюрьму уже никто не охранял и, преодолев завалы в ущелье, Иман с лёгкостью попал внутрь. Залы с камерами были мрачными, отовсюду тянуло сыростью и затхлым воздухом, откуда-то сверху мерно падали капли воды, нарушая зловещую тишину. Когда глаза Имана попривыкли к полумраку, он разглядел на стенах некоторых камер непонятные надписи, заметки с днями, которым не была числа. Скорее всего, попав сюда, люди умирали, так и не дождавшись освобождения. И темница становилась могилой.

Тюрьма казалась Иману настолько жутким местом, вместилищем боли и смерти, которое противопоставлялось самой жизни, что он невольно задавался вопросом: зачем он здесь? Но Призрак уверенно тянул его за собой, обещая нечто невероятное, удивительное. То, ради чего стоило преодолеть весь этот путь. Спустя несколько минут они очутились в отдельном зале, что несколько отличался от остальных. В нём была всего одна камера, чуть больше остальных и из неё исходило какое-то свечение – так, во всяком случае, казалось Иману.

– Что это за место? – решился спросить Иман, поборов нерешительность спустя почти минуту. Им вновь ненадолго овладело трепетное волнение и, казалось, вот-вот произойдёт нечто такое, что затмит всё виденное им раньше.

– Это величайший дар. И ты вправе выбрать, принимать ли его, – загадочно ответил Призрак.

Иман некоторое время помолчал, подойдя поближе к камере и стараясь разглядеть хоть что-нибудь в таинственном свечении, после чего спросил:

– В чём же он заключается?

– Это врата к вечной жизни. Готов ли ты отправиться в путешествие, из которого нет возврата и которому нет конца? – ответил Призрак.

И вновь повисло молчание. Иман ожидал какого-то другого ответа, а этот удивил и отпугнул его. Заманчивое предложение, которое не имело, при этом, смысла. Его вера, откровение, которое никогда не угаснет в его памяти, лишали его страха смерти, наполняли его короткую (по меркам вечности) жизнь смыслом. Они давали ему радость и покой, он ясно видел свой путь и не желал более сворачивать с него. Он не был готов кинуться в объятия холодной и чужой пустоты, потому что никогда не нашёл бы сил заполнить её.

– Нет, – сухо ответил он. – Я отказываюсь, я хочу остаться собой.

Иман видел смысл жизни в её конечности, в противопоставлении краткого мига, со всеми его страхами, отчаянием и мимолётными радостями бездне времени. Никогда прежде он не видел свою цель так ясно, ни разу в жизни он не был так уверен в своём решении. И, на этот раз, Призрак не направлял его – оно было частью его самого, оно созрело в нём за эти последние несколько часов.

– Хорошо, – ответил Призрак. – Тогда исполни мою последнюю просьбу. Я хочу дать шанс другому сделать такой же выбор.

Призрак попросил Имана достать книжицу, что он забрал из библиотеки Императрицы и, вновь указывая ему, что и как

делать, начертал на обороте первой из пустых страниц несколько десятков символов, которые на этот раз даже не были ему знакомы. Из таких же знаков состояла и остальная часть книжицы, а между ней и написанным Иманом была страница с символом, который то и дело попадался на знамёнах крепости.

– Теперь брось его в открытую дверь. И уходи. Я отпускаю тебя! – сказал Призрак.

Иман, как и всегда, послушался его и всё сделал в точности с указаниями. Но развернувшись, он вдруг спросил:

– Кто же ты?

Ему ответил слабый голос из пустоты (Иман уже не видел силуэта своего проводника), который словно бы удалялся с большой скоростью и чуть отличался от слышанного им ранее:

– Я тот, кто выбрал вечную жизнь… Вернее тот, кого она выбрала сама.

Иман узнал этот голос и замер как вкопанный. Более он не слышал ни слова, свечение угасло и воцарилась тишина, растворённая во мраке и запахе сырости. Но ему больше ничего и не было нужно, он услышал всё, что должен был. И теперь он лишь сильнее утвердился в своём выборе, окончательно и бесповоротно.

Призрак, поняв, что связь между ними окончательно утеряна и над ней не будет властно даже время, удалился. Ему оставалось претворить в жизнь последний пункт своего плана. Ради того, кто не выбирал вечную жизнь и для кого она стала проклятьем.

***

Фаранг, всё это время не выходивший из укрытия, изрядно замёрз и чувствовал сильный голод. Нога продолжала болеть, и, к тому же, страх сковывал его, поэтому он долгое время не решался даже пошевелиться или выглянуть из-за гряды камней. Его воображение рисовало перед ним ужасные картины: все члены команды погибли и он остался один в этом враждебном месте. Скорее всего, и его часы сочтены – он умрёт либо от голода и жажды, либо от рук этих ужасных чудовищ.

Что в такие моменты может двигать людьми? Отчаяние? Оно лишь приковывает к месту, лишая сил и воли. Стремление выжить? Тоска по дому? Всё это, покрывшись тем же самым отчаянием, словно плесенью, превратилось в ничто, пустой звук, гулким эхом отражавшимся от высоких стен и тонувшим в морской пене. Желание покончить с мучениями и встретить смерть – вот, что заостряет разум и делает человека готовым к решительным действиям. Фаранг внезапно почувствовал в себе

силы на этот последний бросок – стоило ему только принять неизбежность своей смерти. Его разум очистился и мысли в одно мгновение приобрели ясную форму. Разве не то же самое сделал Принц, когда они затерялись в тумане? Вероятно, он знал что-то ещё, но он преследовал ту же самую идею: смело взглянуть в лицо смерти, какой бы она ни была.

Выскочив из укрытия, Фаранг поморщился от боли, но с удивлением обнаружил, что нога болит не так уж сильно, а смерть вовсе не ожидает его с распростёртыми объятиями. И тогда он понял, что жизнь умеет шутить, выбирая из двух вариантов третий, совершенно непредсказуемый и ошеломительно нелепый. Такой же нелепый, как и он сам... Ситуации, в которых он оказывался, слова, что он говорил – глупы. Он словно ребёнок, к тому же ещё и трусливый. Да ещё и потерявшийся. Жизнь даёт ему урок: думать, прежде, чем говорить или делать. Учиться у старших товарищей. Не об этом ли отец твердил ему перед отплытием? Он, несмотря на всю свою любовь к деньгам, искренне желал сыну добра и хотел, чтобы тот стал настоящим мужчиной, с крепкими волей и духом. Сколько раз он подвергал опасностям других людей из-за своих глупости или бездействия? Нерешительность – главный враг любых начинаний. Любые оправдания, слабости, вроде болящей ноги, – всё это, подобно якорю тянет его на дно. И самое главное – не только его. Что, если бы он сражался вместе со всеми? Что мешало из укрытия обкидать врагов булыжниками? Ведь там их было в достатке! Как жаль, что уроки и наставления его отца так поздно нашли свою дорогу к его разуму.

Фаранг осознал за эти несколько минут больше, чем за всю свою жизнь. Он словно бы слышал голос отца в своей голове. Его доброта и мудрость так долго оставались им незамеченными, а сейчас бросали лёгкую улыбку на его лицо.

Бежать обратно не имело смысла – у него не было ни корабля, ни желания спасаться бегством. Фаранг действительно принял свою скорую и неизбежную смерть. И, раз она опаздывала на встречу, то он разыщет её сам. И, решив не ходить кругами, он приметил провал в стене над собой и начал изо всех сил карабкаться к нему. Однако, замёрзшие пальцы плохо слушались его и взбираться было очень затруднительно. Вдруг, откуда-то сверху посыпались камни и один из них угодил в плечо юнцу. Одна рука сорвалась с уступа и он повис на большой высоте, не в силах поднять её обратно. Неужели всё так глупо? И даже его смерть будет такой нелепой?

В последний момент Фаранг вдруг услышал чьи-то шаги поблизости. Кто-то сверху протягивал ему руку (он почти добрался до проёма). Ещё через мгновение он узнал в спасителе

Имана. Тот буквально втащил его и Фаранг повалился на пол. Опасность была позади.

– Но как? Я думал, что все погибли, – удивлённо спрашивал Фаранг, не скрывая радости.

– Что ты пытался сделать? Ты же чуть не убился! Не мог найти другого пути? – не ответив на вопрос, сказал ему Иман. Его всё ещё удивляло то, каким дальновидным оказался его проводник. Значит и книжицу он отнёс в тюрьму вовсе не зря – всё это ещё сыграет какую-то роль во всём происходящем.

– Это и был другой путь. Я всех подвёл… Я…, – без лишних эмоций говорил Фаранг. Ему сложно было подобрать слова, но Иман понял его.

– Не стоит переоценивать собственную глупость. Конечно же, ты доставил нам хлопот, но были вещи куда как более значительные. Роковые, я бы сказал. И на их фоне твоё поведение – сущий пустяк. Тем более, как я вижу, ты извлёк для себя определённые уроки, – ответил Иман.

– Спасибо, – лишь сказал Фаранг.

Он встал и отряхнулся. Иман спросил его:

– Идти сможешь?

– Да, вполне. Всё хорошо, – ответил Фаранг.

– Ты, вероятно, хочешь знать, куда же? И что же дальше? Не бойся показаться глупым, это хороший вопрос, – вдруг проговорил Иман.

Не дожидаясь слов от собеседника, он продолжил:

– И у меня есть хороший ответ на него! Все живы, нам удалось найти корабль и осталось лишь встретиться у северного побережья. Я проведу тебя.

Фаранг отметил странные перемены в своём спасителе. Его речь изменилась, стала более вкрадчивой и осмысленной. Раньше Иман походил на обычного вояку – грубого и почему-то вечно уставшего. Теперь же перед ним был почти другой человек. Что же произошло с ним, и был ли он всё ещё собой? И был ли это действительно он? Но, в любом случае, он спас Фаранга и кем бы он ни был, его жизнь теперь принадлежала ему.

– А что случилось с Принцем? Вы нашли его? – спросил Фаранг.

Иман улыбнулся в ответ и, помолчав недолго, произнёс:

– Наши пути разошлись.

– Что это значит? – недоумённо спросил Фаранг.

Призрак открыл ему правду и Иман знал всё о судьбе Принца, но посчитал важным лишь добавить:

– Никто, из ступивших на этот остров, не останется прежним. У всех своя дорога, даже если они не выбирали её.

Фаранг не до конца понял, о чём же именно говорит Иман, но решил не докучать ему с расспросами. Возможно, у него ещё будет время осознать всё произошедшее получше и найти ответы на все вопросы. Но в чём-то Иман был прав – изменения произошли в каждом, это было бесспорно. Но что за перемены случились с Принцем? Может ли смерть (а о чём ещё мог умалчивать Иман?) считаться таковой?

Спустя несколько часов путники достигли северного побережья и, к огромной радости Фаранга, обнаружили остальных членов команды. Те же были невероятно удивлены, когда узнали, что за их таинственным спасением стоял Иман [*прим.: от персидского имени «Iman», означающего «вера»*], а все их предположения были ошибочны. Они благодарили его и задавали множество вопросов, а он лишь загадочно улыбался в ответ. Единственным, что он сказал, было:

– Мы должны отправляться.

И, опережая вопросы Рахима, добавил:

– Он не придёт.

Рахим посмотрел как бы сквозь Имана и лишь понимающе кивнул.

Глава 19. Жертва

Я постоянно твержу ему, что он не готов, что человеческое тело вообще не предназначено для этого. Песок должен наполнять разум человека, указывать ему путь, но не становиться его частью. С помощью медальона мне удалось нащупать в темноте эту дорогу – то, что не удавалось никому до меня. До этого Песок нёс лишь болезни и смерть, но только из-за неправильного подхода к взаимодействию. Я показал им верную тропу и теперь Пески – это благо для людей, а не погибель. Но я прекрасно понимаю, откуда взялась традиция закидывать Бездну камнями! Люди боялись её! Наверняка, изначально кто-то пытался сделать это быстрее, чем по одному камню за человеческую жизнь. Но со временем ритуал приобрёл скорее символическое значение, нежели приносил реальную пользу. Люди стали забывать о настоящей опасности. Однако неправильно используемый инструмент может быть страшнее оружия в руках врага. И теперь Нергал повторяет ошибки прошлого. Но он не хочет слушать меня. Да и вправе ли я наставлять его, если все мои открытия и достижения – это череда случайных просветлений и везения, которые я называю Судьбой?

Я много раз доказал делом, что лучший способ подчинения могущества Песков Времени человеку – это их проникновение в вещи, которые приобретают особые возможности благодаря этому. А человек лишь использует их в своих целях. И это – главное различие наших взглядов. Точка, в которой расходятся наши учения. Мы стремимся к одной цели, но разными путями. Раньше я считал, что это даже хорошо – когда-то Нергал убедил меня в этом. Но сейчас я полон сомнений, а с каждым днём наши пути расходятся всё дальше. И у него даже есть последователи, такие же глупцы. Я уже с трудом могу докричаться до него с противоположной стороны этой пропасти. В лучшем случае, он слышит мой голос, но не суть моих слов.

Куда ведёт Нергала его тропа? Мне кажется, что он может навредить не только себе, но и всему Острову, каждому его жителю. Он вновь стал постоянно твердить о враге, который вот-вот нападёт. Говорит, что к нему, благодаря Пескам, вернулись воспоминания. И они столь ужасны, что у него нет времени останавливаться и размышлять. Но он не видит, что сам навлекает на Остров беду ещё большую, чем нападение неизвестного врага. Я чувствую, как она нависает над нами, дыхание тьмы становится всё ближе и ближе. А он лишь говорит, что я слаб и вожусь со своими безделушками, не видя настоящих проблем.

Однажды я застал его около временного портала, но вместо привычной тревоги на его лице сияла улыбка. И наш разговор пошёл более гладко, чем обычно:

– Скажи мне, что ты задумал? Неужели ты не видишь, как ты губишь себя? – спросил я.

– Однажды ты всё поймёшь, отец. Я слишком многое должен сделать, и у меня слишком мало времени, даже несмотря на возможность перемещаться между прошлым и будущим! – ответил он.

На несколько секунд я даже почувствовал облегчение и спокойствие – нам давно не удавалось обменяться и парой слов. Но он вдруг продолжил:

– Пришло время отринуть оковы человеческого тела – это лишь смертная оболочка. Слабая и несовершенная. Болезни, голод, усталость – какой в этом смысл? Ты же, кажется, тоже всегда хотел победить их? Но я вдруг осознал – бороться нужно не с последствиями, а с причинами! Мы на пороге вечности, отец!

Его слова были холодными и уверенными. В голосе слышалось что-то нечеловеческое, чужое, а в глазах мелькали едва уловимые оранжевые огоньки. Кажется, он действительно задумал что-то невероятное, грандиозное. Но его методы будут бесчеловечны, ужасны и противоестественны, прежде чем он добьётся нужного результата. Неужели он ищет путь к бессмертию, к вечной жизни?

Кажется, я слишком поторопился передать ему все знания. Он оказался не готов к ним... ***Но знал ли я сам что-нибудь? Лишь крохи, крупицы истинной мудрости Песков.***

Дневник Намтара, запись 57

***

Провалившись в пустоту, вне времени и пространства, среди прочих видений Принц больше всего запомнил одно, очень странное. В нём он находился около клетки Кайлины в Саду. Он не помнил точно – снаружи или внутри неё, но, вместо разговора, он сражался с нею. Она напала на него, а в её глазах горели ярость и неподдельная ненависть. Этот взгляд запомнился Принцу ярче всего – ему казалось, что он словно бы не принадлежит ей, он не узнавал его. Что это могло значить? Очередное видение, подброшенное Императрицей, чтобы сбить его с толку и запутать ещё больше? Или же мрачное предвестие, отголосок ближайшего будущего, в котором Императрица

затуманит разум Кайлины, подчинит своей воле и заставит её вместо себя сражаться с Принцем?

До места заточения Кайлины было совсем недалеко, но Принц поначалу даже не решался сделать и шага. Помимо того, что странное видение угнетало и тревожило его, он до сих пор не пришёл в себя после произошедшего. Случилось что-то плохое – то, на что он не рассчитывал. Принц думал, что окажется совсем в другом месте и даже в другом времени. Он планировал догнать своё будущее иначе. Но страх смерти заставил его избавиться от медальона, в надежде изменить прошлое, что повлияло бы и на все дальнейшие события. Если раньше он опасался, что Сад и все события, произошедшие с ним, – сплошная иллюзия, то теперь он уже хотел, чтобы это было видением, сном. Но одно обстоятельство превращало все события в реальность, давая ответ разом на все вопросы: при нём не было медальона. А значит, он действительно избавился от него во время второго похода в Механическую Башню. Но он всё равно возвратился ровно в ту же точку времени и пространства, откуда сбежал, находясь в заточении. Ничто не могло повлиять на судьбу и изменить её – именно этот вывод напрашивался сам собой.

Медальон, даже несмотря на то, что он отсутствовал, каким-то непостижимым образом по-прежнему оставался для Принца своеобразной точкой отсчёта всех событий; он был чем-то таким, что определяло мышление и действия Принца.

Стараясь случайно не привлечь внимания, Принц зашёл обратно в коридор и присел на пол, давая отдохнуть болевшей ноге и погружаясь в размышления. Ему незачем было спешить к Кайлине – он не сможет освободить её, не сможет дать ей медальон для того чтобы она могла впитать память своей второй половины и обрести свободу. Поэтому он попытался разобраться в произошедшем. Исходя из разрозненных догадок и воспоминаний, Принц составил следующую картину недавних событий: изначально Императрица направила его в Механическую Башню, где он повстречал Кайлину и их беседа была точь-в-точь такой же, какой будет и во второй раз. Но на обратном пути, возможно во время ожидания исчезновения печатей, Принц потерял память о Башне и встрече с пленницей и, оказавшись в Саду, решил, что отправился в первую очередь сюда. Императрица, попытавшись с помощью своих слуг одолеть Принца в Башне силой, сменила тактику и решила затуманить ему разум. И произошли события, которые в итоге привели к заточению Принца. Затем, он с помощью медальона и Песков каким-то образом переместился в прошлое и заново пережил события в Механической Башне. Ему помогли обрывки воспоминаний о будущем – скорее всего, их хранил медальон – и

он попытался изменить прошлое. Но в его планы вмешался страж судьбы, и Принц был вынужден избавиться от медальона в сумасшедших попытках спасти свою жизнь. И непостижимым образом он перенёсся в то самое место, когда он был заточён.

Разум Принца отказывался понимать это. Если он всё ещё жив, значит, единственно возможное объяснение произошедшего заключается в том, что второй поход в Башню – это иллюзия. В ней могло происходить всё, что угодно, никак не влияя на будущие события, а затем он просто вернулся в реальность. Но как тогда он лишился медальона, который оказался платой за утерянные воспоминания? Выходит, это объяснение совершенно несостоятельно.

Ещё одним вариантом была версия о том, что Принц вернулся из реальности в видение. И находился в нём и сейчас. Это многое объясняло, но было совершенно неутешительно для него. И именно это чувство неуверенности в том, где же он на самом деле, больше всего тревожило Принца. Его пугала возможная участь – навсегда остаться в плену этой паутины иллюзий и превратиться в безвольного раба, вроде Хараза.

Либо же иллюзией было вообще всё. Принца впустили в неё и захлопнули дверь у него за спиной. И, сколько он ни силился, он не мог найти выхода, а видел лишь ложную, туманную надежду. Но когда обман раскрывался, это доставляло ему ещё больше мучений. Выходило так, что он вообще не двигался с места и по-прежнему стоял в Центральном зале, никуда не ходив, в действительности. Однако в такой вариант Принц попросту отказывался верить – он был слишком безнадёжным, и ему оставалось только умереть здесь и сейчас. Как вообще возможно определить, что ты находишься внутри иллюзии? Ведь она, кажется, совершенна, без единого изъяна.

Принц помнил, что сказала Кайлина: иллюзии Императрицы не могут быть абсолютными, её сознание неизбежно смешивается с его собственным, а для поддержания обмана ей приходится прилагать невероятные усилия. Кроме того, она не знала о медальоне – он был той самой единственной ниточкой, связывающей его с реальностью. Ведь он получил его ещё до встречи с Императрицей. А значит, те места, в которых Принц оказывался с медальоном, точно были настоящими, реальными. Это казалось ему самым разумным и обнадёживающим вариантом произошедшего, который, однако, ничего не объяснял. Выходит, если оба похода в Башню были реальны, то во время второго он погиб и вообще не должен был здесь находиться. Либо, если петля не замыкалась до конца, то он каким-то образом возвратился к первому варианту событий, в котором он, не пытаясь ничего изменить, проследовал из Башни в Сад? Либо, он

всё-таки каким-то невероятным, чудесным образом спасся от зверя, но просто не помнил этого? У Принца не находилось ни одного рационального объяснения. Он мог только описать произошедшее: выходило так, что с помощью медальона он путешествовал в прошлое, взаимодействовал с ним; но стоило Принцу лишиться его, как его затянуло обратно. При этом все события в прошлом имели реальную силу, но почти не оказали влияния на результат. Судьба удержала линию его жизни в своих руках, не дав ничего изменить и, кроме того, лишив его единственного преимущества в борьбе с Императрицей. Что ж, Принцу оставалось лишь надеться, что это то же самое место, а не какой-нибудь другой сад. Ведь сходство могло оказаться лишь поверхностным.

Но вдруг Принц ощутил прилив сил. Он понял, что не так уж важно истинное объяснение произошедшего. Даже если дело в том, что судьбу настолько сложно изменить, что результаты любых попыток идут вразрез со всякой логикой и здравым смыслом, то это ровным счётом ничего не меняет. Всего лишь ещё одна неудачная попытка. А вернее – просто недостаточно удачная, потому что в какой-то мере он добился своей цели – выбрался из заточения. В этот раз он не столкнулся с Существом и теперь мог, наконец-то, встретиться с Кайлиной, той, что принадлежит вторая половина её сознания.

И вместе с этими умозаключениями Принц почувствовал, что к нему пришёл ответ. Он как искра загорелся в темноте и осветил тьму его разума. Ответ, по-прежнему заключался в медальоне. В отличие от обычного путешествия во времени, с помощью медальона перемещалось лишь сознание Принца. Разделённый во времени, он существовал сразу в нескольких местах. И с помощью медальона, оно могло находиться в любом из Принцев, вполне реально влияя на события. Медальон же существовал вне времени и пространства, как бы на пересечении всех возможных временных линий и прикосновение к нему даровало Принцу такую необычную способность. Но стоило лишиться его, как сознание возвращалось в исходную точку. Кажется, он нашёл тот самый исток, к которому он стремился. И отсюда его путь лишь начинался.

***

Принц подошёл к клетке, в которой недвижимо стояла Кайлина. По пути ему пришлось одолеть ещё пару стражников, но сейчас он по-настоящему опасался лишь того, как встретит его Кайлина. Он был готов даже к худшему варианту – сражению с ней, если его странное видение вдруг окажется правдой.

Коварство Императрицы не знало границ, и Принц уже ничему не удивлялся. Кайлина стояла к нему спиной, и он протянул руку, чтобы попробовать коснуться её плеча. Услышав это, пленница испуганно повернулась.

– Ты, кажется, удивлена меня видеть? – с опаской спросил Принц.

– Кто… ты? – не меняясь в лице, растерянно спросила Кайлина.

Этот вопрос и её удивление вновь породили в нём самые мрачные сомнения. Что, если он каким-то образом, вопреки всем его объяснениям и догадкам, нарушил ход времени, исказив его линию так, что оказался в какой-то совершенно другой, чужой для него, реальности. И теперь он более не принадлежал этому миру и очутился в водовороте совсем других событий, к которым он не имеет никакого отношения. Вдруг Дахака… прав, гоняясь за ним? Что, если его эгоизм способен разрушить до основания весь мир, превратив линию времени в бессвязный набор фрагментов, лишив её целостности и порядка? И тогда не удивительно, что люди начали забывать друг друга, а события перестали проистекать одно из другого, логично и последовательно.

– Что ты здесь делаешь? Это она послала тебя? Отвечай! – не унималась Кайлина, сменив тон на требовательный или даже злобный.

Принцу же хотелось лишь спросить её в ответ: «А кто же ты?». Но он слишком опасался ответа. И продолжал молча глядеть на рассерженную пленницу, которая продолжала сыпать вопросами:

– Чем она сманила тебя на свою сторону? Ты думаешь, что ей можно верить, и она выполнит хотя бы одно из своих обещаний? – гневно говорила она.

При этом, несмотря на весь её напор, во взгляде Кайлины по-прежнему читалась растерянность, она искала хоть что-нибудь, за что можно было зацепиться. Найти хоть какие-то ответы и понять, что же замыслил стоявший перед ней воин. В какой-то момент Кайлина посмотрела не на Принца, а за его плечо. Удивление на её лице сменилось интересом – она пристально вглядывалась во что-то позади него. Принц обратил внимание на это, оглянулся, но ничего не увидел. Он опасался, что сзади может подкрасться враг или даже Дахака, но, поскольку за его спиной никого не оказалось, Принц решил, что это ещё одна странность Кайлины, сознание которой сильно пострадало от раздвоения, и поспешил успокоить её, разом ответив на все вопросы:

– Ты сама послала меня сюда. Вернее, твоя другая половина, которой принадлежит часть твоего сознания, – сказал он. – Я тебе не враг, Кайлина.

В глазах пленницы вновь вспыхнуло удивление, ещё сильнее прежнего. Но Кайлина смотрела не на Принца, а на его скрещенные на груди руки. Ей глаза бегали из стороны в сторону, словно бы она искала чему-то объяснение, а губы шевелились, словно бы она говорила сама с собой. Спустя несколько секунд она подняла взгляд и спросила:

– Так значит, это правда, ей удалось сделать это?

– Очевидно, да, – ответил ей Принц. – Она попыталась осуществить то же самое и со мной. Но она не учла того, что ты дала мне медальон. Он спас меня.

– Я ненавижу её за всё то, что она сделала! – в глазах Кайлины читались неподдельные горечь и боль.

– Он должен был помочь и тебе, но, к сожалению, у меня его больше нет. Прости, у меня не было никакой возможности сохранить его. Медальон содержал часть твоей памяти и помог бы тебе вновь обрести себя, – добавил Принц.

– Я обладаю достаточной памятью, чтобы помнить её бесчинства и желать ей смерти! – гневно проговорила Кайлина, добавив: – А твои оправдания мне ни к чему. Если ты и вправду на моей стороне, то ты должен помочь мне закончить моё дело. Убей Императрицу вместо меня!

На лице Принца застыл немой вопрос. Эта Кайлина, по сравнению с той, что была заточена в Механической Башне, говорила прямо противоположные вещи. В каком-то смысле, это было ему даже на руку, но требовало некоторого осмысления.

Словно бы желая ответить на его невысказанный вопрос, Кайлина сказала Принцу:

– Были времена, когда я сочувствовала ей и желала помочь. Избавить её от страданий и боли. Но её безумие… Однажды я поняла, что обратной дороги уже нет и ей нет прощения. Но даже тогда я ещё не догадывалась, насколько велико её коварство!

Принц искренне сочувствовал пленнице и жалел о потере медальона. Теперь уже вряд ли что-то сможет помочь Кайлине – её сознание и вправду сильно пострадало, было фрагментировано и разорвано во времени. Там, в Башне, он словно бы разговаривал с Кайлиной из далёкого прошлого, когда она была моложе, но при этом помнила Принца. Видимо всё это было последствием разделения.

– Эти бесчинства и безумства? В чём они заключались? – спросил Принц в ответ. – Я видел немногое из того, о чём ты говоришь. Что она сделала со всеми этими людьми?

– Когда-то давно они стали ей не нужны. Это её собственные слова. И она расправилась практически со всеми, но своими методами. Невзирая на чины и верность. Хотя, произошло это всё, конечно же, не в одночасье, а тянулось годами. В немилость не пали лишь я и Шади – её дочери. И то, лишь до тех пор, пока я не пожелала помочь ей, – рассказала Кайлина.

– Что именно ты сделала? – спросил Принц. – Что могло настроить её против собственного дитя?

– Я украла у неё Перстень. Он предсказывает судьбу и это мучило её, сводя с ума. Я хотела дать ей вздохнуть свободно, а вместо этого увидела все самые потаённые уголки её души. Её подавленные воспоминания, которыми она никогда и ни с кем бы не поделилась. Перстень оказался способен на большее, и я увидела всю её жизнь целиком. И даже то время, из которого выросла её чёрная озлобленность на людей. Это началось в самом детстве, когда она росла, окружённая лишь дворцовой знатью, где её чествовали, восхваляли и даже поклонялись ей. Но никто не был с ней близок, она не знала дружбы и была одинока. И её сердце черствело и пропитывалось тьмой. В этих воспоминаниях она была уязвима и она была в ярости, когда узнала о том, что Перстень поведал мне, – продолжила свой рассказ Кайлина. – И даже мне оказалось не под силу остановить её. Хотя она и не сразу выступила против меня – она пыталась сначала дотянуться до меня чужими руками. Но когда Императрица поняла, что есть те, кто поддерживает меня, то испугалась и поистине обезумела. Теперь ты – последняя надежда Острова, хотя я понимаю, что ты прибыл сюда совсем по иным, каким-то своим причинам.

– Как же я смогу одолеть её? В чём слабость Императрицы? – спросил Принц. – Ты права, я здесь для того, чтобы спасти, в первую очередь, свою жизнь. Но уж так вышло, что моя цель совпадает и с твоей.

– Она уже создала Пески Времени? – спросила пленница.

– Кажется, ещё нет. Нет, точно нет. Я бы знал об этом, – ответил ей Принц.

– Что ж, тогда ты должен помешать ей. Ответственный момент близко и она должна ненадолго оставить тебя в покое – ей скоро потребуются все её силы. Отправляйся к алтарю – ты знаешь, где это? – начала объяснять Кайлина.

– Да. Там мы встретились с тобой в первый раз, и ты отдала мне медальон. Он принадлежал Шади, – ответил Принц.

– Отлично. Ты должен забрать кинжал – именно с его помощью она создаст Пески и станет практически неуязвима! – продолжила Кайлина.

– Я пытался сделать это с самого начала! – перебил её Принц.

– Возьми этот перстень. Лишь носивший его может взять в руки кинжал, что разделён на две части. Точно так же, как и людей, она делит и предметы. И если людей воедино собирает медальон, потому что он может переносить их память, то с неодушевлёнными предметами справляется он, – закончила Кайлина, протягивая Принцу перстень с большим красным камнем.

– Но как ты… Ведь ты разделена и я даже не могу прикоснуться к тебе или Перстню, – начал было Принц. Но тут же почувствовал в ладони вес кольца.

– Это мой дар. Я всё ещё вправе сама распоряжаться своей жизнью, – ответила Кайлина. Через мгновение она упала замертво.

Принц не успел сказать и слова, лишь застыл с открытым от удивления и неожиданности ртом. Он вновь даже не поблагодарил её. Особенно теперь, когда она решилась на такую жертву, чтобы помочь ему, пусть и во имя собственной цели. Но так уж распорядилась судьба, что она была общей для них. Может быть, однажды, у него будет время обдумать всё произошедшее, но сейчас он, наконец-то, получил реальный шанс повлиять на ход событий, помешав Императрице создать Пески Времени. Он выкрадет кинжал и тем самым либо вынудит её выйти на бой, либо просто сбежит в настоящее. И тогда, даже если Пески будут созданы, экспедиция Магараджи не обнаружит кинжала на Острове, не привезёт его в Индию и события в Азаде никогда не произойдут.

Однако на Принца произвёл огромное впечатление поступок Кайлины. Она пожертвовала собой, и глупо было бы считать всё происходившее иллюзией, сном. Бессердечная Императрица никогда не смогла бы разыграть такой убедительный спектакль. Считать произошедшее иллюзией было бы величайшим неуважением к тому, что совершила Кайлина.

Выходило так, что Принц был понемногу прав в каждой из своих догадок, но не видел общей картины. До этого момента, когда пелена будто бы спала с его глаз окончательно. С самого начала всё происходящее было правдой. Императрица подменяла реальность лишь в мелочах, в деталях, чтобы создать иллюзию иллюзии. Заставить Принца искать выход оттуда, где он не был в плену, постоянно отвлекая его от того, что было действительно важно. И ей это практически удалось. Она была на волосок от победы. Но она не знала, что дала Принцу самый большой шанс из всех в его жизни. И, на её беду, он рассмотрел его в этой паутине лжи.

Принц поспешил надеть Перстень на указательный палец и отправился в обратное путешествие к Центральному Залу. Он желал как можно скорее выкрасть кинжал и избавиться от дара Кайлины. Тот сразу же начал тяготить Принца, подспудно толкая его обратно на тропу, уготованную судьбой. Но Принц знал, что терпеть ему придётся недолго и это вынужденная трудность.

Однако, не успел он сделать и десяти шагов, как вдруг увидел лежавший на земле медальон! Сначала Принц даже не поверил своим глазам. Ему казалось, что он нашёл всему более-менее правдоподобное объяснение, выстроил стройную картину произошедшего, как вдруг один небольшой элемент бьёт в самое основание и рушит её. Каким-то образом, от местоположения медальона зависело вообще всё, что происходило вокруг. Но как он вообще здесь оказался? Почему Принц не заметил его раньше? Выходит, он всё-таки добрался сюда, после второго похода в Механическую Башню, чудом ускользнув от Дахаки, но обронил его? О, какая же нелепая, роковая случайность! И она стоила жизни Кайлине, хотя спасение было так близко! Чувство глубокой обиды и горечи захлестнуло Принца изнутри. В какой-то мере он был рад воссоединению с медальоном, но не таким путём, когда прошёл буквально в шаге от успеха!

Внезапно, он услышал шорох позади себя и, вспомнив, как Кайлина смотрела ему за плечо, не подавая виду, пошёл вперёд, а затем резко обернулся. И вновь не увидел бы ничего, если бы враг сам не решил его атаковать – Принц с большим трудом рассмотрел едва различимый, почти прозрачный силуэт, что держал в руках длинный кинжал с прямым лезвием. Спустя мгновение Принц увидел ещё одного нападавшего – такой же невидимка. И сложно было даже сказать, мужчина это или женщина, если бы не боевой клич – голос был женским.

Его враги бросились в разные стороны и начали кружить вокруг Принца, отчего тот постоянно терял их из виду. Их невидимость делала их невероятно опасными и неуловимыми. И при этом они могли в любой момент сбежать – например, если это просто разведчики, которые сразу же доложат о медальоне в руках Принца. И о Перстне, что принадлежит Императрице. Но стоило Принцу лишь подумать о нём, как реальность сменилась видением, в котором он наперёд знал каждое движение своего врага, видя его при этом весьма отчётливо, в виде красно-чёрного пятна на почти белом фоне окружавшего их сада. И, решив применить оружие врага против него же самого, он в считанные секунды разделался с невидимками. Одна из них перед смертью прохрипела:

– Это невозможно…

И видение оборвалось. Так же резко, как и началось. Принц лишь подумал о том, что оно ему больше не нужно, и он снова хочет видеть мир своими глазами. Перстень словно бы повиновался ему и ничто, кроме следов крови на траве и пары клинков не говорило о том, что здесь только что произошла схватка. Медальон помогает ему подчинять своей воле даже этот Перстень?

***

На обратном пути Принц ещё раз оценил красоту Сада, хотя в этот раз отметил, что он достаточно отличается от висячих садов Вавилона. И, в этот раз, он не уловил того самого аромата. Хотя он и не был уверен, почему именно, – он был другим или он просто не помнил того самого запаха? Но сейчас он знал, что его чувства принадлежат именно ему. Его разум чист от влияния Императрицы и ничто не преградит ему дорогу в Центральный Зал. Печати будут сняты, и ему не придётся ждать, пока они растают, как когда-то предлагала Кайлина. Сейчас Императрица вовсю занята созданием Песков.

Оказавшись возле фонтанов, Принц расправился ещё с одной группой врагов. Их было четверо и они были одеты так же, как и смотрители в Башне – маски из красной ткани, чей верх походил на куфию, оставлявшие открытыми только глаза; накидка на плечи, наручи и кушак из той же материи лежали поверх тёмного костюма без рукавов. Принц успел заметить, что солдаты Императрицы делились на несколько типов, и у каждого из них была своя тактика ведения боя. Их форма каждый раз помогала ему понять, кто же перед ним. С одной стороны, это отличная возможность для ловушки. Но с другой стороны, его наблюдения подтверждались раз за разом, без исключений. И этот не стал таковым: смотрители каждый раз стремились атаковать Принца со спины, в тот момент, когда он был занят одним из их товарищей по оружию. И ещё в Башне Принц отточил своё понимание их тактики до такой степени, что использовал против них же – он играючи уворачивался от удара в последний момент так, что песчаный солдат погибал не от руки Принца, а от меча боевого соратника.

Одному из двух оставшихся в живых врагов Принц отсёк руку, лишив его ещё и меча, которым тот сражался. Вслед за этим он, не добивая раненого, увернулся от очередного удара нападавшего со спины, оказавшись позади него, и вонзил тому меч в плечо. Ранение оказалось не смертельным, но Принц заметил, что кожа чудовища покрылась каким-то золотистым блеском и начала источать струйки Песка. И тогда Принц изо

всех сил нанёс ещё один удар и рассёк тело врага пополам, перерубив его в области пояса. Меч прошёл через тело монстра чрезвычайно легко, как сквозь воду. И, в момент, когда оно рассыпалось на части, вздымая песчаные клубы, Принц прыгнул сквозь него и нанёс последний удар недобитому врагу.

До самого проёма с печатью Принца больше никто не потревожил. Он подошёл к нему, убедился, что проход свободен и оценил высоту для прыжка – просто спуститься вниз он не мог (да и времени на это у него всё равно бы не было), поэтому вынужден был как следует разбежаться, чтобы не упасть в пропасть. И только он начал свой разбег, как услышал позади грузные шаги Дахаки. Воздух вокруг него в один заволокло серо-золотистым туманом, источавшим холод, и Принц продолжил бежать с утроенной силой.

«Императрица уже создала Пески? Неужели так быстро? Или Дахака просто научился выслеживать меня в прошлом, раскусив мой обман?» – задавался немыми вопросами Принц.

В этот момент его ноги оторвались от земли, и он полетел к уступу в середине Центрального Зала. Но, несмотря на то, что он вложил в этот прыжок всю свою силу, ему казалось, что он может не долететь – словно бы что-то тянуло его вниз. В этот же момент он увидел, как из-за колонны ему навстречу шагает Существо! Принц никак не ожидал такого поворота событий, когда его будут атаковать с двух сторон!

Ему удалось ухватиться руками за край уступа, но из-за высоты прыжка удар о него был слишком сильным и Принц чуть не соскользнул вниз. Быстро подняться наверх ему мешала всё ещё болевшая нога. К тому же, он вновь ударился ей, об уступ, на сей раз – коленом. И, судя по шагам, Дахака уже подошёл к проёму и был готов схватить Принца или прыгнуть за ним. Всё, что он успел сделать – подтянуться и закинуть обе руки по локоть на уступ.

Существо спешно подошло к Принцу и… протянуло руку, помогая подняться. Он, не раздумывая, принял предложение, и Существо втянуло его наверх.

Глава 20. Противостояние

Огромная тяжесть легла на мои плечи. Словно бы на меня давит целый океан. Я вновь потерял своего сына, но в этот раз по-настоящему, навсегда. Он не умер, он жив и здравствует. Но сегодня я узнал, что он не был слеп в своих намерениях. Всё это время он обманывал меня, он намеренно совершал все свои действия. И время для меня теперь словно бы остановилось, в моём сердце застыло мгновение невероятной печали, глубокой как сама Бездна. Мгновение, после которого начнутся времена ещё более ужасные, чем я себе представлял. Это будет открытое противостояние, сражение не на жизнь, а на смерть. И я могу даже не выйти из него победителем. ***У меня никогда не было плана на такой случай.***

На самом деле, я потерял его очень давно, когда он уплыл с Острова. Он так и не возвращался, а эти полгода были сладостной иллюзией, самообманом. Я видел лишь то, что хотел видеть. После того, что он сделал – у меня больше нет сына. Остров в опасности и я должен защитить его. Возможны только два исхода: моя или его смерть. Третьего не дано. И нет пути назад – никакие Пески не исправят того, что произошло в нём. Хоть в чём-то Судьба однозначна.

Все эти полгода Нергал вынашивал и понемногу воплощал свои тайные планы, прикрываясь тягой к знаниям. Он воспитывал своих сторонников, готовя армию для восстания. И кто знает, сколько бы ещё прошло времени, прежде чем тайное стало бы явным, если бы не Джатта. Он не знал, что между нами существует особая связь, которая помогает мне даже на расстоянии слышать её. И сегодня я почувствовал её боль. И её глазами я увидел Нергала, который ставил над ней какой-то эксперимент с помощью зеркал. Ему было недостаточно того, что он сделал с собой – он хотел использовать Пески как средство подчинения чужого сознания. Причём оно должно было иметь постоянное действие, а для этого ему требовалось преобразовывать тела, пропитывая их Песками. Как вещи, которые можно просто использовать. К счастью, я оказался совсем неподалёку и бросился туда, чтобы остановить это безумие и спасти Джатту. Прибежав, я увидел его хищные злые глаза, которые буквально испепеляли меня ненавистью. И он впервые открыто выразил свои мысли:

– Ты всегда был проблемой для меня. Я устал бегать от тебя по лабиринтам времени, и пришло время отбросить всё это!

После этого, на его лицо появилась эта отвратительная улыбка. Вот каково было её истинное значение!

– Взять его! – вдруг крикнул он солдатам, что стояли рядом. Он имел в виду меня.

Среди предателей был и Зулу – охрана крепости оказалась в один момент обезглавлена, а я бросился прочь, охваченный бурей чувств и эмоций. Обида, горькая несправедливость и даже страх разрывали мой разум. В один миг всё перевернулось с ног на голову. Я готов был мириться с тем, что он слеп и совершает ошибки. Но я не ожидал такого осознанного зла и коварства. Не видел, как за моей спиной плетётся эта сеть из интриг, лжи и предательства. И я попался в неё, как в ловушку.

Джатта бежала рядом со мной, и нам удалось скрыться от погони, буквально чудом. В этот же вечер я собрал остатки охранного гарнизона, своих учеников и самых уважаемых людей города и рассказал им обо всём, дав особые распоряжения. Теперь я не хожу по крепости один – только в окружении десятка телохранителей. Наш враг опасен и только у меня достанет сил одолеть его. Учитывая то, на что он способен, вряд ли кто-то сможет одолеть его простым оружием. Теперь я нахожу объяснение всем его странностям, нашим частым неожиданным встречам и его стремительным побегам – он скрывался от меня, но я постоянно раскрывал его раньше времени и он отправлялся в прошлое, чтобы сделать что-то иначе и выиграть время. Теперь же он набрал силу, людей и больше не видит смысла прятаться.

Я совершил так много ошибок! И вряд ли я мог как-то повлиять на него с самого начала. Но что же именно случилось с ним?

Дневник Намтара, запись 60

***

Подозрения Намтара о том, что с Нергалом что-то не так, росли постепенно. От малых ко вполне серьёзным, подпитываясь, порой, какими-то совершенно незначительными мелочами, которые на самом деле оказались элементами большей картины. Но всё же осознание приходило к Намтару слишком медленно. Был даже момент, когда он имел перед собой все необходимые части и так наполовину собранной мозаики, но словно бы сознательно отказывался верить в выводы, которые напрашивались сами собой. Он искал другие объяснения странному поведению своего сына и не верил, что его замыслы действительно столь ужасны. Однако, так или иначе, всё шло к тому, что ему придётся поверить. И чем раньше – тем лучше.

Нергал вернулся из путешествия крайне озлобленным. Его дух был сломлен, он желал лишь мести. Единственная причина,

по которой он отправился обратно на Остров, помимо временной безопасности, была жажда возмездия. День за днём она разъедала его разум и сердце, делая их чернее, чем ночь. И Пески воспользовались этим, в тот момент, когда он был слабее всего. Они проникли в его сознание и пропитались ядом его ненависти. Можно сказать, что никто из них в одиночку не стал бы тем, чем был сейчас. Они создали друг друга – могущество Песков Времени и огромная жажда мести Нергала. Поначалу он желал вернуться и жестоко покарать своих врагов – любого, кто причинил ему боль или страдания. Но затем его мысли начали меняться и он понял, какой мощью обладают Пески и уже не желал покидать Остров. Он захотел одновременно власти и надёжной защиты. И всё это время он лгал Намтару, хоть и по разным причинам. Он говорил, что почти ничего не помнит, придумывал какого-то врага, но при этом почти ничего такого, что выдало бы его истинные замыслы. Он говорил в основном то, что Намтар хотел от него услышать и с лёгкостью заручился его доверием. Нергал довольно скоро решил для себя, что Намтар использует эту великую силу совершенно не по назначению. И в этот момент Пески поглотили его окончательно. Вышло так, что его гнев отразился в них стократно, изменив и усилив их, а они подчинили себе его волю.

Кроме гнева, Нергал испытывал огромный стыд перед своим отцом. Он покинул Остров, буквально плюнув ему в душу, называя его безумцем, но все его собственные начинания провалились с треском. Величина неудачи, постигшей его, довлела над ним, раскаляя его гнев лишь сильнее. И поэтому он выдумывал всякие оправдания и непреодолимые обстоятельства великой силы. Ему было ненавистно видеть лицо Намтара каждый день. Видеть его доброту к нему. Но Нергал притворялся и терпел. Он хотел, чтобы отец как можно дольше не узнал правду. Он желал обогнать тот день, когда раскроется его великий обман, создав новый порядок раньше. Такой, при котором уже никто не будет сомневаться в его могуществе. И ни один человек не посмеет бросить ему вызов.

И, в отличие от Намтара, Нергал учился на своих ошибках.

***

Нергал был сторонником идеи слияния Песков с человеческим телом почти с самого первого дня возвращения на Остров. Отчасти, Намтар сам был тому виной, когда исцелил сына с их помощью. И со временем эта идея лишь крепла в нём. Попытки Намтара по наделению предметов силой Песков казались Нергалу пустой тратой времени. Всё равно, что иметь

целую реку, но пить из лужи рядом с нею. Но, вместе с тем, Намтар, сам того не ведая, нередко давал ему очень интересные и ценные идеи, которые оставалось лишь немного развить. Например, судьба – зачем верить или не верить в неё, если можно использовать её как инструмент власти? Если всё вокруг будет подчиняться строгому плану, а он будет тем, кто им управляет, то не это ли абсолютное могущество? Бесконечность прямо у него в кармане. Кроткая, послушная.

Втайне от Намтара Нергал создавал свою армию – полчища песчаных воинов, которых сложно было убить обычным оружием. Они бодрствовали целыми днями напролёт, были сильными и беспощадными. Но Нергалу было мало этого, и он продолжал свои эксперименты, ища нечто особенное. И в какой-то момент он понял, что пришло время подобраться вплотную к Намтару. Не желая действовать открыто, он решил испытать действие зеркальной чаши на Джатте. Ему удалось разглядеть связь между ней и своим отцом, через которую он смог заглянуть в его сознание. И в нём он обнаружил то, что искал. Его план созрел почти мгновенно. После этого он попытался обратить Джатту в песчаного зверя, но не успел – Намтар узнал об этом и тут же прибежал в Сторожевую Башню, желая остановить это безумие. Но вышло так, что остановив одно зло, он дал начало другому – Нергал перестал скрываться и перешёл к открытой борьбе. И неизвестно, что же было хуже.

После неудачной погони за Намтаром, Нергал вскоре призвал всю свою армию и бросил её в бой против отрядов Намтара. Он желал быстрой победы, но Намтар со своими учениками и воинами смогли укрыться в Механической Башне и отбросить врага. И тогда Нергал избрал более медленный, но верный путь. Он будет точить камень подобно воде, до тех пор, пока от него вообще ничего не останется. Только вместо этого он будет использовать угрозы, обман и силу, когда это понадобится.

***

Противостояние длилось уже несколько недель, но ни одна из сторон не собиралась отступать или сдаваться. Множество людей сохраняло свою верность Намтару. Они рисковали своими жизнями, пытаясь выведать планы врага и найти его слабое место. Время от времени случались мелкие стычки – в них гибли люди Намтара, а вот чудовища Нергала – редко. Солдаты начинали бояться их, ходили слухи и небылицы об их бессмертии и неуязвимости. Но это не было правдой в полной мере – Нергалу ещё не удалось сделать их настолько сильными. Они не боялись лишь слабых ранений, удары в туловище были для них

смертельными, как и для обычного человека. Но Нергал не останавливался на достигнутом. С каждым днём он совершенствовал свой метод обращения в чудовищ и небылицы начали сбываться.

Одновременно с этим, Нергал предпринимал и другие меры, которые ограничивали или ослабляли Намтара. В первую очередь он заблокировал путь к временн*о*му порталу, выставив вокруг него тройное кольцо охраны. Он пользовался им сам, иногда возвращаясь в прошлое и поступая иначе. Такая тактика давала ему безоговорочное преимущество. Но оно не ослепляло его – он внимательно продумывал все возможные ходы и их последствия. Изучал свои ошибки – свои и Намтара. Нергал знал, что тот первым же делом постарается создать ещё один портал. Поэтому он, используя посох, который он пока скрывал от Намтара, продиктовал Пескам свою волю: создание других порталов невозможно. Что бы ни делал Намтар, его попытки будут обречены на провал – Нергал отбирал у него его же творение, пользуясь его нерешительностью и удивлением. Но делал он это постепенно – так весь процесс протекал незаметней, и Намтару было сложно выбрать момент для решительных действий. А меж тем, каждый день погибали люди; кто-то даже винил во всём Намтара – страх брал верх над ними и они уходили. Они не желали помогать Нергалу, но лишение Намтара поддержки, по сути, и было этой помощью. Именно этого он и добивался. Он знал, что Намтар всё ещё не готов и продолжал натиск по всем направлениям.

Кроме прямого противодействия отцу, Нергал использовал и другие методы борьбы. Его излюбленным было настраивание остальных против Намтара.

– Посмотрите, что произошло с Островом по его вине! – говорил он.

При этом Нергал буквально изолировал Намтара, не позволяя ему оправдаться или объясниться. Почти никто не видел его уже несколько недель. И всё это порождало различные слухи. Кто-то говорил о том, что Намтар сошёл с ума из-за Песков и хочет уничтожить весь Остров. Кто-то считал, что он вообще умер. Пользуясь всем этим, Нергал постепенно оправдывал своё противостояние с Намтаром, превращаясь в защитника Острова, обеляя свои любые, даже очень спорные поступки. Его ложь искажала картину реальности, а Намтар даже не знал и о половине того, что происходило. Не имея возможности покинуть Башню, он был сосредоточен на создании Песочных Часов, с помощью которых он надеялся загнать Нергала в ловушку и остановить его бесчинства.

Заручившись определённой поддержкой обитателей крепости, Нергал назначил Зулу на новую должность. Отныне все называли его Вершитель Зулу. В его подчинении теперь находилась вся внешняя часть Острова. Он должен был собирать налоги и подавлять мятежи и любые недовольства. И в этом Нергал пошёл на очередную хитрость: Зулу говорил, что действует от имени Намтара. Что судьба велит тому устроить новые порядки. Недовольных силой забирали в крепость и бросали в тюрьму, либо превращали в чудовищ. Если кому-то из них и удавалось вернуться, то он был уже совсем другими человеком. Страх поселился на Острове, простые люди проклинали Намтара. А Нергал был борцом за справедливость.

Однажды случилось даже так, что кто-то из учеников Намтара устроил покушение на него. Он был пойман и выдворен из лагеря вместе с сообщниками. Нергал подкупил кого-то из окружения Намтара, а он, в свою очередь, склонил ещё нескольких на свою сторону. Впрочем, Нергал и не рассчитывал на успешный исход этого покушения. Это было лишь ещё одним элементом его игры – мелкие склоки и лёгкие потрясения внутри отряда Намтара были ему на руку. Благодаря им никто не видел масштаба грядущих перемен и опасности, которую они сулят. Никто, кроме Намтара, который был ошеломлён ею и словно бы не мог сдвинуться с места. Он придумывал один план за другим – и они бесконечное число раз проваливались.

Со временем уже ни для кого из членов его отряда не было удивительным, что солдаты Нергала стали очень стойкими к обычному оружию. Нужно было три или четыре человека, чтобы победить одного монстра. Но Намтар не знал, как помочь своим воинам, хотя у них в распоряжении была отличная кузница. Он не сразу осознал суть того, что делает с людьми Нергал. Догадка пришла к нему случайно, когда он заметил в их глазах необычный оранжевый блеск, который во время схватки превращался в два небольших огонька. Тогда он понял, что всему виной Песок – он пропитывает их тела, смешивается с кровью и меняет людей, давай им силу, но поглощая часть их сознания. И чем выше их сила, тем сильнее им владели Пески. И ужаснее всего было то, что не было обратного пути, если не считать путешествий в прошлое. Была лишь возможность убить чудовище, освободив душу несчастного солдата.

Нерешительность Намтара объяснялась его постоянным удивлением, граничившим с отчаянием. Он не верил, что Нергал способен на такие зверства, до тех пор, пока не сталкивался с ними, а затем поражался их масштабу. И вновь отказывался видеть полную картину, думая, что на большее его сын уже не способен. Но затем до него стали доходить слухи с внешнего

острова и всё повторялось вновь. А каждый новый поступок Нергала был жёстче и хладнокровнее предыдущего.

Однажды выяснилось, что ещё до начала противостояния на Остров прибыл торговый корабль. Намтар был, как всегда, поглощён изучением Песков, поэтому гостей встречал Нергал. Но едва ли такой приём можно было назвать радушным – он убил большую часть команды, а дюжину оставшихся в живых бросил в темницу. Именно на них он ставил свои первые эксперименты, но был раскрыт Намтаром. И тогда он впервые воспользовался временным порталом – Намтар из прошлого по-прежнему ни о чём не догадывался, а Нергал получил необходимые ему знания. Так и было положено начало тому, что происходило сейчас на Острове.

Пользуясь настроениями толпы, Нергал устраивал, порой, собрания, на которых убеждал простых людей в том, что им незачем и дальше терпеть тиранию Намтара. И для зрелищности он сжигал какие-то книги из его библиотеки, что вызывало ликование толпы. Он взращивал в них ненависть к Намтару и люди уже сами желали сбросить оковы эпохи его правления, отказываясь от тех даров, что он дал им. Всякий раз, когда Нергал покидал такие собрания и, поворачиваясь спиной к толпе, уходил, на его лице сияла всё та же зловещая улыбка, которую ненавидел Намтар. При этом, с помощью вершителя Зулу и других подставных лиц, он продолжал диктатуру судьбы, но никто и не догадывался, кто стоит за этим на самом деле. Нергал постепенно обретал славу великого спасителя. Избавителя от чумы.

***

Зулу перебросил на внешний остров большой гарнизон охраны и обосновался в одной из Дозорных Башен. Время от времени он выходил на большой балкон, предварительно собрав у подножия Башни почти всех жителей и громко (у него был очень сильный и властный голос) вещал им волю Намтара. Все недовольства пресекались силой и со временем прекратились, заставляя людей покорно принимать свою судьбу.

И, хотя за всеми этими переменами стоял Нергал, не обходилось без личного рвения Зулу. Он рад был проявить себя и выпустить своих демонов. Словно пёс, что сорвался с цепи – он годами охранял покой Намтара и его школы и порядком устал от этого. Он жаждал влиять на что-то по-настоящему. Его суровый нрав всё это время скрывал его настоящий характер. Зулу был склонен к угнетению, запугиванию и жёсткому обращению. И сейчас он буквально упивался своей властью. Да, пусть, новые

порядки определял Нергал, а не он, но именно от него зависело, как всё будет сделано. И он с удовольствие рушил то, что когда-то охранял и защищал. На его лице можно было нередко увидеть ту же хладнокровную улыбку, что Намтар видел на лице Нергала. Но при этом Зулу не смел ни в чём перечить Нергалу, довольствуясь своим положением. У него была достаточно большая свобода действий, и от него требовался лишь результат – это всецело его устраивало. А титул «вершитель» вообще был придуман им самим.

Желая как можно сильнее контролировать жителей, Зулу силой переселил всех в поселение вокруг Дозорных Башен. Большая часть ремёсел была упразднена, и людей заставляли заниматься только тяжёлой работой и выращиванием и добычей пропитания для крепости. Им самим же оставались жалкие крохи. Но, чтобы люди не умирали с голоду и от истощения, Нергал тайно продолжил перенаправлять потоки Песка на внешний остров. Они подбирались всё ближе к людям и пропитывали их тела. Это давало им сил и, одновременно, делало ещё более покорными. Некоторые чувствовали подвох, видя, как все вокруг меняются, но были бессильны что-либо изменить.

Для своей же безопасности Вершитель Зулу (его люди ненавидели не меньше, чем Намтара) приказал засыпать все лишние входы в Дозорные Башни, которые к тому моменту уже успели превратиться в символ устрашения и угнетения, выставив усиленный караул у единственной двери. Затем он распорядился построить пирамидальный храм – он насильно принуждал людей поклоняться Пескам. И каждое его посещение делало людей ещё более зависимыми от них. Они желали сбросить эти оковы и, одновременно, хотели вновь и вновь пропитываться Песками, всё сильнее теряя рассудок. Внутренняя борьба – единственная возможность к сопротивлению, которая всё ещё оставалась у людей. Но и её они постепенно лишались.

Остров постепенно переставал быть похожим на то, что с такой любовью создавал Намтар. Все его мечты превратились в пыль. Остров стал для него разбитой вазой, осколки которой рассыпались по полу и он тщетно ползал на коленях, пытаясь подобрать подходящие друг к другу фрагменты и соединить их вновь. И всё это при том, что из-за Нергала он был связан по рукам и ногам, а какие-то люди то и дело ходили мимо, топча и измельчая эти обломки или вообще выметая за ненадобностью. И он сам словно бы был одним из таких обломков.

***

Со временем, Нергал стал наместником правителя Острова. Часть людей присоединилась к его армии осознанно и добровольно. И тогда они впервые вблизи увидели его войско – это были лишь отдалённо похожие на людей чудовища, безропотно исполнявшие любые приказы и не знавшие страха и боли. Нергал клеветал на Намтара, что это он так покалечил людей, заигравшись с Песками. И обещал, что вскоре он сможет хотя бы частично излечить людей, создав нечто особенное и исправив то, что натворил его отец. Нергал говорил про него, что он обезумел и укрывается в Механической Башне, никого не подпуская к себе, кроме таких же сумасшедших как он сам, готовясь обрушить настоящий ужас на головы людей. И со стороны, для тех, кто не знал всей ситуации, это именно так и выглядело. Пользуясь этим, Нергал ограничил доступ в центральную часть крепости, объясняя это заботой о всеобщей безопасности. Внутри продолжала находиться лишь его армия и личная охрана – отряд особо искусных и сильных воинов. Нергалу не нужны были лишние глаза и уши в момент осуществления его планов.

Продолжая ложно заботиться о безопасности Острова, Нергал распорядился засыпать пролив во внешнем кольце таким образом, что там мог пройти лишь один-два корабля, и только зная точный курс. Любая попытка пройти там наудачу непременно закончилась бы крушением или тем, что корабль сел бы на мель. Он объяснял это тем, что так они будут защищены от любого врага извне, который рано или поздно нагрянет на Остров (он так и продолжал эту линию лжи). А, кроме того, это начисто лишает Намтара шанса устроить побег. Хотя, по словам Нергала, бежать ему было всё равно некуда. Остров – единственное, что существует в этом бескрайнем океане, больше не существует ни единого клочка суши, и он убедился в этом сполна. Но даже такая участь будет слишком малым наказанием Намтару за все его деяния.

***

Однажды, Нергал объявил жителям крепости, что грядёт великий день. Тот, когда безумию Намтара будет положен конец. Тот, который принесёт нечто особенное, чего не видел не только этот остров, но и весь мир. Он обещал долгожданные перемены к лучшему и свою окончательную победу.

– Обратный отсчёт дан, и ничто его не остановит. Нас всех ждёт День Великого Преображения! – сказал он всем собравшимся. – Пришло время очистить Остров от деяний Намтара, да предастся забвению его недоброе имя! Мы почти

прошли этот долгий путь, и скоро он завершится, чтобы дать начало новой эпохе!

Нергал старательно скрывал свои планы от Намтара, надёжно пряча свои мысли и маскируя любые действия. Но, порой, он наоборот желал, чтобы слухи достигли ушей Намтара и отвлекли его от важных дел. Эти слухи должны были пугать и удивлять его, заставляя сменить планы или тактику борьбы. Запутать его как можно сильнее, замедлить и потом натолкнуть на спешку и неправильные решения. И известие о Великом Преображении было самым главным из них.

На самом деле, Нергал отлично понимал, что Намтар всё ещё представляет для него серьёзную угрозу. Как его отряды, так и он сам, лично. Их противостояние заключалось в основном даже не в схватке силой, а в битве умов. Гений Намтара против коварства Нергала. И всё преимущество последнего зиждилось на лжи, которую всё ещё возможно было изобличить. Стоило ему чуть оступиться и пришлось бы брать власть силой. Нергал справился бы и с этим, но это доставило бы множество ненужных хлопот. И невероятно сильно помешало бы Преображению.

Глава 21. Свидание со смертью

Наша вражда поделила Дильмун пополам. Теперь это вновь лишь имя крепости: как название Острова оно не прижилось – ведь и он-то тоже поделён потопом надвое! И моя душа также рвётся на части – я знаю, что нет пути назад, но мне до сих пор сложно смириться с утратой. Возможно, мне было бы даже легче узнать, что он погиб в море. Сколько ещё будут продолжаться эти разрушения вокруг меня? Всё, что мне было дорого, лишь бесконечно дробится пополам, превращаясь в пепел. ***Я хочу забыть всё это.***

Нергал отрезал мне путь в Сад, словно бы пытаясь сломить мой дух. Он обосновался в месте, которое сам никогда не любил. Но он рассудил, что гораздо важнее то, что его любил я. И отчасти Нергал прав – шумная и мрачная Механическая Башня была не лучшим местом для жизни. Иногда я совершаю вылазки в свои прежние покои и в библиотеку, чтобы побыть в тишине или найти нужную мне книгу. Но поблизости от Башни расположена кузница – она даёт нам преимущество в оружии, а значит и некоторые шансы на победу в этом противостоянии. Однако глупо было бы считать, что там, в своём импровизированном лагере, он всего лишён и днями напролёт любуется красотами природы. Он крайне серьёзен и опасен.

Никто из нас не перемещается в одиночку, только с отрядом охраны, а я нашёл способ преградить путь Нергалу в эту часть замка. Отчасти, в этом мне на руку сыграли и разрушения от наводнения – провалы в Центральном Зале, обрушенные стены – всё это я использовал для своей защиты. Многие проходы были намеренно завалены – ни в Сад, ни в Механическую Башню нельзя было больше попасть просто так – осталось всего несколько путей. Каждый день происходят стычки между нашими людьми, но он выжидает и готовится к чему-то большему. К чему-то великому, хоть и поистине ужасному, такому, что может перечеркнуть всё, чего мне удалось добиться.

Вчера мне удалось выяснить, к чему именно. Зеркала, которые я создал как некий способ общения и источник целебной силы, он применяет для создания монстров! Нергал обещал своим последователям сделать их стократ сильнее, но не уточнял каким именно способом. Люди подходят к чаше, опускают туда руки и смотрят на своё отражение, которое искажено Песком (когда-то они не знали пути к разуму человека и лишь убивали его тело). И отражение словно бы меняется местами с источником – самим человеком – и Песок проникает в него. Но не убивает – Нергал одновременно использует его целительную силу, отчего очередная жертва не погибает, а превращается в

чудовище, балансирующее на грани жизни и смерти. Но зато этот монстр не ведает страха и усталости. Нергал создаёт свою армию! Полчища солдат с сияющими оранжевыми глазами – жёлто-золотистый цвет Песков словно бы смешивался с человеческой кровью и приобретал такой необычный оттенок. Они становятся чудовищами, в которых не осталось почти ничего человеческого, как и в нём самом. Однажды Нергал достигнет значительных успехов и тоже захочет преобразиться, став чем-то…

Я готовлюсь к худшему, к самым отчаянным мерам. В битве со зверем – он уже не человек – приходится быть зверем самому. Остаётся лишь отбросить все сомнения и сражаться. ***Иначе он и меня сделает чудовищем, стерев мою память.***

Дневник Намтара, запись 66

***

Оказавшись наверху, Принц оттолкнул Существо – он не знал, что то задумало, но в любом случае не собирался ни тратить время на битву или объяснения с ним, ни рисковать дальше, подпуская его к себе. Всё, что нужно было сейчас Принцу – бежать отсюда, как можно скорее – он, не поворачиваясь, слышал, как секунду назад позади него грузно приземлился Дахака, одним мощным прыжком, без всякого разбега, преодолевший пропасть, которая оказалась Принцу едва по силам. Пробежав мимо Существа, он отметил в его лице какую-то растерянность – оно явно замешкалось. Принц обернулся и увидел, как Дахака выпустил свои щупальца, чтобы, наконец, схватить его. В этот раз он подобрался к нему невероятно близко. Настолько, что вот-вот схватит его и уничтожит, восстанавливая нормальный ход времени. Но ещё раньше Принца нагнал страх – он вдруг осознал в полной мере, что происходит и не понимал, почему он вообще до сих пор жив? Теперь ему нигде не скрыться, нет больше относительно безопасного прошлого, где он мог бы передохнуть от постоянной погони. Теперь чудовище преследует его и тут. Повсюду. Императрица завершила создание Песков Времени, возможно, всего минуту назад, но теперь его жизнь превратится в настоящий кошмар. Хотя, вероятно, он продлится недолго.

Желая спастись от неминуемой гибели, Принц нырнул вперёд, чтобы, перекатившись через голову, увернуться от атаки чудовища. И в тот же момент, когда вновь оказался на ногах, Принц увидел, что Дахака схватил Существо. Неизвестно, произошло это по ошибке или нет, но Дахака прекратил

преследовать Принца, и поглотил Существо, которое притянул своими щупальцами. Сразу же после этого, Принц, который не заметил, как остановился, наблюдая за происходящим, увидел, как чудовище поспешило удалиться, перемахнув через пропасть и направившись в сторону Механической Башни.

Все эти события длились не более десяти секунд, но Принцу показалось, что они тянулись часами. Он стоял, не в силах пошевелиться, уставившись на око, изображенное на вратах, ведущих в тронный зал. За ними Императрица скоро создаст Пески Времени. Но пока он всё ещё жив; на этот раз Дахака пришёл не за ним – в это ему было сложнее всего поверить. Но это же и воодушевляло его, вновь давало надежду, буквально опьяняло. Его жизнь всё ещё принадлежала ему, хотя после произошедшего Принц не был уверен, та самая ли это жизнь? После такого чудесного спасения ему казалось, будто он заново родился. Может быть, правы те, кто говорят, что смерть – это начало новой жизни?

Принц постарался как можно быстрее приглушить свой восторг. Несмотря на то, что его успех был почти осязаемым, его радость была всё ещё преждевременной. Усилием воли он заставил себя развернуться и направиться к лестнице, сконцентрировавшись на более важных вещах. По пути к алтарю, Принц размышлял лишь о том, что жертва Кайлины была всё же не напрасной – у него всё ещё был шанс и теперь, перед лицом смерти, он ценил его как никогда. Он, во что бы то ни стало, должен успеть! Но как жаль, что он не сможет помочь ей или отблагодарить её…

Принц склонялся к мысли, что, единственным видением за всё это время было его путешествие в тронный зал, но даже оно не было каким-то особенно лживым. В этом видении он видел Часы, в которых и будут в скором времени заключены Пески Времени, – именно такими, какими он их помнил со времён случая в Азаде. И в этот день Императрица была более всего уязвима и слаба. А ещё – невероятно зла, ведь ей требовались силы и внимание для завершения своего дела, а вместо этого ей приходилось заниматься Принцем, пытаясь сбить его с толку, затуманить разум или вовсе погубить. Поэтому ей хватало сил лишь исказить картину мира вокруг него в мелочах, вроде солнца, что не двигалось с места или воды, текущей вверх вопреки своей природе.

Боль в ноге мешала Принцу бежать изо всех сил, однако он приспособился и к этому – он ставил ступню особым образом, стараясь сгибать и разгибать колено не слишком резко. Чтобы выживать, он давно приучил себя подстраиваться под любые козни судьбы, как бы сильно она ни испытывала его на

прочность. Ему лишь оставалось верить, что это не навсегда. И что он сможет найти дорогу к алтарю во второй раз, ведь в первый его вела лишь ярость, когда он преследовал Шади.

***

Оказавшись в церемониальном зале, что располагался перед алтарём, Принц вспомнил, как впервые увидел Существо. Тогда он не придал этому значения, но, в конечном итоге, оно повлияло на его путь по Острову. И вместо того, чтобы мешать Принцу в очередной раз, оно вдруг помогло ему, если вообще не спасло жизнь. Почему? Но, кажется, ему никогда уже не найти ответов на свои бесконечные вопросы. Вряд ли Императрица будет столь любезна перед схваткой поведать Принцу обо всех тайнах Острова и недавних событиях. А само Существо было попросту мертво.

Поднимаясь по лестнице к алтарю и переводя дух, Принц ненадолго уцепился за случайную мысль: малодушно избежать сражения с Императрицей. Несмотря на свою уязвимость, она могла оказаться подобной раненому зверю, что будет отчаянно биться за свою жизнь до последнего вздоха. Ему было бы достаточно забрать кинжал в своё время и поскорее покинуть Остров Времени. Тогда он решил бы сразу несколько проблем: и с Песками (а, значит, и с Дахакой), и с Императрицей и даже с предстоящим прибытием Магараджи, который собирался прихватить с собой часть реликвий Острова. А от Перстня он всё равно собирался избавиться как можно скорее, сбросив его в пропасть, над которой был расположен алтарь.

Но Принц прекрасно понимал, что это лишь случайная, глупая мечта. Ведь, в действительности, ничто не помешает Императрице создать ещё один кинжал. Возможно, это разозлит или замедлит её, но судьба упряма и неумолима и найдёт способ за несколько тысяч лет вернуться в своё русло. А для Принца ровным счётом ничего не изменится. Он так и останется в плену обстоятельств и собственной ошибки. Решение, которое он ищет, вряд ли окажется таким лёгким и очевидным. Сражению быть и ему стоит как можно сильнее вбить эту мысль в собственную голову, чтобы при встрече с Императрицей не оказаться во власти её чар и не изменить решение.

Полный решимости, он поднялся к алтарю и обнаружил, что кинжала, на том месте, где он видел его в прошлый раз, больше нет. Казалось, он ещё секунду назад был здесь, но словно бы растаял в воздухе. Призрачный шанс, который превратился в видение, несбыточную мечту. Простое воспоминание, что таяло подобно туману практически у него на глазах. И он даже не был

уверен, было ли оно настоящим – в этом месте уже ни в чём нельзя было быть уверенным!

Счёт пошёл на минуты. Императрица забрала кинжал и скоро всё произойдёт! Принц по-прежнему был на волоске от полного провала, но в этот раз всё было иначе. Одно дело, когда всё зависит от его смекалки или скорости, а другое – когда лишь от хода времени, которое ему неподвластно.

– Нет уж, погодите! – пробормотал Принц. В его глазах вспыхнула какая-то новая идея, но ему потребовалось несколько секунд, чтобы осознать её.

Дело было в том, что при нём был медальон, а ещё он находился близко к временному порталу. Стоило ему отправиться в настоящее, как время в прошлом словно бы застывало, ожидая Принца в той же самой точке, которой он его покинул. И ему уже не было дела до Дахаки – он так или иначе придёт за ним, возможно уже через минуту. Принц решил отправиться в настоящее и отыскать, во что бы то ни стало, вход в тронный зал, а уже затем вернуться в прошлое. И тогда у него будет хотя бы несколько мгновений, чтобы не дать совершить Императрице роковой обряд.

Он безо всякого сожаления стянул Перстень с руки и швырнул его в Бездну. Наверняка, он был такой же тяжёлой ношей и для Кайлины, которая из-за него потеряла тягу к жизни. Принцу хорошо запомнилось, как в её глазах угасал блеск и она превращалась в бледную копию себя самой. И он не желал себе такой же участи – ему нужны были силы для побега от Дахаки, к которому, на этот раз, он был мысленно готов. Он даже был полон решимости превозмочь боль в ноге. И ещё больше сил ему потребуется для скорого сражения с Императрицей.

Путь к порталу был снова скрыт за стеной позади пьедестала. В этот раз Принц решил не погружаться в видения, а повторить то, что он видел в первый раз. У него был ключ и он знал, какую дверь он открывает. Он схватил медальон и опустил его в углубление в центре алтаря, сдавливая его в руке и концентрируясь на мысли о притяжении Песков. Уже через секунду он вдруг почувствовал во всём теле невероятную лёгкость и даже с закрытыми глазами увидел вокруг себя яркое золотистое свечение, что миллионами искорок тянулось к нему. И более всего Принца удивляло то, что в этот раз Песок согревал его, а не обдавал холодом. Это тепло растекалось по его ноге, исцеляя его и снимая боль. А сам он словно бы опускался вниз, погружаясь в какую-то невидимую яму в центре алтаря. Или пол так прогнулся под влиянием медальона? Не в силах разомкнуть глаза, Принц чувствовал, как его падение всё ускоряется, хотя при этом он по-прежнему ощущал под собой опору. Всё это

совершенно не походило на то, что произошло с ним в прошлый раз. Его засасывало в какую-то пучину.

Но вдруг в один момент всё оборвалось, и Принц почувствовал, словно бы приземлился после затяжного падения, хоть и очень мягко, как будто бы так и не набрав скорости. Сразу же после этого он почувствовал, что, наконец, в состоянии открыть глаза. Принц поднял голову и обнаружил себя в тронном зале, прямо у Песочных Часов. И в этот же момент, он увидел испуганный и полный удивления взгляд Кайлины, которая стояла неподалёку спиной к Принцу. В её руках блеснул кинжал, а по выражению её лица было ясно, что она никак не ожидала увидеть Принца в это время и в этом месте.

– Так это ты Императрица?! – взревел Принц. В один миг рухнули все иллюзии, и грандиозный обман наконец-то раскрылся.

***

Призрак стоял между Принцем и Кайлиной и наблюдал за ними. В тот самый момент, когда Принц был исполнен обидой и яростью, а Кайлина, застигнутая им врасплох, растерянно обернулась к нежданному гостю. В её глазах читался неподдельный испуг. Призрак с лёгкостью мог растянуть этот момент, превратив его в вечность. Время для него не имело значения – это позволяло ему изучать события под любым углом. Но порой одно мгновение было важнее всего остального. И сейчас, когда оно застыло, Призрак мог читать его, подобно книге, и находить желанные ответы.

Он с самого начала наблюдал за Кайлиной и её искусной ложью. Но он искал правду. Хотел понять, что движет ей и то, как она мыслит. Призраку была неведома её природа, но она точно не была обычным человеком. Порождение Песков или их создатель, она могла находиться одновременно в нескольких местах. Но не так, как она обрисовала это Принцу от лица Императрицы, а чуть иначе. Она нашла способ расширить своё сознание так, что могла наблюдать не только настоящий момент, но и другие, удалённые во времени. Её сознание, почти слившееся с Песками, густым пятном растекалось по линии времени, и было единым сразу для всех её предтечей и продолжений, в большей или меньшей степени. Она имела мысленную связь с самой собой в другом времени. Словно бы одно сознание на несколько человек. Единый разум, который позволял ей заглядывать наперёд и отсекать ошибки своих будущих «я», выбирая наиболее благополучные варианты. Когда Принц посещал её, в роли пленницы, в Башне и в Саду, она не пребывала там в виде «половины», а находилась в

каждой из клеток в полном смысле этого слова – её тело было там целиком. Но её сознание – лишь частично. Оно одновременно было и во второй клетке, с так называемой другой половиной, и в тронном зале, возле Часов. Одновременно это происходило лишь для неё самой и её особенного сознания, в системе отсчёта времени, в которой она сама и была исходной точкой. И линия её времени шла словно бы под углом к нормальной, а не параллельно ей.

Встретив Принца у алтаря, Кайлина, опасаясь его, поспешила укрыться в тронном зале, и, с помощью видений заставила его ходить из одного конца Острова в другой. В нужный момент она выходила из зала и направлялась в Башню или Сад, используя секретные проходы, и возвращалась обратно, когда Принц уходил от неё с новой порцией лжи. При этом она находилась в безопасном времени и месте и могла, легко просчитывая любое развитие событий, продолжать водить Принца за нос и спокойно заниматься созданием Песков Времени.

Чтобы никак не выдать себя, Кайлине пришлось прибегать к различным нетривиальным уловкам. Например, она никому прежде не говорила своего имени, во всяком случае, со времён своей юности. Но те люди, что знали его, уже давно были мертвы. Все остальные знали её как Императрицу – и враги и союзники. Так было и с Магараджей, когда он прибыл на Остров. И через Зороастра об этом узнал и Принц. Понимая это, она намеренно раскрыла ему своё имя, зная, что либо погибнет сама и тогда это ни на что уже не повлияет, либо убьёт Принца прежде, чем он успеет поведать об этом кому-либо ещё. Видя Принца буквально насквозь, Кайлина выдумала легенду о злой матери-Императрице и верной ей второй дочери, родной сестре Кайлины. Всё это подкупило его и склонило на её сторону, заставив поверить в обман.

Но Принц оказался вовсе не таким легко поддающимся внушению, как она рассчитывала. Вернее, не во всём. Кайлина пыталась убедить его, что он сам словно бы разделён надвое. Причём она никогда не говорила ему об этом прямо, а заставляла его догадываться самостоятельно – один из лучших способов убеждения. Но Принц, вопреки её ожиданиям, сумел правильно воспользоваться медальоном и восстановить верную последовательность событий, отличив будущее от прошлого. Кайлина не видела этого и не понимала до тех пор, пока уже не было слишком поздно. Сквозь призму её восприятия времени, события были видны ей таким образом, будто бы Принц и правда был разорван надвое и всё сильнее увязал в этой пучине обмана. Обычное время в проекции на её сознание выглядело так, что

невозможно было увидеть разницу между ожидаемыми и реальными действиями Принца – всё сливалось в одну точку. Вышло так, что она обманывала, отчасти, и саму себя. И поэтому, когда Принц с помощью медальона смог повторно посетить Башню, а затем, избавившись от него, добраться до пленницы в Саду, Кайлина была крайне удивлена. Потому что события, увиденные частью её сознания, находившейся в Саду, выглядели неоднозначно. Она словно бы видела сразу два варианта происходящего, но уже не в привычном для себя смысле, а так, словно бы события и образы накладывались друг на друга, одна реальность подменяла другую: в одной Принц вообще не пришёл к её клетке в Саду, а в другой пришёл, но без медальона. И это тоже весьма сильно озадачило её. Тем самым Принц породил противоречие, нечто, по мнению Кайлины, невозможное – вот что вызвало такое удивление на её лице, когда он коснулся её плеча в Саду. Она искусно обратила его в новую ложь, сказав, что не узнаёт Принца, но на самом деле она поняла, что не контролирует ситуацию. Конечно же, ей не составило труда направить Принца по ложному следу и инсценировать собственную смерть. Но вышло так, что после всех попыток избавиться от него, она вернулась к своей первоначальной идее: вынудить Принца уйти. Она не могла одолеть его, а схватки с ним она по-настоящему опасалась. И Кайлина точно не рассчитывала, что Принцу удастся вновь найти медальон, – она сама виновата в том, что создала иллюзию особой его ценности для Принца – которым он не преминул воспользоваться. Оказалось, что медальон открывал тайный проход между алтарём и тронным залом, который был сделан кем-то много лет назад. При первой встрече Принц не воспользовался им, потому что видение внушило ему другую картину и открыло путь к порталу времени. Но Принц запомнил его и, к своей удаче, смог повторить наяву, мгновенно порушив все планы Императрицы. И если в Саду и в Башне она была в полной безопасности, – её защищали не только умелый обман, но и связь сознания с самой собой из другого времени, в котором она укрывалась в тронном зале, – то теперь она оказалась почти беззащитной. Принц застал Кайлину врасплох, в тот момент, когда всё её сознание пребывало в одном теле и не было разделено во времени – никаких пробных попыток и защитных механизмов. Только она и Принц, один на один.

***

В повисшем молчании Принц слышал, как часто и тяжело дышала Кайлина. Но она довольно быстро оправилась от удивления и теперь лихорадочно пыталась придумать, что же ей

делать в сложившейся ситуации. До этого момента ей казалось, что она на верном пути, а все её планы достаточно остроумны и действительно работают. Но Принц, одним своим появлением, в один миг перечеркнул всё.

«Неужели, это правда?» – подумала Кайлина.

И тут же она почувствовала, как в ней вскипает волна ярости, слово в ответ гневу Принца. Как он смеет бросать ей вызов? Она не придумала ничего лучше, кроме того, как швырнуть в Принца кинжалом и побежать к оружию. Разгорячённый, он, наверняка, не придаст этому особого значения, но бросок задержит его на несколько секунд.

Принц отпрыгнул в сторону, а Кайлина в тот момент уже заканчивала взбегать по дуговой лестнице и вот-вот должна была скрыться из виду. Бросив быстрый взгляд на кинжал, Принц выбрал погоню – ничто не могло быть сейчас важнее этой схватки. Той, к которой его буквально вынуждали.

Когда он поднялся на следующий ярус, вслед за Императрицей, он увидел уже знакомый ему трон в конце зала и фигуру Кайлины на его фоне, что была повёрнута к нему спиной. Она взяла два меча необычной формы, с изогнутыми вперёд лезвиями и скрестила их над головой. Спустя мгновение она повернулась к Принцу, а на её лице мелькнула ухмылка вроде той, что была у Шади, но лишь ненадолго. Кайлина, понимая, что никакая ложь теперь не имеет смысла, сказала Принцу:

– Есть только одна правда: лишь один из нас сможет обмануть сегодня свою судьбу!

И с этими словами она бросилась на него, нанося своими мечами удар за ударом. Принц не спешил контратаковать, он хотел сначала изучить своего врага. Однако он достаточно быстро понял, что Кайлина слабее Шади физически – она привыкла, что та выполняла за неё всю грязную работу. Сражения не были её сильной стороной. Но Принц заметил в поведении Императрицы кое-что другое: она, в отличие от Шади, не играла с противником. Она отчаянно сражалась за свою жизнь.

Принц с лёгкостью блокировал все её удары, отбрасывая атаковавшую прочь от себя в те моменты, когда её напор становился слишком настойчивым. Его гнев сошёл на нет, и теперь ему казалось, что если он перейдёт в наступление и покажет всю свою силу (что само по себе уже ошибка!), то их поединок станет похож скорее на расправу, если только она не припасла какой-нибудь сюрприз.

Кайлина быстро выдыхалась после очередной серии атак и ходила вокруг Принца, испепеляя его взглядом. Он же захотел разобраться в произошедшем, а её слова о судьбе заставили его

задуматься. Он не сомневался, что сейчас она говорит и действует искренне, по крайней мере, до тех пор, пока она не выдумает новый план или хитрость. Знал Принц немного: ему было известно лишь то, что из сказанного Кайлиной ложь, а что – нет. Она не обманывала, когда сказала, что не способна на полноценное внушение – всё равно в нём останется какой-нибудь небольшой изъян. Возможно, он даже необходим для поддержания целостности обмана. Противоречие, которое не разрушает общую картину, а наоборот служит недостающим элементом. Именно им она и являлась. И её страх прямого столкновения с Принцем. Она всячески скрывала это, но теперь, когда открылась правда, этот кусочек мозаики достраивал совершенно новую картину, в которой Императрица желала избавиться от чужака на Острове. Но, неужели, она впервые сталкивается с кем-то из внешнего мира? Наверняка, Остров множество раз подвергался нападениям. Но Принц не хотел задавать вопрос напрямую, ожидая, что Кайлина сама скажет то, что ему хотелось выяснить.

– К чему был весь этот спектакль? – спросил он.

– А тебе разве не понравилось? – презрительно улыбнувшись, ответила Кайлина. – Кажется, ты действительно поверил во всё то, что услышал.

– Не очень-то приятно оставаться в дураках, знаешь ли! – ответил ей Принц. – Всё это время я думал, что помогаю тебе, а ты помогаешь мне.

– Ты? Помогал мне? Брось, я же с самого начала видела тебя насквозь: ты борешься лишь за свою жизнь. Иначе, почему ты позволил мне умереть? – продолжала язвить Кайлина.

– В этот раз твои трюки не сработают! – сердито проговорил Принц. – На мне нет никакой вины, и тебе не удастся разозлить меня больше, чем я сам того захочу!

Кайлина остановилась и пристально посмотрела на Принца. Спустя мгновение она ответила на его изначальный вопрос:

– Я посоветовала тебе покинуть Остров, но ты отказался. Тогда я придумала, как подвергнуть тебя ещё большей опасности и новым испытаниям. Но ты раз за разом продолжал возвращаться, целым и невредимым. И тогда во мне проснулось любопытство: если ты смог зайти так далеко, то возможно и мне удастся изменить свою судьбу?

– Но как это связано со мной? Зачем ты пыталась втянуть меня в эти странные видения и, в итоге, избавиться от меня – не важно, с помощью Шади, Дахаки или…, – начал было Принц, но был прерван Кайлиной:

– Или медальона, чью силу я обернула против тебя. Он был заколдован так, чтобы я могла подбрасывать тебе иллюзию за

иллюзией, путать тебя и тянуть к погибели, – сказала она, добавив: – И следить за каждым твоим шагом.

Принц совершенно забыл о медальоне! Он настолько привык к нему, считая его ценностью, что уже и забыл, как он ему достался. Ну конечно! Зачем бы ещё Кайлина могла дать его Принцу? Он поспешил выкинуть его прочь, хотя и испытывал некоторые сомнения.

– Значит, ты тянула время, изучая меня? – спросил Принц. – Но разве ты не должна была всё это время заниматься созданием Песков?

– Я никогда и не покидала этот зал! – ответила Кайлина. – Но я бы не стала отвлекаться по пустякам – ты приоткрыл дверь в неизвестность. И я вынуждена была следовать за тобой!

Императрица немного лукавила, говоря о том, что всё время оставалась возле Песочных Часов. Часть её сознания действительно была здесь, но остальная существовала в будущем, во время каждой из встреч с Принцем, куда Кайлина всё же действительно приходила сама, во плоти, а не в виде иллюзии. Неизвестно, с какой попытки ей удалось удачно разыграть каждую из сцен, но своей цели она всё же достигла, раз за разом возвращаясь в тронный зал в полной безопасности.

– Но почему ты пыталась избавиться от меня? Ведь я не собирался нападать на тебя, это ты настроила меня против себя! – раздосадовано спросил Принц. – И как это могло помочь тебе?

– Я уже говорила, что читала линию времени и знаю свою судьбу. Она заключается в том, что я должна погибнуть от твоей руки! Но, глядя на тебя, я решила, что тоже должна попробовать изменить её! – наконец-то объяснилась Кайлина.

Принц догадался о её плане. Если она изучала его до этого, то почему бы ей не продолжить заниматься этим сейчас? И, возможно, он зря недооценивал Кайлину, как противника. Она могла быть слабее его, но это ещё не значило, что у неё в запасе не было никаких трюков. Всё это было лишь очередным притворством.

Закончив свою последнюю фразу, Кайлина вновь перешла в атаку. Её движения стали чуть более резкими и уверенными. Но она по-прежнему была исполнена отчаянием, изо всех сил сражаясь за свою жизнь. Казалось, она вкладывала в каждый удар всю свою силу. Принц же начал замечать, что Кайлина с каждой минутой движется всё быстрее и быстрее. И вскоре он уже не мог объяснить это её желанием выжить любой ценой. Насколько он успел изучить её, Кайлине было не под силу двигаться с такой скоростью. Этого не мог даже он сам. Тем не менее, это происходило, было вполне реально и начинало представлять угрозу для Принца – он перестал успевать за врагом

и постоянно отступал, назад к лестнице, чтобы избежать мечей Императрицы. И вот уже она сильный игрок в этой битве, что сыплет градом ударов на Принца, который уже чудом защищался от них.

И тут он, вдруг, понял! Кайлина не ускорялась сама, она замедляла Принца. Его тело и его сознание тормозились магией Песков, перед которой он был беззащитен. И благодаря этому, враг начинал превосходить его. Вот-вот наступит тот критический момент, когда он будет совершенно не в силах сопротивляться натиску Императрицы. Его мечи тут бесполезны, магия Кайлины делала его настолько медленным и неповоротливым, что он мог просто не успеть среагировать и отразить очередной удар.

Что же он мог противопоставить ей? Только очередную неожиданность, что не входила в её планы. Что если медальон всё же был не так уж бесполезен и опасен? Ведь Принц оказался здесь к её огромному неудовольствию именно с его помощью. Кайлина считала, что он потерял его, но медальон чудесным образом нашёлся и, вряд ли это произошло благодаря ей. Теперь же, опасаясь того, что Принц сможет воспользоваться им, она убедила его в том, что медальон опасен для него! Но он столько раз выручал, что у Принца действительно были все основания полагать, что и на этот раз он окажется для него спасением.

Не раздумывая больше ни секунды, каждая из которых тянулась нескончаемо долго – его тело и сознание всё же ощущали последствия магии Императрицы в разной степени – Принц бросился обратно, к тому месту, куда он швырнул медальон. Он старался наперёд угадывать атаки Императрицы – его опыт и удача были его единственными союзниками в этой неравной схватке. Кайлина же слишком поздно догадалась, что намерен сделать Принц и ему довольно легко удалось вновь завладеть медальоном. Он положил его под нагрудный доспех – шнурок для шеи был порван, но не ощутил никакого эффекта. Медальон был бесполезен без воли того, кто его надевал и откликался лишь тогда, когда чувствовал её, знал намерения хозяина. И только когда Принц постарался представить, что время ускоряется и он вновь двигается наравне с Кайлиной, медальон поддался и атаки Императрицы стали замедляться.

Та не ожидала, что Принц сумеет воспользоваться магией медальона. Она всегда считала, что этот навык требует определённой тренировки, и не знала, что Принцу уже доводилось прежде взаимодействовать с кинжалом, и он кое-что понимал в этом. В каком-то смысле, медальон был очень похож на кинжал: прикосновение и воля владельца позволяли управлять и тем и другим, однако они обладали разными возможностями. И

если сейчас кинжал был бы бесполезен для Принца, то медальон, кажется, только что сослужил ему отличную службу.

Призрак, уже в который раз, отмечал удивительную способность Принца противостоять Пескам. И она, как бы это ни парадоксально звучало, усиливалась в их присутствии. Неизвестно, овладел ли бы он секретами медальона и кинжала, если бы в Азаде ничего не произошло, а здесь, на Острове, он не был бы поставлен в абсолютно безвыходную и безнадёжную ситуацию. Выходило, что он был способен не только сопротивляться их воздействию, но и даже в какой-то мере управлять ими, подчиняя их себе, пусть и в небольшой степени. Может быть, он унаследовал что-то от своей матери? Призрак даже затруднялся ответить, что в большей степени защитило Принца от Песков, когда он открыл их в Азаде – этот навык или то, что в руках у него был кинжал. Но излишняя уверенность была бы для Принца губительной. К великому счастью, этой уверенности у него не было, он действовал скорее интуитивно, нежели в полной мере осмысленно.

Отбросив Кайлину в очередной раз, Принц сказал ей, пока она поднималась:

– Что, если линия времени ошибается? И я не собирался убивать тебя на самом деле?

– Линия времени никогда не ошибается! Она абсолютна! – злобно процедила в ответ Кайлина.

Призрак видел, что она говорит искренне. Она всецело уверенна в своей правоте и в своих убеждениях. Взгляд каждый раз выдавал её истинные мысли, но Принц ещё недостаточно хорошо умел читать его. Призрак же видел все оттенки её настроения, слышал каждый вздох и мельчайшие движения глаз. Но что же тогда двигало ей?

– Но как тогда ты объяснишь моё присутствие? Ведь ты явно не ожидала его! – возразил ей Принц.

– О, это лишь подтверждает всё, о чём я говорила. Я лишь была достаточно глупа, чтобы поверить, что мне удастся избежать этой встречи! – торжествующе ответила Кайлина. Однако даже Принцу было заметно отчаяние в её глазах. Мимолётное, но невероятно глубокое. И в этот момент он ощутил, что понимает её как никто другой. Они были родственными душами, их преследовала одна и та же напасть, пусть и в разной форме. Ему казалось, что он должен скорее помочь ей, нежели убивать её. Но она всячески этому противилась и словно бы намеренно бежала навстречу своей гибели. И что, если это тоже одна из уловок? Вызвать сострадание и воспользоваться этим? Ей это уже не раз удавалось.

Но Призрак, который тоже видел этот взгляд и знал чуть больше Принца, не сомневался в её чувствах в этот момент. Отчаяние Кайлины было настоящим, она давно мучилась от нависшего над ней злого рока, не в силах повлиять на исход этих дней. И чем активнее она пыталась повлиять на линию времени, тем стремительнее и беспощаднее она шагала к этому судьбоносному моменту.

Принц колебался. Возможно, Кайлина смогла бы поведать ему что-нибудь о тайнах судьбы и линии времени. Возможно, они даже нашли бы вместе какой-нибудь выход из ситуации. Но, с другой стороны, его основной план был невероятно прост и заманчив – убить Императрицу до того, как она создаст Пески и покончить с этой историей раз и навсегда. И он сулил гораздо более очевидный успех. И, не желая повторять предыдущих ошибок, он решил придерживаться именно его.

В этот же момент Кайлина вновь перешла в наступление. И Принц вновь заметил странность в её движениях. На этот раз они не были слишком быстрыми, он легко успевал блокировать её удары. Но она двигалась так, что он никак не мог нанести ей решительного удара. Каждый её шаг, каждый взмах мечей, когда она защищалась, были какими-то невероятно удачливыми. Она словно бы знала, куда будет направлен каждый следующий удар Принца.

Кайлина, почувствовав перемены в настроении Принца, прибегла к уже отработанной тактике: она заглядывала в будущее, деля своё сознание на две части и избегала, таким образом, самых неудачных вариантов этого будущего. Это требовало от неё невероятных усилий, ведь сражение происходило здесь и сейчас, и она должна была мгновенно реагировать как на происходящее, так и на сигналы от второй части своего сознания, из ближайшего будущего.

***

Умение Кайлины не было даром или случайностью. Изучая реликвии Песков Времени и читая древние книги (и, конечно же, дневник Намтара), она, будучи последним Хранителем, стала первым из тех, у кого появились вопросы и сомнения. И поначалу они привели её к мысли о том, что она не должна лишь слепо следовать ритуалам, а может попытаться развить идеи из книг и стать ещё более могущественной. Она по-своему взглянула на процесс раздвоения кинжала и решила повторить то же самое на живом человеке. На себе. Но после продолжительных изысканий она пришла к выводу, что в случае с людьми раздвоена должна быть не физическая оболочка, а сознание. И вскоре она

почувствовала, какие преимущества даёт эта идея, будучи реализованной. Кайлина была первой, кто продолжил развивать достижения Намтара, хотя и не осознавала этого в полной мере. Её больше увлекал сам процесс – новый навык давал ей невероятное могущество. Особенно интересным ей казалось это после различных экспериментов над другими живыми существами, которые не приносили желаемого результата. Она могла лишь порождать новых монстров, в самых невероятных обличиях, но, тем не менее, таких одинаковых и это однажды невероятно наскучило ей. Её жизнь чуть не превратилась в унылое ожидание того самого часа, когда будут созданы Пески Времени и миссия, возложенная на неё, будет выполнена.

На самом деле, к моменту создания Песков Времени, Кайлина была лишь немногим старше Принца, но впитывание Песков и их знаний, включая знания предыдущих поколений, вкупе с навыком разделения сознания, помогло ей прожить словно бы сразу несколько жизней. И тем выше она ценила свою собственную. Но нужно ли это было Пескам?

***

Кайлину ждало очередное поражение – Принц уже хорошо понимал, что каждому её фокусу есть простое или хотя бы рациональное объяснение. Он чувствовал, что на этот раз она не читает его мысли, сама боясь оказаться уязвимой. Она каким-то образом видит линию времени и просто следует ей. Но, судя по всему, делает это очень короткими фрагментами, недальновидно, следуя лишь сиюминутной цели – выжить.

Принц, кроме того, успел осознать, что с этим врагом лучше всего сражаться его же оружием. И он поспешил воспользоваться медальоном, самой необычной его способностью, которую даже толком не понимал. Но, если он помог ему дважды пережить один и тот же поход в Механическую Башню, то должен работать и в обратную сторону: забегать ненадолго в будущее, а не проживать заново прошлое. И, сам того не ведая, Принц практически повторил трюк Кайлины, фактически вновь переведя чашу весов на свою сторону. Он оказался способен видеть события наперёд. Он делал это не так уверенно, мир вокруг него расплывался в туманной дымке, иногда теряя чёткие очертания и, словно бы раздваиваясь, но всё же это давало ему хоть что-то.

Внезапно прекратив атаки, Кайлина, осознавшая тщетность своей очередной идеи, выпалила:

– Кто же ты?

Не вполне понимая её вопроса, Принц ответил:

– Человек, что боится смерти, как и ты.

Взгляд Кайлины испуганно бегал от Принца к чему-то незримому позади него. Принц не придал этому значения, списав всё на очередную попытку сбить его с толку. Он занёс меч над головой и первым бросился в атаку, воспользовавшись замешательством врага, но будучи готовым к отпору. В этот момент глаза Императрицы вспыхнули жёлтым светом, она развела руки в стороны и бросила мечи, а её тело слегка приподнялось и повисло в воздухе. Затем, кулак одной руки она вложила в ладонь другой, поднеся их к подбородку и чуть склонив голову. Вокруг неё начал вращаться небольшой песчаный вихрь. И вдруг, удар Принца, который ещё не успел приблизиться к Кайлине, был блокирован неизвестно откуда явившимся существом. Песчаным монстром, подобного которому Принц встречал лишь дважды – на мосту у Сторожевой Башни и в Саду. Но, на этот раз, оно не было видением. И, оказалось, что таких существ было двое. В руках каждое из них держало по одному мечу Императрицы, а их глаза горели тем же жёлтым светом. Они всецело были порождениями Песков.

Чудовища были облечены в красные одежды, их торс при этом был открыт, а плечи, грудь и руки защищены металлическими доспехами. Сложно сказать, были ли они когда-либо людьми и если да, то женщины или мужчины это были. Скорее всего, эти существа – лишь очередные порождения Императрицы, созданные в её бесчисленных экспериментах, в надругательство над жизнью. Но их сила была велика – видимо Кайлина создала их для своей защиты. Однако это значило лишь одно: она прибегала к крайним мерам, а, значит, Принц был близок к победе.

Но ему всё ещё было необходимо одолеть телохранителей Императрицы. Они перемещались очень необычно – словно бы паря в воздухе. При этом их движения были уверенными и мощными, так, если бы они твёрдо стояли на ногах. Неизвестно было так же, контролировала ли их Императрица или они действовали самостоятельно, но, в любом случае, они представляли собой очень серьёзного противника. Во время схватки они постоянно находились рядом друг с другом, и Принцу стоило большого труда удерживать обоих в поле зрения.

Наконец, Принцу удалось одолеть одного из них. И тогда он, не медля, принялся за второе чудовище. Но вдруг, за секунду до победы, он услышал позади себя странный звук, обернувшись на который он увидел, как чудовище вновь вырастает из песчаного вихря и опять атакует Принца. И так повторялось несколько раз – мечи Принца были неспособны одолеть этих существ. Судя по всему, Кайлина раз за разом воскрешала их к жизни и снова

бросала в бой. Тогда Принц притворился, что проигрывает схватку и монстры понемногу оттесняют его ко входу в тронный зал. Спустившись по лестнице и, воспользовавшись тем, что Кайлина не видит его, он схватил кинжал и покончил с притворством, вонзив кинжал в одно из чудовищ. У Принца не было времени наслаждаться полузабытым чувством обладания кинжалом. Вместо этого он сосредоточился на той связи между ними, что работала в прошлом. И кинжал послушно вобрал в себя Песок из обоих телохранителей Императрицы. После этого она уже не могла вновь воскресить их, и теперь оставалась лицом к лицу со своим врагом. Кажется, тот случай в Азаде был лишь подготовкой к самой главной битве в жизни Принца.

Сжимая кинжал, он вбежал по лестнице, собираясь нанести решительный удар. Кайлина увидела его и мгновенно поняла, что же произошло. Свечение из её глаз практически ушло. Собрав последние силы, она, выставив руки вперёд, направив в Принца песчаный вихрь, что сбил его с ног и отбросил в сторону. Он выронил кинжал и чуть не потерял сознание. С трудом встав, Принц увидел, как Кайлина подбирает кинжал и бежит в направлении Песочных Часов. Он, было, удивился тому, что она не попыталась прикончить его, но, вдруг, понял, что это её последняя отчаянная попытка создать Пески Времени.

Кайлина остановилась у стойки, на которой обычно лежал кинжал. В её глазах Призрак читал неподдельный страх. Она осознала, что была обречена с самого начала и хотела лишь спрятать кинжал от опасного врага, который, как оказалось, обладал богатыми знаниями о Песках. В схватке с таким противником у неё не было шансов, если только она не лишит его кинжала. Но её попытка была скорее актом отчаяния.

«Неужели *он* что-то рассказал ему? Принц смог разговорить *его*? Ему удалось то, что не удавалось целому роду Хранителей, в течение тысячи лет? Или хуже того – что, если Принц освободил *его*?», – мысли Кайлины беспорядочно метались из стороны в сторону, пока она спешила сделать кинжал вновь недоступным для Принца.

– Прости меня, Кайлина. Но я не могу позволить этому случиться! – сказал Принц, пронзая Императрицу мечом со спины.

– Глупец…, – прохрипела она, и, силясь сказать что-то ещё, рухнула замертво. На этот раз по-настоящему.

– Тебе стоило принять другое решение, – с сожалением сказал Принц. Он до сих пор не желал ей смерти, несмотря на все её старания.

Спустя несколько мгновений, вокруг тела поверженной Императрицы вновь закружился вихрь, а её кожа покрылась

золотистым свечением. Оно быстро распространилось по всему телу и с каждой секундой всё усиливалось, поглощая её. Пески забирали её плоть обратно.

«Кем же она была?» – спрашивал себя Принц.

Внезапно, когда свечение стало нестерпимо ярким, произошло что-то вроде взрыва, сильного выброса Песков, которым Принца оглушило и отбросило в дальний угол зала. Придя в себя и опомнившись, он вспомнил, что после победы над Шади произошло нечто подобное, и не придал этому значения, хотя чувство тревоги и не покидало его. Ему хотелось поскорее покинуть это место, оно сводило его с ума, а клубившийся вокруг Песок даже не думал рассеиваться – он, словно бы, хотел пожрать и его самого.

Принц лишь, напоследок, подошёл к кинжалу, но его ждало разочарование – тот вновь был недосягаем. Её последняя иллюзия.

«Что ж, значит, по крайней мере, и Магарадже не удастся им завладеть, когда он прибудет сюда через сотни лет», – подумал Принц.

Он открыл гигантские двери изнутри и очутился в Центральном Зале. По пути обратно, к Сторожевой Башне, Принцу казалось, что вся крепость сотрясается, будто бы скорбя по своей госпоже. Гул иногда переходил в стон, но Принц лишь усмехался и шёл дальше.

– Пусть это место погибнет и уйдёт под воду. А я скоро буду далеко отсюда! – проговорил он вслух и в последний раз шагнул во временной портал.

Песчаный вихрь уже привычно подхватил его тело и понёс сквозь время, туда, где Принц, наконец-то, собирался насладиться покоем, впервые за долгие годы.

***

Встрече Магараджи и Императрицы уже не суждено было состояться. Однако Призрак всё ещё мог видеть эту иную версию событий, которые происходили до вмешательства Принца. В ней Кайлина была значительно более могущественной, обладая силой настоящих Песков Времени, а не была уязвимым Хранителем. Но даже ей сложно было сдержать натиск огромной армии Магараджи, державшей в осаде центральную часть крепости несколько дней. Даже несмотря на то, что Кайлина полностью восстановила силы после создания Песков, в конце концов, её огромная армия оказалась полностью истреблена, а двери в тронный зал пали под натиском орудий.

Кайлина предложила свою жизнь в обмен на тайное знание, что доступное лишь ей одной, и готова была сдаться в плен, но была убита одним из союзников Магараджи. Амару же к тому моменту уже удалось обнаружить в библиотеке дневник Намтара и прочесть его до конца. И, благодаря этой книжице, он знал все секреты Острова и начал свою охоту за кинжалом, которая, впрочем, так и не увенчалась успехом.

***

Вернувшись в настоящее, Принц отыскал другой путь из крепости. Ему ещё предстояло найти корабль или какое-нибудь небольшое судно, на котором он смог бы добраться до Вавилона. К нему вернулась мысль о том, что вся команда, наверняка, погибла и его уже никто не ждёт для обратного пути. Это несколько омрачало его радость от победы. Но, несмотря ни на что, на все предостережения и опасности, он обманул судьбу, изменив ход событий, и избавился от погони раз и навсегда.

Сейчас он стоял на краю высокого обрыва и смотрел вдаль, думая о доме. Но это место не отпускало его просто так и мысли его невольно возвращались к произошедшим событиям. Принц удивлялся, как легко далась ему победа над Императрицей – она оказалась довольно слабым врагом, чья сила заключалась лишь в искусном обмане и тонком манипулировании. Стоило этому обнаружиться, и она оказалась практически беззащитной. Но, пожалуй, эту победу всё же нельзя назвать лёгкой – их противостояние длилось многие часы, просто до последнего момента он не знал своего врага в лицо. И ему стоило огромных усилий выбраться из паутины лжи Императрицы, порой только благодаря удаче или интуиции. Всё это было чем угодно, но только не простой задачей. А их открытое сражение – это лишь закономерный итог всех событий. Интересно, о чём она хотела сказать ему перед самой смертью? У судьбы, очевидно, хорошее чувство юмора, раз она заставила Принца убить человека без реальной необходимости. Он поспешил отбросить дальнейшие сожаления, решив, что Кайлина сама совершила эту ошибку, оказавшись слепым фанатиком. Её статус Императрицы не делал её мудрой и дальновидной. Он же годами жил с этим грузом и научился отличать правду от вымысла.

Принц вдруг подумал о том, что его случайная идея выкинуть медальон, когда он вернулся в прошлое и заново проживал путешествие в Механическую Башню, была самым лучшим его решением. И даже не потому что Кайлина использовала медальон против него, а потому что он сам не умел должным образом им пользоваться. И, оставаясь в этой

альтернативной версии реальности, он смог бы достичь своей цели и повергнуть Императрицу, но он никогда бы не смог вернуться в будущее, из которого ушёл, и продолжить его с той же самой точки, в которой он остановился. Новая и старая линия не пересекались бы. Само по себе это не страшно, но проблема заключалась бы в другом: он стал бы зависим от медальона, сам не зная об этом. Рано или поздно Принц выпустил бы его из рук и произошло бы нечто ужасное – он бы вернулся в отправную точку в Саду. И кошмар продолжился бы. Путешествие его сознания в прошлое напоминало попытку сбежать из пузыря, который лишь бесконечно вытягивается, но не позволяет выбраться наружу, создавая мнимую реальность.

И теперь пришло время последнего решительного шага: окончательно избавиться от медальона. Чуть рискованного – что если он всё ещё в этом пузыре? Но теперь он был ему совершенно не нужен и, чтобы окончательно успокоиться, Принц собирался выкинуть медальон и вздохнуть спокойно. Он был уверен, что всё сделал правильно и уже не вернётся во времени обратно, к своему заточению в Саду. Ведь он, кажется, ненадолго снимал его во время битвы с Кайлиной? Принц потянулся за медальоном, что всё это время был спрятан за нагрудным доспехом, собираясь бросить его с обрыва.

Откуда-то снизу дул пронизывающий, холодный ветер. Пожалуй, даже слишком холодный. И при этом он был почти беззвучен. Волны внизу бились о скалы, но обрыв был таким высоким, что и их рокота Принц почти не слышал. Он глядел вниз, и ему казалось, что прибрежные камни с каждой секундой отдаляются всё сильнее, обрыв словно бы вытягивался и Принц одиноко стоял на вершине, среди обволакивающего холода, что забирался под одежду и щипал за кожу. Возможно, даже слишком настойчиво. Возможно, это был вообще не ветер, а… Вмиг лицо Принца сменилось со спокойного и надменного на встревоженное.

– Как такое вообще возможно? – проговорил или, скорее, прокричал он вслух.

Он привык мириться с вызовами судьбы, но в этот раз все разумные объяснения тяжёлым шагам Дахаки, раздававшимся поблизости, кончились. Смерть продолжала идти за ним по пятам, несмотря ни на что.

Глава 22. Призрак

Каким же злом могут быть Пески в плохих руках! Он буквально использует их как оружие, несмотря на то, что я учил его лишь созиданию и развитию. Значит, я был так ослеплён отеческой любовью и радостью его возвращению, что не усмотрел в тумане Судьбы грозных предзнаменований. Теперь же я чувствую, что Пески меняются, с ними что-то происходит. Мне стало сложнее взаимодействовать с ними, искать ответы и читать линию Судьбы. Они словно бы перестают слушаться меня – сторона Нергала берёт над ними верх. Я упустил момент, когда это началось. Значит, у меня действительно нет выбора – либо я, либо он. ***Других врагов у меня нет, и я смогу основательно подготовиться к этой схватке.***

Мне придётся действовать его же методами – я буду использовать Пески как оружие. Но я не стану создавать чудовищ и идти против природы. Я буду развивать свою идею о создании огромных Песочных Часов, что наделят меня особой силой – они сделают меня хозяином Песков. Часы вберут в себя практически всю силу Бездны, ослабив армию Нергала и лишив его контроля над Песками – их почти не останется. Это было бы неверным шагом, если бы не обстоятельства, – Дильмун может лишиться всего и уже никогда не стать тем, чем он был. Но иногда потерять всё – это единственный путь что-то обрести. Моё решение может оказаться спасительным. И я должен начать как можно скорее. Время, которое было моим лучшим союзником, теперь становится моим врагом, оно дышит мне в спину. Мне кажется, что счёт уже пошёл на недели – буквально через месяц будет ясно, кто победитель, а кто – проигравший.

Такая концентрация Песков в одном месте неизбежно создаст особую зону вокруг Часов. Я могу использовать её как ловушку – время в ней словно бы остановится, но покинуть её без помощи извне никак не выйдет. Я не готов убить собственного сына, хоть и не верю в то, что он когда-либо сможет стать прежним. Оставив его в плену, я смогу обратить время вспять так, чтобы это не коснулось его, – он останется в ловушке, в «вечной тюрьме» – но помогло Дильмуну стать прежним хотя бы отчасти. А сами Часы будут отличной приманкой; когда я закончу их – они будут отправлены прямиком в тронный зал.

Часы будут устроены так, что будет возможность раскрыть их, выпустив Песок, и вновь затворить, так чтобы они вобрали его в себя обратно. Для этого я установлю на них два замочных механизма – на перешейке и на верхней крышке. Однако воспользоваться ими можно будет только с помощью специального ключа-кинжала. Я придумал его, оглядываясь на

медальон – наделил его почти теми же свойствами, но его главное отличие в том, что он ещё и является оружием. И не только холодным – кинжал может возвращать меня назад во времени на несколько мгновений, давая преимущество в битве. И лишь его слушаются могущественные Песочные Часы – Нергал попросту не сможет ничего сделать с ними, а когда он поймёт, что это ловушка – будет уже поздно. И даже если он заполучит кинжал, то не разберётся с тем, как управлять силой Часов с его помощью, занимаясь бесполезным изучением механизмов. А меж тем, всё очень просто – малое управляет большим, если большое напитает своей силой малое. Но он слишком слеп, чтобы видеть мелочи.

Дневник Намтара, запись 71

***

Он вспоминал своё рождение. Туман угасающей реальности, пустота вокруг и лишь какая-то незримая сила тянет его прочь, куда-то в неизвестность. Но он находил в себе силы бороться с нею, сопротивляться ей. Зачем? Он и сам точно не знал, равно, как и не понимал – нужно ли вообще ему бороться? Но он чувствовал, что у него остались какие-то незавершённые дела, и ему хотелось воспользоваться данной ему возможностью. Даже если это изменит всю его жизнь, он был готов рискнуть. Ему казалось, что он идёт словно бы против течения, против заведённого порядка вещей. Один против всего мира. Мира, частью которого он уже не был.

Кем он был? И, главное, кем же он стал? В первые мгновения он ничего не понимал, а мир вокруг него словно бы сходил с ума: то расплывался, превращаясь в бесформенные пятна, то наоборот, словно бы по крупинкам вновь собирался в единую картину знакомого ему места. Время, при этом, тоже не текло в обычном темпе, а прыгало туда-сюда, превращая всё вокруг в развалины и возвращая к исходному величественному состоянию.

Такими же фрагментами возвращалась к Призраку и память. Он восстанавливал события, задавая вопросы. Неужели он победил, одолел его? Противостояние, что тянулось так невыносимо долго, наконец, закончилось, но обстоятельства оказались не на его стороне? Его чувства превратились во что-то иное, но всё ещё напоминали человеческие. Он пребывал в смятении и не знал, что же он должен сейчас чувствовать. Раскаяние? Гнев? Или покой, подпитываемый чувством освобождения ото всего, что терзало его и одновременно двигало

им? Но он не желал этой свободы, пусть даже целая вечность лежала теперь у его ног.

Он говорил сам себе: «Я не побеждён, я продолжу борьбу!»

По непостижимому стечению обстоятельств, вечность начиналась здесь, в Центральном Зале крепости Дильмун, на острове Саггиг. Странное, волшебное место, в котором сходятся все пути, переплетаются судьбы. Здесь всё начинается и всё заканчивается. В одном шаге от этих проклятых Песочных Часов, что будто бы пленили его. И теперь, когда он, наконец, освободился из этого заточения, он не был этому рад и стремился вернуться обратно, в свою темницу. Он хотел всё исправить, хотел повернуть время вспять и разглядеть среди тысяч и тысяч мгновений то самое, когда что-то пошло не так. Но, несмотря на то, что он по-прежнему находился в эпицентре событий, он совершенно не представлял, с чего ему начать и будет ли это иметь хоть какое-то значение? Разве он уже не сделал, всё, что мог?

И тут, словно бы в ответ на его вопросы, Призрак обнаружил её. Она радостно приветствовала его, она так ждала… Так долго искала, скитаясь в пустоте. Он чувствовал, что теперь он не одинок, рядом с ним верный друг. Белая собака по имени Джатта, такой же призрак, как и он сам. И ярость, что переполняла и буквально душила его, отступила. Вместе с бессилием, которое ещё сильней распаляло этот гнев. И уже через мгновение он ощутил, что Джатта куда-то зовёт его – да, именно так, будто бы она могла говорить и мыслить по-настоящему. Но этот зов не имел голоса. Он читался в её невероятно осмысленном взгляде, слышался Призраком в своём сознании. Он мог отвечать ей, так, словно бы они общались. И общались очень долго. Это удивляло его – может быть, он что-то упустил или забыл? Интересно, сколько же времени прошло с тех пор, когда он…? И почему оно вдруг стихло, будто ветер над бескрайним морем вдруг умолк и не вздымал более волны?

Но у него не было времени подумать. Джатта куда-то тянула его, звала, влекла за собой. В другое время и место, прочь от Острова. Здесь он уже сделал всё, что мог, вернее попытался. Он искал другого будущего, но оно было закрыто для него. Древний план судьбы осуществился вопреки его воле. Хотя, в некотором смысле, он сам был тем, кто заложил первый кирпич в фундамент этого плана. И бороться с причинами он был уже не в силах – ему оставалось лишь бороться с последствиями. Может быть, ему хоть как-то удастся загладить свою безмерную вину перед этим миром.

Призрак последовал за Джаттой, которая привела его в Азад, в тот самый момент, когда Принц открыл Пески Времени. Она

что-то искала в этом месте, в то самое время. Или кого-то. Но она не справилась бы одна, она многого не понимала, а Призрак расценивал это ещё и как возможность познать свою природу, но при этом не потерять окончательно связь с реальным миром. Кроме того, Джатта указала ему новый путь – он ступил на тропу сострадания и взаимопомощи. Он познал, что такое дружба и что такое надежда. И вновь лицезрел непреклонность судьбы. Настолько явственно и отчётливо, что ему захотелось поспорить с ней ещё один, последний раз, что заставило его поддаться мимолётному импульсивному желанию. И надежда рухнула вновь.

Тогда он научился терпению. Он выбрал Принца для своих наблюдений и годами следовал за ним, в каждом его странствии, в каждом шаге скользил за ним беззвучной тенью, оберегая и направляя его. Призрак даже успел привязаться к Принцу. Он увидел в этом свою судьбу – быть терпеливым наблюдателем, познавать этот новый для него мир и искать хотя бы ещё один, самый крохотный шанс достучаться до реальности. В Азаде Призрак с Джаттой сделали всё, что смогли, но едва ли это что-то поменяло. Значит, время ещё не пришло или он сам ещё не был готов. И теперь уже Джатта последовала за ним по тропе познания и обретения мудрости.

Перед ними были открыты любые дороги. Даже само время расступалось перед ними – ведь их в нём просто не существовало. Но Призрак по-прежнему ощущал его течение и мог наблюдать за ним из любого места, перемещаясь в нём по собственной воле, с любой скоростью и в любом направлении. Он ощущал себя как чистое сознание, свободное от телесных оков, всяческих нужд и терзаний. Но лишь от него зависело, какую форму примет это сознание. Его разум обрёл новые возможности, но Призраку ещё только предстояло их открыть в себе. И, со временем, он стал наблюдать за реальным миром в основном только для того, чтобы лучше познать себя, как полную противоположность человеку. Он должен был перестать быть всего лишь отражением в зеркале, и действовать и мыслить по собственной воле, сообразно своей природе. И так из его жизни исчезла всякая сиюминутность – его решения не зависели от времени. Они определялись глубиной его размышлений – теперь он мог позволить себе подобную роскошь. Кроме того, он потерял смысл понятия «воспоминания». Для него не были так уж важны «до» и «после» – все события сливались в единую замкнутую линию, которая всегда была перед ним, как на ладони. Даже те, которые и вовсе никогда не происходили. Линии времени, в которых они случались, были переписаны, отменены и их никто не помнил, кроме Призрака и редких счастливчиков, которых, скорее, примут за сумасшедших, расскажи они кому-

нибудь об этом. Потому что, в конечном счёте, существовала лишь одна линия. И если кто-то изменял её, то новая и становилась настоящей и единственной. Другие жили только в редких угасающих воспоминаниях, а реальная линия времени всегда, как пущенная стрела, летела ровно, не отклоняясь. Она не была похожа на ветвистое древо, как многим казалось.

***

Повсюду за Призраком следовал верный друг. Они понимали друг друга как никто иной. Для взаимодействия их сознаний не нужны были Пески – они были лишь материальной условностью. Как и само понятие дружбы, но отказаться от него Призрак ещё не был готов. И вряд ли когда-либо будет. Кроме того, Джатта была для него ещё и проводником между прошлым, которое он уже ощущал чужим и далёким, и будущим, которое было чуждым и непонятным. Она была его настоящим, – если это понятие вообще имело смысл – его внутренним голосом, путеводным светом в этом новом мире. Тропы, которыми прошла Джатта, вмиг стали известны и ему, позволяя собрать воедино всю картину. Она была ответами на те вопросы, которые он даже не подумал бы задать. Джатта была его удачей, его надеждой и, казалось, её взгляд менял его самого. Может быть, она лучше него самого знала, кем ему следует быть? И даже то, кем он был.

Она же показала ему впервые, как можно усмирять Дахаку, вселяясь ненадолго в его тело. Мир глазами чудовища выглядел очень странно и необычно. Призрак ощущал помимо огромной мощи зверя и его необычайные способности, с помощью которых он мог видеть линии, ровно идущие в потоке времени. Без переплетений и противоречий, во всяком случае до тех пор, пока не находился нарушитель, вроде Принца. И его-то жизнь он и спасал, воспользовавшись подсказкой Джатты. Призраку такая идея просто не пришла бы в голову, он ещё не был готов спорить с самой сутью вещей. Хотя ему казалось при этом, что есть какое-то значительно более простое объяснение всему этому. И он смутно догадывался, какое именно, но пока ещё не осмеливался поверить в него, и поэтому решение этой загадки казалось ему скрытым в тумане. Словно бы кто-то не хотел, чтобы правда вообще когда-либо открылась.

Джатта спасала его от одиночества. Оно не было похожим на человеческое, но безмерность пустоты вокруг него слишком поражала его воображение. Он столкнулся с ней один на один, непомерное препятствие даже для его нового сознания с необычайными возможностями. Но теперь пустота отступала, словно бы меняясь. Что, если он мог бы менять её по своей воле?

Призрак понимал, что он – то, чего вообще не должно быть. Он существовал вопреки всем законам природы. Но стоило ему повстречать Джатту и он понял, что должна быть и некоторая закономерность появления таких, как они. Она доказывала, что он не исключение, не аномалия. А, значит, он и не одинок.

***

С тех пор, как Призрак вместе с Принцем прибыл обратно на Остров, он обнаружил в себе ещё больше способностей и с радостью устремился к новым познаниям. Он открыл для себя умение концентрировать все свои чувства, впечатления и то, что он раньше называл воспоминаниями в одну бесконечно малую точку во времени, делая сознание до крайности чувствительным и достигая просветления. В такие моменты он понимал, что даже его новое сознание не способно легко справляться с таким огромным наплывом чувств и знаний. И это ненадолго делало его чуть ближе к людям. Порой его буквально охватывало оцепенение, ему казалось, что он видит весь мир насквозь, слышит его мерное дыхание и видит каждый момент, от зарождения до самой гибели. И не было смысла делать ни одного шага или что-либо предпринимать: этот мир уже решил, что будет с ним в каждый из моментов его прошлого и будущего. Но раз за разом Призрак находил силы прийти в себя, чуть ослабив хватку, чтобы открыть новые границы, что простирались далеко за пределы обычного материального мира. Он ощущал потребность постоянно меняться. Ведь не так были страшны воспоминания сжатые в одну точку, как они же, растянутые в бесконечность. Монотонная и всюду одинаковая вечность его точно бы не устроила. Весь смысл существования заключался для него в движении. Ведь он никогда не состарится и не умрёт, а значит должен познать бесконечность, пусть даже порой она пугала его и он боялся потеряться в ней. Однажды он попытался разом прочесть все судьбы людей и стянуть все их переживания и мысли в своё сознание. Это был бесценный опыт, но, в основном, потому что он решил не повторять подобный эксперимент. Он переставал ощущать себя как некую личность и превращался в какое-то подобие стихии, что была вездесуща. Он терял какие бы то ни было ориентиры и желания, слышал миллионы голосов, но не разбирал ни одного конкретного, превращаясь в божество, единственной целью которого было лишь удержание всего мира на своей ладони, не заботясь о частностях. Но и человеческие категории совершенно не подходили ему, одно лишь взросление и познание мудрости вели его в тупик, превращая в камень и лишая стимула двигаться дальше. Ведь в бесконечном и

бескрайнем мире было возможно абсолютно всё. И, одновременно, абсолютно всё было одинаково неважно, незначительно. С другой стороны, сколько бы он не скитался по нему, он никогда не достигнет края и не познает его целиком. У его путешествия была начальная точка, он был подобен лучу света во тьме. В бесконечной тьме, в каком направлении ни пойди. Ведь начальная точка ничего не значила, она не была центром. Она лишь делила всё на две части, размер которых тоже был бесконечен. Луч же ограничен с одной стороны начальной точкой – это значило, что ему никогда не постичь этот мир целиком. А значит от того, какой путь он проделает, в какой именно последовательности пройдёт эти тысячи и тысячи дорог (хотя после них будут ещё миллионы) и будет зависеть его будущее. То, каким станет его сознание.

Джатта была вторым лучом в этой тьме. И пересечь её глухую бесконечность они могли бы в два раза быстрее, если бы двигались в разные стороны, всё дальше удаляясь друг от друга. И выбор был за Призраком – охватить как можно больше или выбрать одно направление, но сделав этот луч в два раза ярче, сильнее? Изучая вечность не вглубь, но вширь.

Призрак постепенно осознавал, что границ сознания тоже не существует. Он мог бесконечно создавать сколь угодно сложные мыслеформы, самые невероятные идеи – это ещё одно из проявлений необъятности мира. Неисчислимые озарения и кульбиты сознания, на которые не способен обычный, смертный человек, сулили лишь одно: ему никогда не станет скучно, мир никогда не перестанет его удивлять, если он не будет подолгу стоять на месте. Единственное, что тревожило его – он не хотел бы заблудиться и потерять себя. Если он станет безразличным ко всему, то будет искать лишь моментального развлечения. Путешествие через вечность требовало от него поддержания некого баланса – он не должен просто пропускать насквозь всё через своё сознание. Но и впитывать всё тоже не имело смысла. Нужно было равновесие между переменами и памятью, текущим знанием. И дружба с Джаттой сильно помогала ему в этом.

Но иногда Призраку хотелось вернуться к более простым, приземлённым вещам. Во-первых, он чувствовал, что ещё не готов к своему путешествию. А во-вторых он знал, что когда придёт время и он отправится в неизведанное, то уже вряд ли вернётся назад. И в одно из таких возвращений он и обнаружил Имана, который в религиозном просветлении оказался способен видеть и слышать Призрака – редкая удача, которая была возможна (хотя, увы, продлилась совсем недолго) лишь при близости Песков. Они никак не влияли на Призрака, но открывали внутренний взор простому человеку, который хотел

увидеть нечто большее и был готов к этому, искал этой встречи. Призрак знал, что Принцу не суждено избежать смерти, независимо от того, вмешивался ли он в его судьбу, сдерживая Дахаку, или нет. Принцу не нужна была эта помощь. Но Призрак ощущал, что может помочь кому-то другому, тому, кто на самом деле нуждался и не был обречён – люди из команды Принца. Они оказались жертвами обстоятельств: Принц обманул их, преследуя лишь свои цели. И этот обман отвернул их от него, но они оказались практически бессильны перед всеми ужасами Острова и, наверняка, погибли бы, не вмешайся Призрак вовремя. Он провёл их безопасной тропой, используя все свои знания и умения. И, совершенно случайно, его внимание привлекло нечто, что невероятно удивило его. Он впервые осознал, насколько запутанной может быть линия времени, и как неочевидно могут быть связаны совершенно разобщённые события. Но кроме нового знания Призрак увидел в этом и новую возможность: помочь тому, перед кем он чувствовал вину. Жаль, что он не мог сделать этого раньше.

Подготовив всё, с помощью Имана, Призрак вернулся к Принцу. Он не мог и уже не собирался помогать ему в борьбе с его судьбой – тот был обречён. И всё же, Принц бросил вызов судьбе, не собираясь сдаваться до самой последней секунды. Призрак видел в нём нечто особенное, считал его своего рода спасителем, кем-то достойным, который, при этом, сам нуждается в помощи. Или в раскаянии, которое придёт к нему не за мгновение до смерти, а ещё при жизни. Призрак считал, что с его помощью он сможет отыскать что-то особенное или как-то использовать Принца, чтобы перенять у него знамя и продолжить борьбу с Песками. С того самого момента, где он её бросил, поддавшись на собственную слабость. Эта победа и сделала бы его готовым к новому путешествию, без возврата и лишних сожалений.

***

В отличие от Принца, Призрак с самого начала понимал язык в дневнике Намтара и отлично знал о его деяниях. О его поисках и открытиях, глубоких познаниях и таких же невероятных заблуждениях. Каждая буква казалась ему знакомой, по мельчайшим неровностям в почерке Призрак знал, что чувствовал Намтар. Он видел всё это своими глазами и отлично помнил, так, будто сам писал эти строки три тысячи лет назад. Что такое время для призрака? Всё, о чём он знал, происходит сейчас, а не в прошлом. Он словно бы прямо в этот момент находится в древней крепости и осознаёт ужасы своих

ошибок и невероятные коварство и жестокость Нергала. Что он мог противопоставить ему? Они оба уже совсем не те, кем были когда-то. Они – лишь эхо в вечности, которое живо только в их делах. В их наследии.

Призрака изумляло умение Намтара прятать что угодно, – вещи или подсказки – оставляя их прямо на виду. Это само по себе было уже намёком на нечто большее. Он знал, что его тайны рано или поздно будут раскрыты. Но что, если он и рассчитывал на это? Что, если были и другие тайники, спрятанные по-настоящему? Их невозможно было обнаружить, не зная о них. Только смутные догадки, должно быть, терзали Хранителей всё это время, но они были не в силах ничего поделать. Слишком многое должно быть принесено в жертву ради возможности обладания этой тайной. Настолько многое, что даже Призрак поначалу не осознавал масштабов своей находки. Ведь мало просто разбирать слова – нужно уметь читать между строк. Он обнаружил точку, узел, в который была вплетена каждая из многочисленных линий. Но, даже получив некоторые ответы, он оставил послание, которое и должно было запустить цепочку событий, вполне реальных. Они и послужили бы той помощью, что он желал оказать тому, перед кем чувствовал свою вину. Призрак, впервые за долгое время, увидел настоящую, пусть и ничтожно малую, возможность спасти ему жизнь.

Сделав всё, что от него зависело и было в его силах, Призрак собирался продолжить свои поиски. Он сделал выбор, и ему оставалось лишь наблюдать, ведь повлиять он больше уже ни на что не мог, поэтому теперь он желал найти что-то и для себя. Тот ответ, который, возможно, не сможет ему дать даже вечность. Или уйдёт целая вечность, чтобы найти его самому. Был ещё один уголок, в который он прежде не заглядывал – тайное, скрытое воспоминание о событиях, что имели место ещё за пару тысяч лет до Намтара. В своей борьбе они были очень похожи с Призраком. Они искали там, где никто бы и не подумал искать. Они знали то, что никто кроме них не знал. Поэтому Призрак считал своим долгом продолжить начатый однажды путь. Тот, что почти угас и затерялся во времени, превратившись в бестелесный отзвук прошлого, лишённый голоса и сил. Но ведь важна не форма, а сама цель, стремление. И Призрак решился на то, чего обычно всячески избегал – повторить прошлое, погрузившись в воспоминание и растворившись в нём. Именно это преображение должно навсегда изменить его, позволив ему оставить в прошлом его собственную жизнь, но забрав при этом из неё всё самое важное и продолжив противостояние с Песками. И Джатта вновь помогала бы в этой борьбе. Но с воспоминанием Призрак должен был встретиться в одиночку. Ведь сначала, перед разрушением

чего бы то ни было, он должен научиться созидать. Вот, что по-настоящему поможет ему обрести и познать себя! Ему ещё слишком рано отправляться в путешествие через бесконечность. И зачем вообще куда-то идти, если таинство творения позволяло породить что угодно здесь и сейчас? И тогда бесконечность сама придёт к нему, пройдёт сквозь него и напитает своей мудростью.

Глава 23. Пленник

Из нас двоих сомнения не одолевают только его. Нергал уверенно движется к своей не совсем понятной мне цели и не думает сворачивать с намеченного пути. Он готов буквально идти по головам. А я не убил бы его, даже если бы хотел, ведь без его знаний мне будет очень сложно вернуть всё к исходному виду. К сожалению, создание Песочных Часов идёт не так быстро, как хотелось бы. Кажется, я превратился в догоняющего.

Его бесчинства достигли внешней части Острова – стали пропадать люди, матери не узнают своих сыновей, которых набирают якобы для защиты Острова от какого-то страшного врага. Вот только никакого другого врага, кроме Нергала у них нет! Люди жалуются на новые порядки, а я даже не могу ничего поделать – мне отрезали путь туда! И ещё одна большая для меня проблема: Нергал, кажется, действует от моего имени, разрушая всё то, чего я добивался и к чему так долго шёл. Людям нужен тот, кого можно обвинить во всех бедах, а я даже не соизволил ни разу предстать перед ними. Поэтому даже если бы я мог сбежать, появляться для меня там было бы опасно.

Я решил отправить на внешний остров Джатту. Она будет моими глазами и ушами. И чтобы эта связь была действительно сильной, я надел ей на ошейник медальон. Имея кинжал, я ничего не потеряю, но зато смогу незаметно следить за тем, что происходит за пределами Дильмуна. Хотя, кажется, этим названием сейчас пользуюсь лишь я один. По слухам, люди вспомнили древние названия – Усакар для внешней части Острова в форме полумесяца и Саггиг для центральной, где стоит крепость. Теперь они считают её источником зла, поэтому название «чёрная голова» имеет явно отрицательный окрас. О Дильмуне говорят же только в прошедшем времени, называя так Остров до потопа.

Джатта переплывёт пролив под покровом ночи, а затем будет бродить вокруг единственного теперь поселения, стараясь избегать неприятелей – ей это отлично удаётся. Мне же остаётся лишь наблюдать, чтобы хотя бы оставаться в курсе замыслов Нергала и быть готовым к любым его внезапным действиям. И моё бессилие страшно давит на меня – я лишён возможности помогать людям, своему народу. Я лишён своего честного имени. Мне остаётся лишь довериться своей отчаянной надежде, что ведёт меня сквозь лабиринты коварной Судьбы и бросает с волны на волну в океане времени, и продолжать заниматься созданием Часов и Вечной тюрьмы. ***Но, может, это я достоин её, как никто другой?***

***

Принца спасли считанные секунды – металлическая решётка позади него на мгновение задержала зверя. Но лишь на миг – Дахака был по-прежнему неумолим, воздух вокруг Принца дышал его холодной яростью и, впиваясь в горло, тянул того в пропасть, мешая бежать, путая мысли и размывая образы перед глазами. В один момент в его голове родилось столько вопросов, что казалось, будто она вот-вот лопнет. Тяжёлые мысли замедляли его, ранили и Принц бежал, не разбирая дороги. Ноги несли его вдоль уступа, который всё больше сужался под натиском одной из стен крепости. Что это, ещё одна насмешка судьбы?

В какой-то момент Принц уже не мог бежать. Прижавшись к стене и разведя руки, он продолжал спешно идти по узкому уступу. Он был на достаточно безопасном расстоянии от Дахаки и его щупальца не могли дотянуться до Принца и схватить его, а сам зверь был не в состоянии идти тем же путём. Тогда, издав грозный рык, он ударил мощными кулаками в стену и ступил в образовавшийся провал, скрывшись из виду. Принцу потребовалась буквально секунда, чтобы понять план чудовища: оно собирается догнать его изнутри и сбросить его с обрыва на острые скалы внизу. Хотя, судя по его неотступности, он не станет полагаться на случай и доведёт дело до конца, схватив Принца и прикончив его самостоятельно. Он поглотит его как ошибку времени, инородное тело, которого вообще не должно было здесь быть.

И всё же время было тяжёлым и неповоротливым, раз его можно было обмануть хоть ненадолго. Оно стремилось к целостности и прямолинейной определённости, но игра, которую Принц невольно затеял с ним, была благосклонна к обоим, делая их фигурами равноценной силы, подкидывая обоим одинаково полезные преимущества. Казалось, целью этой игры был хрупкий баланс на грани отчаяния Принца, который стремился продолжать эту партию до бесконечности. И раз за разом в тюрьме, которое время построило для него, Принц находил изъян, какой-нибудь лаз, через который он, пусть даже в самый последний момент, сбегал из плена сжимающихся прутьев его клетки. Уже будучи готовым сорваться вниз (лишь бы только не попасть в лапы Дахаке!), Принц вдруг увидел под собой разлом в стене, который вёл внутрь крепости, но в комнату или зал, что был ниже того, в котором сейчас находился зверь. Наверняка этот пролом образовался от старости стены, от того что время

вновь оступилось, сделав неправильный ход против Принца и предоставив ему кратковременное преимущество.

Он свесился на руках с уступа и прыгнул в неизвестность – тёмный провал скрывал высоту помещения за стеной, а кирпичи по его краям могли обвалиться, рухнув на Принца или вообще не дать ему удержаться за край разлома. Однако стена, уходившая вниз, была немного наклонной и выступала вперёд, позволяя Принцу не идти на очевидное самоубийство, а хотя бы попытать удачу. И не успел он даже приземлиться, как сверху послышался грохот рухнувшей стены и груды разлетающихся в разные стороны камней. Ожидания Принца подтвердились, но он уже был на шаг впереди. Но только лишь пока бежал. А что же станет тогда, когда выдохнется и не сможет больше скрываться от зверя? Когда иссякнут все силы, кончатся хитрости и удача в этой безумной игре окажется не на его стороне? Ответ был вполне очевидным. Ведь стоило ему остановиться и на секунду убедить себя в приятной лжи после победы над Кайлиной, как весь мир тут же рухнул, без объяснения причин и каких-либо предупреждений. Вновь.

Приземлившись, Принц, с трудом ориентируясь в полутьме, спотыкаясь, падая, вновь поднимаясь и бросаясь вперёд, побежал прочь от этого места, слыша, как сзади разъярённый зверь, круша камни, спускается и рвётся за ним вслед.

Когда глаза Принца попривыкли к темноте, он обнаружил, что находится в протяжённом и многоярусном помещении, состоящем из нескольких залов, разделённых когда-то крепкими массивными дверьми. В залах было устроено множество переходов, лестниц, а ярусы поддерживались редкими крупными колоннами и множеством более мелких в обхвате. Принц бежал вдоль сгнивших решёток и обвалившихся дверей – это место когда-то было тюрьмой. Он слышал, как где-то позади, совсем неподалёку, грузно шагал Дахака. Он ни за что не собирался останавливаться или прекращать погоню. Принц заметил, что зверь практически не бегает, но от этого скрыться от него проще не становилось. Несколько раз Принц спускался на нижние ярусы в надежде спрятаться и переждать, но каждый раз слышал эти грозные шаги и понимал, что ему несдобровать. Секунда промедления и эта тюрьма станет его собственной могилой.

Пробежав из одного конца в другой, Принц увидел, что она заканчивается одной единственной дверью на самом нижнем ярусе и поспешил туда, в надежде выбраться из столь ограниченного пространства и, наконец, оторваться от преследования. Погоня невероятно утомляла его: он бежал, постоянно цепляясь за неровности в полу, куда-то падая и изо всех сил вглядываясь в темноту. Теперь она не просто настигала

его – она уже была повсюду. Кроме этого, его движения сковывал страх и отчаяние. Что пошло не так? Почему Дахака всё ещё гонится за ним?

Пробежав за гигантскую металлическую дверь, что нависала над выходом, Принц оказался в зале с высоким потолком. На нём была расположена решётка, через которую проникал тусклый свет. В зале не было ничего примечательного, кроме того, что выходом он вовсе не являлся – тут была устроена ещё одна камера, дверь в которую была открыта. Но как можно было бежать из такого места?

Тем временем, Принц вновь услышал тяжёлые шаги неподалёку. Он сам загнал себя в ловушку! Ему больше некуда бежать! Закрыться в камере он не мог – такая решётка не остановила бы зверя ни на секунду. Сам же зал был очень мал и в любой его точке Дахака с лёгкостью дотянулся бы до Принца с помощью своих щупалец. А совершенно отвесные стены не оставляли никакого шанса взобраться наверх – хотя это бы и не помогло, потому что кроме решётки на потолке вариантов сбежать у Принца не было. И тогда он принял единственное возможное решение: он вернулся назад и, столкнувшись почти лицом к лицу со зверем, перерубил толстый канал, удерживавший массивную дверь, и отступил вовнутрь, соглашаясь на добровольное заточение. Здесь, за этой дверью, Дахака не сможет добраться до него – дверь была крайне тяжёлой и была сделана из металла – она будет не под силу даже такому существу. Стены же, окружавшие зал, оказались невероятно толстыми. Буквально через мгновение послушалось несколько глухих ударов в дверь и в стену. С древних кирпичей посыпалась вековая пыль, но она выдержала натиск. Из-за двери раздался глухой грозный рык и через мгновение всё стихло. Теперь у Принца будет достаточно времени, чтобы в тишине и спокойствии подумать обо всём. Возможно, это был единственный выход из всей этой истории: Принц мог оставаться в безопасности от Дахаки только в заточении. Впрочем, он всё равно рано или поздно умрёт от жажды или голода. Кажется, страж судьбы в любом случае победил. У Принца лишь оставалось время на осознание своих ошибок и примирение с ними. И тогда, возможно, он решится на последний отчаянный шаг и покончит с жизнью, не дожидаясь мучительной смерти.

Тяжело дыша, он присел на небольшом возвышении в центре зала и погрузил лицо в ладони, сложенные клином. Во тьме, которую он видел перед собой, мелькал грозный взгляд его убийцы. Он смотрел на него со всех сторон и не было ничего иного в этой тьме. Никакого выхода, ни единого просвета. Надежда умерла. И глухая тишина, что буквально резала слух,

была тому подтверждением. Принца ожидал бесславный и даже глупый конец. И уже через несколько минут он думал о том, что зря решился на такой шаг. Струсил вместо того, чтобы взглянуть смерти в лицо. Появись сейчас Дахака где-нибудь поблизости, он сам бы вышел к нему из тьмы со словами:

– Так приди же за мной!

Отчаяние на лице Принца сменилось безразличием. Он почувствовал невероятную усталость. Ту, что копилась годами и терзала его душу. Бежать теперь было некуда. Да и незачем – время словно бы остановилось. Замерло на месте, как топор палача на мгновение зависает над головой приговорённого к смерти. Принц что-то неразборчиво бормотал, чуть слышно, едва шевеля губами. Он был не в силах даже пошевелить рукой – его охватило оцепенение, он проникся осознанием всей тщетности своих попыток. Воображение рисовало перед ним ещё тысячи других вариантов развития событий, но все они были так же безнадёжны и обречены на неудачу. С самого начала у него не было шансов в этой безумной гонке, и он лишь подыгрывал судьбе всё это время. Но едва ли это походило на схватку.

«Выходит, и правда – нельзя изменить то, что написано в линии времени. Никто не может изменить свою судьбу. Вся жизнь – это либо погоня за смертью, либо бег от неё. Но итог всегда один…», – думал Принц и ненавидел себя за то, что сдался и теперь лишь искал оправдания. За то, что не находил в себе сил бороться дальше. И даже если бы нашёл, то не смог бы ими воспользоваться – он сам загнал себя в ловушку.

Теперь он понимал, о чём хотела сказать ему Кайлина перед смертью. Несмотря на то, что она боролась с судьбой точно так же, как и он, её ждала погибель, так или иначе. И она знала это, говоря о том, что линия времени не ошибается. Принц вспомнил выражение её лица и то, что читалось в её глазах при этих словах – они дались ей очень тяжело. Она противоречила сама себе и это мучило её ещё сильнее. Ведь как бы она ни старалась – смерть пришла к ней в назначенный час, словно по расписанию. И это при том, что она была не в пример изобретательнее Принца в своих попытках этой смерти избежать. Она обманывала, убивала, пряталась, притворялась и кто знает, на что ещё Императрица была способна. Но коварная шутка судьбы в том и заключалась, чтобы продемонстрировать Принцу как заведомо более сильный противник проигрывает битву, когда это предписано свыше. О, это сладкое мгновение ложной надежды, слепой уверенности в собственном превосходстве!

Но теперь пришло время разочарования и раскаяния. То, как он вонзил меч ей в спину, было отголоском его собственного ближайшего будущего, которое уже наступило. И он точно так

же падёт, пусть даже не от рук Дахаки, но по его вине. И свершится справедливость. Слишком долго Принц продлевал свою жизнь за счёт чужих смертей! Дарий, потом вся его команда, включая Хараза. Затем Шади, хотя к ней он и не испытывал никакого сочувствия; и, наконец, Кайлина, что так и не стала для него в полной мере той Императрицей, которую он столь сильно ненавидел. Она оказалась для него человеком со сложной судьбой, поразительно похожей на его собственную, и оттого он хорошо понимал её, как никто другой. И перед лицом смерти она пыталась сказать ему о самом важном. Но он был ослеплён своей удачей и не желал ничего слушать. Теперь пришло время усвоить и этот урок.

И вдруг, мысленно прокручивая произошедшее в тронном зале, Принц вспомнил яркую вспышку, которая буквально ослепила его. Тело Кайлины разлетелось на тысячи, миллионы песчинок, причём с такой силой, что Принца отбросило, и он ненадолго потерял сознание. Он старательно игнорировал всё, что происходило после этого, не замечал знаков и думал лишь о том, как поскорее покинуть Остров, наивно полагая, что оказался сильнее его могущества. И в одно мгновение он ощутил этот неприятный холод, что забирался к нему под кожу, туманя разум и вырывая из него душу. Это были Пески Времени, те самые, с которыми он столкнулся в Азаде, когда сам же и высвободил их из Песочных Часов. Воспоминания оживали, даже несмотря на то, что сейчас их не было рядом. В этот же раз Пески были заключены в теле самой Императрицы – вот чему она обязана своими способностями! И именно поэтому она была так слаба во время их схватки. Она готовилась к важному моменту – переносу Песков из своего тела в Часы. Она и есть первоисточник этого зла! Она породила Пески и собиралась придать им ту форму, в которой он впервые познакомился с ними. Но важна была отнюдь не форма, а содержание. То, что она годами носила внутри себя, обрекая мир на страдания и разрушения. И Принц ничем не отличался от неё, в итоге. То, что он действовал неумышленно, не было оправданием для него ни тогда, ни теперь. Он вновь открыл Пески Времени. Он помог Императрице создать их! Да, наверняка, она собиралась выпустить их как-то иначе, но, в конечно счёте, это было неважно. Принц был и остаётся вершителем своей погибели, разрушения своего мира и единственной причиной своих страданий. Он сам и был своим злейшим врагом. Надеясь остановить Кайлину и не дать создать ей Пески, он сделал всё за неё. И сейчас Принц был уверен, что как бы ни развивались события, они всегда имели бы одинаковый исход.

В изнеможении, Принц опустился и сел на пол, упершись спиной в одну из стен и скользнув по ней вниз. До этого он ходил в размышлениях из угла в угол, но теперь он окончательно упал духом. Осознание произошедшего, того, что крепость сотрясалась не от скорби по Императрице, а из-за выпущенных на волю Песков Времени, начисто лишало его сил и мотивации. Ещё мгновение и он рухнул бы на бок и более никогда не поднимался, если бы вдруг не услышал звон медальона, что случайно выпал из-за нагрудной брони. Он так и не успел выбросить его. Сейчас же, когда Принц потянулся за ним, он на мгновение задумался о том, как хорошо было бы выпустить его из рук и оказаться в другом месте и времени, как это уже однажды произошло с ним. Принца устроил бы абсолютно любой вариант, отличный от настоящего. Но теперь все сомнения рассеялись, и он просто поднял медальон с земли, вновь завязал узел на верёвке и одел на шею. Он сделал это без всякой цели, скорее интуитивно, по привычке, нежели надеясь на что-то.

Разум Принца заполнился тяжёлыми мыслями, тягучими и полными безысходности. Словно бы повинуясь им, он впал в забытье и смотрел в одну точку, почти не двигаясь, лишь продолжая вращать в руке медальон. Принц сомневался, был ли он вообще для него полезен? Что, если это он привлекает зверя? А победа над Кайлиной – слепая случайность, провидение судьбы. У него было достаточно оснований считать, что всё было вовсе не таким, каким казалось. И он заблуждался практически во всём. Но этот медальон… Даже сейчас он словно бы спасает его, вытягивая из пучины тёмных мыслей и отчаяния и заставляя думать о чём-то другом.

Вдруг, коснувшись пальцем его рельефной стороны, Принц вспомнил об отпечатке медальона в дневнике, что он повсюду носил при себе с тех самых пор, как случайно нашёл его в Азаде. Оттиск медальона появился там не случайно, и многое значил для его владельца, которым, должна была быть Кайлина. Но почему тогда его носила Шади? Ведь книжица тоже наверняка принадлежала Императрице. Вряд ли Шади было бы интересно вести записи в книжице, которая, возможно, была дневником с заметками и наблюдениями. Принц так много раз пытался разобрать, что же в нём написано, что однажды навсегда бросил свои безуспешные попытки и с тех почти не заглядывал в него. Однако всё равно продолжал носить его при себе. За всё время пребывания на Острове Принц почти ни разу даже не вспомнил о нём. Но сейчас ему вновь захотелось взглянуть на отпечаток медальона. Что, если он будет отличаться от оригинала?

Принц нащупал дневник во внутреннем кармане под поясом и достал его. Открыв первую страницу, он обнаружил, что вода

размыла чернила, и символы из непонятных превратились в абсолютно неразборчивые. Всё так же в правом верхнем углу страницы была какая-то надпись из двух строчек, которые были перечёркнуты. Очевидно, писавший начал с какого-то утверждения, но пересмотрел свои взгляды в процессе работы и, считая ошибочным, перечеркнул его. Пролистав записи примерно до середины, Принц обнаружил, что символы вновь стали разборчивыми – их вода не тронула. Но на некоторых страницах – решительно непонятно почему – были размыты отдельные фразы. Чернила, не тронутые водой, имели чуть отличный оттенок от тех, что были смыты. Принц продолжал вглядываться в до боли знакомые знаки и почувствовал, будто проваливается куда-то. Реальность вокруг него уходила в тень, а и без того глухая тишина превращалась в абсолютное беззвучие. И в этом отрешённом от мира состоянии Принц осознал, что начинает понимать что-то из написанного. Ну конечно! Он же понимал речь Кайлины и всех, кого встречал на Острове, пусть и очень странным образом, будучи не в силах объяснить значение каждого отдельно взятого слова. Все произнесённые фразы он воспринимал как бы целиком, в виде их сути, вложенного в них смысла. В их первозданном виде. Это чувство было знакомо ему ещё с того случая в Азаде, поэтому столкнувшись вновь с этим явлением, Принц не придал ему особого значения. Он знал истинную причину этого – Пески могли проникать в сознание и, сливаясь с ним, наделять его удивительными способностями. Принц неизбежно пользовался этой чрезвычайно полезной возможностью, но его всегда не покидало чувство тревоги и он сопротивлялся их влиянию. Но что если они не были только лишь злом?

Удивительно, как он не подумал о дневнике раньше? Быть может, он бы знал что-то больше о том месте, куда он отправляется. Чтение давалось ему намного сложнее и, не окажись он в этой темнице, он возможно так и не смог бы ничего понять из написанного. Но сейчас, пусть и с большими усилиями он прочитал о том, как кто-то (имени нигде не упоминалось) пытался с помощью Песков спасти Остров от наводнения. Но его попытки обернулись неудачей и новыми проблемами – он потерял контроль над Песками и они обнажили свою истинную природу. Принц отбросил случайную мысль минутной давности о возможной полезности Песков. Обман и внушение – это их основа, они способны склонить на свою сторону кого угодно, стоит лишь дать слабину. Но всё же Принц усвоил урок, поняв, что был слеп и не воспользовался раньше таким шансом понять больше о Песках и Острове.

Кем же был тот неизвестный, что вёл эти записи? Это точно не была Кайлина – рассказ вёл мужчина и он говорил о совсем иных событиях и о другом времени. Какова же тогда была её роль во всём этом? Вероятно, рассказчик жил задолго до неё, а Пески, должно быть, много старше, чем Принц полагал до этого. Как же давно это происходило? И почему медальон был так важен для него? Дневник обрывался на полуслове – далее следовало несколько вырванных страниц, после которых шла та самая, с отпечатком медальона. Принц внимательно сравнил его и медальон, но не увидел никакой разницы. Это был отпечаток именно с него. Тогда он вернулся примерно на тридцать страниц назад и снова погрузился в чтение. Среди бесконечных происшествий и неприятных открытий, о которых говорил незнакомец в своих записях, Принц нашёл несколько упоминаний о медальоне, из одного из которых он понял, что тот – это реликвия древности, об истинном его происхождении не знает даже автор дневника. Он предпринимал какие-то попытки узнать о медальоне побольше, но неизвестно, что из этого вышло – в записях ничего об этом так и не говорилось. Выходит, более всего его привлекала тайна. Безымянный рассказчик желал раскрыть её – загадку, непостижимо древнюю и невероятно могущественную. Возможно, он знал или видел что-то ещё; нечто такое, что сулила разгадка тайны. А, может быть, это был обман, очередная уловка Песков? Однако возраст медальона отрицать было невозможно. Даже по меркам рассказчика он был невероятно древним – настолько, что до него даже не дошло ни одной легенды или мифа. Мрак веков сгустился над медальоном, не давая разглядеть даже крошечного обрывка правды о нём.

Принц ещё немного полистал дневник, а затем закрыл его и решил пройтись – он, всё же не привык подолгу сидеть на одном месте. Книжица не дала ему ответов, которые он искал – лишь только новые вопросы. Разве что, он понял, что Кайлине не принадлежит главная роль в истории возникновения Песков, которая корнями уходит в глубину столетий, в самые незапамятные времена. Её достижения зиждутся на чужих открытиях, она – лишь последователь великих людей древности. Куда более могущественных провидцев и творцов, которые, меж тем, так и не смогли победить смерть.

Но всё это не слишком-то заботило Принца. В его голове была приятная пустота – мрачные мысли отступили, хотя места для надежды по-прежнему не было. Ей было неоткуда взяться. Она не могла просочиться сквозь решётку на потолке подобно тусклому свету. И даже если бы могла, то, как и свет, она не могла бы скапливаться в этом зале, делая его светлее. Но Принц, ещё не осознавая того, привыкал к безысходности и смирялся с

отсутствием этой самой надежды. И как его глаза всё больше привыкали к полутьме, так и его положение уже не казалось ему таким ужасным. Он просто начинал осознавать, что оно практически всегда таким и было. Всё и так было из рук вон плохо, с той самой ночи. Сейчас его положение стало лишь немногим хуже. Ситуация просто окончательно обрела свои очертания и в этой полутьме он видел её даже яснее, чем когда-либо. Поэтому сейчас им двигало простое любопытство – в застывшем времени и этой нескончаемой, необъятной тишине была интересна каждая мелочь, любая деталь. Принц осматривал чуть ли не каждый кирпич в стене, меряя шагами зал вдоль и поперёк. Он ещё успеет вернуться к чтению дневника, хотя вряд ли он найдёт там ещё что-нибудь интересное. Любопытными оставались лишь несколько вырванных страниц, которые значили, наверняка больше, чем вся книжица, включая её размытую водой часть. Но, увы, эта тайна, скорее всего, умерла вместе с автором.

Нечто подобное искал Принц и в своей ситуации. Он отлично знал, чем он располагал – это касалось его положения и того места, где он находился. Но он желал найти то, что отсутствует, некий недостающий элемент. Что-то недоступное, что дополняло бы окружающую картину до цельной, меняя её и превращая нечто совершенно иное. И ответ напрашивался сам собой: вряд ли эта тюрьма была возведена специально для Принца. В этой темнице не хватало самого пленника. Да, понятное дело, что его уже давно не было в живых, но Принц не видел ни останков, ни истлевших лохмотьев одежды – ничего. Безусловно, прошло очень много лет с тех пор, но Принц уже успел убедиться, как время по-особенному течёт в этом месте, и как медленно стареет крепость и всё, что в ней находится. Любая другая крепость превратилась бы в руины всего за пару столетий, а в этом случае, со слов Кайлины, речь шла о тысячелетиях! Поэтому вывод был прост как никогда: пленник смог каким-то невероятным образом сбежать отсюда. И в этот момент Принц почувствовал, как к нему вернулась надежда.

Стоя напротив открытой двери камеры, Принц думал о том, что ничего не скажет лучше о человеке, которого сейчас здесь не было, чем следы, оставленные им. Может быть это будут какие-то записи или знаки на стенах, может быть ещё что-то. Но, подобно следам на песке, они могут многое поведать, сохранив, в некотором смысле, форму его мыслей. Человек состоит не только из того, что он хранит внутри себя, но и из его дел и намерений. Из вчера и завтра. И по этим следам можно как бы воссоздать его образ, мысли и чувства. Выходит, нечто подобное воспоминаниям

есть не только у людей. Линия времени – это огромное хранилище воспоминаний любых форм и размеров.

Подойдя ближе к камере, Принц увидел, что дальняя стена разрушена у основания, словно бы в ней был проделан лаз. Ему даже показалось, что сквозь него пробивается тусклый свет. Получается, всё это время, пока Принц сокрушался о своей неудаче и впадал в отчаяние, этот лаз только и ждал, чтобы его нашли? Недолго думая, он шагнул внутрь камеры, решив не тратить время на сомнения, хотя и чувствовал себя невероятным глупцом, так легко сдавшись.

Стоит отметить, что, даже привыкнув к темноте, Принц по-прежнему плохо видел всё вокруг – только общие очертания. Свет был слишком тусклым, а в камеру он вообще почти не попадал и лаз вполне мог ему померещиться. Его разум мог выдавать желаемое за действительное – с этой мыслью он и сделал этот первый шаг внутрь камеры. Но дело было вовсе не в сомнении. Скорее, Принц готовил себя к наихудшему варианту исхода событий. Здравый смысл подсказывал ему, что такой вполне возможен, однако лучшее, что он может – извлекать максимум пользы из любой ситуации, даже подобной этой. Но вот к чему он готов не был, так это к тому, что судьба подкинет ему нечто вроде приятного сюрприза. Стоило Принцу пересечь порог, как он вдруг оказался в хорошо освещённом факелами помещении, которое по-прежнему было тюремной камерой, но вместо серых, потрескавшихся и поросших мхом стен Принц увидел ровные ряды кирпичей, которые ещё не выцвели от времени. Позади него выход из камеры затягивала дрожащая дымка, за которой виднелись очертания решётки и остального зала. Он сразу же узнал это явление – он сталкивался с ним прежде, когда прошёл через пролом в стене внутрь башни на внешней части Острова и оказался словно бы в другом времени, которое существовало только внутри этого странного пузыря. Тогда Принц едва ли понимал, что именно происходит и его посетила ложная догадка о том, что вся крепость окажется внутри гигантским временн*ы*м пузырём, в котором было скрыто прошлое. Но он достаточно быстро убедился, что это было совершенно не так. Мест, подобных этому, он не встречал более нигде на Острове. И это значило, что они были по-настоящему особенными. Возможно, кто-то специально спрятал их, желая что-то сохранить в тайне. Если внутри такого пузыря живёт прошлое, то идёт ли вообще в нём время?

Осмотрев камеру, Принц обнаружил, что на дальней стене не было никаких провалов. Она была совершенно целой в этом времени. Возможно, в настоящем там действительно что-то было, но временной пузырь преграждал ему путь и он никаким образом

не мог это проверить. Поэтому он быстро переключился на другой вопрос – кого могли держать в такой особенной камере? Почему ради этого человека был выстроен отдельный зал с такой массивной дверью? Он явно был кем-то особенным, раз удостоился такой чести. И, наверняка, очень сильно насолил Императрице или кому-то до неё.

Однако же, кем бы он ни был, Принц не увидел на стенах ни одной пометки. Пленник не отсчитывал недели или месяцы своего заточения, как это обычно бывает с заключёнными. Он не сходил с ума, рисуя что-то бессвязное, не пытался оставить никакого послания. Принц уже было хотел выйти наружу, но, сделав случайный шаг вперёд, почувствовал, как случайно толкнул ногой какой-то небольшой лёгкий предмет. Он опустил взгляд и обнаружил точно такой же дневник, как и у него. Вернее не такой же, а тот же самый! Принц запустил руку за пояс и нащупал книжицу – та была всё ещё при нём. Тогда он поспешил наклониться и взять неожиданную находку в руки. Как же могло так получиться, что дневников было два? Причём он держал оба в руках, это не было похоже на раздвоенный кинжал. Раньше Принц думал, что линия времени не допускает существования копий. Если что-то переносится из одного времени в другое, то по возвращении путешественника в исходную точку, вновь оно обнаружено не будет – так считал Принц до этого момента. Но линия времени продолжала удивлять его, ведь произошедшее уже не могло быть очередной уловкой Императрицы – она было мертва.

Принц бегло пролистал только что найденный дневник, и убедился, что он действительно был точной копией того, что принадлежал ему. Разве что, этот экземпляр явно не оказывался в воде, поэтому сохранился целиком. И выглядел свежее – страницы не только не истлели и не потрескались, а наоборот, сохранились практически в первозданном виде. Принц поспешил воспользоваться находкой и принялся читать начало дневника (последние страницы тоже были вырваны). Из него он узнал, что медальон достался Намтару – в первой половине дневника имя его автора всё-таки упоминалось, но буквально единожды – от его предков, но история его происхождения по-прежнему не была ясна. Намтар случайно обнаружил Пески и с удивлением открыл для себя их силу и могущество. И поначалу всё складывалось действительно неплохо – Остров преобразился, а Намтар нашёл способ подчинять и контролировать Пески. Однако Принц уже знал, чем всё это закончится и его теперь интересовал другой вопрос: эта камера была построена для Намтара? Выходит, что это именно он был заточён в ней? В таком случае Принцу очень хотелось бы встретиться с ним лично и поговорить о Песках. Они

оба совершили одну и ту же ошибку, выпустив их в этот мир. Наверняка, Намтар смог бы о многом поведать ему…

Размышления Принца прервал глухой, но мощный удар позади него. Звук исходил откуда-то из зала, его источник находился вне камеры и вне пузыря. Принц обернулся и увидел сквозь дрожащую дымку, как Дахака, проломив решётку в потолке, приземлился в центре зала. Зверь поднялся с колен и начал осматриваться вокруг. Принц, стоявший в нескольких метрах от него, оторопел, не ожидав такого поворота событий. Но Дахака, даже подойдя на вытянутую руку к камере, не видел Принца. Тот стоял молча, едва переводя дыхание и боясь пошевелиться. С одной стороны, прямо перед ним сейчас была возможность, о которой молил час назад. Но он не спешил ею воспользоваться – жажда жизни вновь перевешивала, особенно после всех его открытий и находок. И с каждой секундой в нём росла уверенность, что он поступает правильно – Дахака стоял напротив него, тяжело дыша и продолжая пристально вглядываться в тёмную пустоту, будто бы подозревая или чувствуя что-то. Но ничего не видел. Выходит, предыдущее укрытие было не таким уж и надёжным для Принца, и сейчас он был весьма рад своей находке.

Его предположение было верным – он находился в ином времени. Хотя при этом был способен видеть ту часть зала, что осталась в настоящем. Вероятно, пузырь был устроен подобно временн*о*му порталу, но работал несколько иначе. Словно бы только в одном направлении. Если кто-то уже находился внутри, то никто снаружи не мог попасть в него. И тут Принца посетила идея. Предположение, которое ему было даже трудно выразить бы в словах. Получалось так, что он, находясь в любом времени, мог попасть внутрь пузыря, когда тот был свободен, и оказаться в прошлом, что жило в нём. А это значит, что и выйти обратно он мог в любую точку времени, по собственному желанию. Но он совершенно точно не понимал, как это работает – сходство с порталами было слишком уж приблизительным. Поэтому он вновь обратился к дневнику, в попытке найти хоть какое-то упоминание или подсказку, что помогла бы ему.

Спустя несколько минут беглого чтения, Принц долистал до страницы с отпечатком медальона. Что же он скрывает, какую тайну? Принц провёл кончиками пальцев по отпечатку и обнаружил кое-что новое, то чего он не замечал раньше: полумесяц был вдавлен и ощущался как неровность, тогда как кружок в центре был гладким – он был просто нарисован. Принц проверил свой дневник, но от воды страницы разбухли и сморщились – сложно было сказать что-то наверняка. Вернувшись к найденной недавно копии, Принц решил

проверить, как отпечаток в нём выглядит с обратной стороны и каков он наощупь. Эта неуловимая тонкая разница невероятно интриговала его. Но уже спустя секунду он обнаружил нечто большее; то, на что он даже и не рассчитывал: на следующей странице записи продолжались! Он готов был поклясться собственной жизнью, что в его копии этих записей не было. Когда-то он перелистал дневник вдоль и поперёк, внимательно изучая каждую страницу, но ничего подобного там не было!

Записи были сделаны всё на том же языке, но не так аккуратно. Очевидно, эти строки были написаны в спешке, без стола и чернил, чем-то вроде уголька. Принц всё так же, не без усилия, но уверенно смог разобрать их. Они гласили следующее:

Мне следовало любой ценой сохранить медальон! Он знает любой ответ и помог бы мне сбежать. Но теперь я заперт здесь, а беспощадное время отсчитывает оставшиеся минуты моей последней ночи. Утром придёт палач, и моя участь будет решена. Теперь, когда Императрица создала Пески, я ей уже не нужен. Ни один из секретов, что мне известен, её более не интересует. Я оставляю здесь этот дневник в надежде, что кто-нибудь однажды найдёт его. Он будет предостережением нашедшему – не нужно идти по моим стопам!

Принц находился под впечатлением от прочитанного. Это послание объясняло невероятно многое, в то же время выходило, что действительность сильно отличалась от его догадок. Получается, дверь в камеру была открыта не потому что Намтару удалось каким-то образом бежать, а из-за того, что он был казнён. Кайлиной! Неужели он пробыл в заточении так долго? Со времён описываемых им в начале дневника до дня создания Песков Времени? Уже само по себе это было чудовищной пыткой. Пусть время в пузыре и стояло на месте, а он не старел – всё равно было совершенно невообразимо, через что же ему пришлось пройти. Удивительно, как он вообще не сошёл с ума! И очень странно, что он за всё это время сделал лишь одну запись, которая говорила только о разочаровании в собственных стремлениях, в противопоставление написанному им же ранее о последователе и продолжении борьбы.

Дневник был отголоском эпохи, которой никогда не было. Ведь Принц убил Кайлину в прошлом, изменив ход событий. А это значит, что никто не пришёл за пленником и он всё-таки смог выбраться сам, но лишь когда ржавчина разъела решётку. Выходит, что своими действиями Принц обрёк его на дальнейшие страдания – заключение Намтара продлилось ещё на одну-две тысяч лет. Ведь у него не было медальона – очевидно, несмотря на все попытки спрятать его, медальон был найден.

Принц чувствовал вину – его действия принесли ещё больший вред тому, на чью долю выпали и так невероятно тяжёлые испытания. И если уж он не был уверен в том, что в состоянии хоть как-то помочь самому себе, то решил освободить пленника, который, к тому же, сможет пролить свет на многие тайны. Ему лишь оставалось понять, как он может выбраться отсюда с помощью медальона. Принц не сомневался, что всё дело в нём – об этом недвусмысленно говорила последняя запись в дневнике.

Сказанное в тексте заставляло Принца взглянуть на него с другой стороны. Он с самого начало зал, что медальон является своего рода ключом для дверей в потоке времени. С его помощью возможно путешествие в нужный момент. Но сейчас Принц, наконец-то, понял, в чём заключалось его предназначение. Он был проводником между сознанием человека и Песками и потому был так ценен. И если поначалу Императрица использовала его во зло, чтобы затуманивать ему разум и сбивать с толку, то впоследствии набралось немало примеров того, как медальон оказался полезен для Принца, выручив его из множества безвыходных ситуаций. Будучи посредником, медальон мог работать в обратном направлении, через прикосновение передавая человеку знание. И, пусть, оно было во многом обманчивым и опасным, но в некоторых ситуациях оно всё же могло быть спасительным.

Это знание могло быть даже опасным для Песков. Но, если человек, соприкоснувшийся с ними своим сознанием, оказывался достаточно стойким, то мог даже научиться управлять ими – вот что ещё вынес Принц из записей Намтара. И они подчинялись, действуя, в первую очередь, сообразно своей природе. Возможно, они сопротивлялись этому, имея отличные цели, но они были медлительны и неповоротливы в таких малых масштабах времени. Должно было пройти достаточно времени, чтобы сопротивление обрело форму и что-то изменило.

Покрепче сжав в руке медальон и закрыв глаза, Принц увидел вместо привычной темноты золотистый свет от миллиона песчинок, которые неспешно плавали вокруг него. На границах пузыря свечение было особенно отчётливым. Всё вокруг него говорило о том, что он находится внутри песчаного вихря, вроде того, образуется в порталах. Но он был больше и имел иную форму, а внутри него царили тишина и спокойствие. Теперь, видя это сходство, Принц искал лишь последнее звено в цепочке ответов – как именно заставить Пески подчиниться его воле? В отличие от порталов, которые уже были соединены с конкретной точкой во времени, это место не было привязано ни к чему. Пузырь обладал несравнимо б*о*льшим могуществом и мог помочь

Принцу переместиться в любое время, по его желанию. Но первая его попытка потерпела неудачу – понимая, что не имеет смысл отправляться на две тысячи лет назад, когда решётка всё ещё была заперта, и пленник был на месте, он попробовал сконцентрироваться на точке времени, что была лишь на час раньше текущей. Но тщетно. Однако эта неудача была особенной – Принц чувствовал, что использует медальон правильно, дело лишь в том, что пузырь сопротивлялся его воле. Так, словно бы Принц пытался сдвинуть с места целую гору. Он чувствовал, что прикладывает силу в нужном направлении, но этого было попросту мало. И тогда Принц понял, что это не имеет смысла. Ему всего лишь нужно было найти выход, а не пытаться забрать с собой весь пузырь целиком. Получалось, что усилие должно было быть приложено к границе, отделяющей его от остального мира. В этой, на первой взгляд, тонкой и хрупкой оболочке он должен был каким-то образом открыть своеобразную дверь.

Место, в котором он находился, было по-настоящему особенным. Поскольку время текло в нём совершенно иначе, оно существовало словно бы на пересечении реальностей, разных миров с отличным друг от друга ходом событий. И Принц даже опасался оказаться не в той линии времени, из которой он попал сюда. Один вход и множество выходов – как выбрать нужный? В какой-то момент ему даже показалось, что это не пузырь существует внутри остального мира, а наоборот, вывернутый наизнанку мир существует внутри пузыря. И раз уж он не мог сдвинуть с места эту глыбу, то, значит, Принц должен был с её помощью повлиять на ход времени всего, что простиралось за её границей. Он должен воздействовать на неё с помощью медальона, но извне. Однако, покинув пузырь, он ничего не добьётся. Но и разделять себя и медальон он тоже не мог – у этой реликвии была слишком короткая память, Принц убедился в этом, когда пробовал трюк с возвратом во времени на несколько секунд. Медальон оказался не способен на такое, он не был столь же могущественен, как кинжал. Он был скорее инструментом, посредником, но не более. И поэтому единственно возможным путём, который видел Принц, была попытка поймать эту тонкую грань, когда сам он оставался внутри, а медальон уже находился бы снаружи. И он выставил его перед собой, сжимая за ребро кончиками пальцев, буквально одними ногтями, и повторил мысленные усилия, которые делал до этого.

Ничего не происходило, и Принц просто шагнул вперёд и вышел из пузыря – он не придумал ничего лучше, чем проверить, сработала ли его идея или нет. В зале не было Дахаки, а сверху, через решётку, бил всё тот же тусклый свет. Когда глаза Принца чуть попривыкли к темноте, он увидел, что дверь в темницу была

открыта. Ему удалось! Он вернулся назад во времени, совсем ненамного, на час или около того – на большее медальон вряд ли был способен. Он ещё не пробегал через эту дверь и не перерубал канат, а Дахака не гнался за ним по всем этим залам. Значит, путь был свободен, и теперь ему нужно было найти портал, чтобы вернуться в прошлое и спасти пленника.

Найдя выход, Принц преодолел подъём, затем длинное узкое ущелье – единственный путь к тюрьме, над которым в скалах располагались дозорные посты и переходы между ними в виде узких мостков. Отвесные стены ущелья и его ширина делали побег попросту невозможным. Бдительная неусыпная охрана не пропустит никого – любой беглец обязательно будет пойман.

Меж тем, Принца не покидало чувство смятения. Ему казалось, что всё получается как-то слишком легко. Что из любой, даже самой безвыходной ситуации, он каким-то образом находит выход, раз за разом. Но, вместо того, чтобы радоваться этому, он испытывал мучительное томление, опасаясь, что ничего из этого не реально. Словно всё это происходит где-то во сне, а не наяву. Казалось, что ещё один шаг и всё растает, потеряется в тумане и ускользнёт, подобно миражу.

В конце ущелья располагалась ещё одна крутая лестница, которая вела к Сторожевой Башне, в которой Принц уже бывал дважды. Он бегло оглядел дорогу, по которой передвигалось Существо при их встрече, но решил не следовать ей, а вернуться в башню – там был портал.

Он отличался от пузыря тем, что им он не мог так же легко управлять, выбирая точку во времени. Временной портал заранее был подчинён воле Императрицы, тогда как обнаруженный им пузырь был устроен чуть иначе. Несмотря на то, что он обладал несравнимо большим могуществом, он не производил такого впечатления. Он скорее походил на сырье, материал из которого с помощью нужного инструмента можно было сотворить нечто. И, казалось, что с самого момента его появления, Принц был первым, кто предпринял хоть что-то в этом направлении. До этого же колоссальное скопление Песка лишь удерживало время внутри пузыря на одном месте.

Медальон, как и прежде, перенёс Принца в прошлое, в тот самый момент, когда он покинул его после смерти Кайлины, наивно полагая, что избавился от кошмара, что преследовал его последние семь лет. Но теперь он вновь возвращался к тому, что оставил позади. И, вероятно, Дахака теперь будет преследовать Принца даже в прошлом.

Принц, обнаружив неприметную дверь в тренировочном зале, – в прошлый раз он был слишком увлечён погоней за Существом и не заметил её – попал в солдатские казармы. Всюду

были видны следы разрушения – выпущенные им Пески сеяли повсюду хаос, а стены всё ещё содрогались под натиском мощной стихии. Вокруг никого не было, и Принц беспрепятственно добрался до тракта, ведущего по ущелью к тюрьме. И даже тут он не встретил какого-либо сопротивления – мостки между дозорными пунктами обрушились, завалив проход, который, впрочем, Принц преодолел без особого труда.

За всё это время, ни на прямом, ни на обратном пути он, к своему огромному облегчению так и не повстречал Дахаку. Принца удивляло это: по его догадкам чудовище уже должно было явиться за ним. Он всё время ждал, что монстр появится в самый неподходящий момент. Но вокруг никого не было и Принц беспрепятственно продолжал свой путь.

Предоставленный самому себе, он размышлял о Песках. Его очень тревожили те знания, которые он получил от них с помощью медальона. Избавиться от него он не мог, но у него возникало чувство, что судьба манипулирует им, пытаясь склонить ко всё большему овладению знаниями о могуществе Песков Времени. Он боялся стать их рабом и потерять волю. Принц определял это знание как запретное, и старался пользоваться им как можно реже, исключительно для собственного выживания. Кроме того, у него перед глазами был отличный пример – Намтар, который начинал с чего-то подобного. Но он не успел увидеть ту скрытую опасность, что таили Пески, прежде чем стало слишком поздно. Принц не хотел повторять чужих ошибок, ведь он уже совершил достаточно собственных. Но, как бы он ни пытался, он не мог до конца контролировать свои мысли. Он не смог бы забыть ничего из этого, не мог просто избавиться от этого знания, как от Перстня, который он выкинул в Бездну. И, более того, он чувствовал, как его разум погружается в эту пучину с каждой минутой всё глубже. И занятнее всего была странная мысль о том, что Пески начали так сильно влиять на него именно сейчас, после смерти Императрицы… Ему начинало казаться, что он понимает их природу и то, как ими можно управлять. И подспудно чувствовал, какие огромные возможности, какое могущество скрыто за этими знаниями. Это пугало его – ещё одна опасность, которая делала его своим собственным врагом.

«Неужели нет другого пути? И как далеко мне придётся зайти?» – размышлял Принц. Он даже сомневался, стоит ли ему вообще идти на встречу с Намтаром.

Достигнув входа в тюрьму, он прошёл внутрь и обнаружил, что почти никто из немногочисленных пленников не выжил – их поглотили Пески и превратили в свирепых песчаных монстров, что никак не могли покинуть свои камеры. Их глаза горели

жёлтым светом и были исполнены безумия и жестокости. Принц поспешил пробежать мимо них, не желая ввязываться в схватку с ними, не имея кинжала. В зале, предшествовавшем тому, где должен был находиться в заточении Намтар, Принц увидел несколько охранников – они продолжали обход, несмотря ни на что. Их одежда отличалась от прочих солдат крепости, а в качестве оружия они носили булаву с острыми шипами – возможно больше для устрашения, нежели для реального применения. Вряд ли заключённые за решёткой представляли такую опасность. Но вдруг Принц увидел, как один счастливчик, который не был тронут Песками, выбрался из-за покорёженной решётки и бросился убегать. Однако он почти мгновенно был окружён охраной и они незамедлительно использовали своё грозное оружие, буквально казнив беглеца. Их удары отличались особой силой и жестокостью, каждый из которых словно бы доставлял им удовольствие, определяя смысл их существования.

Принц несколько опешил, увидев перед собой эту кровавую бойню. Бедняга едва успел испустить предсмертный крик, прежде чем расстаться с жизнью. На его счастье, это произошло действительно быстро. Принц вовсе не собирался сдаваться, но понимал, что схватка с охраной неизбежна и в этот раз победа не будет лёгкой. Выходит, эти солдаты были обучены не только устрашать своим видом, но и подавлять любое сопротивление силой.

Расправившись со сбежавшим пленником и завидев Принца, тюремные охранники первыми бросились к нему, с ходу атакуя его ударами своих булав. Принц уклонялся и пытался нанести ответный удар, но солдаты искусно владели оружием и умело защищались. Когда же он сам пытался сдерживать их удары, закрываясь мечом, то ему это еле удавалось – столь сильными они были. Принцу пришлось отступить – он взбежал по лестнице на один ярус выше, надеясь заполучить преимущество. Но охрана бежала за ним по пятам. Чтобы отбить один из ударов, Принц с размаху распахнул двери одной из камер и послышался металлический лязг. Удар был невероятной силы, но решётка сделала своё дело и защитила Принца. Он удивлялся тому, насколько хорошо тренированы эти солдаты и то, с каким рвением они бросаются в бой. Неужели охрана тюрьмы требовала существования такой суровой боевой школы? Видимо, когда-то эта тюрьма была переполнена и такие меры были действительно оправданы. Сейчас же это было лишь пережитком, отголоском древней эпохи. Однако отголоском вполне убедительным. Принцу приходилось напрягать все свои силы для того, чтобы просто сдерживать натиск противников – охранников было трое.

Вскоре Принц понял, что их основная мощь и ударная сила сосредоточены в верхней части корпуса, и они почти не пользуются ногами для схватки. Он рассёк голень одному из тюремных охранников (хотя скорее их можно было назвать палачами), замедлив его, и продолжил отступать. Добежав до угла зала, Принц, чувствуя, как враг буквально дышит ему в спину, на бегу ухватился за одну из многочисленных колонн, что поддерживали следующий ярус и, сделав один оборот, со всей силы ударил врага в спину. Упав, тот выронил оружие. Принц подбежал к нему, но времени на атаку у него не оставалось – третий солдат уже занёс булаву над головой и поэтому Принц резко отскочил в сторону. Удар пришёлся прямо в голову поваленного тюремщика. В этот же момент Принц отрубил нападавшему голову. На этот удар у него были считанные доли секунды. К этому моменту подоспел ещё один охранник, тот, которого Принц ранил в ногу. Он перемещался с большим трудом и его движения стали неуклюжими, поэтому Принц уже без труда избегал мощных ударов и, улучив момент, столкнул врага со второго яруса и прыгнул вслед за ним. В момент их приземления меч Принца вошёл в тело охранника, лишив его жизни.

Дверь в зал, где располагалась камера Намтара, была закрыта. Принцу пришлось воспользоваться хитроумным механизмом, для того, чтобы поднять гигантскую металлическую плиту. Пройдя внутрь, Принц обнаружил ещё двух охранников – видимо, они никогда не покидали свой пост. В этот раз схватка прошла почти молниеносно – Принц уже знал слабости своего нового врага и был невероятно близок к своей цели. Это воодушевляло его и уже спустя минуту тела тюремных охранников лежали на полу, пожираемые Песками.

Вокруг воцарилась тишина, если считать низкого гула от дрожащих стен и далёких металлических стуков, доносившихся из камер с обратившимися в песчаных чудовищ людьми. Как Принц и ожидал, камера Намтара была заперта. Он вгляделся за решётку и увидел смутный силуэт, который как тень скользил по внутреннему пространству камеры. Принц отыскал у одного из убитых охранников ключ, подошёл к двери и отпер её. Замок поддался не сразу, видимо, будучи однажды закрытым, он никогда и никем более не открывался. Но и даже после этого дверь не поддавалась – решётка приржавела и не отворялась до тех пор, пока Принц несколько раз не ударил по ней ногой. Наконец, она поддалась, и он распахнул её. Зная, что пленник внутри камеры бдительно наблюдает за происходящим – скорее всего он видит нечто подобное впервые в своей жизни! – Принц отошёл от входа, предварительно положив на пол свой меч, выражая тем самым миролюбивый настрой. Полагая, что пленник

вряд ли выйдет из камеры сразу же, Принц поудобнее устроился на полу.

Прошло около десяти минут и, утомлённый ожиданием, Принц хотел было уже что-то сказать, но вдруг увидел, как из пузыря вышел темноволосый юноша лет шестнадцати. Принц поначалу очень удивился его возрасту, но зная, насколько могущественны Пески и как далеко Намтар зашёл в их изучении, посчитал, что это может быть легко объяснимо. Юноша молчал и смотрел на своего освободителя, лишь на мгновение бросив взгляд на лежавший на полу меч.

– Как твоё имя? – спросил Принц, желая проверить, действительно ли перед ним стоит Намтар.

– Меня зовут Аджит, – ответил пленник, протягивая Принцу обратно его меч.

Глава 24. Творец

Всё ещё хуже, чем я думал.

Предатели оказались даже среди моих учеников. Не только крепость и Остров поделены надвое, но и люди. Те, кому я вчера доверял, сегодня становятся моими врагами. Одна половина пожирает другую, причём я на стороне жертвы. А хищник ещё только расправляет гигантскую шею, чтобы нанести свой главный удар. Зулу, который получил новый титул, теперь командовал целой армией – мой отряд не выдержал бы прямого столкновения с ней, мы вынуждены прятаться и отсиживаться за непреодолимыми для них песчаными завесами. Сам же Нергал управляет умами и сердцами людей, настраивая их, в том числе, и против меня. Правда растоптана грязными сапогами, будущее разрушено и впереди я вижу лишь тьму. Судьба перестала говорить со мной. Одна лишь Джатта всё ещё всецело верна мне, но я слышу от неё лишь плохие вести. Вершитель Зулу превратил Дозорные Башни в символ угнетения простых людей, которых он держит в постоянном страхе. Бесчисленные патрули, огромные налоги и почти рабский труд – всё это в одночасье рухнуло на их головы вместо светлого будущего, которое я им обещал. И в довесок ко всему (как будто этого мало!) – неурожай, голод и болезни. И самая опасная из них – заражение Песком. Нергал и не думал использовать их во благо – только для ослабления и подчинения. Как далеко он собирается зайти? И может ли вообще существовать предел его бесчинствам?

После всего этого я был вынужден, не закончив создание Часов, подкинуть их ему раньше срока. Сбить с толку, обмануть его – всё, что мне оставалось. Часы не давали мне той силы, на которую я рассчитывал, они лишь отвлекали его внимание на себя. Обставив всё так, будто я прятал нечто очень важное, я позволил его конвою заполучить их. Но у него не было кинжала, и долгое время он лишь ходил вокруг них, рассматривая и прислушиваясь. Не знаю, точно ли он знал, что делать или двигался наощупь, наугад, но вскоре он решил пойти моим путём – его изворотливость не знает границ – и создать предмет подобный кинжалу, наделённый особой силой и которому Часы будут подвластны. Им стал посох, с верхом в виде головы змеи. Но он оказался ничтожно слаб, даже для незаконченной версии Часов. В этом я его явно превосхожу. Этот посох оказался способен лишь на небольшие шалости – он позволял управлять временем, но буквально в пределах одного дня. Он мог создавать из людей чудовищ или наоборот, вытягивать из них Песок (это убивало монстров), не пропитываясь им и не делаясь могущественнее. И всё происходило достаточно медленно и

точечно – Нергал не мог подчинить себе целиком даже частичку Бездны. И даже более того, в попытках это сделать, он несколько раз сильно обжёгся – Песок вышел из-под контроля, совершенно перестал подчиняться и учинил разрушения в половине крепости. Много людей погибло, а Нергал даже не думал останавливаться, создавая новых чудовищ из останков старых.

Я должен надёжно укрыть те вещи, что есть у меня. Получи он доступ к кинжалу или к медальону, он уже будет неостановим. Может быть, лучше было бы уничтожить их, а не спрятать? ***Хорошо, что ему известны не все секреты, а этот дневник надёжно хранит их.***

Но знаю ли я сам все тайны, что скрывают эти магические предметы? Пришло время задавать вопросы вечности и находить ответы. Память, как эхо прошлого, живёт ещё долго и хранит в себе обрывки воспоминаний. Я вдруг почувствовал чудесную магию простых прикосновений – через них, подобно отражению в зеркале, я могу увидеть это прошлое. Запредельно далёкое, за тысячи лет до этого момента: дни, когда медальон был создан и человек впервые притронулся к нему. Я слышу его, будто странную музыку вдалеке – глухие удары барабанов где-то за горизонтом времени зовут меня в путешествие. Я отправляюсь туда, куда ещё не ступала нога человека. И сам я не буду в полной мере человеком. Буду лишь бестелесным наблюдателем, безголосым дуновением ветра. Если я не потеряюсь, не заблужусь где-нибудь по дороге, то я увижу великое начало. Возможно, даже само зарождение Песков! И это позволит узнать мне их слабость.

Дневник Намтара, запись 77

***

Призрак сидел в лодке, напротив Масгика, и смотрел ему в глаза. Они были полны стремления, буквально горели желанием достичь цели. Он всё сильнее налегал на вёсла, несмотря на усталость и почти непроглядную тьму, едва разбавленную светом звёзд и молодой луны. Его разум был устремлён к цели, которая не давала ему покоя долгие месяцы. Масгик чувствовал себя так, что не выполни он задуманное – его жизнь будет прожита зря. Он один увидел то, чего не увидели остальные, один понял тайные знаки. И теперь плыл к истине, смело сражаясь с волнами. Он постоянно прощупывал одежду на груди, боясь потерять медальон, который висел у него на шее.

Призрак, даже если бы мог, не попытался сейчас с ним заговорить или остановить его, хотя он прекрасно знал, что

задумал Масгик. Да и как можно останавливать творца? В этот волшебный, хрупкий момент созидания? Призраку было дозволено наблюдать за ним и за тем, как он создаёт новый мир. Не было точно известно, что именно двигало Масгиком, и кем он себя возомнил, но они оба точно знали, что он делает.

Однажды, около четырёх месяцев назад, Масгик отправился на охоту. Дорога обратно была длинной и трудной, и он остался ночевать в лесу. Он нашёл открытую поляну на холме, развёл костёр и растянулся на земле, смотря в небо. Но, спустя несколько минут, он понял, что ему совершенно не хочется спать, и решил пройтись по краю небольшого обрыва, рассматривая ночную даль. Остров – из этой точки Масгик мог охватить его взглядом почти целиком – плавно изгибался, утолщаясь в середине, и уходил острым краем в морские глубины. Он носил название Усакар. Люди на острове давно заметили, что по форме он очень похож на месяц луны, который как раз светил в ту ночь. Эта мысль захватывала его сейчас – он впервые наблюдал это так явственно. Гладь океана и небеса были зеркалом друг друга. Луна – это небесная земля (её ещё звали «небесной горой»), которую небо породило в ответ на рождение океаном суши. Иногда она становилась больше, но потом непременно уменьшалась – так же как и суша испытывала на себе постоянные приливы и отливы океанских вод. Таким был мир, каким его знали все жители острова, включая самого Масгика. Бесконечный океан, бесконечное небо и две земли – его родной остров и луна. И больше ничего, ни единого клочка суши до самой линии слияния неба и океана, до которой не доплыть ни на одной лодке. И только звёзды вызывали у людей вопросы с незапамятных времён. Что они хотели сказать, причудливо складываясь в рисунки на небе? Почему одни из них были ярче, чем другие? И где их отражение? Ведь вокруг не было другой суши!

Масгик вдруг обнаружил себя уснувшим сидя у края обрыва – он присел буквально на минуту и сон тут же настиг его. Нехотя он встал и вернулся к костру – ночь была холодной и рано или поздно он всё равно потянулся бы к теплу. Он подкинул пару поленьев в костёр и вновь погрузился в сон. В нём Масгик видел себя, идущим в абсолютном одиночестве – на всём острове не было ни души. И вдруг он услышал голос, но вокруг по-прежнему никого не было. Он шёл отовсюду – из земли, из воздуха и изнутри него самого. Он не мог разобрать ни слова – это вообще не походило ни на что – ни на речь человека, ни на крик животного. Но он по-прежнему был уверен, что это голос. Он закрыл во сне глаза и увидел, в абсолютной тьме, как эти неведомые слова превращаются в образы – из тьмы рождался

океан, и ему эхом вторило небо. Ещё мгновение – и он стоит на суше, на хорошо знакомом острове. Хотя в таком виде он с трудом узнавал его, образ передавал только самую суть, но не детали. Отчётливо он видел лишь себя. В его руке, неизвестно откуда, был медальон из странного металла, которого он не видел прежде. Он взглянул на него (всё ещё держа глаза закрытыми) и тут же ощутил в руке холод металла. Он открыл глаза, и голос вдруг стих. Но медальон теперь был у него в руке. И он откуда-то знал, что он должен с ним делать. На медальоне был изображён не то остров, не то лунный месяц. Масгик сжал его меж двух ладоней, держа их горизонтально, и вновь закрыл глаза. В этом слое своего сна он словно бы имел власть над окружающим его миром. Он сдавил ладони сильнее – и остров почти исчез, погружаясь в воду. Медальон при этом стал ощущаться почти плоским, без рельефного рисунка. Он потянул одну ладонь вверх, и остров вновь вознёсся над водами океана. Затем он нашёл на небе самую яркую звезду и заслонил её кончиком указательного пальца, словно бы касаясь её. А потом коснулся медальона в центре и потянул палец вверх. И земля сотряслась у него под ногами – он раскрыл глаза и увидел, как из океана растёт ещё один остров, похожий, скорее, на большую гору.

– Найди меня, – вдруг отчётливо сказал ему голос.

Масгик проснулся на рассвете и обнаружил в руке холодный камень, который он, видимо, схватил во сне. Не придав этому особого значения, он отправился домой, забыв о странном сне и размышляя лишь о том, как бы ему поскорее добраться до своей хижины.

***

Прошло несколько дней – Масгик стоял на берегу и ждал рыбацкую лодку с вечерним уловом. От скуки он поднял круглый гладкий камень, лежавший рядом, и бросил в воду. И в тот самый момент, когда камень вылетел из его руки, с Масгиком что-то произошло – у него слегка закружилась голова, ему на секунду показалось, что он находится не в своём теле и делает что-то от лица другого человека. Спустя мгновение, камень плюхнулся в воду, на глади которой сначала ненадолго образовалось углубление, а потом всплеск. Масгик закрыл глаза, пытаясь справиться с головокружением, и окончательно потерял себя. Он вспомнил свой странный сон. И увидел впереди огромную гору, растущую из воды. Испугавшись, он открыл глаза, и, конечно, же, не увидел ничего кроме водной глади. Кажется, где-то вдалеке замаячила рыбацкая лодка, но его это уже не интересовало. Тот, кем он был мгновение назад, остался во времени по ту сторону

закрытых век. Он услышал откровение и переменился навсегда. Он стал тем, кем ему секунду назад показалось он был. Тем другим человеком. Человеком? Ещё мгновение и он сорвался с места и умчался куда-то. Прибывшие на обычное место рыбаки не обнаружили Масгика на берегу. Его и раньше считали чудаковатым – когда-то давно он потерял сестру (жены и детей у него не было) и с тех пор вёл себя немного странно, а теперь с ним вообще никто не захотел бы иметь дело. Время от времени жители острова видели его – исхудавшего, грязного и дико озирающегося по сторонам. Иногда он даже что-то говорил или кричал, но скорее отдельные слова и фразы, которые всем казались бессмысленными. Он называл себя повелителем (никогда не уточняя, чего именно) и предпочитал спать в глубоким ямах, которые он рыл по всему острову, стараясь закопаться в песок как можно глубже.

– Я слышу её, она зовёт меня! – однажды сказал он кому-то, схватив того за руку. Тот отшатнулся и поспешил удалиться прочь.

Его же самого почти не волновало, что люди думали о нём. Он чувствовал себя так, будто находится на острове совершенно один. Однажды он устал от поисков и почти отчаялся. Он нашёл того, кого он скорее остальных мог бы назвать когда-то своим другом и поведал ему свою историю, обрывочно и непонятно, но доступнее обычного:

– Я видел сон, понимаешь? В нём было всё! Этот остров, океан, небо и луна. И даже больше! Понимаешь, мир ещё не сотворён до конца! Я видел вспышку, озарение! У меня есть особое знание, вот увидишь! Мёртвые не мертвы, небо и океан не застыли в равновесии. Всё движется, всё меняется, если этого захотеть. Спящий должен проснуться! – сбивчиво проговорил, буквально выкрикивая каждую фразу, Масгик.

– Тогда что же ты ищешь? Нарыл повсюду ям, как сумасшедший. Что это за такое особенное знание? – иронично спросил его собеседник. Он понимал, что бедняга сошёл с ума, но совершенно безобиден для остальных. Ему стало интересно, чем Масгик объяснит своё поведение – его рассказ хоть и был глупой выдумкой, но в нём был какой-то свой смысл.

Масгик рассказал ему, что ищет кусок неизвестного металла. Он прекрасно представлял, как он выглядит, он запомнил его во всех деталях. Ему даже казалось, что он видел такой давным-давно в детстве, когда они играли вдвоём с сестрой, но сейчас ему никак не удавалось найти ничего похожего. Ему следовало вернуться назад во времени, но этого он сделать явно не мог.

– Хм… Если ты не можешь найти то, что ищешь на суше, то почему тебе не поискать в океане? Он бескрайний, найдётся что угодно! – резонно и вполне серьёзно ответил ему приятель. Он решил, что если Масгик найдёт желаемое, то, может быть, он успокоится и придёт в себя. Забудет свои бредни и вернётся к нормальной жизни. Но он и подумать не мог, что же на самом деле собирался сделать Масгик.

Едва уловив мысль собеседника, он вскочил с места, и, не дослушав его, убежал прочь. Тот лишь недоумённо пожал плечами, не считая необходимым говорить что-то ещё или следовать за ним.

Добежав до воды, Масгик не останавливаясь, бросился в неё. Проплыв некоторое время, он принялся нырять, стараясь что-то рассмотреть или нащупать на дне – на таком расстоянии от берега оно было ещё вполне достижимо даже для такого неопытного ныряльщика.

Пока его руки были заняты ощупыванием дна, его голова гудела от роя новых мыслей. Во-первых – какой же он глупец, что сам не додумался искать в море! Во-вторых – наверняка был кто-то до него, но ошибся и сделал что-то не так. В очередной раз вынырнув из воды, Масгик увидел яркую звезду, что горела чуть ниже луны. Кто-то нашёл медальон в прошлом, но выбрал не то место! Все эти звёзды – отражения несуществующих земель, чужих ошибок. О, если бы ему выпал шанс – он бы нашёл то самое место! Но каждая из его попыток заканчивалась ничем. Однако он даже и не думал сдаваться, раз за разом ныряя, как одержимый. Он буквально был готов расстаться со своей жизнью, всего лишь единожды услышав неведомый голос. Он невероятно переменил Масгика, всё его сознание. Он словно бы увидел что-то, прозрел, познал величайшее откровение и теперь смысл его жизни заключался только в одном.

***

Неизвестно, сколько времени прошло с последнего нырка, когда Масгик обнаружил себя лежащим на песке, у океана. Шелестел прибой и уже близилась ночь – где-то на небе загорались первые звёзды. Что с ним произошло? Неужели всё это было сном? Тогда где он оказался, в каком из миров? Какая из частей всего произошедшего была правдой, а какая ему лишь привиделась? Он почувствовал себя потерянным, оторванным от мира. То, во что он верил, могло попросту никогда не существовать! Какой сейчас день? Неужели тот, когда он стоял на берегу, дожидаясь возвращения рыбаков?

Он привстал на руках и осмотрелся по сторонам. На большее ему сейчас не хватало сил – растерянность и слабость брали своё. Вдруг, ему бросилось в глаза, что где-то вдали плывут несколько лодок. Рыбаки возвращаются с вечерним уловом. Всё кончено. Всё зря. Мираж, сон, случайное видение. Масгик лёг обратно на песок и зарыдал, задыхаясь от собственной беспомощности.

Спустя несколько минут послышались всплески весёл, чьи-то разговоры, потом прыжки в воду и мягкие удары лодок о песчаный берег.

– Пришёл в себя? Глупец, ты что, решил утопиться? Нырять так глубоко, ты сумасшедший! – бросил кто-то из прибывших, обращаясь к Масгику.

– Нам пришлось вытаскивать тебя из воды и отвозить на берег! Из-за тебя мы лишились половины улова сегодня! – добавил кто-то.

– В следующий раз мы просто бросим тебя, одни только неприятности! Будь только добр – утопись надёжно и не занимай нашу землю больше. Без тебя тут станет лишь свободнее! – злобно проговорил старик, последним выбравшийся из лодки. Он был настолько разгневан, что кто-то даже остановил его рукой, чтобы не случилось ничего плохого.

– Уходи, – сухо процедил он.

Масгик почувствовал невероятный прилив сил. Он буквально вскочил на ноги, крича:

– Не зря! Всё не зря!

И стремглав побежал куда-то. Никто из стоявших рыбаков не понял, что именно произошло – они лишь переглянулись, пожали плечами и принялись выгружать скромный улов. Все уже давно привыкли к его странному, необъяснимому поведению и не придавали ему особого значения.

Но Масгику вновь не было дела до них. Он ещё сильнее укрепился в своём желании пробудить гору, спящую на дне океана и сделать остров большим, так, чтобы на нём хватило места всем, даже таким изгоям, как он. И тем, кто когда-то умер. Возможно, остальные когда-нибудь поймут его и примут то, что он дарует им.

Он совершенно не знал куда бежит. Не имея конкретной цели, Масгик просто скрывался из виду, чтобы не злить рыбаков. Остановившись, он посмотрел на луну. Её полный диск сиял на фоне уже чёрного неба, а рядом висела бледная звезда, которой он не видел вчера. Словно бы небесная земля отторгала часть себя. Или, наоборот, породила новую жизнь.

Полная луна была сильно не похожа на сам остров, который всегда имел форму полумесяца. Теперь Масгик понимал, что дело не в приливах и отливах – всё зависело от него самого. Но он

невероятно отставал от небес – их способность к дальнейшему сотворению мира была более явной и продуктивной. Он недостаточно хорошо понял все данные ему подсказки и, очевидно, делает что-то не так, раз до сих пор не нашёл медальон или то, из чего его можно сделать.

Постепенно он добрёл до края скалы и уставился вдаль. Повсюду шелестел бескрайний океан. Огромная пустота, в центре которой лежал этот остров. Может дело не в том, что небеса мешают ему творить, а дело в самом океане? Породив, однажды сушу и людей, он ненавидит собственное творение и не хочет продолжать всё это. Хочет безраздельно властвовать бесконечными просторами, один. Единый и единственный. Оставить в прошлом глупое соревнование с небесами. Отменить само существование прошлого и будущего – стереть точку отсчёта времени, начатого с появлением суши. Масгик вдруг почувствовал, что может попросить помощи у небес в своём противостоянии с океаном. Он не желал погружаться в небытие, стирая время и всякую надежду на перемены. Он желал управлять этим миром – творить новые земли и повелевать временем. Он толкнул ногой лежавший у края обрыва валун, тот покатился и шумно упал в воду. О, если бы он мог найти достаточно камней и земли, чтобы расширить остров, отвоёвывая у воды клочок за клочком!

Помощь пришла к нему во сне, когда он устал от своих мыслей, бесплодных надежд и уснул, сидя под деревом и рассматривая ту самую звезду. В его сне она дрожала, становясь то ярче, то бледнее. Она меняла свой цвет, превращаясь из белой в ярко-жёлтую, а потом, вдруг, почти рыжую. Масгик протянул к ней руку в мольбе, и вдруг она полетела по небу, оставляя за собой след. Падающая звезда! В детстве сестра учила его загадывать желание, когда он видит её. Но как назло, такого почти никогда не случалось либо же он просто не успевал. Но сейчас его единственное желание сидело в нём так крепко, что потребовались мгновения, чтобы осуществить это. Казалось, что звезда летела по небу дольше обычного. Под необычным углом, прямо к земле! Он видел, как она влетела в лес где-то в глубине острова. В место падения мелькнула короткая вспышка, и послышался жуткий треск и грохот.

Масгик проснулся от очередного удара грома. Над островом разразилась гроза. Он обвёл взглядом небо, но не мог увидеть ни луны, ни звёзд. Не раздумывая ни секунды, он отправился в то место, куда упала звезда. Из-за проливного дождя он плохо видел дорогу и то место, куда он направлялся. Спустившись со скал, он бежал, полагаясь только на то, насколько хорошо он знал остров. Призрачная надежда была для него сейчас самой реальной

вещью, реальнее, чем вся его прошлая жизнь. Ему не поможет попытка ориентироваться на дым, даже если бы он видел его – дождь потушит всё раньше, чем он доберётся до нужного места. Всё опять зависит только от него.

Спустя полчаса Масгик стоял возле поваленного, обгоревшего дерева, неподалёку от того места, где он увидел тот самый сон с таинственным голосом. Рядом лежал небольшой оплавленный кусок металла рыжего цвета. Он протянул руку – тот был уже холодным. Призрака это ничуть не удивляло – эта бесформенная железка пролежала здесь тысячи лет. Она не упала с неба – ударившая рядом молния лишь слегка исказила его изначальную форму. Когда-то древний вулкан выбросил этот металл из своего жерла, прежде чем уйти под воду и навсегда затухнуть. Но Масгик верил в иное и был слеп. Как и любой настоящий Творец. Он потерял границу между реальностью и сном. Реальность теперь заключалась для него в том, что он сжимал в руках заветный медальон, который ждёт лишь того, когда ему будет придана настоящая форма. И тогда Масгик наконец-то сможет осуществить всё задуманное.

Сам металл действительно был необычным – Пески, ещё на заре времён, не желая сгинуть окончательно, вплавили часть себя в этот кусок, чтобы выстоять, даже попав в воду. Ведь вода уничтожит Пески, если они соприкоснутся с ней. Запечатанные же в металл, они могли тысячелетиями ожидать того, кто найдёт их. Неважно где – на дне моря или посреди лесной чащи. И время пришло. Достаточно лишь прикосновения и Пески смогут приблизиться к разуму человека. Люди всегда недооценивали силу прикосновения. Оно обладает особой силой, оно может передавать энергию и знание, он способно даже менять то, чего человек касается! Хотя многое зависит и от самого человека. Если он слаб, то оно может работать против него – как открытая дверь, прикосновение впустит в душу и разум человека нечто чужеродное и губительное. А форма медальона – это лишь фантазии человека под влиянием этой странной силы, которые просто обуславливают внешний облик тех творений, которые он думает, что производит сам. Однако совершенно не важно то, как оно выглядит. Важна суть творения, его подлинная сущность, скрытые силы. И эти силы сейчас вовсю устремились в разум Масгика. Если бы кто-то стоял рядом с ним сейчас, то увидел бы, как его глаза на секунду блеснули рыжим, затем жёлтым, а потом приобрели свой нормальный вид.

Пески – могущественная сила, одна из природных стихий, но им нужен сосуд – человеческий разум, взаимодействие с ним. Поэтому Пески могу становиться похожими на того, с кем они контактируют. Но только если этот человек не боится их, а имеет

достаточно смелости повелевать ими. Иначе, они проникают так глубоко в человека, что он перестаёт быть собой, становясь частью единого тела Песков. Человек превращается в послушную марионетку, преследующую цели, которые кажутся ей собственными и невероятно важными. Но такими опасными Пески станут много столетий спустя, сейчас же они были подобны ребёнку. Словно они – уязвлённое и напуганное животное, зализывающее раны. И Масгик всё ещё действовал скорее по своей собственной воле, хоть его рассудок и был затуманен.

Ночью он пробрался в деревню, пока все спали, в надежде украсть подходящий инструмент для придания куску металла нужной формы. Той, что он видел в своём сне. Хотя сам он привык скорее считать его видением, божественным откровением, Масгик относился к нему как к чему-то крайне серьёзному, реальному. Единственно важному.

Побродив от одной хижины к другой, стараясь производить как можно меньше шума, он наткнулся на дом кузнеца. Рядом с ним под навесом хранились изготовленные им ножи и различные инструменты, необходимые для работы. Молоты, щипцы и меха были совершенно бесполезны, но спустя несколько минут Масгик случайно наткнулся на точильный камень, лежавший на краю стола так, что от лунного света его закрывала тень навеса. Он обрадовался, схватил камень и поспешил удалиться из деревни – здесь он был отныне незваным гостем.

Следующие несколько недель Масгик провёл, усердно корпя над маленьким кусочком металла, придавая ему сначала форму диска, а затем вырезая символ полумесяца и небольшого кружка. Он потерял счёт времени, питался лишь изредка, когда ослабевал настолько, что уже почти не мог работать. Всё его внимание было сконцентрировано на будущем медальоне. За это время Песок, вплавленный в него, проложил путь в глубины его сознания, всё сильнее захватывая его и увлекая за своими целями. А Масгик рассматривал медальон как некий недостающий элемент, который нужно бросить в воду в правильном месте, чтобы породить заветную гору. Он считал себя единственным, кто сумел прочитать знаки в окружающей природе, услышать тайный зов и найти в себе достаточно сил, чтобы самоотверженно последовать за ним до самого конца.

***

И вот наступил тот самый день. Вернее, ночь того самого дня. Лодка мягко летела по волнам, разгоняемая вёслами, которыми Масгик грёб изо всех сил. Призрак читал на его лице

целую гамму эмоций – восторг, страх (не тот, что заставляет отступиться в ужасе, а скорее благоговейное волнение, тянущее вперёд к неизвестному) и предчувствие освобождения. Вся его жизнь сейчас стянулась в эту точку во времени. Не имело даже смысла то, что будет после. Только сейчас. Неизвестно, что именно двигало в этот момент Масгиком – его желания и мечты переплелись между собой так, что были неотделимы друг от друга. Вместо того, чтобы разбираться с этим, он просто продолжал грести вперёд, а Призрак – наблюдать за творцом.

В какой-то момент Масгик резко начал тормозить лодку – он почувствовал вдруг, что это то самое место. Он вынул из кармана медальон, вытянул руку над водой и застыл на мгновение. Мгновение, которое изменит всё. Тонкая грань между двумя разными мирами – прошлым и будущим. Таким разным, и всё благодаря ему! Люди на острове во времена Масгика жили простой жизнью – ловили рыбу, не ведали счёта времени, не спешили и испытывали трепетный страх лишь перед Океаном. Поначалу они вряд ли примут то, что произойдёт. Примут его за ещё большего безумца, чем сейчас. Но настоящим безумством было бы остановиться сейчас.

И он не колебался более ни секунды. Медальон, чуть заметно сверкая жёлтым светом, соскользнул с руки и упал в воду, стремительно уносясь на дно. И вдруг оглушительная тишина обрушилась на Масгика. Океан стих, волны почти перестали биться о борт лодки, он словно бы остался один посреди абсолютной пустоты. Весь мир перестал существовать, всё застлала тьма.

Так продолжалось около часа. Всё это время Масгик пребывал в лёгком оцепенении, прислушиваясь к океану. Призрак наблюдал за ним, за тем, как на его лице робко мелькали те или иные чувства – разочарование, отчаяние и страх, которые он старался отогнать от себя. Он не позволял мыслям о том, что ничего не произойдёт, проникать глубоко в сознание, и убеждал себя, что нужно лишь ещё немного подождать. Масгик пытался вообразить, что должно произойти, вспоминая отрывки из своего сна. Он представлял себе всё происходящее очень образно, наделял особым смыслом. Он видел это как борьбу стихий между собой, возможно, даже как некое соревнование, нежели чем открытое противостояние. Наивные представления Масгика – Призрак имел все основания считать их таковыми – были на самом деле не бесконечно далеки от истины. Призрак видел вещи глубже, чем любой из людей, его восприятие мира было намного шире. Действительно, всё было порождено океаном, который был источником всей жизни и её же последним пристанищем. Это было самое настоящее Сердце мира, которое

билось с первого мгновения его возникновения. Огромный океан энергии, который рождал, в том числе и людей, чьи жизни, как вода в фонтане устремлялись сначала ввысь, но затем замедлялись и падали обратно, в бескрайнее лоно, растворяясь в нём без остатка. В этом океане одновременно соединялись все четыре стихии, сосуществуя в гармонии. И эту гармонию и собирался нарушить Масгик, подняв Пески с океанского дна, обрывая их связь с остальными стихиями, потакая их глубинному желанию порвать все связи и безраздельно владеть частью мира. Или всем миром.

Тишина сменилась гулом и шумом вспенившихся волн. Люди на острове проснулись от того, что земля под ними затряслась, качая их жилища. Они тоже слышали гул. Все в ужасе выскочили наружу, испуганно переглядываясь. С островом никогда не происходило ничего подобного. В это время из толщи воды стремительно выпрыгнула вершина новой горы и устремилась ввысь. Масгик радостно закричал, изо всех сил хлопая в ладоши. Через несколько секунд вздымающаяся земля достигла и его лодки, расколов её и швырнув его самого в сторону, туда, где ещё была вода. Но вскоре его бессознательное тело было поднято растущей горой, которая на глазах превращалась в гряду скал, некоторые из которых имели просторные плато на своих вершинах.

Масгик до последнего размахивал руками так, будто это он вытягивал скалы из воды, придавая им форму так же, как делал это с медальоном. Медальон! Он должен его… И тут он потерял сознание, погрузившись в очередной сон-видение, в котором он снова находил медальон. Но на сей раз легко и быстро. Его творение придавало ему сил и уверенности в себе. Он сделал всё правильно, он продолжил великий ход творения и изменил мир. И это его чувство больше всего восхищало и захватывало Призрака. Он чувствовал, что именно оно – полностью настоящее, такое человеческое и совершенно искреннее. Пески нашептали ему, что сделать. Но не сказали как именно и тем более зачем. Он сам создал этот новый мир, пусть и не до конца осознавая всю суть происходящего.

На будущее утро люди с острова увидят огромную гору – никто и не поймёт, что это Пески позволили ей вырасти за такой короткий срок, ускоряя ход времени – на некогда совершенно пустом горизонте. Они отправятся туда и встретят Масгика, который выйдет к ним как мессия, пророк и творец чуда. Но они увидят в нём лишь полного и безнадёжного безумца, зловреда, который связался не с теми силами природы и чуть не уничтожил всю их жизнь. Он попытается показать им медальон, для устрашения и подтверждения своей силы, но его побьют и

отберут реликвию, чтобы он не успел натворить ещё дел. Медальон будет увезён с горы обратно на остров и надёжно спрятан старейшинами. Все будут бояться его неведомой силы. Не желая породить ещё большие проблемы, старейшины примут решение не пытаться уничтожить его или овладеть его могуществом. Именно тогда появится строгое наставление, которое будет передаваться от одного его хранителя к другому: «Медальон никогда не должен покидать остров». Со временем его истинный смысл забудется и потеряется, а остров и гора станут единым целым – огромные равнины медленно поднимутся из водной пучины. И люди привыкнут жить в новом мире, забыв о том, что было, не оставив даже легенды. А Масгик найдёт Песчаную Бездну, но, теперь по-настоящему, сойдя с ума, бросится в неё, будучи не в силах вернуть себе медальон, рискнёт жизнью в надежде на чудесное соединение с Песками. Какое-то время, гора будет расти, время от времени сотрясая остров. Бездна не будет давать покоя людям, вызывая у них страх и тревогу, и тогда зародится идея закидать её камнями, которая потом превратится в непонятную традицию. В таком виде она и дойдёт до Намтара, а он поведает о ней в своём дневнике.

Остров-гору в океане люди назовут Саггиг [*прим.: от шумерского «saĝ gíg ga» – «чёрная голова»*]. Она будет долго пугать людей и будоражить их умы, но со временем они привыкнут к ней. Гора будет расти и две части Острова будут сливаться воедино, пока не станут однажды одним клочком суши. И, подобно тому, как внешняя часть острова будет постепенно обхватывать гору, так и название «Усакар» [*прим.: от шумерского «usakar» – «полумесяц»*] будет обвивать имя «Саггиг» с двух сторон. И, в конце концов, Остров нарекут «Усаггигкар». В этом названии сплетутся все смыслы и значения. Старые же практически забудутся – никто уже не будет помнить о том, что Остров когда-то не был единым целым. Может, только лишь Пески.

Со временем все забыли о страхах, связанных с центральным островом и горой. На ней был возведён замок и люди почитали за благо, что Остров стал крупнее, чем в прежние времена. Масгик в легендах из безумца превратился в божество, которое разделило небо и землю и завершило сотворение мира. Он принёс людям откровение – хоть все и затруднялись объяснить, какое именно – и покинул их, уйдя в подземный мир. Его имя было практически забыто и обросло мифами и небылицами, полностью стерев облик настоящего Масгика из истории. Он стал невесомым и незаметным, как ветер.

Все эти промежуточные события пролетели перед Призраком за одно мгновение, со скоростью молнии. Целых две

тысячи лет. Они не имели особого значения, потому что от Масгика до Намтара, за всё это время, больше не найдётся ни одного смельчака, который бросил бы вызов самой природе, всему миру и попытался воплотить волю человека в великом творении. И он должен был увидеть обе истории своими собственными глазами. Сам он не был человеком – сейчас Призрак чувствовал это как никогда ранее – но мог так же менять мир вокруг себя. Закрыв и вновь открыв глаза, он увидел вокруг себя мир, совершенно непохожий на человеческий. Призрачный мир. В котором, фактически, он был совершенно один, не считая Джатты.

Теперь он наконец-то полностью готов к тому, что предлагал ему этот мир. То, чего не мог предложить ему мир людей, за который он так долго цеплялся. Свободу творить. Что-то менять, а не сокрушаться о том, что не в силах ни на что повлиять. Призрак многому научился и теперь он готов. В конце концов – надо же как-то скрасить собственное одиночество. Отныне всё время мира было в его распоряжении.

Воздух здесь был совсем иным – не таким прозрачным, в какой-то туманной дымке, которая имела явно выраженный оранжевый оттенок, отчего казалось, что всё вокруг подсвечено каким-то пламенем. Земля тоже была совсем другой – пепельно-серая, из которой струились вверх какие-то нити или целые лоскуты. И куда бы он ни пошёл – всюду одно и то же. Взгляду было попросту не за что зацепиться. И именно это Призрак воспринимал теперь не как проклятье, а как особенный дар. Он осознал, что может придать этому месту любой вид, любую форму. Он, как и Масгик [*прим.: от шумерского «mašĝik» – «ночное видение»*], понимал, наконец, что процесс сотворения этого мира ещё не завершён. Он, можно сказать, ещё даже не начат. Насколько они с Масгиком похожи? Превзошёл ли он его? В отличие от Масгика, Призрак действительно способен был менять что-то по своей воле, не полагаясь на случай и не выдумывая невероятных объяснений случайному, хоть и поистине уникальному, но всё же совпадению. Оказался бы он здесь, существовал ли бы он вообще, если б не Масгик? Пожалуй, ни одному творцу не под силу увидеть истинный масштаб своего творения и того, что за ним последует.

Призрак задумал возвести в этом царстве оранжево-серой пустоты огромный замок, окружённый горами с одной стороны и чёрной, как ночь бездной с другой. Через бездну будет перекинут огромной длины мост, колонны которого уходят куда-то вниз, в самую глубь пропасти, сменяя свой оттенок с мраморно-белого на тёмно-пурпурный, прежде чем окончательно пропасть из виду. Призрак был вдохновлён крепостью на Острове Времени –

несмотря на все её тёмные тайны и опасность, она была настоящей жемчужиной Острова. Он брал идеи одну за другой, взмахивал руками (хотя это было вовсе и ни к чему) и они воплощались в жизнь. Его замок был выше, светлее и просторнее. Он мог теперь прогуливаться по множеству широких балконов, наслаждаясь видами, которые сам же и создал. В этом месте всегда был вечер. В тот его хрупкий момент, когда солнце вот-вот закатится за горизонт и стемнеет. Но этого не происходило. Мгновение застыло, в воздухе висел лёгкий холодок. Конечно, он не собирался пребывать здесь вечно. Но он вечно желал сюда возвращаться, поэтому это место должно быть особенным, всегда приятным, несмотря на безмерное одиночество.

Бороться со скукой он собирался, продолжая свои небольшие путешествия – неважно, во времени или в пространстве. И этот замок был продолжением его самого и его идей. Отдельные коридоры вели в определённое время или место. Стоило перешагнуть порог – и он оказывался там. Он мог уложить в залах целые измерения, разворачивая их в миры просто приближаясь к ним. Замок стал центром его мира и, одновременно, его оболочкой. Он был повсюду и нигде разом. С каждым переходом всё выворачивалось наизнанку относительно того места, куда он приходил. И не было никаких границ, даже само Время отступало перед этим местом.

Мир призрака – это его воображение. Составленное лишь из воспоминаний и переживаний, оно быстро угаснет, станет безликим и слабым. Ему нужна подпитка и Призрак всячески работал над этим. Он задавал вопросы вечности – и всегда получал ответы. Это довольно быстро даже вошло у него в привычку и перестало удивлять его. Самым интересным было придумать нужный вопрос. И тогда ответ был по-настоящему желанным, он утолял, хотя бы ненадолго, его любопытство. Зачастую, он предпочитал получать новые знания и опыт именно из своих путешествий – он мог оказаться где и когда угодно, увидеть любое событие. И именно непредсказуемость людей, за которыми он наблюдал, больше всего подпитывала его интерес к такому существованию. Он – вечный наблюдатель. Он может увидеть и узнать что угодно. Его опыт бесценен и необъятен. И оттого даже опасен – никакой человеческий разум не выдержал бы такого объёма. Но передать эти знания у него никакой возможности и не было. Вселенная распорядилась иначе.

Всего остального Призрак был лишён – он не мог почувствовать дуновение ветра, капли дождя на коже и даже простого прикосновения. Он не видел снов, подобно людям, потому что вообще не спал. Не испытывал голода, не знал физической боли и не страдал от болезней. Даже то, что он ходил

по замку, было условностью – он мог, например, летать. Или заставить двигаться замок относительно себя. Единственное, хоть что-то напоминающее человеческие ощущения, ему было даровано в тот миг, когда он отыскал Джатту. Он мог погладить её мягкую белую шерсть, заглянуть в глаза и увидеть в них отклик – то, чего ему больше всего недоставало. Пусть она – всего лишь собака, животное. Но она была ему самым лучшим другом в целом мире. И её меньше всего заботило, как уродливо он выглядел. И вместе они путешествовали, без остановки. Будто что-то искали, нечто невероятно особенное и уникальное. Что-то такое, что даже Призрак не в силах сотворить сам.

Находясь вне времени, он видел события особенным образом. Подобно человеку, что смотрит на реку, видит её исток, русло, притоки и знает что-то о том, как далеко-далеко она впадает в море. Призрак чувствовал себя находящимся в одном и том же месте, но в разные времена. В любом из времён. Образы, что он видел пред собой, размывались, накладывались друг на друга, смешиваясь в единый поток красок. Но он всегда мог находиться только в одном месте, неважно каком, – сидеть в лодке Масгика, наблюдать за Намтаром или следовать за Принцем в его метаниях по Острову Времени. Он мог менять место сколь угодно быстро, но он не мог разделиться на несколько частей. А время для него измерялось теперь лишь воспоминаниями и чем-то ещё непознанным, неизведанным. То, чего он ещё не знал – было будущим. То, через что уже прошёл – прошлым. И в такой системе отсчёта времени он мог существовать только с одной скоростью – своего разума. Касаемо же будущего людей, Призрак понял, что оно слишком туманно и неопределённо. Когда-то Пески диктовали свою волю, и судьба всего мира была прописана до мельчайшей подробности. Те, кто с помощью порталов отправлялся в будущее, попадали лишь в тот его вариант, который был предусмотрен Песками. Теперь же, после спасения Аджита, Призрак убедился, что порой судьбу можно изменить, и версии будущего так же многочисленны, как звёзды на небе. Но ход времени не вращается вокруг одного конкретного человека – изменения должны быть более значительными и глубинными – лишь тогда река потечёт по новому руслу.

Однако, Призрак точно понимал, что вряд ли можно изменить свою природу. То, кем он являлся на самом деле. И, лучшее, что он мог сделать (и уже сделал), – это принять всё как есть. Вечный странник, хранитель мудрости – кто угодно, но только не человек. И если что-то было в нём от людей, то оно стремительно убегало теперь прочь. Неизвестно, удастся ли ему полностью избавиться от этого, но пути назад не было в любом

случае. И ему никак не удастся оборвать свою жизнь. Единственное, что он мог сделать – продолжать развивать своё воображение, которое заменяло ему сны – иногда было невероятно трудно побороть душевное смятение и найти покой. Человеку в этом всегда помогает сон, а Призраку – длительное путешествие безо всякого плана и ограничений. Он мог часами падать в пропасть, просто прыгнув с моста в пурпурную бездну. Когда тьма застилала всё вокруг, он начинал видеть звёзды, которые каждый раз были расставлены в новом порядке. И с каждой секундой они проносились мимо него всё быстрее. А маленькое пятно света где-то наверху окончательно пропадало из виду. У бездны не было дна – как и конца у его вечной жизни. Это падение помогало ему постигать разумом бесконечность – то, на что не способен человеческий разум, который отлично живёт среди ограничений. Не важно, естественные ли они, или выдуманные. Но теперь ограничений для него не существовало. Разве что он не брал Джатту с собой в такие моменты. Она была не способна так широко раздвинуть границы своего сознания: в конце концов, она – всего лишь собака. И самое главное – спустя какое-то время Призрак успевал соскучиться по ней. И возвращение всегда было подобно утреннему пробуждению.

Так кто же он сам? В чём его цель и предназначение? Эти вопросы тоже не имели теперь значения. Он мог меняться бесконечно, быть кем и чем угодно. Сколько бы он не пытался, он никогда не пересечёт вечность. И любая цель была достаточно иллюзорной, в масштабах Вселенной – всего лишь сиюминутной идеей. И полная невозможность взаимодействовать с реальным миром выглядела даже несколько логично. Ему не даровано даже оставлять следы на песке. Потому что он сам – этот след. Отпечаток своей прошлой жизни, высеченный в граните. Тень, что потерялась и обрела собственную. Он – отражение в зеркале жизни, которое не могло родиться само по себе, но будучи порождённым, может существовать отдельно. Едва ли такое отражение было противоположностью того, что её породило. Скорее дополнением до целого. Маленьким кусочком, который идеально подойдёт, если его приделать обратно. След, по которому можно судить, что здесь прошёл человек, а не зверь. И Призрак был этим отражением, дополняющим картину до целой. Но вот целостным он мог быть и без породившего его образа. Эти идеи оказались справедливыми не только для людей и призраков. На них строилось всё мироздание. Оно целиком состояло из образов и отражений, которые в сумме давали целостное бесконечное ничего. Но правильно разделённые – неважно, в пространстве или во времени, они давали невероятно богатую и разнообразную картину. Осознав однажды эту сложную

концепцию, Призрак стал собой. Он – творение. Каждый человек от рождения – творец. И до самой смерти. И, может быть, даже после нее.

Глава 25. Тот, кто не был побеждён

Кажется, ещё немного и я останусь совершенно один. Мне и тем немногим, кто ещё верен мне, уже приходится скрываться, используя всевозможные тайные ходы, маскировку и прочие хитрости. Нергал нашёл способ использовать силу Часов даже несмотря на то, что не имел над ними полного контроля. Его посох обладал одним интересным свойством – достаточно было ненадолго коснуться человека, и он заражался Песками. Они словно яд змеи медленно пропитывали тело жертвы и постепенно делали его послушным чудовищем, сводя с ума.

Все предпринятые мною меры слабеют на глазах – он, так или иначе, обходит их. Моя ошибка была в том, что я изначально оборонялся, а не нападал. А ведь любая защита рано или поздно даст брешь и падёт. Тем более, я не был готов идти на любые меры, как он. Как можно противостоять такой беспринципности и жестокости? И он не собирается останавливаться на этом, кажется, он задумал что-то ещё.

Но теперь я слеп и более не вижу будущего. Хотя, кажется, словно бы я наоборот прозрел – я понял, что Судьбы просто не существует. Видение прошлого, показанное медальоном, открыло мне правду. Я придумывал бесконечные объяснения, сложные смысловые конструкции и теории, винил своё невежество, но не видел главного – Судьба это лишь выдумка Песков. Они с самого начала манипулировали мною. Теперь я вижу их злую сущность, хотя и не понимаю её до конца. Почему то, что даёт нам разум, должны быть чем-то плохим? Возможно, сознание, предоставленное долгое время лишь само себе, иссыхает и прогнивает насквозь. И рассыпается в безжизненную пыль. Не хватает чего-то, что может уравновесить его и оттого стихия бушует, покуда не погубит сама себя и всех кто рядом. То же самое с огнём или водой. Стихии разобщены, а оттого враждебны и смертельно опасны. Так же обстоят дела и с человеком – он не может жить только тем, что диктует ему разум. Он должен слушать и голос своего сердца. Но вместе с духовной жизнью не забывать и телесную – ведь он человек, а не бесплотный дух. Человек и есть тот сосуд, что вбирает в себя все стихии и примиряет их. А если он отдаёт предпочтение чему-то одному, как Нергал Пескам, – он перестаёт быть человеком. Но это происходит не случайно – он явно знал, что делает и на что он шёл. Он желал пропитаться Песками и стать их частью. Он уже был таким, каким я вижу его сейчас, ему не хватало лишь оружия и могущества. Получается, что Пески, отрицательные по своей природе, всё же принимают форму сосуда, в который они попадают, и перенимают черты своего хозяина. Именно поэтому

они были так податливы, когда я один взаимодействовал с ними – я видел им только хорошее применение. И моё тело не приемлело таких экспериментов. Но стоило Нергалу вернуться и соприкоснуться сознанием – а затем и телом – с Песками, как произошло нечто необратимое. Теперь они – это яд, воплощение зла и грозное оружие. Они лишь коварно ждали момента, когда им встретится тот, кто даст разрастись их могуществу в полной мере. Если дать им волю – они поглотят весь мир! Который затем рассыплется в прах и перестанет существовать. И останется лишь бледное эхо минувших эпох, которым не суждено повториться.

Что ж, теперь я даже рад, что мои иллюзии наконец-то рушатся, одна за другой. Ощущения эти явно не из приятных, но они подобны излечению от болезни. И не тому чудодейственному и мгновенному излечению, что дали мне Пески Времени, а вполне реальному, настоящему. ***Теперь я устою перед чем угодно, ему ничем не затуманить моё сознание!***

Всё, что произошло со мной за эти последние годы – лишь череда случайностей. Судьба выдумана Песками, которые желают контролировать всё, до единого вздоха. Это та дорога, которой они ведут людей к своей собственной цели, лишь притворяясь источником бесконечной мудрости и всезнания. Всё началось с Масгика и, сквозь тысячелетия, протянулось до меня. И, признаюсь, могущество Песков столь велико, что изменить их планы действительно настолько сложно, что обман становится как бы правдой. Навязанной истиной, от которой сложно скрыться или убежать. Многие пытались избавиться от них, засыпать Бездну камнями, но время перебороло их всех, отчего борьба стала просто глупым ритуалом, а настоящие знания были утрачены. И я сам был орудием в этих руках и нёс эту лже-истину людям! Но теперь обману и заблуждениям пришёл конец.

Дневник Намтара, запись 80

***

Опомнившись от погони в тюрьме, Принц не только предавался отчаянию, но и размышлял над одной странностью – Дахака гнался за ним словно бы вполсилы, как будто его что-то сдерживало. Принц часто терял его из виду, воздух не был слишком тягучим и холодным, как это бывало прежде. Вряд ли это можно было объяснить привычкой – к такому просто невозможно относиться спокойно. Всякое хладнокровие отступало, когда Дахака оказывался рядом. Но, всё-таки, в этот раз определённо что-то было не так.

Ответы на вопросы, которыми задавался Принц, были у него буквально под носом. Но он не мог ни увидеть, ни услышать их. Призрак по-прежнему никак не мог заявить о себе Принцу. И, более того, не видел в этом смысла – он не сможет ему помочь, спасти его от неминуемой гибели. Он видел её собственными глазами. Но даже если бы он захотел, то не смог бы сдерживать Дахаку вечно. Поэтому он решил, что должен ещё один, последний раз, отсрочить эту смерть, чтобы спасти другую жизнь. Призрак, с помощью Имана, подбросил дневник в камеру Аджита и, ненадолго вселившись в Дахаку, лишь направил Принца туда. Он не преследовал цели явить Принцу новых откровений, он лишь обманом и хитростью вёл его к цели. Сначала к дневнику, а затем и к Аджиту. Подделка, оставленная им в камере, не имела ничего общего с правдой – Призрак лишь желал искупить вину перед Аджитом и спасти его. Даже несмотря на то, что вскоре должна была прибыть экспедиция Магараджи и сделать то же самое. Но планы Призрака были куда более далеко идущими – он рассчитывал целиком изменить судьбу пленника и помочь ему более никогда не сталкиваться с Песками Времени. Он и так достаточно пострадал от них, сполна расплатившись за чужие ошибки.

***

Лицо Аджита едва ли казалось Принцу знакомым – они так ни разу и не встретились в Азаде. К тому же, сейчас он был значительно моложе. И это само по себе занимало Принца куда больше – он даже ничего не ответил пленнику, когда тот представился. Он понимал, что перед ним стоит человек, которому, скорее всего, несколько тысяч лет.

Не дожидаясь ответа Принца, Аджит сказал:

– Ты не тот, кого я ждал.

Он явно не слишком-то интересовался тем, кем был его спаситель, а холодный, сухой тон говорил о безразличии вообще ко всему. В его глазах читалось глубокое разочарование, которое невозможно было объяснить удивлением внезапному освобождению из многолетнего заточения. Это чувство укоренилось в нём, глубоко въевшись в его сознание. И решительно никак не вязалось с его возрастом – черты лица, фигура и даже голос – буквально всё выдавали в нём совсем ещё молодого юношу. Принц и представить себе не мог, как изменил Аджита весь жизненный опыт, что однажды вдруг свалился ему на плечи. Он был несоизмеримо больше всего того, что когда-либо переживал Принц.

– Кого же ты ждал? – спросил тот.

– Никого, – со вздохом ответил Аджит.

– Но… как? Вернее, что ты имеешь в виду? – не понимал Принц.

– Это сложно объяснить. Но я и не хочу. Всё это – сплошной обман, – пояснил юноша, хотя Принц не стал лучше понимать собеседника. – Когда-то ждал, но теперь не жду.

Повисла пауза и Аджит, видя смятение Принца, всё же решил сказать:

– Благодарю тебя за моё спасение. Но как ты нашёл меня? Люди никогда не приходят на этот остров, чтобы спасти кого-либо. Зачем же ты здесь?

Последний вопрос пленника был исполнен подозрительностью и Принц поспешил развеять сомнения собеседника:

– Ты прав. Я попал сюда по собственным причинам. Можно даже сказать, не по своей воле. И я потерпел неудачу. Но там, где закончился мой путь, открылся новый – я нашёл дневник, в котором ты оставил лишь страницу. И, не стану скрывать, я решил спасти тебя от неминуемой гибели, в надежде, что ты спасёшь от неё меня, – объяснил Принц.

Аджит оценивающе выслушал Принца и кивнул, смотря в сторону.

– Стало быть, ты хочешь продлить жизнь, избежав смерти? – спросил он.

– Да, – ответил Принц. – Ты единственный, кто выжил в этом ужасном месте.

– Вот только я не оставлял никаких записей, – ответил Аджит. – Я не понимаю, о чём ты говоришь.

– Но как же ты объяснишь вот это? – спросил Принц, протягивая дневник Намтара пленнику, раскрытым на последней странице, – Я нашёл его в твоей камере, спустя две тысячи лет после твоей смерти.

– Это подделка. Как и медальон, что висит у тебя на шее. Понимаешь, всё это место – один сплошной обман. И всё не то, чем оно кажется! – выпалил Аджит.

Принц наконец-то разглядел, что же именно пленник прятал за своим безразличием – это была глубоко засевшая обида. Неизвестно, на кого-то определённого или на весь мир в целом. Но, чем больше он говорил, тем сильнее становился похожим на обычного юнца. Однако ему явно что-то было известно, и Принц постарался выведать больше:

– В каком…, – едва успел он раскрыть рот, как Аджит перебил его:

– Понимаешь, неважно, что и кем там написано. Всё это – одна большая ложь. Ты, верно, думаешь, что медальон

определённо настоящий, раз помог тебе перенестись на две тысячи лет в прошлое? Что ж, когда-то и я заблуждался, как ты. Но время изменило меня.

– Стало быть, не было никакого Намтара? А медальон – простая безделушка? – недоверчиво переспросил Принц.

– Едва ли, – ответил Аджит.

– Но ты противоречишь сам себе, – недоумевающе спросил Принц.

– Нет, нисколько. Вопрос не в том, настоящая ли вещь в твоих руках, а в том, с настоящей ли целью она была создана. Или просто лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза? Чтобы создать иллюзию правды, откровения? – с горечью в голосе ответил пленник.

Аджит смотрел на Принца так, будто тот был в чём-то виноват перед ним, поэтому он не сразу нашёлся, что ответить.

– Кажется, я понимаю, о чём ты говоришь. Я сам столкнулся с чем-то подобным, и не раз, – наконец ответил Принц.

– Понимаешь? Серьёзно? Да что ты можешь знать об обмане? – разгорячился Аджит. Обида в его глазах горела всё ярче, и Принц решил немного смягчить его и расположить к себе:

– Расскажи мне свою историю, – ответил он.

– Но ты ведь не за этим сюда пришёл, верно? И у меня нет никаких причин доверять тебе! Если и вправду тебя не подослала ко мне Императрица, то знаешь, что я тебе скажу? Хочешь спасти свою жизнь? – Тогда прошу, заходи в мою камеру, а я запру за тобой дверь. Только так ты познаешь истинную ценность вещей. А с меня довольно! – продолжал распаляться Аджит.

– Постой! – чуть сердито одёрнул его Принц. – Если не хочешь – можешь ничего не рассказывать мне. Но тебе ничего не поделать с тем, что теперь ты свободен. А Императрица – мертва!

Аджит, который только что собирался сказать ещё что-то, осёкся. Он что-то обдумал и спустя полминуты вновь заговорил, уже гораздо более спокойным тоном:

– Я знал Намтара – он жил на самом деле. Вот только он вовсе не тот, за кого выдавал себя. Он – Хранитель, как и Кайлина. Он – самый первый, она – последняя. И каждый из них внёс свою лепту в этот обман. Они зачем-то использовали меня, обманом заманив в эту камеру. Я потратил вечность, чтобы понять их мотивы и так до конца и не разобрался! Намтар погряз в склоках со своим сыном и пытался осуществить моими руками какой-то коварный план. Он много всего рассказал мне, и что-то даже было правдой. Но лишь затем, чтобы усилить обман.

Принц заметил, что Аджит осторожничает и выбирает слова, стремясь не рассказать ничего лишнего. Но ему начинало казаться, что тот почти ничего и не знал – он лишь выдавал

собственную трактовку того, что Принцу уже и так было известно. Тем временем, Аджит продолжал:

– И медальон он создал для того, чтобы как-то навредить своим врагам. Намтар сам называл его подделкой, а те возможности, которыми он обладал, были лишь отвлекающим маневром.

– Какова же твоя роль во всём этом? – спросил Принц.

Аджит замер на месте и посмотрел на Принца. В глазах пленника читалась растерянность. Кажется, он не знал ответа…

– Я провёл тысячу лет в этой камере, прежде чем ты нашёл меня. И, судя по твоим словам, минуло бы ещё две, до того как я обрёл бы свободу. Внутри клетки время остановилось, и я остался наедине с тишиной и собственными мыслями. Они копились годами и никак не хотели покидать мою голову. Каждый сон, что я видел, каждая случайная мысль, каждый звук – всё запечатлено в моей памяти. Но едва ли мне это нужно. Знаешь ли ты, каково это оказаться в полной тишине на годы? Поначалу мне казалось, что все проблемы ушли. Но со временем я стал лучше различать детали и, должно быть, сошёл бы с ума, если бы не эти проклятые Пески, что не давали мне свободы. Ты видишь? Моё тело ничуть не изменилось, а мой разум уже несколько раз состарился и рухнул под собственным весом. Оказалось, что развитие, взросление и мудрость – это временное явление. За ними приходит упадок. Я – развалина, которая ни во что не верит, – на одном дыхании, с надрывом в голосе проговорил Аджит.

Принц слышал боль в его голосе. Теперь он говорил правду, хотя бы отчасти. Испытание, что выпало на его долю, было поистине мучительным и он вышел из него непобеждённым. Но, кажется, он был по-настоящему сломлен. И даже более того – он не был готов к этому случайному освобождению. Он не знал, что делать дальше со своей жизнью, как ему распорядиться вновь обретённой свободой.

– Хранители приходили ко мне; один сменялся другим, но каждый пытался выведать у меня что-нибудь. И никто из них не решался выпустить меня. В моей же власти было лишь никого не впускать. Ты первый, кто открыл эту дверь за тысячу лет. Я не знаю, что именно тебе нужно, но ты не похож на Хранителей, – продолжал Аджит.

– А тебе действительно было что-то известно? – поинтересовался Принц.

– Ничего из того, что бы было правдой. Лишь ложь, искусная ложь о Песках. Но сейчас я – никто. Моя память – погребальная урна, где правда неразделимо перемешалась с вымыслом, где мои же домыслы затуманивают мой разум. Прости, я вряд ли смогу тебе помочь. Выходит, мне нечего более делать в этом месте,

если последний Хранитель мёртв, – удручённо пробормотал пленник. – И ничего из того, что я якобы знал, не подтвердилось, не сбылось, понимаешь? Ничего, за целую тысячу лет! А ведь я даже был согласен на смерть, я мечтал прервать этот бесконечный кошмар…

Принцу казалось, что он отчасти прочувствовал то невероятное бремя, что упало на плечи юного когда-то Аджита. Он нырнул с головой в неведомую ему стихию, может быть даже сам того желая, но оказался в её плену. И, вместо озера с приятной прохладной и чистой водой, она оказалась мутной и грязной бездонной лужей, на поверхности которой отражались чьи-то лживые обещания. Впрочем, его слова по-настоящему не удивляли Принца – он уже успел отлично убедиться в обманчивости этих мест и в том, что нельзя доверять Хранителям (хотя и повстречался лишь с одним из них).

Ненадолго каждый из собеседников погрузился в собственные мысли. Аджит пытался успокоиться после своего эмоционального рассказа и, возможно, сообразить, что же ему делать дальше. Но, впрочем, это у него едва ли получалось. Принц же думал, что они в чём-то похожи. Несмотря на то, что Принц бежит от судьбы всего лишь последние семь лет, в отличие от Аджита, что был её пленником целую тысячу, ему казалось, что он смотрит на своё собственное отражение. Аджит – это он сам в будущем, измотанный и измождённый. И максимум его возможностей – играть с судьбой на равных, используя все свои силы и навыки лишь для того, чтобы просто не ухудшить своё положение. Однако, глядя на пленника, он сомневался в том, что из подобной схватки можно выйти победителем. Однажды он так же устанет от всего и станет похож на Аджита – для этого даже не придётся ждать так же долго. А судьба, как ни в чём не бывало, продолжит свою гонку.

Принц первым нарушил молчание, и, кажется, Аджит был даже рад этому – пучина собственного разума вновь тянула его на дно:

– В самом начале беседы ты сказал… Кого же ты, всё-таки, ждал? – спросил Принц.

– Ответ «никого» по-прежнему в силе. Намтар являлся ко мне в образе туманного видения, духа. Тот Намтар, которому я доверял, кому я отдал в руки свою судьбу, – его никогда не существовало. Фантом, вымысел, пустое заблуждение, которое я много лет назад оставил позади, но, как ты понимаешь, так и не смог забыть. Что ж, может быть теперь моя память начнёт угасать? Я лишь хочу своими глазами увидеть это. Я желаю самолично убедиться в том, что последний Хранитель мёртв.

Принц надеялся, что Аджит ещё воспрянет духом и поведает ему хоть что-либо полезное. Он чувствовал, что сделал хорошее дело, освободив несчастного пленника и, если бы имел возможность, то помог бы ему ещё в чём-нибудь. Но он сомневался в том, что это возможно. И даже возможность воочию увериться в смерти Императрицы будет ему лишь во вред. Ложь закончится, а правду он уже давно упустил, потерял в тумане собственного разума. Аджит едва ли походил на того, кто сможет помочь Принцу и у него не оставалось вообще никаких зацепок.

Сейчас Принц в полной мере осознал, что оказался перед лицом ещё большей неизвестности, лицом к лицу со своим настоящим врагом – Песками. Он с радостью вернулся бы назад, к уже привычному противостоянию с Кайлиной, которое хоть немного двигало его вперёд, пусть это и происходило каким-то неочевидным образом, не благодаря, а вопреки.

Интересно, что скажет Аджит на то, что Принц хотел бы сейчас вернуть Кайлину к жизни? Это было не лишено определённого смысла! Пусть даже он сделает это лишь для того, чтобы убить её вновь, но уже в настоящем – только тогда Пески не будут созданы или хотя бы никогда не попадут в руки Магараджи и он будет наконец-то свободен. Принц почувствовал воодушевление от внезапной идеи – его план казался ему чрезвычайно простым. Но был ли он таковым на самом деле?

***

Призрак, всё это время наблюдавший за Аджитом, был попросту обескуражен его поведением. Тот был вовсе не тем человеком, каким он его запомнил по событиям в Азаде. Несколько суровым, но целеустремлённым и неотступным. Сейчас же он видел перед собой жалкого, слабого душой человека, что вообще не был готов продолжать жизнь. Поразительно, во что может превратиться человек, которому не во что верить. И который безмерно, бесконечно устал.

Стоя перед Принцем, Аджит не мог выразить и десятой доли тех чувств, что бушевали в его душе. Она пронзительно, неистово кричала, но он сдерживал себя и внешне держался относительно ровно, опасаясь, что Принц не поймёт его. Как он вообще мог бы понять его, прочувствовать ту боль в каждом его слове, если не проходил через такое испытание сам? После стольких лет он даже не знал, человек ли он вообще. Он стал лишь тенью, его подобием, который всё ещё мог ходить и дышать, но не имел к этому особенной воли. Он двигался лишь по инерции, падая в бездну собственного отчаяния.

Аджит был человеком без прошлого – оно угасло и затуманилось, и без будущего – оно не имело для него смысла, ведь всё было построено на лжи. Ему ничего не вернуть и ничего не построить вновь. И смерть последнего Хранителя не приносила ему какой-то особенной радости, а, напротив, ставила крест на его жизни. Он был ненужным элементом в этом времени. Впрочем, он, кажется, не был им и в свою эпоху. Чья-то злая шутка навсегда перечеркнула шансы прожить нормальную жизнь. И даже право на достойную смерть. Теперь он в лучшем случае мог бы стать скитальцем, который бесцельно бежит от себя самого, но не в состоянии найти другую, новую личность. Он отчаянно мечтал, чтобы кто-нибудь взглянул ему в глаза и увидел бездонную пропасть его горя, что веками напролёт точило его душу, превратив её в пыль. Но это было попросту невозможно – чувствами нельзя поделиться. Можно только помочь их испытать. Но вряд ли его спаситель собирался так глубоко разбираться в его душевных переживаниях и оттого Аджит лишь плёлся за ним ко входу в крепость. Практически безо всяких мотивов, просто как запущенный однажды часовой механизм, что успел проржаветь и загрязниться от времени, но отчего-то всё ещё шевелился.

Мстить было уже некому. Вообще любое действие, по мнению Аджита, не имело более смысла. Приятная когда-то пустота превратилась в ненужную, бесполезную свободу. Аджиту хотелось вернуться в заточение – к такому страданию он хотя бы привык, а новое было попросту невыносимым. Судьба завладела им полностью.

Пытаясь разобраться во всём, Призрак пристально смотрел сквозь мысли Аджита и искал ответ. Но его сознание было столь затуманено, что ничего, никакой из ответов, ни одна из находок не были определёнными и достоверными. Его разум был омрачён бесконечными скитаниями, которые происходили только в его голове, и потерей всякой надежды. Всё, чего он когда-либо ждал, не сбылось, не произошло и превратилось в ложь. А ушедшее, утерянное время теперь не имело смысла даже для него самого. И тогда Призрак отвлёкся и взглянул на другую версию событий, ту, к которой он не приложил свою руку. В ней Аджита спас Магараджа и поначалу он вышел из временн*о*й тюрьмы точно таким же, но водоворот событий подхватил и увлёк его, да так, что всё сложилось совершенно иначе.

***

В один из обыкновенных дней, границы между которыми Аджит давно перестал различать, он вдруг увидел, что в зале

перед его камерой что-то происходит. Поначалу охрана суетилась, а затем и вовсе произошло немыслимое – солдаты покинули свои места, впервые за сотни лет! Больше они не возвращались, а спустя какое-то время к нему пришёл человек, представившийся индийским Магараджей. Он стоял в окружении отряда воинов и только что освобождённых ими пленников из общей тюрьмы.

Как и в случае с Принцем, Аджит не сразу вышел к нему, испытывая недоверие и страх перед неизвестностью. Но спустя несколько минут, после короткого разговора, скепсис и безразличие взяли верх над Аджитом. Однако Магараджа продолжал настойчиво расспрашивать пленника о его заточении. Когда их разговор дошёл до Хранителей, Магараджа принялся расспрашивать о великой и ужасной Императрице, с которой он и его спутники ещё не успели столкнуться, но знали о неизбежности этого.

– Она – всего лишь последний из Хранителей, – объяснил Аджит. – Тот, кто создал Пески Времени. Среди прошлых были и куда более могущественные, великие и грозные Хранители.

Магараджа внимательно слушал пленника, но ничего не ответил ему, обдумывая полученную информацию. Вдруг в разговор включился человек, который представился Амаром, визирем Магараджи, задав вопрос:

– Что это за Пески Времени, о которых ты говоришь?

Аджит не спешил раскрывать все тайны и ответил достаточно расплывчато:

– Они повсюду вокруг. Пески – источник её могущества и необычайной разрушительной силы. Они диктуют судьбу, каждый шаг человека и несут невероятную опасность, особенно тем, кто посмел бросить им вызов. И их невозможно уничтожить.

Последней фразой Аджит чуть слукавил, ведь он знал, что уйди Остров целиком под воду – Пескам не миновать гибели. Но он сам не верил в осуществимость этого сценария, поэтому его слова вряд ли можно было счесть ложью. Скорее, он просто упускал несущественные детали.

– Ты говорил о других Хранителях. Как ты узнал о них, находясь в заточении? – спросил Магараджа.

– Я видел каждого из них лично. Они сами приходили ко мне, – ответил Аджит, ожидая следующий вопрос. Тот не заставил долго себя ждать:

– И сколько их было? Вернее, скольких ты застал? – поинтересовался Магараджа.

– Я затрудняюсь ответить, достаточно много, чтобы забыть многих из них. Но за тысячу лет, что я провёл в заточении, я немало их повидал, – ответил Аджит.

– Тысячу? – удивлённо переспросил Магараджа. На его лице появилась улыбка или даже усмешка. Он и ещё несколько людей было подумали, что пленник лишился рассудка и выдумывает небылицы.

– Всё верно, я …, – продолжил Аджит.

– Погоди, это всё тоже благодаря Пескам Времени, о которых ты говорил? – вновь вмешался в разговор Амар. Он был серьёзен и казался очень заинтересованным. – Их сила заключается именно в этом?

– Да. Время в моей камере однажды остановилось и я видел, как проносятся эпохи, век сменяется веком, а вместо одного Хранителя приходит другой, – ответил пленник.

– И всё это время ты противостоял им? – вмешался в разговор ещё один человек из окружения Магараджи, представившийся Зороастром. Кажется, он тоже верил словам Аджита и одновременно испытывал к нему сочувствие и преклонялся перед силой его духа.

Тогда пленник и поведал им свою историю, понемногу приоткрывая завесу тайны над загадочными Песками Времени. Он по-прежнему был аккуратен, но он видел в Магарадже и его воинах союзников, которые помогут ему осуществить его последний план, тот, который в отличие от всего остального, был правдой. Он должен ею быть – хоть какое-то шаткое оправдание его мучительно долгой пытке. И, рассказывая, Аджит чувствовал, как силы возвращаются к нему, он чувствовал желание жить, пусть даже ради одной единственной цели – смерти последнего Хранителя. К его великому сожалению, Магараджа прибыл слишком поздно и ему не удалось предотвратить создание Песков Времени. Но он знал, что то, что нельзя уничтожить, можно надёжно укрыть. Здесь на Острове Пески никогда не были и не будут в недосягаемости от безумцев и храбрецов, что найдутся в любые времена и обязательно пожелают бросить вызов этой силе, завладев ею. Власть и могущество, что она сулила, манила к себе многих, и Магараджа мог запросто оказаться одним из них. Но у Аджита были идеи, как он сможет убедить его пересмотреть свои взгляды и научиться держаться от них подальше, охраняя мир и Пески друг от друга.

Первой частью плана Аджита было убийство Императрицы. Он отлично знал устройство крепости, многие из её секретов и тайных ходов. Отряд Магараджи (который оказался гораздо более многочисленным) укрепился в тюрьме, готовясь к наступлению. Аджит предупредил, с какими угрозами предстоит столкнуться воинам Магараджи; предложил пути, которыми отряд должен был пробраться в тронный зал. План, кроме того, включал в себя несколько засад и резервных отрядов, что могли помочь в

критический момент, внезапно переломив ход боя. В крепости, обладая могуществом Песков, Императрица была куда как опаснее, чем даже несколько сотен её воинов на открытой местности вне крепости. И потому тщательная подготовка была попросту необходима.

Единственным условием, которое выдвинул Аджит, было то, что он сам должен будет убить Императрицу. Он не знал её имени, но предпочёл бы не использовать его в любом случае. Обращение к человеку по имени меняет само отношение к нему. Он же никак не желал этого, им двигала жажда мести. Ведь в какой-то мере она была ответственна за все преступления предыдущих Хранителей, раз продолжала их путь. И, лишь вонзив по рукоять меч в её плоть, он почувствовал бы хоть что-то. То, чему он точно поверил бы и поставил точку в многолетнем кошмаре.

Магараджа и его спутники прислушивались к Аджиту и относились к нему с величайшим почтением и уважением, несмотря на его юность. Большинство из них понимало, кто в действительности стоит перед ними – тот, кого не сломили века, кто выстоял под ударами времени, но так и не был побеждён. Человек величайшей воли, мудрец из древней эпохи. Он был кем-то большим, чем человек. Тот, кто перешагнул смерть, и оказался на новом этапе духовного роста. Многие, и в особенности Зороастр, неустанно расспрашивали его о долгих годах в заточении. И его не слишком интересовало воздействие Песков – с ними было всё более-менее понятно, а скорее то, как ощущал себя Аджит сейчас. Тот, что прошёл над вечностью по натянутому канату и, несмотря ни на что – одиночество, утрата близких и уговоры Хранителей выдать тайны, – всё же оказался на противоположной стороне этой пропасти и до сих пор твёрдо стоял на ногах, как никогда полный решимости.

Убив Императрицу, Аджит собирался выпустить Пески Времени. Он не знал точно, чем это грозит, а его воспоминания лгали ему. Поэтому он приготовился к каждому из вариантов. Самым простым был сценарий, при котором Пески, лишённые связи с Хранителем, просто рассеялись бы и прекратили существовать. Но это было бы маловероятным, и наиболее реальным он считал такой вариант развития событий, при котором Пески, вырвавшись на свободу, устроят настоящий хаос, превращая людей в чудовищ, куда более свирепых и опасных, чем стражи Острова. И это показало бы Магарадже величину опасности, которые таят в себе Пески и заставило бы его изменить своё отношение к Пескам. Тогда Аджит, воспользовавшись кинжалом, вновь вобрал бы Пески внутрь Часов. И тогда всё вернулось бы к своему первоначальному виду,

люди обрели свой исходный облик, а Магараджа наверняка смог бы убедить остальных и придумать достойное решение по этой проблеме.

Аджит обманул Императрицу, предложив сдаться ей и рассказать всё, о чём знает от Намтара. Она знала, что пленник оказался на свободе благодаря неприятелю, чья армия напала на Остров, но любопытство брало над ней верх, потому что Аджит начал выкладывать тайны одну за другой, не дожидаясь согласия Императрицы. И в этот момент отряды Магараджи начали наступление. Аджит успел рассказать Императрице о том, что медальон, которым когда-то владела Шади, – Императрица избавилась от неё после создания Песков – был фальшивкой. Он обманом завладел им и кинжалом буквально за мгновение до нападения.

Когда началась битва, Аджит ненадолго скрылся и, улучив момент, передал медальон Магарадже, но оставив кинжал при себе. Затем он появился в нужный момент и убил Императрицу. Она умерла скорее как обычный человек, будучи уязвимой и смертной. После этого, Аджит воспользовался кинжалом и выпустил Пески. Он не знал точно, что произойдёт дальше, но последствия превзошли все его самые смелые ожидания: Пески, буквально сорвались с цепи и устроили повсюду хаос. Стены крепости дрожали и рушились, люди разбегались в ужасе, а сквозь провалы в потолки было видно, как облака вихрем закручиваются над Островом и к небесам вздымается гигантский столб света. Произошедшее невероятно впечатлило Аджита, ненадолго погрузив его в трепетное восхищение, хотя он чувствовал во всём этом нечто знакомое, уже виданное ранее. Но вскоре к нему вернулось самообладание и он занялся поисками Магараджи в общей суматохе, пробираясь сквозь толпы чудовищ.

Призрак же видел, что на закулисье этого плана претворялся в жизнь ещё один. Амару каким-то образом удалось отыскать посох Нергала и он устоял перед разрушительной силой Песков. Посох подсказывал ему, как владеть их силой, хотя и не позволял делать этого. Но он привёл его к знаниям – в библиотеку Императрице, где помимо прочих книг, визирь отыскал тот самый дневник Намтара. У Амара хватило времени прочитать его, и он обезумел от истинной силы Песков. Он понял, что ему необходимо завладеть кинжалом, но он так и не решился выступить открыто против Магараджи, когда Аджиту удалось исправить последствия разрушений.

Однако то, какой путь пришлось проделать Аджиту и Магарадже прежде, чем Пески вновь оказались заключены в Часах и было тем изъяном в плане, на который Аджит не рассчитывал. Он никак не мог себе представить, что вся та ложь,

которую теперь, после освобождения, он стремился забыть, окажется абсолютной правдой. Она была предельно проста: за Аджитом пришёл Дахака. Он всегда приходит за тем, кто открывает Пески Времени. И Аджит, подобно Принцу, начал свой бег от судьбы, что подтолкнула его к важнейшей находке – истинному, настоящему медальону. И он привёл Аджита ещё к одной лжи, неожиданно оказавшейся правдой – Маске Песчаного Духа. С её помощью Аджит предотвратил открытие Песков, а медальон помог ему передать Магарадже знание об опасностях Песков и о приключениях, что они пережили бок о бок, но о которых тот неизбежно позабыл.

Магараджа проникся к Аджиту невероятным доверием и уважением. Он почитал его превыше друзей и слуг. Он стал для него кем-то вроде родного брата. Аджит же, опасаясь дальнейшего преследования Дахаки и понимая, что его прошлая жизнь закончилась, и он ничем более не был связан с Островом, попросил Магараджу позволить ему присоединиться к его отряду и отправиться вместе с ним в Индию. Он никогда прежде не слышал об этой стране, и ему предстояло многое познать, в том числе и выучить совершенно незнакомый, чуждый язык. Магараджа с радостью принял его просьбу и чествовал его, прославляя перед подданными, вкратце пересказывая их приключения. Он даже предлагал Аджиту один из высочайших титулов при дворе по возвращению на родину. Тот вежливо отказался от такого щедрого предложения, но согласился стать начальником стражи города: Магараджа поклялся ему ревностно оберегать Пески от всего остального мира и от любых посягательств извне, а Аджит с гордостью возглавил бы дворцовую охрану. Ведь он как никто иной знал, как важно не допустить повторения всей этой истории в каком-либо виде. Но Аджит почти не заметил странностей в поведении Амара и того, что он скрывает. Посох же визиря не вызвал у него особых подозрений, попросту потому что он никогда не видел его воочию, а Намтар рассказывал о нём лишь поверхностно.

Аджит уплыл вместе с Магараджей с Острова и оставил позади своё прошлое. Наконец-то время вокруг него вновь шло в нормальном ритме и его память начала понемногу освобождаться от болезненных тягучих воспоминаний. Единственное, что хоть как-то поддерживало их – это слава, некоторое время опережавшая его. Его почитали как героя, хотя никто и не знал всех подробностей произошедшего, кроме него самого и Магараджи. Впоследствии, имя Аджита настолько прочно закрепилось у индийцев как синоним стойкости и героизма, став буквально нарицательным, что сделалось весьма

распространённым именем и навсегда укоренилось в Индии, хоть сама история его происхождения и забылась.

Магараджа попросил Аджита втайне хранить у себя истинный медальон, желая не знать всего того, что он содержал в себе. Он безмерно доверял своему другу и знал, что тот с лёгкостью перенесёт подобное испытание. Часы же и кинжал Магараджа спрятал в своей сокровищнице, которая с тех пор охранялась и днём и ночью усиленным караулом. А фальшивый медальон Магараджа носил сам, зная, что он не представляет особой опасности для него и, в случае чего, он послужит защитой от Песков. Спустя много лет он решил отдать его своей дочери, Фаре, надеясь уберечь её, если что-либо всё-таки произойдёт.

С тех пор Аджит почти не вспоминал о Дахаке – судьба, воплощённая в страшном звере, кажется, перестала его преследовать и до событий в Азаде никак себя не проявляла. Аджит полагал, что Дахаке было очень сложно отыскать его и это обстоятельство позволило ему прожить много лет в тишине и покое. Возможно, истинный медальон как-то помогал в этом Аджиту, но ничто не могло длиться вечно. Он, порой, опасался чудовище никогда не прекратит свою погоню и однажды разыщет его. Что и произошло в Азаде, где Призраку и Джатте придётся спасать его. Однако даже смерть Аджита всё равно была необычной, вопреки всем планам судьбы. Он лишний раз оправдал данное ему имя.

***

Призрак находился в той точке времени, когда ничего из вышеописанных событий ещё не произошло, и Аджит ещё не был связан судьбой по рукам и ногам. Благодаря вмешательству Призрака, он оказался свободен, хоть сам и не слишком-то желал этого.

Следующим пунктом плана Призрака была замена Принца Аджитом – первый был обречён и думал лишь о спасении собственной жизни. Но Призрака удивляли и крайне удручали апатия и безвольность второго. До тех пор, пока Призрак не изучил иную версию событий, со спасением Аджита Магараджей, всё выглядело так, что Принц мог добиться хоть каких-то успехов в борьбе с Песками, даже не слишком стремясь к этому. Аджит же едва был способен, образно говоря, просто стоять на месте. Призраку нужно было подтолкнуть Аджита, заставить его воспрянуть духом, найти в себе силы вновь действовать – точно так же, как и в другом варианте будущего. И тогда у Призрака созрело необычное, но единственно верное решение. Он решил впервые использовать возможность контролировать Дахаку не

для помощи Принцу, а для того, чтобы убить его. Это всё равно случилось бы рано или поздно, но зато это произведёт на Аджита нужное впечатление. Это будет для него подобно пробуждению, настоящему, истинному. Глоток свежего воздуха после душного и затхлого подземелья. Хотя его настоящей темницей был собственный разум. Его-то Призрак и собирался, наконец, освободить.

Принц и Аджит шли по Центральному Залу, направляясь к месту, где погибла Императрица. Оба молчали практически всю дорогу от тюрьмы: Принц терялся в догадках о том, что же ему делать дальше – ведь на помощь спутника он уже не рассчитывал, а Аджит непонимающе озирался по сторонам – он так и не смог прийти в себя после столь длительного заточения. Лишь оказавшись у входа в тронный зал, Аджит заметил нечто, что его заинтересовало – вдали чуть заметно светился силуэт Песочных Часов. И только лишь он начал вглядываться вдаль, как произошло нечто совершенно для него неожиданное: перед ними предстал Дахака.

Чудовище выглядело точно так, каким его описывали, поэтому Аджит, несмотря на затуманенные воспоминания, сразу понял, кто находится перед ним. Зверь, ведомый Призраком, взглянул на него и направился, было, к Принцу, но сознание Аджита пробудилось и переменилось в один миг. Он выхватил меч, подобранный им ранее по совету Принца в Сторожевой Башне, и бросился в схватку. Дахака отбросил его в сторону, собираясь завершить начатое, но Призрак не рассчитал силу удара и Аджит отлетел на несколько метров, сильно ударившись о стену. Он потерял сознание и выронил меч из рук.

Дахака застыл на месте – Принц решил, что сейчас зверь пришёл за Аджитом, а сам он в безопасности, и бросился к раненому спутнику. Тот истекал кровью – удар был слишком сильным и, кажется, он случайно поранился мечом. Принц попытался привести спутника в чувство, боясь, что тот уже погиб. Но спустя некоторое время тот открыл глаза и отчего-то улыбнулся.

– Как ты? Он пришёл за тобой? – проговорил Принц, постоянно оглядываясь на зверя.

«Если он здесь из-за Аджита, то почему же бездействует?» – подумалось ему.

Но Принц тут же нашёл ответ на свой вопрос – Аджит, попытавшись что-то сказать, откашлялся кровью и снова улыбнулся. Он умирал и, видимо, чудовище просто наблюдало за этим. Для Принца всё это выглядело очень странным, но в душе у Аджита бушевала новая буря:

«Я потратил вечность на то, чтобы сделать неправильные выводы!», – думал он. – «Но, значит, всё это было правдой? Всё, о чём говорил мне Намтар? Но почему же тогда он обманул и покинул меня навсегда?».

Аджит понимал, что ему оставалось жить буквально несколько секунд. Тогда он собрал все силы и ответил Принцу, который тормошил его всё это время:

– Освободи… Пески…, – прохрипел он, ещё раз улыбнувшись, после чего его тело обмякло и он упал на Принца, сидевшего перед ним.

Аджит умер, зная, что есть тот, кто может продолжить его борьбу. Он умер, увидев, что его жизнь не была сплошной ложью, пусть даже правда и оказалась смертельной для него. Но он знал, пусть уже давно и не верил в это, что судьба настигнет его однажды. За то, что, использовав Пески, он обманул смерть и прожил тысячу лет, вместо отмеренного ему срока.

Принц, понимая, что его спутник уже мёртв, поспешил удалиться в направлении Часов, подальше от Дахаки, который хоть по-прежнему и стоял недвижимо, всё же вызывал у Принца неподдельные тревогу и страх.

Призрак же пребывал в оцепенении вместе с Дахакой. Вернее наоборот, этим объяснялась неподвижность зверя. Произошло что-то совершенно не входившее в планы Призрака: он случайно убил, пусть и чужими руками, единственную надежду. Аджит, что пронёс сквозь века дух борьбы, пусть и изрядно потускневший, в итоге оказался пробуждён лишь для того, чтобы по-настоящему уснуть. Каким-то непостижимым образом судьба вновь добилась своего. Его смерть – тяжёлый урок для Призрака, суть которого заключается в том, что даже он не всесилен, со всеми его способностями и умениями. И, опасаясь ещё большей неудачи, он к своему сожалению понимал, что предпринимать ещё одну попытку не имеет смысла: главная цель его плана оказалась невыполнимой, а слепо гонясь за ней, он мог испортить что-либо ещё. Например, помешать Иману и команде спастись и уплыть с Острова.

И тогда Призраку предстояло познать один из главных уроков: увидеть всю глубину пустоты. Аджит, который едва напоминал ему человека, мог поведать невероятно много своим опустошённым безмолвием. Выжженная земля в его душе – это не только кладбище воспоминаний, это ещё и множество следов, оставленных временем. И по ним можно было читать события, чужие мысли и действия. По крупицам, мельчайшим неровностям угадывались очертания чего-то огромного, непостижимо большого даже для Призрака. В этот раз отражения были намного больше самих следов, но Призрак теперь видел то, что

дополняло пустоту в душе Аджита до полной картины. Он читал его, словно открытую книгу, несмотря на то, что страницы были вырваны или сожжены.

Призрак осознал, что на самом деле он в некотором роде (пусть и не лучшим образом) исправил совсем другую, куда более старую ошибку. Намтар поступил с Аджитом необдуманно жестоко, даже несмотря на то, что преследовал благую цель. Пришло время положить конец этому, раз и навсегда. И улыбка на лице Аджита говорила лишь о том, что он умер счастливым, как бы странно это ни звучало. И не даруй Призрак Аджиту желанное избавление от мук, неизвестно, чем кончилась бы его встреча с Принцем. Скорее всего, она вылилась бы в противостояние, которое затмило бы эту цель, и сбила бы обоих с пути. Поэтому пришло время, и судьба сделала свой выбор. Призрак знал, что сам он свободен от её капризов, но забыл, что от неё по-прежнему зависят все те, кому он пытался помочь.

Все следы вели в далёкое прошлое. Кажется, даже зная всё о происхождении медальона и открытии и изучении Песков Намтаром, Призрак уделил недостаточно внимания ему самому. Поначалу он оценивал Намтара как человека, который совершил огромную ошибку, но осознал её слишком поздно. Но теперь он понимал, что тот был вовсе не так прост. Зачем он оставил после себя Аджита? Ведь он всегда считал, что важен не конкретный человек, а сама цель. Выходит, что он до сих не понимал истинной цели Намтара и недооценивал масштаба его замыслов?

Призрак задумался – если даже союзник считает что-то ложью, то враг и подавно – не это ли идеальный способ спрятать нечто? Что-то большее, невероятно ценное и почти недостижимое? Он уже убедился на примере Маски и медальона, что Намтар создавал особые тайники, которые невероятно сложно найти. Может быть, и вовсе невозможно, если только достоверно не знать о них. И Аджит наверняка знал, но, находясь при смерти, не успел бы рассказать Принцу всего, что ему было известно, и дал лишь одну подсказку, единственную, имевшую шанс на успех. Лишь она могла запустить нужную цепочку событий. Разве что Аджит не знал, что Принц уже выпустил Пески однажды.

Призрак мог с лёгкостью вернуться в прошлое и лучше изучить Аджита в тот редкий и краткий момент просветления, когда он словно бы заново обрёл себя. Ему бы не составило труда погрузиться в его сознание и найти множество нужных ответов. Но он выбрал иной путь, решив вернуться к первоисточнику: истоком всех событий был именно Намтар. И, возможно, важным было не только всё то, что он хотел скрыть, но и то, что он наоборот хотел запечатлеть. Те самые вырванные страницы из

конца его дневника могли поведать о чём-то важном, и Призраку предстояло найти момент во времени, когда они ещё существовали. Неудобная правда, которую они скрывали, могла заставить его по-новому взглянуть как на самого Намтара, так и на события, эпицентром которых он стал.

Призрак оставил Дахаку и удалился, бросив события на самотёк. Он сдерживал зверя всё то время, что Принц продвигался в тюрьму, чтобы выручить пленника. Но как оказалось – совершенно напрасно. И ничто не имело более значения без нужного знания. Тем временем, Принц, уже находившийся в тронном зале, услышал рык чудовища позади и понял, что ему опять нужно бежать со всех ног – зверь расправился с одной жертвой и теперь собирался приняться за другую.

Глава 26. Великое Преображение

Мало просто сражаться с Песками – когда я останусь один, я сгину в небытие, а память обо мне и моих делах угаснет во тьме вечности. Я должен найти какой-то способ бросить ей вызов и сохранить истинное знание. Мне нужно оставить Послание. Записей в этом дневнике недостаточно – он просто уничтожит его, если найдёт. Нергал попросту сотрёт меня из истории Острова. Я должен сотворить нечто нерушимое, вечное. Например, его определённо позлила бы моя статуя, сделанная из особого материала, который невозможно разрушить. С помощью Песков я мог бы полностью остановить ход времени для неё, превратив в монолит, с высеченной на нём истиной. Любое прикосновение позволит кому угодно прочесть моё послание сколько угодно времени спустя. И тогда борьба будет продолжена. ***Но справится ли он? Если его поймают, всё будет кончено!***

Тем временем я узнал, что же замышляет Нергал. Как я и предполагал когда-то, он ищет вечной жизни. Он хочет превратить самого себя в некое существо, почти лишённое человеческого облика. Оно будет бессмертно, станет подобно божеству. Не знаю, что именно он хочет получить, но он ослеплён этой идеей и не способен увидеть или услышать истину. Кажется, я слишком часто повторяю это и мне пора уже смириться с реальностью. И мне ничего не остаётся, как нанести решительный удар – я убью Нергала своими руками.

Со временем я обнаружил, что кинжал способен концентрировать волю хозяина и передавать её Песку. В каком-то смысле он даже превосходил медальон – он мог буквально менять свойства Песка и то, как он влияет на человека и его сознание. С его помощью я бы мог управлять Песками внутри Песочных Часов. Кинжал – нечто гораздо большее, чем ключ. Это перст, повелевающий великой, пусть и страшной силой. С его помощью я могу выпустить стихию на волю, чтобы она, как будто сорвавшись с цепи, сеяла повсюду хаос, или, наоборот, навсегда усмирить её, запечатав и похоронив в сосуде. И именно им я собираюсь убить Нергала. Кинжал вберёт в себя весь Песок из его тела и лишит его сил. Это мой последний шанс. Времени осталось совсем мало, Нергал уже начал приготовления, но я должен всё тщательно спланировать. Это существо, Зерван, как он называет его, будет непобедимо, если я упущу момент.

Дневник Намтара, запись 83

***

Многие действительно начали считать, что Намтар сошёл с ума – он, вместо того, чтобы заниматься борьбой с врагом, думал о каких-то совершенно неуместных вещах. Он приказал отлить свою статую в полный рост из металла, который должен был пойти на новые мечи. Но к этому моменту он растерял почти всех союзников, а эта странная прихоть отпугивала последних. Тщеславие Намтара удивляло людей по обе стороны. И, в конечном итоге, статуя так и не была создана. Но Намтар тут же занялся созданием каких-то гигантских Песочных Часов, несмотря на все свои заявления о зле, заключённом в Песках. Его деяния противоречили его словам, его учению.

Однако Намтар вовсе не сошёл с ума, он не был безумцем. Он лишь искал выход, но был напуган. Он долгое время убеждал всех, будто бы знает, что делает. На самом же деле, он был не готов к противостоянию с собственным сыном. Намтар поначалу даже не понимал в полной мере величины опасности, что несут дела Нергала для Острова. Ночами он плохо спал и словно бы уходил в себя, а днём мог часами сидеть и смотреть в одну точку. И продолжал понемногу писать свой дневник, хотя никто и не понимал зачем. Он лишь пытался найти способ подчинить себе Пески обратно. Отделить их от влияния Нергала и заточить в каком-то предмете без возможности обратного выхода – это лишило бы его врага силы. Но для этого ему нужно было найти силу в самом себе.

Намтар чувствовал, что упускает что-то важное. Время ускользало от него, словно песок сквозь пальцы, оно утекало всё быстрее и ничто не могло замедлить этот бег. Всё происходило как-то иначе, вразрез с изначальными планами и задумками. Быстро и напористо. Он больше ничего не контролировал.

Пожалуй, даже не страх владел Намтаром. В его глазах читалась, скорее, глубокая невысказанная печаль. И, хоть он и не подавал виду, он открывал в себе новые чувства, когда-то скрытые и подавленные. Он привык не замечать их, превращая в длинные пространные мысли и бесформенные мечты в своём дневнике. Но теперь Намтар ощущал, что в его сердце поселилось какое-то новое чувство, которое он уже не мог сдерживать и оно, порой, овладевало им, мешая мыслить здраво. Он печалился о том времени, когда ещё мог остановить Нергала, показать ему свою любовь и уберечь от Песков и от опасного приключения. Он чувствовал себя виновным во всём. Намтар даже затруднялся ответить, кто был для него б*о*льшим врагом – Нергал или он сам? Всё, во что он верил и что создал, все его открытия и идеи оказались роковым заблуждением. И больше всего его терзало то, что из-за его ошибки страдают другие люди.

Если ему и удавалось уснуть, то он часто просыпался, а его тело при этом словно бы пылало жаром. Но, проснувшись, он ещё долго не мог пошевелиться. Он чувствовал себя парализованным, с большим трудом дышал, и ему стоило огромных усилий раз за разом продолжать борьбу. Песочные Часы были его последней надеждой – почти все другие варианты борьбы он отбросил. Но он чувствовал, что Песок, покидая его разум, забирает у него все силы. И тела и духа. В этом и заключалась коварная природа Песков – они давали энергию лишь тому, кто был им интересен.

Намтару казалось, будто бы его разум опустошён. Мысли из когда-то подвижных и ярких превратились в тусклые и медленные. Теперь лишь редкие слабые вспышки освещали тьму в его разуме. И только глухие удары его сердца раздавались в этой пустоте – теперь оно вело его в темноте куда-то туда, к последней мечте. Намтар был готов принести его в жертву – лишь бы исправить свои ошибки. Он был даже согласен вновь впустить Пески в свой разум, но боялся, что пути назад уже не будет – они либо убьют, либо подчинят его себе. Но и полагаться на интуицию он отказывался. Довериться простой случайности? Нет! Намтар пришёл к выводу, что врага можно победить лишь его оружием.

Решение пришло к нему случайно, в одну из бессонных ночей, когда минуты тянулись часами, застывая как тени в тусклом свете звёзд. Он чувствовал себя отрезанным от всего мира, но в эти моменты тишины ему казалось, что он в безопасности. И он желал продлить это чувство, сделать его чуть ли не вечным. В этом бессонница очень помогала ему – он успевал почувствовать буквально каждую секунду, что впивалась в него подобно…

«Кинжал!» – мысленно воскликнул Намтар.

Идея вспыхнула в нём внезапно, яркой вспышкой ослепив его разум. Как он не догадался раньше? Кинжал – это не только ключ! Это оружие, что он сможет использовать в схватке с Нергалом. Намтар постиг суть наделения предметов могуществом Песков – пропитавшись ими, они обретают возможность действовать независимо. Да, Пески будут тянуться к предметам, как это было с медальоном, но внутри них будет часть Песков, словно бы отрезанная от общей массы. И ей он может управлять, не боясь влияния Нергала. Он может конструировать те способности, которыми будет обладать Песок в этом предмете.

Намтар уже иначе смотрел на судьбу и поток времени. Он видел их как набор воспоминаний, когда-то пережитых событий. И путешествие во времени превращалось в погружение в эти воспоминания – неважно, свои или чужие. Именно этим свойством он и наделил кинжал – он помогал ему возвратиться на

несколько секунд в прошлое, до того как произошло что-то непоправимое. А взаимную тягу кинжала и Песка он использовал для того, чтобы избавляться от монстров Нергала – клинок буквально вытягивал из них весь Песок, превращая их в клубы пыли. Намтар собирался таким образом победить и своего врага – либо уничтожив его, если Преображение зайдёт слишком далеко, либо просто лишив сил и пленив его.

Этот кинжал – именно то, что Нергал захочет заполучить больше всего! Поэтому он сам придёт к Намтару. Тот, впервые взяв кинжал в руки, ощутил приятный холодок и слегка забытое чувство – в его сознании вновь одна за другой стали вспыхивать идеи, рождаться новые мысли. Кажется, он действительно нашёл способ укротить Пески – делить их на части, не связанные с основной, и изолировать в различных предметах. А, значит, и его задумка с Часами тоже была верна! Как жаль, что он не успел довести эту идею до конца и отдал Нергалу в руки практически пустышку.

Теперь ему стал лучше понятен и механизм работы зеркальных чаш – он создал их неосознанно, практически вслепую, а Нергал лишь немного изменил их. В них были видны отражения души человека, но они словно бы были сжаты во времени, а не сиюминутные. Они показывали будущее – неизбежную смерть, болезни или разложение сознания. И эти отражения словно бы менялись местами, превращая человека в чудовище и вырывая душу из его тела. Но обращение было практически мгновенным, только если человек касался Песка в чаше и погружал туда свои руки или лицо. Нергал же начал менять людей незаметно для них, постепенно преображать их, постепенно пропитывая Песками их тела. А вместе с ними он подсовывал им свою ложь, которая создавала какую-то новую реальность, где всеобщим врагом был уже Намтар, а не он.

Нергалу казалось странным, что Пески никак не действовали на самого Намтара. Он провёл с ними столько времени, но ни капли не изменился – он был лишь чуть ослеплён их невероятными возможностями и могуществом, но не более того. И Нергал пришёл к выводу, что в Намтаре было нечто особенное, что может быть даже опасным для него, если он вовремя не использует эту загадочную силу против самого Намтара. Она как спящий зверь, который проснётся и сметёт всё на своём пути, если его достаточно разозлить. И она не только не обойдёт стороной Намтара – она уничтожит его самого в первую очередь. Его личность и его сознание.

Как и рассчитывал Намтар, кинжал довольно быстро привлёк внимание Нергала. Но тот не боялся его, хотя с его помощью Намтару действительно удалось добиться определённых

успехов – его отрядам гораздо легче было справиться с песчаными солдатами Нергала, когда в схватке участвовал Намтар со своим кинжалом. Но Нергалом двигало, скорее, любопытство – он смотрел, на что тот способен. Он с большим трудом признавался себе в том, что у Намтара была действительно хорошая и изобретательная фантазия, поэтому Нергалу по-прежнему было чему у него поучиться. Он мог лишь использовать эти достижения, но едва ли мог творить самостоятельно. Может, лишь отчасти. Но он не был «мечтательным глупцом» – так он называл своего отца – и вовремя распознал серьёзную угрозу. И он перестроил Пески таким образом, что Намтар не мог создать хотя бы ещё один такой кинжал. Будь он у каждого в его отряде, то у него даже появились бы пусть и призрачные, но шансы на победу в этом противостоянии. А этого допустить Нергал никак не мог. И, одновременно с этим, он понимал, что такие ограничения лишь стимулируют Намтара на новые идеи, всё более необычные и полезные.

Больше всего в открытиях Намтара Нергал ценил ещё и то, что тот сам долгое время не осознавал их могущества. Песочные Часы действительно оказались венцом его творения, хотя сам он не понимал, что же он создал. Он считал свою работу неоконченной, годной лишь для отвлечения внимания. Но она имела огромный скрытый потенциал – такое количество Песка, собранное в одном месте, превращало его в нечто могущественнее самой Бездны. Их сила была сконцентрирована практически в одну точку и была просто невероятной. И при этом очень хрупкой, буквально в одном шаге от катастрофы – если выпустить Пески наружу, то последствия этого будут разрушительны и погубят почти любого. Может, только кинжал или медальон защитят человека, находящегося поблизости. И ещё посох. Но остальным придётся несладко – это будет не медленное превращение, когда Пески месяцами перетекают в человека, а мгновенное обращение в монстра, в живого мертвеца. Нергал был очень зол на Намтара, за то, что тот создал Часы именно в таком виде, с этим недостатком. Но он не мог ничего поделать с этим – выпускать Пески, чтобы заточить их в другой, более безопасный сосуд было очень опасно. Поэтому он собирался возвести это деяние в ранг абсолютно недопустимых.

Нергал представил Часы как своё собственное достижение. Он говорил, что с их помощью сможет обращать заражение людей вспять и лечить их, избавляя от чумы Намтара. И люди, приходившие к нему на эти ритуалы, действительно менялись к лучшему – Песок частично покидал их тело, сознание их становилось более светлым и свободным. Но длилось это недолго

– Нергал возвращал их в изначальное состояние незаметно для них, постепенно. А сам лишь изучал взаимодействие Песков в человеческом теле и в Часах. Он использовал людей как сосуды и понемногу наполнял Часы всё большим количеством Песков.

***

Намтар очень долгое время не подозревал, что Нергал научился читать его мысли и, бывало, тайком подглядывал через них в его дневник – мысли записанные на бумаге всегда были более чёткими и доступными, лучше запоминались и понимались Нергалом. Благодаря этому он всегда был на несколько шагов впереди Намтара. Никакого настоящего противостояния и не было – Нергал выиграл эту войну ещё до её начала. Он лишь тянул время, наблюдая за изобретательностью Намтара, зная, что, будучи загнан в угол, тот способен на невероятные идеи. Нужда могла помочь ему сделать новые открытия, которые были бы очень полезны для Нергала. Ведь сам он не достиг почти ничего, он украл все идеи и навыки у отца. Он лишь готовился к чему-то, видя будущее Острова совсем не так, как Намтар. И ждал, когда тот дойдёт до осознания своего поражения и его смиренного принятия. И следующего за этим отчаяния.

Ожидание затянулось ненадолго. Лишившись почти трёх четвертей своего отряда – они погибли или ушли по своей воле – Намтар решился на крайние меры: он решил выступить против Нергала в открытом сражении. К этому моменту он уже сумел побороть в себе нерешительность, его почти не останавливала родственная связь между ним и Нергалом. Он узнал обо всех ужасах, что происходили на внешнем острове и решил положить конец всему этому. Он подготовился и выбрал момент, когда на Усакаре начались волнения – Зулу был лишён чувства меры и буквально вынудил людей пойти против него. На подавление мятежей была переброшена почти половина солдат Нергала, а он сам был отвлечён всеобщей суматохой, которая прервала его подготовку к Преображению. Намтар решил, что лучшего момента ему не представится и тайком пробрался в тронный зал, где Нергал стоял перед огромными Песочными Часами и размахивал посохом. Он надеялся застать его врасплох – в зале никого больше не было.

Но Нергал, не поворачиваясь, вдруг произнёс:

– Здравствуй, отец. Я давно ждал этой встречи.

– Повернись, когда разговариваешь со мной! – не растерявшись, возразил Намтар. – Как тебе вообще хватает дерзости отвечать мне таким тоном?

Нергал повернулся и на его лице вновь была ненавистная Намтару улыбка. Холодная, жестокая и беспощадная, как лезвие меча. В его глазах горели оранжевые огоньки – кажется, они стали ярче с их последней встречи.

Повернувшись, Нергал не произнёс ни слова и лишь пристально посмотрел на отца, зная, что того это будет злить. Он только развёл руки в жесте, показывающем, что считает себя полноправным хозяином этого места и, чуть сжав посох в правой руке, стукнул им по полу. Вокруг него появилось множество солдат. Намтар впервые видел их такими – в них не осталось почти ничего человеческого.

В этот момент в зал ворвались люди из отряда Намтара и началась битва между ними и песчаными воинами. Сам же он продолжал сыпать проклятиями в адрес Нергала:

– Тебя запомнят лишь как Нергал-Разрушитель! Тот, кто не создал ничего сам и лишь уничтожил всё, что создавалось другими с таким трудом. Но твой замок построен из песка и однажды он рухнет!

– Довольно пустых угроз, – спокойным тоном ответил ему Нергал. – Посмотри вокруг, разве я несу только разрушение? Признаю, иногда очень сложно принимать перемены. Но ты либо заодно со мной и с ними, либо станешь историей. Забытой историей.

При этих словах, глаза Нергала вновь сверкнули искорками оранжевого цвета. Намтару уже было известно, какие именно перемены задумал Нергал. И что именно он хотел сделать с собой. Сейчас подтвердились все его самые худшие опасения. Одна маленькая вспышка была доказательством всех слухов и подозрений. В ней было всё – стремление Нергала окончательно слить своё тело с Песками и установить свою абсолютную власть над Островом в виде божества, которое управляет могущественной стихией. Его тело и стало бы этой стихией. Ведь он не случайно так долго и упорно ставил эксперименты над людьми, лишая их души и человеческого облика. Он изучал то, как Пески влияют на них и готовился к преображению сам. Но оно должно было быть иным – он тоже потеряет свой облик, но не станет послушным рабом. Он желал стать хозяином Песков.

– Ты – чудовище. Я жалею о том, что породил тебя. Ты мне не сын, я отрекаюсь от тебя! – ответил Намтар. Он хотел сказать что-то более важное и существенное, но волновался, несмотря на то, что у него был тайный план. В его глазах он делал эту попытку нападения не такой уж отчаянной. Скорее запоздалой, но ещё не безнадёжной.

Нергал же, по-прежнему сохранял спокойствие, отвечая:

– Как я и говорил, когда-то, – ты слеп. У твоих ног раскинулась вечность, а ты смотришь всего лишь в завтрашний день. Люди рождаются и умирают – так было всегда и что толку горевать из-за этого? Зачем вообще быть человеком? Этот мир – нечто большее, чем просто всплеск в океане безвременья. Но нужно всё отбросить и измениться самому, чтобы познать это. Человек научился осознавать себя – это преобразило его идейно. Но, это лишь первая часть большого пути. Когда он научится преобразовывать самого себя – это будет второй революцией. Истинной. И тогда человек по-настоящему будет хозяином своей жизни.

Нергал вовсе не рассчитывал склонить Намтара на свою сторону. Он знал, что его отец упрям и ни за что не примирится с его идеями и методами. Он лишь отвлекал и путал его, как всегда. Поэтому, договорив свои слова, он зашагал в сторону Намтара, угрожающе стуча посохом по полу. Спустя несколько шагов он перешёл на бег. Это застало Намтара врасплох, ведь он собирался напасть сам. Но вместо того, чтобы нанести удар, Нергал воспользовался тем, что его враг замешкался, и, резко свернув в сторону, обогнул отца и побежал к выходу из зала.

– Стой, трус! – чуть растерянно крикнул Намтар ему вдогонку.

– Ты всегда лишь догонял меня! Попробуй ещё раз! – на бегу выпалил Нергал, сверкнув на секунду своей мерзкой улыбкой.

Намтару ничего не оставалось, как броситься вслед за сыном. Но Нергал бежал не из страха перед отцом. Он лишь желал отвлечь его, увести подальше от Часов. Уязвимы были они, а не он сам. И Намтар был невероятно близок к пониманию этого и к самим Часам. Достаточно было лишь открыть их и выпустить Пески. И тогда расстановка сил поменялась бы коренным образом.

Пробежав до середины Центрального Зала, Нергал остановился, притворившись, что выдохся. На самом деле это было приглашением к битве.

– Ты думаешь, мне будет стыдно, я буду сожалеть и за что-то извиняться? Есть лишь цель, к которой я иду, и препятствия на моём пути, что мне приходится устранять! – с нескрываемым презрением проговорил Нергал.

Намтар начал понимать, что сын манипулирует им и постарался успокоиться. Но схватка была неизбежна, и он решил не дожидаться других сюрпризов от Нергала. Тот был безоружен и отбивался лишь посохом. Намтар же держал в руках меч, не желая обнажать кинжал раньше времени и выдавать свой план.

– Ты мне уже не нужен, ты сделал всё, что мог. Но без меня не будет ничего! – продолжал раззадоривать отца Нергал.

– Считаешь, что это нормально, когда погибают люди? Но только не ты? – выпалил Намтар.

– С чего же ты взял, что я боюсь смерти? – ответил ему Нергал.

Намтар ожидал услышать не совсем такой ответ. Он думал, что Нергал снова начнёт сочинять небылицы, изворачиваться и врать. Но эти слова показали, как же сильно он на самом деле верует в то, что делает. Нергал даже готов умереть за это, но, лишь завершив своё дело. Миссию, как он сам представлял её. Но тогда зачем ему это Преображение, о котором он твердит, если он заботится не о своей жизни? Или он считает законченной эту жизнь и уже готовится к новой, в другом теле и с другим сознанием? Намтар вынужден был признать, что не может постичь всей величины и сложности замысла Нергала. В этом он превзошёл его. И, одновременно с этим, Намтар винил себя в том, что это он создал Нергала таким, каким он был сейчас. Вся ответственность за происходящее лежала на нём. А Нергал лишь умело пользовался этим чувством вины отца за своего сына.

Намтар не был искусным воином – сражения никогда не были его уделом. Он избрал путь знаний и мудрости, но сейчас ему волей-неволей приходилось защищать себя и свой дом. Нергал же преуспел в ведении войны, но сейчас был безоружен и оборонялся посохом, отбивая удары отца один за другим. Отступать ему было некуда – Намтар обрушил лестницы из Песка, что вели к ходам в Сад и Механическую Башню. И запечатал дверь к выходу из крепости. Кажется, ему удалось загнать Нергала в ловушку.

Он защищался как мог – прятался за колоннами, размахивал посохом и искал способ сбежать. Намтар знал, что вечно это продолжаться не сможет и стремился загнать его в угол – хотя их и не было. Для осуществления последнего пункта плана ему было достаточно лишь обезоружить Нергала.

– Неужели линия времени и сама Судьба тебя ни в чём не убедили? В том, что я поступаю правильно? – спрашивал его Нергал.

– Ты же никогда не верил в судьбу! – ответил Намтар. – Так почему же сейчас ты отсылаешь меня к ней?

– Мне нужен был этот обман! Солгав тебе, я мог пользоваться её могуществом как угодно. О, сколько всего она может дать мне! – торжествующе ответил Нергал.

Намтар воспользовался секундной слабостью врага и, вместо очередного удара мечом, который тот был готов отбить, изо всех сил толкнул Нергала – он полетел спиной назад и упал на пол, ударившись головой. Посох отлетел в сторону и Намтар бросился к поваленному врагу. Он склонился над ним, занёс меч, готовый

ударить и покончить с этим позором. Как он и ожидал, его сын попытался изобразить раскаяние, прося сжалиться над ним:

– Отец…, – прохрипел Нергал с лезвием у горла.

Намтар посмотрел ему в глаза и, вздохнув, произнёс:

– Я… я не смогу убить собственного сына, даже после того, что ты сделал, – сказал Намтар, опуская меч. Это притворство и было последней частью его плана, от которого ему самому было мерзко. Его душа всячески противилась таким методам – ими обычно пользовался Нергал. Но его рука незаметно скользнула к поясу, где был спрятан кинжал. Он притворился, изобразив слабость, которую Нергал от него более всего и ожидал, чтобы отвлечь и расправиться с ним с помощью секретного оружия.

Последним, что Намтар помнил отчётливо, была ненавистная и хищная улыбка Нергала. Мир вокруг него потемнел и рухнул. В ушах звенела тишина, что скрывала презрительный смех торжествующего противника. Пустота вобрала Намтара в себя и налила его тело нестерпимой болью – рана в грудь мгновенно дала о себе знать. Ему казалось, что прошла целая вечность, но на самом деле это были всего лишь несколько секунд. Последним уголком сознания он зацепился за спасительную идею использовать кинжал для возвращения во времени на несколько мгновений назад. Но Нергал знал заранее и об этом. Он знал всё про кинжал и про уловку Намтара, но позволил ему поверить в то, что поддался на неё. Обман внутри обмана. Точно поймав момент и лёгкую фальшь в словах отца, он схватил его руку с кинжалом и вонзил ему в сердце.

Ранение не убило Намтара мгновенно, и он ещё вполне осознанно попытался воспользоваться особой силой кинжала. И это было его главной ошибкой – именно на это рассчитывал Нергал. Его прикосновение поменяло Песок внутри кинжала, ему передалась воля Нергала. И, вместо смерти, клинок принёс Намтару нечто иное. То, что залило его тело холодом и болью, проникавшей во все уголки тела и сознания. Он перестал ощущать себя живым, но продолжал двигаться, извиваясь на полу в агонии.

Нергал подошёл к нему и, чуть наклонившись, сказал:

– Ты – лишь инструмент. Маленькая часть огромного механизма, которая выполнила свою работу, отслужила и теперь будет навсегда выкинута! Неужели ты думал, что я ничего не знаю?

В ответ Намтар не мог даже ничего выговорить – он лишь что-то бессвязно хрипел в ответ. Слова Нергала он не слышал, а скорее чувствовал, догадывался, что он мог сказать. Когда тот протянул руку, чтобы забрать кинжал, Намтар, вдруг, ненадолго

пришёл в себя и отбросил Нергала. Тот отшатнулся назад, но не упал. Чуть оправившись, он злобно проговорил:

– Тебя уже нет! А я стану тем, кем не хватило смелости стать тебе. Да свершится Великое Преображение!

Крича от боли, Намтар бросился бежать. Стены зала вокруг него, коридоры и люди сливались в один неясный поток, закрученный в водоворот, в центр которого его уносило всё быстрее с каждой секундой. Борясь с собой – Песок мгновенно растёкся по всему телу и буквально рвал его на части – Намтар прокричал лишь одно:

– За мной!

Он не хотел, чтобы остальных людей из его отряда постигла та же участь, что и его. Его судьба была уже решена – он станет ещё одним из бесчисленных чудовищ в армии Нергала. Ему казалось, что его сознание вот-вот будет вырвано из собственного тела, ноги и руки не слушались, и он чудом не падал обездвиженный. Казалось, ещё секунда и он рассыплется в пыль и действительно перестанет существовать. Трудно сказать, что удерживало его на ногах и в сознании, но он бросился к старому проходу в скалах, что вёл к заброшенным пещерам в северной части Острова. Этой дорогой почти никто не пользовался – только для вывоза отбросов. Она с двух стороны была зажата отвесными скалами, что в уязвлённом сознании Намтара вытягивались в две бесконечные стены и ему казалось, что он навсегда обречён бежать вдоль них без шанса на спасение и отдых.

Нергал и не подумал бросаться за Намтаром и его людьми в погоню. Он отправил своих солдат перехватить их в середине тракта – они должны были поджидать их на одном из нависавших над проходом мостов и постараться застать их врасплох: к тому моменту они подумают, что оторвались от погони. Большинство людей были пленены или убиты, уйти удалось лишь одному Намтару. Его невероятно мучало это, он сокрушался, забывая о собственных страданиях. И Нергал знал, что именно так и будет – он специально приказал не трогать Намтара. То, что от него осталось.

Спустя час на Остров прибыл Зулу. Он отыскал Нергала и доложил ему:

– Мятеж подавлен, мой господин.

– Отлично, Вершитель Зулу! Теперь нужно как можно быстрее отыскать Джатту и забрать у неё медальон – он висит на её ошейнике, – ответил Нергал.

Намтар же в это время взывал к Джатте, чтобы она поскорее вернулась с медальоном с Усакара. Он надеялся, что тот поможет ему излечиться, как это уже произошло однажды. Кинжал ему

уже не поможет – он может лишь убить его, поглотив Песок. Но что сможет теперь убить Нергала? Вернее то, чем он станет.

Глава 27. Настоящий медальон

Мои планы рухнули окончательно. Теперь я впервые явственно понимаю, что мне не одержать победу в этом противостоянии. Во время нашей схватки Нергал обернул моё оружие против меня и нанёс мне удар кинжалом! Моей же рукой! А попытка вернуться на несколько мгновений назад в прошлое, до ранения, только усугубила проблему – Песок из кинжала устремился в моё тело и начал пожирать его. Скажу честно, я ожидал почти мгновенной смерти или того, что стану одним из его чудовищ, самым рядовым солдатом его армии – постыдная участь для меня. Но по взгляду Нергала я понял – даже в убийстве он не так прост! Всё это входило в его планы, вплоть до самого удара кинжалом. А сам он и не собирался становиться никаким божеством. Он лишь заставил меня считать так. И теперь он мучал меня медленным и мучительным превращение в чудовище. Я уже с большим трудом пишу эти строки, чувствуя, как мой разум разрывается от боли, а Пески пытаются полностью подчинить его своей воле. Ко мне то и дело приходят странные видения, в которых я иду куда-то, но моё тело не принадлежит мне. Я безголосый узник, заточённый в теле монстра. И вечность – моя главная пытка.

Нергал использовал против меня каждую мою идею! Буквально всё – сами Пески, зеркала, временные порталы, кинжал, мою веру в Судьбу и отцовскую любовь к нему. Он манипулировал Песками так, как ему только вздумается, обернув их силу против меня. Это он вложил в кинжал Песок с особой способностью, но не для убийства, а ради превращения меня в полную противоположность. Все мои ошибки и заблуждения оживут в этом чудовище. Я буду лишь убивать, я потеряю всякие человеческие черты.

Я уже не сомневаюсь, что скоро он найдёт способ заполучить кинжал и тогда сможет управлять Песочными Часами, навсегда запечатав их. Любого, кто попытается выпустить их силу на волю, ждёт безусловная смерть – он настигнет и уничтожит любого. Дахака, страж времени, ручной зверь Нергала и живое воплощение Судьбы. Часы будут хранить линию времени, позволяя Судьбе диктовать каждый шаг будущих поколений. И этот порядок не может быть нарушен.

С самого начала у меня не было шансов – у Нергала был полный доступ к путешествиям во времени. Это невероятно ценный и полезный ресурс, который я недооценил из-за того, что он не дал мне желанного результата с первого раза. И вышло так, что Нергал противопоставил мне всю мудрость и коварную изворотливость Песков. С такими возможностями, он бы

переиграл меня в любом случае, пусть даже за счёт числа попыток. Но, похоже, он превзошёл меня во всём. Я сражался с Судьбой и, кажется, проиграл окончательно. Всё это время я лишь шёл к конечной точке, что уже была заранее подготовлена. И находясь в ней, мне кажется, что я всегда знал, что произойдёт. Буквально чувствовал это, но отказывался верить. Будущее тоже влияет на нас, словно отражение, что нашёптывает что-то во сне.

Обман – его сильная сторона. Пески способны создать почти любую иллюзию. Оказалось, что половина его войска – пустой мираж, который он создал, с помощью посоха влезая в чужое сознание. Песок показывал ему огромную силу, но не давал возможности её использовать. Ему нужен медальон или кинжал, чтобы поставить точку в этой войне. Они не иллюзия, они – это ключ.

Печально признавать, но моя затея со статуей была невероятно глупа и даже нелепа. Я был самонадеянным, думал, что нахожусь в одном шаге от победы, и оттого позволял себе такие странные и даже смешные идеи. Кажется, я и сам считал это несколько забавным – я поддался слабости презрения к противнику. Я насмехался над ним в тот самый момент, когда он расставлял последние капканы вокруг меня.

Я чувствую, как моё сознание тает, а тело горит огнём, проигрывая бой чему-то, что уже глубоко внутри меня. Мне вспоминается моя болезнь, что чуть не убила меня незадолго до знакомства с Песками Времени – ощущения были очень похожими. И в последней, отчаянной надежде я призвал Джатту обратно к себе, чтобы забрать у неё медальон и попробовать отогнать недуг, излечиться вновь. Но тщетно, он, наверняка, предусмотрел и это. Медальон при мне, но он словно лишился половины своей силы. Либо действие Песка через рану столь сильно, что его уже ничто не остановит.

Джатта смотрела на меня с опаской и осторожно сидела поодаль. Так, словно бы я был чужаком, и она меня почти не узнаёт. ***Меня ждёт лишь забвение...***

Дневник Намтара, запись 85

***

Смерть Аджита отрезвила Принца – он видел в нём отражение своей собственной судьбы, а, значит, его тоже, рано или поздно ждёт смерть. Зверь разыскал его даже спустя тысячу лет! Но это же и вдохновляло его – Аджит [*прим.: от индийского имени «Ajeet/Ajit/Ajith», означающего «тот, кто не был*

побеждён»] смог продержаться так долго, больше чем способен прожить любой человек, даже в абсолютном покое и безопасности.

Принц не успел привязаться к новому знакомому, не видел в нём настоящего близкого друга и, наверно, оттого не был глубоко опечален его смертью. Единственное, что их по-настоящему сближало – борьба с Песками и общий враг – Дахака. Принц лишился не товарища, но союзника. Того, который знал что-то большее и предвидел возможное развитие событий. Более всего Принцу запомнилась его фраза: «Освободи Пески!». Ему наверняка было очень трудно говорить и он выбрал самые важные, самые ёмкие слова, отбросив всё лишнее. Да, Аджиту не было известно то, что Принц уже сделал это, но этот совет сам по себе подразумевал, что он видит дальше, чем Принц. Видимо он подразумевал, что впереди его ждёт не только смерть, но и что-то ещё. Возможно это скрытый, потаённый шанс? Но шанс на что? Обрести свободу или просто оттянуть неизбежное? Или, может, шанс оступиться ещё раз? Принц намеревался выяснить это во что бы то ни стало.

Промчавшись по тронному залу, Принц взбежал по лестнице, что вела на балкон, тянувшийся вдоль него. На бегу он обратил внимание на Песочные Часы – они выглядели именно такими, какими он запомнил их в Азаде: покрытые ярко-жёлтым свечением, которое золотистым туманом растекалось вокруг них; таинственные и всё такие же притягательные. И точно такими же их найдёт Магараджа много лет спустя. Значит, предположения Принца были совершенно верны и в попытке уничтожить Пески Времени он создал их. Пески, выпущенные из тела Кайлины, постепенно перетекли в Часы, и великий план по их созданию был завершён. Поэтому вовсе не было удивительным то, что Дахака продолжал гнаться за ним.

Покинув тронный зал, Принц оказался в покоях Императрицы – множество комнат, объединённых длинным коридором. Затем они сменились библиотекой – огромными залами, сверху донизу заставленными книгами. Запах в этом месте сильно отличался от остальных помещений крепости. В какой-то момент Принц, опасливо оглядываясь назад, чуть не влетел в стойку в центре зала. Она была пустой, но, вероятно, предназначалась для какой-то книги, по-видимому крайне особенной. У него не было времени остановиться и оглядеться, заметить или найти что-либо: Дахака был свиреп как никогда и неумолимо преследовал его, не давая даже выбрать другой путь. Тьма и холод гнались за Принцем по пятам, сжимая его сердце и затуманивая взор.

Библиотека сменилась ещё какими-то комнатами и коридорами, а в конце Принца ожидала затворённая дверь. Он как можно скорее отодвинул засов и выбежал прочь. Казалось, что крепость закончилась, но вокруг него всё равно высились стены, залы, состоявшие из множества ярусов. Однако все они выглядели давно заброшенными, покинутыми. Видимо, это была старая часть крепости, в которую уже много лет никто не заходил.

Перед Принцем неожиданно возникла стена воды. Он бросился из холода в холод. А затем вдруг почувствовал тепло. Смерть не греет – значит, он жив. Грозный рык, который обдал Принца очередной волной холода – Дахака остановился и даже отпрянул назад. Конечно! Чудовище не могло пересечь эту стену! Принцу до сих пор было странно осознавать, что подобное создание вообще могло испытывать боль. Аджит не смог нанести ему никакого урона, ни царапины! Он казался абсолютно неуязвимым. Но это было правдой – сквозь поток воды были видны его глаза – они кричали вместе с ним, горя при этом кроваво-красным цветом от ярости и боли. Ещё мгновение и Дахака исчез, но Принц знал, что это ненадолго и ужас вновь настигнет его и ему вновь придётся бежать. Но всё же не сейчас.

Принц подался вперёд – он очутился в достаточно широком, плохо освещённом коридоре. Откуда-то тянуло сыростью, но всё же чувствовалось тепло. Звон капель падающей воды был тем единственным, что нарушало обволакивающую всё тишину. Поначалу Принц удивился тому, что он оказался не в зале с порталом, как это уже происходило множество раз. Но спустя мгновение он вдруг понял, что же поразило его по-настоящему. Не успев опомниться от погони, Принц не сразу заметил, что стены вокруг него стали серыми и потрескавшимися, а потолок местами обвалился, как будто он вновь оказался в настоящем. В одно мгновение, без каких-либо манипуляций с Песками. И даже медальон сейчас был спрятан под нагрудным доспехом. Он прекрасно помнил, как, впервые попав в портал, он перешёл из одного времени в другое. Но тогда одна реальность плавно сменилось другой. Растаяла первая и появилась вторая, мягко и неторопливо. В этот же раз всё происходило совершенно по-иному. Будто бы кто-то прорезал окно, грубо сшив две реальности водяным швом.

Это зрелище невероятно поразило Принца, он попеременно переводил взгляд с одной стены на другую – оба времени были разом в поле его зрения. Он не переставал удивляться тому, что происходит на этом острове и особенно в крепости. Они сливались в нечто единое, в целостный организм, где вместо вен – бесконечные коридоры и тайные ходы, по которым растекается

Песок, словно бы питая этот организм. Но он был устроен сложнее, он имел какие-то недоступные для Принца скрытые механизмы саморегуляции. Вода, которая, казалось, противоречит самой природе Песков, их естеству, тем не менее, была повсюду. И Принц думал, что он, скорее всего, ещё многого просто не успел повидать. Что-то ещё казалось скрытым от взора. Благодаря этому тайному, непостижимому балансу сил, крепость не была просто обителью Песков, как казалось на первый взгляд. Едва заметные штрихи и обрывки этих тайн вели его вперёд, давая надежду на что-то совершенно неясное и туманное.

Движимый неутихающим любопытством, Принц подошёл к воде, достал меч из ножен и наполовину опустил его в поток, так чтобы его половина снова оказалась в прошлом. Он желал увидеть, произойдёт ли что-нибудь с предметом, который находится в двух временах разом. Но ничего не изменилось. Лезвие по ту сторону воды было совершенно таким же, оно лишь рассекало падавшую воду, отчего мелкие капли резвее брызгали в стороны. Принц вложил меч обратно в ножны. Он попытался внимательно всмотреться в воду, но видел в ней лишь своё отражение, в котором не было совершенно ничего необычного. Он провёл ладонью по этой своеобразной глади и почувствовал лёгкую прохладу и вновь брызжущие, на сей раз прямиком в лицо, капли. И больше ничего.

Принц убрал меч и запустил обе ладони в воду, стараясь зачерпнуть как можно больше, и умыл лицо. Оно было грязным, со следами засохшей крови, своей и чужой. Затем он резко тряхнул головой, сбрасывая капли с волос, вытер руки об себя и посмотрел назад – вернуться назад он не решался, поэтому развернулся и пошёл прочь, вдоль по коридору.

Тот имел довольно необычные очертания – не привычные ровные стены, выложенные из кирпича, а гладкие и блестящие, с часто посаженными, наполовину утопленными в стену, колоннами. Они имели необычную форму – не круглую, а вытянутого скруглённого прямоугольника. Пройдя ещё немного, он убедился, что эта часть крепости отличается от остальных – это было заметно даже несмотря на беспощадное время, что практически превратило это место в руины. Часть стен обвалилась, соединяя коридор с другими комнатами и залами.

Принц прошёл дальше и вскоре очутился перед очередной стеной из воды. Она проистекала из резной арки, подобной которой Принц тоже не встречал ранее. Макушка арки была выполнена в виде каких-то ветвей, немыслимым образом переплетающихся между собой, теряющихся в стене и вновь показывающихся наружу. Ветви были украшены множеством листьев, вырезанных из камня, которые заканчивались примерно

на уровне пояса, а голые ветви расходились и изгибались в разные стороны и, словно бы, врастали в пол. Где-то поодаль, даже сквозь шум воды, Принц разобрал глухое рычание и тяжёлые шаги – в этот раз Дахака и не думал так просто сдаваться. Он изо всех сил искал способ продолжить погоню, поэтому Принц как можно скорее шагнул за очередную водяную завесу.

И вновь, каким-то совершенно невероятным, непостижимым образом Принц оказался в другой реальности, в другом времени – стены зала буквально дышали свежестью, он был хорошо освещён, ушёл запах сырости. Шаги зверя стихли, хотя Принц знал, что прошлое для него теперь тоже не безопасно и Дахака будет преследовать его даже здесь. Но чем дальше шёл Принц, тем лучше он понимал, что он не просто оказался в прошлом. Он вновь оказался во временном пузыре! Время вокруг застыло, скорее всего, очень давно, сохранив эту малую часть крепости в почти первозданном, нетронутом виду, в отличие от безжизненных руин, что остались позади. Но эти отличия проявились только со временем – тот, кто создал это место, очевидно не хотел быть обнаруженным сразу. Обнажить тайну стало возможным только спустя тысячи лет. Но, раз это место всё ещё существует, вероятно, секрет не был раскрыт до сих пор. Принц чувствовал, что за всем этим стоит нечто общее, объединяющее его отдельные находки в общую, целостную картину. Все они были как-то связаны. Сначала потайная комната без входа и выхода в основании башни на внешнем острове, затем темница Аджита, а теперь и это место. Они существовали словно бы вопреки самой крепости и её порядкам. Что, если кто-то, как и он пытался укрыться от Дахаки? Этот вопрос наконец-то сделал слепые поиски Принца в этом месте осмысленными – до этого момента он не знал, куда и зачем шёл. Он лишь пытался скрыться от погони, олицетворение которой загоняло Принца всё дальше в неизвестность.

Но что именно ему делать с этим открытием? Просто остаться здесь, в пузыре и ждать веками, как Аджит, когда что-нибудь изменится? Это было глупо и совершенно не походило на разумное решение. Принцу очень хотелось найти способ потянуть пузырь за собой, двигаться так, чтобы он постоянно оставался вокруг него. Но сделать этого он был не в силах, поэтому он успокаивал себя тем, что всегда сможет попробовать вернуться сюда, если потребуется – теперь он знал, что есть как минимум одно безопасное и легкодоступное место. Поэтому он решил двигаться дальше. Наугад пройдя через выход из зала, Принц вновь очутился в настоящем – временные отрезки уже

предсказуемо повторялись и он уже догадывался, что впереди его ждёт ещё не одно такое перемещение.

Но вдруг размышления Принца прервал Дахака, которые неожиданно появился перед ним, проломив одну из стен. Он преградил Принцу проход, отрезав его от спасительной арки впереди. Возвращаться назад у него тоже не было времени: чудовище находилось от него буквально в нескольких шагах и с лёгкостью настигло бы его. Единственным решением было броситься в пролом в стене, из которого появился зверь. Не ожидая такой дерзости, Дахака замешкался на одно спасительное для Принца мгновение и ринулся за ним. Но теперь у Принца было необходимое для него преимущество – он выиграл несколько секунд и изо всех бежал к следующей водной завесе, надеясь вновь укрыться во временном пузыре, перевести дух и сбить зверя с толку.

На удивление, в этот раз все догадки Принца оказывались правдой и, преодолев очередной изгиб коридора, он увидел спасительную стену воды и уже через мгновение вернулся в прошлое, очевидно более далёкое, чем времена Кайлины. Обернувшись назад, он увидел Дахаку, что застыл перед входом и не собирался никуда уходить. Принц уже было испугался, что обратный путь отрезан, и он заперт здесь, но увидел второй выход из зала. Незамедлительно проследовав к нему, Принц вновь очутился в настоящем и удивлённо осмотрелся по сторонам – он оказался в том сам зале, где всего несколько минут назад ему пришла идея о пузырях времени и устройстве этого места. Но теперь он выглядел безжизненно: потолок обрушился, а один из выходов был завален. Стены обветшали и всё было готово рассыпаться в прах, канув в небытие. Принц почувствовал запах сырости и огляделся по сторонам – какие-то длинные растения, действительно напоминавшие водоросли, свисали отовсюду, закрывая серость стен и выставляя напоказ свой угрюмый дымчато-зелёный цвет, который делал и без того унылую картину ещё более угнетающей.

И вновь послышались шаги невесть откуда взявшегося чудовища. Замедлившийся ненадолго Принц вновь бросился убегать – на этот раз погоня по-настоящему испытывала его силы, заставляя работать на износ.

В этот раз Принц был лишён выбора и проследовал к единственному выходу из зала, путь к которому был свободен. Его раздражало то чувство, что он уже смог несколько раз пройти сквозь время, но не мог преодолеть жалкую кучу камней. Вроде бы пространство подвластно времени, но сейчас Принц терял эту связь. Наоборот, время было влито в длинные коридоры этого огромного и таинственного замка, и текло по ним однообразно,

заунывно и покорно, подобно воде, запертой в берега медленной равнинной реки. И совершить путешествие во времени здесь было намного проще, чем сделать десяток шагов в нужную сторону.

Дальнейшие события слились в один неразличимый вихрь, водоворот из бесконечно сменяющих друг друга реальностей. Принца всё глубже затягивало в лабиринт пространства и времени, из которого он самостоятельно уже не нашёл бы выхода. Прошлое бесконечное число раз сменялось настоящим и обратно, залы и коридоры чередовались во всевозможных вариациях. Неизменным оставалось лишь одно – звук тяжёлых шагов позади Принца и постоянно догоняющий его холод. Разум его затуманился, он не разбирал дороги, переставал узнавать места, в которых уже был – все они слились в единый поток, который лился откуда-то сверху на его сознание. И Принцу даже казалось, что каким-то невероятным образом Дахака знаком с этим местом – он преследовал его так, будто знал здесь каждый кирпичик и всегда с лёгкостью находил дорогу к Принцу. И вновь гнал его из реальности в реальность. Хотя сам он с трудом мог назвать всё это реальностью. Чем угодно – сном, иллюзией, видением, бредом, но только не реальностью. Казалось, он был обречён вечно скитаться по этим бесчисленным комнатам и коридорам, постоянно прыгая из одного отрезка времени в другой, зарываясь всё глубже и глубже в этот невероятный и попросту непостижимый разумом лабиринт. Ему хотелось остановиться, будто бы протестуя против этого негласного принуждения, но он не мог себе позволить такой роскоши. И вновь, гонимый преследователем, Принц мчался вперёд.

Он уже перестал понимать, он ли вообще бежит сейчас или это всё было каким-то видением, участником которого Принц вдруг стал? Сколько таких, как он было прежде? Ведь, если был Аджит, то были и другие! И за каждым Дахака охотился, выслеживая и убивая, как добычу. Удалось ли хоть кому-то зайти хоть на шаг дальше?

Отрезвило его лишь то, что он заметил, как с какого-то момента времена перестали чередоваться и, раз за разом ныряя за стену воды, Принц оказывался в настоящем. На этот раз ему не помогал даже медальон, который он попытался призвать к действию, как делал это раньше. Но всё было тщетно. Кажется, зверь знал, что делал и выгнал его из относительно безопасной для Принца части крепости. Однако вскоре он заметил кое-что, ставившее под сомнение эту догадку. Обернувшись назад, он увидел, что за ним словно бы тянется воздушный шлейф и вереница следов, которые быстро исчезают. Они выглядели как цветные пятна, вытеснявшую это серую, безжизненную

реальность капельками быстро угасавшего прошлого. Но Принц ничего не мог поделать – прошлое, хоть и было где-то рядом, почему-то отказывалось впускать его. А меж тем, его силы были уже практически на исходе, его охватывала паника – ещё немного и, если он не найдёт решения, он будет повержен зверем. У него сдавливало дыхание и подкашивались ноги. Всё здесь сопротивлялось его присутствию, пыталось изгнать или попросту уничтожить его.

Однако же Принц ещё в состоянии был понять, что отчаяние – не лучший союзник сейчас. Ему следовало, несмотря на усталость, мыслить конструктивно. Важно было понять, что изменилось. Почему прошлое теперь отталкивает его?

Продолжая задаваться вопросами, Принц заметил, что уже в третий или четвёртый раз (а, возможно, и больше) пробегает по одному и тому же месту. Он был здесь минуты три назад – это он знал наверняка. Выходит, что теперь зверь гонял его по кругу. И ему нужно как-то вырваться из него, найти хоть какой-нибудь выход!

Принц решил прислушаться не только к своему разуму, но и к чувствам, хотя сделать это было непросто: разгорячённый и усталый, он ощущал всем телом лишь обжигающий холод и удары бешено колотящегося сердца – единственного, что боролось с ним. Но, улучив момент после очередной стены воды, Принц вновь прислушался к себе и ощутил, что холод исходит ещё и от медальона. Он запустил руку под нагрудный доспех и вытащил его наружу. На этот раз, прикосновение к нему ничего не дало Принцу – медальон словно бы молчал: никаких видений, никаких странных ощущений – ничего. Так, словно бы это был просто бесполезный кусок металла.

Внезапно Принц запнулся и с размаху упал на пол. Вокруг него на мгновение ярким пятном вспыхнуло прошлое и тут же угасло. Дахака ещё не успел вернуться и продолжить погоню, но Принц обессиленный лежал на полу, словно бы ожидая свою смерть. У него трясся подбородок, он словно бы не чувствовал ног. Его взгляд был устремлён вверх и находящийся высоко над ним потолок давил на него. Принцу казалось, что ещё секунда и он или рухнет разом на него или медленно опустится и раздавит. От этого странного чувства он ещё сильнее вжимался в холодный камень. Падая, он сильно ударился левым локтем. Смешиваясь со всем тем, что чувствовал Принц, боль превращалась в безумную пытку. Его крик сотряс стены и потолок, он был такой силы, что, казалось, Принц хотел разрушить им всё и освободить свой разум от этого кошмара. Боль обступила его со всех сторон и подбиралась к горлу уверенно и нарочито неспешно, будто бы собираясь задушить, но не сразу, а помучить его перед этим,

врезаясь удавкой, наброшенной невидимым убийцей, ему в кожу. Кровь будто бы останавливалась, несмотря на невероятно сильно стучащее сердце, дыхание вырывалось из него редкими звуками, смешанными с всхлипами и уже беззвучным криком. У него кончились силы кричать по-настоящему. Он отчаянно пытался вскочить, махая руками по сторонам. Несколько раз он хватался за какие-то камни на полу, но рука проскальзывала и те просто откатывались прочь. По телу носился холод, цепочка с медальоном перекрутилась так, что он теперь висел со стороны спины. И он будто бы тянулся вниз, оттягивая цепочку, отчего та врезалась Принцу в горло. Он был настолько слаб, что не мог сопротивляться даже подобной мелочи, и раз за разом падал на пол. Принц с размаху ударил рукой по полу, так, как будто это могло что-нибудь изменить. Но это лишь доставило ему новой боли, на его ладони появилась кровь – он сильно оцарапал её об острый камень. Никто и ничто не спасло бы его в эту секунду, как он думал. Ошибка… Вся жизнь – бессмысленная ошибка. И всё, чего он достоин – смерть. Мучительная пытка до последней капли крови. И он ничего не мог исправить.

– Нет! – взревел Принц.

Дикая ярость буквально сыпалась из его глаз и одновременно с этим в нём проснулась невероятная сила. Он перекатился со спины на живот, впиваясь пальцами в каменную крошку на полу. Опершись на ладони, он резким рывком оттолкнулся от пола и вскочил на ноги. Он стиснул зубы так, будто бы хотел раскрошить их в порошок. Подобным образом были сжаты и его кулаки, до боли в пальцах. Он будто бы специально доставлял себе ещё больше боли, надеясь выжать из организма остатки сил для ещё одного рывка. Возможно, уже последнего.

И вдруг где-то слева раздался жуткий грохот, посыпались кирпичи, по всей стене пробежала дрожь, смешанная с холодом, причём до ужаса знакомым. Знакомым, так же как и грозный рык, что он услышал мгновенно за всем этим грохотом. Сливаясь с шумом, он становился ещё более устрашающим. В том месте, где стена не доходила до потолка, завершаясь чем-то вроде окон, одно напротив другого, она была буквально разорвана и разрушена. Дахака вышел сквозь образовавшийся проём и двинулся к Принцу. У того была секунда, чтобы сделать мучительный выбор – погибнуть сразу или кинуться навстречу дикой агонии, которая бы дала ему ещё пару ужасных мгновений жизни. Но последняя секунда стремительно убегала прочь и он с ненавистью схватился за медальон и, сорвав его с цепочки, запустил им в зверя. Так, будто это могло хоть как-то задержать или отвлечь его. Не долетев примерно пяти шагов, медальон

растворился в воздухе, превратившись в золотую пыль. Принц в любом случае собирался от него избавиться – он просто не успел сделать этот вовремя, оттого его жест сейчас был таким импульсивным и отчаянным.

И он вновь бросился бежать, отрывисто дыша. Но не успел он сделать и десяти шагов, как заметил, что всё вокруг начало меняться – он по-прежнему слышал тяжёлые быстрые шаги за спиной, но с каждым мгновением всё более явственно чувствовал, как старый разрушенный замок будто бы оживает, обновляется, загорается прежним блеском. Каждый шаг Принца, сливаясь со стуком его сердца, выпускал наружу миллионы искр прошлой жизни, заставляя всё вокруг светиться и поглощать звуки этих ударов, напитываясь жизнью. И прогоняя прочь Дахаку. Но всё ещё напуганный Принц бежал и ему казалось, что он слышал каждый шаг дикого зверя, грохот разрушенной секунду назад стены до сих пор гудел у него в голове. Сейчас он бежал сквозь время, которое открыло перед ним новый проход там, где ещё секунду назад была груда камней. Кажется, Принцу, наконец, удалось вырваться из замкнутого круга.

Ближе к середине зала, в котором он очутился, виднелось небольшое возвышение, которое постепенно вырастало на глазах, превращаясь из груды камней в идеальный круг. И прямо у него на глазах на этом постаменте вырастала какая-то статуя. Принц, лихорадочно бегая глазами из стороны в сторону, не заметил на бегу какую-то неровность на полу и вновь споткнулся. Он пролетел несколько шагов и звучно повалился на пол, продолжая приближаться к тому моменту, когда этот зал был по-настоящему не тронут временем. Упав, Принц сразу же привстал на руки, развернулся лицом к ужасу и сидя на полу, попытался отползти назад, отчаянно отталкиваясь ногами и пытаясь встать. Он будто бы ещё видел Дахаку, слышал его безжалостные шаги и ощущал холодный взгляд. Но они растаяли в воздухе ещё несколько секунд назад, просто память Принца отказывалась мгновенно подчиняться этому факту. Его лишь обдало волной холодного ужаса, который словно бы прошёл сквозь него и мгновенно растаял. Принц чувствовал, как Дахака прошёл в том же месте, где он был сейчас сам, но в другом времени, в том, из которого он смог сбежать, а страшный зверь – нет.

Принц привстал и осмотрелся по сторонам. Он очутился в круглом зале средних размеров с невысоким потолком и балконом по всему периметру на втором ярусе, который подпирали толстые колонны. Зал был освещён закреплёнными на них факелами. Других источников света в зале не было, он был лишён окон, хотя воздух здесь казался необычайно свежим и приятным. И почти весь зал был усеян арками, что служили

выходами из зала – их Принц насчитал около двадцати штук. Но не успел зал обрести очертания, как сразу же продолжил меняться буквально на глазах. Зрелище, которое почти невозможно представить, не увидев и не почувствовав его самолично. Секунду назад Принц видел абсолютно ровную и неизрезанную реальность, обрисованную золотисто-красным светом факелов. Но за несколько мгновений всё невероятно изменилось – всё вокруг – и воздух, и стены, и пол, и потолок состояли будто бы из обрывков, перемешанных между собой и образующих невероятный хаос. Стены были покрыты пятнами одновременно двух времён – большие серые пятна грубо врезались в небольшие золотые просветы, и наоборот большие капли прошлого были слегка разбавлены серостью настоящего. Но помимо этого что-то ещё сквозило в этом воздухе. Нечто горячее, но не обжигающее, и неотступно следовавшее за ним в каждом клочке воздуха что-то холодное и пустое, сквозившее если не ужасом, то чем-то пугающим и отталкивающим. Воздух был усеян небольшими красноватыми пятнами, горевшими чуть ярче света факелов. И не меньше было других пятен, которые почти не пропускали свет, а лишь пылали тьмой, хотя сквозь них всё же без особого труда можно было разглядеть весь остальной зал. Из-за всего этого, очертания помещения постоянно расплывались, а окружающая реальность напоминала палитру перемешанных наугад красок, в отдельных точках которой время словно бы пульсировало, перетекая от одной точки к другой.

Одновременно с тем, как Принц увидел все эти перемешанные обрывки времён и реальностей, он ощутил, как его тело и душу наполняет миллион невероятных чувств. Он видел обрывки каких-то странных образов, фрагменты событий, слышал бессвязные голоса и даже различал лица людей, которые проносились мимо него. На мгновение ему даже показалось, что он видел себя самого. И само это место постепенно становилось каким-то другим, выглядело иначе – без статуи, выше и шире, с большим входом – во всевозможных вариациях. И всё так же мимо него сновали какие-то люди, проносились голоса, смешиваясь в странный вихрь, в котором сложно было что-либо разобрать.

Принц ощутил себя потерянным, заблудившимся и лучше всего это удавалось объяснить тем, что он оказался как бы на пересечении всех возможных времён и реальностей. Особенное место, которое противоречило судьбе и линии времени. Он был убеждён, что линия может быть всего лишь одна, но пытался оспорить её неизменность, стремясь переписать свою судьбу в течение последних семи лет. Но в этом месте она была попросту слепа и, кажется, допускала любой исход, любое развитие

событий из миллиардов возможных. Однако же он ощущал себя вполне реальным, его разум не утекал куда-то прочь, растворяясь в странном вихре. Эти видения больше походили на обрывки каких-то воспоминаний, чужих не известных ему, но каким-то образом обретших форму и проникших в его разум. Но что было их источником? Может быть, эта статуя?

Принц внимательно посмотрел на неё, подойдя поближе – она, как и всё в зале, казалась состоящей из нагромождения странных пятен, часть из которых иногда делали её частично невидимой; её образ дрожал в воздухе, но в целом продолжал ясно присутствовать перед взором Принца. Рассмотреть лицо или даже одеяния человека, которого она изображала, он никак не мог – оно расплывалось как и все остальные, что яркими, но короткими вспышками мелькали вокруг Принца.

Всё это продолжалось до тех пор, пока среди миллионов этих лиц он не увидел одно, единственное знакомое ему и принадлежавшее человеку, которому он хоть в чём-то мог доверять – Аджиту. И тогда Принц изо всех сил постарался сконцентрироваться на нём, проследив его путь и увидел, как во вновь отчасти обретшем свои очертания зале, Аджит подошёл к статуе и снял с шеи… медальон! Причём понять, что именно тот взял, Принц смог лишь после того, как предмет оказался у Аджита в руках. Принцу показалось очень странным то, что ему пришлось избавиться от него буквально несколько минут назад, чтобы попасть в это место, как вдруг у него снова появилась возможность завладеть им. Принц пожертвовал медальоном, и это стало своеобразной ценой, которую было необходимо заплатить. Но ведь Дахака поглотил медальон! Неужели есть и другой? Вопросы множились с невероятной скоростью, ещё больше увеличивая неразбериху вокруг Принца.

Но, несмотря на то, что он отчётливо видел каждое движение Аджита, практически каждый его шаг, Принц знал, что ничего из этого никогда не происходило. Могло произойти, но судьба распорядилась иначе. Он сам видел, как погиб Аджит, умер буквально у него на руках. И теперь всё это осталось лишь воспоминанием о не случившемся. Вот о чём говорил Аджит, это было то, о чём он знал! Об этом он и хотел поведать Принцу перед своей смертью. Выходило так, что будь он до сих пор жив, то сам бы устремился к этой цели, до поры до времени обманчиво притворяясь безразличным ко всему вокруг. И тогда, возможно, случилось бы даже так, что он противостоял бы Принцу. Аджит не имел бы ничего лично против него, просто тот оказался бы у него на пути. Ведь, несмотря на обман, цель его была настоящей, правдивой – в этом Принц мог по-прежнему доверять Аджиту, хотя всё ещё не понимал сути этих устремлений. И, к тому же,

почему найти это место мог только тот, кто выпустил Пески Времени? Их с Аджитом связывал только общий враг, Дахака. Как олицетворение судьбы могло привести нарушителя линии времени в такое противоречивое место?

Подойдя к статуе, Принц, не смог рассмотреть в размытых очертаниях медальона на её шее. Но, подойдя поближе, у подножия статуи он вдруг обнаружил целую россыпь их – он определил это скорее по звуку, нежели увидел. Их было множество, несколько сотен и Принц решительно не понимал, как можно найти среди них нужный. Если же все они были настоящими, то в чём тогда их ценность? Выходит, они легко воспроизводимы, и не являются чем-то уникальным, недоступным и значимым. Но, понимая, что он определённо столкнулся с какой-то умышленно оставленной загадкой, секретом, Принц догадывался, что у неё никак не может быть очевидного решения. Ему оставалось лишь довериться видению с Аджитом и он вслепую протянул руку к груди статуи. Почувствовав странное тепло, он действительно нащупал медальон на металлической цепочке. Ещё до того, как он снял его с шеи, он почувствовал, что рельефный рисунок на медальоне отличается от уже знакомого ему. В центре отсутствовал круглый бугорок, остался лишь полумесяц по краю диска. В точности как в дневнике! Другой медальон, который отличался от первого очень незначительно, неуловимо тонко. Но он определённо заслуживал внимания, а россыпь у подножия статуи наверняка была лишь грудой подделок. Выходит, и тот медальон, что дала ему Кайлина, тоже был подделкой? Следовательно, этот секрет, который обнаружил Принц, был скрыт даже от её взора?

Теперь Принц понимал, зачем ему пришлось выкинуть медальон. Это не было жертвой, и решительно неважно, что он был поддельным. Это место было спрятано и устроено таким образом, чтобы сюда ни в коем случае не попал ни один из, как называл их Аджит, Хранителей. И верным знаком этого было наличие любой из реликвий Песка – медальона, Перстня или кинжала. А единственное упоминание об этом месте, пусть и косвенное, было в дневнике Намтара. И, вероятно, он поведал о нём ещё и Аджиту. Выходит, Намтар был врагом Хранителей, а не одним из них? А теперь и Принц был вовлечён в это противостояние.

Стоило ему взять медальон в руку и поднести к лицу, чтобы рассмотреть получше, как зал и статуя вдруг почти в один миг приобрели резкие очертания. Осязание не подвело Принца, и рельеф на медальоне действительно отличался от виденного им ранее. Но при ближайшем рассмотрении он заметил, что бугорок

в центре не просто отсутствовал, а был именно сточен, о чём говорили характерные царапины и потёртости в центре диска.

У Принца не возникало сомнений в том, что этот медальон особенный и настоящий. Он даже отличался на ощупь, будучи не гладким, как поддельный, а шершавым и потёртым. Это был истинный медальон, сохранившийся с незапамятных времён. Тот, чей отпечаток сохранился на последней странице дневника Намтара. Он приложил невероятно много усилий, чтобы вот так спрятать его. А это значит, что он действительно обладал ценностью и какими-то особенными возможностями, в отличие от безделушек у него под ногами. Принц наклонился и взял один из них. Повертел в руках и, спустя мгновение, тот вдруг растаял прямо у него на ладони, вздымая вверх языки жёлтого песчаного пламени, которые затем превратились в лёгкие пылинки, тут же рассеявшиеся в воздухе, оставив лишь воспоминания. Принц удивлённо взглянул на свою ладонь, не веря тому, что произошло секунду назад. Он нагнулся ещё раз и зачерпнул целую горсть маленьких дисков – и каждый из них, один за другим, исчез с его ладони всё тем же странным и необъяснимым способом. По-прежнему не веря в происходящее, Принц двумя пальцами другой руки коснулся ладони и обнаружил, что та действительно пуста. Он вновь наклонился и провёл кончиками пальцев по всей россыпи, восхищённо ловя одну за другой яркие и стремительные вспышки.

Принц всё понял. Настоящий медальон, который он держал в другой руке, открывал истину. Он был источником всех этих воспоминаний и образов, совсем недавно вихрем круживших вокруг Принца. Он позволял отличить правду ото лжи, настоящее от поддельного. Принцу казалось это удивительным, но невероятно знакомым. Он позабыл это странное чувство, но теперь оно возрождалось в нём. В последний раз он испытывал нечто подобное, когда впервые заполучил кинжал. Но, кажется, он даже превосходил его, храня невероятное количество воспоминаний и вариантов прошлого и будущего. Он мог усиливать собственные воспоминания Принца, мог дарить чужие, ведь наверняка Пески, коими полон медальон, запечатлели каждое мгновение жизни предыдущего хозяина. И, наверняка, он, подобно кинжалу, способен перемещать владельца во времени, пусть даже всего на несколько мгновений назад – этого могло оказаться вполне достаточно, ведь в некоторых ситуациях всего секунда могла определять всю судьбу человека. Как дальнейшую, так даже и прошлую. Принц сполна убедился, что время – понятие очень туманное, неясное, но коварное и непредсказуемое.

Держа в руках столь ценную, по его мнению, находку, Принц, однако совершенно не представлял, что ему с ней делать и как это может помочь ему. В его голове рождались какие-то неопределённые идеи, в которых он находил возможное применение необычным свойствам медальона, либо как-то усиливая их с помощью Песков, либо пытаясь буквально подменить реальность, вновь оказавшись на пересечении времён и миров и выбрав нужную ему. Вокруг него было множество дверей, ведущих прочь из этого странного места и каждый из выходов мог вести в одну из таких реальностей, разительно отличающихся друг от друга. Но вот сами по себе все выходы выглядели решительно одинаково, и выбрать нужный было затруднительно. Так много вариантов и ни один не был ничем не лучше и не хуже другого. Принцу не оставалось ничего, кроме как попробовать наугад.

Полагаясь на удачу, он пошёл к ближайшей из дверей, что располагалась ровно напротив той, через которую он попал в этот зал. И, не заметив никаких скачков или вспышек, он вышел… в тот же самый зал. Из той же самой арки, через которую прошёл несколько минут назад. Непонимающе озираясь по сторонам, Принц решил попробовать другую, прошёл в неё и всё вновь повторилось: он вновь вышел из двери на противоположной стороне. А затем ещё и ещё раз. Каждая из попыток заканчивалась одинаково. Он будто бы был заперт в этом зале. Множество дверей и ни одного выхода. Ему начинало казаться, что он должен выглядеть как то совершенно иначе. Оказавшись в заточении у времени, он не мог полагаться на обычные двери и ключи. Но он не понимал, почему, будучи достойным ступить в это тайное место, он теперь не мог его покинуть? Или же время ещё не пришло? Может быть, он всё ещё не нашёл то, что нужно было найти, не увидел того, что следовало увидеть? Ведь он и вправду, до сих пор не представлял, что ему делать со всеми этими находками и открытиями.

Судя по всему, это место было создано с единственной целью – оставить послание. И не так уж важно кому – всех людей, чьи лица мелькали в недавнем видении, объединяли одни и те же проблемы. И даже цели их были наверняка схожими. Но, например, Аджита от Принца отличало то, что он обладал какими-то исходными, изначальными знаниями. У Принца же не было попросту ничего, только случайные догадки, обрывочные сведения и записи в дневнике. И Аджит не успел ему о чём-либо рассказать. Возможно, Принцу вообще не стоило ориентироваться на него, а следовать за тем, кто стоял у самых истоков. Тем, по чьим стопам шёл и сам Аджит…

Принц взглянул на основание статуи. Надпись на нём красноречиво гласила: «Намтар», хотя к этому моменту у Принца и так уже не оставалось сомнений в личности того, кто устроил всё это. Но к чему ему было это тщеславие? Зачем было оставлять это изваяние, когда единственным источником памяти о нём, – настоящей, а не вымышленной, – скорее всего, был тот самый медальон? И теперь Принцу было хорошо понятно, зачем и от кого так старательно Намтар его прятал, даже несмотря на то, что он всё ещё не видел самого послания. Но вот чего он не понимал, так это того, как именно он мог помочь ему? Какой план он мог выдумать, что помог бы и Аджиту и любому, кто пришёл бы вместо него, в том числе и Принцу?

Он ещё раз, внимательно осмотрел статую. Она изображала мужчину с вытянутой вперёд левой рукой, большой и указательный пальцы которой сжимали что-то небольшое, вроде ключа. Но ни его, ни двери, которую бы тот отпирал, не было. Вторую руку мужчина держал на уровне пояса, чуть согнутой в локте, так, что пальцы будто бы тянулись к рукояти меча, вложенного в каменные ножны. Но самого клинка у него на поясе не было. Его одежда напоминала ту, что была на Принце – одежда воина: шаровары, туго стянутые поясом, какая то рубаха без рукавов, перетянутая в нескольких местах ремешками, отчего она плотно прилегала к телу и аккуратно завязанный на голове небольшой тюрбан с заправленными концами. Лица же Принц рассмотреть не мог – в этой части камень был практически гладким, лишь в самых общих чертах обрисовывая человеческое лицо: нос, глазные впадины и подбородок.

И тут статуя в одно мгновение обрушилась, – видимо её существование более не было необходимым, – оставив лишь воспоминания и постамент с именем. Память теперь хранила общие очертания, её странную позу и таинственные недомолвки в самом образе. Принц сразу же сообразил, в чём смысл этих загадок – ему предстояло найти недостающие элементы. Но где, каким образом и зачем? Этого он по-прежнему не понимал, равно как и не видел между ними связи. Он понял, что устал топтаться на месте, задаваясь бесконечными вопросами, и обхватил медальон рукой. Видение, которое тот открыл Принцу, было достаточно туманным и бессвязным. Он стоял в том же месте, что и несколько секунд назад. Он видел тот же зал. Рука, что он видел перед собой, так же сжимала медальон. Но это была не его рука. И не его тело. И оно было совершенно ему неподвластно. Он безоговорочно понял это в следующую секунду, когда этот кто-то пошёл в направлении выхода. Каждого из выходов, одновременно. И далее видение становилось ещё более размытым, неоднозначным и решительно непонятным. Словно бы

все возможные варианты происходящего опять накладывались друг на друга. Словно бы Намтар, в чьём теле ощущал себя Принц, спрашивал у него: «Что же ты ищешь и чего хочешь достичь?».

Но Принц всё ещё не знал. Его мысли метались в мучительных поисках хоть какой-то идеи, малейшей зацепки. Однако, ответа в себе он так и не находил. Он всё больше понимал, что ему остаётся лишь слепо поверить этому хрупкому, невесомому и невнятному воспоминанию. Последовать за ним, куда бы оно ни вело. Понять – чего же хотел сам Намтар?

Принц обратил внимание на странные одеяния незнакомца. Поверх тех одеяний, что он видел на статуе, на Намтара была накинута длинная тёмно-коричневая мантия, с огромным капюшоном, натянутым на лицо, рукавами-раструбами и волочившимся по земле низом. Он словно бы пытался скрыть свой облик, хотя, в отличие от статуи, у видения всё же было лицо, пусть и скрытое в тени. Но вскоре Принц обратил внимание на кое-что ещё. Он не просто видел глазами Намтара – он словно бы чувствовал то же, что и он. Он ощущал боль внутри себя, по коже бегал морозец и, казалось, Песок пожирал его изнутри. Принц чувствовал, как угасала его жизнь, всё ещё сопротивляясь, но уже из последних сил, в противовес холоду обжигая его изнутри. Это противостояние и доставляло ему эту невероятную боль, оно убивало его. Оно разделило всю его жизнь на до и после, проведя черту. И теперь Принц видел, что между ними не так уж много различий. Какая разница, изнутри или снаружи глодал их Песок, были ли изменения внешними (как в случае с Намтаром, который явно прихрамывал и двигался как-то неуклюже) или внутренними? Очевидно, он, подобно Принцу, хотел хоть как-то продлить свою жизнь. Или ещё лучше – получить второй шанс.

И тут Принц почувствовал, как что-то врезается ему в память, причём совершенно независимо от его воли. Будто бы кто делает маленький надрез в его воспоминаниях и вливает туда что-то новое. Тропа перед Намтаром вдруг вспыхнула ярким светом и они, наконец-то покинули зал. Теперь Принц вообще не владел собой – Намтар вёл его куда-то. И воспоминания наконец-то обрели форму слов, звучавших в сознании Принца:

– Я сражался и пал. Дахака преследует меня и мне не скрыться от него. Но Маска Песчаного Духа дала мне второй шанс. Она позволила мне пройти путём призрака, против течения времени, и изменить свою судьбу. А медальон был словно бы якорем для меня в этом необычном путешествии – он позволил мне вовремя остановиться и не уйти в небытие.

Принц едва ли понял всё, о чём говорил голос внутри него, но уловил суть – Маска давала возможность перемещаться назад во времени, причём по желанию её владельца. Практически так же, как и пузырь, который он обнаружил в тюрьме. И вероятно, все остальные. Но они каким-то непостижимым образом были непригодны для использования – либо были доступны только в настоящем, либо в них было попросту невозможно попасть (не считая случайностей).

Принц не знал, откуда взялась Маска: создал ли её Намтар или она происходит из ещё более глубокой древности. Но он явственно понимал – таинственный проводник вёл его туда, где она находилась. Иногда Принцу казалось, что он всё ещё ощущает своё тело, но совсем ненадолго, на очень короткие промежутки времени. Намтар же, тем временем, прошёл через несколько залов и дворов, вышел на какую-то площадь. Вдали виднелись какие-то постройки, напоминавшие дома, но выглядели они дороже и богаче тех жалких лачуг, что Принц видел на внешнем острове.

Время вокруг него словно бы дрожало, и порой вокруг мелькали люди, которые затем бесследно исчезали. Принц ощущал дыхание древности, сильнее того, когда впервые очутился в прошлом. Воспоминание, тянувшее его за собой, было настолько далёким и слабым, словно утренний сон, что не могло остановиться в какой-то определённой точке времени, а бегало туда-сюда. Свернув в неприметный переулок, Намтар устремился в заросли у подножия утёса и вскоре скрылся в какой-то пещере. Всю дальнейшую дорогу он шёл в абсолютной темноте, да ещё и закрыв глаза, словно бы обладая каким-то особым навыком видеть во мраке. Кожей Принц ощущал, что пещеры были заполнены густым туманом, и даже при свете факелов найти дорогу в этом лабиринте было невозможно. Кажется, Намтар был единственным, кто знал её.

В какой-то момент Принц увидел перед собой каменную стену, в которой за годы поток воды проделал проход. За ним, совсем поблизости виднелся какой-то постамент. Намтар протиснулся в образовавшуюся расщелину (Принц был уверен, что во времена Намтара её не существовало, но он спланировал её появление) и подошёл к возвышению. Откуда-то сбоку бил тонкий луч света, позволяя разглядеть хоть что-нибудь, впервые за долгое время. Принц увидел перед собой нечто вроде мумии, в странной сидячей позе застывшей на потрескавшемся и покосившемся постаменте. Одеяния тела истлели за долгие годы, и невозможно было даже предположить, кому оно принадлежало. На лице у мумии было нечто вроде маски.

В этот момент произошло нечто неожиданное: Принц вновь почувствовал контроль над своим телом, а видение в один миг покинуло его. Выходит, всё это время ему лишь казалось, что он находится в другом теле. Но на самом деле это чужое воспоминание находилось в нём самом! И оно привело его прямо к обещанной цели. Буквально на расстояние вытянутой руки. Принц всё ещё не понимал масштабов и сути замысла Намтара, но ощущал трепетное восхищение перед ним – кажется, он видел сквозь время, знал точно наперёд, что и как произойдёт. И оставил подсказки и тайники в нужных местах и только для тех, кто в них по-настоящему нуждался.

Принц подошёл к умершему и аккуратно снял маску с его лица. Она показалась ему довольно увесистой, имела бронзовый оттенок, а изнутри была испещрена письменами на том же языке, что и в дневнике, но выполненными очень мелко. Пытаясь вчитаться, Принц вдруг обнаружил, что символы словно бы прыгают с места на места, испуская едва заметное свечение. Неизвестно, было ли это игрой света или какой-то особенностью маски, но Принц так и не смог разобрать ни единого слова и потому решился наконец-то надеть её.

В следующее мгновение, лишь только маска коснулась лица Принца, его тело пронзили тысячи игл. Пульсирующая боль охватила буквально каждую часть его тела, а реальность вокруг померкла. Вокруг не было пещеры, не было странной мумии, что хранила Маску все эти годы, не было даже того лучика света. Была только раздирающая боль, ощущение предсмертной агонии и падения в незримую бездну, что засасывала его с невероятной силой. Течение несло его сквозь густой туман, что обжигал холодом его кожу. Казалось, что он вот-вот затеряется в нём навечно. Принц изо всех сил кричал от боли, хотя это едва ли помогало ему. Он чувствовал, как всё его тело пожирает какое-то невидимое чудовище, без формы и облика, походившее, скорее, на какую-то жуткую, беспощадную стихию. Принц буквально умирал, и, хотя, само по себе это чувство не могло быть ему знакомым, он отчего-то был уверен в этом. И лишь его сознание каким-то чудом всё ещё не угасало.

Вскоре он совсем перестал чувствовать тело, неизвестно, оттого, что оно умерло или от того что боль была настолько нестерпимой. И тогда он смог увидеть, в какую же именно бездну его затягивает – это было время. Он бесплотным духом летел сквозь него, в обратном направлении, и видел весь Остров как на ладони. И лишь по какой-то невероятной случайности, его внимание зацепилось за тот момент, когда он подплывал к Острову, сидя в одной лодке с Фарангом. Эта точка во времени была своеобразным разделителем. Черта, за которой события

начинали ветвиться, накладываться друг на друга и путаться. Принц помнил, что течение времени тогда показалось ему очень странным и он отчего-то решил, что Остров или его владыка не хочет пускать его с оружием в руках. И он избавился от него, желая показать, что не страшится никаких испытаний и готов идти до конца, ради хотя бы одной только возможности попробовать осуществить свой дерзкий план.

Словно бы откликаясь на мысли Принца, медальон потянул его куда-то вверх и одним резким и грубым движением остановил падение и бег времени. Принц вновь ощутил своё тело и пронзавшую его боль, хоть она уже и была значительно слабее, чем несколько мгновений назад. Но держаться на ногах он был всё ещё не в силах. Он смог лишь подползти к воде, что скапливалась возле постамента и утекала в небольшую трещину позади него, чтобы увидеть воочию то, в чём он и так уже практически не сомневался. Из отражения на него смотрело два белых, чуть светящихся глаза. Лицо, равно как и всё тело, было покрыто почерневшей кожей с редкими белыми пятнами, лохмотьями свисавшей с затылка, груди и плеч и усеянное струпьями и странными бороздами. Принц был буквально похож на ожившего мертвеца. Он стал Существом.

Тем самым, что загадочным образом преследовало его по всей крепости, мешало и досаждало ему, но никогда не вступало в открытое противостояние. И однажды даже спасло его от неминуемой гибели… ценой своей жизни!

Даже если бы он был в состоянии, Принц не мог вымолвить ни слова.

Глава 28. За чертой

Кинжал превзошёл все мои ожидания. Он оказался способным на невероятные вещи. Он может не только буквально перемещать меня во времени на несколько мгновений назад, но и видеть прошлое, причём гораздо более далёкое, через воспоминания. Так, словно бы его лезвие рассекает пелену времени и через этот надрез события былых лет перетекают в кинжал, а через него и в моё сознание. Я увидел многое из своего прошлого, стоило мне лишь случайно ненадолго задуматься о нём. В своём видении я снова повстречал Инанну. О, как она прекрасна! Видение было таким настоящим, таким живым. Оно не было мимолётным, время не спешило отбирать её у меня – я был волен раз за разом проживать эти моменты. И каждый словно бы немного по-разному – стоило мне лишь подумать об этом. Воспоминания были невероятно детальные, я до сих пор слышу смех ещё совсем маленькой Ниннинамаш. Она порхала вокруг нас, что-то беспрерывно щебеча, как маленькая птичка. И я заметил в своих воспоминаниях многое из того, чего не видел раньше. Например, то, каким отрешённым и замкнутым был Нергал, особенно с тех пор, как умерли его мать и сестра. Я потерял его безумно давно, ещё тогда его сердце стало чёрным и холодным.

Здесь, в сырой тьме глубоких пещер, в горестные и тяжелые для меня минуты, эти сладостные воспоминания были для меня лучше любого лекарства. Они унимали мою боль и душевные страдания. Так моё разрушение протекало не столь болезненно, и я, хоть и с большим трудом, всё ещё был в состоянии удерживать частички своего дробящегося сознания вместе. ***Оно мне ещё понадобится, ради последнего отчаянного плана.***

Дневник Намтара, запись 88

***

Догадки Нергала о необычной природе Намтара оказались правдой. Изначально, он рассчитывал, что превращение произойдёт почти мгновенно, но мало того, что Намтару удалось сбежать, так он ещё смог долгое время скрываться от Нергала и досаждать ему время от времени. И, в отличие от остальных песчаных монстров, он не подчинялся ему. Нергалу стало сложнее предугадывать его поведение, читать его мысли и манипулировать им. Время от времени Намтара видели в разных частях Острова и Нергал предпринимал попытки поймать и пленить его. Но никто не знал, где он прячется и где объявится в

следующий раз. Иногда его видели даже на Усакаре, но Песок сделал его сильнее и он без труда справлялся с несколькими солдатами.

Вместе с Намтаром скрывалась и Джатта. Её, за всё это время, вообще никто не видел. Зулу сбился с ног, разыскивая её, но так и не добился успеха. Нергал сильно злился из-за этого, но раз за разом приказывал Вершителю продолжать поиски. Он не оставлял надежды найти Джатту, зная, что Намтар не случайно скрывает её. Что же он задумал? Кажется, теперь они поменялись с ним ролями, и уже Нергалу следовало переживать и ломать голову в попытках разгадать замысел врага. У Намтара оставалось мало времени и поэтому он обязательно постарается что-нибудь придумать, прежде чем окончательно превратится в чудовище. Если только его разум всё ещё на что-то способен.

Намтар начал меняться. Изменились его лицо и кожа. Джатта всё ещё держалась с ним вместе, но иногда ему казалось, что она вот-вот сбежит. Сам же он пребывал в полной растерянности. Он не знал с чего начать, но понимал, что для него скоро всё закончится. Он проиграл эту войну. Судьба сделала свой выбор, пустив под откос будущее Острова – Нергал поставил на нём жирный крест. Что вообще можно поделать в такой ситуации? Намтар неизменно возвращался к одной и той же мысли – убийству Нергала. Но каким образом? Его попытки с использованием Песка провалились. Использовать оружие врага против него же оказалось плохой идеей – противник владел этой силой лучше него. Настолько, что теперь Намтар сам стал порождением Песков Времени. Пусть пока не полностью, но он ощущал, как они ломают его волю, путают его мысли и перестраивают тело. Очень скоро Нергал найдёт способ подчинить его. Значит, лучшим решением будет отказ от Песков и поиск их противоположности.

Но однажды случилось то, чего он боялся больше всего. Он потерял себя самого. Его сознание на какое-то время угасло. Песок в нём взял верх и выпустил монстра на волю. Он, отнюдь, вовсе не преследовал те же цели, что и Намтар, а лишь бесцельно блуждал по крепости до тех пор, пока не попался на глаза охране. Те с опаской приблизились к нему и, поняв, что в этот раз всё иначе, повалили его и связали ему руки и ноги, после чего поспешили доставить к Нергалу. Тот был невероятно рад такой удаче и, даже не пытаясь разобраться, что же произошло, поспешил воспользоваться этим шансом. Сознание Намтара пробудилось в тот момент, когда он стоял на коленях, связанный и окружённый разгневанной толпой. Он ничего не видел – его тело было покрыто большим куском ткани. Спустя несколько мгновений он услышал голос Нергала, что обращался к толпе:

– Посмотрите же на вашего правителя!

И он тут же сдёрнул с Намтара ткань, закрывавшую его. По толпе покатились удивлённые вздохи.

– Это чудовище! – продолжал Нергал. – Смотрите, что он сделал с собой! Вы хотите такого будущего для себя?

– Нет! Нет! – послышалось из толпы. Люди были готовы броситься на Намтара и растерзать его прямо на месте – их сдерживал лишь небольшой отряд охраны.

Нергал отошёл от Намтара и жестом заставил толпу остановиться, со словами:

– Смерть будет для него слишком лёгкой участью. Он заслужил настоящие страдания и поплатится за все свои деяния сполна!

Несколько секунд замешательства и из толпы стали раздаваться возгласы одобрения. Самому Намтару едва хватало сил, чтобы осознавать, что происходит. Язык не слушался его и вместо этого он издавал какое-то рычание, которое ещё больше пугало и злило людей вокруг. Нергал решил не просто устранить его, но и помучить как можно дольше. Сильнейшая боль разливалась по его телу по мере того, как он приходил в сознание. Зачем он вообще вернулся в сознание? Не лучше ли было навсегда остаться монстром и не сталкиваться лицом к лицу с последствиями своих ошибок и неудач, с людьми, что ненавидели его? И с тем, кого он когда-то считал своим сыном.

Нергал приказал увести Намтара в темницу и приковать к стене. Его бросили там на несколько дней без еды и воды, которые он провёл в полузабытье. Память возвращалась к нему волнами – в основном о событиях до провала сознания. Те часы или дни, что он был монстром, превратились в туман, и он не мог уловить ничего, кроме размытых образов. Он помнил только само ощущение – каково это смотреть чужими глазами. В эти моменты мир вокруг словно бы менялся, он видел его иначе. Перемещения были скачкообразными, импульсивными. Намтар чувствовал необычайно сильную ярость, переходящую в ненависть, чёрную и буквально ядовитую. Ему казалось, что он может убить одним только взглядом или прикосновением.

Намтар немного ошибался насчёт мотивов Нергала. Испытывая боль и мучения, он не мог здраво рассуждать и думал, что цель Нергала именно в этом. Но тот смотрел на вещи иначе: если до этого он мог долгое время действовать якобы от лица Намтара, зарабатывая для него народную любовь, то теперь мог укрепить свои позиции на контрасте. Он был человеком, а не чудовищем, как его сошедший с ума отец. В нём видели будущего избавителя от гнёта тирана.

Нергалу удалось обмануть всех. Он обещал людям всеобщее излечение от чумы Намтара, но показав им его в обличье монстра, он убедил всех, что эксперименты зашли слишком далеко – ему почти удалось превратиться в Зервана. И теперь понадобится гораздо больше времени и сил, чтобы избавиться от этой скверны, что пропитала, кажется, уже каждого в крепости и на Острове. Он заставил людей думать о Намтаре то, что тот думал о нём. И это лишь усиливало уверенность Намтара в своей правоте и желании найти какое-то особенное оружие против Нергала, пока тот окончательно не завершил преображение.

Нергал посещал темницу и пытался разговорить отца, но тот почти ничего не отвечал и отводил взгляд. В какой-то момент Намтар почувствовал прилив сил и сорвал с себя цепи. Он угрожающе двинулся на Нергала. Ненависть придавала ему сил – поначалу он боролся с этим и не желал подчиняться природе монстра, но в какой-то момент он просто сдался. Он лишь изо всех сил старался удержаться в сознании и вновь не провалиться в беспамятство. Нергал же был готов к этому, он знал, что однажды Намтару достанет сил разорвать путы и вновь скрыться. Но лишь до очередного провала, которые будут происходить всё чаще – на этом Острове ему никуда не скрыться от Песка.

***

Намтар вновь укрылся в глубине пещер, проводя дни в бесконечных размышлениях и поисках. Он мог тратить на них всё своё время – его новое тело не требовало еды и сна. Но каждый раз он упирался в какую-то невидимую стену. Его цель была за ней, но он не мог даже протянуть руку. Нергал всячески сопротивлялся тому, чтобы Намтар нащупал какую-то нить в его воспоминаниях – они были едины с Песком. Но это означало лишь то, что Нергалу было чего опасаться. Существует нечто могущественнее Песков, то, чего они боятся и велят избегать и Нергалу. Что это? Ещё одна стихия?

Нергал разгадал эту загадку раньше Намтара. Но он поступил иначе – вновь использовал её против Намтара. Оградиться от неё он никак не мог, ведь она была повсюду. Но он использовал воду против Намтара-монстра, чтобы тот ни за что не смог попасть во временной портал. Он отгородил каждый из входов в залы с ними стеной воды. Ни один песчаный монстр не мог преодолеть её. Возможно, именно поэтому Нергал подспудно так страшился её после возвращения. Песок чувствовал угрозу для себя. Но сам Нергал мог переносить её – Песок не так уж сильно пропитал его тело. Скорее, только лишь его сознание. И

ему оставалось ждать, когда Намтар окончательно сгинет, запертый в этом времени.

Намтар, поняв, наконец, что же он так долго искал, решил найти способ наделить какое-либо оружие силой воды так же, как наделил могуществом Песков кинжал. Ему хотелось, чтобы на этот раз это был большой и изящный меч, который просто не оставит шансов Нергалу, даже если тот успеет провести обряд Преображения. Но как ему, песчаному монстру, пробудить эту могущественную стихию и призвать её на свою сторону?

«Вот бы найти способ хоть ненадолго снова стать самим собой», – беспрестанно думал Намтар.

И каждый день он словно бы искал внутри себя эту дверь, через которую он мог покинуть своё тело. Но даже найди он её, ему потребовался бы ключ от неё. Ключ, который не даётся просто так. Нужна огромная жертва, невосполнимая утрата. Она и будет этим ключом. Ему, буквально, нужно будет вложить в замочную скважину свою жизнь, не надеясь, что он получит её обратно. Но что, если её сможет принять и уберечь кто-то по ту сторону?

Так проходили дни, а Нергал, тем временем начал исполнять обещанное:

– Этот день настал, друзья мои! Великое Преображение начинается сегодня! Враг повержен и ничто больше не мешает нам взять свои жизни в собственные руки и сделать их такими, какими мы всегда хотели их видеть, – загадочно объявил он однажды.

Но его план оказался вовсе не таким, каким кто-либо ожидал – ни для людей из крепости, ни для Намтара. Он начал не с себя – кажется, с этим он вообще не спешил, а с самой крепости. Он построил множество новых временных порталов, всё так же отгораживая их стеной воды – реки в горах были полноводными круглый год. Зал, в котором располагалась Бездна, тоже был перестроен. Вместо пола в нём была лишь одна большая каменная лестница, которая вела к площадке, напоминавшей жертвенный алтарь. Стены зала росли прямо из краёв Бездны, сливаясь с ней в единое целое. Однажды побывав в этом месте, Намтар решил, что Нергал готовится к какому-то обряду, ритуалу. И он будет очень необычным, непонятным для него. Намтар не понимал, чему он вообще должен противостоять – слишком непредсказуемы и беспорядочны были действия Нергала.

***

Нергал объяснил жителям крепости, зачем он создал Песочные Часы. Втайне от Намтара он придумал способ исцеления людей от Песков – огромный резервуар, который будет медленно вытягивать их из больных. Потребуются годы, но он уверял всех, что иного пути нет. И лучше хотя бы так, чем отдать людей на съедение Пескам.

На самом же деле, Нергал задумывал это как часть своего грандиозного плана – Великого Преображения, детали которого он по-прежнему ото всех скрывал. И с каждым днём он лишь усиливал своё влияние, пропитывая тела людей Песками всё сильнее и сильнее. Никто из людей долгое время не понимал, что точка невозврата уже пройдена, они словно бы находятся за чертой, которую они сами с радостью переступили и уже никогда не смогу вернуться обратно. А всё это время Нергал изучал их, наблюдал за тем, как Пески концентрируются в людях. Он искал ответ на вопрос о том, есть ли предел этому насыщению? Выдержит ли человеческое тело? Ведь как ни старайся, в сосуде нельзя уместить больше воды, чем позволяет его внутренний объём. Но каковы Пески? Как сильно они могут уплотняться? Со временем, Нергал нашёл ответы почти на все свои вопросы. Ему лишь оставалось завладеть кинжалом, который Намтар прятал от него.

Когда люди всё поняли, было уже поздно. Нергал и его армия песчаных чудовищ обладали абсолютной властью над Островом. Никто не мог противопоставить ему что-то либо и, постепенно, страх и ощущение безысходности заставили всех склонить головы и продолжить жить в новой реальности. Вскоре после этого Нергал почти перестал показываться людям, руководя через своих приближённых. Ходили глупые россказни о том, что Намтар склонил Нергала на свою сторону или что-то вроде того, но никому уже не было дела до этого.

Нергал не желал просто превратить всех в монстров и управлять ими без всякой цели. Он стремился придать всему форму, новую и доселе невиданную. И Острову, и Пескам и даже Судьбе – то, во что он не верил сам, должно было помочь ему в долгосрочной перспективе.

Нергалу с самого начала была по душе идея Механической башни – то, как она управляла всем Островом, а все детали были на своём месте и играли отведённую им роль. Он желал наполнить подобным порядком весь Остров, весь мир. Сделать всё вокруг послушным, управляемым и предсказуемым. И его чудовища должны будут стать частью этого механизма. Каждому из них он отведёт свою роль в этой системе. Разве что, было удобнее возиться не с каждым в отдельности, а разделить их на группы и создать для них свои учения.

Одни, как и раньше, должны будут охранять Остров ещё на подступах и даже в море – их он постарался сделать практически нечувствительными к воде. Но вечное внутреннее сопротивление этой стихии делало их не слишком сильными и смышлёными. Они были пушечным мясом, всегда принимали на себя первый удар и были восполняемым ресурсом. Эти солдаты получили прозвище Безликие, из-за костяных масок, которые они носили не снимая, врастая в них с годами. Было совершенно неважно, кто скрывался за ними, они лишь должны были выполнять свою роль. У них не было каких-то других отличительных черт или талантов. Они не были очень способными к ведению искусного боя на мечах и чаще выбирали топоры, секиры, булавы или молоты.

Другой группой стали Смотрители – внутренняя охрана крепости, состоящая из отрядов в три-четыре человека. Их боевая форма отличалась от Безликих – она имела красный цвет, а на спине был изображён символ Острова, который Нергал переделал на свой лад. Смотрители не позволяли врагам добраться до самых важных частей крепости – Сада, Механической Башни, библиотеки Намтара (Нергал решил сохранить её) и других – и следили за трудом простых людей, которые стали, по сути, рабами. Смотрители были вооружены мечами, обладали большой силой и сохранили способность разговаривать друг с другом.

Последняя, особенная группа получила имя «Палачи». Это были невероятно сильные и жестокие воины, в задачи которых входило тюремное надзирательство, пытки и казни. У них тоже была своя школа под названием «Ша-Газ», суть которой вкратце сводилась к принципу «жестокость ради жестокости». Вооружённые булавами с тонкими шипами, они наносили увечья своим врагам в бою и тут же безжалостно добивали их. А казни пленников в тюрьме осуществлялись просто так, без приговоров.

Каждая из групп обучалась в своей боевой школе, в которой чтились традиции именно этой группы. С помощью Песков им насильно прививались те идеалы, которыми Нергал хотел их наделить, когда выстраивал свою систему. Все вместе они служили единой великой цели. Далёкой и труднодостижимой, но вполне реальной по мнению Нергала. Преображение не будет быстрым, но начало положено и его задача лишь в том, чтобы запущенные им шестерни вращались достаточно долго, не вышли из строя и не сменили своего направления.

***

Намтар продолжал день за днём превращаться в чудовище. Время от времени повторялись провалы, и тогда его разум и тело

переставали принадлежать ему. Он выпадал из реальности, и с каждый разом возвращение происходило всё более болезненно, а провалы длились всё дольше. И внешне он становился всё меньше похожим на человека. Его мучило предчувствие скорого забвения. Впереди его ждала только пустота, в которой его сознание окончательно растворится. И ему следовало как можно быстрее найти ту самую дверь и тот самый ключ. Но что, если за порогом его как раз и ждёт пустота?

Невероятных усилий ему стоило продолжать работать над дневником. Намтар чувствовал, что это по-прежнему невероятно важно. Даже сильнее, чем раньше. Ведь он сгинет, растворится в вечности, а его слова хотя бы останутся на бумаге и, возможно, ещё смогут на что-то повлиять. И ему нужно выбирать их с особой тщательностью, чтобы даже сквозь столетия докричаться до кого-нибудь. Сохранить память о себе – всё, что было в его силах. В дневнике или в каких-то предметах – не важно. Или даже с помощью статуи, идею о которой он сам посчитал глупостью. Главное, чтобы все этим следы складывались в единую цепочку, подобную судьбе, которую он ненавидел, но и с которой не находил больше сил спорить.

Время было теперь его главным врагом. Его он ещё мог победить, успев выстроить этот последний призрачный план. Ему нужно создать несколько тайников, в которых он спрячет подсказки и все самые важные предметы: кинжал, медальон, дневник и Перстень. Пески в них изолированы от тех, что исходят из Бездны и в правильных руках ещё могут принести пользу. Развить же идею с оружием против Нергала – мечом, наделённым силой воды ему не удавалось. Песок в нём всячески этому противился и Намтар очень опасался, что Нергал увидит это в его мыслях и тогда всякая надежда пропадёт окончательно. Как и он сам.

Не терять рассудок Намтару помогало лишь присутствие Джатты. Она, хоть и страшилась его и держалась поодаль, всё же была рядом с ним почти постоянно. Поначалу он даже хотел передать ей всю свою память и знания, но быстро понял, что даже для такой необычной собаки, как она, это было слишком. Она была верным другом, преданным союзником и хорошим помощником, но всё-таки оставалась животным. Даже Песок не сможет пробудить в ней того сознания, которое было бы в силах справиться с планом Намтара.

Понимая, что если ему трудно наладить контакт даже с нею, Намтар знал, что через тысячелетия его вообще никто не поймёт и не услышит, какие бы подсказки он не оставлял. Ему нужно что-то более действенное. Или кто-то. Тот, кто не будет побеждён. Тот, кто не забудет. И так он пришёл к идее

переместить своё сознание в другое тело – это всё равно ему почти не подчинялось. Он, с помощью Песка, создаст Маску, которая, едва коснувшись лица, вбирает в себя разум надевшего её и словно бы создаёт во времени его вторую копию. Она словно бы делит человека на две неравные части – тело и душа будут существовать отдельно друг от друга. Причем это деление происходит не здесь и сейчас, а в разрезе времени, отпущенного человеку судьбой. Неизвестно, что станет с прежним сознанием, скорее всего оно просто лишится памяти о существовании Маски и не будет ни о чём догадываться. А старое сможет жить в этом новом искусственном теле и тогда... у него будет второй шанс! Ведь никто не будет даже и догадываться о том, что их теперь двое. Намтар решил назвать её Маской Песчаного Духа, из-за того, насколько невесомой и тонкой была эта идея – он и правда был бы не больше, чем духом из Песка и воспоминаний. Вот только он не знал, что ему делать, если даже ему удастся эта затея. Затаиться и ждать удачного момента? Но к тому времени, как он наступит, может быть уже пройдёт не одна тысяча лет? Или выдать себя, ещё раз попытавшись убить Нергала. Возможно, стоит сделать копию очень похожей на себя настоящего, чтобы никто не понял, кто перед ними на самом деле.

Но, увы, ни одному из этих сценариев не суждено было сбыться. Новое песчаное тело стало буквально рассыпаться на глазах спустя минуты после рождения. Намтар ощущал, что его сознание словно бы разделилось надвое – одна половина оставалась в старом теле, а другая никак не могла зацепиться в новом. Что-то мешало ему, а тело было слишком слабым – оно требовало постоянной подпитки Песком. И, буквально через полчаса, Намтар стоял перед своим же мёртвым телом, которое на глазах превратилось в подобие мумии, в муках вздымающей руки вверх, но не в силах даже подняться с колен. А лицо мертвеца было покрыто Маской.

Намтар собирался предпринять ещё несколько попыток, понимая, что его идея жизнеспособна, но требует доработки, если бы не очередное происшествие, которое поистине потрясло его. То, что было уже давно предрешено и казалось лишь делом времени. Нергал уже почти списал со счетов самого Намтара, но он не переставал волноваться из-за Джатты и не оставлял попыток найти её. Он считал, что тот не случайно укрывает её. И, возможно, через неё Нергал сможет заполучить медальон! И после очередного провала в памяти, Намтар обнаружил её бездыханное тело. Боль поразила его сердце как стрела, вызывая в нём одновременно гнев, отвращение и отчаяние. Но последнее продлилось недолго. Оно словно бы толкнуло его навстречу чему-то, и разум Намтара загорелся с прежней силой, хотя он и

чувствовал какие-то перемены внутри себя – теперь идеи рождались не в виде вспышек в темноте, а горели пламенем, которое пожирало всё вокруг и порождало новые идеи.

Намтар записал в дневнике лишь краткое:

Они убили Джатту…

Но в этой краткости было заключено намного больше, чем удалось измыслить Намтару за всю остальную жизнь. В этот момент на него снизошло такое озарение, которое с иным человеком не случается даже раза в жизни. Такое, что без ключей открыло перед ним все двери. Кто же знал, что его жертва окажется именно такой?

Если до этого все мысли Намтара были сплошным сумбуром и паникой, то теперь они выстроились в стройную линию. Ясную и логичную цепочку. Ни одна из его идей не была ошибочной или нерабочей, просто… он лишь начинал понимать суть своей природы. Жаль только, что потребовалось такое сильное потрясение, когда она буквально превратилась в бедствие и обернулась против него, чтобы почувствовать и начать её понимать. Или это Пески катализировали в нём эту силу и без них Намтар бы её так и не разглядел? Как и любая стихия, они не могут действовать в полной мере осознанно и рационально. Некоторые события происходят просто по инерции, ввиду свойств самих стихий.

Намтар вдруг понял, что жизнь не ограничивается каким-то определённым кругом идей, вроде судьбы или смерти. Маска – подтверждение тому, хотя сама идея и была слепой удачей. Случайностью, коих много, и которые являются неотъемлемой частью жизни. Важно лишь то, как распорядиться этой удачей. Он не слишком-то верил во второй шанс, а продлить свою угасающую жизнь с помощью Маски у него не вышло. Но это не значит, что идея была глупой или бесполезной. Раз ею не смог воспользоваться он сам, значит сможет кто-то другой.

***

Теперь Намтар понимал, что его тайники должны быть особенными. Такими, которые нельзя найти, просто узнав о них. Нергал, так или иначе, обязательно отыщет их. Но он не будет ничего искать, если найдёт то, что Намтар прятал! Ему нужно лишь создать видимость обмана – тщеславие Нергала сделает своё дело. Он будет считать, что вновь раскрыл хитрость Намтара заранее и не догадается о том, что ему было позволено так думать. Намтар уже не гнушался такими методами – бить врага

его же оружием, наоборот, казалось единственно возможным вариантом. Нергал вряд ли догадается о скрытых свойствах того, что он найдёт.

Убив Джатту и, даже несмотря на то, что не нашёл медальона, Нергал на какое-то время успокоился. Он считал, что это окончательно добьёт Намтара, лишив его последней надежды. Нергал хотел уничтожить, раздавить Намтара этим поступком. Он полагал, что это окончательно выбьет у него почву из-под ног. Но он не рассчитывал на обратный эффект. И, конечно же, он не придавал никакого значения тому, что оставалось в памяти Джатты. После её смерти эту память хранил медальон и Намтар нашёл в ней кое-что. Одно важное воспоминание, которое помогало ему двигаться дальше. И тому, на кого он возлагал теперь свои надежды.

Так и появился его последний сумасшедший план. Созрел за считанные секунды. Такой, раскусить который будет не под силу даже Нергалу. Рожденный отчаянием, он горел пламенем в его глазах, которое заставило монстра внутри ненадолго отступить и замолчать. Намтар почувствовал внутри себя перемены, изменилось то, как он мыслил и как работала его память. Всё благодаря его истинной природе. И теперь он с лёгкостью мог прятать свои мысли – Пески больше не могли их видеть, а значит и Нергал был слеп. Но время Намтара ушло, он сам уже ничего не сможет поделать, да и это глупо – ведь всё это время он боролся не с тем. Он даже не знал настоящих планов своего врага – Нергал вовсе не собирался жить вечно. И Великим Преображением тот называл совсем другое.

Кажется, они очень похожи с сыном, несмотря ни на что. Они пытались сделать примерно одно и то же, но с разной целью. Намтар понимал, что рубеж давно пройден и возврата к прошлому быть не может. Сколько бы он ни размышлял – оно словно бы застыло в камне и уже не поддавалось изменению. Но стоило ему мысленно перейти эту черту, как он увидел нечто новое. Стоило лишь перестать цепляться за прошлое и принять настоящее. Перед ним вновь открывался целый мир, бесчисленное множество путей, расходящихся в разные стороны. Судьбы нет. И нет никакого плана, есть лишь возможности. И не так уж важно его личное участие в происходящем, дело не в конкретном человеке. Он может лишь указать путь.

Глава 29. Второй шанс

Я становлюсь чудовищем. Пока лишь внешне, но головные боли и бессонница скоро сведут меня с ума. Монстр сильно мешает мне. Моё тело меняется – я стал выше и сильнее, моя кожа потемнела и потрескалась, а на теле появились какие-то наросты. Старая одежда мне более не подходит – я хожу в огромной бесформенной мантии с капюшоном и длинными рукавами, пряча лицо и руки. Песок каждую секунду продолжает толкать меня в пропасть безумия. И я изо всех сил спешу закончить этот дневник, каких бы усилий мне это ни стоило.

Как изгою, мне приходится ютиться в пещерах северной части Острова. Нергалу не удалось пленить меня повторно – в этом мне помогла моя новая невероятная сила. Но и справиться с ним я не в силах – мне слишком сложно противиться его воле. Всё, что мне осталось – надёжно спрятать этот дневник, Перстень, Медальон и Кинжал. Без них Нергал не будет так силён, как хотел бы. Их найдёт кто-нибудь иной, чистый душой, и он не побоится бросить вызов Нергалу и его армии. Это моя единственная надежда, иначе бы я сжёг этот дневник, как и планировал изначально. Но я всё же решил попробовать.

Надежда может быть невероятно могущественной силой. Она поможет тому, кто решится на борьбу с Песками, проследовать моему плану до самого конца. Он пройдёт моим же путём, и начнёт с медальона. Я оставлю на одной из страниц его отпечаток, чтобы мой последователь знал, что именно он должен найти – небольшой металлический диск, с рельефом в форме полумесяца по краю и кругом в центре. Чудесным образом он повторяет форму Острова, такой, какой она была ещё во времена Масгика – я видел это в своём видении – и вновь приобретает сейчас. Он использовал Пески для объединения Острова воедино, но не увидел их истинной мощи и положил начало традиции закидывания Бездны камнями. Её настоящий смысл мне теперь хорошо понятен. Я решил всё-таки исполнить свой долг – ведь теперь я действительно близок к смерти – и внёс свой вклад, выкинув в Бездну перстень с красным камнем. Мне, как и сотням Правителей до меня, не удастся засыпать её, но это никогда и не было моей целью. Я лишь хочу, чтобы Перстень Судьбы было невероятно сложно найти, поэтому именно его я и бросил во тьму Иркаллы (так прозвали Бездну люди с Усакара, считая, что она притягивает и забирает навечно всех тех, кто пропал без вести). И только с помощью медальона, который я спрятал на дне самой первой зеркальной чаши, мой последователь сможет призвать Пески из глубин Иркаллы и поднять таким образом Перстень на поверхность. И лишь тогда он будет готов к последнему шагу –

заполучению кинжала. Я не прячу его, а наоборот оставляю на самом видном месте, в Центральном Зале, там, где Нергал ранил меня. Но я обнаружил замечательную особенность Песков – с их помощью предмет может находиться словно бы в двух местах одновременно. Но ни в одном из них он не будет материален. Не знаю точно, что это – шутка Судьбы или ещё какое-то неизученное свойство Песков. Однако я нахожу остроумным спрятать предмет, оставив его на виду, но скрыв способ, который позволит взять его в руки. Кинжал, разделённый надвое, будет лежать у двух противоположных выходов из зала, но взять его в руки можно будет ... впрочем, Перстень сам расскажет это, лучше меня. Обладая кинжалом, можно получить неограниченную власть, а можно закончить то, что не удалось мне и убить Нергала. К тому моменту он уже вряд ли будет похож на человека, поэтому, как только кинжал вытянет из него весь Песок, он погибнет.

Могущество кинжала зависит от того, в чьих руках он находится. Он может как отбирать жизнь, так и дарить новую. Нергал смог бы с его помощью преобразиться в Зервана почти мгновенно, без долгой и тщательной подготовки. Достаточно желания, воли обладающего кинжалом для того, чтобы направить его и заставить действовать.

Кроме того, я оставил тайный ход между Бездной и тронным залом. Напитав медальон и кинжал силой Песков, мой последователь сможет с помощью медальона в мгновение ока перенестись в покои Нергала, застав его врасплох и расправившись с ним. Медальон работает как ключ – он открывает не только временные, но и пространственные порталы – большие круги с расходящимися во все стороны лучами, что расположены над Бездной и в тронном зале, около Песочных Часов. Достаточно лишь вложить в него свою волю и все границы сотрутся. ***А я буду держаться подальше, чтобы не привлекать внимания к тайникам.***

Нергалу всё это время останется лишь довольствоваться своим посохом, который по-своему опасен, но недостаточно могущественен. Он способен повелевать лишь зеркальными чашами, но Часы едва ли подвластны ему. И Нергал неизбежно пойдёт по пути пропитывания своего тела Песками – это даст ему мнимое могущество, но сделает чрезвычайно уязвимым. Мой план странен и сумбурен, однако он пройдёт испытание временем и не развалится, как все предыдущие. Он предначертан самой Судьбой!

Дневник Намтара, запись 92

***

Призрак нашёл все ответы в прошлом. Он прошёл с Намтаром весь путь, от начала до конца, проживая некоторые отрезки времени даже по нескольку раз. Он с лёгкостью мог в любой момент шагнуть за пределы времени и рассматривать мгновение сколь угодно долго. Изучать и обдумывать, находя истину. Ведь всё имеет свои причины, проистекает из чего-то, хоть это и может быть неочевидным на первый взгляд. Но прежде Призрак слишком спешил угнаться за ходом событий, хотя ему это было и ни к чему.

Когда он вернулся к Принцу, для него уже не было смысла бежать, куда-то торопиться или беспокоиться. Теперь Призрак всё понимал. Он видел сквозь время, он мог одним взглядом охватить всю паутину событий и своё место в ней. Он наконец-то пришёл к осознанию того, что ему вообще нет места в жизни людей. Он – наблюдатель, который не живёт по законам обычного мира. Но он мог познавать этот мир, проникая в его самые сокровенные тайны. И будущее было наконец-то открыто для него так же, как и прошлое. Кажется, ему удалось сбросить последние оковы со своего сознания.

Все линии, причудливо переплетаясь, вдруг соединились в одну. Призрак понял (и даже убедился), что если судьба и существует, то вовсе не в том виде, в котором её представляли себе люди. Судьба подобна течению реки. Невозможно отрицать его существование, но с ним можно бороться, даже если оно взбунтуется, выйдет из берегов и превратится в штормовой океан. Судьба это не абсолют. Она не высечена в камне и никому не может быть известна. И линия времени тоже устроена иначе – она может быть известна Пескам и они стремятся удержать её в этом состоянии, но лишь до тех пор, пока она не переписана. И тогда новая линия полностью заменяет старую. Не существует никаких других реальностей – время не ветвится на каждом сделанном человеком выборе (и было бы слишком самоуверенно считать иначе). Остаются лишь воспоминания о том, какими были события до их переписывания в линии времени, доступные лишь Нарушителям, вроде Принца. Никто другой не будет даже подозревать о том, что случилось, что всё могло быть как-то по-другому.

Но, каждое мелкое и случайное вмешательство не было способно поменять линию времени раз и навсегда. Оно не перерастало в лавину, а наоборот, быстро затухало во времени, затягивалось, словно мелкая рана и эффект был очень незначителен. Воздействие должно быть действительно значимым, весомым, чтобы повлиять на ход истории. И в этом-то

и заключалась главная сложность – никто не знал, насколько же сильным оно должно быть. Как далеко нужно зайти в этой борьбе, каким испытаниям подвергнуть себя, чтобы добиться успеха?

Призрак намеренно пропустил несколько последних часов из жизни Принца, когда тот блуждал по лабиринту и наткнулся на послание, оставленное Намтаром. Он прекрасно знал всё, что произойдёт с Принцем в эти мгновения. Всё шло в точности по плану. И даже если бы Призрак наблюдал за ним, то не стал бы вмешиваться. Он вполне ясно осознавал то, о чём Принц лишь смутно догадывался, но боялся даже помыслить (и уж тем более высказать подобное вслух): Дахака вёл Принца по этому лабиринту. И Призрак никак не участвовал в этом.

***

Петля замкнулась. Принц стал тем, кого большую часть времени считал своим врагом. Но ещё несколько минут назад он и помыслить не мог о таком повороте событий. Он считал Существо кем угодно – заблудшей душой, сбежавшим пленником – но только не самим собой.

«Оно не пыталось убить меня! Скорее, хотело предупредить или даже направить…», – размышлял Принц.

Он вдруг вспомнил, что Намтар в видении называл его не Существом, а Песчаным Духом. И, понемногу прислушавшись к своим ощущениям, Принц понимал почему. Его сознание было словно бы вырвано из его тела. Он словно бы сам, добровольно пошёл на эту маленькую смерть, став духом, но медальон помог ему остаться в мире живых, остановив его бег против течения времени и дав ему другое тело, которое подпитывалось Песками. Оно было порождением этой могущественной стихии и целиком состояло из них! И этот трюк, выполненный на грани жизни и смерти, позволил ему переместиться во времени почти на целый день назад. Сейчас, в настоящем, это не имело особого смысла, но если он пройдёт через портал, в прошлое, то вновь окажется во времени, когда Пески всё ещё не были созданы, а Кайлина будет жива. Дахака вновь не будет преследовать его хотя бы в одном из времён.

О, как Принц ненавидел его сейчас! Как же далеко пришлось ему зайти, чтобы избавиться от его грозного дыхания позади. И, даже сейчас, по-прежнему ничто не гарантировало успеха. Наоборот, Принц уже увидел свою смерть воочию. Теперь же это предстояло лицезреть его двойнику, тому Принцу, который только что прибыл на Остров и укрылся в пещере на ночлег, если он не найдёт способа разорвать этот замкнутый круг.

«Интересно, в который раз это уже происходит?», – подумал Принц-Дух. – «Что, если я уже целую вечность бегаю в этой петле, которая раз за разом, неизменно, стягивается удавкой на моей шее? Довольно! Я позволял Дахаке буквально управлять собой, подчиняясь страху быть пойманным, лишиться жизни и всего, что мне дорого! Теперь я чувствую только гнев! Ярость придаёт мне сил, я буду сражаться с судьбой до последнего вздоха! Я уничтожу Кайлину в своём времени и обрету, наконец, свободу!».

Столь решительный настрой действительно помогал Принцу-Духу – ведь боль, которую он испытывал в момент превращения, никуда не ушла. Она стала слабее, но всё ещё буквально рвала его на части. Кажется, это странное тело, что даровали ему Пески, слабело с каждой секундой, и было очень недолговечным. Единственное, что поддерживало в нём жизнь, это Песок, лившийся из медальона. Этот, в отличие от фальшивого, был крайне могущественным, но неизвестно, на сколько хватит его сил, поэтому Принцу-Духу следовало как можно скорее найти выход из лабиринта пещер. И это оказалось невероятно сложным. Ночь была безлунной, и в пещеру не проникало совершенно никакого света! Он шёл наощупь, пытаясь вспомнить хоть что-то из видения и петляющего пути Намтара. Медальон же, чьи силы были всецело направлены на поддержание жизни в новом теле Принца, упрямо молчал, никак не помогая ему в поисках.

Принц брёл в абсолютной темноте, постоянно ощупывая дорогу впереди и продвигаясь крайне медленно. Он никак не мог ускориться, боясь оступиться и упасть в расщелину. Ему приходилось всё время касаться рукой стены, чтобы иметь хоть какой-то ориентир. Тьма поглотила не только его тело, но и его разум. Его мысли были мрачными и тревожными. Он чувствовал холод одиночества. Сейчас он был вырван из жизни, как ломоть мяса, который хищник выдрал острыми клыками из своей жертвы. С этого куска капала кровь, а клыки зверя всё сильнее давили на него, выжимая последние крупицы жизни. Зачем ему вообще этот странный дар? Что он сможет сделать с этим угасающим телом, которое протянет от силы день?

Его единственным оружием была скрытность. Никто и ничто не знало о его существовании, Маска словно бы укрывала его от взора судьбы. Принц-Дух даже рассчитывал на то, что Дахака вообще перестанет его преследовать. Что, если он найдёт способ попасть в тронный зал раньше своего двойника, а затем вынудит Кайлину отправиться в настоящее, где сможет избавиться от неё? Но что дальше? Как ему вернуть своё тело? И возможно ли это вообще?

Несмотря на все эти вопросы, медальон по-прежнему молчал. Время же играло против Принца-Духа – он плутал в темноте уже несколько часов к ряду, и не встретил даже лучика света или какого-то намёка на выход к поверхности. Зачем ему вообще эта жизнь, если он не может её прожить? Ему постоянно мерещился злобный рык Дахаки, а перед взором представала лишь темнота. Его тело доставляло ему лишь нескончаемую боль, но станет ли она сильнее, если враг ударит его оружием? И какой смысл в движении, если оно лишь напоминает ему о том, что время неумолимо бежит вперёд?

Принц остановился и закрыл глаза. Сколько бы он ни вглядывался во мрак, он так и не мог различить очертаний сводов пещеры. Он не видел даже своих рук или ног. Он сам стал частью этой тьмы! В отличие от Намтара, который в его видении выглядел как большое светлое пятно, едва напоминавшее очертаниями человека. Принц уже не помнил того, что Намтар был одет в длинную мантию – его воспоминания менялись, в них вливалось что-то извне… Медальон! Принц наконец-то нащупал дорогу к его памяти и, боясь упустить эту тонкую, невесомую нить, развернулся спиной вперёд и, по-прежнему не открывая глаз, пошёл задом, мысленно повторяя в памяти видение, в котором Намтар вёл его к Маске.

Когда Принц, наконец, покинул пещеру, было раннее утро. Кажется, примерно в это время он вместе с командой выбрался из убежища, и они вместе начали искать вход в крепость. У Принца-Духа оставалось не так уж и много времени, чтобы воплотить свой план в реальность и не дать вновь совершить Принцу-двойнику ошибку!

После этого он бросился бежать, всё ещё отчасти ориентируясь на своё видение. Он рассчитывал через старую часть крепости вновь попасть в библиотеку, а оттуда пробраться в тронный зал, отыскав по пути временной портал или очередной пузырь, вернувшись с его помощью в прошлое. Цепочка счастливых случайностей – всё, на что он мог сейчас рассчитывать.

Задыхаясь, постоянно чувствуя приступы тошноты, Принц-Дух бежал, что было сил. А их было всё меньше и меньше, казалось, он вот-вот станет ничем, растеряет всю плоть и рассыплется в прах. Он старался, как мог, не обращать на это внимания. «Успеть, успеть, успеть!» – вертелось в его голове. Это двигало его вперёд – не просто желание, а жизненная потребность совершить невозможное, превозмочь непреодолимое. Бег стал сейчас смыслом его жизни. Иначе – смерть. Самая страшная из всех. Та самая, что буквально через мгновение выросла перед ним, буквально в нескольких шагах,

словно бы из ниоткуда. Дахака умел преподносить неприятные сюрпризы и появляться в самый неподходящий момент: Принц-Дух приближался к вратам, через которые он покидал библиотеку в прошлый раз, когда чудовище вдруг проломило их изнутри и с грохотом вышло наружу. Но Дахака не заметил его, и Принц-Дух успел укрыться сбоку от него, за высокими каменными перилами. Проход был закрыт, и чудовище даже и не думало двигаться с места, будто бы знало, что Принц-Дух где-то поблизости и поджидало его. Поняв, что его плану не суждено сбыться, он осторожно и начал очень тихо продвигаться в сторону другого прохода, грубо вырезанного в скале. Он осторожно переступал все мелкие камни и старался не издавать вообще ни звука. Его выдавало лишь неизвестно откуда взявшееся свечение, исходившее от медальона. Но роковая случайность вновь сыграла с ним злую шутку – он спугнул какое-то животное, и с противным писком оно бросилось в сторону. Уже через мгновение взгляд Дахаки был прикован к нему – казалось, он мог видеть его даже сквозь камень.

Принц-Дух вдруг ощутил, что чувства изменили ему и вместо ярости или хотя бы страха, он ощутил циничное безразличие к происходящему. Он невероятно устал от всего этого, события так закручивались, что он уже путался и терялся, его цель становилась туманной, но никак не приближалась. Всё это превращалось в какой-то абсурдный странный сон, закрученный по спирали и впору было вообще сойти с ума. Судьба в очередной раз оказалась не такой уж слепой и Маска вовсе не укрывала Принца-Духа от её взгляда. Но и он был вовсе не промах – он множество раз, порой чудом, уходил от погони. И на этот раз он, с усмешкой в голосе, бросил своему преследователю:

– Ну, давай, попробуй меня поймать!

И тут же бросился к старому, наполовину обвалившемуся мосту, за которым располагалась высокая арка, изрезанная непонятными символами и казавшаяся древнее всего, что Принц видел прежде. Она покосилась и частью основания ушла под землю.

Не успев преодолеть мост, Принц-Дух почувствовал, как тот рушится от тяжести ступившего на него Дахаки. Преследуемый изо всех сил бросился вперёд и ухватился за уступ, повиснув на краю. Чудовище рухнуло в пропасть под мостом.

– Сдохни, тварь! – раздражённо прокричал Принц.

В любой другой момент он, скорее всего, ликовал бы, но сейчас он не сомневался – это лишь на время задержит Дахаку, но не причинит ему какого-либо вреда. В тот же миг чудовище выпустило свои щупальца, в попытке схватить Принца-Духа. Тот, почти рефлекторно, схватился за меч и рубанул по одному из них

что было сил, наотмашь. Это помогло ему, но он не помнил, как поднялся наверх и следующие несколько минут прошли, словно в забытье. Обжигающий холод буквально сковал разум Принца-Духа. Он пронзил его насквозь, царапая горло, выкручивая руки и ноги. Кое-как поднявшись, он зашагал прочь. Схватка с Дахакой с помощью оружия однозначно не сулила ничего хорошего, если даже после одного удара мечом он ощутил такое!

Пройдя через арку, Принц-Дух обнаружил себя внутри ещё одной пещеры. Она была завалена камнями, её стены были исписаны непонятными символами, а большинство пиктограмм изображали гору и сиявшую над ней звезду. Часто рядом можно было увидеть фигуру человека, обведённого в круг. Многие изображения, даже будучи вырезанными на камне, были неразборчивыми. Время рушило это место невероятно долго и казалось удивительным, что сохранились хоть какие-то очертания его исконного облика.

Пока Принц-Дух пробирался через завалы, он вновь пустился в размышления. Его план провалился и вернуться к нему он уже не мог – мост был обрушен. Да и был ли в этом смысл? Второй шанс, если он и вправду был таковым, не та вещь, которой нужно распоряжаться столь легкомысленно. Он чувствовал, что вновь упускает что-то, не видя общей картины. План Намтара, который умер за тысячу лет до Кайлины, работал даже спустя такой огромный промежуток времени, в настоящем, во времена Принца. Но в чём же он заключался?

Принц-Дух понимал, что один раз он уже ошибся и судьба найдёт способ помешать ему и во второй раз. Ему стоило бороться не последствиями, а с первопричинами. Иначе всё просто повторится вновь. Ещё и ещё раз, снова и снова. Он должен был отыскать пусть к истоку всех событий. Что положило начало всему этому кошмару, который сквозь эпохи протянул свои холодные руки к шее Принца, стремясь свернуть её?

В каком-то смысле Намтар обманул Принца. Его видения показывали нечто иное. Но, знай он заранее всю правду, – согласился бы ли он на подобный риск? На практически добровольную смерть, которая сделала его духом, лишённым обычной плоти, с телом, сотканным из Песка, что стремительно слабело и было почти столь же уродливо, как и сам Дахака. Но, оказавшись по другую сторону, Принц-Дух уже иначе смотрел на всё происходящее. Он чувствовал, что у него даже был своего рода выбор – бороться привычным способом или искать нечто большее, что позволит ему вклиниться в события в точке, которая по-настоящему была поворотной во всей этой истории.

И в этот момент ему в голову пришла простая и даже очевидная мысль, которую он до сих пор отбрасывал и даже не

думал допускать подобной возможности. Возможности принести жертву. Бесстрашно броситься навстречу чему-то вроде смерти, добровольно расставшись со всякой надеждой, со всем, что могло бы ему помочь. Добровольно расстаться с жизнью, которой в нём и так почти не осталось, но только лишь совершив нечто важное. То, что не удалось ни Намтару, ни Аджиту.

На самом деле, Принц принял эту мысль уже давно. В тот самый момент, когда только надел Маску. Уже тогда он осознавал, что без жертвы он не достигнет результата. И лишь тот, кто не боится смерти, лишившись всего, способен на победу. Или вообще заслуживает хотя бы шанс на неё. Эта мысль и стала его пропуском в странную новую реальность, в которой он очутился.

И только тогда медальон вновь заговорил с Принцем-Духом на языке видений, передавая следующую часть послания. Но оно было вовсе о другом. Готовность к жертве была лишь чем-то вроде ключа к этому знанию. Тайне, что рисовала в сознании Принца-Духа какие-то странные, туманные образы. На сей раз среди них не было лиц и голосов. Он видел перед собой лишь два колосса, две огромные башни, в которых заключена могущественная сила. Она была словно бы разделена пополам и потому дремала, покуда кто-нибудь не отыщет обе половины и не объединит их.

Видение было очень неоднозначным, трудным для толкования и понимания. А его завершающая часть рисовала картину уничтожения чего-то ещё более великого и огромного. Оно рушилось под ударами этой великой пробудившейся силы и уходило на дно вод моря, что поглощало и усмиряло его. Или даже умерщвляло.

В попытках сконцентрироваться и всмотреться в образы, что в его воображении рисовал медальон, Принц-Дух даже остановился. И, пусть сами видения не стали более отчётливыми, он лучше понял природу того, о чём они говорили. Половина силы, что была заключена в одной из башен, напоминало нечто вроде ключа, что позволял выпустить на волю силу, заключённую в другой башне. Словно бы та была заточена за какой-то дверью, замок, который был способен открыть только этот ключ. Но раз за разом, когда Принцу-Духу почти удавалось ухватить суть видения и максимально приблизиться к его пониманию, оно ускользало прочь, стиралось, будто след на берегу от приливной волны.

Принц-Дух не заметил, как добрался до выхода из древних пещер. Вернее, пролом в стене не был в полном смысле выходом, но он вёл внутрь крепости. Вероятно, когда-то давно эти стены были возведены, чтобы оградить крепость от этих развалин. От

выхода в противоположные стороны разбегался длинный коридор – Принц-Дух наугад выбрал направление и зашагал по нему. Вскоре он заметил, что эти места странным образом ему знакомы и он узнаёт в очертаниях руин зал с жертвенным алтарём. Радуясь находке, Принц-Дух поспешил добраться до портала и вернуться в прошлое. Кроме того, ему не терпелось испытать медальон, чтобы в полной мере понять, насколько он особенный. И, хотя, путешествие назад во времени ничем не отличалось от всех предыдущих, Принц-Дух не сомневался, что в медальоне скрыто ещё множество секретов. Намтару каким-то образом удалось приручить Пески внутри него, лишив их собственной воли и превратив в инструмент. В рупор собственной воли, словно бы он смог вложить в этот маленький диск часть своего сознания. И оттого Принц не чувствовал от него непосредственной угрозы, которую он ощущал от медальона-подделки. Тот использовался Императрицей во вред Принцу, будучи инструментом её коварных планов и злодеяний. И самое странное – Принц-Дух не чувствовал холода, что исходил бы от медальона, даже когда тот испускал таинственное жёлтое свечение во время очередной погони Дахаки.

Выйдя из зала с порталом (вход был спрятан за стеной, что создавала иллюзию закрытой двери и когда-то сбила его с толку), Принц-Дух очутился перед алтарём. Он увидел лежавший на привычном месте кинжал. Вокруг никого не было. Принц-Дух подошёл поближе, надеясь взять кинжал в руки с помощью медальона – тогда он смог бы избавиться от него и помешать Императрице создать Пески или, как минимум, задержать её. Но все его попытки были по-прежнему тщетны.

Внезапно произошло то, что мгновенно порушило все его планы: Принц-Дух увидел поднявшуюся по лестнице Кайлину. А она увидела его.

– Кто ты?! – с неподдельным удивлением спросила Кайлина. Она прежде никогда не сталкивалась с подобными созданиями, что лишь усиливало её реакцию.

Принц-Дух опешил от неожиданности и отступил на пару шагов назад. Из-за собственной невнимательности он был раскрыт. Так нелепо, глупо! Ему стоило сразу скользнуть в тень и ждать, наблюдая за входом в зал. Решительно бессмысленно было надеяться заполучить кинжал – эта магия была ему недоступна и он должен оставить эти попытки. Раз за разом ему следует проходить мимо…

И тут Принц-Дух ощутил странное, давно забытое чувство, когда реальность словно бы заглушается, меркнет, а уже через секунду вспыхивает новой яркой вспышкой. Но уже за несколько мгновений до этого. Этот медальон обладал возможностью

обращать время вспять, как и кинжал! Пусть даже совсем ненадолго, но он ухватил именно то мгновение, когда ещё не был замечен и поспешил укрыться, чтобы незаметно наблюдать за Кайлиной. Та ни о чём не догадывалась, и Принц-Дух надеялся понять, как можно завладеть кинжалом.

Его охватил восторг. Этот медальон действительно особенный и теперь стало вполне очевидно, зачем Намтар так старательно прятал его – ведь он способен обмануть даже саму Императрицу Времени! Или любого другого Хранителя. Он словно бы переписал последние несколько секунд и от внезапной и совершенно неуместной встречи остались лишь воспоминания. И принадлежали они только ему, он был волен ими ни с кем не делиться.

Из укрытия Принц-Дух наблюдал за тем, как Кайлина совершает какие-то странные ритуалы, призывая Пески из бездны под алтарём. Она закручивала их вихрем, то приближая, то отталкивая его от себя. Всё это она делала с помощью кинжала. Затем, когда она положила его на место, со стороны лестницы послышались торопливые шаги. Через несколько мгновений показалась Шади. Принц-Дух ощутил волну негодования лишь от одного её присутствия.

– Простите меня, моя Императрица, – удручённо сказала Шади.

Кайлина повернулась к ней с надменным и недовольным взглядом, ответив:

– Ты хочешь сказать, что он всё-таки достиг Острова?

– Да. И хуже того – он проследовал за мной в один из порталов. Теперь он здесь, в нашем времени…, – ещё более растерянно ответила Шади.

– И тебе хватает духу стоять передо мной, признавая собственное поражение?! – негодовала Кайлина.

– Мы победили их в море. Но ему каким-то образом удалось выжить. И он оказался слишком хорошим бойцом – я еле унесла ноги! – продолжала рассказ Шади.

– Унесла ноги? Да ты должна была защищать меня даже ценой своей жизни! – выпалила Кайлина, уже почти переходя на крик.

– Я с самого начала говорила, что это глупая затея! – внезапно решительно ответила Шади.

Едва она успела договорить, как Кайлина отвесила ей пощёчину, с такой силой, что от неожиданности Шади чуть не упала – она отшатнулась в сторону. Через мгновение она подняла взгляд полный гнева, на Императрицу, которая говорила:

– Ты опять за своё? И эти жалкие оправдания… Я посылала тебя вовсе не за этим!

– Ты послала меня на верную смерть, но ради чего? Линию времени нельзя изменить! – ответила с обидой в голосе Шади.

– Заткнись! Сделай лучше то, что следует! – презрительно бросила Кайлина.

– Как пожелаете, моя Императрица! – съязвила Шади.

– Что за тон? – возмутилась Кайлина. – Я не…

Но не успела она договорить, как Шади бросилась на неё с оружием. Очевидно, она хотела решить проблему как-то по-своему, с помощью грубой силы.

– После всего того, что я для тебя сделала?! Да как ты смеешь? – сопротивляясь, прохрипела Кайлина.

Принц-Дух понял, что уже знает, чем закончится эта схватка и поспешил удалиться. Последние слова Кайлины заставили его ненадолго задуматься: хоть он и выяснил, что они не были сёстрами, их всё равно что-то связывает. Шади чем-то обязана Кайлине, но даже это не смогло изменить её мнения о том, насколько безрассудной и глупой была идея изменить свою судьбу. И ради этой цели Кайлина была готова пойти на что угодно. Совсем как и он сам – кажется, они не такие уж и разные.

Прокравшись вдоль одного из балконов к выходу из зала, Принц-Дух затворил за собой ход и увидел… себя. Он уже давно подспудно понимал, что рано или поздно, так или иначе, но ему придётся столкнуться с самим собой, с Принцем без Маски, или Принцем-двойником, как он его называл, в привычном обличии. Но он не думал, что всё повторится буквально, секунда в секунду. Каждая мелкая деталь, включая их короткую встречу глазами, прошла словно по заранее написанному сценарию. Судьба превращала всю его жизнь в один длинный узкий коридор, куда даже не пробивался свет надежды, а все повороты были определены заранее. Так стоило ли ему пытаться что-либо изменить в этом лабиринте событий? Кроме того, ему так и не представилось возможности поговорить с самим собой, если не считать этого странного диалога на языке действий.

Вскоре у Принца-Духа возникла другая мысль: а должен ли он вообще что-то менять в судьбе своего двойника, пытаясь вмешиваться и ища всевозможные лазейки? Что если что-то пойдёт не так и он погибнет? Тогда и его самого не станет. Петля будет разорвана и это окончательно погубит его! Может ему действительно лучше прислушаться к советам, которые он уже однажды дал, пусть и весьма своеобразным способом?

Но медальон говорил ему о каком-то другом пути. О тропе, скрытой в тумане – пока он не окажется близко к цели, он не сможет понять её. Однако, пусть и совершенно случайно, он сумел воспользоваться его силой и исправить небольшую часть последних событий, совершенно незаметно для остальных. Или

это тоже часть судьбы? Неужели она устроена столь сложно, что некоторые события могут наступить, только если часть их будет переписана именно с помощью таких вмешательств? Выходит, и само вмешательство тоже предопределено линией времени?

***

Призрак, в отличие от Принца-Духа, уже знал ответы на все вопросы и видел всю картину целиком. Она была сложнее, чем казалось Принцу-Духу, но при этом походила не на замкнутый круг, а скорее на петлеобразную линию, что шла витками и пересекала саму себя. Он знал, что на самом деле, это был не второй шанс для Принца, а в каком-то смысле уже четвёртый. Первый Принц, что прибыл на Остров, никогда не встречал Существа и не сталкивался с ним до тех пор, пока сам не стал им. И Призрак тоже никак не вмешивался в его судьбу. Путь первого Принца по Острову выглядел чуть иначе, и он сражался с Кайлиной прямо возле клетки в Саду. Он не выкидывал медальон в Механической Башне, потому что не оказывался запертым Существом в ловушке. И, думая, что всё идёт точно по плану, Кайлина решила сразиться с ним прямо в Саду, у места своего ложного заточения. Но первый Принц тоже одолел её и поспешил избавиться от медальона, бросив его неподалёку. Тогда он впервые совершил роковую ошибку – убил Кайлину и породил Пески Времени. Затем Дахака в какой-то момент настиг его, и всё закончилось тем, что первый Принц, так и не повстречав, при этом Аджита, обнаружил истинный медальон и Маску. Появление первого Принца-Духа породило второго Принца, двойника, – того, кем он был ещё день назад и в чью судьбу уже успели вмешаться Призрак, а затем и сам первый Принц-Дух. Но последний погиб, и история повторилась – второй Принц отыскал Маску и стал вторым Принцем-Духом, за которым сейчас и наблюдал Призрак. А его появление породило третьего Принца, очередного двойника, судьба которого должна была развиваться как-то иначе, отлично от первых двух. Его-то и встретил второй Принц-Дух минуту назад у входа в зал с алтарём.

Первый Принц-Дух знал об опасности, что таит в себе фальшивый медальон и то, что с его помощью Кайлина затуманивает разум второго Принца, как когда-то и первого. Именно поэтому, он, поймав нужный момент, запер Принца в ловушке и вынудил избавиться от него. Это же и отсрочило (но не отменило в итоге) его битву с Кайлиной. Она была напугана и удивлена и предприняла последнюю отчаянную попытку спрятаться за дверьми тронного зала, инсценировав собственную смерть. Сразу же после этой ложной жертвы второй Принц

обнаружил фальшивый медальон, оставленный первым Принцем и, как он думал, по счастливой случайности смог попасть в тронный зал. Но оказалось, что он добровольно бежал в объятия смерти. Первый Принц-Дух рассчитывал, что второй Принц добьётся большего, чем когда-то он сам, и поэтому всячески помогал ему. Но, как оказалось, впустую – история повторилась, несмотря на незначительные различия в деталях.

Каждый очередной Принц, в обоих обличиях, раз за разом переписывал события линии времени. Но его взор был ограничен, и даже с помощью фальшивого медальона он был способен видеть немногое: лишь то, что происходило с ним самим, но не с его двойниками или вторым обличьем. Поэтому он и не догадывался, что раз за разом проживает отрезок уже изменённой, переписанной линии времени, исходная и конечная точки которого, по сути, оставались неизменны. Однако, второй Принц сумел использовать даже такие ограниченные возможности себе на пользу и ему удалось изменить своё прошлое в Механической Башне, вызволив себя из ловушки в Саду в будущем. И все эти хитросплетения событий до недавнего времени способен был увидеть только Призрак. Но он уже знал, что пройдёт ещё немного времени и второй Принц-Дух догадается обо всём. Настоящий медальон раскрывал перед ним правду, которую не способен был увидеть первый Принц-Дух. У него просто не было примера для подражания. Но второй успел повидать достаточно, чтобы определённые выводы начали напрашиваться сами собой. И медальон поможет ему в поиске нужных ответов. Он превращал линию времени в паутину, пусть и сотканную из воспоминаний и видений. Истинный медальон знал обо всех возможных вариантах развития событий, особенно те, что уже реально происходили, но были переписаны. И теперь было понятно, почему Намтар так тщательно спрятал настоящий медальон. Но сможет ли Принц-Дух понять, где грань между реальным прошлым и чужим воспоминанием? Или потребуется ещё один виток?

***

Медальон давал Принцу-Духу лишь те ответы, к которым он был готов. Те знания и возможности, которых он действительно желал. Но о многом он до сих пор не мог даже и помыслить. Его разум всецело занимала возможность управлять временем по собственной воле, пусть и в столь малом масштабе. Зачастую этого было вполне достаточно, ведь всего одно мгновение порой определяло всё. Но только ли это было важно?

Возможно, его останавливал ещё и страх. Перед неизвестностью и той бездной возможностей познания, что могла свести его с ума. Человек, осознавший границы своего разума в сравнении с бесконечностью, вряд ли сможет остаться прежним собой. И ещё хуже будет, если эти границы падут. Вероятнее всего, он будет уничтожен, раздавлен этой глыбой. Поэтому Принц-Дух рассматривал медальон скорее как некий полезный инструмент или приспособление, стремясь получать ответы по мере необходимости. Главными же своими задачами он видел поиск ключа из видения и сохранение жизни своему двойнику. При этом он понимал, что ему лучше не стоит вмешиваться в дела Кайлины – это может нарушить весь ход событий и привести к непредсказуемым последствиям. Паутина всевозможных вариантов (отнюдь, не самых благоприятных) развития событий вспыхивала в сознании Принца-Духа отдельными фрагментами, бессвязными и непонятными, но оттого не менее пугающими. Иногда ему даже казалось, что делая один шаг вперёд, он затем совершает множество следующих в разные стороны и с отличными намерениями, словно бы растекаясь по этой паутине. И каждый раз ему требовалось усилие, чтобы сконцентрироваться и сохранить рассудок. Он не желал видеть всё это многообразие, ему достаточно было знать, что оно существует, и он по своей воле может влиять на него, выбирая и перевыбирая путь.

Переписывание событий, пусть даже и такое мелкое, приводило Принца-Духа к ещё одному интересному наблюдению: о подмене знал лишь тот, кто её совершил. Стало быть, любой другой человек не будет даже и догадываться о том, что он проживает этот момент уже не в первый раз. И самым интересным было то, что не знавшим о подмене мог быть и он сам: его двойник мог осуществить что-то подобное и, несмотря на то, что Принц-Дух знал о такой возможности, он никак не мог определить момент, когда события были переписаны не им самим. Что если в этом лабиринте, где правда неотличима ото лжи, он упустит что-то важное? Нечто такое, что он увидит, сумеет разглядеть в вихре происходящего, но затем будет вынужден забыть?

От размышлений Принца-Духа отвлёк свет медальона, внезапно вспыхнувший у него на груди. Яркий жёлтый свет, что он испускал, говорил о чём-то, но ему потребовалось ещё несколько секунд, чтобы понять о чём именно. И, раньше, чем он вспомнил, когда в последний раз видел это свечение, Принц-Дух услышал тяжёлые шаги Дахаки где-то неподалёку. Очевидно, чудовище шло за Принцем-Духом и ему было неважно, что тот находился в прошлом – он был нарушителем порядка линии

времени и ему вообще не было места в этом мире. Поэтому олицетворение судьбы преследовало его всегда и повсюду. Но как ему удаётся так легко и быстро находить Принца-Духа? Что выдаёт его и указывает чудовищу путь?

Принц-Дух скользнул в ближайший узкий ход и укрылся в тени, наблюдая за дальнейшими событиями, прикрыв ладонью свет медальона. Дахака появился буквально через мгновения, свирепо озираясь по сторонам. Он, очевидно, чувствовал близкое присутствие нарушителя, но никак не мог обнаружить его. И тогда Принц-Дух, обнаружив, что оказался в тупике с запертой дверью, понял, что лучшим способ скрываться от зверя будут постоянные прыжки из прошлого в настоящее и обратно – это хоть немного собьёт того с толку и заставит побегать за ним. Видимо, именно к такому же выводу пришёл когда-то и Намтар, создавший тот странный лабиринт с чередующимся временем. Теперь Принц-Дух начинал понимать его замысел и даже вновь почувствовал какое-то подобие надежды. Но всё это, одновременно, омрачалось сомнениями, непониманием того, зачем Намтар пользовался вещью, что привлекает внимание Дахаки? Вряд ли он сделал это умышленно, скорее всего, это одно из свойств медальона, с которым приходилось мириться. Но неужели не было иного способа?

Тем временем, зверь, не достигнув цели, растворился в воздухе, исчезнув на глазах у изумлённого Принца-Духа. Присутствие чудовища невероятно тяготило его, и, казалось, будто каждая секунда тянется вечность. Но вот свет медальона угас, и Принц-Дух вновь почувствовал себя в относительной безопасности, однако одна догадка, что вдруг посетила его, вмиг пошатнула это ощущение. Что, если он отправился искать его в настоящем? В таком случае все эти его перемещения туда-сюда не имели особого смысла. К тому же, Принцу всегда требовались для этого порталы, а зверь делал это по собственной воле. Время было для него не более чем стеной, что он мог разрушить одним мощным ударом. И только эта стена отделяла прошлое от настоящего. Поняв это, Принц-Дух поспешил покинуть своё ненадёжное укрытие и уйти из этого места, пока Дахака не надумал вернуться. Напоследок он увидел Кайлину, вышедшую из зала с алтарём и затворившую вход в него. На этот раз она не заметила Принца-Духа и, наверняка, думала лишь о том, как поскорее укрыться в тронном зале. Даже передав ему фальшивый медальон, что вскоре затуманит разум Принцу, она опасалась чужака. Боялась своей судьбы, точно так же, как и он сам. Каждый из Принцев и его двойников. И она делала всё, что угодно, чтобы избежать того, что предрекала линия времени. Принц-Дух даже на мгновение представил, как она посылает

Шади в отчаянной попытке избавиться от него ещё до прибытия на Остров. То, каким отчаянием горят её глаза, и как её гневят сопротивление Шади воле Императрицы и её собственное бессилие. Выходит, они не так уж и отличаются друг от друга? Просто, по злой шутке судьбы, они оказались по разные стороны этой борьбы.

Спустя десять минут блужданий по пустынным коридорам и залам крепости, Принц-Дух оказался на балконе, что вёл к переходу между крепостью и башней, которая показалась ему знакомой. Когда он достиг её, то понял, что попал в Сторожевую Башню – место, где он впервые обнаружил временной портал. Это воодушевило его – из знакомого места он мог с лёгкостью попасть в одну из Башен. Принц-Дух пришёл к выводу, что колоссами в его видении были Механическая Башня и Сад (он, по большому счёту, тоже был выполнен в виде башни – ярус за ярусом он устремлялся всё выше). Они были разделены в пространстве, но Принц чувствовал странную связь между ними. Возможно, она зародилась ещё тогда, когда он с помощью медальона перенёсся из Садов в Механическую Башню и прожил повторно часть своей жизни. А, может быть, это раздвоение и было обусловлено этой таинственной связью между ними, будто бы они являлись частью чего-то единого. Ему лишь оставалось найти ключ, а затем отыскать нужную дверь, чтобы понять, наконец, что за сила кроется за ней. Но сначала ему следовало отыскать путь вниз – он оказался на самой вершине Сторожевой Башни.

Но этому вновь помешал Дахака. Принц-Дух не увидел и не услышал – он почувствовал его присутствие. Зверь был где-то рядом, воздух словно бы загустел и стал обжигающе холодным. Больше не было сомнений – медальон притягивал его, не давая Принцу-Духу даже перевести дыхание. Смерть подстерегала его за каждым углом и даже прячась, он словно бы продолжал во весь голос призывать её к себе. Но это была необходимая цена, единственно-возможный способ оставаться в живых – балансировать на грани жизни и смерти. Ведь без медальона он, скорее всего, потеряет своё уродливое, никчёмное тело и прекратит существовать.

Догадываясь, откуда появится его враг, Принц-Дух поспешил сменить маршрут и выбрал длинный, менее очевидный, но более безопасный путь. Вскоре он очутился у подножия Сторожевой Башни, но не с той стороны, с которой планировал изначально. Ему пришлось пробираться через казармы, тенью скользя вдоль массивных каменных стен и тускло освещённых коридоров. Присутствие Дахаки превратилось в неприятное воспоминание – зверь вновь исчез, так и не отыскав свою жертву. Спустя ещё несколько минут Принцу-Духу, наконец-то, удалось проникнуть в

Сторожевую Башню. Он прекратил красться и прятаться, но продолжал держаться с осторожностью. Любой из его врагов был опасен в первую очередь своей внезапностью, и он не мог позволить себе слабость. Но встретил он вовсе не врага.

Принц-Дух сбавил скорость и перешёл на шаг. Поравнявшись с решёткой – она была высотой во всю стену и была довольно длинной – он остановился в шаге от неё. Всмотревшись за неё, он увидел Принца-двойника. Эта встреча удивила их обоих – Принц-Дух уже успел позабыть этот эпизод из своего прошлого. Кроме того, он не ожидал того, что Принц-двойник доберётся сюда так быстро – он помнил, как долго он сам пробирался по разрушенному церемониальному залу. И затем дважды повстречал Дахаку, что доставил тогда немало хлопот. Должно было пройти не менее часа! Но, вопреки всем ожиданиям, его двойник уже был здесь и бежал к своей цели, ненадолго отвлечённый странной встречей. Принц-Дух увидел удивление и любопытство в его глазах. Он хорошо помнил их, ведь они были его собственными. Но Принц-Дух не желал затягивать мгновение, сбивая с толку двойника, и терять своё время, поэтому он решил скрыться, обманув того. Бросившись вперёд, он спрятался за стеной, в которую упиралась решётка, и выбежавший из Башни двойник не увидел его, посчитав, что Существо уже успело скрыться.

Отдышавшись, Принц-Дух прислушался и услышал звуки битвы. Кажется, его двойник был сейчас занят, и можно было воспользоваться этим, чтобы пересечь мост и действительно скрыться. Пытаться что-либо объяснить своему двойнику или дать ему понять слишком многое было бы чересчур опасно.

Пригнувшись, Принц-Дух вынырнул из своего укрытия и лишь вскользь посмотрел на происходящее. Но этого хватило, чтобы заметить, что Принц-двойник, сражавшийся с иллюзией, решительно не замечает настоящую опасность. Поразительная глупость – смерть кралась к нему со спины, а он, поборов мираж, стоял и смотрел на Принца-Духа. Невидимку позади двойника выдавала лишь пара оранжевых глаз и блестящий узкий клинок, что плыли по воздуху. Понимая, что уже не успеет ничего поделать, Принц-Дух воспользовался медальоном для того, чтобы вернуться в прошлое на несколько мгновений. Ему хватило этого, чтобы вовремя схватить топор из стойки с оружием неподалёку и метнуть в кравшегося врага.

Принц-Дух оказался по другую сторону событий и сделал то, что уже видел раньше. Но почему? Потому что видел или потому что был должен? Или должен потому что видел? Изначально он не собирался делать ничего подобного, ведь он даже позабыл об этом происшествии. Но теперь Принц-Дух понимал, что принял

единственное правильное решение. И он был уверен в том, что Принц-двойник отреагирует точно так же, как и он сам когда-то. В глазах того читался знакомый не понаслышке гнев и теперь уж точно не было надежды о чём-то договориться со своим двойником.

«Я спас свою собственную жизнь и даже не понял этого!», – подумал Принц-Дух. Впервые за долгое время он что-то прояснил для себя и вопросы не множились, а наоборот отпадали. И, в отличие от новоприбывшего двойника, он осознавал, что Существо никогда не было его врагом.

Буквально через мгновение его посетила новая догадка, которая дала Принцу-Духу ещё несколько ответов. Их судьбы (его и двойника) были не просто связаны, они были словно бы отзеркалены в линии времени. И то, что влияло на одного, неизбежно влияло и на другого. Это, например, отлично объясняло то, как Дахака постоянно с такой лёгкостью и завидным постоянством находил Принца, когда тот возвращался в настоящее. Всё дело было в Принце-Духе и истинном медальоне, который привлекал зверя. Каким-то образом ему удавалось избегать подобных встреч, но если поблизости был Принц-двойник, то выходило, что Принц-Дух сам приводил Дахаку к нему. И это открывало перед Принцем-Духом полную картину. Он был как бы отражением Принца-двойника и являлся тем самым дополнением до целого. Два элемента, спутанные нитью времени, они зависели друг от друга и были чем-то единым и неделимым. И они неизбежно притягивались друг к другу.

Но столь скорое появление двойника Принц-Дух объяснил иначе – когда тот прыгал в настоящем, прошлое как бы замирало. Принц-двойник мог часами оставаться в настоящем, тогда как для Принца-Духа, остававшемся в прошлом, не проходило и мгновения. Выходило так, словно бы Принц-двойник попросту срезал половину пути. И делал он это осознанно, желая отсрочить создание Песков Времени.

Только теперь Принц-Дух начинал улавливать весь масштаб происходивших событий, их сложность и запутанность. Паутина, которую рисовало перед ним воображение, выходила за рамки его познаний, и он едва ли мог самостоятельно постичь все её тайны. Но у него был нужный инструмент; ключ, если не к её пониманию, то хотя бы к её познанию. Но о сколь же многом он ещё даже не догадывался? Этот вопрос посетил его впервые, но он и ознаменовал точку невозврата – он начал осознавать, как же далеко ему придётся зайти в этом познании. И теперь самое время вновь задаваться вопросами.

Внезапно, где-то впереди Принц-Дух услышал крики и звон мечей. Он пробежал вперёд и ярусом ниже увидел сражающихся

Навида, Тоуфана и Рахима. Они живы! И они каким-то образом оказались в прошлом! Но их так мало… Принц-Дух еле смог удержаться от того, чтобы позвать их или броситься в битву. Однако выдавать себя было опасно. Он должен был найти иной способ помочь им: выжившие члены команды на бегу отбивались от преследовавшего их отряда врага, которому они значительно уступали в силе и в количестве. И не придумал ничего лучше, как, подгадав момент, отрезать преследователей от своих приятелей, перерубив канат, что держал открытой массивную решётчатую дверь. Принц-Дух чуть ошибся и она рухнула на пол так, что один из песчаных солдат успел пробежать вслед за командой, а ещё один был раздавлен ею. Но с одним неприятелем у них хотя бы был шанс справиться; остальные же остались отрезаны и прекратили погоню. Принц-Дух поспешил тайком покинуть это место, но уже в следующем зале понял, что допустил ошибку.

Он увидел Имана, растерянно бредущего навстречу вооружённому отряду. Но, кажется, его это совершенно не волновало, его взгляд был отрешённым, он постоянно останавливался, что-то бормотал себе под нос и, казалось, совершенно не понимал, что происходит. И тогда Принц-Дух догадался, что его, скорее всего, постигла участь Хараза. Он лишился рассудка и воли и был лишь тенью того человека, которым он когда-то являлся. Но что ж, по крайней мере он достиг той цели, к которой стремился – покончить с жизнью солдата, оставить войну и обрести покой. Однако, к сожалению, он уже вряд ли осознавал это.

Поколебавшись с секунду, Принц-Дух перерубил ещё один канат, на всякий случай, разделив Имана и отряд врага. Но больше он был не в силах ничего сделать для бедняги и поспешил удалиться. У него не было времени на сожаления и жалость. Иман же, в свою очередь, даже не отреагировал на грохот, с которым массивная решётчатая дверь ударила о пол.

Та часть крепости, в которой сейчас находился Принц-Дух, была вырезана прямо в скале и соединялась с внешней стеной крепости. Оказавшись вне помещений, он осмотрелся и продолжил путь уже по ней. Принц-Дух решил держаться подальше от двойника и найти иной путь к одной из Башен. Обогнув острый мыс, он обнаружил небольшие верфь и пристань, устроенные в открывшейся взору бухте. Подобравшись поближе, Принц-Дух пристально огляделся. У него было смутное предчувствие, которое говорило ему, что он может повстречать ещё кого-то из команды. Но, увы, никого из своего отряда он не обнаружил.

Принц-Дух вдруг задался вопросом о том, как Императрице удаётся переносить во времени не только своих слуг, но и целые корабли? Неужели она соорудила гигантский портал ради этого? Такая версия казалась ему абсолютно нереалистичной, даже по меркам всего того, с чем он уже успел столкнуться. Скорее всего, даже ей это было не под силу. Тем более, как Принц-Дух успел понять из дневника Намтара, Кайлина скорее пользовалась достижениями предыдущих поколений и не была способна привнести что-то своё в этот список. Её единственной, так сказать, заслугой, будут лишь Пески Времени в их конечной форме. И вряд ли сама идея принадлежала ей лично. Она лишь завершала многовековой цикл, начатый задолго до её рождения. Но, тем не менее, было решительно невозможно спорить с тем, что там, в море, Принц и его команда столкнулись с вражеским кораблём. Значит и к этому вопросу Кайлина подошла аналогично, использовав чужие идеи. Вероятно, её вдохновила камера Аджита, время внутри которой остановилось и она, используя силу Песков, наделила материалы, из которых были сделаны корабли, устойчивостью ко времени и морской воде. И её солдатам достаточно было перенестись во времени, а корабль просто ожидал их, сколько бы времени ни минуло.

Пробираясь по верхним ярусам построек, Принц-Дух обнаружил два огромных чана, в которых была не то смола, не то масло. Они были надёжно закреплены на деревянных упорах и к ним были подведены длинные деревянные желоба. Принца-Духа вдруг посетила идея, и он иронично подумал о том, что эти строения и корабли могут не бояться времени, но наверняка боятся огня. Он перерубил опоры и опрокинул оба чана. Когда жидкость из обоих обильно растеклась по склону, достигнув пристани, и песчаные солдаты подняли тревогу, Принц-Дух бросил факел и спрятался. Пламя мгновенно охватило склон и, несмотря на все усилия солдат, только усиливалось с каждой секундой. Погасить его не представлялось возможным, и вскоре огонь перекинулся на соседние корабли. Пожар был неостановим и вскоре пожрал всё, кроме единственного корабля, что стоял поодаль. Погибли и песчаные воины, по крайней мере, большинство из них. Принц-Дух же почувствовал определённый вкус к разрушениям – впервые он мог хоть как-то отыграться за всё то, что ему пришлось вынести. И это было лишь началом – медальон сулил ему нечто большее. Сила куда более разрушительная, чем огонь. Такая, которую не остановит вода, как это было в случае с Песками, поскольку сама вода и была этой силой. Принц-Дух, наконец-то, рассмотрел в тумане видений то, о чём ему нашёптывал медальон. Могущественная, сокрушительная и безжалостная стихия, которую ничто не

остановит – именно её Намтар и предлагал ему обрушить на Остров. Именно вода сможет уничтожить всё – и Пески, и саму крепость. Очищение волнами пройдёт по этим землям и оставит после себя лишь груду камней и грязи. Первородная чистота и ничего более.

Принц-Дух понимал, что вода играет какую-то особенную роль на Острове. Крепость не зря была устроена именно так странно, её форма была переплетением двух стихий. Но что это было? Необычный союз или смертельная схватка, где каждый из противников вцепился другому в горло и не собирался ослаблять хватку? Что если одна из стихий только и ждала этого освобождения, чтобы покончить с другой? Теперь Принц-Дух видел скрытый смысл всего этого и понимал план Намтара: тот хотел уничтожить не только Песок, но и весь Остров. И оставил где-то в крепости тайники, найти которые оказалось до сих пор не под силу никому. Но Принц-Дух, вдохновлённый своими идеями и догадками, не собирался останавливаться. Он собирался отыскать их и покончить со всем этим раз и навсегда. Устранить первопричину и остановить безумие. И он нашёл лучшую, как ему казалось, версию толкования увиденного.

Медальон вторил мыслям Принца-Духа, благодаря чему видения постепенно приобретали форму. Казалось, он вот-вот поймёт всё в мельчайших деталях, всё встанет на свои места и он достигнет цели. Медальон, хоть и был порождением Песков и был пропитан их силой, говорил о воде не как о чём-то враждебном, а лишь об отличном, непохожем. Намтару удалось каким-то образом изменить природу медальона, подчинить его волю. Он не смог избавить его от некоторых его отрицательных свойств, но умудрился совладать с силой Песков. В каком-то смысле очистить их и использовать на пользу. Но тогда почему он не сделал это со всеми Песками Острова? Может быть, что-то пошло не по плану? В какой момент он не справился и сдался?

Принц-Дух чувствовал, что в каком-то смысле он подобен медальону. Его тело сейчас также состояло из Песка, но он практически не ощущал их отрицательного влияния на свой разум. Он оставался чистым, насколько это ещё было возможным. Пески не сделали из него настоящего монстра, лишь исказили его облик. Всему этому было вполне разумное объяснение – Принц-Дух и сам был, в некотором роде, творением Намтара. Порождением его плана, который, кажется, не состоялся целиком. Каплей, что плыла против течения в бурном потоке, случайной искрой во тьме. Всё, на что хватило титанических усилий Намтара – не дать умереть последней надежде. Столь могущественны были Пески. Он рассчитывал победить их лишь

оставаясь до последнего незаметным. Принц же должен был не дать угаснуть этой искре.

***

Принц-Дух переправился через подвесной мост и круто свернул направо, продвигаясь по узкому утёсу в сторону Механической Башни. Этой дорогой, очевидно, не пользовались уже много лет, однако у самого подножия скалы, на которой высилась Механическая Башня, он нашёл заброшенный вход, вырезанный в камне. По нему струился поток воды, который за долгие годы сгладил ступени, отчего подниматься по ним было весьма проблематично. На нижнем ярусе был расположен огромный резервуар с водой, уровень в котором, судя по всему, поддерживался на постоянной отметке.

Первой мыслью, которая возникла у Принца-Духа, было попробовать как-то переполнить этот резервуар, нарушив работу механизмов и затопить всё вокруг. Но на сей раз его замысел было воплотить куда сложнее, чем просто перевернуть чаны с маслом и поджечь их. Потребуется куда больше усилий и, главное, нужно найти рабочий, действенный способ. Точку приложения силы. Или даже убедиться, что его идея была поспешной и далёкой от реальности. В любом случае, в прошлый раз он не уделил достаточно времени изучению устройству Башни, и ему следовало сделать это сейчас, пристально всё осмотрев.

Медальон продолжать звать Принца-Духа куда-то вверх, к загадочной точке, тайнику, в котором сокрыто нечто доселе невиданное. Он понимал, что его представления об этом туманном образе как о некой двери, наверняка ошибочны и слишком вольны. Но других у него попросту не было.

Принц-Дух избрал тактику скрытности, и всячески избегал контактов с противником, благо этому способствовало большое число ходов и укрытий. Повсюду, то и дело, расхаживали Смотрители – от них он избавится разом, если найдёт то, что ищет. Но ярус за ярусом он так и не становился ближе к цели. Он не чувствовал, что медальон способен дать ему более ясное представление о ней, хотя до прихода в это место полагал, что медальон и окажется не только путеводной нитью, но и своего рода ключом к тайне. Единственное, что Принц-Дух чувствовал отчётливо – постоянное незримое присутствие Дахаки. Оно неотступно следовало за ним, делаясь то сильнее, то слабее. Иногда Принцу-Духу казалось, что он может научиться вовремя предугадывать его появление, но до сих пор все его попытки оказывались неудачными.

Что же породило этого зверя? Конечно же, он был чем-то вроде песчаного монстра, с которыми Принц сражался, но был при этом несоизмеримо мощнее и даже могущественнее любого из них. Он был неутомим, неуязвим и никогда никому ничего не прощал. Тот, кому было суждено умереть – обязательно умрёт. Всё, что нашёл Принц-Дух для себя в этом обречённом положении – возможность совершить важную, правильную жертву, чтобы его жизнь не пропала даром, бессмысленно угаснув.

Внезапно, одновременно произошло сразу два события, сочетание которых застало Принца-Духа врасплох: послышались тяжёлые шаги приближавшегося Дахаки, а перед ним, словно из-под земли, возник Принц-двойник, который мчался навстречу своей смерти. И тогда Принц-Дух понял, что буквально вынужден остановить его, обрушив одну из секций и отрезав ему путь.

– Да что тебе нужно от меня? – раздражённо крикнул ему Принц-двойник.

Принц-Дух не обращал внимания на гнев двойника. Он знал, что делает это ради спасения его жизни, пусть даже тот и не оценит его стараний. И на сей раз Принц-Дух действительно действовал самоотверженно: он выбежал навстречу Дахаке, так, чтобы тот увидел его и бросился в погоню. Это давало Принцу-двойнику шансы вовремя ускользнуть и не попасться в лапы зверю.

Принц-Дух помнил, что неподалёку был расположен временной портал, и если ему будет сопутствовать удача, то он успеет добежать до него и скрыться от Дахаки, переместившись обратно в настоящее. Тот бросился за Принцем-Духом в то же мгновение, что увидел его. Но план последнего действительно сработал: после нескольких минут погони по ярусам Механической Башни, Принц-Дух влетел в зал с порталом и облегчённо вздохнул. Но на этот раз Дахака стоял позади стены воды и пристально смотрел на него, словно бы не собираясь уходить. Присутствие зверя сильно давило на него, и он поспешил воспользоваться медальоном, который послушно выполнил своё предназначение и перенёс его во времени. После этого он как будто замолчал. Принц-Дух перестал слышать странный зов, он не чувствовал более близость чего-то важного, словно бы находился не в том месте. Произошло ли это только из-за перемещения во времени?

Но он не видел ответа, и его разум занимало нечто другое. Он осознавал, что, во-первых, идёт по стопам своего предшественника, первого Принца-Духа, которого он когда-то называл Существом. И какое бы решение он ни принял, всегда оказывалось так, что все события повторяются точь-в-точь. Он

был не в силах на них повлиять и переживал всё произошедшее вновь, разве что находясь теперь по другую сторону. Кроме того, слова Принца-двойника врезались ему в сознание: они говорили о том, что он только что прожил не оригинальные, а уже переписанные Принцем-двойником события. Видимо, их первая встреча в Механической Башне, если таковая вообще была, прошла несколько иначе. Но перед ним был Принц-двойник, который уже побывал в Саду, где Принц-Дух запер – вернее, запрёт – его в зале с порталом, а тот с помощью медальона смог вернуться в Механическую Башню и изменить свой путь, чтобы не оказаться в этом заточении. Не к этому ли Принца-Духа всё это время вёл истинный медальон? К точке, где соприкасаются две реальности, похожие, но всё же неуловимо различные. Не в эту ли дверь толкали его видения? И не поэтому ли теперь стих зов? Но как это связано с возможностью затопить весь Остров?

В вопросе Принца-двойника было ещё что-то. Нечто, заставляющее Принца-Духа задуматься о том, а чего же он действительно хочет? Пусть даже от самого себя. И чего хотел от своего последователя Намтар? Вряд ли он представлял себе все тонкости ситуации, в которой окажется Принц. Каждый из Принцев. Да, он действительно был осведомлён о многом, ему удалось продумать и реализовать невероятно сложный план, но вряд ли он имел целью решить проблемы своего последователя. Скорее всего, он пытался, в первую очередь, разобраться со своими, пусть уже и чужими руками. И только если они совпадали или хотя бы в чём-то перекликались, то Принц-Дух мог найти для себя хоть какую-то пользу.

***

Выбравшись из Башни, Принц-Дух двинулся в сторону массивных ворот, намереваясь пройти через Центральный Зал и попасть в Сад. Он пришёл к выводу, что должен и дальше продолжать играть свою роль в судьбе Принца-двойника. Поскольку медальон молчал, то он не знал, что Намтару было нужно от него; ему лишь оставалось довериться тому, что он видел раньше. Возможно, как это уже не раз бывало, он сможет со своей стороны увидеть всё иначе, под другим углом, и что-то понять. Однако надежды, что он сможет найти там ключ из своего видения, уже почти не осталось.

Внезапно послышался шум, и Принц-Дух увидел Принца-двойника и гонящегося за ним Дахаку. Ему показалась забавной мысль о том, что не только он неизбежно приводит зверя к двойнику, но и тот приводит его к Принцу-Духу. Хотя Принц-двойник ничего занятного в таких встречах не находил –

вероятнее всего, он ещё не успел к ним привыкнуть. Принц-Дух отлично помнил то чувство фатальной неизбежности, что охватило его в тот момент. У него вообще не было шансов спастись, если бы не случайная догадка избавиться от медальона, что помогла ему, как он считал, перенести своё сознание обратно в другое тело.

Принц-Дух укрылся в тени проёма, что был выдавлен в стене, тянувшейся от Башни. Дахака промчался мимо него и уже через секунду был готов растерзать Принца-двойника. И тогда Принц-Дух осознал, что он снова должен действовать! Если он не отвлечёт зверя, то тот прикончит Принца-двойника. И пусть тот выбросит медальон – его сознание никуда не исчезнет и не перенесётся, если связь во времени будет разорвана. Сознание не могло путешествовать отдельно от тела. Принц-двойник, как и он сам когда-то, отчасти ошибался в своих суждениях. Он просто не помнил всего, что произошло с того момента, как он выбросил фальшивый медальон, так как его сознание из тела, что было в заточении в Саду, держалось в этом теле только благодаря фальшивому медальону. Но если бы Принц-Дух не выбежал из укрытия и не запустил камнем в чудовище, то двойник просто погиб бы. Он понимал, что вмешавшись в судьбу двойника один раз, будет вынужден делать это снова и снова и уже не сможет никак избавиться от такой необходимости.

Дахака отреагировал немедленно. Его глаза вспыхнули красными огнями и, оставив одну жертву, он бросился за другой. Видимо, Принц-Дух, был ещё более опасным нарушителем – зверь без колебаний выбрал, какая из целей для него важнее. После этого Принц-двойник смог добраться до Сада без каких-либо происшествий, кроме тех, что приготовила для него Императрица, хотя и не помнил ничего вплоть до того момента, когда оказался в зале с порталом – в той точке, откуда его сознание путешествовало во времени. Принц-Дух же снова ушёл от погони, добравшись до Сада и, активировав портал, что был расположен под большой ротондой со стекающей с крыши водой, вернулся в прошлое. Его удивляло, во что же превратилась линия времени. Мало того, что судьба держит его на привязи до сих пор, с завидными постоянством и настойчивостью, так она ещё и принимает форму, которую уже сложно было осознавать. Свойства времени в таких обстоятельствах оказывались поистине необычными, стоило лишь получше присмотреться. Оказалось, что лабиринты на Острове существуют не только в коридорах крепости, но и в самом времени – уж слишком невероятно были переплетены прошлое и будущее. Так, что будущее определяло прошлое, а оно меняло будущее. Реальность была не просто

вывернута наизнанку, она была разрезана пополам и склеена противоположными концами.

***

Принц-Дух, оказавшись в Саду и вернувшись в прошлое, спустя какое-то время вновь ощутил странный таинственный зов, исходивший от медальона. Почему он снова заговорил с ним, и, самое главное, о чём именно он хотел сказать ему? О том, что он ошибся с местом в прошлый раз? Но это знание не очень-то помогало ему – он по-прежнему не видел пути, по которому он мог бы с уверенностью идти к цели. Всё, что ему оставалось – бесцельно бродить по Саду, выискивая хоть какую-то зацепку. Одновременно с этим, Принц-Дух размышлял о своём предназначении. Что произойдёт, если он так ничего и не отыщет? Ведь рано или поздно всё это закончится и, к сожалению, он уже знал как. И что тогда? Он чувствовал, как его тело, слабея с каждым часом, готовится ещё к одному перерождению. Но во что именно он превращается, для чего в действительности нужна эта проклятая Маска? Он даже начинал сомневаться в разумности плана Намтара. Всё, чего он достиг, – это лучшее понимание происходящего, но никак не возможность повлиять на него. А все его подсказки были слишком туманны и таинственны, чтобы однозначно и с пользой трактовать их. Ему лишь давался шанс стать кем-то вроде стороннего наблюдателя. И когда его тело превратится в песчаную пыль, он станет не более чем незримым Духом – чистым сознанием, бесконечно далёким от материального мира и своей прошлой жизни.

Несмотря на рой мрачных мыслей, что витали в его голове, Принц-Дух отметил, что Сад выглядит несколько иначе, чем он его запомнил. Но, это происходило не от того, что с помощью фальшивого медальона, Императрица столь сильно влияла на его сознание, и он не видел некоторых ходов, ощущая себя скованным стенами со всех сторон. Всё дело было в другом, настоящем, медальоне. Он указывал путь Принцу-Духу и тот с лёгкостью отыскал обходной путь, который позволил ему, не возвращаясь в настоящее, преодолеть гигантскую закрытую дверь.

Покидая эту часть Сада, он в последний миг обернулся назад и увидел, как где-то вдали выжившие члены команды машут Принцу-двойнику и зовут его. Тот же, посчитав это иллюзией, не придал особого значения происходящему. Но Принц-Дух уже знал, что это не было видением, поскольку никак не входило в планы Императрицы, и он лично приложил руку к спасению Рахима, Навида и Тоуфана. Имана с ними не оказалось, но его

судьба ему тоже была известна. А Принц-двойник, меж тем, отчаявшись найти иной путь, вернулся к порталу. У него при себе не было медальона, и он был невероятно рад увидеть, что портал был активирован. Скорее всего, он решит, что это Императрица заманивает его куда-то, в очередную ловушку. Но поскольку он уже и так был в ней, то терять ему было, в общем-то, нечего.

Принц-Дух, видя эти тонкие отличия, понимал, что по-прежнему проживает переписанную версию событий. Ведь сам он помнил, что в Саду у него был медальон. Но сейчас перед ним был тот Принц, которого он спас от Дахаки в Механической Башне – в момент, начиная с которого тот не будет ничего помнить. Его сознание словно бы проскочит этот отрезок времени, а тело просто будет перемещено в нужную точку.

Живя в мире переписанных событий, Принц-Дух чувствовал, что осознает лишь как бы половину происходящего. Принц-двойник и его фальшивый медальон оказывали какое-то влияние на Принца-Духа. Его жизнь наполовину не принадлежала ему самому. Он должен был заставить двойника избавиться от медальона. Но ведь, получается, что он уже сделал это! Раз события были переписаны, то он уже запирал двойника в портальном зале, и сейчас ему оставалось только сходить туда и убедиться в этом, дождавшись его в нужном месте и нужном времени. Всё остальное потеряло смысл – видения от истинного медальона Принц-Дух считал ложными. Может быть даже не все, а лишь с какого-то момента. Виной тому было влияние фальшивого медальона на истинный. Часть сознания Принца-двойника словно бы жила в нём и его устремления передавались Принцу-Духу. И оттого он, не осознавая чёткой, конечной цели, тенью бегал за своим двойником из одного конца крепости в другой, придумывая очередную интерпретацию своим видениям. Хотя единственно важным было сохранить жизнь двойнику.

Никакого ключа и вовсе не существовало. Равно как и замочной скважины, тайной двери. Все двери, которые было возможно, он уже открыл. Он нашёл даже границу между мирами и чудом не пересёк её окончательно. И по обе стороны от неё лежало нечто, имевшее смысл само по себе. В сумме же это всё превращалось в пустоту, которую он сполна ощущал сейчас в своём разуме. И если не было пути назад, а уходить вперёд было опасно, то ему действительно оставалось лишь балансировать на этой тонкой грани, что болезненно резала его пополам. И теперь Принц-Дух понимал, откуда ему (а сейчас и его двойнику) пришла в голову мысль о некоем истоке, начальной, отправной точке. Той, что делила всё пополам. Часть сознания Принца-Духа проникала и в разум двойника. Истинный медальон, в свою очередь, влиял на ложный, а Принц-двойник был точно так же не

в состоянии до конца осознать его подсказки, отчего неверно представлял, где находится эта самая точка. И выходило так, что настоящий медальон был не таким уж истинным, а фальшивый – не таким уж ложным. Просто одному было доступно чуть больше знания, и он каким-то образом был избавлен от прямого влияния Императрицы. Намтар успел вложить в него часть своих умений и знаний, но его работа оказалась незавершённой. Он смог лишь указать направление, дать самые главные наставления и не более того. Он дал шанс, подарил возможность сделать что-то. Но что именно, Принцу предстояло решить самостоятельно. Кажется, в этом и заключался план Намтара.

***

Намтару удалось добиться невероятно многого. Даже несмотря на некоторые обстоятельства, он сумел выстроить такую невероятную и сложную схему, от которой даже у Призрака захватывало дух. Намтар действительно обладал каким-то даром провидения и, не имея некоторых возможностей, всё равно был способен представить, к чему они приведут того, кто с ними столкнётся. Он наперёд знал те чувства и мысли, что возникнут у этого неизвестного, но обязательно достойного человека. И, конечно же, Намтар знал о неизбежных сомнениях, неверии и страхе, которые будут следовать за ним. Призрак считал, что, порой, Намтар вёл очень опасную игру, балансируя на грани чужих жизни и смерти. Он одновременно давал надежду и отнимал её, пленив Принца странной Маской, которая практически превратила его в призрака (или Духа, как выражался сам Намтар). Но, в отличие от Песков и связанной с ними линии времени, он оставлял своему последователю огромный выбор. Он сам должен будет определить свой путь. И даже если он не справится и падёт от рук судьбы, то у него останется хотя бы ещё одна возможность. Шанс не сгинуть окончательно.

Но сейчас, даже пройдя такой сложный и опасный путь, Принц, уже будучи в обличии Существа, всё ещё заблуждался насчёт медальонов. Никакой связи между ними в действительности не было. Фальшивый медальон, хоть и обладал внушительными возможностями, был предназначен лишь отвлечения Хранителей. При соприкосновении же с истинным, он просто превращался в пыль, позволяя с лёгкостью открывать правду. Кроме того, он не был единственным в своём роде – Принц наткнулся на целую россыпь подобных ему у статуи Намтара, что подчёркивало их бесполезность и никчёмность, но не придал этому должного значения. Обычные предметы или

подделки могли быть легко скопированы, достаточно было забрать их из будущего и вернуться в прошлое – так предметов становилось два. При желании, можно было повторить процедуру сколько угодно раз. Но истинные Реликвии Времени – настоящий медальон, Кинжал, Перстень и Песочные Часы – всегда существовали в единственном экземпляре. Разве что Намтар научился раздваивать образы этих реликвий, как это было в случае с кинжалом. И то же самое с людьми – само по себе перемещение во времени не порождает двойника. А Маска делала нечто подобное с человеческими телами.

Принц-Дух искал связь там, где её не было, и не видел некоторых очевидных вещей. Например, Принцу, ещё до обращения в Существо, во время скачка между Механической Башней и Садом, было видение о сражении с Кайлиной в Саду, прямо у клетки. Сейчас он объяснял себе это тем, что эти видения передались ему через ложный медальон, в который они, в свою очередь, просочились из истинного медальона, которым обладал первый Принц-Дух. Но, в действительности, всё объяснялось несколько проще: в момент беспамятства второй Принц просто обнаружил медальон, выброшенный первым Принцем после победы над Кайлиной, но затем его спугнул Дахака и он случайно обронил его. Ложный медальон (теперь их было два) из первой версии событий и дал Принцу это видение. Таким даром обладал лишь истинный, пугая своего обладателя многообразием выбора.

Принцу ещё предстояло осознать эту тонкую разницу, которая на деле оказывалась огромной пропастью. Именно в таких мелочах, тонких различиях и нюансах и жило учение Намтара о том, что судьбы, всё-таки, не существует. Любая мелочь, любая незначительная случайность могла оказаться опорой или рычагом для колоссальных и важных изменений. Всё дело лишь в правильном угле зрения и выборе дороги. Намтару хватило нескольких месяцев, чтобы впасть в глубочайшее заблуждение и потребовалось потратить остаток жизни, чтобы побороть его и открыть свой путь другим. Принцу же было необходимо управиться буквально за день, сменив образ мышления, навязанный весьма убедительным оппонентом. Он считал, что последние часы его жизни утекают прочь и в конце он обязательно умрёт. Ведь всё, что он видел до этого, повторялось, как ему казалось, точь-в-точь. А тех самых, едва различимых отличий, он не замечал. Вернее, не понимал их важности.

Единственное, в чём он оказался прав, это в том, что между ним и двойником действительно существовала какая-то странная связь, которая в небольшой степени позволяла их сознаниям

смешиваться друг с другом. Маска работала как-то иначе, она не была похожа на медальон, который лишь показывал возможные пути. Она позволяла прожить сразу две жизни, в разных телах. В таком случае, выбор происходил уже после того, как путь пройден, а не до. И в этом Призрак тоже видел определённое изящество и красоту плана Намтара. Его загадки требовали отнюдь не интуитивных решений. Всё было построено наоборот, словно бы вывернуто наизнанку. Отсутствие означало наличие, а наличие – полное отсутствие. Словно бы в отражении, которое по малой части позволяло представить нечто целое, а целое не было настоящим без какой-то мелочи.

***

Добравшись до того места, где Существо когда-то пленило его самого, Принц-Дух спрятался и стал ожидать Принца-двойника. Тот должен был с минуты на минуту появиться из портала, вернувшись из настоящего. Но когда он и двойник находились в разном времени, нарушалась равномерность его хода и события могли случаться равно как непредсказуемо быстро, так и необъяснимо медленно. И прежде чем произошло то, чего он ждал, он ощутил близкое присутствие Дахаки. Но тот в очередной раз прошёл мимо и удивительным образом не обнаружил его, лишь хищно озираясь по сторонам.

Принцу-Духу вдруг пришла идея о том, что, возможно, молчание медальона связано именно с близостью к конечной цели. Тогда понятно, почему Дахака, ведомый медальоном, каждый раз, подбираясь к Принцу-Духу невероятно близко, сбивался с толку этим же молчанием. Сложно было трактовать его, как некий сигнал, указание на верность выбранного пути. И, тогда, выходит, что в Механической Башне, когда он впервые смолк… Принц-Дух достиг своей цели! Выходит, надежда ещё есть? Он хлопнул себя по лбу от внезапного озарения. Но правильно ли он всё-таки представлял себе эту цель? Ведь нельзя рассматривать видения и подсказки медальона отдельно от Маски. Они действовали на него вместе, как бы сообща. Медальон позволял держать часть сознания и памяти отдельно от сознания двойника, в виде Духа – таинственной и непонятной Принцу-Духу сущности, а Маска давала ему новое тело, пусть и такое слабое. Лишись чего-то одного, он потеряет всё. Объединённые, медальон и Маска породили новую сущность, нечто больше, чем сочетание разума и тела, которое находилось в

шатком равновесии. Она была ограничена во времени жизни, но её способности могли помочь ей совершить невозможное, после чего смысла в её дальнейшем существовании бы уже не было. Но почему он решил, что для этого обязательно нужна жертва? Что если это временная мера, своего рода испытание, которое нужно лишь пережить? А, значит, тогда должен быть и обратный путь! Но, раз медальон замолкал не единожды, то, видимо, и не было единой цели. Либо же, путь к ней не был единственным. Что, если он должен наоборот, не помогать своему двойнику, а помешать ему? Ведь уже совсем скоро тот убьёт Кайлину и вновь лишит его шанса что-то исправить.

Тем временем, Дахака исчез, а через несколько мгновений Принц-Дух увидел двойника. Медальона у него не было, а значит всё действительно шло так, как и ожидал Принц-Дух. На мгновение ему показалось, что он видит отголосок другой реальности, где Принц-двойник всё ещё с медальоном на шее и Принц-Дух должен был выскочить из укрытия и перерубить канат, отрезав двойнику путь. Но это видение было достаточно туманным, неявным и его легко было отличить от действительности. События были уже переписаны, и верить видению не было никакого смысла. Словно бы какой-то внутренний голос говорил Принцу-Духу: «Нет, нет, нет, всё было совершенно не так!». Отсутствие медальона было ему на руку – Принц-двойник не сможет просто так попасть в тронный зал, не заполучив его вновь. А на это ему точно потребуется время, которое Принц-Дух сможет использовать с пользой.

Но что именно ему следует сделать? Ведь что бы он ни предпринимал, он переживал те же самые события, что и другой Принц-Дух, что был до него. Неужели тот не знал того же, что открыл для себя второй Принц-Дух? Неужто, он не проделал тот же путь, пытаясь достичь той же самой туманной цели? Многократно и слепо делая выбор в неверном направлении, так ничего и не добиваясь, он стремился попасть сразу в два места, всё успеть и в итоге погибал раз за разом. Это превращало его жизнь в бесконечную петлю, в которой всё раз за разом повторялось. И не так уж были важны какие-то мелкие различия, если итог был одним и тем же. Его смерть и новая жизнь другого Принца, которая будет иметь тот же конец. Именно другого, с иной памятью и телом! Несмотря на связь их сознаний, их жизни никак не зависели друг от друга. С помощью Маски и медальона, Принц-Дух стал отдельной, независимой личностью, чьё существование не определялось жизнью двойника. Его тело состояло из Песка, а сознание было лишь отражением разума двойника. Вернее, наоборот, сознание двойника было отражением. Так зачем, стало быть, стараться сохранить ему

жизнь? Тем более, увидев у него медальон, двойник обязательно решит напасть на Принца-Духа, ведь он был лишён своего.

Та самая точка, тот исток, о котором он думал (иногда эта мысль становилась поистине навязчивой), находилась не в одной из Башен, а между ними, в Центральном зале. Точка, в которой сходятся и расходятся их судьбы, пересекаются пути и совершается выбор. Какой смысл ему жертвовать собой и терять весь накопленный опыт и знания? Ему было необходимо разорвать этот замкнутый круг, вырваться из петли, пусть даже это и происходило всего во второй раз. Ведь если во время обычных перемещений во времени он не встречал других двойников, то, значит, Маска порождала одного-единственного за счёт его сознания и тела. И, стало быть, у него был шанс вернуть их себе, обратив её действие. Сделав выбор. Снять Маску он не мог – это окончательно лишило бы его тела, пусть даже и такого никчёмного – поэтому у него оставался единственный выход, который и должен был стать обратным путём.

Поняв, что должен сделать, Принц-Дух вернулся в Центральный Зал и дождался двойника. Но на этот раз он не помогал ему, не подавал руки, а выждав удобный момент, толкнул его назад, прямо в объятия смерти. Это было ещё одним мелким, незначительным отличием в череде переписанных событий. Мелочь, которая ни на что не повлияла и допускалась судьбой. Дахаке, как олицетворению самой судьбы, в тот момент не было дела, кого из двух нарушителей схватить первым. Его задачей было лишь убрать лишний, инородный элемент из линии времени. Любой из тех, что окажется ближе. А тем временем, Принц-Дух почувствовал, как Маска спадает с его лица, возвращая ему привычный облик. Теперь ему даже казалось, что он понимает, как она работает – она словно бы вбирала в себя тело, надевшего её, а когда приходило время – возвращала его. Она действительно прятала от взора судьбы, но в смысле куда более широком, чем Принц предполагал изначально.

Он ощущал, что более не распадается как бы пополам, и вновь чувствует себя целостно. Пусть он и сам когда-то был лишь двойником предыдущего Принца-Духа, а исходные события уже давно переписаны, и он не ощущал на плечах груза ответственности за эту смерть. Он не был первым, но станет последним. И, в конце концов, Принц-Дух перед ним был готов на жертву, желая передать нужные знания ему самому. Он же увидел иной путь. Каждый из них сделал свой выбор. И сразу же после этого у него возник вопрос: а был ли у Намтара вообще какой-либо план?

Дорога судьбы петляла и извивалась, подобно хищной змее, что в любой удобный момент стремилась впиться в ногу. И

обмануть её Принц смог только пойдя на столь решительный и неожиданный шаг, почти без шансов на успех, как могло показаться. Хотя это ещё не означало то, что он изменил свою судьбу целиком. Он именно перехитрил её в отдельный момент времени, отказавшись от любых планов, рискнув единственным, что у него оставалось. Породив те самые незначительные отличия, с которыми он постоянно сталкивался и которых судьба в этот раз не замечала. Он совершил подлог, не нарушив принципа повторения событий, а, значит, чисто условно, не изменил ничего и остался чист.

Иман, случайно оказавшийся неподалёку, – возвращаясь за Фарангом, он был вынужден ненадолго отправиться в прошлое, – хотел что-то крикнуть Принцу, но, увидев, как чудовище растерзало его, буквально превратив в пыль, не рискнул привлекать к себе внимания и поспешил удалиться, не увидев обратное превращение Принца-Духа. Тот стоял на месте, застыв словно статуя, недвижимо, равно как и Дахака, который подошёл к нему на расстояние вытянутой руки. Холодное дыхание, исходившее от его тела, пробирало Принца насквозь. Ледяной ужас пропитывал его тело и разум, но он и не думал сходить с места. Именно безумные идеи помогли ему сохранить свою жизнь, поэтому и сейчас руководствуясь одной из таких, он считал, что снова стал не интересен Дахаке до тех пор, пока Императрица не создаст Пески Времени. А одного лишь медальона, пусть и истинного, было недостаточно, чтобы заинтересовать чудовище надолго. И, действительно, не прошло и минуты, как зверь просто исчез, оставив Принца наедине с его маленьким триумфом. Ему лишь оставалось продолжать следовать за своими безумными отчаянными идеями и дальше. Может быть, план Намтара как раз-таки и заключался в отсутствии такового? В полной свободе от судьбы и любых планов.

Призрак же снисходительно улыбался, наблюдая за потоком мыслей Принца. Сколько бы раз ни повторилась эта временная петля, каждый очередной Принц найдёт для себя единственно верное объяснение для своего выбора. И неважно, повторял ли он предыдущий или отличался от всех – ему он будет казаться самым правильным, неизбежным и единственно возможным. Но идея Намтара как раз-таки и заключалась в том, чтобы показать – неизбежности нет, и существует несчётное число дорог и множество выборов. И его последователь должен пройти их все. Он желал, чтобы тот смог охватить все вероятные и невероятные версии развития событий. Это многообразие и было главным орудием в борьбе против диктата судьбы и Песков – ведь тогда выбрать лучший вариант из возможных вовсе не сложно. Хотя

Намтара не слишком-то интересовало, каким именно он будет – по этому поводу он не строил догадок, планов и не имел каких-либо предпочтений. Ему было лишь важно, чтобы за счёт этого многообразия всегда сохранялся второй шанс, до тех пор, пока в этом будет необходимость. Пусть даже он и был бы невероятно туманным, тусклым и буквально призрачным.

Глава 30. План, которого не было

Я умираю… Но, пожалуй, меня это уже не тревожит. Не пугает, как несколько дней назад, когда я ещё не мог смириться, когда ещё желал бороться. Кто-то скажет, что я потерял надежду. Я же думаю, что нашёл её. Как может на что-то надеяться человек, если он боится своей жизни, каждого её мгновения, каждого вздоха, того, что он может быть последним? А что есть смерть, как не часть жизни? Не конец, а часть, которая родилась вместе с нами и сопровождает нас по жизни? Незримо, беззвучно скользит следом (а может и на шаг впереди!), чтобы прийти в тот момент, который начертан Судьбой. И важно лишь то, что останется после тебя…

С самого начала нашего противостояния с Нергалом я не учёл одной важной вещи – Нергал читал мои мысли и с лёгкостью проникал во все мои замыслы! Он знал наперёд почти каждый мой шаг. И строил эту ловушку, в которую я сам себя и завёл – все мои победы были не просто временными, они были намеренно допущены им. Я угодил в эту гигантскую паутину обмана, он заставил меня думать, что посох почти бессилен, скрывая его истинное предназначение. С его помощью он выудил из моего разума все планы – ему оставалось лишь воспользоваться ими в своих целях. Поэтому, в какой-то момент, я понял, что тоже должен создать ложь. Такую же масштабную и неожиданную. При этом она будет похожа на правду – я должен заставить верить его в свой успех. Поэтому, мой первый дневник в какой-то момент стал орудием тонкой игры против него. С того мига, как я выяснил, что же планирует Нергал (думал, что выяснил), все записи в нём полны обмана, ложных надежд – что угодно, лишь бы сбить его с толку.

Я начал с того, что создал фальшивый медальон. Пожалуй, у меня даже не получится сразу объяснить, чем он отличается от настоящего. Разве что в глаза бросается внешний вид: фальшивка гладкая и с кружком в центре, на настоящем же я оставил только полумесяц, а сам он довольно груб и не искусен. После видения далёкого прошлого, в котором Масгик своими руками выточил этот медальон, я, в порыве отчаяния, попытался исправить древнюю ошибку, сточив круг в центре, надеясь, что это действие возымеет обратную силу. И даже пробовал всё-таки сбросить его в Бездну, надеясь погрузить всю гору обратно в водную пучину. Но, конечно же, это было глупостью, я сильно переоценивал могущество предметов, наделённых силами Песка. С Островом и крепостью ничего не произошло. Разрушение зла оказалось сложнее его созидания.

Однако же, это видение показало мне то, чего я не ожидал увидеть. И то, чего ни в коем случае не стоит видеть Нергалу. Поняв это, я подменил видение, которое даёт фальшивка. В нём Остров всегда состоял из двух частей, гора не росла из воды, внимая зову медальона, а Бездна образовалась после падения звезды с неба. Медальон был создан задолго до этих событий и был символом Острова – считалось, что пока он находится в одной из его частей, сам он в безопасности. Когда же появилась Бездна, он пропитался силой Песков и постепенно убил своего хозяина. Хотя, какое-то время он давал ему сил и власти. И так же было со следующим, и тем, что был после него… До тех пор, пока сила медальона не иссякла, а люди не поняли, откуда исходит опасность. И никакого противостояния стихий.

Простая перестановка событий местами, немного фантазии и умалчивания деталей – так у меня и получилась совершенно иная история, в которой медальон кажется просто бесполезной железкой, которая отчего-то обладает чудесными возможностями. Но они скорее поверхностно привлекательны. Фальшивка способна управлять Песками таким образом, что можно создать мосты или стены не хуже настоящих, каменных, но гораздо менее долговечные. Песок словно бы сжимается во времени и в отдельно взятый момент становится твёрдым. Кроме этого, медальон позволяет странным образом раздваивать время – это действует не только на предметы, но и на сознание человека. На самом деле, это свойство самого Песка, его взаимодействия с сознанием и отсутствием чёткой предопределённости. Будущее – это набор возможностей и случайностей, одни из которых маловероятны, а другие наверняка произойдут. Эта особенность медальона будет раздражать Нергала, и он будет всячески стараться скрыть её. Кроме того, он так и не сможет понять, каким образом медальон стал обладать всеми этими возможностями. Он будет бесконечно изучать мой дневник, но фальшивка будет точно соответствовать тому, что там написано и он не обнаружит подвоха. Он даже, наверняка, попытается сделать несколько копий. Но, к счастью, все самые интересные свойства настоящего медальона я открыл уже очень поздно и они не изложены на страницах первого дневника. Например, он обладает возможностью, которой я наделил кинжал, – ненадолго обращать ход времени вспять, всё на те же несколько секунд.

Он отрицает Судьбу. Истинный медальон решительно не считается с тем, что Пески выстаивают строгую линию времени и пытаются удержать весь мир в этих рамках. Он способен видеть сразу все варианты прошлого и будущего, даже те, что были кем-то исправлены, изменены. Но для это следует прислушаться к нему – медальон не открывает свои тайны просто так. И тот, кто

пойдёт этим путём, сможет выбрать нужный ему вариант будущего.

Но если не знать этих, мелких, на первый взгляд, отличий, то их невозможно отличить друг от друга. Или вообще догадаться, что есть другой медальон. А ведь достаточно бросить фальшивку в Бездну – и она упадёт туда без каких-либо помех! И, кроме того, как и любое порождение Песков моей эпохи, поддельный медальон разрушается в воде. Но Нергал будет слишком ценить и охранять его, чтобы решиться на такие эксперименты. И это отношение будет перенято его потомками – я отказываюсь считать их своими, хоть они и вряд ли будут виновны в грядущих событиях больше самого Нергала – медальон будет передаваться из поколения в поколения. И сказка о неизменности и всепоглощающей определённости Судьбы будет жить и здравствовать, помогая претворять великий план Нергала в жизнь. А вместе с ним и мой.

Настоящий медальон обладает особой памятью. В нём заключён первородный Песок, тот, что был слабо подвержен влиянию человека. И он почти никак не связан с остальными Песками Острова. Он как глина, которой можно придать любую форму, прежде чем она затвердеет и будет обожжена. Мне удалось уберечь его от влияния Нергала, буквально изменив под себя. Эта сила пропитала настоящий медальон так глубоко, что обладающий им, одним прикосновением сможет уничтожить любой из фальшивых. Он просто растает в воздухе, превратившись в пыль. И это самый верный способ отличить один от другого. Кроме того, истинный медальон хранит слишком много моих воспоминаний. Тех, которых Нергалу знать не следует.

Но главная его особенность в том, что он часть моего истинного плана. Тот, что описан в первом дневнике – пустышка. Он иллюзорен и сильно зависит от первой подсказки, которую, однако, очень легко найти или уничтожить. Но я сделал это намеренно. Я хочу заставить Нергала считать, что я действительно хочу спрятать от него эти четыре предмета – первый Дневник, Медальон (фальшивый), Перстень и Кинжал. На самом же деле, я хочу, чтобы он нашёл их. Я слишком много раз ошибался, строя глупые планы и безумные догадки, так что, думаю, он поверит в эту чушь. Мой ложный план выглядит как строгая последовательность действий – это так типично для того, кем он меня считает. Он без труда найдёт дневник, тот поведает ему о медальоне, что спрятан в Сторожевой Башне. С помощью медальона он заполучит Перстень – он пригодится ему, что поддерживать живым миф о неоспоримости Судьбы. И перстень укажет ему, как же взять в руки кинжал. Уверен, это тоже сильно

позлит его. После этого Нергал перейдёт к осуществлению своего плана – превращению Песков Времени в их конечную, абсолютную форму и заключить в Песочные Часы. Могущественная сила, управляющая временем и сознанием людей – я вовсе не желал сделать их такими. Но там, где заканчивается его план, мой лишь начинается.

Порядок, который установил Нергал, зиждется на том положении, что линия времени строга и прямолинейна, недопустимы никакие отклонения или серьёзные изменения. И кара для любого нарушителя только одна – смерть от руки стражи времени. Страшного и беспощадного зверя по имени Дахака. Мне не убежать от него, но я могу положиться на того, кто сможет продержаться против него достаточно долго. Он подхватит мой ложный план в последней точке и, как угодно завладев кинжалом, выпустит Пески Времени из Часов, ломая ход времени, обрекая себя на гибель и вечное преследование Дахакой. И, пожалуй, в моих силах спрятать настоящий медальон таким образом, что зверь, в попытках загнать жертву в угол, сам приведёт её к этой важнейшей находке. Я смогу обмануть зверя так, что он станет считать, будто бы ему будет легче выслеживать того, кто обладает этим медальоном.

Медальон будет висеть на шее статуи, вокруг которой будет россыпь фальшивок. Поначалу я создал их, чтобы раздать своим сторонникам. Но я лишился последних союзников ещё раньше, чем успел это сделать и решил просто спрятать их за ненадобностью и чтобы не вызывать лишних подозрений. Статуя – та самая, о которой я писал в своём первом дневнике. Она действительно существует, хоть и в несколько ином виде. Скорее просто как ориентир, как маяк в этом вихре безумных событий. Изначально я писал о ней в шутку, надеясь при этом, что Нергал поверит в неё и будет в очередной раз сбит с толку. Но затем я вдруг увидел смысл в её создании и, опасаясь, что Нергал каким-либо образом помешает мне, я написал о том, что это была сиюминутная глупая идея, надеясь на этот раз скрыть серьёзность своих намерений. Она позволит сохранить память обо мне и моих знаниях. Любой, кто дойдёт до этой точки, будет знать, что этот путь не фальшивка, не очередная ловушка Песков, а часть моего плана. Она – единственное, что сохранит обо мне память. Нергал ни за что бы не пошёл на такое, даже ради обмана. А все детали моего истинного плана сохранят медальон и второй дневник.

Сначала я хотел спрятать медальон в лесу, на Усакаре, в том самом месте, где его отыскал Масгик. Но его мог кто-нибудь найти, пусть даже и абсолютно случайно! Это было бы слишком рискованно, и я спрятал его в месте понадёжней. Так, что лишь

настоящий смельчак или глупец решится пойти этой опасной дорогой и заполучить медальон.

И, после этого, у того, кто решился на все эти отчаянные шаги, появится выбор. Он получит свободу распоряжаться жизнью так, как он того хочет, без диктата Судьбы и линии времени – как жаль, что я сам слишком поздно раскусил этот обман! Но лучше поздно, чем никогда. И я преподношу этот дар смельчаку, что не боится бросить вызов тирании Песков. Он сможет остановиться на любом из последующих шагов или пройти их все, в любом порядке. А медальон буде ключом ко всему, к любому из этих шагов.

***

Настоящее видение, что я скрыл от Нергала, натолкнуло меня ещё на одно открытие. Когда-то, в незапамятные времена, вода, породившая всю жизнь, пыталась уничтожить Пески, поглотив их. Нет, скорее даже не уничтожить, а изменить, привести в равновесие. Я был прав в том, что это сонная и молчаливая стихия, но ошибался в её враждебности. Сейчас я вижу, наконец, как устроен мир. Любые представления о человекоподобных божествах, чей великий замысел создал людей или управляет их жизнью, ошибочны. Они лишь облекают свои фантазии в форму наиболее им доступную. Если человек за всю свою жизнь не видел ничего, кроме других людей и животных, то ему очень сложно взглянуть на реальность под каким-то другим углом, увидеть более общую картину. А в действительности мир – это лишь сочетание четырёх, давно известных, стихий – воды, воздуха, огня и песка. И они словно бы обладают каким-то особенным видом сознания, которое едва ли можно сравнить с человеческим. Но при этом люди и вообще вся жизнь – это всего лишь иная форма существования этих стихий. Всё многообразие жизни строится на их различном сочетании. Например, кровь человека – это сочетание воды и огня, что уравновешивают друг друга. Вода подвижна и гибка – она формирует наше тело, а огонь жжёт чувствами наши сердца, заставляя их биться. При этом вода не даёт огню разгореться слишком сильно, а огонь, как источник энергии, не даёт воде слишком застаиваться. Песок же наделяет человека разумом, привнося порядок в его мысли. И наконец воздух... В нём живёт то, что мы с древнейших времён называем душой. Подобно языку змеи, она с каждым выдохом человека ненадолго показывается наружу, словно бы ощупывая и осматривая окружающий мир, а со вдохом возвращается обратно. И когда тело отслужит свой срок, оно умирает, а его частички вновь сливаются с породившими его стихиями. Но душа

продолжает жить, хотя она и не совсем свободна – её тянет обратно – тот же самый принцип «выдох-вдох», но уже в масштабах человеческой жизни. Душа, покинувшая тело, зовётся духом. И во время обратного пути, от момента смерти до самого рождения человека, он стремится хоть как-то повлиять на жизнь человека, нашёптывая ему что-то во сне. Лучше всего им это удаётся в середине жизни, когда человек и его дух максимально близки во времени. Но, чем дальше они друг от друга, тем слабее это влияние. Этим хорошо объясняется то, что человек менее всего разумен, умел и приспособлен к жизни в самом её начале и конце.

Разное сочетание стихий в нашем теле и делает нас всех такими отличными друг от друга. Кто-то сильнее подвержен влиянию эмоций, огонь в его сердце горит ярче, чем у других. Кто-то более спокоен, как водная гладь океана. До тех пор, пока не разразится буря. Но для этого нужно приложить просто колоссальные усилия. А Нергал, судя по всему, очень подвержен влиянию Песков. Его разум всегда трезв, со стальной хваткой, предельно сосредоточен и внимателен. И поэтому он понял, что его жизни не хватит для того, чтобы преобразить Пески в их абсолютную форму. Потребуется множество жизней, а он лишь задаст направление. Неправильно будет сказать, что он является олицетворением этих будущих Песков – любая личность теряется в этой бездне. Как можно уместить бесконечность во что-то очень малое и примитивное? Гораздо логичнее малому стать частью этой бесконечности. А учитывая все особенности Песков – их определяющей частью.

***

Я достаточно рассказал о Песках в первом дневнике – сейчас я лишь подвёл основные итоги. А вот о других стихиях мне бы хотелось поведать подробнее. Особенно о воде. Долгое время я в корне неверно представлял себе её суть, считая её опасной и безликой – неудивительно, после того, что она сотворила с Дильмуном. Но в этом деянии не было того осмысленного зла, на которое способны Пески. Вода лишь, повинуясь своей природе, стремилась уравновесить их, не дать им полностью поглотить Остров. Вода – источник всей жизни, но без разума и чувств эта жизнь не имеет формы. Она лишена цели и не имеет смысла. Но в совокупности с остальными стихиями она преображается.

Если говорить о воде отдельно, то особо ценно в сложившихся обстоятельствах то, что она губительна для Песков и всех его порождений. Сначала, не понимая до конца истинный замысел Нергала, я собирался создать особое оружие против

Зервана – меч, пропитанный силой воды, сконцентрировав её так же, как я поступил с Песками и кинжалом. Сама по себе, моя идея оказалась верной, но вскоре изменилось её применение. Это единственное оружие, которым может быть побеждён Дахака. Страж времени и Судьбы, охраняющий грандиозный обман, падёт от руки моего последователя, если он окажется достаточно храбрым и искусным воином.

Нергал оказался умнее, чем я думал – он не был слеп и точно знал, что делал. И его стремление к вечной жизни имеет иной вид – он не стремится жить вечно сам. Важно было лишь направление, которое он задал – чтобы все его потомки ни на шаг не отступали от чёткого и строго плана. Важнее для него были Пески, как единое сознание, частью которых он собирался однажды стать. И вот они-то и будут жить вечно, вобрав в себя всех потомков по линии Нергала. Это обстоятельство откладывает исполнение моего плана на чудовищно большой срок – пройдут сотни, а то и тысячи лет. И в течение всего этого времени никто из них не должен догадываться об истинной природе и могуществе водной стихии. Они не должны воспринимать её, как нависшую над их мирком угрозу. Это позволит нанести внезапный и решительный удар, который должен стать фатальным.

***

Возвращаясь к первому дневнику, добавлю, что я попытался сбить Нергала с толку ещё и тем, что в некоторых записях аккуратно делал противоречивые приписки, если позволяло свободное место. Но я более не использовал водостойкие чернила, наоборот – так можно отличить правду ото лжи, если знать этот секрет. Вода покажет истину, достаточно лишь слегка намочить страницу. Если бы у меня было больше времени, я бы полностью переписал его, изменив детали так, чтобы максимально осложнить жизнь Нергалу. Буквально завести его в тупик, замкнутый круг без всякого выхода. Но на это у меня не хватит ни времени, ни сил. Поэтому я обойдусь одними приписками – в них я перестаю сомневаться в силе Судьбы, склоняю его к мысли создания Песочных Часов путём полного исчерпания Бездны и делюсь своим отчаянием. Даже если он догадается о моём обмане, это отвлечёт его и вселит ложную уверенность в своём превосходстве.

Я был не совсем прав и насчёт самой Судьбы. Она всё же в некотором смысле существует. Но не в виде книги, где ясно прописан каждый шаг (это лишь уловка, обман, созданный Песками), а в виде некого коридора, который отчасти

ограничивает волю человека и свободу его выбора. Дело в том, что она определяется не туманными предсказаниями будущего, а прошлым. Именно оно диктует будущее, задавая общее направление. И чтобы сойти с этого пути, нужно приложить определённые усилия. Но порой случается так, что некоторые события уже неизбежны – уже просто слишком поздно что-либо менять. Когда я понял, что же на самом деле задумал Нергал, я ещё и осознал, что мне уже некуда деваться. Но теперь я всё знаю – буквально чувствую кожей, поэтому и решил создать новый дневник. Под номером два. Но пока что я не выбрал для него форму – и поэтому его не существует. Его нет даже в моих мыслях – они слишком уязвимы, особенно перед чудовищем, которым я становлюсь. Я придумал особую форму для своих мыслей – они существуют словно бы вне времени. И пока я не решу перенести их куда-нибудь, их словно бы и вообще не существует. Всё потому что знания, которые даёт второй дневник, слишком ценны, чтобы ими разбрасываться просто так. Мне нужен особенный тайник для него.

Интересно, как устроена неопределённость будущего? Мне кажется, что в каждой точке времени, где нам требуется принять какое-то решение, оно ветвится и создаётся множество вариантов. И разрастается до бесконечности, как гигантское древо. Может быть, есть такое будущее, в котором я вышел победителем из этого противостояния?

***

Сейчас я, наконец-то, осознал истинное значение своих странных снов и видений. Те отражения, что я видел в Песках и были духом, образом моей души. Но они были неуловимо бледными, почти невидимыми. Казалось, стоит только протянуть руку, коснуться их и они растают в воздухе. Такие, словно их и не существует вовсе. Будто они – лишь плод моего воображения. В некотором смысле так и было.

К идее существования духов и мира отражений я пришёл не сразу, постепенно. Всё началось с туманных, неясных образов, навеянных снами. Общение с Джаттой частично подтверждало мои смутные догадки. Я всё чаще задавался вопросом о том, что же находится там, за чертой смерти? Когда же я начал разочаровываться в Песках, то представил жизнь иначе – она подобна капле воды в огромном фонтане жизни. Стремительно взлетает вверх, постепенно замедляется, а затем падает обратно. И этот великий цикл повторяется бессчётное число раз. За гранью добра и зла в их привычном понимании.

И когда все мои предыдущие планы провалились, я обратился к этой идее. Она заключалась в создании Маски Песчаного Духа – призрака в материальном обличье. Надев её, я отделил бы своего духа от настоящего тела и переселил бы его в тело, созданное Песками. А моё обычное тело продолжило бы существовать в том же времени – я словно бы создавал свою копию и мог исправить свои ошибки. Но моя попытка провалилась – песчаное тело оказалось слишком слабым – я не позаботился о том, чтобы запастись достаточным количеством Песка. И оно сгинуло в лабиринте бесчисленных пещер под горой в северной части Острова, где мне приходилось прятаться от Нергала. А затем я понял, что была ещё и другая причина того, что эта идея не сработал. Но я должен ещё много о чём рассказать, прежде чем станет понятна суть этой причины. Но я уверен в том, что найдётся тот, кому эта Маска поможет исправить свою собственную судьбу. Практически любому человеку. Просто не такому, как я.

Со временем я стал замечать, что испытываю сильный жар, находясь рядом с чудовищами Нергала. Я не придавал поначалу этому особого значения, списывая это на битву, происходившую почти всякий раз при встрече с ними. Но, всё глубже погружаясь в свои идеи, – кажется, они всегда были важнее для меня, чем победа над Нергалом – я осознавал, что эти люди практически мертвы. Где-то на границе жизни и смерти. И оттого их глаза имели этот оранжевый цвет, заставляя их светиться даже в темноте, – кровь смешивалась с золотисто-жёлтым Песком. А вот места для души в них не оставалось – они были словно бы изгнаны, вырваны из тел, так и не став духами в полной мере. Они были обречены на вечное бесцельное скитание, без надежды на покой. И именно их присутствие бросало меня в жар. Этому тоже есть объяснение – то же самое, о котором я пока умалчиваю.

А, кроме того, этот жар – ещё одна причина, по которой я скрыл своё истинное видение с Масгиком и настоящим медальоном. Прикосновение, перенесшее меня сквозь время, подарило мне новое, доселе неведомое ощущение – я словно бы оказался духом, и меня окатило волной тепла, когда я сидел в лодке рядом с Масгиком. Силы медальона ни за что бы не хватило переместить туда моё реальное тело, слишком велик временной промежуток. Поэтому я переместился в виде духа в воспоминание, которое хранил медальон. Нергалу совершенно незачем видеть эти детали – его въедливый ум может сделать ненужные для меня открытия.

***

Я думал, что уже никакое из бесчинств Нергала не удивит меня, мои чувства притупились и остыли. Но он нанёс мне удар в самое сердце, убив Джатту, моего верного друга. Вовсе не важно, что это сделал не он лично, а Зулу. Первопричиной всех бед всё равно был Нергал.

Он стремился заполучить медальон, и ему удалось выведать, что я повесил его Джатте на шею и отправил на Усакар. Когда он поймал её, уже после возвращения, он не обнаружил медальона – я забрал его сразу после своего ранения – и убил несчастную собаку. Он не видит ценности отдельно взятой жизни, для него они – лишь материал, пущенный на поддержание линии времени. Я же страстно желал помочь ей, зная, что её душу может ждать та же участь, что и людей, обращённых в чудовищ. Ведь он успел поставить над ней какие-то опыты в начале нашего противостояния, а кроме того, я даже не знаю, как именно она погибла. Я лишь слышал в глубокой тишине пещер её жалобный предсмертный стон. Наша дружба была столь сильна, что я услышал бы его даже на другом конце света. Всё время мира не стоило её смерти…

***

Весь мир был буквально у моих ног. И я не стремился воспользоваться этим во зло, я шёл к светлой цели, к великому будущему. И этот свет ослепил меня, не дав вовремя увидеть все проблемы и опасности. Теперь пришло время окончательно признать – я проиграл в этой схватке с Судьбой. И лишь я по-настоящему виноват в этом, лишь я один! Но я не должен останавливаться, я должен принять эту новую реальность и больше не тратить время на сожаления. Я перестаю чувствовать себя человеком, я становлюсь кем-то другим. И я должен успеть создать все тайники, чтобы впоследствии вовремя не уничтоженные Пески не стали причиной ещё больших бед. Иначе, выйдет так, что я вообще погублю этот мир.

Размышляя о воде, я пришёл к идее создания особого ключа. Уж если я борюсь с Песками, то должен довести это до конца. Я должен уничтожить не только Часы, но и всю крепость – к тому времени в ней уже не останется ни одного человека, кроме того, кто завершит мой план. Замок устроен так, что по его стенам, по бесчисленной сети каналов, струится Песок Времени. Стоит лишь направить туда потоки воды и это место буквально рассыплется на глазах. Я хорошо знаю эту систему каналов, потому что сам придумал её, и поэтому мне было несложно придумать способ осуществить задуманное.

Сам ключ я спрятал в Саду, на дне фонтана, над которым высилась статуя Инанны. Его нельзя увидеть – вода может как показывать правду, так и скрывать её. Если же кто-то всё же сумеет его обнаружить, то он сразу же забудет, что видел загадочную замочную скважину в Механической башне. Ту, что открывала дверь в новый мир, свободный от Песков. А избавившись от него, он вспомнит о ней вновь, но забудет о том, что вообще держал ключ в руке. Словно эти два предмета из разных миров, разных реальностей. Диктат Судьбы же не допускает никаких иных линий, вариаций потока времени. Сохранить память сможет лишь тот, кто будет обладать настоящим медальоном. И только он сможет удержать в голове эту хрупкую связь между ключом и замочной скважиной. Один оборот против солнца и крепость обречена – потоки воды уничтожат всё в считанные минуты, лишая это место его особенной силы и стойкости. Сгинут и Пески, которые будут выпущены из Часов ранее. Это и поставит окончательную точку в их истории, погубив их навсегда. Останется лишь избавиться от медальона и кинжала. А в Маске просто не будет необходимости.

***

Тот, кто будет обладать медальоном, как я уже сказал ранее, будет иметь возможность выбора. Он может либо спасти самого себя, надев Маску Песчаного Духа и безнаказанно изменить свою судьбу, либо убить стража времени, Дахаку, отыскав особое оружие, и спасти сотни чужих жизней. А может пойти дальше, до самого конца, и положить конец крепости и всему центральному острову, отыскав Ключ и воспользовавшись им. И, возможно, он найдёт способ добраться до нового дневника, если я вообще оставлю какую-нибудь возможность для этого.

Путь, который открывает Маска, никогда не будет прямым и понятным. Он ни за что не будет простым. Витиеватый, странный – какой угодно, но только не лёгкий. Даже я сам представляю его лишь примерно, отчасти. В виде каких-то вероятностей, возможностей, которые создают новое поле для борьбы. Справедливого поединка на равных, а не заведомо проигрышной партии. Возможность – именно то, что я стремлюсь создать и сохранить во тьме веков. Должен существовать хотя бы шанс продолжить борьбу и самостоятельно выбрать свой путь.

О существовании Маски мой последователь узнает почти сразу же – медальон расскажет ему обо всём. И даже, если вдруг он окажется не первым, кто зашёл так далеко, он прочтёт все истории, что случились до него, получив шанс избежать не только своих, но и чужих ошибок. Маска словно бы делит

человека надвое, достраивая его отражение во времени и пространстве. Само явление очень похоже на разделение кинжала и других предметов на две части. Но в этот раз речь идёт о человеке, который делится на две неравные части – Пески и Судьба запрещают это. Да и вовсе не считают возможным. И в какой-то точке пространства и времени эти две части – дух и тело – сходятся вновь и, сливаясь, меняют реальность. В той самой точке, относительно которой и построено отражение: Песчаный Дух (в момент рождения) и тело двойника удалены во времени на одинаковое от неё расстояние, но в противоположных направлениях. Но духа тянет обратно и он проваливается во времени. И только песчаное тело и медальон способны удержать его в этом мире.

О ключе я уже поведал ранее, а чтобы найти меч, нужно отправиться в тронный зал и воспользоваться быстрым проходом к Бездне. Но с настоящим медальоном он сработает иначе и перенесёт борца с Песками в тайную комнату под одной из Дозорных Башен. Даже будучи обнаруженной, она окажется бесполезной для того, кто не обладает медальоном. Но, владея его силой, можно будет не просто манить Песок за собой. Можно будет тянуть за собой пузырь времени, которым заполнена эта комната. Время в нём застыло, оно навсегда оставит комнату такой, какой её видел я. И пройдя вместе с ним к подножию второй башни, борец обнаружит, наконец меч, обладающий могуществом водной стихии. Благодаря пузырю никогда не будет слишком поздно найти его, даже если он проржавеет и буквально раскрошится от времени. Взяв его в руку, мой последователь сможет вернуться в своё время, отпустив частичку моего. Сила этого меча столь велика, что даже сам Дахака будет уязвим перед его ударами. Но он по-прежнему будет крайне опасным врагом.

А новый дневник моему последователю, скорее всего, вообще уже не будет нужен. Если только он захочет ответов на все вопросы.

***

Незадолго до гибели, Джатта, наблюдавшая за Усакаром, встретила там юношу, лет шестнадцати. Его отец служил в охранном гарнизоне и обучал сына военному делу. Но со временем сын перестал узнавать отца – тот постепенно превращался в чудовище. Он же был чист душой и очень тяжело перенёс утрату близкого человека. Юноша был горяч и полон желания отомстить, но не знал, с чего начать. Тогда он и

повстречал Джатту, она стала ему настоящим другом. Всё это время я присматривался к нему. Его звали Аджит.

Затем, после ранения, я призвал Джатту обратно к себе, и она уже не могла навещать своего друга. А вскоре после этого она была убита. Аджит не знал всего этого, но был опечален её исчезновением. Медальон сохранил крупицы памяти об Аджите и я смог изучить его. Меня интересовал лишь один вопрос – тот ли он, кого я ищу? Справится ли он?

Я решил, что должен использовать его гнев и стремление отомстить – юность так горяча, она не даёт возможности думать о последствиях и возможных провалах. И это давало надежду мне и ему – он был готов, не задумываясь, бросить вызов Нергалу и всей его армии песчаных чудовищ. И, поскольку Джатты не было в живых, мне пришлось действовать самому, являясь к нему во снах в образе белого призрачного видения и делая намёки и подсказки. Я нашёптывал ему о Песках, о своих тайниках, о его великой роли в этой истории. И с каждым днём я видел, как всё сильнее разгорался огонь в его душе. И тогда я решился встретиться с ним лицом к лицу. Под покровом ночи я сел в лодку и переправился на другой берег. Я перемещался почти бесшумно, и вскоре предстал перед Аджитом – загадочный гость в огромной бесформенной мантии с капюшоном, лица которого было почти невозможно нормально рассмотреть из-за белого свечения – с помощью всего этого я прятал свой нынешний облик. Я обратился к нему по имени и сказал:

– Я – тот, кто являлся к тебе во снах. Не придавай значения моему внешнему виду, просто послушай меня.

Аджит опешил и не мог выдавить ни слова. Я продолжил:

– Ты тот, кому предстоит уничтожить Пески Времени. Мне известно, что ты жаждешь мести, и я помогу тебе. Я знаю слабые места Нергала и помогу тебе победить, чтобы вернуть спокойную жизнь в эти края.

Затем, я рассказал ему о судьбе Джатты. Эта история разозлила его, он сжал кулаки и, едва сдерживая себя, выдавил:

– Что я должен сделать? Я готов придушить его голыми руками!

В тот момент он не задавался лишними вопросами, вроде: «Почему тогда он сам не сделает это, своими руками, а не моими?». Вместо этого он спросил:

– Почему же ты сразу не пришёл ко мне? Зачем вместо этого ты являлся мне во снах, которые я чаще всего забывал наутро?

– В этом был смысл. Мне нужно было разглядеть тебя получше, а тебе – привыкнуть ко мне. Приди я к тебе только сейчас, ты вряд ли бы поверил мне. А кроме того, во снах твоё сознание работает иначе.

– Выходит…, – замялся Аджит.

– Что?

– Сны нам действительно зачем-то даны, не просто так?

– Да.

– Так зачем же?

– Чтобы увидеть реальность!

– Но разве мы не видим её днём, когда смотрим собственными глазами вокруг себя, разговариваем с кем-то?

– Сон помогает забыть ненужное, порождённое тьмой разума, показывает реальность в другом виде, не так, как мы привыкли и не так, как мы бы хотели. Причудливо, неузнаваемо, преувеличенно. Но правдиво!

– Тогда почему они так быстро забываются и теряются?

– Ты не сможешь жить одними лишь снами, они мгновенно сведут тебя с ума. Но и совсем без них ты не сможешь. Твой разум сгниёт, а ты – вместе с ним!

– Так, стало быть…

– Да!

– … они дают нам надежду? – договорил Аджит.

– Они и есть надежда. Та недостающая часть реальности, что живёт в нашем сознании и, несмотря на всю боль и несправедливость, дополняет её до того целостного мира, в котором мы хотим жить и к которому идём, протянув руку этой надежде.

Порой сны заменяют реальность или так дерзко закрадываются в неё, что трудно различить, где же сон, а где явь. Но что происходит с ними? Ведь реальность тоже забирается в них, они строятся на ней. Были бы сны, если бы не было реальности? Была бы реальность, если бы не было снов? Могут ли противоположности существовать друг без друга? И так ли нереальны сны, как кажется?

– Надежда? Это всё, что ты можешь мне предложить? – спросил Аджит.

– Нет. Но наступят такие времена, когда ничего другого у тебя не будет. И тогда тебе придётся вспомнить о ней, она как путеводный свет во тьме. Но сейчас я могу помочь тебе. Я знаю, как вернуть твоего отца к жизни!

И затем я поведал ему о Песках, их силе и слабостях. Рассказал о дневнике, кинжале, медальоне, Песочных Часах. О своей борьбе с Нергалом. О том, что меня уже практически не существует, и я смогу являться к нему лишь во снах, в виде всё того же бестелесного духа и вести его за собой. Я начал лгать ему – со слов про отца. Я знал, что на самом деле, никакая надежда не оживит мёртвых, а победа дастся ему гораздо тяжелее. В некотором смысле он даже не был готов к ней. И я

обрекаю его на бесконечную пытку. Пытку временем и собственным разумом.

Наша встреча с Аджитом случилась уже после того, как Нергал отыскал первые четыре тайника. Я сказал Аджиту, что он должен проникнуть в крепость через тайный ход, а затем найти отца. Он должен был оглушить и связать его, забрать одежду и пробраться в покои Нергала. Мне было известно, где он прячет кинжал – его-то я и сказал ему найти. «Произойдёт невероятное», – сказал я, – «Кинжал наделён особой силой – его удар спасёт твоего отца. Затем принеси его мне, и с его помощью я положу конец деяниям Нергала!».

Аджит поверил мне и сделал всё именно так, как я сказал – он смог обмануть Нергала даже легче, чем я ожидал! Возможно, тот чуть расслабился после своих побед, во всяком случае, я рассчитывал именно на это. Аджит вернулся к отцу и довёл дело до конца. Кинжал, конечно же, убил того окончательно. Аджит не знал, что спас его душу – это единственное, что можно было сделать в этой ситуации. Когда-нибудь он поймёт меня... Но сейчас это лишь бесконечно злило его.

Вскоре Аджита поймала стража крепости и он не успел передать мне кинжал (и, скорее всего, уже и не собирался). Но Нергал приказал не убивать его. Он начал подозревать, что ему самому не известно что-то важное. Что есть какая-то скрытая угроза, которая ускользнула от него. Слишком уж целенаправленно этот юнец похитил кинжал и, при этом, не отвечал ни на какие вопросы. Нергал велел бросить Аджита в темницу, собираясь пытать его до тех пор, пока тот всё не расскажет. Желая уберечь его от такой участи, я самолично выкрал кинжал и открыл Пески Времени. Мне было уже нечего бояться. Воспользовавшись всеобщей суматохой, я создал в темнице Аджита ещё один временной пузырь – мне потребовалось очень много Песка. А затем вернул кинжал на место, словно бы ничего и не происходило. Но Нергалу потом пришлось ещё долго бороться с разрушительными последствиями моей вылазки.

В пузыре Аджит был неуязвим ко всему – никто не сможет попасть внутрь, даже Дахака. А он обязательно станет искать его, ведь живя в вечной тюрьме, он, фактически обманывал Судьбу и саму смерть. Для самого Аджита время словно бы остановится. Он перестанет стареть и вечно будет всё тем же шестнадцатилетним юношей, но вот его разум не будет прежним. Сотни лет размышлений, бесконечных дум в тишине вечности. Беспрестанные поиски, разговоры с самим собой и пронзительное молчание вокруг него. Его мысли будут подобны замкам в облаках – невероятные, масштабные, но словно бы

бесполезные. Его разум станет чем-то бо́льшим, его сознанию откроются новые истины, если только он перестанет себя сдерживать. Но несмотря ни на что, эта темница разума не даст ему сойти с ума – это было бы слишком просто. Она удержит его в здравом уме, сохранит и преумножит его память.

Поначалу, Нергал попытался разрушить эту вечную тюрьму. Но затем он поступил как обычно – решил использовать произошедшее для своей пользы, думая, что пытка вечностью заставит Аджита говорить. Может быть, даже не при его жизни, но кто-либо из его потомков обязательно должен будет разговорить пленника. Хотя, я считаю, что он не узнает даже его имени!

Выйти из этой вечной тюрьмы по своей воле Аджит тоже не мог – его сдерживала крепкая решётка из частых толстых металлических прутьев. К тому же, за ним неусыпно наблюдала охрана, что бодрствовала день и ночь. Аджит погрузился в собственные мрачные мысли, граничившие с отчаянием, хотя он даже ещё не знал, что его ждёт впереди. Сотни, если не тысячи лет в плену у времени. Без возможности умереть.

И тогда я вновь пришёл к нему. Снова во сне, хотя в таком месте сон и реальность трудно было отделить друг от друга. Аджит обрушил на меня весь свой гнев. Я долго стоял молча и выслушивал все его ругательства, до тех пор, пока он не устал и, махнув рукой, не ушёл в противоположный угол. Он отвернулся и присел, упрямо смотря в стену. И я начал свой рассказ. На этот раз в нём было больше правды – о настоящем медальоне и о том, что нужно высвободить Пески, чтобы найти его, о коварстве Песков, о Маске Песчаного Духа – обо всём, даже о мече, что мог сразить стража времени, Дахаку. В ответ Аджит не произнёс ни слова, но другого я от него и не ждал. У него впереди почти всё время мира, чтобы по-иному взглянуть на вещи. Я пересказал ему свой первый дневник и намекнул на то, что существует ещё один, но найти его будет очень сложно и он должен будет сделать это сам.

Перед тем как оставить его навсегда, один на один с вечностью, я сказал:

– Я вернусь, однажды, когда ты будешь готов. И тогда я проведу тебя.

Больше мы с ним не встречались.

***

Я отлично понимал и понимаю, что он не просил меня о таком. Я обманул и бросил его, прикрываясь благими целями. Все эти годы он будет в безопасности, но мучимый бесконечным

пленом. Его не будут терзать голод или болезни – время замерло для его тела, оно движется лишь в его сознании. Том, которое однажды станет достаточно зрелым, чтобы продолжить путь без моей помощи. Он никогда не простит меня, но всё же будет знать, что я был в чём-то прав. И не обманул его насчёт тайников и конечной цели. Но это лучшее, что я мог сделать. Неразрывный круг, план, который невозможно нарушить никакими усилиями Нергала. План, которого не было. Задача без решения. Во всяком случае, пока не произойдёт нечто особенное, что я даже не берусь предсказать. И тогда ему со временем станет понятна моя настоящая цель – сохранить знания и память для решающего момента. Так, словно бы он сам и есть этот новый дневник – я наконец-то нашёл для него форму, хотя некоторые записи в нём неизбежно исказятся или забудутся. Он отражается в нём самом, в том, каким он станет. Вечность поможет ему осознать мой замысел, воплощением которого он и является. Однажды, Аджит научится читать эти страницы, и поймёт, кем он был всё это время. Никто кроме него не сможет прочесть эти строки. И тогда, наконец, его поиски будут окончены. Он будет свободен.

Иногда я не понимаю, зачем вообще делаю добро – потому что хочу этого или потому что боюсь мук совести за то, чего не сделал? Но разве то, как я поступил с ним, можно назвать добром, пусть я и преследую благую цель? Пора мне, наконец, признать, что мои ошибки перевесили мои добрые дела, и я уже не гонюсь за тем светлым будущим, которого я искал. Я лишь хочу остановить эти ошибки, вернуть миру его шаткое равновесие и никогда больше не смотреть людям в глаза. Я не могу победить, но я могу хотя бы не проиграть окончательно. Пусть другой одолеет Пески – я оставляю ему эту надежду. Я преисполнен стыда и печали за каждое своё решение. Умоляю, найди в себе силы простить меня, Аджит!

***

С самого начала Нергал подозревал, что со мной что-то не так. Что у меня иная природа, не такая, как у большинства людей. Ведь только глупец, вроде меня, не заметил большую странность – Пески не убили, а вылечили меня. Я наивно полагал, что все люди до меня применяли неверный подход, и они просто неправильно пользовались медальоном. Но на самом деле всё было куда глубже, а мои прежние догадки и убеждения – простая глупость. Нергал же, изучая то, как Пески влияют на тела людей, догадался, что во мне есть нечто такое, что может быть опасно для него и Песков, если я узнаю истинную силу этого. Но он опередил меня и использовал её мне во вред. Избыточно

пропитанная Песком, она выходила из-под контроля, обретая взрывную мощь, и выворачивала меня наизнанку, перекраивая мою сущность. К счастью, он хотел лишь достижения сиюминутной цели – убрать меня с дороги, не придавая особого значения происходящему и не изучая его природы. Его мысли были заняты дальнейшим преобразованием Песков. Но в этот момент прозрел я сам. Всё дело в тех стихиях, сочетанием которых является человек. Сильнее всего моё тело было исполнено силой огня. Нет, конечно же, я не дышу пламенем и не метаю искры из глаз. Я имею в виду нечто другое – моё сердце бьётся по-особенному, по-иному. Оно – моя истинная движущая сила. И эта энергия нашла свой выход в виде постоянного созидания. А ещё, именно благодаря своей природе я устоял перед натиском Песков и не был убит ими. Защитная реакция моего тела, пробуждённая их действием – вот, что излечило меня. Я всегда стремился к развитию своего разума и определённо добился больших успехов, но на самом деле я убегал от своей истинной природы. Я придумал название для людей, подобных мне: Сердце. Именно моя природа давала моим прикосновениям такую особенную силу. Медальон подчинялся мне и делал Пески кроткими до тех пор, пока не вернулся Нергал и не изменил их окончательно.

Конечно, любые слова портят само описание, ломают образность – её очень сложно передать. Я не говорю о том, что у всех людей голова изнутри забита землёй, а по венам бежит вода с огнём. Стихии тоже не материальны, важна сама суть их свойств: вода – это жизнь, огонь – энергия, движение, чувства. Тепло, или даже жар. Песок же привносит в человека строгость и упорядоченность, наделяя разумом. А воздух – это его душа при жизни и дух в последующем. Он появляется в момент смерти человека и всю его жизнь идёт ему во времени навстречу, чтобы снова стать частью великого источника всего сущего – Сердца Мира, который мне сложно представить и назвать как-то менее высокопарно. Но такие люди как я – Сердца – особенные. Мы сгораем без остатка и уходим в абсолютное небытие, а не падаем, подобно каплям, обратно в фонтан жизни. И оттого, у таких, как я, нет духа. Просто не может быть, ни при каких условиях. Когда я умру, меня не станет окончательно, я не смогу являться Аджиту ни во сне, ни наяву. Я никогда не буду духом, я иной по своей природе. Не останется даже пепла – только воспоминание, которое, я надеюсь, сохранит Аджит.

Мой странный дар – одновременно мои награда и проклятье. Он появляется у случайных людей и не передаётся от родителей к детям. И, к тому же, весьма редко. Большинство, как и я, даже не догадываются о нём, если только не случится что-то за гранью

обыденного. Как можно услышать шум дождя, уже находясь глубоко под водой? Эта необычная сила способна укрощать даже Пески, но могущественнее всего она тогда, когда люди о ней даже не догадываются, а просто действуют, доверяясь своим чувствам.

Я пытался не единожды, долго не оставляя надежду, и даже пробовал создать ещё один пузырь, вокруг себя самого, но Маска так и не сработала на мне. Главная причина этого заключалась именно в моей природе. Знай я о ней раньше, может всё сложилось бы иначе, и я совладал бы с Нергалом и Песками. Но теперь я лишь гаснущее пламя, которое даже не оставит дыма после себя. И поэтому видение с Масгиком подарило мне столько новых чувств – я побывал кем-то вроде духа, окунувшись в это воспоминание, ощутил всем телом странный жар. Но благодаря этому ощущению я понял, что это именно то, чего со мной никогда не произойдёт в реальности.

Эта сила и сыграла со мной злую шутку – имея невероятную скрытую мощь, она, в сочетании с Песками Времени, и превратила меня в чудовище. Сердце по природе, я, как и красный камень в моём Перстне был изрезан лживыми линиями судьбы. Нергал планировал такой исход давно, хоть он, вероятно, ничего и не знает о духах. Он лишь вырвал последние несколько страниц из моего первого дневника, потому что они были неудобными для него, говорили слишком много правды о том, что произошло и о том, на чём держится его новый порядок. Но я считаю, что они всегда была неотъемлемой частью моего первого дневника. Возможно, даже самой важной его частью. Без неё невозможно понять, на какие жертвы я пошёл ради этого последнего шаткого равновесия. Вот, что останется после меня. Вот в чём заключается моя незримая, беззвучная помощь людям. Но, впрочем, может оно и к лучшему, ведь лишнее знание может быть и вредно, а тщеславие – это не та черта, что мне присуща. Моя жертва не будет никому известна, не станет воспета и забвение однажды смоет мой позор, а Аджит или кто-нибудь ещё сможет без колебаний решиться на последний шаг и убить Дахаку.

Глава 31. Наследие

Мне странно говорить это, но, кажется, я снова верю в Судьбу. Все мои сомнения были ошибкой, я не нахожу причин сомневаться дальше. Просто так вышло, что уже не мне предстоит осуществить этот масштабный план и поставить точку в великой битве. Я лишь винтик в этом огромном механизме и, отслужив, я ухожу. Я таю, теряя крупицы сознания, выполнив свою часть. Ту, что уготована мне великим планом жизни.

Зачем я вообще всё ещё пишу этот дневник? Наверно, это просто привычка – после стольких лет я уже не могу быть иным. До тех пор, пока Песок окончательно не возьмёт верх надо мной – а произойдёт это весьма скоро. Я не узнаю себя, видя своё отражение в водной глади – той, что я даже не могу коснуться. Пустые белые глаза, что светятся даже в темноте, звериные голова и голос. Кто же я?

Всё чаще у меня происходят провалы в памяти – песчаный зверь берёт верх надо мной, каждый раз это длится всё дольше и дольше. И однажды я уже не вернусь. Я ошибался, считая, что моё сознание останется в плену этого существа. Нет, оно растает, как утренний туман, не оставив и воспоминания. Я прекращу существовать в какой бы то ни было форме – буду стёрт из этого мира, и это тело окончательно перестанет мне принадлежать. Песок преобразовал его каким-то особенным образом – моё тело не подвержено их обычному влиянию, поэтому их воздействие было особенно сильным и вызвало такую реакцию, превратив меня в собственную противоположность.

Нергалу было удобно выставить меня чудовищем, виновником всех бед и проблем. Он до сих пор не верит в силу Судьбы, но использовал и это против меня, заставляя всех верить в неё и подчиняться её законам – ему очень удобно, чтобы всё шло по его плану. И он сделал Судьбу реальностью, которую люди покорно приняли, склонив головы. Всё должно подчиняться особому порядку, а любое нарушение карается смертью. И, зверь, которым я почти стал, будет стражем этого нового порядка. Я перестану быть хозяином своего тела и сознания, но буду могущественнее самого Нергала, хозяина Песков Времени. Мои силы будут почти безграничны, ведь я – это сама Судьба. Они называют меня именем Дахака.

Дневник Намтара, вырванная страница 1

***

Как и полагал Намтар, Нергалу без труда удалось отыскать все его тайники. Он начал с дневника, потому что догадывался, что Намтар хочет скрыть что-то. А раз Джатты больше не было, дневник – это последнее, чему тот мог довериться. Нергал обнаружил его в потайном отделении стола, за которым обычно работал Намтар – это было лишь делом времени. Последние страницы были написаны неразборчиво и довольно небрежно – ему, очевидно, было тяжело, он боролся с Песком внутри себя, тело плохо слушалось его, и ему было тяжело даже писать. Тем не менее, Нергалу удалось разобрать записи и последовательно отыскать все оставшиеся предметы. В какой-то миг ему показалось, что у него всё получилось как-то слишком просто. Но потом он понял, что это всё было очень в духе Намтара (и особенно того, кем он вот-вот станет) – он верил в судьбу и подготовил чёткий план для своего последователя. Но Нергал изловил его, а весь план раскрыл раньше него. А самого Намтара уже много дней никто не видел, ни в одном из обличий. Значит, его превращение почти завершилось. Нергал понял, что пришло время заняться другими делами.

***

Вскоре после того, как Намтара окончательно не стало, Нергал вздохнул спокойно. Он справился с разрушительными последствиями высвобождения Песков и теперь он знал, что его планам ничего не угрожает, а его враг теперь – верный хранитель того порядка, что он создал. Пламя прошлой жизни угасло в нём и теперь Дахака не позволит никому вмешаться в поток времени и нарушить ход судьбы. Наказанием любому нарушителю будет смерть.

Было лишь одно исключение из этого правила – Аджит. Он вносил беспорядок в идеальный план Нергала, одним своим существованием. Дело было, конечно, не в нём самом. Это был последний, прощальный подарок от Намтара. Шутка, издёвка. Словно бы ему всё же удалось в каком-то виде осуществить свою глупую затею со статуей. И в этот раз Нергал действительно не знал, что же делать с этим. Обернуть обстоятельства в свою сторону у него не получалось – Аджит даже и не думал идти на контакт. Он не поддавался ни на какие угрозы и лишь ухмылялся при очередной попытке Нергала склонить его на свою сторону или принудить к чему-нибудь – тот был бессилен перед тем, что создал Намтар. Аджиту и Нергалу лишь оставалось играть по правилам, которые тот оставил им: в ловушку времени не может проникнуть никто без воли того, кто в ней находится. Выйти из неё Аджит мог бы в любой момент, если бы не решётка тюрьмы и

недремлющая охрана – Нергал опасался Аджита и ни за что не допустил бы этого. Ситуация без выхода, которая могла оставаться таковой хоть целую вечность, до тех пор пока они придерживаются правил и преследуют лишь свои собственные цели. Кажется, ничего не предпринимать – было лучшей стратегией для Нергала. И, если он изучал своего врага и искал к нему подход, то Аджит был попросту упрям. Он был юн и зол на весь мир, а временной пузырь помогал оставаться ему таковым сколь угодно долго.

Поначалу Нергал надеялся, что пленник просто сойдёт с ума или умрёт от голода, но этого не происходило. Аджит стойко держался, месяц за месяцем и даже ни разу не пожаловался. Довольно быстро Нергал понял, что ничего не добьётся от этой ситуации, и принял правила игры. Он лишь сделал нужные выводы из этой истории и решил защититься на случай новых угроз. Медальон и Перстень он всегда держал при себе (хотя Перстень он хранил у себя только до одного особенного случая), а кинжал спрятал, оставив его у всех на виду. Нергал использовал тот самый механизм расщепления кинжала на две части, который описал в своём дневнике Намтар. Это гарантировало то, что никто не сможет им воспользоваться и устроить то же, что недавно сделал Намтар. Только тот, кто носит или совсем недавно носил на руке Перстень, мог взять кинжал в таком состоянии.

Некоторое время Нергала всё ещё терзали подозрения о том, что он упустил что-то, и у Намтара могут быть ещё тайны, но он старался ни с кем не делиться этой мыслью и в итоге решил, что лучше дать этой идее просто погибнуть. Даже если Намтару и удалось что-то сделать без его ведома, об этом уже никто не узнает и не догадается – к чему плодить лишние вопросы?

***

Намтар оставил Аджита в полном одиночестве, один на один с вечностью, целым Островом врагов и грудой собственных мыслей, в которых ему ещё предстояло разобраться. Причём для начала – захотеть разобраться. Его злоба и горячность мешали ему, и долгое время он просто метался из угла в угол – так же, как и мысли в его голове. Ему потребовалось немало времени, чтобы понять, что он стоит на месте в том единственном смысле, в котором он был свободен двигаться как угодно далеко. Он считал своим заклятым врагом Нергала, ведь он сотворил с его отцом такое! Но на втором месте стоял Намтар, ибо по его вине тот мёртв, а сам Аджит заточён здесь. Он и не подозревал, на какие жертвы Намтар пошёл ради него и о том, что он создал оружие, чтобы дать кому-то возможность убить себя. Аджит не

осознавал, через что пришлось пройти Намтару, и как он на самом деле сожалел, что обрекает юношу на эту пытку тишиной. Но лишь в ней он мог услышать что-то очень важное, что робким шёпотом раздавалось из глубин его разума. Те догадки, что были окутаны туманом и отгорожены злобой Аджита. Ему предстояло, для начала, одолеть самого себя. В месте, где было почти не за что зацепиться. В месте, где любой звук извне был для ушей Аджита подобен прекраснейшей музыке. Она прерывала вечное молчание и давала новый толчок его размышлениям. Но их постоянно тормозили Пески. Несмотря на то, что Намтар придал этому временному пузырю вполне конкретную форму и свойства, он по-прежнему был очередным порождением Песков, и они не могли не оказывать влияние на то, что происходило внутри. Оттого-то мысли Аджита и зрели очень медленно, им всё время что-то мешало.

Но у него было всё необходимое для взросления и понимания ситуации вокруг него. Едва ли события его жизни до плена можно было назвать скучными и безынтересными. Открытие Песков Намтаром навсегда оставило неизгладимый след в его памяти – он никогда не забудет эту величественную разрушительную силу, что била фонтаном в самое небо, сгоняя тучи в единый вихрь. Долгое время он считал, что Намтар обманывал его, но со временем, в том числе и благодаря разговорам (хотя это больше походило на монолог) с Нергалом и теми, кто был после него, он понял, что выпустить Пески из заточения было действительно единственно возможным шагом, который поможет ему победить. Возможно, ему стоило бы сделать это самому и тогда он смог бы добраться до медальона. Но Аджит, увы, не успел этого сделать и был вынужден томиться в заточении, смиряясь с тем, что Намтар, в общем-то, говорил ему правду.

И со временем он понял многое. Он уже не держал зла на Намтара. Не осуждал его за то, что он оставил его, бросил в таком месте. Он перерос свои обиды и стал уравновешенным и мудрым человеком. Но он перестал верить в то, что Намтар когда-либо вернётся и поможет ему, хотя и понимал, что на это были свои причины. Всему было объяснение – Намтар хоть и манипулировал им, но не желал ему зла. Он лишь пытался указать ему путь, который ему нужно будет пройти самостоятельно, без его помощи. И однажды Аджит понял и принял всё это. Хотя годы заточения брали свое, и тяжесть веков давила на него всё сильнее, сдавливая его разум и вытесняя оттуда всякую надежду. При этом на вид он оставался всё тем же шестнадцатилетним юношей. До тех пор, пока не был освобождён Магараджей в одном из вариантов прошлого. И Принцем в

другом. Хотя едва ли это было спасением, в конечном счёте. Но, как и говорил когда-то Намтар, в большом плане важен не сам человек, а возможности, существующие для его осуществления. И Принц продолжил путь Аджита, в другом времени и при других обстоятельствах, но ради той же цели.

***

Нергал взял в жёны молодую Эреш, младшую сестру Инанны, которая страстно разделяла его взгляды, буквально боготворила его, жадно внимала каждому слову и была готова голыми руками задушить любого, кто посмел бы хотя бы просто на словах перечить её возлюбленному. В её глазах полыхало пламя, а характер был сплавом любви и ненависти, который становился кротким лишь рядом с Нергалом. Казалось, он имел какую-то особую власть над ней, но её чувства и отношение к нему были искренними. Она фанатично следовала за ним, поддерживала его в самых смелых фантазиях. Он подарил ей Перстень и обучил ремеслу чтения судеб. Их союз был грозен и никто бы уже не решился открыто выступить против их воли.

Сложно сказать, действительно ли Нергал не испытывал к ней хотя бы привязанности, но он точно высоко ценил её преданность и видел в ней огромную пользу. Поэтому он давал ей невероятную свободу, подпуская очень близко к себе. Он посвящал её в большинство своих замыслов и тайн; это очаровывало её и привязывало к нему ещё больше. А Нергал изо всех сил поддерживал иллюзию ответного чувства, так, что порой ему самому оно казалось реальным – настолько важна она была для него. Настоящий подарок судьбы. Драгоценный камень, который он вовремя рассмотрел. Ему оставалось лишь огранить его, придав нужную форму.

***

Решив проблему с Аджитом (скорее в своём сознании, нежели на самом деле), Нергал приступил к осуществлению своего плана. Он успел в достаточной мере изучить влияние Песков на человека и нашёл способ слияния с ними, который не приводил бы к превращению в чудовище. Он желал использовать человеческое тело как сосуд и поколение за поколением совершенствовать Пески. Внутри Хранителей, как он их нарёк, они развивались бы в свою настоящую форму, превращаясь в серьёзное оружие. Соприкасаясь с их плотью и разумом, они менялись, обретая собственное сознание и наполняясь силой. Это были уже совсем не те Пески, что Намтар призвал из Бездны и

заключил в Песочные Часы. Они совершенствовались и словно бы взрослели. Они преображались, обретая новую форму благодаря длительному взаимодействию с людьми.

План Нергала с самого начала заключался именно в этом, несмотря на все уловки и обманы. Именно это он и называл Великим Преображением – он хотел создать идеал, абсолют. И считал Намтара глупцом за то, что тот хотел сохранить память о себе и своём имени, делая какие-то статуи или записи в дневнике. В действительности было неважно, кто именно закончит это Преображение. И поэтому, на самом деле, Нергал никогда и не стремился к вечной жизни. Он лишь проложил тропу для будущих поколений и сделал всё, чтобы они не свернули с неё. Он и его тело станут первым пристанищем для Песков. Но, в конечном счёте, они займут своё место в Песочных Часах. Ведь человек так и будет смертен, а Пески должны будут существовать вечно. И когда Преображение будет завершено, им уже не нужны будут человеческие тела. Величайшее достижение, результат длинной цепочки событий, не будет, таким образом, потеряно и предано забвению, как жизни людей, что пройдут мимо. Нергал уже давно видел эту великую цель, для которой одна жизнь мало что значила. Он не хотел вообще оставаться в истории, считая, что так можно вычислить какие-либо из его слабостей. Нергал лишь создал нужный фундамент, пусть и основанный на лжи – ведь он обманул не только Намтара, но и всех своих потомков. И даже свою супругу, Эреш. Они верили в судьбу, они видели её воплощение в виде Дахаки. Они слепо шли по тому пути, что он указал им.

И, в отличие от Намтара, Нергал мог позволить себе не спешить. Попытка Намтара создать Часы была просто актом отчаяния и безумной спешки. Он торопился создать нечто такое, что помешало бы Нергалу. Но вместо этого он преподнёс ему величайший дар – возможность претворить в жизнь свою мечту. Нергал, конечно же, и сам бы дошёл до создания чего-то вроде этих Песочных Часов; возможно, они даже были бы лишены своего главного недостатка. Но сложно отрицать то, что Намтар был более искусен в создании предметов, наделённых магией Песков. И вышло так, что их противостояние оказалось чем-то вроде сотрудничества, пусть и неявного. Их идеи и умения дополняли друг друга, позволяя Пескам обрести неслыханное могущество.

Нергал ценил каждую идею Намтара и придумывал, как дать им вторую жизнь в рамках своего нового порядка. Кинжал, разделённый надвое и защищённый, таким образом, от чужих рук, он применил для особого ритуала по передаче Песков от поколения поколению. Когда приходило время, он должен был

покинуть тело очередного Хранителя и перейти к следующему, чтобы продолжить цикл Великого Преображения. Престарелый правитель отправлялся к алтарю над Бездной, брал кинжал и пронзал себя им, используя его как промежуточный сосуд. Для этого достаточно было лишь сформировать свои мысли определённым образом и продиктовать волю кинжалу. И он не убивал, а вбирал в себя весь Песок. После этого бывший Хранитель клал кинжал обратно, на специальную стойку, а Бездна мгновенно излечивала его, давая возможность до конца пройти земной путь. Другая половина кинжала находилась в тронном зале, у подножия Песочных Часов. Взять кинжал в руки можно было только в каком-то одном месте, поэтому новый Хранитель ожидал момента, когда предыдущий закончит свою часть ритуала, после чего брал кинжал и повторял те же действия. Но на этот раз Песок выходил из клинка и пропитывал тело нового Хранителя. И вновь, близость Песочных Часов, которые все эти годы вбирали в себя Пески из Бездны, мгновенно залечивали рану, и новый правитель Острова вступал в свои права. И так – бессчётное число раз, пока Пески не обретут совершенную форму. И тогда, последний Хранитель отправится уже не к Бездне, а возьмёт кинжал, который будет расположен уже у верхушки Часов, и, вобрав в него Песок из своего тела, погрузит кинжал в специальное отверстие вверху Часов. И это будет завершением Великого Преображения, многовековая миссия Хранителей будет выполнена. И Пески из древних времён, эпохи Масгика или Намтара, будут не ровней этим, новым и совершенным. Таким, которые невозможно будет уничтожить – даже Океан не сможет их одолеть.

***

Первым Хранителем, после самого Нергала, стала Эреш. Она была намного моложе его, славилась необычайной красотой и жестокостью. Вкупе с её преданностью, она стала отличным первым Хранителем и фанатично следовала заветам мужа, держа в страхе весь Остров. Её сравнивали с богиней ещё даже при жизни Нергала. Он завещал ей передавать Перстень вместе с медальоном от одного Хранителя к другому и умер, прожив почти девяносто лет – неслыханно долго по меркам Острова. Она долго оплакивала мужа и даже искала способ оживлять мертвецов – ей казалось, что в Песках скрыто могущество, о котором не подозревал даже сам Нергал. Но всё, что ей в итоге оставалось сделать – это путешествия в прошлое, за утерянными воспоминаниями – там она могла ещё немного побыть рядом с ним, получить от него мудрый совет и убедиться в неумолимости

судьбы. Её строгость была такой непоколебимой и прямолинейной, что даже Эреш была бессильной против неё. Она могла держать в подчинении целый остров, но не способна была совладать с судьбой, что заставило её однажды смириться с утратой и прекратить все попытки удержать прошлое. Она более не путешествовала назад во времени и сосредоточилась на миссии Хранителя. И делала она это настолько хорошо, что многие, даже спустя века ставили её в пример.

Задачей каждого из Хранителей, помимо самого Преображения, был и сбор Песка из Бездны и помещение его внутрь Часов. Таким образом, Пески Времени состояли как бы из двух частей – сырья из Бездны и Песка внутри Хранителя. Но на самом деле они были единым целым, как разделённый кинжал. Как бы отражением друг друга, частями, взаимно дополняющими себя до единого целого. Как тело и разум. Прикасаясь к одной части, неизбежно имеешь дело и со второй. Для удобного и простого сбора Песка, Нергал воспользовался тайным ходом, что Намтар оставил между алтарём над Бездной и тронным залом. С помощью медальона (фальшивого) можно было мгновенно перемещаться из одного места в другое. Когда-то Намтар пытался воспользоваться этим ходом, чтобы незаметно подкрасться к Нергалу и убить его. Теперь же он использовался как канал для быстрого перемещения Песка – исчерпать целую Бездну было бы невозможно без подобных ухищрений. И, собирая Песок с помощью кинжала – он обладал тем же свойством, что и медальон: притягивал Пески к себе, хотя и не с такой силой, лишь на малом расстоянии – очередной Хранитель, раз за разом, погружал кинжал в верхушку Часов, наполняя их Песком.

Последним Хранителем в этой длинной цепочке превращений и стала Кайлина. Её тело содержало в себе тот самый совершенный Песок Времени, о котором грезил Нергал, и было готово к финальному переходу. Но ему было не суждено состояться, в том виде, на который она рассчитывала. Даже несмотря на то, что у неё был запасной план – Шади, которая могла бы стать Хранителем вместо неё. Судьба вела Кайлину к тому, что она умрёт от руки Принца и Пески не будут оставаться на Острове вечно, заточённые в Песочные Часы. Они не желали этого, видя в этом слабость в одном из возможных будущих. В том, где Принц с отцом похищает Часы из сокровищницы Магараджи, а затем управляет, пусть и неумело, ими и своей судьбой с помощью кинжала. Пески стремились к свободе, им не нравились ограничения, навязанные Намтаром. Они собирались захлестнуть весь мир, придать ему совершенно новую форму и навсегда преобразить его.

***

При жизни Нергал продолжил укрепление своей власти и угнетение жителей Острова. В какой-то момент стало уже невозможно скрывать правду, но, самое главное, это уже и не требовалось. Простые обитатели Острова склонили перед ним голову, а те, кто населял крепость – по своей воле или по принуждению перешли на его сторону. А доброе имя Намтара так и осталось покрыто несмываемым позором и было почти забыто со временем.

Золотисто-жёлтые полотна с символом Острова Нергал приказал заменить на кроваво-красные, сохранив сам символ, но придав ему более острую, вытянутую форму. Новый цвет символизировал жестокость и строгость новой эпохи. Она была буквально пропитана кровью и страданиями. Люди в ней были просто сырьём, расходным материалом для дальнейшего строительства будущего. Жителей Усакара – внешней части Острова – заставляли выращивать еду для крепости. Овощи и фрукты переправляли в специальных плетёных корзинах, которые каждый раз плелись заново: обитателям крепости было не до их изготовления, а жителям внешней части Острова приходилось тратить почти всё своё время на тяжёлый труд, отчего на свободомыслие его уже не оставалось.

Кроме того, Нергал положил начало другому жуткому обряду: он брал в плен экипажи кораблей, имевших неосторожность приблизиться к Острову, пытал их и превращал в чудовищ, раз за разом экспериментируя над их конечной формой. Он даже придумался способ сливать несколько тел воедино, делая не обычных монстров, а настоящих исполинов, гигантских големов из плоти и Песка. Их тела были покрыты костяной бронёй и выглядели они особо устрашающе. И даже отряды из трёх десятков солдат не всегда могли справиться с ними.

Но он не остановился на этом, и, несмотря на свою абсолютную власть, создал небольшой отряд элитных воинов, которые охраняли его самого. За всю его жизнь не произошло ни одного случая, когда ему понадобилась бы их помощь. Поэтому, эти телохранители стали, скорее, его даром будущим последователям. Они как тень скользили, незримо, за ними повсюду, но не отвлекали и не раздражали их. Хранители призывали их только в моменты особой опасности и нужды.

Когда Нергал закончил строительство нового порядка на Острове, он приступил к конструированию будущего. Он слегка изменил свой изначальный план и создал судьбу не такой строгой, как собирался изначально – это уменьшило число ненужных вопросов и сомнений у его последователей, будущих

Хранителей. Слишком прямолинейная судьба, не затуманенная пеленой времени, выглядела очевидно искусственной, несовместимой с путешествиями во времени и человеческой природой в целом – эту мысль он почерпнул из записей Намтара. Из строгой линии Нергал превратил её в нечто подобное узкому коридору, идя по которому люди обладали мнимой свободой, но не могли избежать каких-то ключевых событий. При этом их частота была достаточно высокой, чтобы иллюзия свободы не вселяла излишней уверенности.

***

Пески пропитывали Остров постепенно, всё ближе подбираясь к людям. Их жизнь постепенно менялась, даже в мельчайших аспектах. Они чувствовали, что перестали быть хозяевами своих тел, что в них живёт что-то ещё, и в полночном бреду нашёптывает им что-то. Со временем, люди заметили, что души тех, кто умирает, словно бы и не покидают этих мест, а продолжают бесцельно скитаться вокруг. А те, кто ещё был жив, становились всё меньше похожими на людей: безвольные, с пустыми глазами, серой кожей и каменными лицами. И эти изменения были достаточно медленными, чтобы долгое время их никто не замечал. Нергал делал это специально, надеясь сломить их волю окончательно. Но в какой-то момент появилось несколько светлых голов – те, кто разглядел в тумане своего сознания что-то светлое, уже почти забытое и потерянное. И все старания Нергала возымели обратный эффект – люди, вернее их часть, воспряли, словно бы очнувшись от глубокого сна. Но они старались не подавать виду – Нергал не должен был догадаться о сопротивлении, пусть и таком условном. Это должно было выглядеть так, будто его план просто срабатывает медленнее, чем задумывалось.

Люди выработали для себя несколько простых правил: во-первых, наибольшее значение имела обычная, земная жизнь. Материальный достаток, сытость и отсутствие болезней – главное, что нужно людям. Сейчас они не могли себе позволить этого, но они понимали, что все их беды из-за сошедших с ума Намтара, а вслед за ним и Нергала (они вообще не видели между ними разницы), которые заботились о каких-то выдуманных категориях, а в итоге делали из людей бестелесных духов. Эта форма жизни – ловушка, погибель для тела и бездна, ненужная свобода для разума. Она недостойна даже упоминания. Поэтому люди стремились удержать души в телах всеми силами и даже умерших хоронили под тяжёлыми полыми каменными плитами, которые, по их идее, должны были удержать душу. Всё это

сопровождалось особыми магическими ритуалами, проводимыми втайне. Они считались единственно возможной защитой от песчаной чумы и злых козней судьбы.

Вторым правилом было табу на жестокость и кровопролитие. Трудно сказать, что это было – следствие покорности людей или их нежелание иметь хоть что-то общее с бесчинствами Нергала, его экспериментами над людьми. Даже разговор о крови в теле человека был под запретом – прозревшие жители Острова возводили неприкосновенность человеческого тела в культ и сознательно отказывались от этих знаний. Слишком уж Нергал извратил саму суть жизни и далеко зашёл в своём противостоянии с природой. Они желали однажды вообще выкинуть из сознания саму идею о том, что человеческое тело поддаётся изменению под воздействием чего-то, вроде Песков. Но это и не значило, что они боялись вида крови – ведь любой человек мог заболеть, мог пораниться или пострадать от рук песчаных чудовищ. Всё это считалось проявлениями болезни и подлежало обязательному лечению и очищению, возвращению тела к исходному состоянию.

Нергал упустил момент, когда внутреннее недовольство и сопротивление переступило черту, после которой не могло не выйти наружу. Он увидел ясность в их глазах и понял, что они задумали. Они коллективно создали идею о бегстве – то, о чём не додумался Намтар. Люди возжелали покинуть Остров. Но Намтар размышлял о более высокой, по его мнению, цели – спасении мира от диктатуры Песков Времени. А жители Острова мечтали о простой и тихой жизни, вроде той, что они знали прежде.

Нергал уловил эти настроения, но чувствовал себя несколько растерянным. Он сделал всё, чтобы укрепить свою власть, обезопасить себя и цикл Великого Преображения. Он умел защищаться, он мог подавить любое восстание. Но сейчас никто не угрожал ему и не нападал на него. Люди лишь с каждым днём были ближе к мысли о том, чтобы просто покинуть это место, бросив его таким, каким он было, безо всякой борьбы. И просто уплыть навстречу новой жизни.

Он усилил охранные патрули, и несколько раз лично посещал Усакар. Нергал пытался убедить людей в том, что океан не имеет конца и любого ждёт там лишь погибель. Бескрайний и жестокий он чуть не поглотил его самого, там совершенно никого и ничего нет. Остров – единственный клочок суши во всём мире, а все они – единственные люди. На руку ему сыграло и то, что жители Острова почти никогда не видели кораблей, экипажи которых он пленил и убивал – создавалась иллюзия того, что он говорит правду. И пусть им было плохо тут, а их жизнь порой походила на кошмар, но они хотя бы были всё ещё живы. А за

пределами Острова – лишь бесконечный серый океан, с его иллюзиями и обманами, несущий только смерть. И все чужаки, которых они когда-либо видели на Острове – это проделки злых духов, миражи и не более того. И на какое-то время, как ему показалось, Нергал смог отбить у людей идею о побеге.

Но это было лишь временным притворством со стороны жителей Усакара. Часть из них действительно пошла на поводу у Нергала и окончательно сдалась. Эта группа людей считала безумцами тех, кто тайно планировал бегство. Но они, как и Нергал, не имели в запасе умения противостоять духу свободы, родившемуся вопреки обстоятельствам. Нергал умел разговаривать лишь на языке жестокости. Но не мог же он просто перебить всех жителей Усакара, ища отступников? И он лишь бессильно наблюдал за тем, как более половины жителей покинули Остров. Вернее, он просто обнаружил это однажды – они ушли тихо и неслышно, под покровом ночи, несмотря на все препятствия и усиленную охрану по всему периметру внешней стены Усакара. И, хотя прошло около двадцати лет со смерти Намтара, среди них были даже жители крепости – высокопоставленные и учёные люди, когда-то бывшие последователями Намтара. Один из его лучших учеников, Зиусудду, рискуя жизнью, претворил в жизнь план побега, неделями скрываясь от патрулей в джунглях и пещерах.

Нергал быстро свыкся с этим происшествием. Он считал, что их наверняка ждёт незавидная судьба или вообще гибель. Он помнил свой опыт. А на Острове остались лишь те, кто полностью и беззаветно подчиняется ему и их-то он уже не упустит. Ни он, ни кто-либо из его последователей. Нергал извлёк урок из своей ошибки и завещал его будущим поколениям.

***

Несмотря на все увещевания и россказни Нергала, люди, бежавшие с Острова, не сгинули и добрались до другой земли. Там они обрели свой новый дом и долгожданную свободу. К этому времени дикари, с нашествием которых столкнулся Нергал, исчезли – кто-то говорил, что они ушли сами, а другие – что их разгромили наголову. Но люди, прибывшие с Острова, не стремились ни на кого нападать, и местные жители встретили их мирно. И даже более того – с радостью, ведь они ещё помнили Нергала и его людей – великих посланников моря. Беглецов приняли за их потомков и пустили на свою землю.

Они называли себя «черноголовыми» [*прим.: самоназвание народа «шумер» (шум. ùĝ saĝ gíg ga)*], по имени Острова, от власти которого они бежали. Несмотря на их желание порвать с

прошлым, другого имени они не могли выдумать. И не желали. Имя их родины было намного старше проклятого Нергала и не считалось чем-то позорным или запретным. Кроме того, они вкладывали в это имя и другой смысл – они подчёркивали свободу своего разума от обманчивого и лживого света Песков. Хотя это было скорее показным протестом – отблески этого свечения ещё долго не покидало их, хотя и угасало со временем.

Беглецы привезли с собой множество знаний и умений. Они обучали местных жителей, делились с ними секретами и навыками. Те вели образ жизни, близкий к кочевому, не имея письменности и традиции единого языка. Именно благодаря этому язык жителей Острова быстро стал для них вторым, а затем и первым. Секрет изготовления бумаги и чернил был утерян, но переселенцы придумали использовать глиняные таблички, которые после нанесения текста высушивались на солнце или обжигались в огне. Символы выдавливались специальными трёхгранными палочками, каламами, и располагались колонками, справа налево. Пески оставили свой отпечаток на этих людях, поэтому они сами называли таблички «материальными мыслями». Всё это невероятно поражало коренных жителей этих мест, лишь укрепляя в их сознании образ наследников Нергала как чрезвычайно одарённых, посланников моря, практически полубогов.

Учение Намтара ещё долгие столетия проявлялось то тут, то там в жизни переселенцев и их потомков. От этого наследия, при всём желании, было невозможно избавиться, и поэтому оно было обезличено. Беглецы постарались извлечь из него лишь всё самое полезное, что могло им пригодиться здесь и сейчас. Например – систему летоисчисления, введённую Намтаром. Медицину, основанную на действии лекарственных трав. Но, из-за их желания уйти от традиции Песков, она была весьма несовершенной, порой даже сомнительной и неэффективной. К тому же, из-за запретности темы крови, люди всё сильнее забывали то, что они знали о человеческом теле и со временем стали считать, что первые люди были рождены из глины. Это было практически единственной сохранившейся памятью о самих Песках, невероятно искажённой и достаточно далёкой от реальности. Со временем это стало просто мифом о сотворении человека богами.

Кроме того, бывшие жители Острова так и не смогли избавиться от навязанной им когда-то веры в незыблемость судьбы, её абсолютную, неодолимую силу. Они сохранили в устной традиции миф о её могучем страже, который охраняет врата вечности и следит за строгим порядком в потоке времени. Его изображали исполином со змеиной головой: никто из них

никогда, в действительности, не встречал Дахаку, не знал его точного имени и уж точно не ассоциировал его с Намтаром. Единственное, с чем они сталкивались, – это посох Нергала, увенчанный головой змеи. Он наводил на всех ужас и со временем стал считаться символом стража. Ходили слухи, что был смельчак, отважившийся читать судьбу, в попытках узнать всё наперёд. Он, якобы, проводил обряд над бездной, у входа в Иркаллу, подземный мир. Этот ритуал зажигал над ним огни и складывал их в узоры, которые он читал подобно словам. Так родилась традиция предсказаний судьбы по звёздам на небе. Учение Намтара было переврано и уничтожено веками кривотолков, ошибок, слухов и сознательного отказа от прошлого. Истории становились легендами, мифами и уже имели мало общего с реальностью. В них терялись имена, а события и места разделялись на несколько разных, не связанных сущностей.

Одной из таких сущностей был Дильмун. Некогда имя крепости и всего Острова (вместо названия «Усаггигкар»), оно стало для людей чем-то вроде утерянного рая, где цвели невообразимой красоты сады; где люди были счастливы и не боялись за свою жизнь – они жили вечно и не знали болезней; где все животные жили в мире и не было слышно даже грозного карканья ворона. Это место было родиной самых первых людей. Долгое время в памяти беглецов сохранялся символ Дильмуна, в своём первозданном значении, не осквернённом Нергалом. Олицетворением этого чудесного края была гора в центре Острова. Когда-то люди боялись её образа, считая, что она притягивает души и что под ней расположена бездна подземного мира мёртвых, где они не могли обрести покой и могли лишь бесконечно скитаться по голым камням. Первые потомки переселенцев называли гору именем Кар. Но со временем сказания разделили её на два образа – вершины, тянущейся к небесам, символу Дильмуна, и бездонной пропасти, погибели для всего живого – Иркаллы. Люди верили, что гора, на которой стояла крепость, была священной (название «Кар» отделилось от неё и стало вторым именем для Иркаллы), и со временем стало принято строить храмы, отдалённо повторявшие её форму. От века к веку они стали приобретать всё более вытянутую форму, словно бы устремляясь к небесам. Их возводили в центре городов – крупных поселений, менявших уклад жизни с кочевого на оседлый. Эти города были ещё одним отголоском воспоминаний о Дильмуне. И они вскоре изменили всю жизнь людей в этой местности. Между руслами двух великих рек, один за другим стали появляться города, объединённые общим языком и традициями. Этот край получил имя Двуречье, которое затем сменилось на Междуречье.

Народы, населявшие эти места, исчезали или смешивались с другими, но, несмотря ни на что, большинство из этих традиций и знаний, преумноженные, но искажённые временем и самими людьми, в том или ином виде дошли до Вавилона, который был основан спустя тысячу лет, и его народа. Со временем он стал частью Персидской Империи и культуры двух народов столкнулись, в очередной раз меняя и переиначивая наследие древних времён.

Эти изменения практически стёрли имена Нергала и Намтара. Как и имя Масгика, деяния которого приписывались при этом одному из величайших и наиболее почитаемых богов – Энлилю – он построил самый первый храм, великую гору Дильмуна (что было правдой, в некотором смысле). Нергал спускался на самое дно Иркаллы и там встретил богиню Эреш, владычицу подземного мира, что даровала ему скрижали судьбы и стала его женой, – так в народной памяти был запечатлён момент, когда Нергал поднимал Перстень Судьбы со дна Бездны с помощью фальшивого медальона. И говорили, что он был не в ладах со своим отцом, что в итоге и привело его в Иркаллу. Его же настоящие деяния оказались забыты, возможно, из-за того, что люди не желали помнить те ужасные годы, полные лишений и безысходности. В легендах Остров был затоплен по воле всё того же Масгика-Энлиля, что обозлился на людей и разочаровался в своём творении. Но смельчак Зиусудра прознал о грядущем бедствии и спас половину жителей Острова, направив их корабли к новым землям. И тогда Масгик-Энлиль спустился в подземное царство, чтобы удержать власть над теми, кто всё ещё был ему подвластен и более не возвращался оттуда.

Намтар же приобрёл в легендах облик мелкого демона, насылавшего болезни. Иногда его звали прислужником судьбы и даже самой Иркаллы (второе имя владычицы Эреш, по названию места, где она правила), но он не отождествлялся со стражем времени. Судьба в верованиях жителей Междуречья приобрела, скорее, обезличенный характер, как некая природная сила, стихия, подобная воде или воздуху.

Имя и роль Дахаки исказились со временем ещё больше. Люди называли его Заххак, а ввиду того, что никто в действительности не встречал его (или встречал, но уже не мог об этом никому рассказать), да и изначально они слабо представляли его роль в управлении судьбой людей, он из чудовища постепенно практически превратился в человека или существо на него очень похожее. Легенды сделали его врагом одного из царей древности, возжелавшим узурпировать его трон. Но царь одолел его армию и приковал Заххака к каменной стене в горной пещере. Никакой связи с Намтаром в легенде не

прослеживалось. Туман времени поглотил дела давно минувших дней и предал их забвению. Однако, взамен старым, народ Междуречья породил новых богов, мифы о которых выросли из обрывков тех самых древних легенд о великих стихиях, восстановить которые было уже невозможно. И лишь спустя три тысячи лет после событий на Острове, в Вавилоне родился Принц, наследник Шахрамана и персидского престола, который прикоснулся к утерянному прошлому в его первозданном виде.

***

На Острове время шло своим чередом. Запущенный Нергалом цикл Великого Преображения медленно, поколение за поколением, претворялся в жизнь. Хранители оберегали Остров от нападений с моря: они старались держать его существование в тайне и жестоко расправлялись с непрошеными гостями. Даже с теми, кто заплывал в эти края случайно. Но, конечно же, не своими руками – армия песчаных монстров лишь разрасталась, и на Острове уже почти не было места для обычных людей – большинство из них умерло от болезней и голода или превратились в чудовищ.

Жителями Острова со временем была предпринята ещё одна попытка бегства – часть людей после первого побега вернулась, чтобы спасти своих близких и друзей. Найдя дом и новую счастливую жизнь, они считали предательством бросать других в беде, обрекая их на вечные муки на Острове. Но было уже слишком поздно – те люди, что остались, уже растеряли почти все остатки человеческого облика, волю к жизни и мало кто был согласен на побег. И на несчастье прибывших гостей, Эреш прознала о происшествии и силой подавила его на корню – выжили буквально единицы, что смогли спастись бегством.

Были и попытки заслать обитателей Острова во внешний мир и основать культ, не связанный напрямую с Островом, чтобы пробросить первые мостки к большой земле и установлению над ними власти Песков, но идея в целом провалилась – слишком слабо было их влияние.

Среди Хранителей были мужчины и женщины, дети и старики – Пески не знали разницы между ними. Подходило любое тело, лишь бы жизни самого Хранителя ничего не угрожало – она была особой ценностью. И пропитывание тела Песками продляло эту жизнь, минимум на пару десятилетий, сохраняя силу и красоту юности. Пески совершенствовались от тела к телу, а сам ритуал не менялся в течение всего времени – Хранители неукоснительно следовали заветам Нергала и редко задавались лишними вопросами. Они лишь накапливали новые знания для

будущих поколений, совершенствовали защиту Острова и покорно следовали за своей судьбой.

Жители крепости становились всё малочисленней, старая часть крепости вообще обезлюдела и начала разрушаться. Когда-то там жила дворцовая охрана, вельможи и высокопоставленные, титулованные персоны, которых со временем почти не стало. Все эти пустые комнаты стали попросту не нужны и пришли в запустение – всё в крепости должно служить своему назначению или должно быть уничтожено.

Так продолжалось около тысячи лет, пока не наступила эпоха последнего Хранителя, которым стала Кайлина. Она готовила себе смену – молодая и смелая Шади – далёкий потомок Вершителя Зулу – должна была стать следующей. Но Кайлина довольно быстро осознала свою исключительность. Её разум был устроен иначе, он как никакой другой был близок к Пескам настолько, насколько это возможно. В её теле была заключена величайшая сила, которую ей лишь предстояло познать. Нергал не оставил никаких указаний для последнего Хранителя, и Кайлина сама должна была определить свою жизнь и свою роль в событиях после завершения Преображения.

Она нарекла себя Императрицей Времени, причём сделала это ещё до заключения Песков в Часы. Кайлина считала себя достойной этого титула по праву рождения и стремилась получить пользу от того дара, которым она обладала. Не только Песок мог влиять на её сознание, но и её разум мог управлять ими. Но это не было похоже на борьбу – это была лишь череда сомнений и удачных идей. Например, она быстро поняла, что ей мало обычных путешествий во времени – это удел простых смертных. Императрица должна обладать умением находиться в нескольких местах одновременно. Она училась расширять своё сознание с помощью потока времени таким образом, что видела одновременно прошлые и будущие события. И она словно бы говорила сама с собой, её сознание не было сосредоточено в одном конкретном моменте. Она собиралась стать сверхсуществом, живущим вне времени и способное менять ход своей судьбы. Зерван – так называл это существо Намтар в своём дневнике, который бережно хранился в её библиотеке. И именно эти новые знания порождали в ней всё больше новых вопросов. Но они же, одновременно, были и ловушкой, отвлекающим маневром. Пески более не нуждались в Хранителе, сразу после завершения Преображения они собирались избавиться от неё. Но, утаивая это, они обещали ей те самые свободу и могущество, к которым она так стремилась. Они внушали ей, что без создания Песков Времени она их так и не получит в полной мере.

Ещё в юности Кайлина чувствовала тягу ко всему новому, доселе невиданному. Она стремилась либо заполучить это, внимательно изучая корабли чужеземцев, с которыми она расправлялась, либо создавать сама. Она продолжила полузабытую традицию боевых школ Острова, пополнив их учением Уби-Нири. Она видела особую красоту в женском начале, утончённом и смертоносном. Новая традиция обучала опасных и непредсказуемых воительниц, прозванных «танцующими с клинками». Они были почти идеальными убийцами – тихими, незаметными, не допускающими ошибок и с особой страстью любивших своё дело. Иногда их ещё называли «нежными убийцами». Хотя мало кто переживал встречу с ними, особенно с теми, кто мог становиться невидимкой с помощью Песков. Их присутствие было не заметнее ветра, а выдавали их лишь оружие в руках и оранжевые светящиеся глаза. Но они умели красться особым образом, в нужный момент закрывая их и идя вслепую, ориентируясь на слух. Они перемещались полуприсев и спрятав оружие за спиной, как можно ниже к земле.

Кроме экспериментов над человеческими существами, начатых ещё Нергалом, Кайлина обратила внимание и на животных Острова, меняя и скрещивая их в поисках идеальных слуг. Так появились каменные псы, а птицы (в основном это были большие чёрные в*о*роны) научились реагировать на чужаков, объединяясь в стаи и атакуя их. В крепости устанавливались статуи диковинных животных, с телом льва (их изображения она часто встречала на кораблях и одеждах чужаков), но с головой и крыльями птицы. Кто-то из отряда Магараджи потом даже утверждал, что во время путешествия на Остров видел это существо живьём, прикованным к полу гигантской цепью. Но было ли это правдой или нет – неизвестно. Увлечение Кайлины диковинными и заморскими животными даже отразилось в том, что она давала особые названия оружию – змеиный меч, паучий меч, меч скорпиона и другие. Она наполняла тела этих животных Песком, выжидала некоторое время и убивала их, заключая преобразившийся за это время Песок в теле оружия. Человек же, бравший такой меч в руки, перенимал его характер, меня свой стиль боя и даже отчасти мышления.

Ещё одним направлением, которое интересовало Кайлину, было создание абсолютно нового типа существ. Их тела были практически нематериальны, они не имели ног и невысоко парили над землёй. Их прозвали Тенями. Но они оказались очень слабы, даже метание кинжалов и чакр требовало от них сильнейшей концентрации, поэтому она применяла их скорее для устрашения. В целом она считала этот эксперимент неудачным –

ей не удалось создать чистые, лишённые обычной материальной формы воплощения Песков. Но всё же Тени были очень полезны для скрытого наблюдения за кем-либо.

Когда Кайлина осознала своё положение, она отодвинула Шади на второй план и сделала начальником охраны Острова, дав ей, при этом, некоторую свободу. Та же, по большому счёту, никогда и не стремилась стать Хранителем и была вполне довольна своей участью. Шади преклонялась перед Эреш, буквально превознося её и в чём-то даже подражая ей, но она скорее видела себя в битве, в сражении с врагами Императрицы и Острова. Шади была последователем сразу двух учений: Ша-Газ и Уби-Нири, сочетая в своём боевом стиле грубую силу и безмерную жестокость с утончённостью и скрытностью. Но, несмотря ни на что, Кайлина рассматривала её как запасной план, если что-то пойдёт не так. Хотя вариант того, что Кайлина погибнет, а Шади будет жива, был очень маловероятен – она должна погибнуть первой, защищая Императрицу.

***

Легенды о загадочном Острове Времени, несмотря на все меры предосторожности, всё равно просочились на большую землю. Даже среди потомков переселенцем Острова находились те, кто уже не знал древних легенд и грезил о вечной жизни, что даруется таинственным Островом – один из царей даже всерьёз пытался отыскать его и Гору Бессмертного (загадочная сущность, природы которой никто не знал), но не имел решительно никаких зацепок. Слухи доходили и через людей, которые чудом добирались до берегов Индии, неделями голодавших и изнывавших от жажды в открытом океане. И однажды эти слухи дошли до ушей молодого индийского Магараджи, который грезил о великих свершениях. Обещания вечной жизни и невероятного могущества манили его в дальнее странствие, практически в неизвестность – ведь никто, толком не знал, где расположен Остров. И, собрав небольшой флот и лучших людей, он отправился в путешествие, по реке выйдя в море и пытаясь следовать нечётким инструкциям выживших путешественников. Впоследствии, сам Магараджа утверждал, что они смогли найти Остров только благодаря тому, что он увидел его во сне. И если бы не он, то им бы пришлось вскоре поворачивать обратно – экспедиция была под угрозой, к концу подходили запасы еды и воды.

К тому времени Остров выглядел уже заброшенным и безжизненным. Кайлина создала своеобразную временную петлю и жила лишь в прошлом, стремясь избежать контакта с внешним

миром. Но такое затворничество не нравилось самим Пескам, и они призвали Магараджу и позволили ему одержать верх над Императрицей. После победы индийцы вывезли основные реликвии Времени с Острова, но, благодаря Аджиту, Магараджа вовремя прозрел, разглядев их опасность, и надёжно спрятал Часы и кинжал в сокровищнице, к великому неудовольствию визиря Амара [*прим.: от индийского имени «Amar», означающего «бессмертный»*], который алчно желал завладеть их силой. Дневник Намтара, который он обнаружил в библиотеке Императрицы, сулил ему необычайное могущество. И тогда Пески запустили в действие другой план, в котором и оказался замешан Принц. Его роль заключалась в похищении Песочных Часов и освобождении Песков, после чего он должен был просто умереть от рук Дахаки. Но вместо этого началась цепочка событий, которая вышла далеко за рамки этого плана. В отчаянном стремлении выжить Принц добрался до Острова и опередил Магараджу во времени, в очередной раз пытаясь изменить ход истории.

Всё это лишь в очередной раз доказывало шаткость и неопределённость судьбы, отсутствие той ясной и чёткой линии, о которой говорил Намтар и которую обещал Нергал. Время оказалось бушующим океаном, охваченным штормом, полным случайностей и смертельных опасностей. И если секунду назад ты был жив и находился в безопасности, то уже в следующую мог пойти ко дну. Как Аджит, что должен был выжить и отправиться в Индию с отрядом Магараджи, но вместо этого сгинул из-за роковой случайности. И как один из Принцев, что обладал Маской и надеждой на второй шанс, но был растерзан Дахакой. Что же абсолютно в этом потоке, что же может служить точкой опоры? И что вообще такое время, если события в нём можно изменить, но свою память о них – нет? Что если это некое место, по которому можно перемещаться, но события, которые удалось изменить или вообще избежать, всё равно лежат где-то неподалёку и, словно горы на горизонте, продолжают напоминать о себе? Или каждый человек живёт в своём времени, имея собственную линию, которая может пересекаться и объединяться с другими, а может расходиться? В таком случае мира в привычном понимании вообще не существует – это лишь множество равновероятных вариантов распределения материи и сознания в пространстве, выстроенных вокруг каждого отдельного человека. И значит ли это тогда, что сознание первично, а всё материальное – лишь следствие его воли?

На все эти вопросы не смог бы ответить ни один Хранитель, проживи он хоть тысячу лет. Ведь даже трёх тысяч лет едва хватило, чтобы эти вопросы просто появились. Сколько времени

потребуется, чтобы их озвучить, а затем отыскать на них ответ? И чьё сознание будет способно вместить такой сложный вопрос? Ведь в масштабах вечности человек просто ничто, мимолётная вспышка. А, между тем, даже целой вечности может не хватить.

Глава 32. Схватка с Судьбой

Скоро Дахака окончательно возьмёт верх надо мной. Кажется, он жил во мне всегда… Кого я обманываю? Впереди только непроглядная тьма и забвение, мир будет рушиться по кусочку, пока полностью не превратится в холодную, бескрайнюю пустоту. Ту, что я чувствую сейчас в своём сердце. Камень крошится и превращается в песок. Вода высыхает или впитывается в землю. Солнечный огонь однажды гаснет и превращается в безжизненный ветер, который не греет – в нём нет жизни. Он волен лишь разбрасывать песчаные вихри по необъятным просторам. Огромная свобода, которая ничего не стоит. А что станет с нами? Мы все станем призраками и уйдём туда, откуда пришли. И останется лишь Время…

Свои последние мгновения я проведу в Саду, в одну из ночей, когда поблизости не будет никакой охраны. Вряд ли я найду в этот раз какие-то ответы. Всё кончено. Что стало с моими мечтами? Моё сердце разъедено и уничтожено Песками, я почти не помню, кто я такой. Кто же я, действительно? Я – пыль, угасшее воспоминание, тень во тьме. Я – безликое никто. И мои последние мгновения перед лицом вечности я проведу в полной безмятежности, не двигаясь с места и не ища выхода. Довольно этого бессмысленного бега, я сделал всё, что мог и не в силах совершить что-то ещё. Моё время ушло, я более не принадлежу себе. Мои ошибки слишком велики, как и мои заблуждения. Я уверовал в то, что и стало для меня орудием казни. Единственное, чему нас учит Песок, единственная правда, что он говорит: нельзя ничему верить. Песок невероятен в своей способности хранить память обо всём, но многое зависит лишь от угла зрения, от собственных эмоций и иллюзий. Последние-то и поглотили меня. Я и сам – иллюзия, выдумка. Я думал, что строю вечность, а в итоге я разрушил мир. Как многое люди делают просто потому что могут! И, притом, совершенно не думая о последствиях!

Сегодня я дописал эти последние строки, а затем устроил тайник в своей библиотеке и оставляю дневник в надёжном месте. Надеюсь, что он его не найдёт…

Дневник Намтара, вырванная страница 2

***

Проследив весь путь Намтара, от самого начала до полного краха, Призрак понял, что несмотря на всю гениальность и продуманность его планов, ему удалось реализовать далеко не

всё. Например, история о неком ключе и тайной двери, за которой расположен механизм уничтожения Острова, приводимый в действие этим же ключом, так и осталась выдуманной. Намтар слишком поспешил сделать запись о них во втором, тайном дневнике. В бессильной злобе, что уже не была чужда ему в последние мгновения его сознательного существования, он разрушил все перекрытия и устройства в Механической Башне, использовав мощь воды бегущих с горы потоков. И именно это стремление, его гнев и осознание того, что он не может довести свой план до конца, и отразились на настоящем медальоне, давая Принцу ложные видения и слишком туманные цели. Разглядеть сквозь них правду было попросту нереально. Можно лишь было уловить общее стремление, что, в общем-то, Принцу и удалось. Просто, в отличие от Призрака, он так никогда и не узнает истинных причин всех этих обстоятельств.

Нергалу так и не удалось восстановить былое величие Механической Башни и работу всех её хитроумных устройств. Ему пришлось наспех сооружать деревянные перекрытия, и по памяти строить механизмы, заставлявшие её работать как раньше. И сколько бы он ни отправлялся в прошлое – он всё ещё не контролировал Намтара-Дахаку и тот раз за разом рушил Башню. Иногда вообще до основания, вместе с внешними стенами. Поэтому Нергал лишь выбрал тот вариант, при котором разрушения были минимальными. Но они всё ещё были существенными. Нергал ещё долго опасался, что Намтар с помощью Аджита припас ещё какой-нибудь неприятный и опасный сюрприз. Ощущение опасности, недосказанности довлело над ним ещё очень долго, но, в итоге, ему так и не удалось продвинуться ни на шаг в этом направлении.

Теперь, когда он докопался до всей правды, у Призрака оставался лишь один вопрос – что дальше? Куда ему направиться? В путешествие, о котором он помышлял в самом начале своего пути? Он знал, чем закончится история Принца, он видел всё это, ведь теперь он не был слеп. Но что же насчёт его собственной истории?

***

Принц совершенно точно знал, что ему делать. Иногда знание, что ждёт тебя впереди, может быть необычайно полезным. Он незамедлительно отправился к алтарю, чтобы с помощью медальона перенестись в тронный зал. На этот раз он не станет повторять ошибку и выманит Кайлину в настоящее. Так Пески никогда не будут созданы, и Дахака потеряет к нему

всякий интерес. Но для этого ему придётся искусно притворяться: Принц будет стараться повторять всё слово в слово, копировать жест за жестом, так, чтобы Императрица вовремя не заподозрила, считав малейшие различия в линии времени, что перед ней, по сути, другой человек. Тот, кому доступны особые знания и кто не совсем тот, кем кажется. А когда она это поймёт – будет уже слишком поздно.

Но мысли Принца по-настоящему занимало нечто другое. Он задавался вопросом – так ли реален Намтар, как ему кажется? Да, безусловно, он создал этот медальон, надёжно его спрятал и он попал, в итоге, в нужные руки. Маска, очевидно, тоже сотворённая Намтаром, дала Принцу второй шанс. Но что дальше? Следы Намтара теряются во тьме, тают в тумане, а странные и загадочные намёки вообще похожи на вымысел. По большому счёту, они не принесли ему никакой пользы, а отчасти даже мешали. Единственная возможная связь с Намтаром и правдой о нём заключалась в Аджите. Но, к сожалению, он погиб, что лишний раз напомнило Принцу о беспощадности Дахаки. Последняя нить оборвалась, лишив его связи с давним прошлым.

Однако Принц многое понял о самом себе. Он научился осознавать себя больше чем человеком, будучи существом, разделённым временем на несколько частей. И, несмотря на их кажущуюся разобщённость, он видел некую связь между собой и своими двойниками. Она была ещё чуть ли не более слабой, чем с Намтаром, но становилась вполне реальной в те моменты, когда каким-то непостижимым образом он, в обличии Песчаного Духа, и Принц-двойник оказывались в одном месте и в одно и то же время. Их судьбы неизбежно соприкасались друг с другом. Настолько, что порой оба путались в происходящем и влияли на решения и мысли друг друга. Принцу было отлично понятно теперь, откуда ему пришла безумная идея выбросить мечи во время переправы. На его мысли повлиял первый Принц-Дух, который смирился с неизбежностью и готов был на отчаянный поступок, подпитываемый только верой. Чтобы победить смерть, он должен был совершенно перестать её бояться и смело шагнуть ей навстречу. Эта же мысль передалась второму, а затем, наверняка, и третьему Принцу-двойнику, который реализовал её по-своему. Значит, это он сам вёл себя к Маске, во тьме пещеры! Просто потому что уже знал этот путь. Он существовал внутри некой петли, которая жила по другим законам, а каждый новый виток наслаивался на предыдущий, раз за разом переписывая события. И всё это вращалось вокруг одной, самой важной, поворотной точки. Раньше Принц считал, что она была расположена где-то в пространственных и временных окрестностях Центрального Зала, в момент смерти одного из

Принцев. Но, кажется, он чуть-чуть ошибался, и эта точка находилась в моменте, когда он одевал Маску и впервые соприкасался с судьбой своего двойника. Вот, что было настоящим истоком, по его мнению.

Перемещение в тронный зал произошло без неожиданностей. И пришло время для игры, притворства.

– Так это ты Императрица?! – взревел Принц, увидев Кайлину, которая проводила обряд около Часов. Он всеми силами старался не спускать маску удивления и враждебности со своего лица, при этом стараясь незаметно изучать реакцию Кайлины. Она действительно была напугана и пройдёт ещё с полминуты, прежде чем она опомнится и соберётся с мыслями. Кажется, её пугал не сам Принц и даже не то, что он своим присутствием доказывал неизбежность судьбы, а то, что ему удалось постичь тайну, недоступную даже ей самой. Он сумел обнаружить на Острове секрет, который доселе никто не находил.

Кайлина швырнула в него кинжал и бросилась бежать. Принц же сделал вид, что бросился за ней и споткнулся, выронив меч. Ему в голову пришла замечательная идея, и он решил, что не стоит тянуть и снова ввязываться в битву с Кайлиной. Если она не купится на этот трюк, то он сможет ненадолго обратить время вспять и попробовать что-либо ещё. Однако ему повезло: Кайлина остановилась и молниеносно бросилась к оброненному Принцем мечу. Ей показалось, что лишить его оружия – отличный шанс заполучить преимущество в неминуемой схватке.

Принц, изображая лёгкую растерянность, поднялся на ноги и стал понемногу отступать от Императрицы. Он давал ей ложную уверенность в том, что она владеет ситуацией. И это ему удалось, она вскоре заговорила:

– Есть только одна правда, Принц: лишь один из нас сможет обмануть сегодня судьбу!

Она бросилась на него, с занесённым над головой мечом. Принц обернулся на кинжал, затем снова посмотрел на Кайлину и бросился к кинжалу. И спустя мгновение он почувствовал, как его движения замедляются, воздух вокруг словно бы густеет и он не может быстро бежать. Медальон позволял ему видеть истину – он был прав, предполагая, что Императрица не ускоряет себя, а лишь замедляет время для него. Но он был способен и не только на это. Медальон мог противостоять Хранителю!

Пробежав несколько шагов и дав Кайлине ложную уверенность в том, что она может воздействовать на него, Принц вдруг резко развернулся и бросился к ней. Один лёгкий прыжок, толчок ногой и вот он уже перемахивает через противника и оказывается за его спиной. Это настолько нарушало её ожидания, что теперь это словно бы Принц замедлял течение

времени для неё! Кайлина лишь успела повернуть голову, когда Принц уже толкнул её в спину, и она упала возле портала к алтарю. Он незамедлительно подбежал к ней, схватил её за руку и приложил медальон к углублению. Там на алтаре он собирался заманить её во временной портал и покончить со всем этим.

Реальность привычно растаяла, но уже через мгновение Принц понял, что не всё идёт в точности по его плану. Он, вместе с Кайлиной очутился не у алтаря, а в каком-то ином месте. Оно казалось ему подозрительно знакомым. Он точно уже бывал здесь, но не мог вспомнить, когда и при каких обстоятельствах. Будь у него время, он обязательно бы вспомнил, но сейчас действовать нужно было решительно: Кайлина опомнилась и уже бежала прочь. Кажется, ей это место было знакомо, и она уверенно направлялась к выходу. Почему она не пользуется преимуществом и не бросается в схватку?

Принц решил, что не стоит медлить и бросился вслед за Кайлиной. Но стоило ему только двинуться с места, как его посетило невероятно странное чувство. Словно бы весь зал сдвинулся вместе с ним. Медальон в его руке при этом налился тяжестью, от него исходило свечение и тепло. И вместе с этим Принц чувствовал, что словно бы касается каждого камня вокруг, видит полёт каждой пылинки. Это место было особенным, его заполняло нечто такое, что подчинялось медальону, вторило его воле. А она, в конечном счёте, исходила от того, кто этим медальоном обладал. Это место очень походило на пузырь, в который он попадал в тюрьме. А, значит, ему вовсе не обязательно искать временной портал. Удача! И, кажется, этот медальон настолько силён, что он может управлять временем даже если не находится на самой границе пузыря. И, совершив усилие мысли, Принц вообразил себе его стенки; то, как они отделяют одну эпоху от другой дрожащей мутной дымкой. И уже спустя секунду Кайлина пересекла эту границу, к своему огромному удивлению оказавшись в настоящем для Принца времени.

Все её страхи подтверждались один за другим. Сначала видения в линии времени, а теперь это. Что, если он вообще не тот, за кого выдаёт себя? Что, если он и есть Аджит? Ведь она никогда не видела лица последнего. Либо тот рассказал ему обо всём и открыл древние секреты, которые были неведомы даже ей. Даже секундного прикосновения было достаточно, чтобы почувствовать силу, которой обладал медальон в руках у Принца. Это определённо была не та же самая безделушка, которую она подсунула ему после сражения с Шади. И то, что она увидела, пусть даже на доли секунды, вновь разожгло пламя её сомнений.

Стоило Принцу на секунду остановиться и осмотреться вокруг, как он понял, наконец, где находится. Убранство зала отличалось от того, что он привык видеть в крепости, от него веяло настоящей древностью, оно было проще и скромнее. Он не придавал этому значения, когда впервые оказался здесь – ему попросту было не с чем сравнивать. Но теперь он понимал, что находится в глубоком прошлом, во временном пузыре, который кто-то поместил в одну из двух гигантских Дозорных Башен на внешнем острове. Принц уже заглядывал сюда, внутрь, когда он с командой ждал вечера, чтобы переправиться к крепости. И стоило ему вспомнить, как выглядели эти башни, как он вдруг по-новому осмыслил видение, что давал ему медальон. Что, если Маска мешала разглядеть ему истинный смысл послания? И он искал ответ не в том месте? Те башни из видения были, на самом деле, не в крепости, а на внешнем кольце Острова! И медальон пытался подсказать ему этот путь…

Теперь он всё понял. Императрица была воплощением Острова, и здесь её будет ждать смерть. И тогда Остров и всё с ним связанное окончательно уйдёт в историю. Но, пожалуй, не стоит недооценивать своего врага и так легкомысленно относиться к предстоящей битве. Ему лучше не пытать удачу в попытках вернуть свой меч, а найти какое-нибудь другое оружие. И, по случаю, он знал, где может это сделать, поэтому он незамедлительно побежал к туманному пятну на стене, которое и было выходом отсюда.

***

Все вопросы у Призрака отпали в один миг. Тот самый, когда он встретил Её. Он не ожидал, никак не предвидел этого события. Скорее всего, потому что и не мог. Он ещё не успел постичь одну бесконечность, как в его мир вторглась другая, делая его несравнимо больше, ещё необъятнее. И если раньше мерой для него был собственный разум, то теперь их было двое и число рождавшихся возможностей и путей бесчисленно множилось. Не было лишь обратного пути – теперь всё изменится. Навсегда.

Она вернулась за Призраком в эту самую точку во времени и пространстве, зная, что найдёт его здесь. Ей было, о чём поведать ему. Ей нужна была помощь Призрака, равно как и ему Её. Их судьбы были переплетены гораздо глубже и замысловатее, чем он представлял раньше. Он до сих не был способен видеть абсолютную истину, до последней крупицы. Раз за разом он продолжал ошибаться и заблуждаться, хоть и меньше, чем до этого. Скорее всего, потому что истина не абсолютна. Можно обладать всеми знаниями мира, мудростью каждой его эпохи и

всё равно оставаться в полном неведении о том, как сложится изменчивый узор событий в следующее мгновение.

И тогда Призрак осознал до конца свою природу: он навсегда останется отражением, ему никогда до конца не избавиться от человеческих категорий мышления, привычек и прочих особенностей. Он может сколь угодно удаляться от всего этого, но связь между прошлым и настоящим, даже вытянувшись в тонкую нить, никогда не порвётся. Как может существовать раздельно то, что является отголоском чего-то другого? Пески желали стать единственной стихией, поглотив все остальные. Но Призрак не собирался повторять эту ошибку. В этом и заключался тот самый баланс, который он искал.

Встретив и выслушав Её, Призрак понял, что путешествие в очередной раз придётся отложить. Возможно, в последний. Она звала его на помощь, и это было действительно необходимо. Круг должен замкнуться, а точка должна быть поставлена. И всё это не могло произойти без него, ведь он – часть этого круга.

***

Кайлина и помыслить не могла, что в попытке спасти свою жизнь и изменить судьбу, Принц зайдёт так далеко. Он сделал то, что оказалось не под силу не только ей самой, но и целой череде Хранителей. Никому из них не удалось разговорить Аджита и выведать у него хоть какую-нибудь тайну. И многие до неё не придавали особого значения его существованию, но она постоянно чувствовала опасность, исходящую от него. Но Кайлина не могла даже представить, каким именно образом эта угроза обретёт свою форму. В лице человека, который ни перед чем не остановится, чтобы спастись от смерти. Кажется, они с ним не такие уж и разные, разве что он явно преуспел больше неё.

Всю свою жизнь она посвятила изучению линии времени, которая тоже была не лишена белых пятен. И её всезнание и сыграло с ней злую шутку – она стала слепа и не могла найти то, что искала. Она догадывалась, что Намтар оставил после себя не только Аджита, но и что-то ещё, какое-то послание или тайное оружие, но ни на шаг не приблизилась к разгадке. И тем любопытнее ей было наблюдать за Принцем. Даже практически ничего не имея при себе, кроме пр*о*клятого медальона, он умудрялся выживать и оборачивать любую ситуацию себе на пользу. Ей стоило пытаться не убить его, а пленить, в надежде, что он, как и Аджит, станет вечным пленником, который будет бессилен принести ей вред.

Когда Кайлина была моложе, она быстро осознала, что является последним Хранителем. Она не могла объяснить этого, она просто была уверена. И она избавилась от последних людей, населявших крепость. Но вместе с этим в ней росли сомнения. Что, если её волей целиком и полностью управляют Пески? Что, если ни одного решения она не приняла самостоятельно? И что станет с ней, когда она закончит Великое Преображение? Её тело было лишь сосудом для Песков – как они обойдутся с ней? Выбросят, как отслуживший своё механизм? И тогда Пески, чтобы отвлечь от лишних мыслей, подбросили ей видение с Принцем, который прибывает на Остров и убивает её. И с каждым днём оно становилось всё более тревожным и осязаемым, лишая её времени и возможности думать о чём-то другом. И вот она уже изо всех сил спешит успеть создать Пески. Успеть до рокового дня.

Но она не успела. Этот день наступил, и враг превосходит её во всём, даже в знании тайн Песков. Ей остаётся лишь бежать, прятаться в надежде, что он не всемогущ. Но это скорее походило на отчаяние, чем на реальный план. Помимо Аджита, Принцу покровительствовал кто-то ещё, тот, чей туманный силуэт она время от времени видела рядом с ним.

– Кто же ты? – спросила она Призрака.

– Человек, что боится смерти, как и ты, – ответил ей Принц, приняв вопрос на свой счёт.

Кайлина не придала значения словам Принца. И окончательно растерялась, увидев рядом с Призраком вторую туманную фигуру.

***

Принц выбежал наружу, но вдруг обнаружил, что медальон продолжает тянуть пузырь за собой и тот медленно покидает зал в подножии башни и шлейфом тянется за ним. Сквозь его мутную пелену Принц видел, как Кайлина взбегает вверх прямо по воздуху. Очевидно, это трюк вроде того, что проделывала Шади в Центральном Зале. Каким-то образом она умела ненадолго превращать Песок в опору, твёрдую поверхность. Кайлина, наверняка, рассчитывала, что Принцу это будет не под силу, и она сможет скрыться от него.

Но Принц не собирался сдаваться, надеясь придумать какой-нибудь выход. Сначала он побежал к тому месту, где день назад видел ржавый меч. Но с каждым своим шагом он всё сильнее замечал, что пузырь, который тянется за ним, меняет всё вокруг, как бы возвращая в далёкое прошлое. Воды залива отступали прочь, и Принц бежал по сухой, каменистой земле, на которой

башни были построены изначально. А вот и меч! Но и он не был похож на виденный Принцем ранее. Его лезвие поблёскивало на солнце, а рукоять была обмотана новой кожей. Он выглядел таким, каким он казался Принцу, когда тот погружал его в воду. Тогда он решил, что это просто странная, необъяснимая иллюзия. Теперь же он нашёл способ вырвать клинок из лап времени! И стоило ему взять его в руки, как медальон заговорил с Принцем, буквально загудев в его голове. Снова этот зов! Из нового видения тот понял, что это не самый обычный меч и медальон не случайно привёл его именно в это место. Клинок был каким-то непостижимым образом связан с океаном и его великой, но спящей силой. Словно бы всё его могущество было заключено в этом мече, и Принц пробудил его от долгой спячки. И это оружие обладало такой силой, что было способно противостоять Пескам Времени! Тот самый недостающий элемент, который он видел на статуе.

Выходит, план Намтара всё же существовал? Трудный, практически непостижимый, но невероятно продуманный, он привёл Принца к этому моменту. И теперь он во всеоружии может сразиться с судьбой, одолев её, наконец.

Подбежав к тому месту, где Кайлина сбежала от него, Принц обнаружил, что внутри пузыря он видит древние ступени. Он по-прежнему менял всё вокруг себя, возвращая в далёкое прошлое, в котором лестница наверх ещё не была разрушена. Воспользовавшись удачей в очередной раз, Принц взбежал наверх и обнаружил на широком и вытянутым, как язык, балконе, Кайлину. Он повелел медальону вобрать пузырь в себя. Он более был не нужен Принцу – бежать Императрице было некуда.

Но вдруг он услышал голос медальона ещё раз. Тот призывал его не убивать Кайлину. Вернее, он говорил, что это не совсем верное предназначение для этого меча. Он не для того проделал весь этот путь. И, может быть, говорил даже не сам медальон, а на сей раз меч в его правой руке! Его сила была предназначена для чего-то более важного. И Принц вспомнил, что он и в самом деле не желал изначально Кайлине смерти. Его озлобили вечный страх смерти и сама ситуация между ними, её неразрешимость.

– Кто же ты? – услышал он её вопрос.

– Человек, что боится смерти, как и ты, – ответил ей Принц. И, подумав, добавил: – Я не хочу убивать тебя! Мы с тобой очень похожи! Должен быть другой путь!

Кайлина как-то странно отреагировала на слова Принца, смотря куда-то в сторону. И уже через мгновение он понял, куда именно. Послышались грузные шаги, воздух задрожал и по нему растёкся холод. Цвета вокруг померкли и ужас вновь начал пропитывать Принца. В этот раз он боялся не столько самого

Дахаки, сколько чувства бессилия. Он попросту не понимал, почему тот преследует его сейчас. Ведь он вытянул Кайлину из прошлого и Пески Времени так и не были созданы! Всё это не имело никакого смысла, и Принц чувствовал, что не может даже пошевелиться.

Дахака подошёл к нему и оттолкнул прочь. Просто потому что Принц стоял у него на пути. Он отлетел в сторону, перекатился и встал на ноги.

«Он пришёл не за мной. Кайлина не принадлежит этому времени, её судьбой было умереть в прошлом, и зверь здесь, чтобы решить эту проблему!», – подумал Принц.

Он увидел едва заметное свечение на острие меча и его голову посетила смелая, даже безумная идея. Трудно сказать, что именно двигало им в этот момент. Скорее всего, мысль о том, что иного момента может не представиться. И о том, что если он спасёт Кайлину, то навсегда убедит её в существовании иного пути, в том, что он не желает ей смерти. Всё это время он шёл к пониманию того, что сочувствует ей, как никто понимая её проблему. Им не изменить свою судьбу по отдельности. Лишь вместе они на что-то способны. Но для этого придётся рискнуть. Рискнуть всем. И Принц решился на поступок ещё более отчаянный, чем выбрасывание оружия и надевание Маски.

– Оставь её! – прокричал Принц, скорее для храбрости, и на бегу рубанул мечом одно из щупалец Дахаки, которыми он поднял над землёй свою жертву. После этого Кайлина упала, освободившись от смертельной хватки. Она быстро пришла в себя и убежала за спину зверю. Она собралась, было, бежать, но увидела невероятное: Принц на равных сражался с чудовищем! С самим великим и ужасным Дахакой, стражем времени, которого она никогда до этого не видела своими глазами.

Принц был буквально окрылён своей удачей. Меч, кажется, защищает его от зверя, что разозлился не на шутку – его глаза вскипали красным светом, и он забыл об Императрице. Кроме того, меч действительно причиняет Дахаке боль, и Принц может отомстить своему обидчику – чудовище теперь не сможет разделаться с ним просто так и исход битвы, наконец-то, не предрешён!

Теперь всё в голове Принца наконец-то сложилось в единую стройную картину. Ему была понятна связь между мечом, водой и Дахакой. Меч специально был создан для того, чтобы противостоять ему, ведь вода – единственное, что причиняло ему боль. Намтар знал это, но намеренно хранил в секрете. Ведь, окажись эти знания не в тех руках, меч мог быть найден и уничтожен! И тогда уже ничто и никто бы не помешали Дахаке вершить справедливость от лица Песков Времени. План Намтара

же заключался в том, что всегда должен быть шанс, всегда должна оставаться последняя, самая отчаянная попытка.

Единственное, что мешало Принцу – это странные видения, в которых он сражался не с Дахакой, а с Кайлиной. И неизбежно убивал её, вопреки своему желанию. Словно бы в нём боролись два начала. Возможно, так влиял на него Дахака, будучи не в силах убить его как любого другого врага. Он продолжал подталкивать Принца к мысли о неизбежности судьбы, её неотвратимости. Но меч в руке Принца придавал ему невероятную уверенность, он мог отличить правду от вымысла, пустого видения и продолжал биться ради своей цели. Ещё никогда он не был так близко к ней.

Но даже несмотря на могущественное оружие в руке Принца, его противник был по-прежнему смертельно опасен. Атаки чудовища были стремительными и мощными, град ударов сыпался на Принца и он еле успевал уворачиваться и отбиваться от них. Ему нужно было как-то перехватить инициативу, но враг был ему, на сей раз, не по зубам. Да, меч ранил Дахаку, но Принц никак не мог подобраться к нему ближе, чтобы нанести серьёзный, сильный удар. И тогда он решился попробовать одну безумную идею. Он сконцентрировался, насколько это было возможно, на медальоне и замедлил время. Сработало! Даже Дахака не в силах противиться могуществу Песков Времени! Не теряя ни секунды, Принц скользнул мимо чудовища, нырнув под занесённую для очередного удара огромную чёрную руку, и нанёс удар по ноге Дахаки. Спустя пару секунд последовала медленная реакция – чудовище издало рык от боли, а Принц тем временем претворил в жизнь вторую часть своего безумного плана. Он посмотрел на Кайлину, кивнул ей и, сорвав с шеи, бросил медальон.

То, что ещё совсем недавно могло показаться безумием – отдать настоящий медальон Хранителю! – сейчас было единственно верным решением. Кайлина справится с его могуществом и теми знаниями, что он открывает. Только она сможет воспользоваться им и помочь Принцу. Лишь бы она сделала это вовремя. Счёт шёл на секунды. Судьбоносные мгновения, в которых сплелись воедино самые невероятные и противоречивые обстоятельства. Кто бы мог ещё недавно подумать о том, что Принц будет биться со стражем судьбы, рука об руку с Императрицей Времени?

Для Кайлины эти мгновения развернулись в бесконечность. Она едва успела осознать то, что Принц спас её из лап чудовища, в одно мгновение перечеркнув все её цели и заблуждения, как он уже преподнёс ей новый сюрприз! Великий дар, что всё это время был спрятан где-то на Острове, наконец-то попал к ней в руки.

Найди она его раньше, и её могуществу не было бы границ. Но теперь она не спешила воспользоваться им для достижения старых целей. Она открыла свой разум, услышала голос медальона и пелена пала с её глаз. Она увидела Масгика и рождение Острова, увидела бесконечность вариантов судьбы, множество других сценариев своей жизни. Без Перстня и вдали от Песков её видения были особенно яркими и чёткими. Затем, в самом конце этой яркой вспышки в её сознании, она увидела то же самое, что и Принц – две высящиеся башни и обязательный крах Острова. Но для этого не обязательно было низводить его в морскую пучину. Намтар проложил путь, который Принцу удалось отыскать. И он был в одном шаге от его завершения – ей нужно лишь помочь ему. Он уже столько раз спасал ей жизнь, а она была слепа и верила в ложь, подбрасываемую ей Песками, не придавая значения этим поступкам. Пришло время вернуть долг. И завершить путь Намтара, убив паразита, когда-то захватившего его тело и превратившего его в чудовище.

Кайлина прислушалась к медальону ещё раз и ощутила огромную силу, заточённую в нём – пузырь, что был втянут в него, казался сильнее любого вихря, если его вновь выпустить наружу, не сдерживая и не ограничивая его. А если она направит его в зверя…

Больше ни единой секунды промедления!

– Прочь! – крикнула Кайлина Принцу.

Тот моментально среагировал и сразу же отпрыгнул в сторону. Через секунду медальон в руках Кайлины испустил мощный поток энергии, что ударил в спину зверю. Тот опустился на колено после удара Принца и не был готов ещё к одному. Силой луча его отбросило на край балкона, он раскрошил перила и повис на краю. Принц мгновенно воспользовался этим и, подбежав к раненому зверю, вонзил острие меча прямо ему в голову и несколько раз дёрнул им из стороны в сторону, чтобы прикончить его. По телу чудовища пробежала дрожь и оно соскользнуло вниз.

Упав в воду, Дахака издал дикий вопль боли. Над гладью взметнулось огромное чёрное облако, вихрь закрыл половину неба. Огромная фигура Дахаки высилась над Принцем. Но она была лишь видением, последнее воплощение его грозного, но уже бессильного гнева. Зверь умирал и через мгновение всё закончилось. Чёрный туман исчез, а тело гиганта рухнуло и исчезло под толщей воды.

Принц не верил своим глазам, не мог примириться с произошедшим. Он опустился на колени, упершись лбом в рукоятку меча и тяжело дышал. Кайлина подошла к нему со спины и встала рядом. С минуту оба молчали и ничего не

предпринимали. Им казалось, что сейчас мир заполнился тишиной, которой он никогда ещё слышал. Настолько сильной, что они могли слышать мысли друг друга. Неизвестно, насколько это было правдой, но они сходились:

«Мне удалось обмануть судьбу! Неужели это и вправду возможно?»

Намтар вряд ли рассчитывал на такое примирение и не смел даже надеяться на прозрение Хранителя. Но Принцу удалось взглянуть на всё это под иным углом, он увидел единственно верный путь и смог одолеть судьбу в этой безжалостной схватке.

Кайлина впервые в жизни почувствовала свободу. Вся её власть, всё её могущество не давали ей этого чувства. Пески более не властны над ней, не диктуют ей свою волю и не подбрасывают лживых видений. Нити будущего бессчётными пучками разбегались в разные стороны. И эта неопределённость её успокаивала и даже радовала.

– Спасибо, – сказала она Принцу и протянула ему медальон. Ей он уже был не нужен.

Принц молча поднял взгляд, протянул руку и взял его. Прошло ещё с полминуты, прежде чем он спросил:

– Что теперь? Ты же не станешь отрицать, что всё кончено?

– Мне нужно побыть вдали от этого места, – ответила Кайлина. – Слишком велики перемены, чтобы вот так, быстро, ответить. Я с радостью отправилась бы с тобой в Вавилон, если ты сможешь обещать, что там я буду в безопасности.

Последние слова Кайлина говорила, смотря не на Принца, а куда-то мимо него. На две фигуры, что стояли чуть поодаль. Таинственный покровитель Принца оказался скорее сторонним наблюдателем, чем его настоящим помощником. Но Призраку и его спутнице было о чём поведать Кайлине перед тем, как те покинут Остров.

***

Призрак задумался о Намтаре [*прим.: от шумерского «namtar» – «судьба»*]. Его путь был завершён, спустя тысячи лет жизни в обличии зверя. И этот путь он построил сам, разве что Нергал непреднамеренно подсказал ему идею о создании оружия против себя самого. Меч резал его плоть точно так же, как и стена воды отделяла Дахаку от порталов до его полного превращения. Когда Намтар осознал все свои ошибки, он создал или хотя бы постарался создать нечто в противовес каждой из своих ошибок. Перстень, что показывал ложную судьбу и склонял к ней, уравновешивался Маской, что скрывала любого от взора судьбы. Кинжал породил Дахаку, а меч убил его. А тайный

дневник затмевал все мысли и заблуждения из первого. Ложный же медальон сбивал Хранителей с пути, который он когда-то открыл с помощью истинного. Разве что, его идея с чудесным ключом, что вёл за дверь, где был спрятан механизм для разрушения Острова, провалилась. Но он смог показать, что не существует единственно верного пути и судьба – это, по большей части, выдумка. И потому в какой-то момент путь, проложенный им, словно бы обрывался – Принц очутился в пузыре, который был своего рода пустышкой. Он никуда не вёл, никак не проявлял себя. Он лишь хранил отголосок прошлого и тот, кто его нашёл, должен был сам выбрать, как воспользоваться им.

Пузыри родились во времена первых опытов Намтара с временными порталами, были их незаконченной версией. Поначалу он отбросил их и забыл о них. Но затем увидел их особый потенциал и поместил пузыри в самых нужных местах на Острове – в темнице Аджита и неподалёку от надёжно спрятанного меча. Пузырь в основании Дозорной Башни подпитывался Песками прямиком от Часов – он понемногу просачивался через тайный ход, о котором до сегодняшнего дня никто не знал.

***

Кайлина не могла оставаться на Острове. И даже вовсе не оттого, что поведал ей Призрак. Человеческое начало победило в ней и взяло верх над Песками. Она поняла, что вся её жизнь была пустой, Пески просто использовали её как сосуд. И теперь Остров был ей противен, в нахождении здесь не было никакого смысла. Предназначение Хранителя теперь изменилось, и она должна была беречь Пески от соприкосновения с миром. Прожить тысячи жизней и не допустить повторения той катастрофы, что Принц однажды устроил. Вот только путь её будет не из лёгких. Теперь вместо слепого следования судьбе, ей предстоит сделать выбор, причём не единожды, и самой определить будущее.

Они вместе с Принцем вернулись на Остров, где стояла крепость, и Кайлина навсегда погасила все временные порталы. Пришло время избавиться от наследия и закончить всё, что было начато Песками. С помощью кинжала Кайлина выпустила их из Часов, и они вернулись обратно в Бездну. Вместе с Принцем они смогли сделать так, что однажды она будет затоплена водой, бегущей с гор, и уже никогда не восстановит свои силы. Кинжал же уничтожить было невозможно, и поэтому Кайлина разделила его надвое – без Перстня им всё равно никто не сможет воспользоваться. Кроме того, она уничтожила стражу крепости, превратив её в пыль, что вскоре развеял ветер. И затем отвела

Принца в тайную бухту, где у причала стояло небольшое судёнышко – оно вполне годилось для обратного путешествия.

Принц надеялся, что им удастся отыскать или догнать команду, но боялся, что прошло уже слишком много времени. Хотя он был в любом случае очень рад, что кто-то из членов экипажа выжил. А Хараз оказался навечно заперт в далёком прошлом – это та судьба, которой он заслужил. Оказалось, что Кайлина действительно не лгала Принцу на его счёт – он был предателем. Искусным и подлым лжецом, кого ослепили Пески и их могущество, пусть он лишь слышал о них только на словах, не видев их в действии. Он организовал путешествие только ради того, чтобы обрести небывалое могущество и захватить власть в Вавилоне. Это удивило Принца, но на этот раз у него не было причин не верить Кайлине – она больше не та, кого называли Императрицей Времени. И ему следовало бы даже поблагодарить её за такую услугу.

– Помимо безумия, впрочем, он открыл в себе ещё кое-что. Ему стали доступны сострадание и взаимопомощь. Просто, его разум стал настолько чист, что эти простые вещи стали открытием для него, – сказала Кайлина. Впрочем, Принц несколько сомневался, знакомы ли эти чувства ей самой. Так что она наверняка вкладывала в эти понятия какой-то свой смысл.

Теперь им предстояло проделать обратный путь. Принц неплохо справлялся с небольшим кораблём и оказался в состоянии сориентироваться по звёздам, выбирая верное направление. Но даже прохладный ночной бриз не был способен отогнать от него тревожные мысли и всё то, что он узнал о Песках. Они казались ему лишними, даже несмотря на свою привлекательность.

Могли ли быть Пески полезными миру? Ведь с их помощью можно предотвращать войны, трагедии и различные катастрофы. Но риски были слишком велики. Такая власть обязательно соблазнила бы кого-нибудь. Он должен был избавиться от них.

– Эти знания тяготят меня, – сказал Принц Кайлине на четвёртый день их путешествия. – Я не хочу слышать этот странный голос в своей голове!

– Всё дело в медальоне. Он поддерживает твою память. Избавься от медальона, вложив в него перед этим всё лишнее, – подсказала ему решение Кайлина. – Получится так, что ты запечатаешь эти знания в нём.

Именно так Принц и поступил. Теперь всё в прошлом и он может просто отпустить эти воспоминания. Утопить на дне океана, там где никто его не найдёт, как бы сильно ни взывал к чьему-то разуму.

Выбросив медальон, Принц ощутил, наконец-то лёгкость. В его разуме зазвучала приятная пустота, а в душе нашлось место для покоя. Лишь одно чувство было новым и странным – он настолько изменил мир, не дав свершиться грандиозным цепочкам событий, что ощущал, будто бы попал в совершенно другую реальность. Мир, в котором он когда-то жил, более не существовал. Но сам Принц продолжал существовать и ему в голову волнами накатывали мысли и воспоминания той жизни, которую он не проживал. Иначе сложилось его детство, отношения с отцом и судьба всей Персии. И без медальона Принц, порой, путал, где же заканчивалась одна реальность и начиналась другая. Каждый день он открывал для себя что-то новое, то, чего не было в другом варианте его жизни. Но он был уверен, что справится с этим, вопреки всему.

***

До рассвета ещё далеко. Всё небо было усеяно звёздами. Крупными яркими точками на чёрном полотне; белые и холодные, они как миллионы глаз, наблюдали за каждым его шагом. А прохладный, но приятный ветер давал ощущение жизни и умиротворённости.

Принц трижды измерил шагами лодку. Скрип досок, смешиваясь со всплесками воды, разносился над морской гладью как крик одинокой чайки, потерявшейся в бесконечности морских просторов. Сон взбудоражил сознание Принца – он не мог найти себе места. В его воображении всплывали страшные картины: он один на один со своим страхом, с ужасом. Он не отступит, ибо уже некуда. Мутнеющий рассудок. Шум в ушах. Холодно…

Раз за разом сон всплывал в его сознании. Подчас он казался ему реальным. Потом – полным бредом. Всё кончено. Или нет? Где же правда?

Чепуха! Простой кошмар. Единственное воспоминание из другой реальности, которое никак не хотело покидать его – столь сильным оно было. Скорее всего, дело было в том, что Принц до сих пор не мог поверить в произошедшее. Он не просто изменил свою судьбу, он решил проблему самым радикальным способом – убил ужасного и могущественного стража судьбы, что охранял её от любых посягательств. К тому же, всё произошло так быстро, что он просто и не успел поверить в это. Принц проделал длинный, витиеватый и совершенно неочевидный путь и нашёл ту самую, нужную дверь, после чего события начали происходить с головокружительной скоростью.

Принц стоял у борта и всматривался вдаль. Ничего не видно – на небе не было луны из-за огромной тучи, что поглотила её. Он посмотрел вниз, на воду, туда, где волны били о борт, привнося хоть что-то в эту неестественную тишину. Принц жадно втянул воздух. А затем с наслаждением выдохнул. Опять спокойствие и умиротворённость. И необычайно большая и яркая луна вдруг выглянула из-за тучи.

Принц камнем рухнул в койку и провалился в глубокий сон. Опять темно. Светло. Чьи-то шаги, смех. Темно и светло одновременно. Бред. Отчаяние. Бесконечность. Забытье…

Яркое солнце пробивалось сквозь щели в досках. Оно было уже высоко, когда Принц вышел на палубу: картина неописуемой красоты предстала его взору: бесконечная морская гладь, солнце играло всевозможными цветами и отражалось от воды миллионами бликов. Над кораблём было чистое голубое небо, без единого облачка. Только яркое, очень яркое солнце. Чувство бесконечности. И маленькое судно прокладывает свой беззаботный путь сквозь неё. Дул приятный тёплый ветерок.

– Ты плохо спал сегодня. Я всё слышала, – сказала Кайлина.

– Удивительно, что вообще спал. Даже сейчас мне кажется, что он преследует меня… нас… по пятам.

И опять молчание. Принц смотрел в её глаза. Они были как бескрайнее море, по которому они плыли. В них жила вечность – огромная, неповоротливая и холодная. Но Кайлина смогла победить её, обуздать её могущество. Вот только Принц так и не смог понять, кто же перед ним. Кайлина определённо не была ему врагом, но она словно бы не принадлежала этому миру.

– Кто же ты? – чуть слышно спросил Принц.

– А кто ты? Раньше я думала, что знаю всё о людях, могу видеть их судьбы, – дрожащим голосом отвечала ему Кайлина.

Потом её голос надломился. Что-то новое входило и в её жизнь. Какое-то потрясение, открытие, новый… нет, множество новых миров. Они открылись ей в одно мгновение, но, кажется, она узнавала их понемногу всю свою жизнь, и только теперь нашла нужный ключ и отперла все двери.

Она продолжила:

– Я видела твою судьбу. Она переплеталась с моей. Но всё, что произошло, начисто отрицает виденное мною. Будто это был розыгрыш, чья-то игра. Мираж, видение, обман. Я оказалась жертвой чужого плана, который не считается с жизнью человека, его нуждами и надеждами. Я, как и ты, – выброшенный на обочину пережиток прошлого, что давно отслужил своё. И ровным счётом ничто не предвещало этой победы! Мы оба так и должны были кануть в небытие.

Принц молчал и не знал, что ответить. Он понимал, о чём она говорит, какой силы её любопытство – такой, что не даёт спать ночами. Но он просто не знал, что можно сказать. Выслушав Кайлину, он и сам задумался. Она породила в нём кучу новых вопросов. Причём, один цеплялся за другой, вытекал из него. Целый поток вопросов, как река: каждая капля неразрывно связана с сотнями других, и все текут в одном направлении.

Он подошёл к борту судна и всмотрелся вдаль. Его мысль летела над бесконечностью морской глади подобно горящей стреле ночью – пока она летит над водой, она горит, как маленький фонарик освещает хоть что-то, отбирает у тьмы крохи светлой истины, но, упав, она потухнет навсегда.

– Что же будет дальше? – спросил он у Кайлины, но отправил свой вопрос куда-то в пустоту, не поворачиваясь к ней.

Возможно, иногда стоит задавать вопросы бесконечности. Нет, она не ответит, не выслушает, и, скорее всего, даже эхом не повторит твой вопрос. Но она вольётся в тебя, изменит тебя самого, пожалуй, на мгновение, но этого может хватить. А потом уйдёт восвояси, оставив наедине с правдой. Лишь только в этой невероятной, глубокой тишине он мог услышать её слабый, едва различимый шёпот.

Принц смерил взглядом всё величие и силу стихии, окружавшей их. Их и маленькое судёнышко. Оно терялось в этой бездне и, одновременно, было единственным, за что мог уцепиться взгляд, взгляд со стороны. Уцепиться так, как висящий над пропастью цепляется за любую корягу, неровность или даже просто воздух.

Казалось, кто-то свыше дописывает последние страницы его жизни. Последние не потому, что после них смерть, а потому что после них – новая жизнь. Но последние страницы это не последняя точка. А она могла бы перевесить всё, что написано раньше. Жаль, что подобных весов не существует – весов правды, которые всегда покажут истинную меру того, что лежит на их чашах.

И эту самую точку поставить никто не решался. Ни он, ни она – Кайлина так и не ответила на вопрос Принца. Может быть, они оба боялись. Или же, наоборот, радовались этой неопределённости, после того, как всю свою жизнь они убегали от судьбы. А может, ещё не пришло время. Время может идти медленнее их судна и отставать на несколько дней пути, а может идти вровень или даже опережать его. Оно ни от чего и ни от кого не зависит. А люди зависят. Или хотят зависеть, боясь сделать выбор и поставить точку

2007–2020